

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

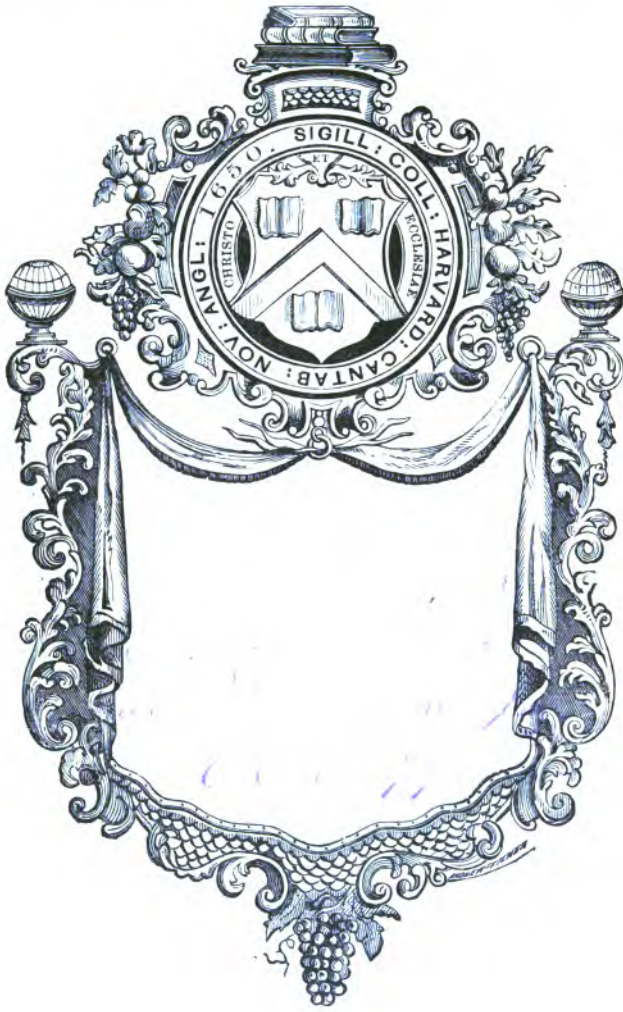
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

1

2

ВЪСТѢЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЯЩЕ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

№ 62/610

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1875.

	Стр.
I.—ХАЙДЪВКА.—Полѣсть.—А. А. Потѣхина	5
II.—ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-1846.—VIII-X.—В. А. Попова	100
III.—ПО БЕРЕГУ МОРЯ.—Легенда.—И. З. Сурикова	150
IV.—ПЬЕРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья первая.—I-IV.—Д—евъ	154
V.—ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ.—Путевые очерки.—Овончаніе.—И. Н. Каразина	186
VI.—ГРИБОВОДОВСКАЯ МОСКВА, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.— 1812-1818 гг.—1816-й годъ.—М. П. Свистуновой	230
VII.—ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ.—Романъ, соч. Эм. Золя.—Книга третья и по- слѣдняя.—А. Э.	271
VIII.—ХРОНИКА. — РЕФОРМА КРЕДИТНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ.—И. И. Кауфмана	365
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ вышней росписи. — Отчетъ контроля за 1873 годъ.— Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверх- сметныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избіеніе адвока- товъ г. Марковимъ, по избіеніи литераторовъ г-ми Катковимъ и Леонтьевимъ.	400
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Депеша англійскаго правительства объ опре- дѣленіи законовъ войны.—Два парламентскихъ избранія.—Слухи объ удале- ніи германскаго канцлера.—Статистика политической репрессіи Германіи.— Сессія французскаго собранія.—Конституціонные законы.—Соглашеніе цент- ровъ.—Установленіе республики	423
XI.—НОВЫЙ АКАДЕМИКЪ.—По поводу приѣма А. Дюма-сына во Французскую Ака- демію.—Письмо въ Редакцію.—Э.	441
XII.—ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	460
XIII.—ВИДЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. —	

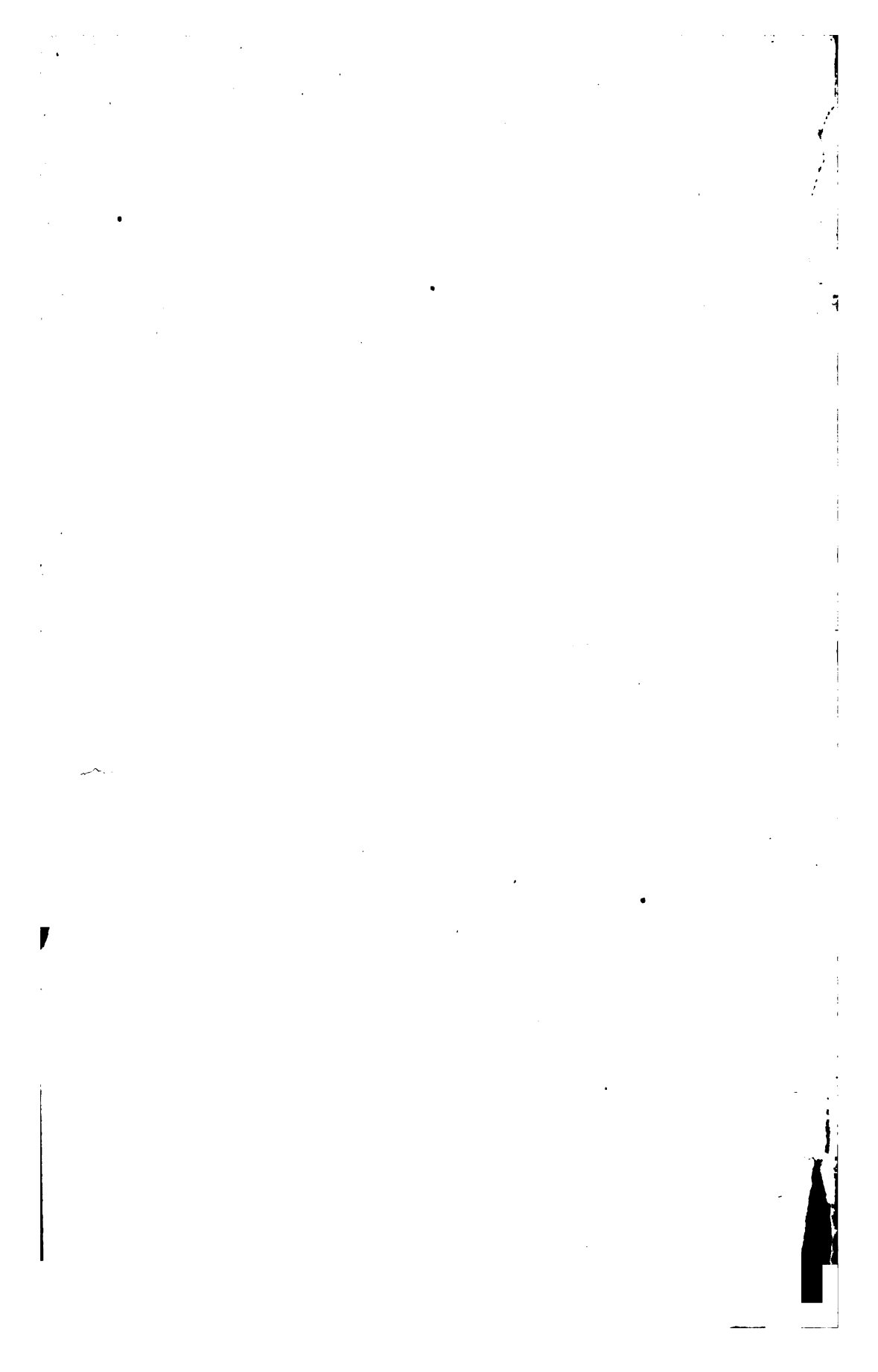
ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XXII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., и объ особомъ изданіи
той же редакціею второго тома „Года“, истор.-полит. обзоръи 1873—74 гг., см. ниже.

Объявленіе о четырехъ первыхъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя
сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и В. А. Жу-
ковскаго—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XXII.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочкѣ,
№ 9.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

P Slav 176.25

~~137.26~~

~~Slav 90.2~~

1879, Oct. 6,
Gift of
Eugene Schulzer,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

(120)

ХАЙ-ДѢВКА

ПОВѢСТЬ.

I.

У богатаго торговаго крестьянина деревни Барашихи, Дмитрія Петрова, единственная дочь, Татьяна, года два уже считается невѣстой. Не налюбуется на нее досыта вся деревенская молодежь. Рѣдко задаются такіа дѣвки: высокая, коренастая, здоровая, сильная — сейчасъ видно, что не заморышь, не на однихъ пустыхъ щахъ выросла, а что ей не въ диковинку ни пирогъ съ начинкой, ни баранина. Румянецъ у Татьяны во всю щеку, коса на спинѣ ниже пояса, лицо гладкое, широкое, какъ булка сдобная, правда, пестритъ лѣтомъ отъ веснушекъ, да это не въ зазоръ красѣ дѣвичьей; глаза хоть и маленькіе, и сердитые, зато, бѣда, какіе юркіе: смѣлые, бойкіе, и брови надъ ними дугой, точно нарисованныя. На языкъ Татьяна куда востра: какой бы ни былъ парень ловкій, разухабистый, хоть бы питерець, а на словахъ ее не собьѣтъ и въ краску не вгонить: сама всякаго по восточкамъ переберетъ и на смѣхъ подниметъ. А если кто изъ парней, залюбовавшись на ея красу дѣвичью, на грудь высокую, богатырскую, по мужицкой привычѣ, рукамъ волю дастъ, того такъ на-отмашь огрѣетъ, что твой добрый сотскій, или староста: въ другой разъ не присунется. Веселье да смѣхъ Татьяна точно носила съ собой: куда ни придетъ, тамъ и смѣхъ, и прибаутки, и пѣсни, и пляска пойдутъ. А какъ нарядится въ праздничный день: влететъ въ косу ленту цвѣтную, надѣнетъ рубаш-

ку кисейную, сарафанъ шелковый, еще бабушкинъ, да башмачки сафьянные красные, такъ парни за ней, точно стая на сворѣ, такъ и бѣгають; пойдеть въ хороводъ, никто лучше ея голосомъ не выведеть; пѣсни играть вздумаетъ: откуда что берется! и старья всѣ знаетъ, и новья выдумываетъ: такія отхватываетъ, что и женатые, и старики даже сойдутся иной разъ смотрѣть да слушать, и только въ бороду себѣ посмѣиваются; на качеляхъ качаться начнетъ, такъ этакой смѣлости да силы не у всякаго и парня станетъ: смотрѣть духъ захватываетъ, того и жди, что черезъ перекладину перелетить, или веревка лопнетъ: только скрипъ идетъ, да красные башмачки сверкають въ воздухѣ. Вся деревня Танюхой любовалась и хвастала, на всю округу слава про нея прошла: даже изъ чужихъ деревень парни ходили, о праздникахъ, только посмотрѣть на нее, и нарочно дружбу заводили съ барашихинскими ребятами, чтобы въ кругъ пускали: съ Танюхой пойтъ да походить. И то чудное дѣло: всѣ Татьяну знали, всѣ про нее говорили, всѣ ея ней льнули, а не любили ее; ужъ очень она языкомъ ехидна была и нравомъ задорлива, супротивна: всякаго просмѣетъ, прозубоскалитъ, все про всѣхъ знаетъ и на язычокъ свой подхватитъ, нивому не поступится, а ужъ коли въ брань дѣло пойдеть, лучше и не вступайся: безъ ножа зарѣжетъ, на всю жизнь просмѣетъ, такую мѣтку положить, что такъ съ ней и останешься, и въ гробъ пойдешь. И какихъ-какихъ она людямъ прозвищъ не надавала; почитай всѣ въ деревнѣ, по ея милости, съ фамиліями сдѣлались: Ивана, что у попа въ работникахъ былъ, Кутьей назвала; Василья, что шея длинная, Гусемъ сдѣлала, кого Маклакомъ, кого Сычемъ, кого Квашней; да такъ мѣтко, такъ складно, съ такой прибауткой, что поневолѣ подхватишь, и пойдеть чело-вѣкъ съ новымъ именемъ вмѣсто крестоваго. И народъ въ отместку прозвалъ Татьяну, за веселость, за бойкость, за раз-машку, за языкъ ея длинный, неуступчивый, за голосъ звонкій, за ростъ и дородство — прозвалъ Хай-дѣвкой. Такой бы дѣвѣ, самой по себѣ, да и по семьѣ ея богатой, давно бы замужемъ надо быть, да что-то мало сватовъ ѣхало: нраву ли ея боялись женихи и ихъ отцы и матери, или то думали, что богатый мужикъ погнушается бѣдной родней и не отдастъ дочку въ бѣдную семью, а въ чужой домъ идти, призатиться, не всякому лестно; богатыхъ же жениховъ, и во всемъ по плечу Татьянѣ и Дмитрію Петрову, было мало: какъ ни какъ, а Танюха третій годъ сидѣла въ дѣвкахъ. Правда, отецъ съ матерью и не торопились отдавать ее замужъ; одно дѣтище, да и нужды никакой не

знали; Татьяна сама дала замѣтить отцу, что пора ему подумать о выборѣ жениха. Среди всѣхъ мужиковъ и парней въ деревнѣ, надъ которыми она потѣшалась и зубы свои вострила, былъ одинъ, на котораго и она лишній разъ взглядывала. Мужика этого звали Илюхой.

Сынъ богатаго торговца-мужика, прогорѣвшаго отъ какого-то неудачнаго торговаго предпріятія, Илья половину жизни своей проводилъ въ Петербургѣ, занимаясь торговлей въ разность, по домамъ, всякой всячины, а больше всего, деревенскихъ холстовъ и полотень. Удалой, бойкій и расторопный отъ природы, Илья являлся въ деревню разухабистымъ краснобаемъ - питерцомъ. Женили его, лишь только минуло ему 18 лѣтъ, на дѣвѣ, которая пятью годами была старше его и не отличалась ни умомъ, ни ростомъ, ни дородствомъ. Въ деревнѣ всѣ знали, что онъ не любилъ ее. Молодой еще, хотъ и женатый, не столько красивый, сколько соблазнительный для деревенскихъ красавицъ своей шляпой пуховою, плисовыми шароварами, жилетомъ расписнымъ и серебряной сережкой въ ухѣ, онъ затмѣвалъ поголовно всѣхъ своихъ сверстниковъ и даже молодыхъ парней: и смѣлымъ взглядомъ, и дерзкой, насмѣшливой рѣчью, и всей своей повадкой городской. Слава про Илью ходила въ деревнѣ плохая: онъ и пьяница, онъ и мотъ, и картежникъ, и отъ жены гуляетъ, пожалуй и сплугуетъ безъ нужды; но на гулянкахъ, на пирушкѣ, или въ хороводѣ, между парней и дѣвоекъ, онъ былъ первый человекъ и игралъ почти такую же роль, какъ Татьяна. Разница была только въ томъ, что при веселости и удали характера, при бахвадствѣ и краснобаствѣ, Илья отличался какою-то доступностью, добродушіемъ: обругаетъ человека, позубоскалитъ надъ нимъ, но до сердца не обидитъ, побахвалится, наломается надъ своимъ братомъ, да тутъ же и угоститъ наровить. Его всѣ любили. Дѣвки и бабы въ немъ души не слышали, и если бы не зазорно было, пожалуй, также бѣгали бы за нимъ стаями, какъ парни за Танюхой. Среди круга ходить съ Ильей каждая красная дѣвица считала не только за удовольствіе, но и за особенную честь, потому никто не умѣлъ такъ голову склонить, такъ шляпу надѣть, такой поклонъ отдать, такъ плечомъ повести и платочкомъ махнуть, никто не могъ ногами такого выверта сдѣлать, какъ Илюшка-Питерець. И вотъ, бывало, любованье на всю деревню и молодымъ, и старымъ, какъ среди круга стануть да пойдутъ Илья съ Татьяной: одинъ сухой да жилистый, кажишь, каждая восточка въ немъ вздраги-

васть, каждый суставчикъ разговоръ ведетъ; другая—точно лебедь бѣлая плаваетъ.

Мудрено ли, что въ деревнѣ толки и разговоры пошли:

— Танюха въ кругу больше все съ Ильей стоитъ!

— Илюхѣ счастье: облапиль Танюху, только вывернулась, да отмахнулась, зардѣлась, а не ругается, даже—ни-ни!..

— Илюха нынче въ Питерѣ грибомъ сушенымъ торговать будетъ: слышно съ Танюхой вмѣстѣ въ лѣсъ по грибы ходять, къ зимѣ, значитъ, запасаютъ: видѣли!..

Стали разные слухи и до матери Татьяниной доходить, слухи неясные, неопредѣленные, но для материнскаго чутья понятные:

Забѣжала къ ней какъ-то сосѣдка, баба старая, сварливая, надоѣдница.

— Матрена Поликарповна, одолжи, говорить, пудикъ мучки... Отдамъ, вась, съ нови...

— Знаемъ мы васъ, отдавальщиковъ,—отвѣчаетъ мать Татьяны, Матрена Поликарповна. — Взять-то вы всякій, а отдать-то никто.

— Одолжи, полно... Вась отдадимъ... Мой-отъ разбойникъ поѣхалъ, вѣдь, въ городъ съ деньгами, общалъ куль привезти, да вотъ и съ деньгами-то пропалъ... а дома квашни растворить нечѣмъ.

— То-то вотъ и есть: меньше бы пьянствовали... У большака-то моего вонъ въ амбарѣ-то всѣ стѣны крестами вымѣлены, а сусѣки-то пусты... Весь хлѣбъ въ людяхъ; а отдачу-то вашу мы знаемъ: подожди, да помилуй, а сами въ кабаекъ, да въ кабаекъ...

— Отстань-ко, Поликарповна,—возражаетъ осердившаяся сосѣдка. — Кѣмъ вы сыты-то и самъ-дѣлѣ, какъ не нами? Какъ бы не было экихъ-то пьяницъ, какъ мой разбойникъ, не было бы и у тебя пятистѣнной избы... Чей хлѣбъ-то ѣдите? все мірской... Дашь пудъ, а наровишь два приполону взять... Кабаекъ-отъ съ эстоль не съѣсть, что вы, мироѣды...

— Ну, а коли мы мироѣды, такъ и ступай съ Богомъ: нѣтъ у насъ про тебя...

— Такъ не дашь?

— Поищи у другихъ, воли мы твоимъ сыты: намъ твоего не надо...

— Такъ не дашь?—пристааетъ сосѣдка, уже совсѣмъ готовая огрызнуться.

— Нѣту, нѣтъ... И давно тебѣ говорю: нечего тебѣ къ намъ и ходить: доука-то мнѣ твоя давно ужъ надоѣла... Отъ тебя

только и рѣчей, что дай да подай, а замѣсть спасибо-то одна твоя ругань... Ступай съ Богомъ...

— Такъ не дашь?

— Нѣту... Что пристала: точно за своимъ добромъ. И большаку не велю тебѣ давать... Вотъ что... Ты сначала старье-то долги отдай... А то—міроѣды!.. И впрямь точно за своимъ пристала... Міроѣды!.. Ступай, ступай... Тебя не кто влиенуль: сама пришла... Нѣтъ про тебя ничего... Ступай...

— Да я уйду... Уйду да и не приду... Наплевать вамъ... Амотри, на повой звать будешь—и на повой не приду.

— Ну, Богъ милостивъ, стары ужъ мы съ тобой...

— Дочь, матка, молодая: смотри, въ масляной-то, замѣсть блиновъ, кашу вкрестильную варить будешь...

— Что ты, злой духъ...

— Ничего, здорово живешь... Послѣ вспомнишь...

Сосѣдка быстро скрылась, хлопнувши за собой дверью.

Матрена Поликарповна задумалась: можетъ-та и со зла сбрекнула, а можетъ и шла съ тѣмъ, чтобы разсказать, что люди прознали, да о чемъ слухъ недобрый пошелъ. Сторонніе люди всегда прежде досмотрятъ, да спознаютъ: отецъ съ матерью всегда послѣ людей. Матрена Поликарповна знала эту практическую истину.

«Эка я», думала она, «дать бы ей пудъ-то муки, куда бы ужъ ни шло, да разспросить бы путемъ обо всемъ... Хоть бы узнала, что люди говорятъ: какъ и съ кѣмъ... Сама дѣвка не скажетъ!.. пожалуй, спрашивай... А послѣ, придетъ время, и плачяся съ ней... Вотъ говорила отцу: пора дочку замужъ. Вотъ такъ и есть... Нѣтъ, надо ему сказать: пускай скорѣй жениха ищетъ...»

Во время разговора съ сосѣдкой ни дочери, ни мужа, не было дома: они были въ полѣ; Матрена Поликарповна домовничала одна, и ей была полная свобода обсудить все дѣло и обдумать: что нужно предпринять въ виду недобрыхъ слуховъ. Она была женщина умная, толковая и съ характеромъ. Жизнь въ довольствѣ помѣшала развиться въ ней сварливости и бранчивости, которыя составляютъ почти общее свойство деревенской бабы, вѣчной жертвы нужды, заботы и чрезмѣрныхъ трудовъ. Напротивъ, Матрена Поликарповна держала себя очень степенно, говорила всегда резонно и умѣренно, любила очень почѣтъ, и возмущалась только тогда, когда его ей не оказывали. Она была большая охотница давать совѣты и чувствовала особенное расположеніе къ тѣмъ, кто ихъ просилъ у нея и выслушивалъ. Обо всякомъ

дѣлѣ любила она разсудить всесторонне и обстоятельно. Въ отношеніи къ мужу она была вѣрная, преданная жена, къ дочери добрая, благоразумная мать; но любила, чтобы все дѣлалось по ея волѣ и умѣла всегда настоять на своемъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что Дмитрій Петровъ, человѣкъ торговый, мало жившій дома, занятый и поглощенный исключительно одною заботою о стяжаніи, все домашнее хозяйство, весь распорядокъ въ домѣ, охотно предоставилъ въ распоряженіе жены, такъ что она собственно была главою въ домѣ. Помогая мужу въ торговлѣ, ѣздя съ нимъ по базарамъ, сталкиваясь со множествомъ разнаго народа, она умѣла различать людей, знала, какъ съ кѣмъ себя повести и о чемъ съ кѣмъ говорить. Въ себя и свой умъ она очень вѣрила, и имѣла при этомъ характеръ настойчивый: что обдумывала, на что рѣшалась — къ тому шла неувклонно и считала обязанностью поставить на своемъ.

«Надо разузнать, съ кѣмъ Танюха слюбилася, коли правду люди говорятъ!» думала она сама съ собою. «Если парень тихій, повадивый, можно и приязнить — въ домъ взять. Ну, а ужъ если шалыганъ какой, гуляка, да больно бойкій, пускай не прогнѣвается, ни въ жисть не отдамъ за тавого: не въ чужой же домъ отдавать намъ дочку: она у насъ одна, какъ перстъ, другихъ дѣтей нѣтъ, ну, а и въ свой домъ взять экого — Богъ съ нимъ, намаешься! Да и Танюхѣ съ ея нравомъ надо мужа смирнаго, поводиваго; а то на ея характеръ, да какого озорнаго взять — у нихъ поножовщина будетъ».

Разсудивши такимъ образомъ, Матрена Поликарповна тотчасъ же отправилась собирать справки. Не много ей нужно было употребить хитрости въ разговорѣ съ сосѣдями, чтобы навести ихъ на интересовавшій ее вопросъ и узнать всѣ подробности, извѣстныя деревнѣ о любовныхъ похожденияхъ дочки. Имя Ильи-Питерца очень разстроило Матрену Поликарповну.

«Ну, дочка, выбрала же хвату», думала она про себя. «Что ни на есть первый плуть и озорникъ на всю деревню... Да хоть бы ужъ съ холостымъ-то, а то, ну-ка, съ женатымъ... Эка срамница, экой озоръ-дѣвка... Что ты тутъ прикажешь дѣлать!?»

Какъ только воротилась Татьяна съ поля, мать отозвала ее въ свѣтелку.

— Честь имѣемъ проздравить, дочка милая! — сказала она, церемонно сжимая губы и слегка кланяясь.

— Съ чѣмъ, матушка, проздравляешь-то? — бойко спросила Татьяна.

— Какъ съ чѣмъ, matka? тебѣ лучше знать: съ женишкой хорошимъ...

Матрена Поликарповна въ упоръ смотрѣла дочери въ глаза.

— Аль кто засылалъ... Чтѣ больно рано: въ рабочую-то пору?—спросила Татьяна, нѣсколько смущенная взглядами матери, но стараясь сохранить обычную бойкость.

— Кто къ намъ станетъ засылать? Кому нужда? Всякій знаетъ, что у насъ дочка сама себѣ жениха хорошаго выберетъ... Не станетъ ждать, чтобы отецъ съ матерью честнымъ порядкомъ выбрали, да благословили...

— Не вѣду, матушка, чтѣ ты говоришь... на счетъ чего и въ какую сторону...

— Какъ не вѣдать, дочка: добрые люди съ чего-нибудь да говорить и на женишка показываютъ, только отецъ-отъ съ матерью ничего не знаютъ...

— Ты слушай больше: добрые-то люди и ни вѣсть что рады на меня напести...

— Такъ неправду люди говорятъ, что ты съ Илюшкой Кузьмичевымъ по грибы въ лѣсъ ходила?..

— Мало ли народу въ лѣсу ходить: не я одна, никому не закажешь...

— Такъ неправда, что Илюшка и около нашего овина ночью шлялся...

— Можеть и шлялся, почему я знаю?.. Я не сторожу по ночамъ...

— Да ты сторожить-то не сторожишь, а больно рано нынче по утрамъ-то встаешь... Ни свѣтъ, ни заря тебя на гумнѣ видѣли...

— Такъ, можеть, не заспалось... и встала... Не велика напасть: рано утромъ встала да на гумно вышла. Видно, кто и раньше всталъ, коли меня видѣлъ.

— Да не въ томъ напасть, дѣвушка, что рано встаешь, а въ томъ, за какимъ дѣломъ идешь, да чтѣ добрые люди говорятъ...

— А пущай говорятъ, чтѣ хотятъ: всѣхъ не переслушаешь... Поговорили бы со мной: я бы ротъ-то замазала...

— Не замажешь, дочка, коли хвостъ не чистъ... И опять чтѣ говорятъ. Вонъ Коробиха-то приходила да на повой напращивалась... Такъ матери-то эти разговоры слушать не очень-то лестно. И опять то сказать, дочка: я тебѣ мать, а не потатчица... Ты хоть разговорку-то эту и бойко со мной ведешь, а я ужъ вижу по всему, что слухъ-то не даромъ про тебя про-

петь... Хотя ты у насъ одна, да и мать-то у тебя одна: такъ ты бы ужъ лучше матери-то повинилась, коли грѣхъ попуталъ... Мы тебѣ не злодѣи: лучше матери-то никто не повероеть...

У Татьяны вдругъ навернулись на глазахъ слезы. Она бросилась къ матери на шею.

— Матушка болѣзная, доняла ты меня... Кажись, ни слова бы не молвила, кабы стала ты меня бить да тиранить... А ужъ теперь винюсъ тебѣ... Прикрой ты мой стыдъ... Обрутите что ли съ кѣмъ-нибудь...

— Экая ты озорная дѣвча, безстыжая, Татьяна: хоть бы ты не съ женатымъ-то... Не наша ты холостого-то, да получше... хоть бы не съ такимъ плутомъ, пропойцей, связалась-то... Нешто на ласы-то да балясы его польстилася, такъ, кажись, нечего: ты сама на нихъ мастерица... А онъ, поди, чай, на всѣхъ перекресткахъ похваляется, да бахвалится тобой, по всему свѣту хорошую на тебя помолвку пускаетъ... Въ немъ стыда-то да совѣсти немного: ему ротъ не замажешь... Знаю я его... Онъ и женѣ-то своей прямо скажетъ, что съ тобой гулялъ: не бойсь, и жены не пожалѣетъ... Ему что? ему все равно... Ахъ ты, Танюха, Танюха!.. Экого сокола выбрала... Ну, какъ я отцу-то скажу про это?.. Вѣдь онъ не мать... Онъ спасибо не скажетъ... Подумала ли ты о своей головошкѣ?..

Татьяна, молча и отворотясь въ сторону, слушала всю эту длинную рѣчь. При послѣднихъ словахъ она вдругъ повернулась къ матери: глаза ея, до сихъ поръ подернутые слезой, вдругъ высохли и загорѣлись сердитымъ огнемъ.

— А я вотъ что, матушка, о своей головѣ одумала... За что я Илюшку полюбила—про то я одна знаю... Пускай онъ плутъ, пускай пьяница, а нѣтъ мнѣ лучше его... Любовь мнѣ онъ... Ужъ коли не умѣла концы спрятать: коли прознали люди про нашу любовь... значить, такова моя судьба: надо съ милымъ дружкой разставаться, за постылаго подъ вѣнецъ идти... Мужа съ живой женой не разведешь... Пришло вамъ мнѣ суженаго выбирать... свой стыдъ, а мой грѣхъ покрывать... Кого выберете, за того и пойду, супротивничать родителямъ дѣвкѣ нельзя... Да я за свой грѣхъ и не стану... Съ кѣмъ поставите подъ вѣнецъ, съ тѣмъ и стану... Мнѣ все едино... Согрѣшила, погуляла на свою дѣвичью волю; теперь ваша власть: выбирайте съ кѣмъ мнѣ жистъ коротать... А только вотъ что, матушка, молвлю я тебѣ, а ты батюшкѣ скажи: коли станете вы меня срамить, да попрекать, да тиранить, хорошаго не будетъ... Что ни на есть надъ собой

сдѣлаю... А вы лучше окрутите меня посворѣй, съ кѣмъ хотите... Вотъ вамъ и весь мой сказъ...

Матрена Поликарповна недовольно покачала головой и вдругъ не нашлась даже что и возразить дочери.

— Не для ради тиранства, а для науки, поучить бы тебя надо, Татьяна,—сказала она, подумавши: больно уже ты озорна, да безстыжа стала... Да ужъ за поворство твое буду просить отца простить твой грѣхъ... Только смотри: ты ужъ хоть пообѣщайся мнѣ, что теперь-то не станешь бѣгать къ Илюшѣ...

— Не стану!.. — рѣшительно отвѣтила Татьяна, отворотясь отъ матери.

— Хоть бы ты поклонилась матери-то въ ноги, хоть бы прощенья попросила за свой грѣхъ... Неужто у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти?

Татьяна встала и молча поклонилась матери въ ноги.

— Ужъ за поворство за твое и я тебя ругать не стану... Помни же, что обѣщала!.. — проговорила Матрена Поликарповна, и вышла изъ свѣтелки. Она знала смѣлый и неуступчивый характеръ дочери; знала, что съ нею ссорой да бранью ничего не сдѣлаешь—и была довольна уже и тѣми вѣшними знаками поворности, которые почти выпросила у дочери.

Ночью у Матрены Поликарповны была секретная бесѣда съ мужемъ. Она все рассказала ему.

— Экой разбойникъ, экой мошенникъ! — гнѣвался Дмитрій Петровъ на Илью.—Весь родъ ихъ этакой поганой. Вотъ и отецъ-то: какой капиталъ важный имѣлъ — много ли осталось?.. А Илюшка-то и остатки промытарить, совсѣмъ, смотри, прогорить... въ конецъ... по міру пойдетъ!.. А Таньку надо постегать хорошенько... Вотъ что...

— Ну что ты стеганьемъ возьмешь... Она дѣвка характерная: съ ней бѣды только наживешь,—коли крѣпко за нее взяться... Да и что теперь: хошь стегай, хошь истирань всю, ужъ все одно—не поможешь...

— А ты чего же прежде-то смотрѣла!

— Э-эхъ, Дмитрій Петровичъ, развѣ за дѣвкой усмотришь... Наша Танька умная; а не то что за ней, за послѣдней душой, какова есть дура-дѣвка по деревнѣ, такъ и за той въ этомъ дѣлѣ не доглядишь: всякаго проведетъ... Вѣдь не на привязи же ее, въ самъ дѣлѣ, али не за замкомъ держать.

— Знамо, ужъ ваша сестра, коли непутная которая, такъ ужъ ты ее ничѣмъ не отводишь...

— Такъ вотъ то-то и есть... А ужъ и Танюхины годы такіе

пришли... Позасидѣлась она у насъ въ дѣввахъ-то... Сами мы виноваты: давно бы пора ее замужъ выдать... Нечего бы сватовъ-то ждать; а самимъ бы надо женишка ей поискать... Намъ же не въ люди ее отдавать, а надо въ себѣ въ домъ принять, такъ самимъ бы и поискать... Пускай хоть и не изъ богатой семьи, да чтобы паренекъ-отъ смиренный, чтобы и у тебя въ послушаньи былъ... и съ нею чтобы не больно спрашивалъ...

— Да ужъ и мнѣ, признаться, одному-то трудненько приходится... Чего бы лучше, какъ бы подъ рукой-то свой человекъ былъ: и послать куда съ товаромъ, и все такое... и по дому присмотрѣть... И знамо, первое дѣло, чтобы смиренный былъ, да непьющій... У? меня, правда, и на слуху есть парень-то, въ Мандурахъ, Сажини: очень одобряютъ, и грамотный, говорятъ... А намъ, въ нашему дѣлу, грамотный человекъ дорогого стоитъ: и прочитать чтб, и записать...

— Да ужъ это на что бы лучше... Такъ чего же, отецъ, думать-то... Вотъ бы и разузнать хорошенько... Семьи-то хорошей?.. На знати семья-то у тебя, отца-то знаешь, али нѣтъ? Парень-то каковъ изъ себя?..

— Никого не знаю, никого еще не видалъ... А такъ разговорка разъ была у меня съ Демьяномъ, знаешь, изъ Мандуровъ: пряжу я у него бралъ, такъ зашли въ трактиръ чаю напиться... Они сродни Демьяну-то, такъ онъ сказывалъ: семья, говорить, смиренная, а большая — нуждаются... А парень, говорить, чудесный, смиренный и начеччикъ... Въ церкви на крылосу поетъ и дома, говорить, какъ праздникъ, развернетъ, говорить, псалтырь и въ голосъ такъ и читаетъ...

— Ахъ, отецъ, такъ это чудесно... это бы надо парня-то посмотреть... Что же ты мнѣ ничего не сказалъ до сей поры?..

— Да и изъ ума вонъ совсѣмъ. Тутъ съ пряжей-то, да долго ее вѣдилъ собиралъ, и забылъ совсѣмъ, теперь вотъ только вспомнилъ.

— Такъ надо бы съѣздить, отецъ, разузнать, чтобы намъ въ осени-то, воли Богъ на сердце положить, да лады дать, — и свадьбу бы сыграть...

— Время-то больно теперь не такое: самая горячая работа подходить.

— Что дѣлать-то, отецъ... Ужъ согрѣшили, такъ надо какъ-нибудь хлопотать поскорѣе... Самому некогда, ну такъ хоть я съѣзжу въ Мандуры-то, такъ ровно бы за какимъ дѣломъ, въ базарный день: разузнаю все... Что же, вѣдь не Богъ знаетъ что, хоть и двадцать-пять верстъ... съѣзжу! А мнѣ еще то по

мысли, что парень-то не здѣшний, а дальній: по теперешнему-то нашему горю все лучше, не на слуху... А здѣшніе-то, смотри-ка теперь: скоро всѣ въ голосъ закричатъ, чужому-то горю всякій радъ...

— Ладно, пожалуй, съѣзди... — проговорилъ, зѣвая Дмитрій Петровъ. — А надо бы эту Таньку постегать... хоть бы для памяти... Озорница экая...

— Ну, отецъ, ты этого и не затѣвай... только срамъ одинъ, хуже... Ужъ произнеси на себѣ... Чтѣ дѣлать-то?..

Но Дмитрій Петровъ своимъ храпомъ далъ знать женѣ, что онъ спитъ. Матрена Поликарповна, лежа около него, долго ворочалась и не могла уснуть, обдумывая предстоящую поѣзду въ Мандуры.

II.

Матрена Поликарповна принялась за розыски жениха и за сватовство съ ретивостью, свойственною всѣмъ замужнимъ крестьянскимъ женщинамъ. Для нихъ нѣтъ дѣла болѣе пріятнаго, болѣе интереснаго и увлекательнаго, какъ свадьба со всѣми ея подробностями: для Матрены Поликарповны это любезное дѣло сопровождалось еще особенной прелестью таинственности, хитрыхъ подходовъ, въ которыхъ она должна была прибѣгать, чтобы разузнать о будущемъ своемъ зятѣ и объ его семьѣ всю подноготную.

Мандуры—село небольшое, но съ еженедѣльнымъ базаромъ. Это дало Матренѣ Поликарповнѣ поводъ отправиться въ него въ одинъ изъ базарныхъ дней, подъ предлогомъ продать нѣсколько новинъ и скупить пряжи. Она очень хорошо знала, чтѣ дѣлается этою зимою, раннею весною и поздней осенью, а не въ настоящую рабочую пору, послѣ Петрова дня; но другого предлога для объясненія своей поѣздки придумать не могла, а надо же было что-нибудь сказать сосѣдкамъ на вопросъ: куда? да зачѣмъ ѣздила? Матрена Поликарповна наравнѣ съ мужемъ занималась торговлей, когда позволяло домашнее хозяйство: скупала пряжу, раздавала ее въ точку на холсты и полотна, которыя потомъ и продавала; значить, выѣздъ ея изъ дому по торговому дѣлу не могъ ни въ комъ возбудить особаго вниманія.

Въ Мандурахъ Матрена Поликарповна, какъ слѣдуетъ, вѣчала на базаръ, заняла мѣсто съ своей телѣгой, отпрагла лошадь, привязала ее сзади, выложила наружу въ телѣгѣ для виду нѣсколько холстовъ, и сама сѣла возлѣ нихъ, не ожидая

покупателей и продавцовъ, но высматривая какого-нибудь знакомаго человѣка, съ которымъ можно бы было рѣчь повести о нужномъ дѣльцѣ. Не долго ждала она; къ ней скоро подошелъ тотъ самый Демьянъ, о которомъ говорилъ въ ночной бесѣдѣ Дмитрій Петровъ. Его-то больше всего и хотѣлось повидать Матренѣ Поликарповнѣ, и она очень обрадовалась этой встрѣчѣ; но и виду не показала. Демьянъ человѣкъ знакомый и не кое-какой: хоть и не богатъ, а все маленькая копѣйка водится; ма-клячилъ онъ пражей, скупалъ ее у бабъ по мелочи и потомъ перепродавалъ крупнымъ покупателямъ, въ числѣ которыхъ считался и Дмитрій Петровъ: это-то ихъ и познакомило.

— Матренѣ Поликарповнѣ!—сказалъ онъ подходя.—Какими такими судьбами?

— А вотъ новинишекъ осталось: заваялись... Около-то насъ всѣ ужъ накупились, такъ и надумалъ большакъ-то: съѣзди, чу, въ Мандуры—не продашь ли тамъ. Да и пражу купишь, коли попадетса: можетъ, у кого тоже заваялась отъ весны-то...

Демьянъ сейчасъ смекнулъ, что тетка Матрена не за тѣмъ пріѣхала, ибо очень хорошо зналъ, что въ лѣтнюю пору ихняго товара ни купить, ни продать нельзя; но тоже и вида не показавъ, что не повѣрилъ Матренѣ.

— Ну, давай Богъ тебѣ купить и продать посладнѣе да повыгоднѣе... Чай, ночуешь здѣсь: я бы тебѣ товара-то поискать да показать...

— Нѣтъ, ночевать-то бы мнѣ неохота: время-то, знаешь, какое; тоже работа въ полѣ, лошадь-то больно нужна дома...

— Эка, такъ тебѣ бы надо ее хоть на дворъ поставить по-кормиться-то, а то что здѣсь на жарѣ да мухахъ стоять: какая ѣда... Тоже дорога до васъ не ближняя, чай, пристала...

— Да у меня знати-то тутъ никого нѣтъ: не вѣду, куда поставить-то...

— Ко мнѣ бы, по знакомству, да только-что изба-то моя въ отдаленности отсюда: на вскраю живу... Да постой-ка, у меня свать здѣсь есть: Сажины прозываются... Вотъ тутъ недалечко и изба-то ихняя... Къ нему и поставимъ.

«Экой мужикъ умный», подумала про-себя Матрена, «сейчасъ дѣломъ смекнулъ, что надо: и видно, что торговый человекъ!»—Сажиныхъ-то ей и нужно было, для нихъ-то она и въ Мандуры ѣхала.

— Какіе это Сажины?—спросила она вслухъ.—Ничто я про нихъ и не слыхивала...

— Не сумлѣвайся, тетка Матрена, мужикъ степенный, ра-

ботающій... Семья только его сбѣла: хода не даетъ, да и самъ-то вдовѣ, а то бы онъ, куда тѣ!—отъ людей бы не отсталъ... Вотъ сыновья-то стали подростать, такъ и онъ поправляться началъ: старшаго-то женилъ о запрошломъ годѣ, а второй ужъ тоже женихъ... Семень... Ахъ, какой пречудесный парень: такой смиренный, ровно дѣвка... И грамотный... Подижь ты вотъ, старикъ-отъ какой: даромъ, что эвая семья, а сына грамотѣ обучилъ...

— Ахъ, почтенный, стало-быть, человекъ... умный!.. А матери-то нѣтъ?..

— То-то нѣтъ, вдовѣ: года три ужъ побывшилась... Ну, а за вдовца при малыхъ дѣткахъ кто пойдетъ, сама ты подумай: такъ безъ ховяйки цѣлый годъ и жилъ. Вотъ ужъ теперь сноху-то взялъ, такъ она и большничаетъ... Да что говорить: люди первый сортъ, вся семья... Не сумлѣвайся, тетва Матрена... пристань, за постой ничего не возьмутъ — не бойся!.. Я говорю, хоть лошадь-то передохнетъ маленько въ тѣнѣ-то...

— Да я очень благодарна, только бы какъ... потому люди незнакомые...

— Говорю, не сумлѣвайся: съ полнымъ удовольствіемъ! не взыщи только: чѣмъ богаты... Ты постой-ка тутъ, а я сбѣгаю только, узнаю: есть ли кто въ избѣ-то... Да коли котораго парня захвачу, такъ и приведу: онъ тебѣ и лошадь отведетъ...

— Покорно тебѣ благодарю за твою ласку и неоставленіе...

— Ну-ка, полно, Матрена Поликарповна: кажись, на знати люди... Дмитрій-то Петровъ почитай одинъ всю пряжу у меня забираетъ... Можетъ, когда и не оставитъ: и деньжонками ссудитъ подъ пряжу, особливо, какъ ежели Богъ дастъ...

Но Демьянъ спохватился и не докончилъ словъ, которыя были бы теперь еще очень преждевременны и неприличны.

— Такъ ты пообожди, Матрена Поликарповна,—продолжалъ онъ.—Я минутой сбѣгаю, а ты тѣмъ часомъ на базарѣ-то погуляй: можетъ и товарцу поприсмотришь, али купецъ какой набѣжить... у тебя что купить...

Демьянъ ушелъ, а Матрена Поликарповна думала про себя: «ужъ, видно, такое это Божье произволеніе! Надо же такъ быть: какъ пріѣхала, такъ и Демьяна встрѣтила... И парень-то грамотный, а Дмитрію Петровичу куда какъ хотѣлось грамотнаго-то зятя... Да ужъ и на что же лучше по нашему положенію: парень не балованный, смиренный, выросъ не въ богатствѣ, работающій да еще и грамотѣ знаетъ... Надо Господа благодарить, коли дѣло сдѣлается... Вотъ только большака самого, да домъ

посмотрѣть... А тутъ и сватовъ посылать... Эхъ, Танюха, Танюха, еще Божіе милосердіе къ намъ грѣшнымъ велико: ну-ка, и изъ чужой стороны, ничего не знаетъ, и человѣкъ-отъ хорошій, смиренный...»

Среди такихъ размышленій Матрена Поликарповна замѣтила еще издали Демьяна, который шелъ по направленію къ ней въ сопровожденіи молодого парня. Тетка Матрена сейчасъ смекнула, что Демьянъ велъ жениха, и стала внимательно всматриваться въ него.

— Хозяева милости просить, Матрена Поликарповна, — сказалъ Демьянъ, подходя. — Вотъ Сеня тебѣ лошадь-то запряжетъ и отведетъ на дворъ вмѣстѣ съ возомъ... На базарѣ-то, видно, ужъ нечего ждать: расходится... Да и базаришко-то былъ дрянной, народу-то совсѣмъ нѣтъ никого...

Семень поклонился Матренѣ Поликарповнѣ. Это былъ молодой парень, высокій, худощавый, смугловатый, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ, на которомъ торчала маленькая борода и какъ-то полусонно смотрѣли большіе черные, глубоко впавшіе глаза. На первый взглядъ онъ казался недурень собою, но имѣлъ видъ какъ-будто запуганнаго и пришибеннаго; добродушно-глуповатая улыбка не сходила съ его красивыхъ губъ. Очевидно на показъ и второпяхъ онъ надѣлъ праздничный синій кафтанъ сверху грязной, обшденной рубахи. Семень, по своему внѣшнему виду, сразу понравился Матренѣ Поликарповнѣ. Она съ охотою согласилась, чтобы онъ запрегъ въ телѣгу ея лошадь и втихомолку наблюдала, какъ онъ это дѣлалъ. Расторопный дядя Демьянъ, помогавшій Семену, успѣлъ и въ этомъ отношеніи откомендовать его будущей тещѣ съ самой выгодной стороны: лошадь была мигомъ запряжена, и Семень съ возжами въ рукахъ уже сидѣлъ на передкѣ.

— Присядете, тѣтенька, али пѣшкомъ дойдете? — спрашивалъ онъ Матрену Поликарповну.

— Поѣзжайте, любезничкій, шажкомъ, а мы съ дядей Демьяномъ за вами пойдемъ. Ужъ оченно миѣ совѣстно на вашей ласкѣ...

— Ничего, тѣтенька... Пожалуйте, милости просимъ.

Телѣга тронулась.

— Пречудесный парень! — говорилъ Демьянъ, мигая на Семена.

— Да, должно быть тихій...

— И-и... одно слово: красная дѣвка... А работникъ какой, для дома... Пословный парень...

Изба Семенова отца произвела на Матрену Поликарповну весьма неблагоприятное впечатлѣніе: она носила на себѣ всѣ признаки бѣдности, недостаточности и даже безхозяйственности владѣльцевъ. Крыша на дворѣ раскрыта, крыльцо гнилое, пошатнулось, разбитое окно заткнуто тряпицей—все это мозолило глаза богатой и заботливой хозяйки, какою была Матрена; но зато въ избѣ ее встрѣтила вся семья съ такимъ почтеніемъ, внимательностью и угоженіемъ, что дурное впечатлѣніе скоро изгладилось. «Что же дѣлать съ бѣдностью-то», думала Матрена, «она не все отъ человѣка, бываетъ и отъ Бога: не дастъ Богъ счастья, такъ ничего не подѣлаешь. А они люди добрые, простые, радѣльные такіе!.. Да, вѣдь, и не въ этой же избѣ жить Танюшѣ: славу Богу, въ своей проживеть».

Разговоръ шелъ все о вещахъ постороннихъ: объ урожаѣ, повинностяхъ, о попѣ, о торговлѣ, о семьѣ, изъ которой взята сноха, и только мимоходомъ коснулся лѣтъ Семена и его грамотности. Семень почти вовсе не принималъ участія въ разговорѣ, и на вопросы, прямо къ нему обращенные, отвѣчалъ коротко и скромно, что очень понравилось Матренѣ.

Послѣ двухчасового пребыванія, въ душѣ ея сложилось окончательное убѣжденіе, что Семень—суженый Татьяны. Прощаясь, она сдѣлала даже тонкій намекъ на это.

— Прощайте, Сидоръ Спиридоновичъ, — говорила она отцу Семена. — Покорнѣйше благодарю на привѣтѣ и ласкѣ вашей. Напредки не оставьте. Хоть и далеко живемъ, а всяко бываетъ... Гора съ горой не сходится, а промежъ людей мало ли что бываетъ: и чужіе роднѣ родныхъ прилучаются... Къ намъ милости просимъ: Богъ дастъ, путь-дорога лежать будетъ въ нашу сторону... Просимъ милости: не оставьте...

Демьянъ и Семень провожали Матрену Поликарповну до самаго выгона, и она очень любезно распрощалась съ женихомъ.

— Ну, теперь смотри, скоро сватовъ пошлемъ, — сказала Демьянъ Семену, оставшись съ нимъ наединѣ. — Счастливъ ты, Сенька: у Дмитрія-то Петрова деньжищъ этихъ лопатой не повороотишь... Да и дѣвка-то—король...

Семень ослабился.

— Что же не кланяешься, не благодарствуешь мнѣ?.. Али не чувствуешь?..

— Чего не чувствовать, дядюшка Демьянъ... Завсегда долженъ чувствовать...

— То-то же! Смотри, женишься, чтобы завсегда я былъ пер-

вымъ гостемъ... А когда нужда, на оборотъ и деньжонокъ дай... Крѣпонецъ Дмитрій-то Петровъ, а все ты замѣстъ сына у него будешь: дочь-то одна... Все онъ долженъ тебя къ дѣлу своему приспособить, все деньги въ рукахъ будутъ... Вотъ ты завсегда дядю Демьяна и помни, что который все твое благополучіе могъ тебѣ предоставить...

— Буду помнить, дядюшка Демьянъ.

— То-то, смотри...

III.

Послѣ секретнаго разговора съ женою, Дмитрій Петровичъ, при встрѣчѣ съ дочерью, не вступая ни въ какія объясненія, ограничился только очень коротенькимъ внушеніемъ:

— Ты что выдумала, озорница, а?.. — сказалъ онъ Татьянѣ. — Возжами бы тебя нужно за это... Ишь ты!.. Ты гляди у меня, чтобы и духа этого больше не было... Безстыжіе глаза!.. Кто тебя теперь возьметъ экую?.. Слышь, чтобы и званія и духа того не было около тебя... и близко не подпущай его къ себѣ... А то избобью...

Татьяна молча, насупившись и отворотясь, слушала отца и ждала, что онъ примется ее бить; но Дмитрій Петровъ ушелъ изъ избы, только крѣпко хлопнувъ дверь, и затѣмъ считалъ всѣ свои обязанности, какъ отца, исполненными. Онъ былъ человекъ неразговорчивый и безучастный ко всему, кромѣ прибытка. Самъ себѣ составивши состояніе, онъ только и думалъ, только и заботился, что о сохраненіи и увеличеніи его: стремленіе къ наживѣ поглотило всего его безраздѣльно. Живя ладно съ женою, имѣя только одну дочь, онъ никогда не обижалъ ихъ, не отказывалъ ни въ чемъ нужномъ, давалъ имъ полную свободу; но ни жена, ни дочь не видали никогда отъ него ни особенной заботы о себѣ, ни тѣмъ болѣе ласки. Онъ не былъ ни золь, ни эгоистъ, но и не жилъ для семьи своей: на базарѣ, въ торговлѣ, за своимъ дѣломъ — вотъ гдѣ была его настоящая жизнь; здѣсь онъ былъ и веселъ, и разговорчивъ, и оживленъ; домой онъ приходилъ только ѣсть и спать.

Дочь ничего къ нему не чувствовала: ни любви, ни привязанности, но признавала за нимъ право взыскивать и наказывать, и всегда ждала отъ отца скорѣе брани и побоевъ, чѣмъ ласковаго слова, хотя не видала и не слыхала ни того, ни другого. Какъ ни была смѣла и бойка Татьяна, но отца она побаивалась. Оставшись одна послѣ его угрозы, она задумалась.

«Вотъ, теперь всѣ узнали», думала она. «Прощай, мой Илюшенька-голубчикъ, прощай, удалая головушка. Не много мы потуляли съ тобой, своей волюшкой потѣшились; разведуть насъ теперь по угламъ: тебѣ съ женой постылой жить, меня окрутятъ съ немилымъ мужемъ мыкаться... А и разбойникъ же этотъ Илюшка: ровно ворожкой какой приворожилъ меня. Вѣдь, не писанный же онъ, и знаю, что женнинъ мужъ, а такъ бы я все на него и смотрѣла, такъ бы все его рѣчей и слушала... Ни стыдобушки, ни зазорушки мнѣ нѣтъ передъ нимъ... Ужъ сказала, что не стану съ нимъ водиться, такъ не стану; а хоть разовъ еще одинъ да повидаю его, разбойника, хоть въ глаза его плюну безстыжие за то, до чего онъ меня, дѣвку, довелъ, что люди всѣ пальцами показываютъ, да на смѣхъ поднимаютъ; хоть попрекну, что отъ живой жены за дѣвкой бѣгаетъ и концовъ хоронить не умѣетъ. Вотъ, пускай теперь, злодѣй, знаетъ, что пойду замужъ не по выбору, а за кого велать... Ужъ хоть заплачусь, да и наругаюсь надъ нимъ, супостатомъ: не замай дѣвчина сердца, не привораживай, коли ввать за себя нельзя... Ну-ка, и самъ-дѣлѣ первая я дѣвка была на всю округу, какой бы парень самый наилучшій на меня не польстился, а онъ, разбойникъ, ну-ка, что со мной сдѣлалъ... И чѣмъ онъ, чѣмъ только въ себя привораживалъ?.. Куда у меня разумъ-то дѣлся, чѣмъ онъ языкъ-отъ мой рѣзвый припечаталъ, чтобы обречь, оборвать его, насмѣшника, чѣмъ онъ силу изъ меня вынялъ, чтобы не идти мнѣ, дѣвкѣ, въ нему, когда звалъ, чтобы руки ему обломать, когда обнялъ впервой. Нѣтъ, вѣдь, сами ноженьки бѣжали въ нему, сами рученьки держали его, самъ языкъ слова говорилъ ласковыя, небранчивыя, а сердечушко при немъ, разбойникѣ, то застынетъ совсѣмъ, то восколыхнется, ровно ни вѣсть радость какая вмѣстѣ съ нимъ придетъ... Погоди-жъ ты, супостатъ; живи-жъ ты теперь съ нелюбой женой, пускай она тебѣ твои космы чешетъ, пускай она тебѣ сладкія рѣчи говорить, ей свои шутки шути, свои прибаутки рассказывай, съ ней и въ хоровахъ ходи, съ ней и пѣсни пой...»

Татьяна совсѣмъ притихла, сѣла за точку и почти никуда не выходила изъ дому. Настоящая причина отбѣзда матери въ Мандуры была ей неизвѣстна, но она, конечно, не вѣрила, что мать ѣдетъ туда ради торговли, и догадывалась, что дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Когда мать уѣхала, первую мыслью Татьяны было воспользоваться ея отсутствіемъ для послѣдняго свиданія съ Ильею. Матрена Поликарповна поѣхала съ ночи, чтобы въ утро поспѣть на базаръ, отецъ присматривать не станетъ; слѣдовательно, от-

лучиться изъ дома было очень удобно. «Но какъ дать знать Ильѣ, какъ вызвать его изъ избы?—думала Татьяна, сидя ночью у раскрытаго окошка своей свѣтелки. На улицѣ было все тихо, только ржали лошади, пасшіяся на скошенныхъ гумнахъ, да перекликались изрѣдка пѣтухи. Вдругъ Татьяна услышала, что ее кто-то снизу, съ улицы, назвалъ по имени. Она высунулась изъ окна и въ тѣни, въ углу дома, съ трудомъ разсмотрѣла прижавшуюся фигуру человѣка, въ которомъ тотчасъ же узнала Илью.

— Экой злой духъ,—подумала Татьяна,—точно кто ему сказалъ. Вотъ мужикъ-отъ... Ровно ножъ вострый въ сердце...

— Выйдешь, аль нѣтъ?—прошптала тотъ же голосъ.

— Нишени... Сейчасъ...—также тихо отвѣчала Татьяна.

Босая, неслышнымъ шагомъ, несмотря на свое дородство, спускалась Татьяна съ крыльца, и еще не сошла съ послѣднихъ ступенекъ, какъ ее обхватили руки вывернувшася изъ-за стѣны Ильи.

— Лапушка!—приговаривалъ онъ, снимая Татьяну съ крыльца и собираясь ее поцѣловать; но Татьяна съ силой вырвалась и оттолкнула его отъ себя.

— Чтѣ ты?—спросилъ удивленный Илья.

— Нишени... Иди сюда...—проговорила Татьяна, пробираясь около стѣны дома и двора.

Илья шелъ вслѣдъ за нею.

Когда они дошли такимъ образомъ до самаго укромнаго и скрытаго отъ чужихъ глазъ мѣста, между полѣнницами дровъ, стоявшихъ сзади двора, Татьяна остановилась. Илья бросился было къ ней съ ласками, но она опять сурово оттолкнула его.

— Да что ты, Танюха?—спросилъ опять вновь озадаченный Илья.—Со сна что-ли сердита?

— Не цѣловаться я съ тобой пришла, не миловаться: на то время прошло, другъ сердечный... Посчитаться я съ тобой хочу: зачѣмъ ты, чужой мужъ, меня, дѣвку, съ пути сбиль, зачѣмъ на-смѣхъ людямъ пустилъ? Зачѣмъ меня въ сухоту вогналъ?..

— Да что? Али чтѣ подѣлалось?

— Чтѣ подѣлалось — ты самъ давно знаешь... только объ этомъ рѣчей у насъ съ тобой не было. А вотъ, теперь время пришло и рѣчь о томъ завести... Всѣ люди про нашу любовь прознали: до матушки съ батюшкой довели... Была я дѣвка первая, стала черезъ тебя, разбойника, послѣдняя... Теперь мнѣ

женыха ищутъ: найдутъ, не спросятъ: любь ли? силкомъ отдадутъ дѣвку гулящую...

— А ты не ходи, коли не любь...

— Да любой-то мой чужезенинъ мужь... Приворотникъ-то мой — злодѣй мой проклятый. За него что-ли я пойду? Ну-ка, молви, безстыжіе глаза!..

— Такъ, али ты впервой узнала, что я чужезенинъ мужь... Кажись, не чужой деревни, въ одной живемъ... Не силкомъ брасть, по любви сошлись...

— Я-то знала, да про любовь-то нашу люди не знали... Силкомъ-то меня взять мало кто возьметъ, да любовь-то моя съ чего ко мнѣ пристала? Вотъ ты что мнѣ молви: съ зелья-ли, съ приворота-ли, али съ обхода какаго?

— Съ удали молодецкой, съ припѣвки моей, да съ присви-сту—вотъ съ чего, Танюша...

— А ты не замай, не трожь, тебѣ говорить. Не за тѣмъ пришла... Тебѣ ясы точить да бахвалиться, а мнѣ горе горевать да плакаться: такъ не такая я, парень, дѣвка... Коли не умѣлъ отъ людского глаза уберечься, коли далъ прознатъ людямъ про нашу пробывку полюбовную, про мой стыдъ, что съ муживомъ женатымъ связалась, коли приходится мнѣ теперь замужъ идти за немилаго, такъ не тѣпиться же и тебѣ моей красой... Былъ у тебя свѣтъ въ глазахъ, была Танюха, что ни на есть первая дѣвка, хороходница, пѣсельница, а теперь нѣтъ про тебя ее, а есть про тебя одна жена немилая, плаксивая, слюнявая... Ступай къ ней, а здѣсь тебѣ нѣтъ череда... Слышалъ?..

— Такъ-то, Татьяна Дмитревна...—проговорилъ озадаченный, неожиданный такой выходки Илья.

— Такъ-то, Илья Кузьмичъ... Уходи, проваливай... Поищи другой экой-то дѣвки: коли найдешь, приходи похвастаться... Коли угодила я своей рѣчью тебѣ подъ сердце, такъ мнѣ и лучше не надо... слаще мнѣ это меда... Счастливо оставаться!..

Татьяна пошла прочь отъ Ильи. Онъ нагналъ и схватилъ ее за руку.

— Не трожь, а то на всю деревню закричу: всѣхъ перебулгачу...—громко сказала Татьяна, вырывая свою руку.—Подъ къ женѣ: на что лучше своя, законная...—прибавила она со злобынымъ смѣхомъ, ускоряя шаги къ дому.

— Татьяна Дмитревна, да что-жъ ты и самъ-дѣлѣ... Чтожъ ты моихъ-то рѣчей не хочешь выслушать...—говорилъ Илья, слѣдуя за ней.

— Свои-то рѣчи ты женѣ побереги, да и мои перескажи:

вотъ, молю, дѣвка какая, не разлучница, сама милаго дружка прогнала отъ себя, къ женѣ спать послала...

Татьяна подходила къ крыльцу. Илья опять хотѣлъ остановить ее.

— Таня, лапушка, да постой...

— Миндали-то эти ты женѣ разводи, а мнѣ до тебя ниваго дѣла нѣтъ... Проваливай... Отстань, надсаднивь ты мой окаанный... При послѣднихъ словахъ въ голосъ Татьяны слышались слезы, но она съ такой силой толкнула Илью, который было ее обнялъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, и быстро, безъ всякой уже осторожности, взбѣжала на крыльцо, и захлопнула за собою сѣнную дверь.

Придя въ свѣтелку, она бросилась на лавку и на-взрыдъ заплакала.

Илья нѣсколько минутъ постоялъ около крыльца, почесался, выругался, и пошелъ домой.

IV.

Матрена Поликарповна подробно сообщила мужу о результатахъ своей поѣздки и своихъ наблюдений.

— Мнѣ очень припало по мысли паренекъ-то,—заключила она:—такой смиренный, поклончивый...

— А пуще всего грамотный: это-то вотъ мнѣ ужъ очень любо...—замѣтилъ Дмитрій Петровъ.

— Ну, и самъ-то старикъ ничего, человѣкъ разсудительный... Конечно, бѣдность у нихъ, недостатки, да, вѣдь, это какъ кого Богъ наградитъ... А по-моему, изъ бѣдной-то семьи намъ лучше еще взять: больше въ глаза будетъ смотрѣть, больше станутъ слушаться: знаетъ, что все у тестя да у тещи въ рукахъ... И родня-то все ужъ больше будетъ съ почтеніемъ да съ угоженіемъ.

— Такъ что же, надо боли хлопотать...

— Надо, надо, Дмитрій Петровичъ: ни искать другого, ни думать нечего... Парень подходящий!.. нечего сказать!.. Вотъ, смотри, дядя Демьянъ, онъ мужикъ догадливый, онъ домекнулъ дѣломъ-то, смотри, гдѣ-нибудь да ужъ до тебя дотопчется и рѣчь заведетъ насчетъ этого, такъ ты его больно-то и не отваживай, тянуть-то нечего, а такъ молви слово, что, молю, у насъ въ дому двери для добрыхъ людей не заперты, завсегда милости про-

симъ... Обо всякомъ, моль, дѣлѣ говорить надо, помолившись да подумавши...

Но Дмитрію Петровичу не пришлось искать и долго ждать встрѣчи съ дядей Демьяномъ. Въ первый же ближайшій праздникъ онъ самъ явился прямо въ домъ къ Дмитрію Петрову. Матрена, завидя его, тотчасъ же удалила изъ избы Татьяну, и послала разбудить и позвать спавшаго мужа.

— Вотъ, Матрена Поликарповна, не въ долгихъ и къ вамъ Богъ привелъ... Не осудите, — говорилъ, раскланиваясь, Демьянъ.

— Очень благодарна, милости просимъ. Дорогимъ гостямъ всегда рады... Али къ большаку насчетъ какихъ вашихъ дѣловъ?

— Да, то-есть, дѣлцо-то оно у меня, конечно... Наши торговля дѣла такія, что всегда объ нихъ разговоръ имѣть можно... Нѣтъ, тутъ я за долгишкомъ ѣздилъ вотъ въ Тропинское, да по сосѣдству и къ вамъ мимоѣздомъ... Гдѣ же Дмитрій-то Петровичъ?..

— Да онъ дома... Поди, чай, спитъ праздничнымъ дѣломъ на сѣновалѣ... Сейчасъ придетъ... Да чтой-то ты гдѣ сѣлъ, дядя Демьянъ, больно далеко... Садись поближе къ столу-то, честиѣе будетъ.

— Уже больно ты меня почѣстно примаешь, Матрена Поликарповна, больно высоко садишь... — замѣтилъ лукаво Демьянъ, пересаживаясь къ столу подъ образами. — Господи благослови, мѣсто-то хорошо: крѣпко бы мнѣ на немъ сидѣть, да съ той же честью уйти, съ коей пришелъ... Бываетъ то не хорошо, Матрена Поликарповна, какъ гостя-то посадятъ высоко, а послѣ за рукавъ и выведутъ изъ избы-то...

— Это, вѣдь, Демьянъ... какъ васъ по батюшѣ-то?..

— Прохорычъ... — привставши и поклонившись отвѣтилъ тотъ.

— Это, Демьянъ Прохорычъ, отъ рѣчей бываетъ: какія кто рѣчи говорить... Коли рѣчи тѣ отъ гостя по мысли да по сердцу, такъ его не то что подъ Богомъ садятъ, а и угощеніе правятъ; а коли рѣчи не въ согласъ идутъ, такъ извѣстное дѣло: взялъ за рукавъ да и вывелъ...

— Это такъ, Матрена Поликарповна, вѣрно твое слово: коли я, быть, кунецъ, и пришелъ къ тебѣ за товаромъ, а товаръ-то у тебя не продажный... ну, ты, стало-быть, мнѣ и отказъ предлагаешь: вотъ Богъ, а вотъ порогъ... Или хоть онъ и продажный, да не по моей силѣ, и обидно тебѣ даже, что я съ немь-

той рожей язнулся и торговать-то его... Ну, стало-быть, тебѣ тоже рѣчей со мной тратить не приходится, а значить: за руку, да и вонь изъ избы... Это такъ вѣрно: тутъ и обижаться нечѣмъ, на все власть — воля Божія, Божіе положеніе... о томъ ему, Создателю, и молимся... Одинъ богатъ да умень... другой бываетъ и бѣденъ да счастливъ. — Какъ кого Господь наградить... О томъ и я тебѣ благодарствую, Матрена Поликарповна, что ты насъ при нашей бѣдности и при нашемъ богатствѣ на большое мѣсто сажаешь... То-то и спрашиваю, вѣрно ли мнѣ будетъ сидѣть... Не обидѣть бы тебя... Такъ ли я говорю?..

— Счастье-то въ людяхъ, говорятъ, отъ ума живетъ, Демьянъ Прохорычъ: который человекъ и бѣдный, да наградить его Создатель разумомъ, онъ никогда никого не обидитъ, потому слова знаетъ умныя, и разговоръ такой поведетъ, что можетъ всякое дѣло себѣ на счастье поворотить... А у насъ съ мужемъ такой ладъ: умному человеку всегда большое мѣсто...

— На томъ покорнѣйше благодаримъ, Матрена Поликарповна, что не обезсудила, первымъ рѣчамъ моимъ остуды не дала... а тамъ Богъ...

Въ это время въ избу вошелъ Дмитрій Петровичъ. Онъ былъ со сна, глаза красные, лицо потное, въ волосахъ торчалось сѣно.

— А-а, Прохорычъ... Добро пожаловать...

Демьянъ церемонно раскланивался и уступалъ свое мѣсто хозяину.

— Садись-ка, садись... Что-же, хозяйка, самоварчикъ бы наставила. А я, братъ, соснулъ чудеснымъ манеромъ... на свѣженькомъ-то сѣнцѣ важно... Вотъ теперь чайку-то испить первый сортъ... Что-жъ, Поликарповна, наставь самоварчикъ-то для гостя...

Но Матрена даже не пошевелилась: ея лицо выражало не-удовольствіе. Дмитрій Петровичъ догадался, что еще разговора окончательнаго не было и что, слѣдовательно, угощать свата еще рано и неприлично.

— Ну что, какъ дѣла? — обратился онъ къ Демьяну.

— А что, Дмитрій Петровичъ, дѣла на свѣтѣ всякія: и худыя, и хорошія... Кому какъ Богъ дастъ... Иной бьется-бьется, а ничего не дается, а другому все въ руку...

— Знамо, все отъ Бога, — отвѣтилъ, зѣвая въ руку, Дмитрій Петровъ. — Надо больше Богу молиться; грѣшны мы, мало Богу-то молимся...

— Иной и Богу-то молиться не умѣетъ... Хорошо какъ кто

въ грамоту учень, тому хорошо: развернулъ Божию книгу, да и читай... Его и Богъ скорѣй услышитъ...

— Это вѣрно...

— Вотъ у Сажиныхъ, ты, Матрена Поликарповна, видѣла, оба парня-то хороши, и старшій, и меньшей, и разумъ-то у нихъ ровный, а меньшей-то завсегда верхъ возьметъ, потому грамотный: въ церковь ли пришелъ—сейчасъ на крылосъ, руку приложить—сейчасъ бѣгутъ за Семеномъ, его и попъ знаетъ, и все такое. И пойдетъ человекъ въ люди. Правильно ли я говорю, Дмитрій Петровичъ? Матрена Поликарповна?

Но Дмитрій Петровичъ вмѣсто отвѣта только промичалъ что-то и зѣвнулъ въ руку, а Матрена Петровна даже глазомъ не моргнула, точно ничего и не слыхала.

Прошло нѣсколько мгновений совершеннаго молчанія. Демьянъ кашлянулъ.

— Вотъ ты гостила у Сажиныхъ-то, Матрена Поликарповна: какъ тебѣ семья-то ихняя?..

— Ничего, они люди такіе ласковые, привѣтныя... Нужда, видно, только большая...

— Сама видѣла, какая семья-то?.. А ничего, они поправляются... Вотъ старикъ-отецъ срубы присматриваетъ, другую избу хочетъ ставить: неровно, говорить, сына второго женю, такъ, чтобы было гдѣ жить съ женой; ему, говорить, и отдамъ, и самъ, говорить, съ нимъ буду жить, да помогать, а старшій пускай, говорить, живетъ въ отдѣлѣ... Что-же, вѣдь, это онъ правильно говорить, что надо ему меньшого сына на первыхъ порахъ поддерживать: ему помогать?

— Что же, дай Богъ добра всякому хорошему человеку!..— уклончиво проговорила Матрена.

— Нѣтъ, я насчетъ того, что Семену-то, коли отецъ выстроитъ ему новую-то избу, да женитъ и самъ къ нему перейдетъ жить—и очень превосходно будетъ. Жена въ дому будетъ большая, отецъ насчетъ поля, а онъ самъ человекъ грамотный: ты его куда хошь поверни, онъ на всякую руку... и торговлей можетъ заняться...

Демьянъ примолкъ и опять ожидалъ какого-либо замѣчанія.

— Конечно, всякій человекъ старается, чтобы какъ ему было лучше и вольготнѣе...—опять также уклончиво проговорила Матрена.

Затѣмъ опять наступило молчаніе. Демьянъ снова кашлянулъ.

— Ну, хозяева,—сказалъ онъ наконецъ:—посадили вы меня

въ мѣсто, сдѣлали вы меня гостемъ, не обезсудьте теперь на моихъ рѣчахъ... Онъ привсталъ и поклонился.

— Говори: послушаемъ!—сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Коли будете говорить къ дѣлу, такъ и мы вамъ будемъ отвѣчать по дѣлу, а на бездѣльные рѣчи мы не отвѣчаемъ! — прибавила съ своей стороны Матрена Поликарповна съ гордымъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

— По-моему бы моя рѣчь къ дѣлу и отъ чистаго сердца, а любя ли она вамъ будетъ, вы мнѣ по дѣлу и скажете, а въ обиду себѣ не полагайте. Сама ты видѣла, Матрена Поликарповна, парня Семена Сажина: каковъ онъ есть изъ себя человекъ и что въ него Богомъ положено, мнѣ говорить о томъ, стало-быть, нечего... Сама ты изволила молвить, что по уму человекъ и счастье бываетъ... Надо дѣло говорить: о Семеновомъ счастьѣ и пришелъ я вамъ кланяться... Коли не противны вамъ мои слова, примите меня за свата: у васъ товаръ, у меня купецъ: не богатъ да таровать, не знатенъ да умень, не съ гордостью, а съ поклономъ да съ почестью... Не знаю во что положите: подъ Богомъ ли сидѣть да съ хозяевами въ согласіи хлѣбъ-соль водить, или поклонъ да и вонъ, отъ воротъ поворотъ, да и съ Богомъ домой?.. На чемъ порѣшите, то и говорите: мы бьемъ челомъ съ поклономъ и съ прошеньемъ, а тамъ Божья воля да родительская...

Демьянъ вновь поклонился и замолчалъ: Матрена удерживалась отъ отвѣта, уступая эту честь и право большаку, хотя ей сильно хотѣлось говорить.

— Говори, жена: это ваше бабье дѣло... Ты мать!.. — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Мы купцомъ не брезгуемъ, хоть и товаръ у насъ не дешевый, не хаеный... Поклонъ вашъ и почтеніе за дѣну беремъ, хоть купцы вы и не богатые. Не все богатство—и человекъ нуженъ; не все деньги — и послуга дорога, а больше того миръ да любовь и къ родителямъ почтеніе. Семень Сидоровичъ не зорный женихъ: тихой онъ парень и смиренный, и при грамотѣ —этого отнять у него нельзя. А только то надо, сватушка, въ умѣ вамъ держать, что дочь-то у насъ одна, какъ свѣтъ въ глазахъ, какъ сердце въ утробѣ... Отдать ее въ люди, ровно свѣтъ изъ глазъ вынуть, этого и думать нечего: въ люди мы ее не отдадимъ. Не со свекромъ ей жить и со свекровью, а такъ мы въ умѣ положили: пушай она намъ въ домъ сына приведетъ, чтобы намъ старивамъ смотрѣть да тѣшиться, да уму-разуму дѣтей учить и вначать качать, и изъ теплыхъ рукъ своимъ

дѣткамъ, за ихъ любовь и почтеніе, что ни скопимъ — все пожаловать... Вотъ вы что, сватушка, должны въ предметѣ имѣть: коли къ тому рѣчь ваша шла, такъ и разговоръ у насъ будетъ, а коли къ чему другому, такъ сочти, что и рѣчей твоихъ не было, что и не слыхали мы ихъ.

— Да, это говорить нечего: въ чужой домъ не отдамъ... — подхватилъ Дмитрій Петровичъ, которому многорѣчіе Демьяна и жены уже стали надобдаты. Коли хочеть приязниться, такъ вотъ толкуйте съ женой: она парня хвалить... А это нечего пустое и говорить: избу выстроить, да отдѣлить сына... и самъ съ нимъ жить будетъ... Намъ это не подходящее... Пустое дѣло... Коли хочеть въ намъ въ домъ идти, сыномъ мнѣ быть, да слушаться, да съ женой ладно жить—это другой разговоръ...

— Обидненько будетъ, Дмитрій Петровичъ...

— Чего обидно... Одежи я имъ обоимъ нашу вволю, свадьбу сыграю на свой счетъ... ужъ свата ни до чего не доведу: весь мой изьянъ... Только бы было въ чемъ жениху подъ вѣнецъ встать, вотъ и вся его трата... Какая тутъ обида?.. Для него лучше не надо... за счастье долженъ считать... Такъ, что ли?.. Коли ладно, такъ давай по рукамъ бить, да пропой пить, а послѣ того чайку... У меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло... Тутъ ванитель-то тянуть нечего... Надо дѣло говорить?.. Ну?.. ставить, что ли, самоваръ-то?..

Дмитрій Петровичъ протянулъ къ Демьяну руку ладонью вверхъ. Матрена Поликарповна хмурилась и была не довольна такимъ грубымъ и быстрымъ поворотомъ дѣла: по ея мнѣнію, мужъ велъ себя крайне неприлично, и безъ достоинства; по ея мнѣнію, обрядъ сватовства, такъ прекрасно начатый, былъ вполнѣ испорченъ и нарушенъ торопливостью и рѣзкостью мужа. Но дѣлать было нечего: Демьянъ перекрестился и ударилъ по рукѣ Дмитрія Петровича.

— Будь Божья воля. Поцѣлуемся, сватушка! — сказалъ онъ при этомъ.

— Вы хоть бы помолились сначала... — сказала съ неудовольствіемъ Матрена Поликарповна.

— Что-жъ, все одно: мы и теперь помолимся! — возразилъ Дмитрій Петровичъ, вставая и обращаясь къ образамъ.

— Господи благослови, — проговорилъ Демьянъ, также вставая и крестясь: — подай Господи, на согласъ да любовь и на всякое благополучіе... Творецъ милостивый... Пресвятая Богородица... Матушка, неопалимая купина, не опали ты насъ грѣшныхъ... — продолжалъ онъ, размашисто крестясь и вздыхая.

— Ну, сватушка, свахонька... дай Господи! — обратился Демьянъ къ хозяевамъ, вланяясь. — По началу бы и конецъ святой... Никто бы не перешель, не переѣхалъ... Тьфу, тьфу!.. — Демьянъ плюнулъ по сторонамъ.

— Дай Богъ... дай Богъ!.. — отвѣчала повеселѣвшая Матрена Поликарповна.

— Теперь, свахонька, съ вашего позволенія, можно и выпить, помолитесь-то, чтобы дѣло наше крѣпче было...

— Давай, давай, жена, скорѣе... Есть ли дома водка-то?..

— Ну, какъ не быть... Сейчасъ подамъ...

— Какъ у тебя не быть въ дому, Дмитрій Петровичъ, — весело сказалъ Демьянъ: — чай, полная чаша всего...

— Да, братъ, благодаримъ Создателя... Слава Богу, живемъ по трудамъ по своимъ...

— Сватушка, пожалуйста-ка, — подчивала Матрена Поликарповна Демьяна.

— Съ васъ, свахонька...

— Ну, будьте здоровы. Всѣмъ бы намъ на радость, на союзъ да любовь.

— Дай Богъ!

Матрена Поликарповна пригубила, за ней Демьянъ и Дмитрій Петровичъ.

Хозяинъ велѣлъ полуштофъ оставить на столѣ, а Матрена Поликарповна побѣжала ставить самоваръ. Такимъ образомъ судьба Татьяны была рѣшена.

Сваты долго еще сидѣли и долго толковали о всѣхъ будущихъ свадебныхъ порядкахъ; въ Ильинъ день назначили быть поглядѣнкамъ и запою, а самое вѣнчанье положили сдѣлать послѣ Успенья, по окончаніи ярового жнитва.

V.

Тотчасъ, по отѣздѣ Демьяна, Матрена Поликарповна объявила дочери о рѣшеніи ея участи; но та сама уже догадывалась объ этомъ, видя веселое лицо матери, хлопоты ея около самовара и заботливое, щедрое угощеніе гостя.

— Ну, Танюшка, молись Богу, — говорила мать дочери, глядя ее по головѣ: — Богъ тебѣ суженаго указалъ, да какой парень-то: степенный, смиренный, богомольный... Отецъ со сватомъ Демьяномъ сегодня по рукамъ ударили, а въ Ильинъ день поглядѣнки будутъ... Благодари Его, батюшку нашего, Создателя милостиваго...

Грамотный паренекъ - отъ, въ салтырь читаетъ и на врылосу поетъ...

— Какіе такіе?... Изъ нищей братіи что-ли, что стихи знаетъ да поетъ?...—злбно, язвительно, насмѣшливо спрашивала Татьяна.

— Вишь ты, какая дѣвка-то, Танюха, какое сердце-то въ тебѣ,—съ упрекомъ и огорченіемъ возражала Матрена.—Мать-то для тебя старалась, сама ѣдила, хлопотала, высматривала, да выпрашивала, а ты, чѣмъ бы спасибо сказать, какія слова-то говоришь?... Знаешь свою вину, такъ ужъ молчала бы, благодарила бы да кланялась матери-то, печальницѣ...

— Что же, матушка, я не супротивничаю... Знамо, ужъ теперь за кого хотите, за того и высуните: хоть за старца вонъ слѣпного, что въ оградѣ, около церкви, стихи поетъ — и за того должна идти да родителей благодарить... Такова ужъ моя судьба теперь: жалѣть меня нечего...

— Эко ты зелье, эко ты зелье, дѣвка... Развѣ таковы твои родители? Что, они тебя мучили да тиранили нешто?... Нѣтъ, какъ-бы они тебя тиранили-то, не такая бы и ты была: была бы потише да попоклончивѣй... не посмѣла бы по ночамъ бѣгать, да на чужихъ мужьевъ вѣшаться... А правда, надо бы тебя, дѣвку, въ руки взять, надо бы въ чужой домъ отдать, чтобы ты со свекромъ, со свекровью да съ золовками пожила, да и мужа-то такого, чтобы эту прыть съ тебя сбиль... Вотъ бы ты и вспомнула родителей-то... А родители-то твои, чѣмъ бы тебя поучить да расказнить за твой грѣхъ, только о томъ и думаютъ и печалуютъ, какъ бы твою голову вѣнцомъ прикрыть отъ срама, да отъ людского насмѣха... И не то, чтобы какъ, зря, замужъ въ люди высунуть, а съ разсудкомъ да разсмотрѣніемъ парня-то выбираютъ, чтобы къ себѣ въ домъ взять, на все свое продовольствіе, чтобы жила дочка въ дому родительскомъ въ холѣ да прохладѣ, да чтобы и отъ мужа-то въ обидѣ не была: такого и выбираютъ... Другая бы дѣвка у матери-то радѣльницы, за это, въ ногахъ валялась да ноги цѣловала и слезьми обливала, а наша дочка...

— Да ну, полно, матушка, не точи ты меня, не рѣжь безъ ножа... Ну гдѣ мнѣ слезъ взять, воли нѣту ихъ... И безъ того-то мое сердечушко все изныло, ровно червь его сосѣтъ... Не замай ты меня... Раньше бы смотрѣть за дѣвкой да воли не давать... Можетъ и впрямь лучше бы было, кабы допрежъ вы меня били да уму учили... А ужъ теперь сама спохватилась дѣвка, да поздно... Ахъ, не трожь ты меня, не замай, матушка... Сама

я все знаю, все чувствую... Скажи инъ лучше: какіе такіе, за кого вы меня просватали?...

— Изъ Мандуровъ — Сажины... люди добрые, степенные... Свату Демьяну сродники... А онъ, Семень, парень пречудесный, смиренный... будетъ мужъ тебѣ поступчивый... а тебѣ такого и нужно... И изъ лица ничего...

— Мнѣ все едино: по мнѣ всякой ладень...

— Ну, дѣвка, тоже... съ тобой ладить-то... Какъ дать тебѣ какого мужа характернаго: чтó промежь васъ пойдетъ?... А ужъ такъ думаю, что ты надъ этимъ большухой будешь... Пущай ужъ... Они, правда, люди небогатые, да у насъ, слава Богу, своего довольно: есть чѣмъ и тебѣ прожить съ дѣтками... А будетъ у отца-то зять грамотный да послушный, будетъ ему помощникомъ, такъ и еще наживемъ...

— Вы бы только скорѣе меня окрутили, что ли... проговорила Татьяна.

— А вотъ въ Ильинъ день смотрины будутъ, а послѣ Успенья, Богъ дастъ, и свадьбу сыграемъ... Ужъ скорѣй-то не справиться: въ людяхъ тоже работа идетъ, да, вѣдь, не на смѣхъ же людямъ и дѣло дѣлать, надо же и приданое тебѣ пошить... Больно-то крутить будетъ и передъ людьми заorno: хуже говорить стануть, да смѣяться: что, молъ, ужъ такъ скоро понадобилось...

Татьяна больше ничего не спрашивала и не возражала матери: она слушала ее молча и безучастно. Послѣ извѣстнаго послѣдняго свиданія съ Ильею, она не видала его, не выходила на улицу и всячески избѣгала встрѣчи не только съ нимъ, но даже съ кѣмъ-либо изъ деревенскихъ. Какіе подходы ни употреблялъ Илья, чтобы вызвать Татьяну на свиданіе—это ему не удавалось; она вѣрно держалась даннаго самой себѣ и родителямъ слова. Но, сидя около окна избы или свѣтелки, Татьяна нерѣдко видала на улицѣ Илью и, спрятавшись за воякъ, чтобы онъ ее не замѣтилъ, смотрѣла на него, любовалась втихомолку и мысленно приговаривала ласковыми словами, или съ какой-то особенной злобой посылала ему вслѣдъ брань и проклятія. Татьяна сама себѣ не могла бы дать отчета: любить ли она его, или ненавидитъ. То онъ ей казался такимъ другомъ сердечнымъ, за котораго души бы своей не пожалѣла, то злодѣемъ заклятымъ, который всю судьбу ея испортилъ, всю ея жизнь погубилъ...

Вечеромъ, подъ самый Ильинъ день, наканунѣ предстоящихъ смотринъ, Татьяна сидѣла, пригорюнившись, у окна. Ни матери, ни отца въ избѣ не было: Матрена Поликарповна хло-

потала съ приготовленіями къ завтрашнему празднику, а Дмитрій Петровичъ сидѣлъ, въ ожиданіи ужина, на лавочкѣ за воротами. Вдругъ Татьяна слышала вдали гармонію и пѣсню, которую пѣлъ знакомый голосъ Ильи.

«Нѣтъ у него горюшка обо мнѣ, у окаяннаго», думала Татьяна: «вѣдь, ужъ вся деревня знаетъ, чай, теперь и онъ знаетъ, что завтра женихъ пріѣдетъ, запой пить будутъ... А онъ пѣсни горланить, да въ гармонію играетъ еще подъ праздники-то подъ какой: ему все ничего, все нипочемъ... Нѣтъ ни стыда въ глазахъ, ни страха, ни совѣсти, ни передъ людьми, ни передъ Богомъ...» Пѣсня и гармонія между тѣмъ приближалась къ дому Дмитрія Петровича.

«Батюшки, да онъ никакъ мимо насъ хочетъ идти: что онъ это на зло да на смѣхъ мнѣ показать хочетъ, что, дескать, мнѣ наплевать на тебя, и думать не хочу... Али, можетъ, нарочно: повѣстку мнѣ о себѣ дать хочетъ... Что онъ поеть-то?» Татьяна стала прислушиваться. Илья пѣлъ:

Во слезахъ-то я ее упрасивалъ:
Красавица-забавница, ты хоть глазкомъ взгляни!
— Нельзя, милой, глазкомъ взглянуть:
Покрытую къ вѣнцу везуть.
Красавица-забавница, ты хоть платкомъ махни!
— Нельзя, милой, платкомъ махнуть:
По праву руку женихъ сидитъ,
А по лѣвую—свахонька.
Красавица-забавница, ты мнѣ хоть голосъ дай!
— Нельзя, милой, открытися: во обрученъ я.

«Болѣзной мой, это онъ ко мнѣ прибираетъ»... думала Татьяна, и слезы подступили у нея къ глазамъ и давили ей горло.

Между тѣмъ пѣсня кончилась, и голосъ Ильи замолкъ прежде, чѣмъ онъ поравнялся съ избой Дмитрія Петровича.

«Вотъ опасается же мимо насъ-то ходить да пѣть: тоже думно ему обо мнѣ, а не хочетъ и передъ людьми срамить».. продолжала любовно размышлять Татьяна. Но вдругъ Илья запѣлъ другую пѣсню и съ нею подходилъ все ближе и ближе къ дому Дмитрія Петрова. Татьяна сразу, по напѣву, по первымъ звукамъ, узнала эту знакомую пѣсенку и точно что кольнуло ее въ сердце.

Какъ по первой по порошѣ
Шель Ваня хорошій,
Не путемъ шель не дорогой,
Чужимъ огородомъ.

Онъ чужою шель межю,
 Чужой бороздою.
 Подходилъ душа Ванюша
 Ко заднимъ воротамъ,
 Ко заднимъ воротамъ,
 Ко задней стѣнѣ.
 Припадалъ душа Ванюша
 За задней стѣною,
 Набиралъ душа Ванюша
 Кругъ бѣлаго снѣга,
 Онъ кидаетъ и бросаетъ
 Во заднюю стѣну,
 Во заднюю стѣну,
 Къ Машѣ на постелю...
 Душа Маша догадайся,
 Радость дожевнився...

Татьяна съ замираніемъ сердца слушала эту, такъ много напоминающую ей пѣсню: вся ея любовь къ Ильѣ, насильно спрятанная, придавленная, снова поднималась, душа ея рвалась къ нему. Татьяна разсмотрѣла въ сумеркахъ удалую фигуру Ильи, медленнымъ шагомъ проходившаго мимо ея оконъ и посматривавшаго на нихъ; она мысленно отвѣчала ему той же пѣснью:

Не порою, Ваня, ходишь,
 Не временемъ ходишь:
 У бабушки гости въ гостяхъ,
 У матушки гости,
 У мила брата ребята,
 У меня подруги...

Но вдругъ она услышала сердитый голосъ отца, тамъ внизу, на улицѣ, около воротъ:

— Чего, оголтѣлый, зѣваешь?.. Что башку-то вверхъ задралъ: чего на застрѣхахъ-то высматриваешь?.. воронь, что ли, считаешь?..

Илья остановился. Онъ былъ выпивши, и притворился, что не узналъ Дмитрія Петрова.

— Ты кто такой?.. Тебѣ чего нужно?—спросилъ онъ превеличенно пьянымъ голосомъ.

— Я тебѣ дамъ: чего нужно?.. На сходи тебя позвать да вздутъ хорошенько, чтобы не дралъ горло по ночамъ, да подъ экой праздникъ... Вотъ чего нужно... Пьяница ты пропойная, прокурать питерской!.. Ишь зѣваетъ на всю деревню... ночью!.. Люди спать, али Богу молятся наканунъ праздника, а онъ съ гармоніей... глотку дереть...

— Такъ что?... Я на свои гуляю... Завтра мой ангель...

Ангелу златъ вѣнецъ, а мнѣ добраго здоровья... Ты что за человекѣтъ?...

— Ну, у меня не прокурать: проваливай, пова цѣль... Я те проздравлю, вась, на сходѣ, съ ангеломъ... Ишь ты: чѣмъ бы Богу молиться, да свѣчу ангелу-то поставить, а онъ въ кабакѣ... Батька-то прогорѣлъ, а ты остатки всѣ изсоришь да промытаришь... Пошелъ, пошелъ прочь отъ моего дома...

— А, постой, стало-быть, это домъ чей же будетъ?.. Стой, сейчасъ смекну... Изба пятистѣнная, крыша тесовая... Стало-быть, Дмитрій Петрова выходитъ... Свой братъ, человекѣтъ торговый... Наше съ квасомъ...

Илья нахально протянулъ къ нему руку. Дмитрій Петровичъ обидѣлся и вышелъ изъ себя: онъ искалъ глазами около себя чего-нибудь, чѣмъ бы можно было ударить, и если бы попалась палка или полѣно, онъ непременно пустилъ бы его въ Илюху.

— Ты пошелъ, говорятъ... Дай часть, постой... Я те усудблю, голубчику...

— Что-жъ ты мнѣ можешь сдѣлать?.. Ничего ты не сдѣлаешь... На сходѣ?.. Пойдемъ... Съ нашимъ удовольствіемъ... Я, братъ, самъ слова знаю...

Въ это время въ воротахъ показалась Матрена Поликарповна. Она высунулась-было въ окно кликнуть мужа ужинать, какъ услышала его перебранку съ кѣмъ-то, по голосу сейчасъ узнала Илью и бросилась за ворота, чтобы своимъ благоразуміемъ и хладнокровіемъ предупредить возможные неприятели, которыя ужъ вовсе были бы теперь не ко времени.

— Что ты это, Дмитрій Петровичъ, съ нимъ связался,—сказала она, беря мужа за рукавъ:—съ пьянымъ человекѣтомъ... Видишь: онъ не помнитъ... Пойдемъ ужинать... А ты уходи, да ложись спать...—обратилась она къ Ильѣ.—Не хорошо, братецъ, не хорошо... Люди увидятъ—не похвалятъ: по чужимъ дворамъ ты ходишь, да шумишь... Вѣдь не къ твоей избѣ Дмитрій Петровичъ пришелъ, да ругаться съ тобой сталъ, а ты къ нашей, да еще и шумишь... Ступай съ Богомъ... Подемъ, Дмитрій Петровичъ!.. Онъ уйдетъ, да проспится: самому совѣстно будетъ.

— Я тебѣ, золото... погоди, дай срокъ управиться... Я тебя уважу...—сердито бормоталъ Дмитрій Петровъ, уходя въ ворота за женою...

— Что-жъ, мы уйдемъ... Мы своихъ родителей всегда должны почитать, потому вы замѣсть родителей мнѣ теперь стали...

Илья захохоталъ. И мужъ, и жена слышали эту послѣднюю его выходку, и Дмитрій Петровъ, перешагнувшій уже подворотню калитки, рванулся-было назадъ, чтобы отругнуться или даже ударить Илью, но Матрена Поликарповна успѣла захлопнуть калитку и задвинуть ее перекладомъ; а Илья съ хохотомъ пошелъ прочь, и, подыгрывая на гармоніи, затынулъ продолженіе той же пѣсни:

Пошелъ Ванюшка не весель,
Головку повѣсилъ,
Онъ головушку повѣсилъ
На правую сторонку,
Правой рученькой подперся.
Слезьми заливался.
Онъ слезами заливался,
Платкомъ утирался.

Татьяна слышала всю перебранку отца съ Ильей и не могла бы дать отчета, что она въ это время чувствовала: и любовь, и досада, и страхъ, все какъ-то перепуталось, она была какъ въ чадѣ. Услыша, что калитка щельнула и заперлась, она не то отъ страха, не то отъ какого-то невольнаго смущенія, не хотѣла встрѣтиться съ отцемъ и матерью, бросилась на печь и притворилась спящею...

— Дай только мнѣ ее окрутить... Не я буду, коли на сходѣ не вздуютъ его...—говорилъ, входя въ избу, сердитый, разгнѣванный Дмитрій Петровичъ.—Этакая семейка подлая... И батько-то его такой же людоѣдъ былъ, покойникъ... Меня, ужъ меня, на тридцать рублей нагрѣлъ... Такъ и пропали... Погоди, молодецъ, дай сровъ... Кажись, трехъ ведеръ не пожалѣю, поставлю мірянамъ, а ужъ вздуютъ... Гдѣ Танюшка-то?.. Все это черезъ нее, подлячку, неприятности эти прймай... Гдѣ Танька-то?..

— Да не вѣду гдѣ!.. Въ свѣтелеѣ нечто...

— Али къ нему убѣжала опять?.. Пѣсню какую игралъ, подлый, все противъ нея: выходи, говоритъ, сердечко, съ задняго крылечка... Подлый... Смотри: ушла къ нему...

— Полно-ка, отецъ... Она все бросила... Я, вѣдь, тоже, ты думаешь, не смотрю, что ли... Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь ужъ ее знаю: не поидеть...

— Ну, да ты все знаешь... А ты посмотри лучше: гдѣ же она?..

Но Матрена Поликарповна сама встревожилась и пла-было уже искать Татьяну въ другой избѣ и въ свѣтелеѣ, какъ, проходя мимо печи, услышала усиленное дыханіе дочери, притворившейся спящею.

— Ну, да вонъ же она, на печѣ: спать моя дѣвка, ничего не думаетъ...—проговорила успокоившаяся Матрена Поликарповна.— Нѣтъ, вѣдь я ее знаю: она хоть дѣвка характерная, а какъ что скажетъ, ни въ жисть не переменитъ... Она ужъ мнѣ побижалась, что все бросила и не пойдетъ къ нему...

— Ну, да ладно, ты ей вѣрь больше...—говорилъ Дмитрій Петровичъ, крестясь на образа и приготовляясь ужинать.—Экой океанный, обидѣлъ какъ, даже доселева все нутро дрожить...

Дмитрій Петровичъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба во весь каравай и запустилъ пальцы въ солоницу.

— Иду, говорить, не путемъ дорогой—чужимъ огородомъ... Ишь ты, подлецъ!—приговаривалъ Дмитрій Петровичъ, круто соля ломоть хлѣба.

— Золотó, говорить, сердечко, выйди на крылечко... Шельма... Дмитрій Петровичъ откусилъ кусокъ хлѣба.

— Право, шельма!—прибавилъ онъ, и усмѣхнулся.

— Что-жь, Таньку-то будешь будить ужинать-то, али нѣтъ?

— Да, знать, не хочеть,—отозвалась Матрена Поликарповна:—поѣла, чай, чего, да и спать... Танюха, а, Танюха, подь ужинать!..—говорила она, подойдя къ печѣ и поталкивая Татьяну въ плечи.

— Не хочу,—отвѣтила та какъ-бы сквозь сонъ, и переверотилась на другой бокъ.

— Пуцай спать,—сказала Матрена, возвращаясь къ столу и усаживаясь около мужа.—И то сказать: не до ѣды ей теперь... Объ завтрашнемъ днѣ, чай, думаетъ, о своей судьбѣ...

— Тащи лапшу-то!..—приказывалъ Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна застучала въ печѣ ухватомъ, вытащила горшокъ, вылила изъ него въ чашку, подала ее на столъ и вновь сѣла.

— А тебѣ бы, отецъ, и вниманья этого на него не брать...—заговорила Матрена, отправляясь съ ложкою въ чашку за лапшой.—Пуцай ходить, да дереть горло: что тебѣ...

— Да кабы я за воротами не сидѣлъ, да не противъ моего дома онъ шелъ, такъ я бы и не ввязался... Чортъ съ нимъ... А то, вѣдь, идетъ, да приостановится, да по окнамъ глазѣть... Таньку-то что ли онъ высматривалъ... да вызвать хотѣлъ... Ахъ ты, думаю: у насъ завтра поглядѣнки, запой будетъ, мы дѣло дѣлаемъ, а онъ что строить... да и подь какой день-то, подь самого батюшку Илью... Ну, и хотѣлъ шугнуть... А онъ и полѣзъ ко мнѣ...

— Ну, чего ты захотѣлъ отъ пьянаго. Еще хорошо, что

ушелъ отъ него со мной, а то у васъ что бы было... Ты знаешь его... Народъ бы услышалъ, онъ такой бы срамоты наговорилъ, что послѣ, пожалуй, и глаза не кажи передъ сватами-то... Слышалъ, онъ про родителейъ-то?.. Родители, говорить, вы мои...

— Да, вотъ какой!.. Еще, говорить, завтра мой ангель, а самъ о чемъ думаетъ... Разбойникъ мужикъ, пѣтый... Да ужъ постой, братъ, я подожду, а свое выворочу... Вось по осени сходить будетъ... Не забуду, небось, подожди...

— Лучше брось... Ну его... Не шевели—меньше воняетъ... Брось...

— Нѣтъ, не брошу... Ихъ не учить нельзя... Ему разъ спусти, онъ подумаетъ, что и... Дмитрій Петровъ ему не свой братъ... Я ему вось покажу... Онъ у меня пѣсни-то не экія запоетъ...

— Ну, да ужъ послѣ коли, только не теперь... Дай свадьбу справить... Теперь не шевели...

— Да я подожду времени... Ничего... А смѣяться ему не дамъ... Я еще и отъ отца его былъ доволенъ... Подождемъ..

— Ахъ, не троньте вы его, лучше не троньте. Лучше надомной что сдѣлайте, да его не троньте у меня, моего друга сердечнаго... Я вамъ все сдѣлаю, всякую покорность, только не замайте вы его... А то хуже будетъ!—хотѣла вскрикнуть Татьяна, прислушивавшаяся къ разговору отца съ матерью, но только подумала, а сказать не рѣшилась.

Ужинъ кончился, и отецъ съ матерью ушли спать, но Татьяна долго еще ворочилась съ боку на бокъ и не могла уснуть.

VI.

Въ Ильинъ день, послѣ обѣда, къ дому Дмитрія Петровича подъѣхали двѣ телѣги. Въ одной сидѣли знакомый дядя Демьянъ съ женою, а въ другой Семень съ отцомъ и невѣсткой, женой старшаго брата. Какъ только телѣги эти остановились у Дмитріева дома, во всѣхъ сосѣднихъ домахъ изъ открытыхъ оконъ высунулись лица любопытныхъ, которыя вслѣдъ затѣмъ появились за воротами своихъ избъ и стали сходиться въ группы, въ которыхъ слышался одинъ и тотъ же разговоръ о томъ, что къ Дмитрію Петровичу сваты пріѣхали съ женихомъ. Въ этихъ группахъ, двигавшихся и стоявшихъ около дома Дмитрія, преобладалъ женскій полъ. Желаніе узнать, что дѣлается въ этомъ большомъ пятистѣнномъ домѣ съ тесовою крышею, было написано на всѣхъ лицахъ; глаза всѣхъ съ жаднымъ любопытствомъ

были устремлены на закрытыя окна дома, чрезъ которыя издали, впрочемъ, ничего не было видно, но приличіе не позволяло подойти къ самому дому, взглясть на завалину, или примоститься какимъ-нибудь путемъ и прильнуть лицомъ къ самымъ стекламъ, какъ это дѣлается, когда справляютъ самую свадьбу. Смотрины дѣло тайное, семейное, и на него сторонніе люди не допускаются; врываются развѣ только неугомонныя малые ребятишки, которымъ никуда дорога не заказана и которые, въ деревняхъ, проливаютъ первыми всюду, куда имъ вздумается, и вертятся подъ ногами старшихъ до тѣхъ поръ, пока не надоѣдятъ и не прогнать ихъ вонъ метлой, вѣвникомъ, ухватомъ, палкой, окрикомъ или угрозой, безъ всякой церемоніи: тогда они вмгъ разсѣются въ разныя стороны, какъ вспугнутыя мухи, но и опять, смотришь, собьются въ кучу. Только эти невзванные врители и могли рассказать любопытствующимъ, что дѣлается подъ тесовою крышею. Нельзя сказать, чтобы эта публика была невнимательна и не наблюдательна: крестьянскія дѣти съ очень раннихъ лѣтъ входятъ во всѣ интересы старшихъ и рано знакомятся съ подробностями жизненнаго обихода. Въ 10-12 лѣтъ дѣвчонки и ребятишки не только знаютъ всѣ пѣсни, которыя поютъ въ хоровахъ, но и всѣ почти приговоры и причитанья; они не только участвуютъ въ работахъ старшихъ, но составляютъ уже себѣ извѣстныя, опредѣленные представленія о людяхъ и ихъ отношеніяхъ между собою: поэтому понятно, съ какимъ интересомъ любопытствующія сосѣдки перехватывали высказавшихъ изъ воротъ Дмитриева дома мальчишекъ и дѣвчонокъ и спрашивали: о женихѣ и невѣстѣ, о родителяхъ, о сватахъ и о всемъ, что въ домѣ дѣлается.

Эти посредники успѣли рассказать любопытнымъ, что женихъ черномазый да пучеглазый, а въ кафтанѣ синемъ и въ красной опояскѣ, и сапоги новыя, все въ землю смотреть да по сторонамъ, ровно нескладной какой, али чего боится; что тятя у него старикъ старый, и кафтанъ на немъ старый: знать, сына обшили, а на самого-то вазны не сыстало: такъ въ старенькомъ и поѣхалъ; что матери у жениха нѣтъ, такъ замѣсто ея пріѣхала сноха, старшаго сына жена, молодая баба—ничего, такая сурьѣзная, молчать больше да ужимается, а не тѣльна, въ платкѣ въ красномъ и сарафанъ ситцевый, съ разводами; сваты—отецъ вкестный съ женой, сваты ловкіе: взять, купецъ съ купчихой, видно не изъ бѣдныхъ, краснойбай такой, а жена толстая, толстая—все пыхтитъ. А по дѣлу, надо полагать—на лады пойдетъ: самоваръ ставить, съѣстнымъ пахнетъ, знать, готовились...

Между тѣмъ, въ домѣ Дмитрія Петровича шло все своимъ, издревле установленнымъ складнымъ порядкомъ, зачѣмъ, точно сговорась, единодушно наблюдали Матрена Поликарповна и дядя Демьянъ. Въ избѣ гостей встрѣтили хозяева, но безъ дочери,— чинно и чопорно, но съ большимъ радушіемъ и привѣтливостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій и взаимнаго знакомства, сваты всѣ сѣли къ столу, на которомъ уже стояла водка и закуски, а Семень, по указанію Демьяна, помѣстился въ задній уголъ, въ кутокъ.

— Сватушка, свахоньки, пожалуйста-ка съ дорожки-то: выкупайте! — подчивала Матрена Поликарповна.

— Да ты бы самоварчикъ намъ...—замѣтилъ съ своей стороны Дмитрій Петровъ.

— Грѣтся, грѣтся... Вотъ водочки-то сначала... Тоже не близко мѣсто ѣхали... Пристали, чай...

— Сватушка, Сидоръ Масеичъ, пожалуйста-ка... — поддерживалъ жену Дмитрій Петровъ.

— Съ дорожки-то, знамо... Ну, будьте же здоровы... Дай Богъ въ добрый часъ! — отвѣчалъ Сидоръ, выпивая рюмку..

— Свать, Демьянъ Прохорычъ, пожалуйста-ка... Заваю, чай, не влалъ?..

— Нѣту, сватушка, нашъ завай до первой рюмки... потому торговому человѣку нельзя: не столь для своей души пьешь, сколь для товара да для человѣка... Все бы въ радость да согласъ дай же милосливой Создатель...

Свахоньки тоже не отказались и пригубили.

— А вотъ, Матрена Поликарповна, рѣчь-то твоя, — началъ Демьянъ, приступая къ дѣлу, — помнишь, молвила: гора съ горой не сходится, а съ человѣкомъ всяко бываетъ... Вотъ она умная-то рѣчь всегда къ дѣлу,.. Божіе-то произволеніе: и далеко живемъ отъ васъ, и горы, и овраги, и лѣса дремучіе, и рѣки текучія промежь насъ, а дасть Господь, и путь-дорожка къ вамъ легла намъ сватертью... Ѣхали не пеняли, не жалобились: по своей доброй охотѣ, за хорошимъ дѣломъ, слава тебѣ Господи!..

— Какіе-такіе ты тутъ наговорилъ горы и овраги, лѣса и рѣки, — замѣтилъ Дмитрій Петровичъ:—отъ Мандуровъ-то до насъ хоть шаромъ повати, ни одного, кажись, взлобика нѣтъ...

— Экой ты, Дмитрій Петровичъ, не все въ строку...

— Да и опять же это поговорка одна, — прибавила Матрена Поликарповна для внушенія своему безтолковому мужу:— что изъ сказки, что изъ пѣсни — слова не выкинешь, поговорка

говорится, то и это дѣло — все едино... А нашъ отвѣтъ на вашу рѣчь такой будетъ: коли ѣхали вы дальнимъ путемъ-дорогой, по Божьему прозволению, да по своей доброй охотѣ, сѣдоки и кони притомилися, противъ нашего двора становилися, наши ворота передъ вами отворилися, хозяйева рады добрымъ людямъ, богоданнымъ гостямъ, милости просимъ съ устаточку нашего хлѣбасоли кушать, убойнку рушать... А мы рады вашихъ рѣчей слушать: куда ваша путь-дорога лежитъ, за какимъ дѣломъ хорошимъ, какую Богъ думку вамъ на сердце положилъ...

— Вишь какъ развела... мастерица! — проговорилъ вполголоса Дмитрій Петровичъ, улыбаясь, поглаживая бороду и поталкивая локтемъ сидящаго рядомъ Семенова отца...

— Мастерица и есть... все бы слушалъ... — отозвался тотъ, трясая головой,

— Семень-то твой хоть и грамотный, а этакъ, пожалуй, не разведеть...

— Нѣтъ, нѣтъ, нечего: не разведеть... Гдѣ ему... По сатири онъ это... а такъ нѣтъ... не сказать! Больно ужъ хорошо!..

— Купцы мы дальніе, люди торговые, — продолжалъ Демьянъ... Не мимо мы ѣхали, не проѣздомъ, а наркомъ въ вашему двору правили... Не кони наши притомилися, не середъ пути они становилися: мы сами купчики-голубчики, молодые молодчики, сами къ вамъ ладили, за Божьимъ дѣломъ, за товаромъ хорошимъ. Вотъ нашъ купецъ молодець... Полюбите, пожалуйста... не обезсудьте, не ославьте, въ чести въ любви поставьте... Сена, встань да кланяйся родителямъ: батюшкѣ и матушкѣ...

Семень всталъ и поклонился Дмитрію Петровичу и Матренѣ Поликарповнѣ.

— Кланяемся и мы вамъ, сватушка и свахонька, челомъ бьемъ: коли любъ нашъ купецъ молодець, не оставьте, пожалуйста, прикажите товарца показать...

Демьянъ и всѣ прочіе родственники Семена встали и поклонились хозяйевамъ.

— Знаемъ мы, — продолжалъ Демьянъ, — доводились дополнинно, что товаръ у васъ дорогой, не продажной, не купленный, что и цѣны ему нѣтъ, не по нашимъ достаткамъ, да, можетъ, по нашей любви-совѣсти... На томъ Богу молилися и вамъ, родителямъ, кланяемся...

Матрена Поликарповна приготовлялась было что-то отвѣтить, какъ слѣдуетъ по порядку, но Дмитрій Петровичъ опять помѣшалъ:

— Ну, что же, жена, выводы, — сказалъ онъ, чего каните-

литься-то? Пуцай посмотреть другъ на друга... Только я, свать, въ себѣ въ домъ привячу... На томъ лады...

— Знамо, знамо, сватушка... Ужъ на томъ положили... Такъ видно Богу угодно... говорилъ Сидоръ Моисеевъ.

— То-то... А въ люди я не отдамъ...

— Знамо, знамо, сватушка...

— Ну такъ вотъ и ладно... Выводи же, жена...

Матрена Поликарповна, недовольная поведениемъ мужа, пошла въ свѣтелку, гдѣ сидѣла Татьяна, давно уже одѣтая и готовая на показъ жениху. Мать осмотрѣла ее съ ногъ до головы, кое-что поправила и не забыла вволоть въ рубашку спереди и сзади, на груди и на спинѣ, противъ сердца невесты, по двѣ иглоки крестомъ, въ предосторожность отъ всякой порчи и привора, но она умышленно, ради сохраненія своего достоинства, медлила и не торопилась выводить дочь. — Пускай, дескать, не думаютъ, что ужъ такъ ждали, ждаты какъ не знали, впередъ и одѣли и принарядили: какъ женихъ прѣхалъ, такъ и вывели. На вотъ, моль, смотри: совсѣмъ готова, радехонька!.. Пуцай подождуть!.. Да и этотъ, Дмитрій Петровичъ, право, тошнехонько съ нимъ: ни порядку, ни разговору хорошенькаго... Ровно на базарѣ, и впрямь съ товаромъ... Пуцай, коли подождуть...

Такъ разсуждала сама съ собою Матрена, но Дмитрій Петровичъ, освобожденный отъ присутствія черезчуръ церемонной супруги, не сидѣлъ даромъ, въ скучливомъ ожиданіи. Онъ усиленно подчивалъ и сватовъ и себя, и наконецъ обратился къ будущему зятю.

— А ну-ка, Семенушка, дай-ка тебя спытаю, побалакаю съ тобой. Ну что въ грамату знаешь?..

— Обучень.

— А на крылосу умѣешь?

— Можно.

— Всякой праздниекъ, сватушка... Завсегда на крылосу... — подхватилъ Сидоръ.

— Ну, а руку приложить?

— Это завсегда... Сколько угодно...

— Вотъ это ладно... А на-счетахъ?

— Ну, ужъ что ему на-счетахъ... И мы съ тобой, неграмотные люди, да на-счетахъ-то никому не уважимъ... — вмѣшался Демьянъ. — А ему ужъ это что... нипочемъ...

— Ну, а вотъ, примѣрно, свать Демьянъ мнѣ пражки продалъ съ-естолько пудовъ: я ему деньги долженъ отдать, а онъ у

меня холстомъ забралъ по-естольку кусоѣъ... Чтобы все видно было... Можешь?...

Семень задумался.

— Чтобы, значить, на памяти было... безъ обмана...—пояснялъ Дмитрій Петровичъ.

Вся родня Семена впиалась въ него глазами, ожидая удовлетворительнаго отвѣта, но онъ, скосивши въ сторону глаза, сидѣлъ молча съ своей обычной добродушно-глуповатой улыбкой.

— Да ты это на-счетъ записи, что-ли, Дмитрій Петровичъ?—спросилъ догадливый Демьянъ.

— Ну, стало-быть...

— Такъ, что-же ты, Сеня... Насчетъ записи сватушка тебя спрашиваетъ?.. Можешь ли значить въ бумагу записъ сдѣлать...

— Это можно...

— Для вѣрности... Насчетъ: не забыть...

— Можно все это...—самонадѣянно утверждалъ Семень, ободряемый внушительными взглядами Демьяна.

— Это первое дѣло... это пуще всего!.. А то въ нашей торговой части бываетъ такъ: отдашь да и забылъ, бирокъ-то нарѣжешь, да и спутаешься, навалешь уголь пражки-то, а спроси: не вѣду сколько... А въ записи сейчасъ взглянулъ—и видно...

— Ну, сватушка, у тебя, смотри, и безъ записи изъ руѣвъ не вывернется... Съ твоей-то головой и безъ записи жить можно: все на памяти держишь...—полюстилъ Демьянъ.

— Такъ-то такъ... На томъ стоимъ, а все, братецъ, лучше ваѣъ оно въ грамотѣ-то написано, безъ сумлѣнія: сейчасъ взглянулъ—и видно.

— Да это чтó говоришь!.. Грамата на что лучше! первая статья! подтвердили въ одинъ голосъ Демьянъ и Сидоръ.

— Ну, молодецъ,—продолжалъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену.—Эво салтыря-то вѣтъ, а то бы я те почитать заставилъ...

— Да онъ такъ знаетъ въ память...

— Ай?..

— Вѣрно...

— А ну-ка, катни... Смерть люблю отъ божественнаго... Ну-ка, Сеня...

Семень началъ на-распѣвъ:

— Бла-женъ мужъ, иже-не иде на со-вѣтъ нечестивыхъ и на-пу-ти грѣшныхъ не ста и-на сѣдалици губителей не-сѣде... Но въ законѣ...

— Ну, вотъ важно, Семень Сидорычъ... Ладно это... Сва-

тушка, выпейте... Любо мнѣ это... А постой, ну-ка, вотъ я неученый человѣкъ, а ты мнѣ вотъ что скажи: стоитъ градъ, въ онемъ градѣ многое воинство, всякому воину дано по кошку; единъ воинъ придетъ, градъ 'разбьетъ, имѣніе разберетъ; то имѣніе Богу въ честь, человѣку въ потребу?—Ну-ка-съ... Что такое значить?—а?...

— Что такое значить?—повторилъ озадаченный Демьянъ, и задумался.

Семень улыбался и хлопалъ глазами. Дмитрій Петровичъ самодовольно посмѣивался.

— А? что?... Ну-ка-съ, грамотѣй...—говорилъ торжествующій Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену.—Что, не можешь?

— Никакъ не можно...—отвѣчалъ Семень.

— Вотъ какую штуку загнулъ... Ай, Дмитрій Петровичъ!..—льстиво говорилъ Демьянъ.

Дмитрій Петровичъ заливался довольнымъ смѣхомъ.

— Улей, божья пчелка: вотъ что значить.

— А-а...—протянулъ Демьянъ. Вотъ поодишь ты...

— Восеъ, значить, Богу на свѣчку, а медокъ человѣку въ потребу... вотъ имѣніе-то какое!—пояснялъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ, такъ...—подтвердилъ Демьянъ...

— Что, братъ, вотъ те и грамотный!..—со смѣхомъ поддразнивалъ Семена Дмитрій Петровичъ.

Всѣ гости ухмылялись и одобрительно повачивали головами; но въ это время растворилась дверь избы и на порогѣ показалась Матрена въ сопровожденіи дочери, которую она вела за руку. У всѣхъ гостей лица мгновенно сдѣлались серьезными и сосредоточенными. Семень, все еще сидѣвшій въ куткѣ, робко приподнялъ глаза на свою невѣсту. Татьяна, проходя мимо его, хотя вскользь, но безъ малѣйшаго смущенія оглядѣла Семена, и когда глаза ихъ встрѣтились, не невѣста, а женихъ застыдился и потупился. Впрочемъ, помня наставленія и просьбы матери быть потише, да постепеннѣе со сватами, Татьяна, поставленная передъ сватами, отдала требуемый приличіями поклонъ и стала, опустя внизъ голову, точно и не вѣсть какая стыдливая и не смѣлая дѣвица. Свахи пожирали ее глазами и вмигъ разсмотрѣли и ея высокую грудь, и круглыя плотныя плечи и руки, и все ея одѣяніе до малѣйшихъ подробностей.

— Вотъ моя Танюха-то какая!..—сказалъ самодовольно Дмитрій Петровичъ.

Демьянъ взялъ за руку Семена и подвелъ его къ Татьянѣ.

— Вотъ посмотритесь... Понравитесь ли другъ другу.

Татьяна стояла, не поднимая глазъ; Семень въ силахъ былъ приподнять свои только до шеи Татьяны, какъ-бы боясь встрѣтиться съ ея взглядами. Оба стояли молча другъ передъ другомъ.

— Вишь, какъ застыдились оба, ровно голуби!—вмѣшалась жена Демьяна.—Вы дайте имъ, Матрена Поликарповна: пуцай переговоры премежъ собой одни, познакомятся.

— Что-жъ, это дѣло законное, не нами уставлено,—отозвалась Матрена:—имъ жить, да вѣкъ коротать вмѣстѣ, пуцай премежъ собой и переговоры сдѣлають, безъ людей-то, знамо, имъ поваднѣе, смѣлѣе будеть... Вотъ пойдете, свахонька, отведемъ въ свѣтелку.

Свахи взяли за руки: одна дочь, другая жениха, привели ихъ въ отдѣльную холодную комнату подъ самой крышей, гдѣ жила лѣтомъ Татьяна, и оставили ихъ однихъ, а сами вышли и сѣли на приступкахъ лѣстницы, которая вела на этотъ чердачокъ.

Оставшись наединѣ, женихъ и невѣста долго сидѣли молча. Татьяна бойко было взглянула на Семена, оглядѣла его внимательно, и онъ показался ей недурень собою, но сидѣлъ около нея какъ-то сгорбившись, неловко, и смотрѣлъ въ землю. Татьянѣ сдѣлалось вдругъ и грустно, и досадно на что-то, она невольно вспомнила объ Ильѣ, отодвинулась и отворотилась отъ Семена. Тотъ, когда замѣтилъ движеніе Татьяны и почувствовалъ, что она не смотритъ на него, сдѣлался смѣлѣе и поднялъ глаза на невѣсту. Онъ видѣлъ ея толстую косу, загорѣлую шею, румяную щеку, и припоминалъ наставленія Демьяна о томъ, что онъ долженъ говорить съ невѣстой на переговоры; но ожиданіе, что Татьяна вдругъ оборотится къ нему и взглянетъ на него по давишнему, мѣшало ему собраться съ мыслями: такъ ожегъ его и озадачилъ первый взглядъ невѣсты. Но Татьяна сидѣла неподвижно и не оборачивалась.

— «Что за напасть», думалъ про себя Семень, «никакъ не сообразишься... Ровно впервой... Смирень, смирень, а то же съ дѣвками-то игрывалъ же... А эта вотъ, подишь ты, ровно связала чѣмъ... Ну, да и дѣвка же—король: плечищи-то, коса-то кабая здоровая... да и сама-то бѣлая, румяная, плотная... Ахъ ты Боже мой милостивый... ѡка жара кабая»!..

Семена даже въ жаръ и въ потъ кинуло: онъ оберъ лобъ рукавомъ поддевки и вздохнулъ. Потомъ, точно кто его толкнулъ съ мѣста: онъ быстро пододвинулся къ Татьянѣ и обнялъ ее. Татьяна круто и сердито повернулась къ нему: и Семень проворно отдернулъ свою руку и пугливо опустилъ глаза въ землю.

— Ну, съ этимъ парнемъ можно управиться! — мелькнуло въ головѣ у Татьяны.

— Что же ты ничего не говоришь?—спросила она его.—Не мнѣ же, дѣвкѣ, тебя запрашивать.

Семень вскользь взглянулъ на Татьяну и ослабился.

— Ты ужь меня, Татьяна Дмитревна, не оставь... Полюби... А я ужь для тебя...

— Да ты-то будешь-ли меня любить-то?...

— Вотъ... казись, по гробъ жизни... Ужь очень ты мнѣ... по мысли...

— А поди, женишься, такъ, чай, тоже драться полѣзешь... командровать захошь...

— Нѣтъ... я парень смирный, пословный... Про меня кого хошь спроси... я... тише меня нѣтъ... вотъ что!..

— А, можетъ, водею пить почнешь... Либо родня твоя подбивать станетъ: скажутъ, жена бойва, ты ее въ руки возьми... Станутъ наѣзжать да мутить насъ...

— И никого не послушаю, ни въ жисть... Вотъ какъ... Да и родня у меня вся тихая: отецъ у меня смирный, матери нѣтъ... Опять же я къ вамъ въ домъ иду... А вино это, извѣстно, когда въ праздниѣ, безъ эстаго нельзя... А только-что я и во хмѣлю тихой: за мной никакого художества нѣтъ... Нѣтъ, ты во мнѣ не сумлѣвайся, Татьяна Дмитревна... Я вотъ люблю: въ праздниѣ когда, развернулъ салтырь, али часовниѣ, да и читаю... потому я въ грамоту обученъ...

Семень ободрился, вспомнилъ, что ему велѣлъ говорить Демьянъ, и уже смотрѣлъ прямо на Татьяну.

— Да правду ли ты, парень, говоришь-то? Я, смотри, у отца-то да у матушки въ холѣ да въ нѣгѣ выросла, я дѣвка веселая, шумливая, да и характерная... Я и глѣсно спѣть, и въ поѣдки сбѣгать, и на языке не поддамся... Меня не замай...

— Такъ что?.. Ты только меня не оставь: полюби, а я для тебя что угодно...

— А ты, пожалуй, выдумашь: дома сиди, да избивать меня станешь...

— Полно... Я мужикъ не прижимистый: меня только не обидь, а я ни въ жизнь челоука не обижу... Вотъ я какой... А не то, что тебя обидѣть... Ты, казись, у меня... Вотъ на ладонку посажу, да дуть стану, ровно на сахарную...

— Такъ нешто я тебѣ больно полкубилась?..

— Ахъ, ужь не говори-тео... Я, казись, эвихъ дѣвоѣ и не

привидывалъ... Сама-то экая, а глаза-то ровно стрѣлы... Даве какъ глянула, индо обожгла... Такъ даже сердце зашлось...

Семень опять потянулся-было обнять Татьяну, но та остановила его, но ласково.

— А ты погодь, не трожь... Не гоже... Ты лучше говори, Семень Сидоровичъ, всю правду, какъ передъ Богомъ: я, вѣдь, не захочу, такъ и не пойду... Я у родителей-то одна, меня нудить не стануть... Коли любя я тебѣ, да хошь ты меня взять за себя, какова я есть дѣвка, да побожишься мнѣ божески, что будешь ты мнѣ мужъ не озорникъ, не срамникъ, не ругатель, такъ я пойду за тебя, а то ничего, что и сосватались, по рукамъ ударились... Не захочу, такъ со мной и силой ничего не сдѣлають: я и въ церкви, передъ попомъ, отрекусь... Ну, такъ вотъ думай...

— Что мнѣ думать-то?... Дума-то моя вся теперь въ тебѣ... Богомъ тебѣ божусь, вотъ Создателемъ небеснымъ, сиди ты у меня на ладошѣ, а я дуть буду... А не то, что озорничать, али ругаться съ тобой... Слышала ты это?.. Ну, вотъ какъ теперь мое сердце къ тебѣ легло... Душевная ты моя...

Въ это время дверь въ свѣтелу скрипнула. Сваха вошла въ нее.

— Ну, переговорились-ли, познакомились-ли? — спросила жена Демьяна.

— Кажись теперь все ужъ... кажись познакомились... — отвѣчалъ Семень, взглядывая на Татьяну.

— Переговорили... — отвѣтила Татьяна.

— Ну, такъ теперь пойдете въ избу къ большакамъ... Пускай они и спросятъ... — заявила Матрена.

Внизу, въ избѣ, стоя опять рядомъ передъ лицомъ подгулявшихъ уже порядочно сватовъ, невѣста на вопросъ ихъ: по мысли-ли женихъ и идетъ ли она за него? отвѣтила: иду! а женихъ на вопросъ: беретъ ли невѣсту, отвѣтилъ:— беру!

Затѣмъ, всѣ помолились передъ образами, заставили поцѣловаться жениха съ невѣстой, перецѣловались сами и, усадивши жениха и невѣсту на большое мѣсто, подъ образами, начали уже шумно, широко и весело производить настоящій запой.

Ребятишки тотчасъ же оповѣстили объ этомъ всю деревню.

VII.

Дошла вѣсть о Татьяниной помолвѣ и до Ильи. Нельзя сказать, чтобы это извѣстiе огорчило его: онъ не настолько любилъ Татьяну; но оно его разсердило. Досадно ему показалось, что его разлапушка, первая дѣвка во всей деревнѣ, уйдетъ изъ его рукъ, станетъ чужой ему бабой. Да и идетъ-то, говорятъ, своей охотой, не по принужденью. И не бѣжить Танюха къ нему втихомолку, не ищетъ его, не плачется передъ нимъ о своей горькой долѣ, а ровно и знать его не хочетъ, ровно она сама его прогнала, что надоѣлъ парень. И передъ друзьями-приятелями, хороводниками, съ которыми Илья кружился по кабакамъ, похвастать нечѣмъ, нечѣмъ покуражиться: они же стали надъ нимъ посмѣиваться; а дѣвки на гулянкахъ, вымѣщая за прежнее къ себѣ невниманье, и вовсе проходу не давали, ни въ какую разговорку съ нимъ не шли, только все къ Танюхѣ посылали. И тошно, и досадно на сердцѣ стало у Ильи; забралъ онъ въ голову, какъ ни какъ, разбить Танюхину свадьбу; или хошь бы повидаться съ ней, насмѣяться, жениха ея изсрамить и ее отъ себя прогнать, какъ постылку. Началъ Илья то-и-дѣло бродить около Дмитриевой избы, желая какъ-нибудь наединѣ встрѣтить Татьяну; но она видимо сама этого не хотѣла, сама отъ него отворачивалась: изъ окна увидить—спрячется; на улицѣ завидитъ—на другую сторону перебѣжить, или вовсе домой воротится. Не зналъ онъ того, что изъ-за оконнаго косяка Татьяна глазъ съ него не спускала, когда онъ проходилъ мимо, не зналъ и того, что, смотря вслѣдъ ему, она провожала его втихомолку, про себя, сладкими рѣчами, сердечными приговорами. А Илью оттого еще больше подмывала и тоска, и досада. Собралъ онъ свѣдѣнiя о женихѣ Татьяны, и съ какой-то радостью узналъ, что онъ и не больно боекъ, и бѣденъ; обидно показалось только то, что грамотенъ. Подсылалъ-было Илья къ Татьянѣ свою приятельницу, старую солдатку вдову, чтобы вывеѣдать, что у Татьяны на сердцѣ и на умѣ, а если можно, то уговорить хоть единова повидаться съ нимъ; но солдаткѣ не удалось и слова перемолвить съ Татьяной: Матрена Поливарповна зорко слѣдила за дочерью, смекнула, зачѣмъ солдатка пришла къ ней, и не честию изъ дома спровадила, сказавши безъ церемонiи, что про такихъ гостей у нея въ дому только и есть угощенiя, что вѣнникъ да ухватъ. Илья рѣшился на смѣлую штуку; онъ рѣшился самъ пробраться ночью въ свѣтелку Татьяны.

Разъ, незадолго до Татьяниной свадьбы, поздними сумерками, пользуясь тѣмъ, что ворота Дмитріевой избы еще не были заперты, онъ проскользнулъ въ нихъ и притаился на темномъ дворѣ, во мшениникѣ, у овецъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, слышалъ какъ Дмитрій Петровъ велѣлъ работнику запереть ворота и задать сѣна лошадымъ, слышалъ смутно голоса Матрены и Татьяны въ избѣ, видѣлъ, какъ работникъ пронесъ охапку сѣна и положилъ въ телѣгу, около которой стояли лошади; потомъ вошелъ въ избу и ерѣшко хлопнулъ за собою дверь. Затѣмъ голоса умолкли, слышалось только ёрзанье горшковъ по поду печки и стукотня деревянной и глиняной посуды: Илья смекнулъ, что въ избѣ ужинали. На дворѣ стало совсѣмъ темно и тихо, только скрипѣли зубами коровы, пережевывая свою жвачку, да фыркали лошади, роаясь въ сѣнѣ, отъ времени до времени тряся и качая головой, да овцы ни съ того, ни съ сего вдругъ вскачаты на ноги и шархнутся съ одной стороны хлѣва въ другую. Опять отворилась дверь изъ избы въ сѣни, и одинъ разъ, и другой, и третій, проскрипѣли половицы сѣней подъ чьими-то шагами, кто-то выходилъ раза два на крылечко, спускавшееся во дворъ, кто-то ерякнулъ, кто-то вздохнулъ такъ тяжело, глубоко: не Татьяна ли ужъ это?... Опять послышались чьи-то отрывистые, глухіе голоса—и все смолкло. Илья пождалъ еще съ полчаса—тишина стала кругомъ полная, даже лошади и коровы видно задремали и не шевелились. Илья вышелъ изъ своей засады на темный дворъ, и тогда только подумалъ о томъ, что онъ никогда не бывалъ въ домѣ Дмитрія Петровича и не знаетъ хорошенько его расположенія. Правда, крестьянскіе дома всѣ строятся на одинъ ладъ, да у Дмитрія-то Петровича домъ пятистѣнный о двухъ избахъ, да еще со свѣтелкой, и какъ у домовитаго хозяина, поди, чай, на каждомъ шагу чуланы, да пристройки разныя: того и смотри, заблудишься. Татьяна спитъ по всей вѣроятности одна, въ своей свѣтелкѣ, лѣстница въ свѣтелку чай изъ сѣней, да кто ее знаетъ, у которой стѣны... а пожалуй еще, кто-нибудь въ сѣняхъ-то и спитъ? Илья остановился въ раздумьи. Ужъ не уйти ли лучше до грѣха, благо ворота близко: отодвинулъ запоръ—и на волю. А на что же приходилъ, выжидалъ, прятался? Въ другой разъ ужъ не попадешь: утромъ встанутъ, увидятъ ворота отперты; стало, кто-нибудь былъ да вышелъ—сторожиться стануть. Да и какъ нивакъ, ужъ коли пришелъ, надо съ Танюхой повидаться: ужъ будь что будетъ: авось найду дорогу.

Придерживаясь той стѣны, около которой было крылечко, Илья сталъ потихоньку пробираться къ нему. Въ одномъ мѣстѣ рука

его задѣла за пашеть, на которомъ сидѣли куры: пашеть пошатнулся, куры перебулгачились, проснулись, заеухахтали... Испуганные неожиданной тревогой, шарахнулись въ сторону лошади и потащили за собою телѣгу, къ которой были привязаны, вскочила на ноги и мыкнула корова, заметались по мшенинику, какъ угорѣлыя, овцы... Илья замеръ на мѣстѣ... Подождалъ, прислушался. На дворѣ мало по-малу все успокоилось; изъ избы не доносилось ни одного звука, кто-то только какъ будто повернулся на кровати съ одного бока на другой. Илья добрался до крылечка, поднялся по лѣстницѣ, тронулъ дверь—заперта щеколдой, которая, впрочемъ, легко отперлась, и Илья перешагнулъ черезъ порогъ въ сѣни. Щеколда слегка стукнула, но въ избѣ никто не пошевелился, слышался только оттуда чей-то сонный храпъ. Илья пощупалъ около себя руками на-право и на-лѣво, и нащупалъ близъ себя дверь въ избу. Онъ сталъ соображать: если на-лѣво дверь въ избу, значитъ на-право холодная горница, надъ ней свѣтелка; въ сѣняхъ двѣ двери для выхода: одна на дворъ, другая противъ нея на уличное крылечко. Хорошо бы отпереть эту другую дверь и пріотворить немножко, тогда будетъ виднѣе, гдѣ лѣстница наверхъ въ свѣтелку, да если и лыжи наостричь придется, такъ черезъ то крыльцо скорѣе можно улизнуть, чѣмъ черезъ дворъ. Была не была, думалъ Илья, отопру то крыльцо, и если чуть что—стрекну вонъ, а не услышать, такъ и ладно. Не размышляя долѣе, онъ прокрался черезъ сѣни къ противоположной стѣнѣ, ощупью отыскалъ дверь и крючекъ, которымъ она была заперта. Едва дыша, Илья отомкнулъ крюекъ: оказалось, что дверь открывалась наружу, и легко отворилась, когда Илья потолкнулъ ее. Звѣздное небо глянуло черезъ дверь въ сѣни, ворвалась холодная струя ночного воздуха; Илья невольно вздрогнулъ и оглянулся; въ сѣняхъ на первый разъ показалось Ильѣ какъ будто еще темнѣе прежняго. Стоя неподвижно и держась за полуотворенную дверь, онъ сталъ прислушиваться: кругомъ все было тихо и неподвижно. Пристально вглядываясь внутрь сѣней, онъ мало по-малу рассмотрѣлъ дверь въ избу, дверь въ горницу, въ чуланъ, лѣстницу, которая шла на чердакъ, а слѣдовательно и въ свѣтелку.

Долго стоялъ Илья, пока рѣшился двинуться къ этой лѣстницѣ, но полная тишина кругомъ успокоила его.

— Эге, да этакъ васъ и обокрасть спологоря!—промелькнуло у него въ головѣ.—Богатъ, сторожееъ, а видно отъ ловекаго вора не уберечья и тебѣ, Дмитрій Петровичъ!

— А, ну, какъ она въ горницѣ спить, а я въ свѣтелку по-

лѣзу? Гдѣ чай, въ горницѣ, нѣтъ, теперь они въ свадьбѣ припасаются, горницу-то прибрали: тамъ, чай, панклетъ будетъ, молодыхъ спать положить... Вишь ты, *молодая!*... Илью точно что кольнуло въ сердце при этой мысли, и лицо его скривилось въ злую улыбку.

— Вотъ что: заскрипитъ проклятая лѣстница, да и сапожниками, пожалуй, завозишься... Безъ сапоговъ бы легче.

Илья вышелъ на крыльцо, снялъ сапоги, сбросилъ ихъ съ крыльца въ траву и босой снова вошелъ въ сѣни, притворилъ, но не заперъ за собою дверь, и направился къ крутой лѣстницѣ, которую высмотрѣлъ въ углу сѣней. Потихоньку, едва дыша, онъ поползъ по ней, приостанавливаясь на каждомъ приступѣ. Лѣстница дѣйствительно скрипѣла. Онъ уже взлѣзъ почти на самый верхъ лѣстницы и заносилъ ногу, чтобы ступить на помость, по которому оставалось сдѣлать два-три шага до двери въ свѣтелку, какъ вдругъ эта дверь отворилась и чрезъ нее просунулась голова Татьяны.

— Кысь, кысь, кысь... Машка, ты что ли тутъ шуршишь, подлая... Кысь, подь сюда...

— Нишни, это я, Таня...—прошепталъ Илья.

— Господи помилуй... Съ нами крестная сила... Аминь, аминь...—лепетала Татьяна, обезумѣвшая отъ неожиданности и страха. Вся дрожа, она скрылась въ свѣтелку и захлопнула за собою дверь.

— Танюша... Да не бойсь, это я самый... я... настоящій... живой...—шепталъ Илья, пріотворяя дверь въ свѣтелку.—Нишни, не кричи... Услышать...

— Ахъ, Илюшенька... Да какъ ты это... Да что ты это надумаль... Въ умѣ ли ты?... Эвой ты, парень... Ну какъ услышать, или увидать...—бормотала Татьяна, у которой захватывало дыханіе и отъ радости, и отъ страха. Вотъ не чаяла... Вотъ напугаль...

— То-то, ты думала отъ меня ухоронишься... Заройся ты подь землю—и тамъ, захочу, найду... Разъ отъ эваго мужа супрячешься... Ниваки замки, запоры, передо мной не состоятъ...—бахвалился Илья.

— Милый ты, милый... Удалая головушка, забубенная... Нѣтъ тебя лучше на свѣтѣ...—Татьяна уже обнимала Илью, забывши всѣ свои намѣренія и обѣщанія. Что-то давило ей горло: она готова была зарыдать.

— То-то, милый... А сама замужъ хочешь идти, меня въ

три-шеи гонишь... На кого промѣняла-то: размазня, потихоня, идоль пучеглазый...

— Ахъ, ни на кого бы я не промѣняла тебя, Илюшенька, какъ бы самъ ты не былъ въ законѣ... Что же мнѣ дѣлать, дѣвкѣ? надо же мнѣ какъ-никакъ свою голову прикрыть... Вѣдь ужъ тебя не отнимешь у живой жены...

— Такъ ты бы по крайности... На что же ты отъ меня отшатнулась... На что любовь со мной хотѣла порѣшиться?... Начала ругаться со мной... помнишь? — да хорониться, да прятаться отъ меня...

— Экой ты, Илюша, такъ неужато ужъ я... Вѣдь, мнѣ, чай, тоже отъ людей зазорно... И отъ родителейъ, тоже, стыдъ, совѣсть, примаю...

— А мнѣ плевать на все... коли любишь, такъ и живи со мной по прежнему... А этому пучеглазому оглобли повороти... не желаю я..

— Нѣтъ, мой родименькій, никакъ это невозможно... Ужъ и запой пили... Самъ знаешь: пропитая—залитая! какъ подъ крестомъ, такъ и подъ вѣнцомъ!...

— Вотъ велика невидаль... А ты отъ меня креста-то жди: когда благословлю, тогда и иди...

— Ахъ, баляснивъ ты мой... грѣхъ ты мой сладкій... горе ты мое желанное...—приговаривала Татьяна, улыбаясь и порывисто обнимая Илью.

— Постой-ка, Таня, ничто кто ворочается внизу...—проговорилъ Илья, устраняя Татьяну и прислушиваясь.

Въ сѣняхъ дѣйствительно слышался какой-то шорохъ. Скрипнулъ одинъ, другой приступокъ лѣстницы, ведущей въ свѣтелку—и опять все затихло.

— Смотри, матушка, услышала....—прошептала Татьяна.—Спрячься...

— Постой, нишни...

Затихувшій на минуту шорохъ внизу около лѣстницы опять возобновился: кто-то какъ будто сошелъ съ нижнихъ приступковъ лѣстницы и перешелъ черезъ сѣни, тихо отворилъ и затворилъ дверь, затѣмъ послышался шопотъ, торопливое движеніе и шарканье спички.

— Бѣда, услышали, огонь вздувають...—проговорила Татьяна, и кинулась было въ двери свѣтелки, чтобы запереть ее, но остановилась, вспомнивши, что у нея никакого запора не было.

Илья сначала было растерялся, но потомъ вдругъ, оттолкнувши Татьяну, бросился вонъ изъ свѣтелки, на лѣстницу, раз-

считывая сбѣжать и выскочить изъ сѣней въ отпертую заблаговременно дверь, прежде чѣмъ успѣютъ преградить ему дорогу. Татьяна замерла на мѣстѣ, высунувшись изъ дверей свѣтелки, въ ожиданіи чѣмъ все кончится.

Илья, прежде чѣмъ спускаться съ лѣстницы, глянулъ внизъ: тамъ было темно и тихо; онъ бросился быстро внизъ, перебѣжалъ сѣни и сильно толкнулся въ выходную дверь, но она была уже заперта. Пока онъ судорожно, дрожащими руками искалъ крючка, кто-то сзади съ ругательствами навинулся на него и схватилъ за руки, въ то же время изъ горницы мелькнулъ свѣтъ и оттуда съ испуганными, взбудораженными лицами высочили Матрена Поликарповна и Дмитрій Петровичъ, вооруженный дубиной.

— Держи его, — бей его... кричалъ онъ, махая палкой.

— Держу, держу! — отвѣчалъ здоровый работникъ, у котораго Илья напрасно порывался изъ рукъ. — Врешь, такой-сякой, не уйдешь.

— Батюшки, отцы, да вѣдь это Илюша! — вскричала Матрена Петровна.

— Бей его, души, разбойника!.. — кричалъ Дмитрій Петровичъ, и началъ колотить палкою Илью куда попало.

Поднялся крикъ, ревъ, ругательства.

— Постой, чортъ, меня задѣлъ! — кричить работникъ. — Погодь, давай веревку, свяжемъ.

— Бей его, вязи, души! — кричалъ разсвирѣпѣвшій Дмитрій Петровичъ, махая палкой.

— Отецъ, перестань, погоди, убьешь до смерти! — кричала въ свою очередь Матрена Поликарповна.

Вдругъ съ воплемъ и ревомъ, босая и въ одной рубашкѣ, какъ была, не сбѣжала, а почти скатилась съ лѣстницы Татьяна, бросилась на отца, выхватила у него палку, отбросила прочь, и, какъ бѣшеная, кинулась на работника и вцѣпилась въ его волосы. Мать схватила ее за рубашку, отецъ за волосы: произошла общая свалка. Илья рванулся, оставилъ воротъ рубашки въ чьихъ-то рукахъ, отомкнулъ дверь и выскочилъ на улицу.

— Бѣги, бѣги, родименькій, родниненькій! — слышалъ онъ крикъ Татьяны, которую въ это время билъ разсвирѣпѣвшій, обезумѣвшій отъ гнѣва отецъ, а она, несмотря на то, ооченѣвшими пальцами держала работника, порывавшагося броситься вслѣдъ за Ильею.

Прежде всѣхъ опомнилась Матрена. Она поспѣшила затворить и запереть дверь на крыльцо, чтобы не разбудить шумомъ сосѣдей.

— Пушай его бѣжить, треклятый!—Потомъ стала уговаривать и успокоивать Дмитрія Петровича.

— Полно, отецъ, полно, будетъ, перестань.

— Да теперь бейте, хоть душу вонъ выбейте!—говорила Татьяна, отпуская изъ рукъ работника и сверкая точно сумасшедшими глазами севозъ растрепанные волосы. Теперь бейте меня, онъ ушелъ.

Матрена ухватила размахнувшуюся для новаго удара руку отца. Татьяна, съ истерическими всхлипываніями, опустилась и сѣла на полу тамъ, гдѣ стояла. Дмитрій Петровичъ пыхтѣлъ и не могъ слова выговорить. Работникъ, втихомолку ругаясь, трясъ головой и выбиралъ горстями выдранные изъ головы волосы.

— Тыфу, черти, сволочь, чтобъ вамъ тутъ...—пробормоталъ работникъ и, плюнувъ съ досадою, ушелъ въ избу.

— Ну, ну, Иванушка, помолчи: водочки вѣсь поднесу... — говорила ему вслѣдъ Матрена Поликарповна. — Ахъ, батюшки мои, святые угодники, что надѣлалось-то,—продолжала она,—какъ тутъ быть, что дѣлать, что люди скажутъ, какъ узнаютъ, провѣдаютъ...

— Кажись, лучше бы ты сдохла, окаянная, чѣмъ экія дѣла творить...—проговорилъ наконецъ Дмитрій Петровъ, обращаясь къ дочери.

— Ну, ну, бабушка... Ну, Дмитрій Петровичъ!—успокивала Матрена.—Брось ее, брось, безстыжую... Пойдемъ въ горницу... Пушай ее опамятуется, что надѣлала... А мы подумаемъ...

— Чего тутъ думать-то... Да я ее, кажись, коли люди прознаютъ, да я ее...

— Полно, бабушка, никто не прознаетъ: сусѣдушки никто не слыхали, а Ванюшкѣ-то вотъ я... двугривенничекъ да на рубашку... Свой человекъ, свой работничекъ, нашъ хлѣбъ ѣсть... небось, и духу не дастъ... То, бабушка, благодари Бога, что еще душегубства никакого не сдѣлалось: дубинкой-то да по головѣ—каково бы пришлось... И то Божья милость: ты то думай...

— И ничего бы, и по дѣломъ, и отвѣта бы никакого не было, потому въ своемъ дому... Можетъ, онъ съ разбоемъ приходилъ.

— Вѣдь, и я-то думала, что воры... Слышу, по снѣжкѣ это шарить, по лѣстницѣ вверхъ полѣзъ... Слышу, шушуются: такъ и обмерла. Вышла изъ горницы-то, смотрю, дверь на ерыльцо отперта. Я дверь-то замкнула, да Ивана разбудила тихонько, да тебя... Какъ бы знать, что этотъ удача, такъ я бы никого и не подняла, сама бы его шгнула.

— А почему ты знаешь... Ты думаешь, онъ не уворовалъ бы что, коли бы подъ руку попалось... Да онъ первый воръ... Кто его знаетъ: можетъ онъ заѣмъ и шель, можетъ онъ насъ всѣхъ придушить хотѣлъ да ограбить... Кто его знаетъ... Эготъ пропойца на все пойдетъ...

— Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ, не такой онъ парень... Не клеили ты на него... Ко мнѣ онъ приходилъ, по любви по нашей... — проговорила Татьяна прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

— Молчи ты... Ротъ разѣваетъ еще... Ты такая же отпѣтая, что и онъ... Вы, можетъ, вмѣстѣ сговорились отца-то ограбить...

— Не таковская я...

— Молчи... Проглоти языкъ-отъ... Ты мнѣ теперь ровно какъ змѣя стала... Какъ бы у тебя только одна твоя пакость на умѣ была, такъ ты бы сама ушла къ нему, гдѣ-нибудь на овинѣ бы сошлись, али въ сараѣ: у васъ, у экихъ, мѣстовъ много... А ты къ себѣ въ домъ привела и двери ему отперла... Значить, у васъ не то въ головѣ было... Нѣтъ, теперь ты мнѣ ворогъ стала, я теперь черезъ тебя долженъ сна, покою рѣшиться... Вотъ ты какая мнѣ дочь-то... Теперь тебѣ отъ меня: воровка! другого имени не будетъ... Вотъ ты чтѣ знай...

— Да ужъ, доченька, и я сважу: сухоты ты родителямъ много сдѣлала. Невѣста ты, обрученница, а любовниковъ къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь... Ты ли мнѣ божбой божилась, что ни впредь, ни послѣ знаться съ нимъ не будешь, грѣхъ свой вѣнцомъ прикрыть собираясь... Сама знаешь, дѣвка послѣ сговора ни въ церковь, ни на улицу не ходить... А ты, на-ка, къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь... Не даромъ, воевъ, солдатка-то приходила къ намъ на дворъ: переводились, видно, черезъ нея...

— Ни съ кѣмъ я не переводилась и его не зазывала, самъ пришелъ, не въ чайку мнѣ... И приходилъ онъ не для воровства и разбою, а по мнѣ стосковался... Дверей я ему не отпирала: сами, видно, для любви его отворились... А и то сказать: во что хотите, въ то меня и почитайте—вапа кровь... Сами чуть человекъ не окалѣчили, а не сунься я, такъ, можетъ, и убили бы...

Татьяна вдругъ поднялась на ноги, перестала плакать, но вся дрожала.

— Эко зельце выкормили!.. Пошла вонъ, въ свѣтелку... — нашелся только проговорить Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна молча, печально, покачала головой.

— Ужъ доколотить бы тебѣ давеча и меня: ужъ одинъ бы

конецъ, а то что только волосья вытаскалъ, да синяковъ насажалъ...—говорила Татьяна.

Она тронула себѣ лицо и показала окровавленную руку.

— Смотрите-ка... хороша невѣста!.. Хорошо родительское благословеніе!..— Она злобно, нехорошо, усмѣхнулась, и стала медленно подниматься по лѣстницѣ въ свою свѣтелку.

Дмитрія Петровича смутилъ видъ крови, но онъ не хотѣлъ показаться малодушнымъ.

— Не такъ бы еще тебя надо...—сказалъ онъ.—Я бы еще тебя не такъ поучилъ, кабы не мать заступилась: за нее Богу молись...

Татьяна молча ушла въ свѣтелку.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе... согрѣшили передъ Господомъ Богомъ!..—говорила, вздыхая, Матрена Поликарповна...—Хоть бы ужъ вѣнцомъ-то Богъ привелъ прикрыть ее поскорѣе... Вся душенька переболѣла... Пойди, Петровичъ, ляжь... Я пойду къ ней, поговорю, посовѣщу: все равно не уснуть... Такъ, ничто, вся пересмѣкла съ переполоха-то...

— У меня у самого въ голову стучить... А ужъ этотъ Илюшка отъ меня не уйдетъ—дай только свадьбу справить...

— Ну его, отецъ... только бы далъ Богъ отчураться отъ ворога.

— Да ничего, и сегодня я ловко его погладилъ. Небось, помнить будетъ, почешется!..

— Мнѣ бы только какъ люди-то не признали... Да, кажись, слава Богу, никто не слыжалъ... Эка дѣвка, эка дѣвка, нагрѣшила!.. И въ кого экая уродилась...

— Да, а ты вотъ: знаю ее да знаю, ужъ коли сказала, что не будетъ бѣгать, такъ не будетъ... А она вонъ что: къ себѣ стала водить...

— Ужъ и не придумаю какъ и въ толгъ это взять. Ужъ теперь, кажись, на часъ отпустить съ глазъ не стану... и спать съ ней буду...

Дмитрій Петровичъ улегся спать, а Матрена пошла къ дочери. Она нашла ее на постели, лицомъ къ стѣнѣ. Татьяна даже не пошевелилась при входѣ матери, и ни слова не отвѣтила на ея упреки и наставленія; не хотѣла даже рассказать, какъ попалъ къ ней Илья. Матрена Поликарповна напрасно истратила весь запасъ своего краснорѣчія и лукавой политики: она не добилась отъ дочери ни признанія, ни раскаянія. Это упорство крайне ее огорчило и разсердило.

— Ну, дочка, отолекутся тебѣ мои слезы!—проговорила она въ заключеніе.

VIII.

Освободившись изъ рукъ Ивана и изъ-подъ палки Дмитрія Петровича, Илья стремглавъ слетѣлъ съ лѣстницы и въ первыхъ попыткахъ, ничего не думая, радуясь только неожиданному спасенію, ударился бѣжать вдоль улицы къ своему дому. Кто-то, разбуженный шумомъ и крикомъ въ сосѣдней, съ домомъ Дмитрія, избѣ, высунулся изъ окна и закричалъ вслѣдъ бѣгущему Ильѣ: держи его, держи!.. Этотъ окрикъ точно кнутомъ приударилъ Илью, и онъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, безъ оглядки, до самаго своего дома.

Женѣ Ильи не въ диковину были его ночныя отлучки: не удивилась бы она, еслибъ увидѣла его пьянымъ и буйнымъ; но и въ потьмахъ, отпирая ему дверь, она не могла не обратить вниманія на его тяжелое, прерывистое дыханіе, а когда вздула огня и взглянула на мужа, хриплымъ голосомъ потребовавшего воды, то невольно вскрикнула. Въ изорванной рубашкѣ, босой, растрепанный, съ разбитымъ до крови лицомъ и синяками на лбу, Илья сидѣлъ на лавкѣ, мрачно повода налитыми кровью глазами, какъ-бы прислушиваясь къ чему-то, и тяжело дышалъ.

— Чего закаркала!—сурово проговорилъ онъ, вырывая изъ рукъ жены ковпчъ съ водою.

— Илюшенька, да на тебѣ образа божьяго нѣтъ!—проговорила испуганно жена Ильи.—Весь избить, искалѣчень.

— Ну, такъ что тебѣ?.. Твое, нечто, дѣло?..

— Ахъ, батюшки мои, такъ вѣдь жалко мнѣ, чай, тебя, болѣзнь мой... Може бы тебя убили... Мотри-ка, весь въ крови...

— Дура, чортъ... Кабы убили, такъ не пришелъ бы домой...

— Такъ мотри-ка, сердечный, вѣдь, головушка-то вся у тебя испробита, испроломана... Кто это тебя этакъ?.. Ну-ка ты, Илюшенька, а... болѣзнь мой...

Парасковья хотѣла-было разобрать волосы на головѣ мужа...

— Ну, убирайся къ чорту, отстань...

Илья съ досадой оттолкнулъ жену. Парасковья заплакала.

— Эко житье, Господи! не приберешь ты меня...

— Вотъ еще: завой... Нѣтъ ли водки?..

— Да, припасла я про тебя... Иной разъ и безъ варева сижу, не то что водку въ дому держать... Ты бы больше объ дому-то да объ женѣ думалъ, такъ и водка бы въ домѣ води-

лась... А ты только гуляешь, да пьянствуешь, да около дѣвожь прокуратишь...

— Ну, молчи... Налей лучше въ рукомойникъ воды: я всплеснусь... Саднить больно голову-то... Охъ, ноженька... Пстой же вы, дьяволы...

Парасковья исполнила приказаніе мужа, но въ то время, какъ наливала воды и Илья мылъ себѣ лицо и голову, она ворчала:

— Чтб, али Таньку-то замужь отдають, такъ другую сталь заводитъ, да не въ пору попалъ: полѣномъ усудобили... По дѣломъ тебѣ... Больше бы около жены сидѣлъ, цѣлѣй бы былъ... Еще доживешь — что и до смерти убьютъ... Вонъ, и рубаху-то всю изорвали... Рубаха-то была хорошая: еще и ластовицы новыя только-что поставила... Всего-то изорвали, всего... Вонъ и сапоговъ-то нѣтъ... Гдѣ сапоги-то? али въ кабакъ заложилъ, а?.. Эка напасть, Господи!.. Вотъ житье-то!.. Али сняли дружки-пріятели? Избили да и сапоги сняли... сапоги-то какіе были... хорошіе, питерскіе... чай, больше трехъ рублей далъ... Гдѣ сапоги-то? Скажи: заложилъ что-ли?

Илья только теперь вспомнилъ, что онъ снялъ и бросилъ сапоги у крыльца Дмитрія Петровича, и убѣждалъ безъ нихъ. Это обстоятельство его озадачило и заставило задуматься: въ самомъ дѣлѣ, и жалъ сапоговъ, если пропадутъ, да и какъ ихъ взять оттуда, гдѣ оставилъ? Самому идти теперь — пожалуй, опять попадешься въ руки, а оставить — завладѣетъ его найдетъ... Жену послать за ними нужно! мелькнуло у него въ головѣ.

— Ты слушай-ка, Паранька, вотъ что: не закладывалъ я сапоговъ-то, я и въ кабакъ не былъ... Они цѣлы... Вишь ты, какъ я бѣжалъ отъ нихъ...

— Отъ кого, болѣзньный?..

— Ну, отъ разбойниковъ-то...

— Да какіе такіе разбойники?.. Разѣ на тебя напали?..

— А то какъ же!.. Я въ это... въ Корцово ходилъ къ ребятамъ... такъ, побалакать на счетъ... когда въ Питеръ собираются...

— Ну...

— Ну, иду оттелева, а тамъ мѣсто грязно... я сапоги-то и снялъ, да въ рукахъ и несу; только вхожу въ кусты-то, они на меня и бросились, да и ну бить... съ кольями... Я-то одинъ, а ихъ-то много... ничего не подѣлаешь... Я бѣжать, они за мной, да такъ до самой деревни гнались... и въ деревню-то вбѣжали... Я присталъ, сапоги-то въ рукахъ, мѣшаютъ бѣжать-то, я и бросилъ ихъ наотмашь, въ траву, кажись, мимо Митревой избы,

Петровича, бѣжалъ-то... Да, вѣрно такъ, что супротивъ его избы, хоть и впопыхахъ, а я запримѣтилъ... Тамъ, поди, они и теперь лежать...

— Такъ надо сходить съ фонаремъ, да поискать...

— Ну, что съ фонаремъ, людей только булгачить... А вотъ передъ свѣтломъ... какъ замерещится, такъ ты и сходи... пока народъ-то не проснулся... Еще до стада сходи, а то какъ разъ кто подхватить...

— Да, знамо надо до свѣта... Я схожу... Кто же это напаль-то на тебя, болѣзненный?

— Да кто ихъ знаетъ: ночью-то не признаешь... Да ровно какъ чужіе кто, не съ нашей стороны... Одинъ черный, большой, другой страшный, рыжий, лохматый, ровно дьяволъ, а третій...

— Ахъ, не поминай ты его-то... его-то не поминай въ ночи... Господи Христе... свято мѣсто... во имя Отца... Что же ты не кричалъ-то, родимый?..

— Какъ не кричать—кричалъ... Да, вѣдь, всѣ спятъ: ночное дѣло... Охъ, батюшка, головонька смерть болитъ, и спинушка, и ноженьки: по ногѣ видно одна больно свиснуть...

— Ахъ, ты, Создатель милосливый... Батюшка ты мой, какъ ты еще живъ остался... Ну-ка, что завелось у насъ... Никогда не бывало... А съ ножами они, Илюшенька...

— Гдѣ, чай, безъ ножовъ... съ ножами, чай...

— Ложись, болѣзный, да-ка я тебя поглажу... али масломъ помазать гдѣ?.. а?..

— Нѣтъ, вотъ бы что, Параня, промыслила бы ты гдѣ водки... Больно у меня нутро востъ: испужался, видно, я...

— Да какъ не испугаться: до кого ни доведись... Одинъ, да и въ рукахъ-то одни сапоги, а они вонъ ватагой, да съ ножами, да съ кольями... Умолила еще видно я, грѣшница, за тебя... Моиими, видно, молитвами, ужъ ничьими, Илюшенька, Господь тебя спасъ...

— Что же, Параня, водочки-то, промыслишь?.. Сходи, постучи, можетъ и дядя Акинфій отопретъ—дасть... Сбѣгай...

— Да ужъ молчи, поищу... Что бѣгать-то; у меня, кажись, припрятано про тебя съ сосушкеу... Вотъ я поищу, постой...

— Да ужъ и поѣсть бы чего... хоть колобва нѣтъ ли съ молокомъ...

— Молчи ужъ, погодь... тотчасъ... Да лягъ, батюшка, прилягъ ты, полежи.

Парасковья живо достала откуда-то припрятанную бутылку, кринеу молока и холодныхъ блиновъ—и начала угощать мужа.

— Вотъ бы ты, Илюшенька, побольше бы дома-то сидѣлъ, около жены-то,—приговаривала Парасковья, подсаживаясь къ Ильѣ,—все бы у тебя и дома было: и водочки, когда вздумалось, и все... И самъ-то бы цѣлъ былъ... А то, ну-ка, долго ли до грѣха... Вотъ ты меня не жалѣешь, не припускаешь къ себѣ, что не пригожа я, не молода, а обидѣлся бы коло меня, коло жены, приглядѣлся бы, и жена бы милѣй стала, и въ дому бы у насъ всего прибыло... Я, вѣдь, вонъ какая баба-то: ты меня не любишь, никогда, почитай, ласковымъ словомъ не найдешь, а только ладишь изругать, да толконуть, а я все къ тебѣ, все въ тебѣ... Ты у меня точно въ сердцу-то припечатанъ; пра, точно я къ тебѣ пришта... Да и пришта и есть, потому въ законѣ... И зла у меня супротивъ тебя нѣтъ: что ты ни дѣлай, а все мнѣ тебя жаль, все жаль... потому, думаю сама съ собой: сколько бы онъ отъ меня ни бѣгалъ, куда бы ни ушелъ, а все ко мнѣ придетъ, рано ли, коротко ли, а придетъ же ко мнѣ.

Илья, успѣвшій выпить всю поданную водку и нахлебаться молока, взглянулъ искоса на жену и нетерпѣливымъ движеніемъ освободилъ свое плечо отъ руки жены, которая въ изліаніи чувствъ обняла мужа.

Маленькая, съ широкимъ, рябоватымъ лицомъ, которое имѣло всегда какое-то неумное, плаксивое, хотя и доброе выраженіе, съ узенькими подслѣповатыми глазками, неопрятная, да еще рас-трепанная со сна, Парасковья показала мужу просто противною.

— Пусти-ка, я спать хочу...—проговорилъ Илья.

— Лягъ, болѣзненный, лягъ: отдохни!.. Чай, ноетъ вездѣ?.. Гдѣ ляжешь-то?—на палатахъ, али въ сѣни пойдешь? Здѣсь-то, мотри, мухи не дадутъ спать: таковы злы стали, смерти!.. Хошь въ сѣняхъ я тебѣ шубу подстелю и сголовьцо кину?

— Да, знамо, въ сѣняхъ... Ну, что тутъ еще... Давно бы постелила, чѣмъ сидѣть-то, да бобы разводить...

Илья всталъ сердитый, съ вряхтеньемъ и прихрамывая, пошелъ въ сѣни. Проходя подъ полатами, онъ стащилъ оттуда шубу.

— Гдѣ сголовье-то?

— Да тамъ, Илюшенька... Я тамъ лежала, тебя ждала, въ сѣняхъ... А обогнуться-то, тамъ халатъ лежитъ... Погодь, я тебѣ все справлю, сѣнца принесу, помягше чтобы... и обогну тебя,—суетилась Парасковья.

— Не надо, отступись...—сердито проговорилъ Илья, укладываясь въ сѣняхъ на нары, замѣнявшіе кровать.

— Ты не забудь за сапогами-то сходить пораньше... О-ой...

— Али косточки-то ноютъ?.. Али головушка болить?.. Дай поглажу спинушку-то, може легче будетъ?—проговорила Парасковья, окутывая мужа кафтаномъ, поправляя ему изголовье и присаживаясь къ нему на постели.

— Да отвязись ты отъ меня, уйди... Вотъ пристала... Ступай въ избу...

Илья повернулся и легъ такъ, чтобы не оставить женѣ мѣста сидѣть возлѣ него.

Парасковья встала на ноги, но не ушла въ избу, а подперлась рукою подъ щеку и остановилась около постели мужа.

— Вотъ, муженежь, батюшка... Спасибо, покорнѣйше благодаримъ... Я какъ бы все къ нему, все какъ бы угодить, да потрафить, а онъ... Полно, разбойники ли тебя били-то?.. Какіе такіе у насъ разбойники, откуда взялись?.. Не къ любезной ли какой въ Корцово-то шляется, а корцовскіе ребята подстерегли, да отдули... Вотъ чай и всѣ разбойники тутъ... Ужь догуляешься ты: убьютъ гдѣ до смерти, да въ оврагъ и кинутъ... Вспомняешь тогда и жену, да ужъ поздно будетъ... Вотъ жизнь-то моя каторжная; хуже каторги-то: встань—реви, и ложись—реви. Вотъ, говорятъ, у умнаго мужа—жена выхолена... Да какая я жена? Развѣ такъ жены-то у мужей живутъ? Старики, вонъ, говорятъ: мужъ съ женой бранятся, а подъ одну шубу ложатся, а мой муженежь жену и съ кровати долой... А-ахъ, жизнь, жизнь моя постылая...

«Да, вотъ какую Богъ жену далъ», думалъ про себя Илья, «развѣ бы мнѣ такую жену надо?.. Вотъ бы мнѣ жена-то—Танюшка... Отъ нея, можетъ, и по чужимъ дворамъ не бѣгаль бы... А отъ экой слюнявой, отымалки, по неволѣ за тридевятъ земель забѣжишь. И домъ-отъ свой немилъ, и сподобливать ничего не хочется: не въ бархатѣ ли экую корявую водить, людямъ на смѣхъ... Вотъ Танюху, ту радить можно, не въ зазоръ, хоть въ Питеръ веди, вездѣ потрафить...»

Парасковья долго еще прибирала разныя жалобныя и сердитыя слова, стоя надъ мужемъ, но не получая никакого отвѣта, ушла, наконецъ, въ избу. Дождавшись утренней зари, она отправилась на поиски сапоговъ.

IX.

Лѣтъ шесть назадъ, Парасковья вышла замужъ за Илью. Бракъ этотъ состоялся не поневолѣ, не по принужденію, но и не по желанію жениха и невѣсты. Ихъ сосватали и соединили родители, не освѣдомившись даже объ ихъ желаніи. Отецъ Ильи, у котораго торговья дѣла всю жизнь шли очень плохо и неудачно, надѣялся нѣсколько поправить ихъ, женивши сына на дочери богатаго мужа, какимъ слылъ отецъ Парасковьи. Ильѣ только-что минуло 18 лѣтъ, а Парасковѣ было уже около 25: она была невѣста засидѣвшаяся; очень разбираться въ женихахъ ей не приходилось, да Илья и не могъ не полюбитъ такой невѣстѣ. Отецъ Парасковьи охотно далъ согласіе отцу Ильи, а послѣднему и въ голову не приходило, что можно самому искать себѣ суженую и не подчиняться въ этомъ случаѣ выбору отца. Ему сказали, что жена у него будетъ богатая, что хоть и не больно красива она, ну, да вѣдь, не съ рожей жить, а съ чело-вѣкомъ, красота-то женская переходчива, а хуже того, какъ дома куска хлѣба нѣтъ. Илья по природѣ своей всегда былъ чело-вѣкъ легкомысленный: онъ не подумалъ ни одной минуты о своей будущей жизни въ положеніи мужа, о томъ, что женитьба возложитъ на него новыя обязанности и заботы, что она свяжетъ его и лишитъ свободы. Онъ зналъ и видѣлъ, что въ деревняхъ въ его годы всѣ женятся: стало быть, и ему пора; у батьки дѣла плохи, а у него жена будетъ богатая, чего же лучше: значить, будетъ сытъ и одѣтъ, гуляй, ни о чемъ не думай. Парасковья послѣ свадьбы легко и скоро привязалась къ Ильѣ: она полюбила его какъ веселаго, красиваго парня, который отданъ ей въ мужья. Слившій богатимъ, отецъ ея далъ за нею хорошее приданое, одеждой и вещами, но денегъ не далъ. Вещи и одежда какъ-то незамѣтно исчезали у Парасковьи въ домѣ свекра: она была баба добрая, послушная, и за маленькую ласку, за доброе слово, охотно отдавала все, что имѣла, то свекрови, то свекру по нуждѣ ихъ, а когда упрячилась, жалѣла, начинались ссоры и упреки за то, что богатый свать обманулъ и ничего не далъ за дочь: прокормить ее нечѣмъ. Скоро родители Парасковьи замѣтили это и стали требовать, чтобы отецъ отдѣлилъ Илью; пошли семейныя перебранки, ссоры, переторжки, и кончилось дѣло тѣмъ, что родители Парасковьи должны были купить на свой счетъ срубы и дать дочери корову; тогда отецъ Ильи, съ своей стороны, поставилъ эти срубы, обрядилъ избу и

дать Ильѣ старую лошаденку и пару овецъ. Илья началъ жить хозяйномъ, сталъ ходить сначала съ отцомъ, а потомъ одинъ, самъ по себѣ, въ Петербургъ продавать полотна. Дѣло у него шло, по-мужицки, не дурно, но денегъ Илья сколотить не могъ: жилъ въ Питерѣ въ свое удовольствіе, ѣлъ сладко, одѣвался нарядно, въ кабаки и трактиры дорогу зналъ твердо, и, воротившись на лѣто домой, прогуливалъ остальные деньги, порыва възявъ новаго товара побольше въ долгъ; заботу же о домѣ ограничивалъ онъ только тѣмъ, что заводилъ новую сбрую съ наборомъ на единственную лошадь, да украшалъ фольгою задокъ телѣги, да покупалъ расписную высокую дугу и привезъ женѣ одинъ разъ желтую шаль съ красной бахромой, а другой разъ башмаки, да и тѣ скоро какъ-то исчезли у Парасковьи. Она тоже вышла баба беззаботная, не хозяйка; чего было у ней много—она не жалѣла, не берегла; а какъ чувствовала нужду—начинала жадничать, прятать, скупиться и жаловаться. Работать она была не мастерица и не охотница; зато говорить могла цѣлый день, безъ умолку. Въ деревнѣ ее считали не умной бабой, пустой, сластоѣжкой. Илья относился къ женѣ совершенно равнодушно, не обращалъ на нее почти никакого вниманія; но подчасъ, когда она начинала упрекать его за безпутную жизнь, или принималась ласкаться къ нему, онъ чувствовалъ къ ней и отвращеніе, и злобу; впрочемъ, билъ онъ ее рѣдко, и то развѣ очень пьяный. Въ настоящее время дѣла Ильи были плохи: прошедшую зиму торговалъ онъ неудачно, старыхъ долговъ многимъ не заплатилъ, денегъ домой принесъ мало и вновь товара въ долгъ не обѣщали, да и вообще кредитъ Ильи сильно подрывался его разгульной жизнью; отецъ Парасковьи давно уже отказалъ Ильѣ во всякой помощи; поэтому Парасковья очень заботилась, какъ бы не пропали мужнины сапоги.

— И безъ того-то нужда кругомъ: скоро ѣсть нечего будетъ,—разсуждала она,—а тутъ еще рубашку всю исполосовали, да и сапоги, пожалуй, пропадутъ.

Подойдя къ Дмитріевой избѣ, она не одинъ разъ прошла около нея и сосѣднихъ домовъ, съ той и другой стороны, но сапоговъ не находила: ихъ скрывала высокая крапива, росшая около самой стѣны дома, сзади крыльца, куда Парасковья никакъ не приходило въ голову заглянуть.

— А, право, онъ это такъ сказалъ только для отвода, думала Парасковья:—а поди, чай, въ кабаки заложилъ, да денежки-то пропилъ съ пріятелями, а послѣ его же и исколотили...

Да нѣтъ, ровно какъ терезвѣй прибѣгъ. Али, можетъ, поймали гдѣ, да избили и сапоги еще сняли...

Между тѣмъ на улицѣ стало совсѣмъ свѣтло, хоть солнышко еще и не всходило; кое-гдѣ начали поскрипывать ворота, замычали коровы, въ концѣ деревни хлопнулъ кнутъ пастуха, деревня стала просыпаться.

Парасковья хотѣла было ужъ уходить домой съ пустыми руками, какъ вдругъ яркѣй восой солнечный лучъ освѣтилъ стѣну дома Дмитрія Петровича, крыльцо и крапиву, растущую около него; черное голенище сапога ясно обрисовалось среди темной зелени крапивныхъ кустовъ. Парасковья даже всеривнула отъ радости, и бросилась къ своей находкѣ. Въ то же время щельнула кольцо и отворилась калитка въ воротахъ сосѣдняго дома; въ ней показалась знакомая баба.

— Что ты, Параня, дѣлаешь?—окликнула баба.

— А вотъ Илюхины сапоги искала... Искала, искала, насили, далъ Богъ, нашла въ крапивѣ вонъ, коло крыльца...

И Парасковья постѣшила рассказать ночное происшествіе съ Ильей, съ его, разумѣется, словъ. Рассказывая, она удивлялась, что слушательница не только не приходила въ ужасъ отъ существованія шайки разбойниковъ въ кустахъ между Барашихой и Корцовымъ, совершившихъ нападеніе на ея мужа, но даже посмѣивалась при этомъ рассказъ.

— Да что ты, Анфея, зубы-то скалишь, али не вѣришь,—замѣтила Парасковья, обидѣвшись,—ты посмотрѣла бы какъ его искалѣчили: чуть живъ пришелъ, головушка испроломана, рученьки, ноженьки всѣ перешибены...

— Полно-ка, Параня, не поближе ли гдѣ его покалѣчили-то, не въ сусѣдскомъ ли дому тѣ разбойники водятся, не тамъ ли его угостили приворотнымъ-то зельемъ, чѣмъ ворота-то запираютъ отъ незваныхъ гостей. Не струсилъ ли надъ нимъ пословица: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить?..

— Да что ты, Анфея, обиняки-то загибаешь: неужто онъ въ той паскудѣ, Митревой Таньѣ, забрался, да тамъ его избилъ?..

— Я, вѣдь, матка, не знаю... Я не сторожу его... Кажись бы, тебѣ складнѣе мужа-то сторожить, да призирать... Слышали мы вечеръ, ночью, большая свара у нихъ въ сѣняхъ была: били ли, душили ли кого, ревомъ ревѣлъ человѣкъ. И мы-то перепугались, повскакали... Да скоро, ничто, все и затихло... Видѣли только, высочилъ оттуда человѣкъ, ровно опалѣлый, скатился съ крыльца, да какъ прыснетъ бѣжать... Мой-то еще изъ окна закричалъ: держи его!.. А онъ еще пуще, только его и ви-

дѣли. А кто таковъ—не знаю, може, вѣдь, и не твой... Мы хотѣли было бѣжать къ сусѣдамъ-то, думали воры, да видимъ дверь захлопнули, въ сѣняхъ ровно дѣвка, али баба повыла, повыла, да и перестала... И огонь потушили... Ну, думаемъ, что же, дѣло свое, домашнее, карауль не кричатъ, отъ людей запираются, виноватыхъ нѣтъ... Подумали, подумали и мы, что въ чужое дѣло лѣзть, да и пошли спать... А кто, matka, билъ, кого били, кто пробѣжалъ—мы того не знаемъ... А били точно, и кричалъ человѣкъ, и пробѣгъ человѣкъ, и баба ревѣла, это точно... Да вотъ и сапоги же нашла подъ самымъ, подъ крыльцомъ.

— И они, они — больше и быть некому... И они его избили, они, разбойники. Это все отъ Таньки окаянной, отъ нея засуха на меня идетъ...

— Да вонъ тебѣ, чего лучше, вонъ самъ на крылецъ вышелъ: переспроси его, онъ, чай, скажетъ!..—проговорила вполголоса Анфея, указывая Парасковѣ глазами на Дмитрія Петровича, который вышелъ, послѣ сна, на крыльцо, чтобы умыться изъ висѣвшаго тутъ же глинянаго умывальника.

Парасковья стремительно бросилась къ дому Дмитрія Петровича, а Анфея спряталась за калитку и съ злораднымъ, жаднымъ любопытствомъ стала ожидать развязки приготовленнаго самою себѣ зрѣлища.

Дмитрій Петровичъ не узналъ сразу Парасковьи, которая, со злобнымъ видомъ, потрясая передъ собой сапогами, всходила на лѣсенку крыльца. Онъ стоялъ въ недоумѣннн, смотря на нее.

— Чьи это, разбойникъ, сапоги-то? Сказывай!..—говорила Парасковья, подступая къ нему.—Какъ они попали къ тебѣ подъ крыльцо? Кого ты вчера убилъ, изуродовалъ до смерти? Сказывай.

Дмитрій Петровичъ совсѣмъ растерялся, не могъ ничего сообразить и только пытался предъ Парасковьей, которая тѣмъ съ бѣльшимъ азартомъ наступала на него.

— Что молчишь, что бельма-то пучишь? Ты думалъ, такъ тебѣ это и пройдетъ? Нѣтъ, у меня свидѣтели есть, сусѣди-то слышали, какъ ты его тиранилъ... Ты думаешь, что богатъ, такъ ты и можешь человѣка убить... Нѣтъ, еще отвѣтишь, отвѣтишь... Ты не могъ человѣка уродовать... Онъ, вонъ, у меня головы не поднимаетъ, весь кровью изошелъ; можетъ, ты его на-вѣкъ уродомъ сдѣлалъ, а можетъ, и совсѣмъ не встанетъ.

— Да постой ты, сумасшедшая!—проговорилъ, наконецъ, собравшись съ духомъ, Дмитрій Петровичъ.—Ты Илюшкина жена, знать...

— Да-а, знаешь ты меня, нечего!.. Я мужнина жена, я не какая-нибудь, не потасушка, какъ твоя дочь...

— Да что ты и самъ-дѣлѣ... Я тебя... я тебя спущу съ лѣстницы-то, какъ и мужа-то...

Дмитрій Петровичъ, наконецъ, совсѣмъ пришелъ въ себя отъ неожиданности, и рассердился.

— Я не на улицѣ его билъ, а въ своемъ дому, ночью; онъ въ мой домъ забрался, обворовать меня хотѣлъ, ограбить... Въ своемъ дому я всегда могу... хоть бы я его и до смерти убилъ, такъ въ ту же пору... Не лазай по ночамъ, по чужимъ дворамъ...

— Нѣтъ, не можешь... Онъ не воровать приходилъ, а къ твоей дѣвкѣ распутной... Онъ не виноватъ, мужикъ николи не виноватъ... Не верти она хвостомъ, да не зазывай, такъ онъ бы не пошелъ... А то, воровать... Нѣтъ, мы воры-то николи не бывали, хоть и не богаты... Ты бы вотъ распутницу-то свою билъ да училъ, а его не могли... тебѣ этой правы не дано, да, не дано... А ты вотъ мнѣ за безчестье, да за увѣче заплати—вотъ что!..

— Отецъ, Дмитрій Петровичъ, да уйди хоть въ сѣни-то отъ нея... Мотри-ка, сусѣди собрались, слушаютъ. Стыдобушка!..— слышался изъ-за двери голосъ Матрены Поликарповны, пришедшей на шумъ.

Дмитрій Петровичъ метнулъ глазами въ сторону, увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ насмѣшливыхъ мужскихъ и женскихъ лицъ, смотрѣвшихъ и слушавшихъ издали—и вскипѣлъ гнѣвомъ на Парасковью.

— Тебѣ за безчестье заплатить, тебѣ, съ твоимъ мужемъ, разбойникомъ,—заорала вдругъ Дмитрій Петровичъ.—А я вотъ какъ заплачу: я сходи соберу, приговоръ сдѣлаемъ, чтобы его изъ общества вонъ, на поселеніе сослать, этакого вора, проходимца... Вотъ я ему какое безчестье заплачу! Да еще сначала выстегаемъ, да въ темной посидить... Слышала...

— Нѣтъ еще, постой... Я сама судъ на тебя найду... Миръ-то—великъ человѣкъ; еще какъ разсудить... А я твою дочку, поскуду, потасуху, на семи соборахъ проклянущу, на весь бѣлый свѣтъ изругаю... По всей деревнѣ голосить стану, до жениховой родни дойду...

— Пошла-жь ты вонъ, пока цѣла, паршивая!..—закричалъ Дмитрій Петровичъ, намѣреваясь уйти въ сѣни.—Я съ вами послѣ поговорю...

— Такъ вотъ же тебѣ, старый чортъ!

Парасковья плюнула въ бороду Дмитрія Петровича, и въ то

же мгновеніе, отъ сильнаго толчка съ его стороны, покатилась внизъ по лѣстницѣ и, лежа внизу на землѣ, долго голосила и не хотѣла подняться на ноги. Дверь съ крыльца въ сѣни захлопнулась за Дмитріемъ Петровичемъ, и была тотчасъ же заперта.

Сторонніе зрители, встрѣтившіе невольнымъ довольнымъ хохотомъ плевокъ Парасковьи, тотчасъ же замолчали и разошлись въ разныя стороны, какъ только увидѣли ея паденіе съ лѣстницы: никто не хотѣлъ быть привлеченъ въ свидѣтели противъ богатаго мужика; но издали всѣ посматривали, что будетъ дальше съ Парасковьей.

Вдоволь наголосившись и не вида ни съ чьей стороны прямого сочувствія, она, наконецъ, встала, подобрала сапоги и пошла домой.

X.

Никогда еще Дмитрій Петровичъ не чувствовалъ себя такъ оскорбленнымъ, какъ послѣ столкновенія съ Парасковьей: онъ легче бы перенесъ всякую брань, ругательства и даже побои отъ любого мужика, чѣмъ этотъ плевокъ въ лицо отъ глупой бабы, жены Ильи, и тотъ смѣхъ постороннихъ зрителей, въ которомъ выражалось и злорадство, и неуваженіе къ его особѣ. Дмитрій Петровичъ съ досадой оттолкнулъ жену, которая, по своему обыкновенію, начала-было успокаивать мужа тихими, разсудительными рѣчами, не стала тратить времени даже на выговоры и внушенія дочери, но надѣлъ на-скоро кафтанъ, шапку и, вслухъ пославши всѣмъ своимъ недругамъ неопредѣленную угрозу, направился къ деревенскому старостѣ.

Нахмурившись и не смотря по сторонамъ, не отвѣчая даже на поклоны встрѣчныхъ, шелъ онъ по деревнѣ. Онъ боялся увидѣть на чьемъ-либо лицѣ насмѣшливую улыбку, или презрѣніе къ себѣ; не злой отъ природы человѣкъ, но избалованный поклонами и раболѣпствомъ бѣдняковъ, униженный въ собственныхъ своихъ глазахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ отмстить обидчикамъ во что бы то ни стало. «А то хоть на сходъ не показывайся, хоть въ міру не живи», разсуждалъ онъ самъ съ собою: «заплюютъ, на смѣху у всѣхъ будешь».

Онъ постучался въ окно старостиной избы. Изъ окна тотчасъ высунулась женская голова.

— Дома ли Левуха-то?—спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Дома, дома!..

Женская голова быстро скрылась, вмѣсто нея тотчасъ же вы-
сунулось красное, улыбающееся лицо старосты, съ лысиной, съ
окладистой рыжей бородой.

— Дмитрій Петровичъ!—почтительно и съ нѣкоторымъ удив-
леніемъ произнесъ староста.

— Повыдь-ка сюда!—отрывисто и угрюмо проговорилъ Дмит-
рій Петровичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Дмитрій Петровичъ...—суетливо отвѣ-
тилъ староста, и выскочилъ изъ избы какъ былъ, босой и безъ
шапки. Еще издали онъ улыбался и кланялся богатому мужику.
Дмитрій Петровичъ едва приподнял свою шапку.

— Подемъ-ка въ сторонку, отъ людей: дѣло есть...—прого-
ворилъ онъ, не дождавшись даже привѣтствія Левухи.

Послѣдній тотчасъ же постарался принять серьезный, озабо-
ченный, дѣловой видъ и хмурилъ свой безбровый лобъ.

— А что, Дмитрій Петровичъ... али что?..—спрашивалъ онъ,
идя съ нимъ рядомъ и заглядывая ему въ лицо.

Дмитрій Петровичъ зашелъ въ переулочекъ за избу, и оглянувшись
во всѣ стороны, убѣдившись, что сторонняго народа по близости нѣтъ,
остановился. Левуха въ это время заботливо и безпокойно искалъ
глазами по сторонамъ какой-нибудь палки, безъ которой, какъ
безъ знака своего достоинства въ рукахъ, онъ никогда не испол-
нялъ своихъ обязанностей. Палка, въ счастію, попалась; староста
торопливо вооружился ею и уже съ совершенно серьезнымъ,
озабоченнымъ лицомъ всталъ передъ Дмитріемъ Петровичемъ; въ
глазахъ и во всей фигурѣ его изображалась готовность бѣжать,
дѣйствовать и распорядиться по первому слову богатаго му-
жика.

— Въ деревнѣ-то у насъ не больно ладно, Левуха, началъ
Дмитрій Петровичъ.

— Али чтб повстрѣчалось... такое... Ты молви мнѣ, Дмит-
рій Петровичъ... Не сумлѣвайся... Я тотчасъ.

— Ко мнѣ сегодня, ночью, воры въ домъ залѣзали.

— Полно... Вотъ, братецъ ты мой... Къ тебѣ, въ домъ?..
воры?..

— Да... Да и воры-то не чужіе, а свои деревенскіе.

— Ай!.. Кто такіе?.. пымали, аль нѣтъ?..

— Одного было поймали, да вырвался: убѣгъ... А, поличное
оставилъ: сапоги съ ногъ оставилъ...

— Такъ это сейчасъ можно обслѣдовать: чьи сапоги, тотъ
значить и...

— Да ужъ знаемъ чьи...

— Кто же таковой будетъ?

— Да кому больше быть: Илюшка Кузьминъ, одинъ онъ у насъ на всю деревню захула...

— Во-отъ, братецъ ты мой!.. Илюшка Кузьминъ!.. Ахъ, мошенникъ!.. Что же стянуль-то?

— Да не удалось еще ничего: услышали скоро, схватили...

— Такъ, вѣдь, вырвался...

— Такъ что-жъ что вырвался? У меня свидѣтели есть: работники, жена... Я его еще палкой огрѣлъ, поди, чай, синяки есть... Опять же сказываю тебѣ: сапоги оставилъ; сегодня за сапогами-то его жена приходила—видѣли...

— Вотъ бра-атъ... Илюшка! Поди-жъ ты. Ну, а еще-то кто?..

— Тѣхъ не знаю, не видалъ: были ли, нѣтъ ли... А можетъ, и одинъ, вѣдь...

— Вотъ что дѣло-то... Какъ же теперь быть-то?.. Что дѣлать-то?.. Надо бѣжать, объявить... Сотскаго взять нечто?..

— Почто сотскаго: одни хлопоты. — Ты самъ староста, можешь распорядиться...

— Да, знамо... Такъ его надо взять, Илюшку-то... да въ городъ... Я сейчасъ побѣгу, Дмитрій Петровичъ.

— И въ городъ не нужно... А ты возьми его и посади въ темную, да собери сходъ... Сходъ и разсудить... Я свидѣтелей приведу... Неужто теперь обществу съ этакимъ мараться? Приговоръ нужно составить, да на поселеніе его, мошенника... Что намъ, воровъ что-ли у себя разводить...

— Это подлинно что... А постегать, Дмитрій Петровичъ?..

— Постегать—это само собой, постегать нужно: пуцай не балуется... тоже безповойство... А можетъ, онъ зарѣзать хотѣлъ, али подпалить: кто его знаетъ? — Вѣдь кругомъ заперто было, опять же ночь, а онъ забрался, — сапоги снялъ, чтобы тише... Стало, съ умысломъ!—Кто его знаетъ, что у него на умѣ-то.

— Такъ-то такъ... это вѣрно!—Ишь ты по какимъ дѣламъ пошелъ!—Такъ надо бѣжать, Дмитрій Петровичъ...

— А ты вотъ что, Левуха... ты староста, значить, начальство... а я теперь въ обидѣ, долженъ тебя просить, такъ ты знай: что ты тамъ хлѣбъ у меня забираешь, тамъ что другое прочее—что я все похерю, ровно не было, и напредки не оставлю когда въ такой нуждѣ, только ты мнѣ его теперь посади... и жену его посади, потому она знала, за сапогами приходила, да и срамилась со мной: сусѣди слышали... Пуцай посадить; а тутъ сходъ сдѣлай, да со стариками-то впередъ перетолкуй, на счетъ приговора, что, молъ, Дмитрій Петровъ пяти ведеръ не пожалѣетъ...

Вотъ какъ... Да приходи ко мнѣ, вась, на свадьбу, столоваться-то, милости просимъ... Что же, ты нашъ староста, начальство... Приходи... ничего!..

— Покорнѣйше благодаримъ, Дмитрій Петровичъ... Оченно тебѣ благодарствую... на твоей чести... Безпремѣнно это... А посадить посажу... Это я сейчасъ его посажу...

— Мотри, и съ женой... а то шумъ пойдетъ.

— Знамо съ женой... что имъ: дѣтей нѣтъ... Веселѣй сидѣть... А только вотъ что, Дмитрій Петровичъ, насчетъ начальства, если что: жалобиться будутъ, что я самосудомъ...

— Такъ, вѣдь, ты староста, чудной!—ты можешь на двоихъ сутки завсегда: вѣдь, не зря, посадишь, а за качества... за разбой... Ну, а дольше продержишь, да придирика какая пойдетъ изъ-за этого, и опять же не бойся: все на себя принимаю.— Не сумлѣвайся, откуплю тебя, въ обиду не дамъ...

— Вотъ, покорнѣйше благодарю... Вотъ я только насчетъ этого, а то я по себѣ, я хопь три недѣли ихъ продержу... съ моимъ удовольствіемъ!—Пушай сидятъ, ничего: меньше грѣшаты...

Левуха даже засмѣялся веселымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ я воли побѣгу, Дмитрій Петровичъ.

— Иди, иди, возьми десятскихъ человѣкъ трехъ, да и забери ихъ. А запереть-то, запри ихъ въ какой ни есть пустой сарай, али амбарушку... А десятскимъ я четверть ставлю: вотъ и рубль возьми.

— Ладно, ладно... это хорошо, Дмитрій Петровичъ, это все справимъ въ лучшемъ видѣ... Не сумлѣвайся... Ишь ты что выдумалъ: по чужимъ влѣтямъ лазить... Такъ покудова прощенья просимъ, Дмитрій Петровичъ, я побѣгу... Обогнусь да и побѣгу... А опосля того, какъ посадимъ, я къ тебѣ забѣгу вѣсть подать...

— Да, забѣги...

— Какъ же, какъ же... Это непременно... Первымъ долгомъ... потому нельзя...

Дмитрій Петровичъ отправился домой, а Левъ, наскоро набросивъ на себя кафтанъ и замѣнивъ случайную палку, поднятую на дорогѣ, особеннымъ багожьомъ, хранившимся у него въ избѣ на полкѣ, отправился исполнять свои обязанности.

Захвативши съ собой нѣсколько человѣкъ сподручныхъ крестьянъ, староста со строгимъ и внушительнымъ видомъ вошелъ въ домъ Ильи. Появленіемъ своимъ онъ помѣшалъ очень непріятной семейной сценѣ. Принеся домой сапоги, Парасковья осыпала мужа упреками за его безпутную жизнь, за ночныя похождения, за открывшійся обманъ. Илья хотѣлъ-было отдѣлаться сначала молчаніемъ,

потомъ насмѣшками, но жена такъ приставала къ нему, что вывела наконецъ изъ терпѣнія: онъ только-что всталъ-было въ угрожающую позу, и поднялъ руку, чтобъ заставить жену замолчать, когда отворилась дверь и вошелъ староста съ своими спутниками.

При видѣ постороннихъ Парасковья бросилась на лавку и завyla, Илья опустилъ руки.

— Что вамъ надо?—спросилъ онъ полу-нахальнымъ, полу-смущеннымъ голосомъ.

— Что, парень, али не узналъ старосту-то?... начальство, чай, ваше...—внушительно отозвался Левъ.—Стало-быть, дѣло есть, коли пришесть...

— Какое такое дѣло?..—нетвердо спросилъ Илья, садясь на лавку и желая сохранить наружное спокойствіе.

— А вотъ какое: взять тебя пришли, чтобы ты впередъ не лазилъ ночью по чужимъ клѣткамъ. Ты, видно, молодець, ночью-то на своемъ промыслѣ, а днемъ жену бить, что плохо помогаетъ.

— Это нивого дѣло не касающее... Взять ты меня не можешь... Да и взять меня некуда, я весь тутъ, въ своемъ домѣ.

— Я-то не могу взять, староста?.. А вотъ я тебѣ покажу... Ребята, скрутите-ка его.

— Да за что?—вскричалъ Илья, вскочивши съ лавки.

— А за то: не ходи по чужимъ клѣткамъ съ подборниками, не ломай чужихъ замковъ да запоровъ... Вишь ты, рожа-то у тебя вся въ синякахъ, видно, что былъ въ передѣлкѣ: волка-то по шкурѣ, братъ, видно... Сапоги-то гдѣ вчера оставилъ?.. Да что съ тобой разговаривать... тамъ все видно будетъ на сходѣ.— Вязите его, ребята.

Парасковья, которая перестала выть, и молча и испуганно слушала разговоръ старосты съ мужемъ, вдругъ бросилась къ Ильѣ и обняла его, какъ только увидѣла, что двое изъ мужиковъ схватили его за руки, а третій сталъ снимать висѣвшій на стѣнѣ кушакъ Ильи.

— Не дамъ я его вязать, не дамъ...—кричала она.—Что вы, разбоемъ что ли пришли?—Не за что его брать: не воровать онъ ходилъ, не ломалъ онъ замковъ. Виновать-ли, нѣтъ-ли передъ Богомъ, да передо мной, такъ не вамъ судить мужа съ женой... Вотъ что... Я сама старому-то хрычу въ бороду наплевала за его дочку паскуду... Она всему злу начальница, ее бы и брали... А мужикъ въ этомъ дѣлѣ никогда виновать не живетъ... Не дамъ я его, берите коли и меня.

— Да небось, небось: возьмемъ и тебя... Не покинемъ, небось. Вмѣстѣ воровать-то ходили, вмѣстѣ и сидѣть будете! Бери ее, Яшка...

— Да что ты, староста, въ самъ-дѣлѣ? Не разобравши дѣла, по однимъ наслухамъ—да и вязать... хорошъ староста, хорошо начальство!.. Ну, коли ладно, бери, послѣ отвѣтишь... только вязать не дамъ, я и такъ пойду... Пойдемъ, Парасковья.

— Полно, Илюшенька, не ходи... Чтой-то за напасть... Гдѣ такіе законы живутъ... За что насъ сажать...—заголосила Парасковья.

— Ну, староста умный, Левинъ Панкратычъ, пойдемъ, веди, сажай...—продолжалъ Илья, не обращая вниманія на причитанія жены.—А за избой-то кто будетъ смотрѣть? Смотри, чтобъ пропадетъ, съ тебя и отвѣтъ... Заварили вы кашу: кому-то расхлебывать придется. Пойдемъ, пойдемъ, Парасковья... У меня, можетъ, тутъ тысящи лежатъ въ дому, ворочусь, чтобы тутъ и были, а не найдутся, такъ и отвѣтишь братъ, всѣ отвѣтите... Домъ обезхозиятъ хотите: тутъ скотина не поена, не кормлена останется... Ладно, хорошо придумали... Ну, веди, куда идти-то?..

Льва эти слова Ильи озадачили: насколько въ немъ было усердія, настолько недоставало сообразительности.

— Какъ тутъ въ самомъ дѣлѣ быть: скажетъ послѣ, что все въ дому разворовали, да разграбили: поди, отвѣчай, судись съ нимъ!

Левъ стоялъ въ совершенномъ недоумѣніи, покраснѣлъ даже весь и поглядывалъ на понятыхъ, точно ожидая поддержки и совѣта. Это смущеніе старосты ободрило Илью и возвратило къ нему его самонадѣянность.

— То-то, староста, ты бы дома въ затылѣ-то почесалъ, рассудилъ бы дѣломъ-то, да тогда бы и шель... Мы, братъ, тоже виды-то видали почище твоего...—бахвалился Илья, засмѣялся и сѣлъ на лавку.—Ну, что же не берешь? бери, сажай!..

— Такъ возьму же!—вдругъ вскричалъ обиженный староста.—Вотъ что, ребята, Параньку покинемъ здѣсь въ дому, а его возьмемъ... Не бойся, питерской пройда, не глупѣе тебя! Ребята, берите его...

— Нѣтъ, я одинъ не пойду...—вскричалъ Илья.

— И я не отстану, пойду: куда его, туда и меня!.. — пристала Парасковья.

— Мало чего ты захотѣла: ребята, бери его одного, а ее не пускай...

Началась борьба: двое мужиковъ тащили вонъ изъ избы

Илью, а двое отталкивали отъ него и сажали на лавку Парасковью, которая рвалась за мужемъ.

— Тащи его, не пушай ее... Толкай его въ двери, сажай ее на лавку... Тащи, держи!..—командоваль староста, суетясь и бѣгая по избѣ.

Илья бранился и грозилъ. Парасковья ревѣла и кричала что было мочи въ горлѣ.

— Вы повиньте ее, не держите, изъ дома-то только не выпускайте, повамѣсть вотъ я его посажу, да ворочусь... Я тотчасъ...—распоряжался Левъ, поталкивая Илью въ спину.—Коекакъ Илью вытащили за ворота дома, на улицу. Онъ ругался и кричалъ.

— Ты, Илюшка, лучше не груби, не буянь противъ начальства: иди смирно!—урезониваль его староста.—Что больно давеча гордыбачился, веди да веди, сажай... Вотъ и иди. Небось, посажу, потому мнѣ законъ данъ, я могу...

— Хоть кричи, не кричи: все одно, стацимъ,—поддержаль старосту одинъ изъ десятскихъ, вошедшій въ свою роль.

— А ты бы жилъ смирно, по чужимъ клѣтямъ не лазилъ, не вороваль бы—вотъ бы и сидѣлъ дома,—вторилъ ему другой.

— Да что я украль? кто видѣлъ? съ чѣмъ меня поймали?..—оправдывался Илья.

— Стало-быть, братецъ, не зря же...

— Веди, веди его! Что тутъ съ нимъ разговаривать. Ужѣ все видно будетъ...—командоваль староста.

— Ну, смотри, дядя Левинъ, не отвѣтитъ бы и тебѣ. Ты хоть и староста, а ты такъ дѣлать не должонъ: ты коли начальство, такъ ты разбери сначала дѣло... А сталъ я воръ, такъ меня суду судить, а не тебѣ... Вотъ что.

— Ладно, братъ: я свое дѣло знаю... Ты у меня въ деревнѣ безпокойство, сваруху дѣлаешь, ночью людей будоражишь, пьянствуешь, канительничаешь, вотъ я тебя на двои сутки подъ арестъ. А тамъ какъ мнѣ разсудить: то ужъ не мой отвѣтъ...

— Ну, ладно, я вѣдь знаю въ чью ты дудку-то играешь. Ладно, я двои сутки просижу: это для насъ ничего, а отсижусь, такъ я еще съ вами со всѣми посчитаюсь... Увидите... Много ли Дмитрій-то Петровъ наобѣщаль: синенькую что-ли?

— Ребята, присвидѣтельствуйте: похваляется... Вотъ, слышали его похвалю; а начальство, а онъ мнѣ пристрастку дѣлаетъ, оговариваетъ, грозить... Я это все послѣ... Погоди, братъ, ты, Илья, молодъ еще. Науки тебѣ мало было—вотъ что!..

— Ничего я не похваляюсь!—спохватился Илья.—Развѣ я, ребята, чтó говорилъ?

— Ну, да ладно, ладно... Тамъ все видно будетъ. Погоди, Вотъ веди-ка его, ребята, сюда, въ амбарушку.

Илью привели къ пустому старому амбару. Онъ опять сталъ упираться.

— Да тутъ крысы съѣдятъ...—говорилъ онъ.

— Ничего, цѣль будешь... Пихай его туда, пихай! Чтó тутъ съ нимъ прохлажаться-то! Затвори двери... Вотъ такъ... Подержи двери-то: я замѣну... Вотъ и чудесно! Сиди!.. Еще похваляться вздумалъ... Посиди-ка вотъ.... Похороводься тамъ около пустыхъ-то сусѣбовъ: ты въ хоровахъ-то ходить охочь...

Левъ засмѣялся. Засмѣялись и понятые.

— Подемъ ребята... Теперь не уйдетъ. Отойдя нѣсколькó шаговъ отъ мѣста заключенія Ильи, Левъ оглядѣлся и молча, съ таинственнымъ видомъ, далъ два двугривенныхъ своимъ помощникамъ.

— Маловато: еще бы гривенникъ, такъ штофъ...—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Только далъ: по двугривенному на брата.

— Ну, да инъ ладно...

— Вы ступайте теперь, а я побѣгу. Десятники отправились въ кабакъ, а Левъ побѣжалъ къ Дмитрію Петровичу.

XI.

Дмитрій Петровичъ выслушалъ со вниманіемъ прикрашенный рассказъ старосты о только-что совершенномъ имъ подвигѣ, о сопротивленіи, оказанномъ Ильею, о борьбѣ и побѣдѣ надъ нимъ, о тѣхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, которыя староста долженъ былъ принять и перенести отъ заключеннаго, о томъ затрудненіи, въ которое онъ былъ поставленъ плутомъ Илюшкой, страцавшимъ отвѣтственностью за цѣлость его имущества и о своей изворотливости, съ которою онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Дмитрій Петровичъ остался очень доволенъ.

— Такъ заперъ-таки его, мошенника?—сказалъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Дмитрій Петровичъ, вотъ и ключъ у меня: небось, не уйдетъ...

— Пускай посидитъ... Ничего... Будетъ помнить...

— Это какъ есть: это на пользу... Я говорю: ты вотъ съ

дѣвками-то хороваются люте: попробуй-ка, похоровадься съ крысами... Ха, ха... Право, такъ ему и молвилъ.

— Ну, а бабу-то не тронь, коли въ избѣ, только не вели никуда выпускать: приставь человѣчка.

— Это можно, Дмитрій Петровичъ...

— Ну, а на-завтра сходи собирай, да перетолкуй тамъ со стариками-то. Ну, что портить деревню: держать въ обществѣ этого разбойника: онъ еще спалить... А лучше всего: милости просимъ, съ ружь на руки, въ дальнія палестины; тамъ, братъ, найдуть мѣсто... Слышь, Левъ Панкратычъ, ты я вижу чело-вѣкъ допльй, ты мнѣ это дѣло помоги, а я для тебя не то что давеча говорилъ—и опосля послужу чѣмъ угодно... потому очень ужъ онъ, этотъ Илюшка... вотъ онъ у меня гдѣ сидитъ!..

Дмитрій Петровичъ показаль свою шею.

— Это все можно, Дмитрій Петровичъ... Наше общество этого не потерпитъ... Ты у насъ первый теперича чело-вѣкъ: можно сказать, всякаго ссужаешь... а Илюшка что?.. что въ немъ обществу, какая корысть?.. Одна срамота... Только ты вотъ что: ты дай мнѣ сегодня на ведро: я обойду сейчасъ звать завтра на сходи-то, да нѣкоторыхъ, тамъ ужъ я знаю кого, кто погорластѣ-то, и велю ужъ къ кабаку сойтись, и потолкую, и попотчую: глотки-то размочу, они ужъ завтра нашу руку держать и стануть.

— Возьми. Сказаль, пяти ведеръ не пожалѣю, только бы на моемъ стало. Возьми на два...

— Да это не хуже: вотъ и десятниковъ надо побаловать... Тоже обижаются, не такъ чтобы довольны, потому старались: поди-ка ты, сколь съ нимъ возни-то было.

— На, вотъ, постарайся только...—сказаль Дмитрій Петровичъ, подавая деньги.—А я съѣзжу въ волость, съ писаремъ поговорю: пуцай онъ тамъ законы подведетъ, и приговоръ пропишетъ, чтобы завтра только руки приложить, да и шабашъ...

— И пречудесно, Дмитрій Петровичъ. Дѣло-то и будетъ съ концомъ. И сейчасъ этого Илюшку отъ насъ въ волостную да и за замокъ: сиди тамъ, посиживай, жди отправки по владимірской честной дороженькѣ... Вотъ это дѣло, и мнѣ не гребитса. Ну, побѣзжай, Дмитрій Петровичъ, а я побѣгу свое дѣло править.

— Иди, иди... Спасибо, Левуха, постарайся...

— Да ужъ... безъ сумлѣнія... Да, вѣдь, вотъ я какой чело-вѣкъ-то, Дмитрій Петровичъ... Вѣдь, я мужикъ-отъ согласный... Ты какъ думаешь? меня только нужда-то одолѣла, а то бы, ка-

жись, по моему-то старанію да судобью, мнѣ не въ такомъ бы чину-то сидѣть... Ну, да и то сказать: кому какъ Богъ судилъ... Вось, не оставь въ чемъ, а ужъ я постараюсь... Такъ ты побѣжай, а я побѣгу... Счастливо оставаться...

Дмитрій Петровичъ заложилъ лошадь въ телѣгу, надѣлъ синій кафтанъ и отправился въ сосѣднее село. Онъ подѣхалъ въ крытому тесомъ большому дому, съ крыльцомъ посерединѣ, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью: «Волостное Правленіе». Изъ темныхъ широкихъ сѣней, въ которыя вело это крыльцо, Дмитрій Петровичъ вошелъ въ просторную, съ перегородкой, комнату. За этой перегородкой жилъ волостной писарь;—въ большомъ отдѣленіи комнаты было присутствіе волостного старшины и засѣданіе волостного суда. Въ настоящую минуту комната была пуста. Изъ дверей перегородки выглянуло испитое, темное лицо, съ висками, зачесанными впередъ, съ давно небритой синей бородой, съ воспаленными, черными, раскосыми глазами. Это выглядывалъ волостной писарь.

— Аполиту Егорычу! — сказала, дружелюбно кланяясь и протягивая руку, Дмитрій Петровичъ.

— А-а, благопріятель... Давно тебя не видно... Входи сюда... —проговорилъ хриплымъ голосомъ писарь, выставляя черезъ дверь, для пожатія, свою руку въ истертомъ засаленномъ рукавѣ халата. Входи сюда... По какимъ дѣламъ?..

— Собственно къ тебѣ, Аполить Егорычъ.

— Садись, гость будешь...—проговорилъ писарь, снова заглядывая черезъ дверь и затворяя ее.—По какимъ дѣламъ?.. Садись, да рассказывай, а я вотъ полежу: вчера у батюшки, отца дьякона, имянины справляли: голова страсть болить.

Писарь легъ на грязную скрипучую постель. Дмитрій Петровичъ оглядѣлся: въ комнатѣ стоялъ единственный стулъ, но и на томъ лежали въ беспорядкѣ сюртукъ, жилетка и штаны писаря.

— Сложи ихъ вонъ на столъ, да и садись...

Дмитрій Петровичъ переложилъ, по указанію, одѣяніе писаря, и усѣлся.

— Ну, какія же дѣла?

— Да вотъ, Аполить Егорычъ, дѣло какое: мужичѣнка у насъ одинъ избаловался вовсе: къ дому прилежанія нѣтъ, все размоталъ, живетъ не по-божески, больше все на-счетъ пьянства... да ужъ и промышлять началъ: сегодня ночью я съ работникомъ изымалъ его у себя въ дому, въ сѣняхъ, около чулана...

— Взломаль что ли?

— Нѣтъ еще, видно не успѣлъ: скоро услышали...

— Ну...

— Такъ вотъ общество наше желаетъ приговоръ сдѣлать: значить, удалить его, на поселеніе сослать... потому надоѣлъ очень, избаловался мужичѣнка совсѣмъ... и пути въ немъ никакой и ждать нечего... Такъ вотъ я къ тебѣ на-счетъ закону, Аполитъ Егорычъ, и чтобы приговоръ намъ этотъ, все въ порядкѣ...

— Да который мужикъ-то?.. Семейный, али нѣтъ?

— Онъ женатъ, да дѣти-то не живутъ: и жена-то у него такъ, пустая баба, нестоющая...

— Какъ зовуть-то.

— Да зовуть Ильей Кузьминымъ... И отецъ-то у него былъ непутный: весь измотался, умеръ, только долги одни остались, моихъ тридцать рублей за нимъ осталось...

— Это Кузьмы Лихачева сына?

— Да.

— Питерець?..

— Ходить.

— А-а!.. — многозначительно проговорилъ писарь и такъ ухмыльнулся, что Дмитрій Петровичъ невольно опустилъ глаза.

— Слыхаль,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Ипполитъ Егорычъ, и даже оживился и сѣлъ на постель.—Такъ на поселеніе? «Знаеть... Слышаль... Видно ужъ всѣ знаютъ и зубы скалятъ!» пролетѣло въ головѣ Дмитрія Петровича.

— Что же, все общество желаетъ?—переспрашивалъ писарь, продолжая ухмыляться и уставляя свои косые глаза на Дмитрія Петровича.

— Вѣдь такой законъ есть, если общество, напримѣръ?.. Вѣдь, показано...

— Есть-то есть... только, братъ, это дѣло не таковское: не то, что захотѣлъ, да и сдѣлалъ... Тутъ и начальство можетъ вступиться... Тутъ дѣло тонкое... потому дай волю вамъ, міроѣдамъ, вы половину деревни упечёте... Такъ Илюшка питерець—вотъ что!.. Знаю я его: парень веселый... По кругу важно ходить, видалъ: да съ твоей дочкой и ходилъ-то... А ты, говорятъ, замужь ее отдаешь...

— Да, поладились...

— Свадьба, чу, скоро... Вчера у отца дьякона разговорка была... Я такъ и думалъ, какъ тебя увидѣлъ, что вотъ, молъ, спасибо, на свадьбу хочеть звать...

— Да это само собой, Аполить Егорычъ, милости просимъ... Знамо, ужъ ты всегда нашъ гость... дорогой, потому ты въ нашихъ дѣлахъ... и голова, и рука... Ужъ сказать про тебя, что голова... Прошу милости, Аполить Егорычъ, пожалуй, не оставь... постолуйся у насъ...

— Это, братъ, съ моимъ удовольствіемъ... У тебя дочка, Дмитрій Петровичъ—король... Ей надо жениха стоящаго... Издалека, чу, берешь-то... Что такъ?

— Да, подвернулся паренекъ-отъ подходящій, смиренный... ну, да и грамотный: вотъ больше изъ-за-чего...

— Такъ!.. Ну что же, давай Богъ!.. И невѣстѣ по мысли женихъ-то?..

— Такъ неужто ужъ... неволить бы не сталъ... я, слава Богу, не отъ нужды отъ какой: она у меня одна...

— Въ домъ берешь?

— Въ домъ...

— Такъ...

Произошла маленькая пауза. Писарь какъ будто съ умысломъ отклонялъ разговоръ въ сторону и заводилъ рѣчь о томъ, о чемъ именно Дмитрію Петровичу и не хотѣлось бы съ нимъ бесѣдовать.

— Какъ же ты мнѣ на-счетъ дѣльца-то, Аполить Егорычъ?..

— На-счетъ Илюшки-то... Вишь ты, какой ты мужикъ, право, ну! и свадьбу хочешь сыграть, и человѣка на поселеніе—все за разъ... Расторопный ты мужикъ, Дмитрій Петровичъ, право: сейчасъ видно, что торговый человѣкъ.

— Да, вѣдь, такъ какъ общество, Аполить Егорычъ... я вѣдь отъ всего общества...

— Развѣ ужъ былъ сходъ-то?

— Сходъ завтра будетъ.

— Такъ ты почему же полагаешь, что общество желаетъ его удалить?

— Да ужъ я такъ полагаю, что міръ на томъ станетъ, потому, говорю тебѣ, избаловался мужиченка, бѣды отъ него ждать, больше ничего...

— Слушай ты, Дмитрій Петровичъ, тебя на мякини не проведешь, да и я, братъ, тоже съ разу-то ни въ огнѣ не сгорю, ни на водѣ не потону; такъ надо говорить прямо: тебѣ что ли хочется упечь Илюшку?..

— Я одинъ, Аполить Егоровичъ, что же я могу... Это какъ общество пожелаетъ...

— Да ты, братъ, со мной хвостомъ не верти: я, вѣдь, вашего

брата насвободъ вижу, я, вѣдь, ужъ около васъ бога себѣ обтеръ, такъ ты и говори со мной по душѣ. Теперь ты пришелъ ко мнѣ и думалъ самъ съ собой: скажу, молъ, что общество ужъ порѣшило, только дескать, приговоръ написать, такъ онъ мнѣ за рубль, али за два сдѣлаеть... А я вижу теперь, что упечь-то Илюшку хочется тебѣ одному, а не обществу, и дѣло-то выходить все въ моихъ рукахъ: захочу—сдѣлается по-твоему, а не захочу, вотъ приду на-сходъ, расскажу законы—и останешься ты съ носомъ.

— Самъ говоришь, что есть такіе законы, что общество можетъ...

— Ну, такъ вотъ попробуй, сдѣлай безъ меня: пуцай общество приговоръ составить, а я Илюшеѣ, напротивъ того, прошеніе напишу и дорогу покажу... И посмотримъ: чья возьметъ... Человѣка, братъ, на поселеніе сослать—это велико дѣло, ума на это много нужно...

— Такъ, вѣдь, Аполить Егорычъ, за умомъ-то я къ тебѣ и пришелъ: ты что же обижаешься-то?.. Вѣдь, у насъ дѣломъ-то и рѣчей съ тобой не было... Ты скажи мнѣ, только не обижай, чтобы по силамъ...

— А коли дѣломъ, такъ вотъ какъ: радужную... одно слово!

Дмитрія Петровича даже въ жаръ бросило; онъ какъ будто остолебенѣлъ даже на мгновеніе: такъ поразило его это неожиданное требованіе.

— Что ты, Аполить Егорычъ, перекрестись: вѣдь, это сто рублей, значить...

— И стодитъ, другъ любезный, стодитъ!.. Ты что затѣваешь? Ты человѣка погубить хочешь, отъ природнаго своего мѣста удалить, гдѣ онъ, можно сказать, жизнь свою всю получилъ отъ рожденія матери... и хочешь ты, чтобы этакое дѣло тебѣ за пустяки сдѣлали? Нѣтъ, братъ, шалишь... Ты вонъ пузо-то наѣлъ, такъ ты имѣй въ предметѣ, что и другимъ пить-ѣсть хочется... Я, вѣдь, знаю: ты свой характеръ тѣшишь, обозлился на Илюшку и хочешь упечь... ну, такъ ужъ и заплатись...

— Да не то характеръ... А какъ же онъ залѣзъ ко мнѣ ночью, въ домъ, хотѣлъ меня обворовать, а можетъ и зарѣзалъ бы...

— Такъ это, братъ, дѣло доказать нужно: это теперь ты долженъ къ слѣдователю и въ судъ... А тамъ все разберутъ, до всего дойдутъ—это не общественное дѣло, общество этого дѣла судить не можетъ...

— Опять же, онъ пьянствуетъ, безпутничаетъ... недоимки за нимъ... и женка его, баба нивкуда негодная, даже мнѣ въ бо-

роду плюнула: у меня свидѣтели есть... Какъ же это? Развѣ ужъ такъ все на себѣ и переноси...

— Все, братъ, я это понимаю, Дмитрій Петровичъ, довольно я проникателенъ для этого... Знаю: и срамъ тебѣ, и непріятность, и разговоры, и люди пальцами показываютъ... и баба въ бороду плюетъ... и опять плюнетъ... Въ этомъ нѣтъ никакой деликатности, знаю я, да дѣло-то это твое, а не общественное, и удалить за это человѣка общество не можетъ... И безъ меня тебѣ этого не сдѣлать...

— Ну, Аполить Егоровичъ, будемъ говорить дѣломъ: истинно, обидѣлъ онъ меня до нутра, не могу снести... Ну, возьми четвертную... Не обижай... Впередъ, братъ, пригожусь, ей-Богу... Пойдемъ въ трактиръ, угощу, и на свадьбу ко мнѣ приходи... Вотъ я какъ... Ну, право слово, денегъ теперь мало, а денегъ нужно: тоже свадьба... Я вотъ какъ съ тобой, по душѣ. Ну, пойдемъ въ трактиръ... А то, право, ну, не надо коли, и дѣло брошу... Пущай, ужъ произнесу на себѣ... Вотъ слышалъ: истинно тебѣ говорю: не дамъ больше... И что ты, братецъ ты мой, нажимаешь, развѣ я тебѣ не служу завсегда, развѣ ты отъ меня обиженъ живешь?... Завсегда, за всякъ часъ, какъ дѣло какое, развѣ ты отъ меня оставленъ бываешь?

— Эхма, да ну, только что ужъ голова болить... Чортъ съ тобой!... Давай деньги...

— Нѣту, Аполить Егорычъ: десять я тебѣ теперь, а остальные пятнадцать послѣ схода... Это какъ слѣдуетъ, только ты, смотри, все мнѣ въ точности, чтобы дѣло съ концомъ, безъ канители...

— Да ну, ладно... Давай что-ли, десять, да пойдемъ скорѣй... Голова, смерть, трещить...

Писарь получилъ деньги и живо одѣлся. Въ трактирѣ онъ далъ наставленія, что говорить на сходѣ и какъ нужно поставить все дѣло.

ХІІ.

Въ деревнѣ Барашихѣ съ ранняго утра движеніе необычайное: мужики выходятъ изъ своихъ избъ съ озабоченными лицами и сосредоточенно идутъ по одному направленію; бабы изъ сосѣднихъ домовъ сходятся въ группы и торопливо между собою разговариваютъ, оживленно размахивая руками и указывая въ тѣ стороны, гдѣ живутъ Дмитрій Петровичъ и Илья, и гдѣ находится изба старосты. У всѣхъ на языкѣ одинъ разговоръ о предстоящемъ сходѣ, на которомъ хотятъ Илюшкѣ конецъ поло-

жить. На улицѣ, передъ домомъ старосты, собираются мужики въ одну кучу; которая оживляется и становится шумливѣе по мѣрѣ увеличенія. Каждое новое лицо, подходя къ этой кучѣ, слегка приподнимаетъ шапку, не кланяясь никому исключительно, и становится сзади другихъ, запуская руки въ карманы кафтана или за поясъ, и заглядывая черезъ спины впереди стоящихъ въ средину кучки, въ которой суетливо вертится и что-то рассказываетъ староста.

Почти всѣ міряне собрались. Наконецъ, показался и Дмитрій Петровичъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ волостнымъ писаремъ. Завидя ихъ, староста побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Толпа разрознилась и притихла. Дмитрій Петровичъ, подойдя къ толпѣ мірянъ, почтительно, съ достоинствомъ поклонился во всѣ стороны; всѣ отвѣтили ему на поклонъ: большинство подобострастно, немногіе съ какимъ-то недовольнымъ, мрачнымъ выраженіемъ лица; первые стояли въ кучѣ, послѣдніе врознь. Дмитрій Петровичъ сейчасъ это замѣтилъ и подозрительно посмотрѣлъ на нѣкоторые изъ этихъ лицъ, а потомъ на старосту, и отошелъ въ сторону, къ писарю, который какъ пришелъ, такъ, ни слова не говоря и ни съ кѣмъ не кланяясь, сѣлъ на завалинку около старостиной избы. Левуха тоже вертѣлся возлѣ писаря и принимался было что-то шептать ему, но тотъ отъ него отворачивался, не отвѣчая, и отмахивался. Воцарилось молчаніе, прерываемое изрѣдка кряхтеньемъ и зѣвками.

— Что же, кажись, всѣ собрались: начинать надо,—проговорилъ староста, обращаясь отчасти къ писарю, отчасти къ Дмитрію Петровичу.

— А мнѣ-то что?—отвѣтилъ писарь:—ваше дѣло. Я здѣсь не при чемъ; меня позвали приговоръ прописать, коли міръ постановить, вотъ я и пришелъ... А что вы тамъ надумаете, это не мое дѣло... Вотъ законъ вамъ какой сказать—это могу: спрашивайте...

— Такъ вотъ что, господа міряне, началъ староста, выступая и размахивая обѣими руками такъ, какъ будто онъ плылъ... Подъте сюда, сходитесь, что-ли...

Кое-кто двинулся къ нему, иные только почесались и поправили шапки, встряхнувши плечами и головой, другіе переступали съ ноги на ногу.

— Вотъ, Дмитрій Петровичъ жалобу произносить... Экіе какіе, да подходите...

— Чего подходить-то: видно и такъ...—отовался кто-то изъ толпы.

Нѣкоторые изъ молодыхъ мужиковъ засмѣялись. Староста обидѣлся.

— Чего тутъ зубы-то скалить. Тутъ, братецъ мой, мѣрь, сходь: не шутки шутять...—сказалъ Левъ внушительно.—Говорять, подходите.

Многіе изъ мужиковъ исполнили желаніе старосты и сошлись въ кучу.

— Вотъ, Дмитрій Петровичъ жалобу произносить,—началъ опять Левуха.—Вотъ разсудите по-мірски, по-божески... Вся деревня наша обижена живеть, потому жить никакъ нельзя... невозможно стало... И начальство, хоть бы меня, старосту, управа никакая не беретъ... Ничего не подѣлаешь: того и жди бѣды...

— На что ужъ этого хуже,—поторопился отозваться одинъ изъ стоящихъ въ кучѣ мужиковъ съ измятыми, красными лицами, слѣдами вчерашней попойки.

— А ты постой, что больно, ничего не вида...—остановилъ его другой.

— Потому обидно: мы отъ Дмитрія Петровича—никогда не оставлены...—продолжалъ было тотъ же...

— Постой, братецъ, ты постой...—замѣтилъ староста:—что не въ путь-то... Вотъ Дмитрій Петровичъ, вамъ, господа мѣряне, свою жалобу произнесетъ... а опосля того я опять... Говори, Дмитрій Петровичъ...

Староста отошелъ; на его мѣсто вышелъ Дмитрій Петровичъ.

— Быть, господа мѣряне, подъ вчерашнее число, въ самую ночь, въ первый спѣнь, схватили мы съ работникомъ, вотъ, съ Иваномъ, и съ женой, въ самыхъ сѣняхъ возлѣ чулана... и пробой вытащень... ухватили Илюшку Кузьмина... Какъ началъ онъ отбиваться у насъ, отбился—и бѣжать... Ну, ночью поймаешь ли?.. А утромъ, какъ стадо сгонять, вижу, крадется изъ-подъ мово крыльца жена Илюшкина, Парасковья, и сапоги несетъ Илюшкины: значить, шель воровать да свялъ подъ крыльцомъ, оставилъ для тишины, а убѣгъ—взять было некогда, такъ жена и пришла за ними... И сосѣди видѣли... Сталъ я совѣстить, а она северномерзкими словами, и въ обиду всему моему роду стала говорить, чего никогда не было... и въ лицо мнѣ плюнула... Вотъ, господа мѣряне, на томъ прошу: не оставьте вы въ обидѣ... А и допрежь того этотъ Илюшка по ночамъ коло мово дома ходилъ и досматривалъ; еще подъ самый Ильинъ день, ангель его, пьяный съ гармоникой тоже по деревнѣ ходилъ, вѣтъ и староста, Левинъ Панкратьевичъ, видѣлъ, и вы, чай, нѣкоторые видѣли... и тоже разными словами, противъ моего дома, меня

обносишь и даже до крови сердца меня обижалъ... Что же, господа міряне, неужто ужъ я ничего не стоющій у васъ человѣкъ... развѣ я не стараюсь для всякаго? Кто мной обиженъ?.. И опять же, если намъ воровъ разводитъ на деревнѣ да потакать, такъ какая же наша жизнь будетъ...

— И опять же, не у одного тебя это было—Дмитрій Петровичъ,—вмѣшался староста:—этихъ шалостей нынче въ деревнѣ много развелось: вонъ у Окутиныхъ о запрошломъ годѣ кафтаны пропали, нынче у Субботиныхъ польскаго колеса, переды, отъ воротъ увезли, у Маремы солдатки, жалобилась, двухъ молодыхъ не досчитывается... А гдѣ воры... неизвѣстно... А вотъ ужъ, значить, дѣло на виду: знать, чья музыка; оволо чулана поймали, и пробой вытащень... Опять же всякая за нимъ недоимка... Къ дому что ли радѣльщикъ? Сами знаете, какова его полоса-то... А въ Питерѣ-то ходилъ, такъ кому не должень... Одна забота: бабы да дѣвки... отъ своей-то законной жены... Такъ ли, господа міряне...

— Такъ, такъ, Левинъ Панератьичъ, это ты вѣрно!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ что ты про бабъ-то, да еще дѣвокъ, староста, помянулъ,—отозвался одинъ молодой мужикъ,—это статья не васающая, это дѣло полюбовное... Кто молодъ не былъ...

— Истинно такъ, поддержалъ другой: съ молоду, да не погулять... Дѣвки! эка невидаль! Вѣдь не жалуются, такъ чего тебѣ этого добра-то жалко...

Нѣсколько молодыхъ мужиковъ захохотало.

— Да вы, я васъ знаю,—прикрикнулъ на нихъ староста:—вы одной шайки-то съ Илюшкой; вамъ и дорога одна видно будетъ...

— Вамъ, знамо, стыда нѣтъ,—вступился Дмитрій Петровичъ,—а старому человѣку, да кто на знати живетъ, зазорно бываетъ... Спросите-ка стариковъ-то, у коихъ жены да дочери молодыя, а про нихъ по чужимъ деревнямъ славу пропускаютъ...

— Да и не одно то,—продолжалъ староста:—не одно распутство, а и мошенничество, и пьянство, и воровство всякое—вотъ что на міру у насъ завелось... Вотъ что выжить нужно.

— Да ты постой-ка, Левинъ Панератьичъ,—вмѣшался молчавшій до сихъ поръ степенный мужикъ, зажиточный и давно враждующій съ Дмитриемъ Петровичемъ, котораго онъ особенно боялся на сходѣ.—Ты все воровство да воровство, да ты кого же съ поличнымъ-то поймаешь?

— Да ты слышала, али нѣтъ, Григорій Ивановичъ, что у чулана Илюшку-то поймали и пробой вытянуть...

— Опять же мы этого ниго не видали...

— Свидѣтели есть,—мрачно проговорилъ Дмитрій Петровичъ, метнувши злобный взглядъ въ сторону, гдѣ стоялъ Григорій.

— Ну, мы ихъ еще не слышали, а свой работникъ... что велить хозяинъ, то онъ и поважетъ... Да хоша бы и свидѣтели были настоящіе, такъ ты къ чему, Левинъ Панкратъичъ, сходь-то собралъ?...

— Какъ къ чему?.. мірское дѣло выходитъ: человекъ ба-луется; разберите, да разыскать нужно...

— Разобрать... Разобрать, такъ Илюшку сюда подай, послушаемъ, что онъ скажетъ... Вотъ, спроси-ка Аполита-то Егорыча: какъ же человекъ-то судить, коли его на лицо нѣтъ... Какъ полагаешь, Аполитъ Егорычъ, нужно намъ Илюшку на лицо взять... Д

— Это не мое дѣло, это мірское разсужденіе, какъ міръ положить...—уклончиво отвѣчалъ писарь.

— Нѣтъ, да по законамъ?

— Никакого на это закона нѣтъ, не положено...

— Да неужто вы, господа міряне, меня на одну доску съ пьяницей, ворешкой поставите,—вскричалъ Дмитрій Петровичъ:—кто міру-то нужнѣе: я, или онъ, кто обществу больше служить: я, или онъ? Ужъ я вамъ истинно говорю, что поймалъ его, какъ онъ чуланъ у меня взламывалъ, а какъ жена его приходила за сапогами, такъ мало ли народа видѣло: вотъ Петруха видѣлъ, Андрей видѣлъ, тутъ стояли, какъ она ругалась со мной... Опять же, что вы его позовете, разѣ онъ признается? будетъ только бахвалиться, да срамоту пущать на мою голову, — чего быть никогда не можетъ,—вотъ и все!..

— Да не надо его на сходъ, на что его...—вскричалъ староста и подмигнулъ сторонникамъ.

— Не надо, не надо!—заревѣло большинство.

— Да хошь бы спросить: какъ онъ въ сѣни-то попалъ, вѣдь, чай, заперты были!—настаивалъ Григорій Ивановъ.—Что орать-то: не надо!.. надо дѣломъ разобрать.

— Не надо, не надо!—закричало опять большинство.

— Дураки, черти,—разсердился Григорій Ивановичъ:—такъ какъ же вы его судить-то будете, какъ съ него разыскивать-то станете?

— А такъ и будемъ судить,—разгорячился Дмитрій Петровичъ,—что надо удалить его изъ общества, какъ безпутнаго... опаснаго человекъ... Онъ еще, пожалуй, деревню подпалить — вотъ

что!... Что съ него возьмешь... Ты что ли за него отвѣчать будешь?... Съ него что возьмешь?.. А онъ на то идетъ, отъ него только и жди... Вотъ, господа міряне, согласны ли на то, чтобы удалить Илюшку...

... Какъ вреднаго и опаснаго члена общества!—подсказалъ сзади писарь.—Законъ таковой есть: общество можетъ.

— И слѣдуетъ удалить, потому, того смотри, подождеть,—подхватишь староста...—Первое—пьянствуетъ, второе—распутствуетъ, закона не держитъ, воровать сталь... стало-быть, чего ждать — подождеть... Больше и ждать отъ него нечего... Согласны ли, господа міряне, удалить Илью Кузьмина изъ общества?

— Согласны! можно! Удаляй! Катай! Пиши приговоръ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Стойте, черти, что вы,—завричалъ Григорій Иванычъ:—міру погубить человека не долго, міръ—большой человекъ, да стобить ли губить-то: вы тó сначала подумайте. Мнѣ Илюшка—не свать, не братъ, не дѣтей мнѣ съ нимъ крестить, да надо и Бога помнить... Что вы, ровно оголѣлые, обрадовались, что водки-то пообѣщали, а вы тó думайте: Илюшка хоть гуляка парень, ну, и безшабашный, а онъ не воръ, никто его въ этомъ не уличалъ... А вы то думайте, что кто-нибудь да отперъ же ему двери-то въ сѣни къ Дмитрію Петрову, можетъ онъ жданный гость былъ, а отецъ засталъ, да вотъ съ сердцовъ сейчасъ и воровъ показывать... Пробой-то у чулана и самому не долго вытянуть...

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Иванычъ, молодець, вотъ молодець!—завричали двое-трое пріятелей Ильи, молодые мужики.

— Что-жь, ты позорить меня хочешь на міру-то... Что же, у меня жена, али дочь что ли безпутныя...—кричалъ Дмитрій Петровичъ съ пѣной у рта.—Нѣтъ еще, поищи около себя. У меня жена старуха, а дочь—сговоренная, черезъ недѣлю свадьба будетъ... Что же это, господа міряне, что же вы даете меня обижать да срамить на всемъ сходѣ... Али кто не ѣлъ моего хлѣба, много ли въ деревнѣ народа, что не одолжался мной?.. И этотъ, Григорій-то, давно ли мной однимъ только и дышалъ, отъ меня же въ люди пошелъ, а вотъ теперь и гордыбачить сталь... Не сдѣлаете вы по-моему — не ходите ко мнѣ никто, ни за чѣмъ, а я для міра ничего не жалѣлъ, и не пожалѣю... А ты, Григорій, это припомни.

— Да что тутъ толковать, Дмитрій Петровичъ,—завричалъ староста,—что онъ міръ-то пьяницами весь обзываетъ, міръ его

и слушать не хочетъ, міръ порѣшилъ ужъ Илюшеу: удалить да и шабашъ... Такъ ли, православные?..

— Такъ, такъ! удалить! что тутъ!—закричало большинство сходки.

— Пиши, Аполить Егорычъ, катый приговоръ, я столъ велю сюда вытащить, тебѣ не долго, ты разомъ.

Пока писарь писалъ приговоръ, вся толпа раздѣлилась по-поламъ: большинство осталось около Дмитрія Петровича и лишь нѣсколько человекъ около Григорія Иваныча. Послѣдніе стояли въ сторонѣ и стоваривались, чтобы вовсе уйти со схода.

— Поворно васъ благодарю, господа міряне, за неоставленіе... Ужъ и я завсегда для васъ что угодно! — говорилъ Дмитрій Петровичъ своимъ сторонникамъ.

— Мы тобой, Дмитрій Петровичъ, довольны... Мы тебя не оставимъ, не оставь и насъ... Что-жъ, ничего: удалить, такъ удалить, будетъ: подурилъ, надо и совѣсть знать... хоть бы Илюшка... По клѣтамъ началъ лазить—чего ужъ ждать!..—отвѣчали Дмитрію Петровичу.

Писарь кончилъ и сталъ читать вслухъ приговоръ. Вся толпа, и сторонники, и противники Дмитрія Петровича, тѣсно сомкнулись и окружили его. Тишина воцарилась мертвая, всѣ настрожили уши. Въ приговорѣ писарь объяснялъ, что «Илья Кузьминъ, замѣченный и подозрѣваемый въ разныхъ художественныхъ и прелюбодѣйственныхъ, къ соблазну нашему, противъ нашихъ женъ и дѣвокъ, поступкахъ, нарушающихъ стройный составъ и спокойную бытность общества, равно изъ опасенія послѣдующихъ, могущихъ быть отъ него погибельныхъ для общества дѣйствій, а также небрегающій о собственномъ своемъ благополучіи, и даже ховайствѣ, но всегда нарушающій спокойствіе общества пьянствомъ, распутствомъ и подозрѣніемъ въ воровствѣ, удаляется, какъ вредный и опасный членъ общества, и отдается въ распоряженіе правительства для поселенія въ мѣстахъ отъ него безопасныхъ».

Когда писарь кончилъ, вся толпа стояла тихо и какъ-будто струсилла: всѣ молчали и точно боялись взглянуть другъ на друга.

— Ну, кому вѣрите подписаться, давайте руки! — сказалъ писарь.—Старшина, подавай печать... Кто у васъ подписываться-то будетъ? Кто грамотный?..

— Да вотъ Яшка... Яковъ подпишется... Яша, подпиши... за весь, значить, міръ, за все общество... — говорилъ староста,

вывода изъ толпы оборваннаго, пьяненькаго мужичёнка, приписавшагося къ обществу изъ бывшихъ дворовыхъ.

— Рука-то дрожить... Давно не писалъ...

— Ну, ничего, какъ умѣешь, — замѣтилъ писарь: — я всѣхъ домохозяевъ выпишу: пуцай кресты поставять, а ты опосля по безграмотству и личной просьбѣ... Отбирай руки.

Лшка вытеръ полой кафтанишка носъ, снялъ шапку, взялъ ее подъ лѣвый локоть, а правую руку протянулъ впередъ. Дмитрій Петровичъ первый подалъ ему свою руку. За нимъ стали подавать другіе крестьяне. Писарь въ это время записывалъ всѣхъ подходившихъ.

Вдругъ кто-то изъ стоящихъ сзади закричалъ:

— Мотри-ка, ребята, бабы, ничто, взбаламутились — бѣгутъ...

Всѣ оглянулись.

Впереди всѣхъ бѣжала Татьяна, слѣдомъ за ней, запыхавшись и не догоняя, гналась Матрена Поликарповна, вся красная, растерянная. Около нихъ и за ними въ раскнупую бѣжали бабы, очевидно, только любопытствующія, постороннія зрительницы. Толпа мужиковъ заготовала при этомъ зрѣлищѣ. Дмитрій Петровичъ остолбенѣлъ отъ неожиданности и изумленія. По мѣрѣ того, какъ Татьяна приближалась въ мѣсту схода, Матрена Поликарповна, что-то кричавшая и дѣлавшая отчаянные жесты, стала отставать отъ нея и, наконецъ, видя невозможность догнать дочь, вдругъ сѣла на землю, заголосила и закрыла лицо руками. Около нея осталась небольшая кучка женщинъ, прочія продолжали бѣжать за Татьяной. Она была уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ схода, когда Дмитрій Петровичъ бросился къ ней на встрѣчу, намѣреваясь схватить и остановить дочь, но она ловко уклонилась отъ его руки, и оставя отца за собою, запыхавшаяся, растрепанная, съ красными, но сухими глазами ворвалась прямо въ кружокъ мужиковъ и бросилась на колѣни. Слѣдовавшія за нею бабы остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи, не смѣшиваясь съ мужиками.

— Господа-міряне, погодите... — говорила Татьяна прерывающимся голосомъ, — къ вамъ я, къ вамъ... Матушка не пускала, вырвалась я, убѣжала... Сейчасъ солдатка сказала... Не губите, погодите... Я виновата, я согрѣшила... Онъ ни въ чемъ не виноватъ... Не воровать онъ приходилъ, Илюша... Илья Кузьмичъ...

Дмитрій Петровичъ протискался въ эту минуту сквозь толпу и, какъ безумный, схватилъ дочь за волосы.

— Молчи, дьяволь, убью... — кричалъ онъ, таская дочь за волосы.

— Бей меня, тирань... сколько хопь... Не воровать онъ приходилъ, господа-міряне... ой, батюшки!..

Нѣсколько мужиковъ, изъ сторонниковъ Ильи, схватили Дмитрія Петровича за руки и освободили Татьяну.

— Что ты, братецъ... Бей дома... Здѣсь сходи, мірское дѣло... Міръ всему голова, міръ разсудить...—говорили Дмитрію Петровичу нѣкоторые изъ окружающихъ. — Опосля что хопь, твоя воля родительская... А здѣсь, вишь, она міру винится.

Дмитрій Петровичъ ругался, кричалъ, бѣсновался, его оттерли изъ круга: онъ, какъ одурѣлый, опустился на завалину.

— Говори, говори, Танюха, винись. Сказывай все... — слышалось кругомъ ея.

— Вся моя вина, господа-міряне, и я тутъ... Судите меня, накажите меня... Ну, виновата, согрѣшила, гуляла я съ нимъ... А зачѣмъ же влечь-то, что онъ воровалъ,—что изловили... Онъ ко мнѣ пришелъ, у меня въ свѣтлицѣ былъ... про любовь со мной говорилъ...

— А пробой-то у чулана кто же вытянулъ?..

— Не онъ, не онъ, господа-міряне... У него и въ рукахъ-то ничего не было... Какъ бы было чтó въ рукахъ, онъ бороться бы сталъ, когда били его, а ему и взятыя нечѣмъ было... Убили бы до смерти, кабы я не вступилась... Черезъ меня онъ и изъ рукъ отъ нихъ ушелъ... Міръ честной, за чтó вы его хотите на поселеніе-то? За мой грѣхъ да человѣка хотите погубить... Вотъ я вся тутъ, расказните меня, чтó хотите дѣлайте со мной, а не губите человѣка, не берите грѣха на душу...

— Вотъ орали, что орали зря-то?.. — вступился Григорій Ивановичъ.—Вотъ настоящее какъ было-то, оно и видно... А вы изъ-за водки да изъ-за острастки рады человѣка погубить. Чтó за срамота и самъ-дѣлѣ... Чтó это за міръ тавой? Какой это міръ, какой судъ? Сами дураки себя въ руки отдаютъ: дѣлай съ ними, что хопь... Одному вздумалось, водки поднесъ, самихъ себя рады въ кабалу отдать... Чтó Дмитрій Петровъ захотѣлъ, такъ и на, вотъ, бери, на кого напалъ онъ, такъ ужъ тотъ и не человѣкъ сталъ, какъ собаку рады удавить... Дмитрій Петровъ... Чтó Дмитрій Петровъ?.. Не одинъ онъ у насъ въ обчествѣ-то... есть и другіе, прочіе... А вонъ онъ какія дѣла-то подводитъ: убилъ-было человѣка-то, да еще и на поселеніе упечь хочеть... Больно жирно будетъ...

— Да ты что? Да ты что!..—подскочилъ въ Григорію староста.

— Что я... Я ничего!.. А ты вотъ что?

— Я-то что?.. Я староста... начальство...

— А воли ты староста, такъ ты и будь староста у міра, а не у Дмитрія въ батракахъ; ты мірское дѣло и справляй, что тебѣ міръ уважить, ты міру и служи...

— Я міру и служу, небось... Я для міра и стараюсь... Вотъ какъ міръ уважить, такъ и будетъ... А ты что?.. Что, господя-міряне, кого слушать-то: его, али васъ? Что онъ глотеу-то дереть... Здѣсь, я думаю, сходъ, а не кабакъ...

— Какой это сходъ?.. Разъ этакъ на міру-то дѣла дѣлаются,—возразилъ Григорій Иванычъ.—Спаивалъ цѣлую ночь народъ да пьяныхъ на сходъ собралъ...

— Да ты... да ты... Господа міряне, что онъ порочить... Да я тебя взять велю...

— Взять? Нѣтъ еще, братъ, погодишь: я на сходѣ могу все говорить... Вонъ она, дѣвка-то, тутъ... что она говорить-то?.. Танька, говори опять: кто виновата...

— Я, я во всемъ виновата,—отвѣчала Татьяна, всклипывая.

— Къ тебѣ Илюшка приходилъ на ночь?..

— Да, да...

— По любви по вашей, а не для воровства?

— Нѣту, нѣтъ, и въ умѣ у него не было... николи... не таковскій онъ...

— Ну, такъ что еще толковать-то... Постегать бы надо обонхъ—вотъ и весь судъ. Ну, да этой отъ отца будетъ впору, а тотъ въ темной посидѣлъ... Такъ ли, ребята?

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Иванычъ,—раздалось уже много голосовъ.

Бабы, стоявшія сначала вдали отъ схода, мало-по-малу вмѣшались въ толпу, и тронутыя словами Татьяны, уже успѣли шопотомъ и пинками въ бока мужей повліять на послѣднихъ въ пользу Ильи.

— Ну, вотъ, и вся недолга... И приговора никакого не нужно... Ну что, ребята, тутъ прохладжаться-то, и сходу вонецъ: пойдемъ по домамъ, расходись...

Григорій Иванычъ двинулся, а за нимъ двинулось и большинство.

— Стой, не уходи, я не позволяю расходиться... я, староста,—горячился Левуха.

— Такъ ладно, стой одинъ, воли тебѣ охота... Вонъ бабъ

тебѣ оставимъ... вотъ тебѣ и сходъ будетъ! — посмѣялся одинъ озорникъ.

Поднялся хохотъ.

— Бабій сходъ, важно!..

— Бабій староста!

— Вы руки давали... Нельзя уходить... — кричалъ староста.

— Привлаживай печать-то: бабы подпишутъ!.. — слышались голоса изъ уходящей со схода толпы.

Разсвирѣпѣлый, вскочилъ Дмитрій Петровичъ и началъ ругать вслѣдъ Григорія Иваныча. Тотъ приостановился, сталъ отругиваться. Къ нему пристали другіе, къ Дмитрію Петровичу тоже. Начался шумъ, крикъ, доходило дѣло до толчевоу, должно было дойти до драки. Жены начали тащить за рукава и разводить мужей.

Писарь смотрѣлъ, смотрѣлъ, наконецъ плюнулъ и всталъ съ мѣста.

— Какой тутъ можетъ быть, къ чорту, у васъ приговоръ! — накинулъ онъ на старосту. — Какой ты староста: ты дуракъ, вахлакъ! Тутъ воманду нужно, а не то, что какое согласіе! Захотѣли приговоръ... Вотъ онъ, вотъ онъ!.. Ипполитъ Егорычъ съ сердцемъ разорвалъ заготовленный приговоръ и лоскутки раскидалъ на воздухъ; искренне разстроенный, пошелъ онъ вонъ изъ деревни, прямо къ себѣ въ волостное правленіе.

Мужики съ ругательствами мало-по-малу расходились. Татьяну окружили бабы, подняли съ земли, взяли подъ руки и повели домой. Около старостиной избы остались только Дмитрій Петровъ да самъ староста. Послѣдній былъ совсѣмъ сконфузень, растерянь, не зналъ что дѣлать, потоптался за спиной Дмитрія Петровича, но не нашелся что сказать и потихоньку скрылся въ избу.

Къ Дмитрію Петровичу, стоявшему неподвижно на одномъ мѣстѣ съ одурѣлымъ, искаженнымъ отъ злобы лицомъ, тяжело дышавшему и что-то отрывисто глухо произносившему, тихо, осторожно подошла плачущая Матрена Поливарповна, обняла его и проговорила:

— Пойдемъ, отецъ! что дѣлать-то, согрѣшили грѣшныи!..

Дмитрій Петровичъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на жену, точно вдругъ опустился весь, и молча, поворно, пошелъ вслѣдъ за женою. Староста поспѣшилъ освободить Илью.

XIII.

Вся деревня взволновалась отъ поступка Татьяны; цѣлый день только и разговаривали, что объ этомъ: явиться дѣвкѣ самой, противъ воли родительской, на сходъ, передъ всѣмъ міромъ признаться въ своемъ грѣхѣ и стыдѣ, заставить сходъ отмѣнить уже состоявшееся почти рѣшеніе — это было такое неслыханное событіе, что очевидно должно было всеолыхнуть обычную, неизмѣнную тихую жизнь крестьянскаго общества. Толкамъ и пересудамъ не было конца: удивлялись озорству Татьяны, ея безстыдству, жалѣли родителей, у которыхъ она видимо отбилась отъ рукъ, но нашлись и горячіе защитники ея, особенно среди молодого поколѣнія: въ этомъ лагерѣ оправдывали ея желаніемъ спасти ни въ чемъ неповиннаго человѣка, даже ставили ей ея выходку въ заслугу, расхваливали ея, ставили въ примѣръ другимъ. Женщины въ глубинѣ души были всѣ на сторонѣ Татьяны, но ради приличія осуждали ея, бранили за охальство и безстыдство. Словомъ, Татьяна сдѣлалась героиней дня. Зато въ домѣ Дмитрія Петровича стояла мертвая тишина: точно всѣ стыдились и прятались другъ отъ друга, не было слышно ни говора, ни движенія, всѣ смотрѣли точно придавленные какимъ тяжкимъ, непоправимымъ горемъ. Татьяна сидѣла молча и неподвижно въ своей свѣтелѣ, даже не пошла обѣдать, и ее никто не позвалъ. Матрена Поликарповна сгорбилась, опустила и безпрестанно вздыхала; Дмитрій Петровичъ, обезкураженный, униженный на сходѣ, затихъ и, какъ человѣкъ, выбившійся изъ силъ въ бесплодной борьбѣ, апатично махнулъ на все рукой: у него не доставало духа даже на то, чтобы взыскать съ дочери свою обиду побоями, или даже бранью. «Отбилась отъ рукъ, такъ видно ничего не подѣлаешь: приходится отступить; больно характерна да и умна!» думалъ онъ про себя.

«Не видать, видно, мнѣ Таньку замужемъ, въ законѣ, какъ быть слѣдуетъ...» разсуждала также молча, сама про себя, Матрена Поликарповна. «Пропала дѣвка, опустила совсѣмъ: теперь и свадьба наша разстроится: хоть бѣдны, бѣдны, а тоже, пожалуй, заломается и Семенова родня, отъ экаго срама да зазора; да еще и Танька-то, кто ее знаетъ, жди того, упрется, не пойдетъ. Ужъ теперь ей все нипочемъ: на всемъ сходѣ, передъ всѣмъ міромъ... Ахъ, Господи милостивый, эка стыдобушка... Чѣмъ я передъ Тобой, Создателемъ, согрѣшила?..

Въ такомъ настроеніи прошелъ цѣлый день.

На слѣдующій день Дмитрій Петровичъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно ничего наканунѣ и не случилось, и принялся за свое обычное дѣло, но избѣгалъ встрѣчи и разговора съ кѣмъ-либо изъ односельцевъ; а когда, продолжавшая вздыхать и охать, съ печальнымъ, вытянутымъ лицомъ, заговорила было съ нимъ Матрена Поликарповна о вчерашнемъ и будущемъ, онъ только выругался и, пробурчавъ что-то сердито и отрывисто, вышелъ вонъ изъ избы и крѣпко хлопнулъ за собой дверью.

Матрена Поликарповна хотѣла-было наказать дочь упорнымъ молчаніемъ, но не выдержала, и пошла къ ней въ свѣтелку, гдѣ Татьяна и на другой день сидѣла безвыходно.

«Хоть посмотрѣть: чего бы надъ собой не подѣлала!» оправдывалась сама передъ собой Матрена Поликарповна.

Татьяна не двинулась съ мѣста и даже глазъ не подняла, когда взопла мать. Та постояла около нея нѣсколько мгновений со сложенными руками, съ укоровной во взглядѣ и, печально покачивая головой, наконецъ заговорила.

— Что ты, Татьяна, о своей головѣ думаешь, о своей судьбѣ?..

— Чтѣ мнѣ думать-то...—неопредѣленно отвѣтила дочь.—Думать-то нечего...

— Какъ нечего?.. вѣдь ты, чай, сговореная, невѣста...

— Такъ что?

— Какъ что... Теперь, вѣдь, ты стала охальная... На всю деревню... какое на всю деревню!—на всю округу себя ославила дѣвкой загульной... Теперь отъ тебя и женихъ-то откажется.

— Дуракъ будетъ, коли откажется... Этого откажется, другого найдете... я за всякаго пойду...

— Да кто тебя возьметъ? Тебя никто не возьметъ зкую...

— Кто-нибудь да возьметъ... Ну, а не возьмутъ, такъ и въ дѣвкахъ останусь: бѣда не велика...

— Какъ бѣда не велика... Вѣдь, ты... языкъ-отъ не ворочается молвить... Вѣдь ты тяжела ходишь: вѣдь этого не спрячешь...

— Такъ что? теперь все равно: всякій знаетъ, и прятаться нечего... Сами виноваты: я васъ просила, не троньте меня, не замайте его... Я изъ вашей воли не выходила, за кого велѣли, за того шла... Чего же вамъ еще?.. все бы вѣнцомъ и прикрыла, и люди бы ничего не знали, а и знали бы, такъ молчали... А на что же вы его-то бить да уродовать, да еще на поселеніе ссылатъ вздумали... Вѣдь не связалась бы я съ нимъ, кабы сердце мое не лежало въ нему, кабы не тануло меня... Я вѣдь, за правду, не гулящая какая, не продажная... Я сама свой грѣхъ

знаю и чувствую... На что же вамъ было замать-то меня... Теперь ужъ сами себя вините...

— Какъ же намъ винить-то себя, Татьяна, ты подумай-ка. Вѣдь мы родители твои: какъ же намъ было смотрѣть-то на все это?.. Не погазвать же, вѣдь, было намъ тебѣ... родителямъ твоимъ...

— Ну, такъ вотъ вы, родители, и сдѣлали какъ вамъ лучше надо... Вотъ и я вся тутъ: и всыскивайте съ меня, дѣлайте со мной, чтó знаете...

— Что ужъ теперь намъ, старикамъ, съ тобой дѣлать, коли ты отъ рукъ отбилась, сама на сходъ стала бѣгать... Ужъ мы теперь, что мы?.. Я и не придумаю... Ты ужъ то сдѣлала, чего и на свѣтѣ-то не слыхано и не видано... Какіе ужъ мы стали тебѣ родители теперь?.. И отца, и мать, всѣхъ ославилла, всѣхъ на одного промѣняла... Теперь ужъ я не знаю какъ мнѣ на свѣтѣ Божій выглянуть, какъ на людей глядѣть, какой отвѣтъ сватамъ и жениху держать, какъ про все провѣдають да прійдутъ, спрашивать будутъ... Вѣдь ко мнѣ прійдутъ-то, къ матери... Вѣдь, никто не знаетъ, что ты отъ отца-то и матери чурнешься и знать ихъ не хочешь...

Матрена Поликарповна ударилась въ слезы.

— Вотъ что, матушка: не мути ты ни себя, ни меня напрасна... Коли прійдутъ сваты, али женихова родня, да будутъ про что спрашивать, да допрашивать, такъ и молви, какова я есть... Хотятъ берутъ, не хотятъ — съ Богомъ... этого ужъ не перемѣнишь... Вѣдь мнѣ жить съ мужемъ-то, не тебѣ... Будетъ мужъ ладенъ, такъ и я не хуже другихъ бабъ буду... Не одна я, много нашей сестры этакихъ, а замужемъ живутъ и дѣтей выводятъ, и домъ соблюдаютъ не хуже людей... Вотъ что ты имъ скажи...

Матрена Поликарповна оставалась нѣсколько минутъ совершенно озадаченная и молчала.

— Такъ такъ имъ это и сказать? — спросила она наконецъ съ упрекомъ, покачивая головой.

— Такъ и скажи...

— И не стыднехонько тебѣ будетъ на жениха, на сватовъ смотрѣть?..

— Чтó ужъ будетъ, а такъ и скажи... Все равно — не спрячешься...

— Ну, дочка, навазаль меня Богъ за что-то... — проговорила Матрена Поликарповна съ тяжелымъ вздохомъ, и только руками развела.

Медленнымъ шагомъ, опустивши голову, вышла она изъ свѣтелки; но съ лѣстницы воротилась...

— Ёсть, чай, хочешь?—спросила она дочь.

— Какъ не хотѣть, хочу: и вчера цѣлый день не ѣмши.

— Такъ сходи въ избу: позавтракай.

— Приду, только ты скажи батюшкѣ, чтобы онъ не дрался: у меня и то поясница болить...

Татьяна завтракала и обѣдала съ отцомъ, но за ѣдой никто другъ на друга не смотрѣлъ и не разговаривалъ. Дмитрій Петровичъ только хмурился и отдувался: онъ притворялся гнѣвнымъ.

XIV.

Матрена Поликарповна не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: незадолго до дня, назначеннаго для свадьбы, въ избу Дмитрія Петровича вошелъ Демьянъ Прохорычъ. При первомъ взглядѣ на него было видно, что онъ пришелъ не даромъ: обыкновенная, заискивающая улыбка исчезла съ его лица и замѣнилась напускной серьезностью и озабоченностію, вся его яркая и размашистая фигура смотрѣла необыкновенно важно и степенно. Всѣ сразу догадались, что Демьянъ Прохорычъ пришелъ для объясненій: Дмитрій Петровичъ, увидя его, нахмурился, врявнулъ, и какъ-то торопливо и смущенно пересѣлъ съ одной лавки на другую; Матрена Поликарповна церемонно вытянула лицо, приподняла брови, сложила въ трубочку губы и вытянулась во весь ростъ, изображая собою вѣрность осажденную, но готовую сопротивляться съ достоинствомъ.

Демьянъ Прохорычъ раскланялся и сѣлъ безъ приглашенія. Разговоръ не начинался.

— Здорово ли живете, сватухи? — проговорилъ онъ наконецъ, не вынося упорнаго взгляда Матрены Поликарповны и обращаясь больше къ Дмитрію Петровичу, который не смотрѣлъ на него.

— Ничего, слава Богу... что намъ дѣлается... — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Ну, слава Богу лучше всего...

Разговоръ опять прервался на нѣсколько мгновеній. Демьянъ Прохорычъ притворно кашлянулъ, какъ онъ дѣлалъ всегда въ затруднительномъ положеніи.

— А какъ вашъ, женишокъ богоданный, Семень Сидорычъ, Сидоръ Моисейчъ, сватюшка Катерина Ивановна, всѣ ли въ

добромъ здоровьѣ? — спросила на этотъ разъ Матрена Поликарповна.

— Всѣ слава Богу, покорнѣйше благодаримъ... Кланяться приказали...

— Покорно благодарствуйте...

— Только вотъ, Дмитрій Петровичъ, я насчетъ дѣловъ-то нашихъ...—рѣшился наконецъ Демьянъ.

— Насчетъ какихъ дѣловъ?..

— А вотъ на счетъ случаю-то... Этакое божеское попущеніе...

Демьянъ остановился, но ни Дмитрій Петровичъ, ни жена его не произнесли никакого звука; Матрена Поликарповна даже не пошевелилась и глазами не моргнула, только мужъ ея сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но остался на томъ же мѣстѣ.

— Очень ужъ огуль-то большой пошелъ, Дмитрій Петровичъ; очень ужъ зазорно... и для жениха...

Дмитрій Петровичъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ, говори съ женой... я въ эти дѣла не путаюсь... Надоѣло мнѣ... — сказалъ онъ съ сердцемъ, и вышелъ вонъ изъ избы.

— Вы это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему рѣчь ведете? — спросила Матрена Поликарповна, по уходѣ мужа, подпирая рукой подбородокъ и, смотря на свата искоса, въ полъ-оборота.

— Да вотъ, свах.... Матрена Поликарповна, насчетъ этой оказіи... насчетъ Татьяны-то Дмитриевны... Мы не съ тѣмъ брали: жениху-то ужъ очень обидно...

— Что же это вы къ чему?.. дѣло раздѣлывать что-ли хотите?.. Какъ вамъ угодно, мы не нуждаемся, не вяжемся за вами...

— Ужъ не знаю какъ, Матрена Поликарповна, какъ и сказать... а ужъ только-что такъ обидно, такъ обидно... Жениху-то тоже зазорно, сама посуди... Вѣдь, на всемъ сходѣ, при всемъ честномъ народѣ!.. И тоже, опять передъ самой свадьбой!.. Какъ бы ни было, ты сама разсуди...

— Такъ что же ты это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему говоришь-то?.. И говоришь ты это матери безо всякой безъ острожки... Материнское-то сердце, вѣдь, люто!.. Коли ты пріѣхалъ дѣло ломать, такъ нечего тебѣ матери этакія слова и говорить, что которыя все нутро ея переворачиваютъ... Опять же я тебѣ первая сказала: хоть у насъ дѣло и благословенное, да подъ вѣнецъ еще не ставили, все можно передѣлать... Мы не вяжемся... Изъяну мы вамъ не сдѣлали, а себѣ развѣ только, подарковъ отъ васъ не примали, да поди, чай, и на подарки-то у насъ же бы денегъ-то займовали; такъ что же тебѣ и разговоръ этотъ

вести. Любо, такъ дѣлайте, берите съ тѣмъ, съ чѣмъ брали, а чего ужъ нѣтъ, того негдѣ взять... А матери говорить тебѣ этакія слова прискорбныя не приходится... Опять же мы не изъ крайности, не изъ нужды изъ какой: не намъ отъ васъ чего глядѣть, а развѣ вамъ отъ насъ... Вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный...

— Да это, конечно, Матрена Поликарповна, коли ежели... Въ нашихъ мѣстахъ на это что смотрѣть: какая дѣвка Богу не грѣшна... а только что ужъ очень это огласка-то велика, зазоръ-то большой: на всемъ міру, вѣдь... Ты не обижайся, свахонька, я не къ тому... Конечно, на это нечего смотрѣть, и Сеня хоть бы, парень добрый, покладистый... опять же онъ въ моихъ рукахъ: чтó скажу, какъ наставляю, то и будетъ; я не къ тому, чтобы все дѣло такъ, точно его и не было послѣ всего нашего согласія, любви и благословенія... А такъ полагаю, свахонька, что надо же вамъ въ этакихъ окаянствѣхъ и свата поблагодарить, чтобы старался... и парня наставлялъ, натолковалъ бы ему, что это случай не что-нибудь, со всякой случиться можетъ... а жилъ бы впростѣ, да въ любви, безъ грубости, безъ обиды... ежели Богъ благословитъ... Вотъ я къ чему только, а не то, чтобы противъ васъ чтó...

— Что же, мы вашимъ стараніемъ будемъ очень довольны, и какъ вы теперь къ намъ въ родню поступаете, коли ежели Богу угодно, то за всякъ часъ милости просимъ, не какъ чужіе...

— Такъ вотъ бы ты, Матрена Поликарповна, свату-то и поговорила, пуцай бы онъ чѣмъ побаловалъ меня, деньжѣнокъ бы что ли ссудилъ, али товарецъ у меня съ рукъ снялъ да по гривенничку на пудъ супротивъ людей накиннулъ, вотъ я бы и чувствовалъ, и старался бы, все бы мнѣ привлекательнѣе было... А ужъ я Сеню-то обломаю, онъ парень покладистый, въ моихъ рукахъ, онъ меня слушаетъ... да и самъ онъ, правда-что, къ дѣвѣ-то сердце большое получилъ, очень желаетъ...

Матрена Поликарповна, не спѣша, обдумывала свой отвѣтъ, и по лицу ея видно было, что она не прочь была побаловать свата, желала только сохранить свое достоинство, но ей не пришлось отвѣчать: двери въ избу распахнулись и въ нихъ быстро, смѣло и рѣшительно вошла Татьяна, въ невидимому удивленію и смущенію матери и Демьяна.

— Слышала я все, Демьянъ Прохорычъ, — прямо начала она, даже не поклонившись. — Ты жениха продать мнѣ хочешь, али за меня придачи просишь, такъ какова я ни есть, а я не

продажная, торговать тебѣ мной не придется... Ты свать, такъ ты скажи-ка отъ меня жениху-то моему богоданному, Семену Сидорычу, прямо, что допрежь того было, того не воротить, а выйду я за него, замужъ, того не будетъ... То была дѣвчья дурость, а буду бабой, буду женой настоящей, и дурость всю вонъ изъ головы выкину, дома, небось, не промотаю, въ обиду мужику не дамся, за то и въ худой рубашкѣ, али въ заплаткахъ его не пушу, а будетъ смиренъ да ласковъ, да не имѣть попрекать, такъ и лучше ему жены не будетъ... Вотъ ты ему скажи... Да и еще молви: воли стали вы мной обижаться, воли стала я дѣвка охальная, на весь народъ ославлена, такъ тогда я пойду за Семена, когда онъ самъ придетъ съ отцомъ да просить меня будетъ, чтобы шла за него, и ты приѣзжай, свидѣтелемъ будешь. Приѣдете да попросите — пойду, а нѣтъ, такъ Богъ съ вами, и не надо, безъ васъ найду, а то и въ дѣвкахъ останусь, и дѣвки на свѣтѣ живутъ. Вотъ тебѣ мой сказъ, Демьянъ Прохорычъ, а торговаться ты изъ-за меня не моги и жениха я за деньги покупать не стану... такъ и знай, съ тѣмъ и домой поѣзжай. Ругай, не ругай меня, матушка, а что сказала, то и сдѣлаю... Въ моемъ грѣхѣ никто мнѣ не судья, а свать Демьянъ и подавно... На томъ прощай, Демьянъ Прохорычъ, такъ и Семену отъ меня скажи!..

Татьяна поклонилась и вышла. Матрена Поликарповна только руками всплеснула, а Демьянъ стоялъ съ такимъ лицомъ, точно его это обухомъ по лбу ударилъ, стоялъ и глазами хлопалъ.

— Вотъ ты и дѣлай съ ней что хочешь!.. — проговорила наконецъ Матрена Поликарповна, сложила руки на колѣняхъ и безнадежно опустила голову.

— А я тебѣ скажу, Матрена Поликарповна, — заговорилъ Демьянъ, приходя въ себя и встряхивая головой, — купецкая она дочь — вотъ что, не нашего ей сословія быть... Съ-эстолько ума, съ-эстолько — и не привидано!.. Всякаго мужика заговорить — вотъ дѣвка!.. Ну, видно тутъ надо ладить, какъ она велитъ: Сенкѣ счастье, за этакой бабой, что за печкой живи... Ну, Матрена Поликарповна, все равно, ты не оставишь меня... Я поѣду, дѣло все справлю, а завтра съ Сеней и съ Сидоромъ приѣдемъ... Ничего, пускай поклонится, этакой дѣвкѣ поклониться можно... А онъ не то что, онъ изъ-за нее на ножъ полѣзетъ: смиренъ, смиренъ, а рассмотрѣлъ тоже, какова статья... Ну, прощай, Матрена Поликарповна, не тужи, эта дѣвка не пропадетъ... До свиданія. Завтра приѣдемъ.

Демьянъ Прохорычъ вышелъ, но идя по снѣгамъ и садясь въ

телѣгу онъ все трясъ головой и приговаривалъ: ну, дѣвка... Вотъ это дѣвка... Не даромъ хай-дѣвкой прозвали... Умна! вотъ умна!.. Ну-у... братецъ ты мой!.. да, это дѣвка!..

На слѣдующій день, въ великому изумленію и даже соблазну всей деревни, у избы Дмитрія Петровича остановилась телѣга, изъ которой выгѣзли женихъ Татьяны съ отцомъ и сватомъ Демьяномъ. Всѣ они вошли въ домъ и чрезъ нѣсколько часовъ вышли отуда веселые и довольные. Мать и отецъ невѣсты ласково и привѣтливо провожали гостей, а Татьяна выглянула въ окно и дружелюбно, съ улыбкой, бивнула головой увѣзжающему жениху.

Затѣмъ, въ ближайшее воскресенье состоялась и свадьба Семена Сажина съ Татьяной Дмитріевной. Когда свадебный поѣздъ возвращался изъ села послѣ вѣнчанья, онъ долженъ былъ остановиться при вѣздѣ въ прогонъ между гумнами: путь былъ загороженъ двумя жердями. Пока дружка торговался съ толпой молодежи за выкупъ проѣзда, изъ нея отдѣлился Илья. Онъ подошелъ къ телѣгѣ, въ которой сидѣли новобрачные.

— Князь и княгиня новобрачные, — сказала онъ съ нахальной усмѣшкой: — съ законнымъ бракомъ.

Нѣкоторые изъ поѣзжанъ смутились отъ этой встрѣчи, смутилась и Татьяна. Семень смотрѣлъ на Илью, выпуча глаза.

— Что-жъ ты, Татьяна Дмитревна, не благодарствуешь на проздравленьи, на моемъ? — продолжалъ Илья тѣмъ же тономъ. — А я еще думалъ, ты меня на свадьбу позовешь... Чай, не чужой.

Татьяна собралась, наконецъ, съ духомъ.

— Покорно благодарствую тебѣ, Илья Кузьмичъ, — сказала она. — А на свадьбѣ у меня тебѣ дѣлать нечего, сродни ты намъ не приходишься, пиръ мы и безъ тебя спируемъ; да и тебѣ, чѣмъ о пирахъ-то думать, лучше бы лишній поклонъ Богу положить, что избавилъ онъ тебя отъ напасти, далъ на своей землѣ остаться.

— Вотъ ты какъ нонѣ, ровно какъ ничего и не было...

— Былое-то, Илья Кузьмичъ, былъемъ поросло. Я теперь въ законѣ, да и ты женнинъ мужъ... Стыдно тебѣ...

Между тѣмъ, выкупъ былъ данъ, жерди разгородили и поѣздъ тронулся. Илья остался на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, Татьяна даже не оглянулась на него.

Молодежь съ хохотомъ и гамомъ окружила Илью. Онъ былъ видимо озадаченъ и сконфуженъ, но храбрился и не отставалъ отъ толпы, которая направилась въ кабаку пропивать выкупъ.

Прошли годы. Пропедашее забывалось, и въ отношеніи Татьяны Дмитревны никогда не ставилось ей въ вину. Семень оказался ей не подѣ парю: былъ недалеко, и лѣнивъ, и нерасторопенъ, а къ торговлѣ и совсѣмъ неспособенъ; началъ и хмѣлемъ зашибаться, но былъ смиренъ и пьяненькій распѣвалъ только священные пѣсни по октоиху. Татьяна забрала мужа въ руки и, говорятъ, даже поволачивала его, но хозяйкой и матерью была отличной, а послѣ смерти отца продолжала съ успѣхомъ его торговлю и даже нерѣдко являлась вмѣсто мужа на сельскіе сходы, гдѣ не уступала ни одному мужику ни въ разумѣ, ни въ разсудительности. Носились слухи, что и выйдя замужъ она продолжала гулять съ Ильей, но эти слухи ничѣмъ не подтвердились и скоро замолели, особенно когда Илья совсѣмъ сбился съ пути и спился съ кругу, а Татьяна продолжала работать, не бѣднѣла и держала весь домъ въ рукахъ. Всѣ старыя замашки въ ней остались: характерна и зубаста была по-прежнему, никому въ рѣчахъ не уступить, никому на ногу себѣ наступить не дать, пожалуй, и обидить, но въ добрый часъ въ бѣдѣ помочь, а въ веселый и насмѣшить, и пѣсню споеть, и игру заведеть на всю деревню.

— Хай-баба у насъ, Татьяна Дмитревна!—говорили про нее односельцы.

Алексѣй Потѣхинъ.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

VIII *).

Первыя столкновения сената съ другими властями Кракова. — Споръ съ академіей и обращеніе сената къ покровительствующимъ дворянъ. — Новый статутъ для краковской академіи. — Дальнѣйшія сношенія сената съ тремя дворянами, по вопросу объ имущественныхъ правахъ академіи. — Краковскій агентъ фонъ-Блюенбергъ въ Вѣнѣ. — Конвенція между Австріей и Россіей, отъ 17-го іюня 1821 года и отъ 4-го марта 1825 года, относительно имущественныхъ претензій Галиціи, Кракова и царства польскаго. — Ходатайство сената предъ императоромъ Николаемъ I-мъ, отъ 13-го марта 1827 года. — Новая борьба партій въ Краковѣ. — Президентъ сената, гр. Станиславъ Водзницкій и его приверженцы. — Столкновение ихъ съ сеймомъ 1827. — Отмѣна покровительствующими дворянами всѣхъ постановленій этого сейма. — Вопросъ о «смѣшанныхъ подданныхъ». — Третья конвенція между Австріей и Россіей объ имущественныхъ претензіяхъ, отъ 29-го апрѣля 1828 года. — Кураторъ краковской академіи графъ Залусскій. — Конференція въ Варшавѣ.

Рѣдко самыя лучшія законы, вышедшія изъ-подъ пера многихъ лицъ, по введеніи ихъ въ общую жизнь, получаютъ въ ней полное примѣненіе и не уклоняются отъ первоначальнаго смысла своего; еще рѣже сбываются преувеличенныя надежды, которыя связываютъ обыкновенно съ уставами ихъ составители. Такъ было и съ краковской конституціей. Сенатъ, въ руки котораго комиссары покровительствующихъ державъ передали уставы республики, вскорѣ по отъѣздѣ ихъ изъ вольнаго города, долженъ былъ почувствовать неловкость своего положенія относи-

*) См. выше: янв. 107; февр. 460 стр.

тельно законодательнаго собранія и полную неопредѣленность въ отношеніи къ университетскимъ властямъ. При первомъ столкновеніи между школьными привилегіями и общими гражданскими обязанностями, сенатъ и университетская іерархія должны были почувствовать это и обратиться за разъясненіемъ къ покровительствующимъ державамъ. Въ 1820 году, полиція арестовала двухъ учениковъ гимназіи, обвиняемыхъ въ воровствѣ. Ректоръ университета, имѣвшій, на основаніи органическаго статута, высшую власть надъ воспитанниками всѣхъ краковскихъ школъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выступить противъ главы правительства, съ которымъ онъ былъ въ личной враждѣ, и протестовалъ противъ нарушенія университетскихъ правъ. Ободренные своимъ начальникомъ, студенты собрались шумною толпою предъ мѣстомъ заключенія своихъ товарищей и, не добившись добровольнаго освобожденія плѣнниковъ, освободили ихъ собственною силою. Они не остановились на этомъ: возбужденные первымъ успѣхомъ, они напали ночью на домъ полицейскаго начальника и разбили его окна и мебель. Такое опасное для общественнаго спокойствія происшествіе пробудило наконецъ сенатъ изъ его летаргіи, и лишь тогда, пересмотрѣвъ статуты университета, сенатъ узналъ, къ своему удивленію, что не только университетъ, но ни одна изъ краковскихъ школъ не подлежатъ его юрисдикціи. Два года только прошло съ тѣхъ поръ, какъ органическіе уставы объявлены были дѣйствующими, а уже представлялась необходимость ввести въ нихъ коренное измѣненіе, чего можно было достигнуть путемъ законодательнымъ, то-есть посредствомъ соглашенія съ сеймомъ. Но сенатъ, ревнивый къ своей власти, считалъ опаснымъ подвергать такую реформу обсужденію народныхъ представителей; ибо еще при организаціонной комиссіи онъ старался избѣгать подтвержденія малѣйшихъ правъ своихъ сеймовыми постановленіями. Столкновение между сенатомъ и конституціонною властью университета сопровождалось такими обстоятельствами, что они казались сенаторамъ вполне оправдывающими самую рѣшительную мѣру, то-есть обращеніе не къ сейму, а къ посредничеству покровительствующихъ державъ. Послѣднія приняли роль посредниковъ между университетомъ и краковскимъ правительствомъ; но потомъ дальнѣйшая распря между этими двумя властями дала покровителямъ права верховныхъ судей. Сперва временнымъ распоряженіемъ дана была сенату нѣкоторая власть надъ университетомъ и связанными съ нимъ школами; а затѣмъ вышепомянутое событіе сочтено было признакомъ опаснаго направленія, господствовавшаго во всѣхъ краковскихъ школахъ. Въ

немъ видѣли вліяніе демагогическихъ идей, приписываемыхъ тогда нѣмецкимъ университетамъ, и стремленій, произведшихъ извѣстныя событія въ Кадивсѣ, Неаполѣ и Туринѣ, что и вызвало противъ нихъ заявленіе карлсбадскихъ конференцій и конгрессовъ въ Лайбахѣ (Люблинѣ) и Веронѣ. Въ 1822 году, правительство королевства польскаго издало указъ, положительно запрещающій польской молодежи обучаться за границей, и объявило, что никто не можетъ впредь занимать какую-либо должность въ королевствѣ, если учился не въ варшавскомъ университетѣ. Тому же примѣру послѣдовали Австрія и Пруссія, запретивъ жителямъ Галиціи и Познанскаго княжества учиться въ краковскихъ школахъ. Затѣмъ приступлено было къ преобразованію краковскаго университета въ томъ же духѣ, каковой усвоенъ былъ тогда правительствами германскаго союза. Въ 1826 году, краковскій университетъ получилъ новый статутъ; но независимость его отъ мѣстнаго правительства была удержана во всѣхъ отношеніяхъ, согласно тексту прежняго устава; зато, въ качествѣ высшей власти надъ нимъ поставленъ былъ кураторъ или попечитель, и этимъ званіемъ облеченъ былъ графъ Залусскій, генералъ-адъютантъ русскаго императора. Столь непосредственныя отношенія къ одному изъ покровительствующихъ дворовъ освобождали его отъ отвѣтственности предъ остальными. Такимъ образомъ, по внѣшней зависимости краковскій университетъ приводился какъ-бы въ связь съ школами польскаго королевства, но указъ, запрещающій уроженцамъ послѣдняго обучаться въ Краковѣ, оставался въ силѣ. Таково было первое вмѣшательство покровительствующихъ дворовъ во внутреннюю жизнь Кракова, вызванное самимъ сенатомъ его. Однакожь, десять лѣтъ прошло послѣ введенія конституціи, прежде чѣмъ послѣдовало болѣе рѣшительное вмѣшательство покровительствующихъ дворовъ въ дѣло Кракова, жизнь котораго за это время не нарушаема была какими-либо особыми происшествіями, за исключеніемъ вышепомянутаго.

Одинъ только вопросъ объ имуществахъ краковскаго университета, какъ до подчиненія его особому попечителю, такъ и послѣ того, продолжалъ возбуждать различныя запросы и объясненія со стороны краковскаго правительства и покровительствующихъ державъ. Еще незадолго до отъѣзда организаціонной комиссіи изъ Кракова, русскій комиссаръ Мѣнчинскій заявилъ, что императоръ Александръ готовъ возстановить агеллонскій университетъ въ его правахъ на земли и капиталы, которыми онъ владѣлъ прежде въ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королев-

ства, если только дворы австрійскій и прусскій сдѣлають то же самое. Такое заявленіе, хотя и условное, давало надежду университетской іерархіи на полученіе въ свои руки значительныхъ богатствъ. Оставалось только позаботиться объ исходатайствованіи подобныхъ же заявленій со стороны Австріи и Пруссіи, или, лучше сказать, одной Австріи; ибо относительно Пруссіи обнаружилось, что университетъ никогда не требовалъ отъ нея болѣе 3333 червонцевъ, которые однакожь присуждены были Пруссіи конвенціей 26-го января 1797 года, т.-е. задолго до подписанія вѣнскихъ договоровъ, а потому краковское правительство и считало себя въ правѣ отказаться безвозвратно отъ такого требованія. Но что касается Австріи, то имущества, которыхъ требовали отъ нея, принадлежали къ двумъ категоріямъ: къ первой относились суммы, которыя, находясь въ западной Галиціи, присоединенной въ 1809 году къ варшавскому герцогству, обращены были австрійскимъ правительствомъ на усиленіе общаго воспитательнаго фонда въ Галиціи (*allgemeines Stiftungsfonds*). Вторая категорія состояла изъ земель и капиталовъ, находившихся въ восточной Галиціи, не выходявшихъ изъ-подъ австрійскаго владѣчества даже во время наполеоновскихъ войнъ, и едва ли подлежавшихъ передачѣ. Возвращеніе всѣхъ этихъ имуществъ отъ Австріи было для краковскаго университета вопросомъ тѣмъ болѣе важнымъ, что при его удовлетворительномъ разрѣшеніи къ университету переходили и тѣ имущества, которыя находились въ польскомъ королевствѣ. Сенатъ рѣшился выслать въ Вѣну спеціальнаго агента для сей цѣли, фонъ-Блюенберга, давъ ему, 12-го октября 1819 года, обширную инструкцію и извѣстивъ о томъ князя Меттерниха. Блюенбергъ увѣдомилъ сенатъ, 20-го іюня 1820 года, что его нота, адресованная въ имперскую канцелярію, передана была на обсужденіе министерства и подлежащихъ властей; что послѣднія высказались не въ благопріятномъ для Кракова смыслѣ, но что все будетъ повергнуто на личное благоусмотрѣніе императора. Пока краковское правительство вело переговоры съ Вѣною, совершенно случайныя обстоятельства помогли требованіямъ краковскаго университета въ польскомъ королевствѣ, правительство котораго само признало его права. Въ 1823 году, въ польскомъ королевствѣ былъ обсужденъ новый ипотечный уставъ, и такъ какъ каждый владѣлецъ долженъ былъ представить и доказать свои права на имущества, то варшавское правительство поручило своимъ адвокатамъ навести необходимыя справки не только объ имущественныхъ правахъ польскаго королевства, но и о правахъ краков-

скаго правительства и краковскихъ общественныхъ учреждений. Для такой процедуры необходимы были извѣстные расходы, и варшавское правительство потребовало, 28-го марта 1824 года, чрезъ русскаго резидента, пребывавшаго въ Краковѣ, отъ сената республики 3000 злотыхъ въ счетъ этихъ издержекъ. Незадолго предъ симъ, именно 17-го (29) іюня 1821 года, Австріи и Россіи заключили между собою конвенцію, седьмая статья которой постановляла, что всѣ претензіи, какія могутъ имѣть правительство, жители, церковныя и гражданскія учрежденія краковской республики къ австрійскому правительству, должны составлять предметъ особаго обсуждения. Въ исполненіе такого условія тѣ же самыя державы подписали потомъ въ Вѣнѣ, 4-го марта 1825 года, вторую конвенцію (прелиминарную), по третьей статьѣ которой Россія объявляла себя вполне удовлетворенною Австріей относительно претензій, унаслѣдованныхъ отъ правительства прежняго варшавскаго герцогства, и обязывалась съ своей стороны совершенно принять на себя всѣ претензіи Кракова къ Австріи и особенно претензіи краковскаго университета. Вторая статья той же конвенціи поручала заняться немедленно спеціальною комиссіи развитіемъ твердыхъ основаній для погашенія этихъ претензій. При заключеніи этихъ конвенцій ни краковское правительство, ни его спеціальнѣйшій агентъ не были приглашаемы для подачи мнѣній по сему предмету. Краковскій сенатъ узналъ о существованіи обѣихъ конвенцій только изъ ноты совѣтника австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, барона фонъ-Штурмера, который, 12-го сентября 1826 года, увѣдомилъ Блюменберга о заключеніи этихъ конвенцій. Штурмеръ объявлялъ, что для надлежащаго обсуждения претензій, заявленныхъ краковскимъ правительствомъ вообще и ягеллонскимъ университетомъ въ особенности, относительно имущества западной Галиціи, вошедшихъ въ общій воспитательный фондъ, необходимо было произвести многочисленныя справки и вычисленія по всѣмъ операціямъ, каковымъ подвергался этотъ фондъ со времени присоединенія Галиціи; что, согласно новымъ конвенціямъ, заключеннымъ отъ имени правительствъ австрійской имперіи и польскаго королевства, рѣшено опредѣлить взаимно секвестры, произведенные въ прежнія времена австрійскимъ правительствомъ въ имуществахъ, принадлежащихъ учреждениямъ нынѣшняго королевства, или, наоборотъ, произведенные въ имуществахъ нынѣшнихъ австрійскихъ учреждений правительствомъ варшавскаго герцогства; что всѣ эти имущества должны быть взаимно возвращены вмѣстѣ съ доходами съ нихъ за время, послѣдовавшее послѣ вѣнскихъ договоровъ.

А такъ какъ фонды краковскаго университета тѣсно смѣшаны съ общимъ воспитательнымъ фондомъ, то правительство польскаго королевства приняло на себя обязательство удовлетворить претензіямъ сего рода, представленныя Краковомъ, если краковская республика удовлетворить такимъ же претензіямъ австрійскихъ учреждений на фонды, находящіеся въ ея территоріи. Согласно съ симъ условіемъ австрійскіе и польско-русскіе комиссары занимаются разъясненіемъ всѣхъ вопросовъ по сему дѣлу, необычайная сложность котораго представляетъ множество затрудненій, но не можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ къ исполненію воли обоихъ правительствъ. Министръ-секретарь польскаго королевства также увѣдомилъ, 29-го августа 1826 года, краковскій сенатъ, что всѣ его претензіи не могутъ быть ни рассмотрѣны, ни признаны прежде, чѣмъ конвенція 1825 года получитъ окончательное развитіе. Между тѣмъ, краковскій сенатъ уже представилъ свой проектъ ликвидаціи всѣхъ его претензій къ тремъ дворамъ и даже сообщилъ его центральной ликвидаціонной комиссіи, засѣдавшей въ Варшавѣ. Получивъ сообщеніе отъ Блюменберга, онъ послалъ благодарственный адресъ австрійскому императору, а своего агента просилъ разузнать, въ какомъ смыслѣ будетъ развита конвенція 1825 года. Затѣмъ, сенатъ ходатайствовалъ предъ императоромъ Николаемъ I-мъ объ оффиціальномъ признаніи правъ университета, согласно заявленію его предшественника, и восстановленію его имущества въ польскомъ королевствѣ. Излагая весь ходъ дѣла, сенатъ особенно подробно останавливался на трудахъ варшавской ипотечной комиссіи, несомнѣнно признававшей имущественныя права ягеллонской академіи, и въ концѣ своей просьбы, подписанной 13-го марта 1827 года, говорилъ: «благovolите, государь, обратить вниманіе на то, что правительство вольнаго города Кракова, употребляя уже около половины своихъ доходовъ на народное просвѣщеніе, не въ состояніи жертвовать на него болѣе; а между тѣмъ и эти средства слишкомъ скромны, чтобы поднять образовательныя учрежденія сего края до высоты ихъ назначенія и дать имъ возможность соперничать съ другими университетами, которые развиваются быстро сообразно съ успѣхами наукъ и искусствъ въ наше время. Кромѣ того, новый порядокъ, введенный въ этотъ университетъ, согласно волѣ вашего императорскаго и королевскаго величества и вашихъ высокыхъ союзниковъ, назначеніемъ главнаго куратора вызвалъ необходимость въ новыхъ расходахъ и въ новыхъ фондахъ, которые, если будутъ отнесены на дѣйствительные доходы страны, уменьшать ту часть ихъ, въ кото-

рой крайне нуждаются другія учрежденія, имѣющія не менѣе важное значеніе для общественнаго блага. Наконецъ, благодареніе, если получить такое краковскій университетъ, падеть отчасти на жителей польскаго королевства, которые получаютъ позволеніе посылать сюда своихъ дѣтей для высшаго образованія, и такимъ образомъ актъ великодушія вашего и справедливости въ сему учрежденію, которое польскіе короли, ваши предшественники, всегда удостоивали своего особеннаго покровительства, принесетъ благіе плоды одинаково для всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, для благосостоянія и процвѣтанія самаго университета, для тѣхъ, кто непосредственно находится подъ вашею высокою державой, а равно и для тѣхъ, кто имѣетъ честь состоять подъ нашимъ милостивымъ покровительствомъ». Въ то же самое время сенатъ послалъ просительныя письма къ австрійскому императору и прусскому королю, ходатайствуя предъ ними о посредничествѣ у русскаго императора въ пользу краковскаго университета.

Но въ это самое время, когда вопросъ объ удовлетвореніи финансовыхъ претензій краковской республики и ея университета обсуждался въ особой комиссіи, засѣдавшей въ Вѣнѣ, а краковское правительство обращалось во всѣмъ покровительствующимъ державамъ съ спеціальнымъ ходатайствомъ о возстановленіи имущественныхъ правъ ягеллонскаго университета, въ жизни самого Кракова произошли важныя событія, вызванныя борьбою партій, и повлекли за собою новое вмѣшательство сосѣднихъ державъ, имѣвшее чисто политической характеръ. И на этотъ разъ краковскій сенатъ самъ содѣйствовалъ вмѣшательству, чрезъ что и вопросъ о возстановленіи имущественныхъ правъ различныхъ учрежденій краковской республики въ сосѣднихъ земляхъ подвергся новому колебанію.

Просуществовавъ первые три года, по заключеніи вѣнскихъ договоровъ, въ качествѣ вольнаго города съ правительствомъ, на половину назначеннымъ покровительствующими дворами, и подъ опекой организационной комиссіи, Краковъ съ концомъ 1818-го года, когда члены комиссіи оставили его и замѣнены были постоянными резидентами, перешелъ къ обычному порядку жизни, установленному конституціей и органическими уставами. Три трехлѣтія собраніе народныхъ представителей выбирало болѣею частию тѣхъ же самыхъ чиновниковъ, судей и подлежащихъ его выбору сенаторовъ. Политическая жизнь отличалась затишьемъ; сенатъ привыкъ къ ежегоднымъ заявленіямъ одобренія своей дѣятельности. Но столкновеніе съ университетомъ, приглашеніе покровительствующихъ дворовъ къ вмѣшательству въ дѣла Кракова

и плохо удавашіеся переговоры объ имущественныхъ правахъ республики, мало-по-малу увеличивали число недовольныхъ правительствомъ, т.-е. сенатомъ и его президентомъ, графомъ Водзицкимъ, имѣвшимъ въ немъ свою партію. Въ сенатѣ, Станиславъ Водзицкій сохранялъ за собою большинство, но между членами университета и лицами судебного вѣдомства онъ уже не пользовался расположеніемъ. Въ собраніи народныхъ представителей положеніе партій также измѣнилось: несмотря на повтореніе многихъ выборовъ въ депутаты въ теченіи девяти лѣтъ, составъ сейма все-таки измѣнился; съ одной стороны, на мѣсто ушедшихъ приверженцевъ сената поступали представители оппозиционной партіи, съ другой—многіе изъ прежнихъ сторонниковъ Водзицкаго и его партіи перешли въ ряды ихъ противниковъ. Въ концѣ 1827 года, собраніе представителей должно было приступить къ избранію президента сената на слѣдующее трехлѣтіе. Противники Водзицкаго употребили всѣ свои усилія, чтобы замѣнить его своимъ кандидатомъ, и, дѣйствительно, послѣдній былъ избранъ большинствомъ, хотя и самымъ незначительнымъ, всего на одинъ голосъ. Во всякой другой странѣ такой результатъ выборовъ былъ бы принятъ съ уваженіемъ, какое граждане должны имѣть къ конституционнымъ постановленіямъ; но въ краковской республикѣ, олицетворявшей въ себѣ, по извѣстной уже намъ половицѣ, всю Польшу съ ея преданіями и нравами, никто не считалъ себя обязаннымъ уважать законъ, если онъ не согласовался съ его личными интересами. Приверженцы прежняго президента, жившіе столько лѣтъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ представителями сосѣднихъ державъ и привыкшіе подъ ихъ защитой считать себя распорядителями судебъ Кракова, не могли примириться съ такимъ ничтожнымъ большинствомъ, какое оказалось на сторонѣ ихъ противниковъ, и считали себя вправѣ обратиться съ жалобами къ иностраннымъ резидентамъ. Самъ Водзицкій, котораго, въ 1818 году, прусскій комиссаръ фонъ-Рейбницъ приглашалъ быть примѣромъ гражданской доблести для своихъ преемниковъ, присоединился къ партіи, считавшей недостаточнымъ ясное указаніе конституціи о порядкѣ выборовъ. Еще въ самомъ засѣданіи, въ которомъ происходили выборы, сторонники Водзицкаго съ шумомъ покинули собраніе, отнявъ у него возможность продолжать свою дѣятельность при надлежащемъ числѣ членовъ, и затѣмъ протестовали противъ избранія новаго президента особымъ актомъ, переданнымъ въ руки представителей сосѣднихъ державъ. Послѣдніе приняли протестъ и препроводили къ своимъ дворамъ, съ просьбой о принятіи надлежащихъ

мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка. Резидентами въ это время были: со стороны Россіи—Заржецкій, со стороны Австріи—баронъ фонъ-Эшнеръ, отъ Пруссіи—Даръ. Они обратились къ сенату съ коллективной нотой, приглашая новоизбраннаго президента удержаться отъ вступленія въ должность до разъясненій, какія будутъ получены отъ покровительствующихъ дворовъ.

Между тѣмъ, приверженцы прежняго правительства старались подобрать въ свою пользу различныя доказательства, которыми бы подрывалась законность постановленій послѣдняго сейма. Они нашли опору для себя въ томъ обстоятельстве, что въ числѣ краковскихъ чиновниковъ, особенно между членами судебного вѣдомства, изъ коихъ нѣкоторые были депутатами въ собраніи представителей, принадлежали, по своему происхожденію, еще къ варшавскому герцогству, и, стало-быть, могли быть разсматриваемы до извѣстной степени, какъ смѣшанные подданные Кракова и польскаго королевства. Тѣмъ не менѣе сторонники Водзицкаго забывали, что эти люди служили въ Краковѣ большею частію со времени введенія его конституціи, удовлетворяли всѣмъ условіямъ, требовавшимся для избранія въ народныя представители, и, наконецъ, служили краковской республикѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ при томъ самомъ правительствѣ, которое, признавая ихъ до тѣхъ поръ краковскими гражданами, по низверженіи своемъ стало думать о нихъ иначе. Только трое изъ сенаторовъ остались при прежнемъ мнѣніи о гражданскихъ правахъ этихъ лицъ. Сенатъ сообщилъ о своемъ открытіи резидентамъ покровительствующихъ державъ, зная, что въ случаѣ признанія незаконнымъ самаго состава послѣдняго сейма, должны быть признаны таковыми же и всѣ его постановленія. Резиденты сообщили разъясненія сената своимъ дворамъ, а 25-го февраля 1828 года имѣли уже возможность передать сенату, что покровительствующія державы объявляютъ не только избраніе новаго президента, но и всѣ постановленія послѣдняго собранія представителей незаконными и какъ-бы не существовавшими, и что старый порядокъ, сохранявшійся до открытія послѣдняго сейма, долженъ быть восстановленъ и поддержанъ до того времени, когда послѣдуютъ окончательныя распоряженія покровительствующихъ дворовъ, согласныя съ требованіями конституціи. Партія Водзицкаго, управлявшая Краковомъ столько лѣтъ, торжествовала; но вскорѣ она получила еще новое торжество, котораго не искала. 19-го марта того же года, графъ Водзицкій получилъ отъ резидентовъ сосѣднихъ державъ слѣдующую ноту: «уже въ прежніе годы, высокіе покровительствующіе дворы и само правитель-

ство сей республики признавали необходимость введенія различныхъ распоряженій, согласныхъ съ обстоятельствами и требовавшихся для утвержденія законнаго порядка въ этомъ государствѣ. Нынѣ совершившіяся событія указали самымъ положительнымъ образомъ на необходимость мѣръ рѣшительныхъ, чтобы утвердить въ республикѣ конституціонный порядокъ, на которомъ основывается все ея политическое существованіе. Покровительствующіе дворы признали за благо, въ интересахъ самой страны, образовать комитетъ изъ вашего сіятельства, ихъ уполномоченныхъ и тѣхъ изъ господъ сенаторовъ, которые остались вѣрными конституціи, дабы опредѣлить наиболѣе приличныя средства для возстановленія правительства въ его законной силѣ. Согласно таковой волѣ высокихъ дворовъ, нижеподписавшіеся имѣютъ честь пригласить ваше сіятельство назначить тѣхъ изъ господъ сенаторовъ, которыхъ вы считаете способными къ участию въ этомъ дѣлѣ, и извѣстить о времени и мѣстѣ, гдѣ этотъ комитетъ, составъ котораго долженъ отвѣчать благу республики, откроетъ свои занятія, долженствующія привести въ исполненіе благодѣтельные виды трехъ высокихъ покровительствующихъ дворовъ». Мѣры, которыя составлены вышеуказаннымъ способомъ, комитетъ призналъ необходимыми для возстановленія прежняго правительства въ Краковѣ, и состояли въ разсмотрѣніи всѣхъ постановленій и назначеній, какія утверждены были не только послѣднимъ сеймомъ, но и предшествовавшими ему, и въ отмѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя комитетъ найдетъ несообразными съ благомъ республики. Такая полная побѣда партіи Водзицкаго произвела въ самомъ краковскомъ обществѣ сильную реакцію противъ послѣдняго сеймоваго большинства. Три сенатора, предсѣдатели обоихъ судовъ, нѣкоторые изъ совѣтниковъ и три профессора университета потеряли свои мѣста. Но сенатъ этимъ не удовлетворился. Въ числѣ его противниковъ были такіе чиновники, въ избраніи которыхъ комитетъ не нашелъ нарушенія какихъ-либо параграфовъ конституціи. А потому, по закрытіи комитета, уже возстановленный въ своихъ правахъ сенатъ возбудилъ вопросъ объ ихъ подданствѣ, ибо они владѣли землями, расположенными въ польскомъ королевствѣ. По смыслу вѣнскихъ договоровъ, смѣшанные собственники (то-есть, владѣвшіе имѣніями въ земляхъ двухъ или трехъ державъ) признавались подданными того государя, въ странѣ котораго имѣли постоянное мѣстожителство; такимъ образомъ, краковскіе чиновники, обратившіе на себя вниманіе сената, были исключительно подданными краковской республики, а для правительства польскаго королевства оставались лишь смѣшанными

собственниками. Такъ какъ комитетъ не находилъ возможнымъ издать какое-либо постановление противъ такихъ чиновниковъ, то сенатъ самъ просилъ русскаго резидента сообщить о томъ петербургскому двору. Отвѣтъ былъ данъ 31-го октября 1828 года. Заржецкій объявлялъ, что императоръ всероссійскій и король польскій считаетъ прежнихъ подданныхъ варшавскаго герцогства, поселившихся въ Краковъ, но владѣющихъ также имѣніями и въ польскомъ королевствѣ, смѣшанными подданными, а потому тѣ изъ нихъ, которые находятся на службѣ краковской республики, должны представить увольненіе отъ правительства польскаго королевства, а въ противномъ случаѣ должны быть удалены изъ службы. Сенатъ привелъ эту мѣру въ исполненіе, удаливъ, между прочимъ, сенатора Бартля, владѣвшаго имѣніями въ Польшѣ, и сообщилъ о томъ австрійскому и прусскому резидентамъ, Лоренцу и Дарэ. Но первый отъ 4-го февраля 1829 года, а второй отъ 20-го марта того же года, увѣдомили сенатъ, что ихъ государи не нашли дѣйствія сената согласными съ конституціей, что выраженіе: «смѣшанный подданный», вполнѣ устраняется признаннымъ по вѣнскимъ договорамъ, которые обязательны и для Кракова, выраженіемъ: «смѣшанный собственникъ», а таковой долженъ считаться подданнымъ того государства, гдѣ постоянно живетъ; что императоръ австрійскій и король прусскій съ изумленіемъ узнали объ удаленіи сенатомъ изъ службы такихъ чиновниковъ, которыхъ онъ, по смыслу конституціи, не могъ ни назначать, ни увольнять; а такъ какъ подобныя дѣйствія имѣютъ значеніе не для одной только внутренней жизни краковской республики, но и касаются правъ покровительствующихъ державъ, то Австрія и Пруссія войдутъ въ переговоры по этому вопросу съ Россіей. Такъ кончилось первое столкновеніе сейма съ сенатомъ. Партія, державшая въ своихъ рукахъ исполнительную власть со времени объявленія Кракова вольнымъ городомъ, не только сохранила ее за собой и послѣ того, какъ сеймъ избралъ другого президента, но еще добила съ отмѣны тѣхъ прежнихъ сеймовыхъ постановленій, которыя ей не нравились, и удалила изъ службы чиновниковъ, враждебно къ ней расположенныхъ и организовавшихъ оппозицію противъ нея. Такимъ образомъ, въ рукахъ той же партіи остались и переговоры объ удовлетвореніи сосѣдними державами имущественныхъ правъ краковской республики.

Въ промежутокъ времени, занятый вышеописанными событіями, Австрія и Россія подписали, 29-го апрѣля 1828 года, третью конвенцію объ удовлетвореніи взаимныхъ имущественныхъ пре-

тензій, какъ окончательное развитіе основаній, утвержденныхъ прелиминарною конвенціею 1825 года. По седьмой статьѣ новой конвенціи, Австрія признавала претензіи краковскаго университета на доходы съ имущества, внесенныхъ въ ипотеки западной Галиціи или помѣщенныхъ изъ процентовъ въ публичные австрійскіе фонды, передавая удовлетвореніе этихъ претензій Россіи, при чемъ послѣдняя обязывалась исполнить это въ точности; пятою статью, всѣ обязательства Россіи относительно Австріи, считая въ томъ числѣ и претензіи краковскаго университета, опредѣлены были въ 3.195,608 флориновъ австрійской цѣнности и 750,694 флорина 42 крэйцера конвенціонной монеты, всего около пяти милліоновъ франковъ. Источники на покрытіе этихъ суммъ были опредѣлены въ шестой статьѣ. Въ дополнительномъ протоколѣ было присоединено къ тому, по особенному желанію австрійскаго императора, что правительство польскаго королевства представить отчетъ Австріи, какимъ способомъ удовлетворены были претензіи краковскаго университета. Австрійскій резидентъ, баронъ фонъ-Эшнеръ, сообщилъ краковскому сенату нотой, отъ 10-го іюля 1828 года, о содержаніи этой конвенціи. Сенатъ обратился къ правительству польскаго королевства съ просьбой объ уплатѣ накопившихся долговъ краковскому университету. Ему было отвѣчено, что Россія, принявъ на себя всѣ обязанности Австріи по краковскимъ претензіямъ, должна теперь опредѣлить размѣръ претензій ягеллонскаго университета, что потребуетъ значительныхъ работъ. Краковскій сенатъ просилъ сообщить ему общую таблицу всѣхъ денежныхъ расчетовъ Кракова съ Австріей. 14-го октября 1829 года, резидентъ Заржецкій отвѣчалъ, что правительство польскаго королевства не имѣетъ еще въ своихъ рукахъ подробной таблицы всѣхъ претензій. Краковскій сенатъ обратился къ австрійскому резиденту, прося у него искомой таблицы; но фонъ-Эшнеръ не могъ добиться ея изъ Вѣны. Между тѣмъ, правительство польскаго королевства окончило свои работы по преобразованію ипотеки, причемъ внесло въ нихъ краковскіе капиталы, какъ національную собственность королевства, еще до подписанія послѣдней конвенціи между Россіей и Австріей. Краковскій сенатъ апеллировалъ противъ такой мѣры предъ варшавскимъ судомъ; но получилъ извѣщеніе отъ своихъ адвокатовъ, что судъ первой инстанціи отвергъ просьбу краковскаго сената, признавъ имущество ягеллонской академіи, находившееся въ земляхъ королевства, національною собственностію послѣдняго. Тогда краковскій сенатъ обратился съ просьбою къ прусскому королю, подтверждавшему, въ качествѣ покровителя кра-

ковской республики, послѣднюю вѣнсую конвенцію, о посредничествѣ между нимъ и польскимъ правительствомъ, и отправилъ ноту къ графу Нессельроде, въ которой излагалъ всѣ основанія своихъ претензій. Не получая отвѣтовъ ни изъ Берлина, ни изъ Петербурга, сенатъ просилъ куратора краковскаго университета, графа Залусскаго, представить все дѣло прямо на личное усмотрѣніе императора Николая. Кураторъ отвѣчалъ 14-го іюля 1829 изъ-подъ Варны, которая въ то время была осаждена русскими войсками, что просьба сената передана на разсмотрѣніе нѣсколькихъ лицъ, приближенныхъ къ императору. Послѣдствіемъ таковаго разсмотрѣнія было назначеніе особой конференціи въ Варшавѣ, подъ предсѣдательствомъ Новосильцева, для выслушанія объясненій краковскихъ депутатовъ: сенатора каноника Лентовскаго и главнаго секретаря Меровшевскаго. Дѣло уже подвигалось мало по малу впередъ, какъ событія 1830 года остановили его. Въ польскомъ королевствѣ произошло возстаніе и образовавшійся въ Польшѣ патріотическій клубъ попытался вовлечь Краковъ въ общую революцію. Это поставило краковскую республику въ натянутыя отношенія къ Россіи.

IX.

Положеніе краковскаго сената въ концѣ 1830 года.—Воззваніе его отъ 3-го декабря о вооруженіи городской гвардіи.—Неудачное назначеніе начальника для этой гвардіи и замѣна его графомъ Іосифомъ Водзицкимъ.—Посылка Антонія Либровскаго въ Варшаву для переговоровъ съ тамошнимъ временнымъ правительствомъ.—Необходимость держаться нейтралитета.—Попытка пополнить ряды сенаторовъ новыми членами.—Совѣты по этому дѣлу со стороны резидентовъ покровительствующихъ державъ.—Пріѣздъ изъ Варшавы членовъ патріотическаго клуба, братьевъ Малиновскихъ.—Ихъ попытки привлечь Краковъ къ участію въ польской войнѣ, и неудача.—Допросъ ихъ у графа Іосифа Водзицкаго и отъѣздъ.—Участіе нѣкоторыхъ жителей Кракова въ польскихъ дѣлахъ.

Никогда еще положеніе краковскаго сената не было столь комично, какъ въ концѣ 1830 года, при первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Россіи возстаніи. Очищенный въ 1828 году удаленіемъ четырехъ членовъ, сомнѣвающихся въ сочувствіи къ себѣ общества, членовъ университета и лицъ судебного вѣдомства, опасаясь отвѣтственности за дипломатическія неудачи послѣднихъ лѣтъ, краковскій сенатъ, связанный своимъ прошедшимъ, съ которымъ не могъ порвать связи, не нанося ущерба господствовавшей въ немъ партіи, трепещущій предъ приближавшимися къ

нему событіями, и бессильный для открытой встрѣчи съ ними, не зналъ, что предпринять. Колеблясь между необходимостью сдѣлать что-либо такое, что отвѣчало бы обстоятельствамъ времени, и страхомъ скомпрометтировать себя предъ резидентами трехъ дворовъ какимъ-нибудь актомъ, который бы превышалъ предѣлы его власти, ставшіе для него обязательными съ 1828 года, сенатъ почувствовалъ наконецъ въ себѣ отвагу прибѣгнуть къ общественному мнѣнію, и воззваніемъ 3-го декабря пригласилъ обывателей къ вооруженію, подъ предлогомъ устройства городской гвардіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послѣшилъ дать отчетъ въ такомъ распоряженіи предъ резидентами покровительствующихъ дворовъ, объясняя свой поступокъ «чрезвычайными обстоятельствами», и просилъ у нихъ совѣта, что далѣе въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ ему дѣлать. Жители Кракова, не особенно расположенные къ своему сенату, говорили, что онъ потерялъ голову и самъ не знаетъ за что схватиться, что дѣлать? Обыватели должны вооружиться! Зачѣмъ? съ какою цѣлью? противъ кого? о томъ умалчивало сенатское воззваніе; вѣрнѣе всего, что и самъ сенатъ не зналъ. Политическіе противники сената догадывались, что оберегавшіе такъ тщательно свою власть графъ Станиславъ Водзицкій и его партія кинули приказъ о городской гвардіи для развлеченія краковскаго населенія, уже начинавшаго мечтать о болѣе высокой роли для себя; что сенатъ желалъ овладѣть первыми проявленіями общаго движенія и отвлечь отъ себя вниманіе толпы, что для него было важнѣе всего; ибо въ это время опять истекало трехлѣтіе, съ концомъ котораго могли быть произведены, такъ или иначе, перемѣны въ его составѣ.

При звукѣ трубъ объявлены были обывателямъ Кракова: позволеніе вооружаться, устройство городской гвардіи и назначеніе гражданина Іосифа Галлера начальникомъ этой новой силы. Галлеръ, разумѣется, считался сенатомъ въ числѣ гражданъ консервативнаго направленія, готовыхъ поддержать правительство въ трудныя минуты. Но сенатъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что господство его приближалось къ концу, что своимъ распоряженіемъ онъ вызвалъ ту силу, которая за три года предъ симъ могла его низвергнуть, силу общественнаго мнѣнія, и что даже способнѣйшіе между консервативными гражданами не чувствовали въ себѣ охоты становиться на сторону сената.

Первымъ поводомъ къ появленію оппозиціи было самое назначеніе новаго начальника гвардіи. При объявленіи о немъ на концѣ Братской улицы, послышался громкій протестъ со стороны коморника Соломонскаго; къ этому протесту примкнула толпа,

окружавшая трубача, и, поддерживая свое рѣшеніе дѣломъ, двинулась, подъ начальствомъ Соломонскаго, къ мѣсту сенатскихъ засѣданій, требуя отъѣны назначенія Галлера и постановленія вмѣсто него, графа Іосифа Водзицкаго. Несмотря на то, что требуемый народомъ кандидатъ былъ родственникъ президента сената, краковское правительство не знало, что ему предпринять. На его счастье, самъ Галлеръ, назначенный безъ его согласія, явился въ сенатъ и, поблагодаривъ за довѣріе къ себѣ, отказался отъ предложеннаго ему званія. Сенатъ, ссылаясь на то, что просителей было до 3,000, поспѣшилъ «удовлетворить желаніямъ почтенныхъ обывателей Кракова» и назначилъ начальникомъ гвардіи кандидата, выкинутаго народомъ.

Новый начальникъ занялся прежде всего устройствомъ гвардіи, распредѣливъ ее между шестью отдѣлами, изъ коихъ четыре были городскихъ, одинъ академическій и одинъ еврейскій. Начальникомъ академическаго отдѣла былъ профессоръ Сапальскій, а еврейскаго Розенфельдъ; главнымъ начальникомъ штаба гвардіи—Гилярій Мѣдцишевскій. Начальники отдѣловъ и штаба, вмѣстѣ съ общимъ начальникомъ всей гвардіи, составили изъ себя особый совѣтъ, издавшій статуть для городской гвардіи и распорядившійся устройствомъ всѣхъ дѣлъ, довѣренныхъ ему. Въ началѣ, впрочемъ, и самъ сенатъ не умѣлъ опредѣлить круга дѣйствія, предназначавшагося для гвардіи. Конечно, она должна была заботиться объ охраненіи общественнаго спокойствія, но противъ кого и въ какомъ смыслѣ надо было обезпечивать то — сенатъ умалчивалъ. Варшавскія происшествія поставили однакожь этотъ вопросъ прямо: какимъ образомъ краковская республика должна держать себя въ виду революціи, вспыхнувшей въ польскомъ королевствѣ? вотъ что надобно было рѣшить. Такъ какъ разсуждать много не позволяла самая быстрота совершавшихся въ польскомъ королевствѣ событій, то совѣтъ краковской городской гвардіи постановилъ прямо снестись съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, предсѣдательствовавшимъ тогда въ административномъ совѣтѣ королевства. Въ Варшаву посланъ былъ Антоній Либровскій съ вопросомъ: каково желаніе властей королевства относительно поведенія краковской республики въ виду совершившихся событій? Либровскій прибылъ въ Варшаву, когда уже тамъ провозглашена была диктатура, созванъ сеймъ, а Чарторыйскій предсѣдательствовалъ не въ административномъ совѣтѣ, а въ нѣкотораго рода временномъ правительствѣ. Такимъ образомъ, ему пришлось обратиться съ порученнымъ вопросомъ ко всѣмъ тремъ властямъ: и диктаторъ, и маршалъ сейма, и князь Чарторыйскій

отвѣчали одинаково, чтобы Краковъ держался въ виду польской революціи какъ только можно спокойнѣе; чтобы сохранять нейтралитетъ, признанный за нимъ вѣнскими договорами, чтобы противъ дѣла, предпринятаго въ польскомъ королевствѣ, не возбуждалъ неудовольствія въ Австріи и Пруссіи; чтобы, наконецъ, несвоевременнымъ возстаніемъ, совершенно ненужнымъ и бесполезнымъ для польскаго дѣла, не лишала его и тѣхъ малыхъ средствъ и политической опоры, какія представляла собою нейтральная краковская республика. Итакъ, всѣ революціонныя власти королевства считали главною задачею для Кракова сохраненіе спокойствія и тишины; но сохранить общественное спокойствіе въ Краковѣ было гораздо легче, чѣмъ потребовать того. Не говоря уже о томъ, что многіе жители Кракова сочувственно относились къ событіямъ, измѣнившимъ положеніе дѣлъ въ польскомъ королевствѣ, въ самомъ Краковѣ было немало поводовъ къ мѣстнымъ политическимъ волненіямъ. Съ 1828 года, краковскій сенатъ управлялъ республикой при поддержкѣ покровительствующихъ дворовъ и безъ всякой почти отвѣтственности предъ сеймомъ. Политическія преслѣдованія, совершённыя сенатомъ въ 1828 году, были еще въ памяти у всѣхъ жителей Кракова. За мѣшательствами въ сосѣднемъ королевствѣ могли воспользоваться недовольные сенатомъ для возстановленія удаленныхъ имъ сенаторовъ, судей и профессоровъ; наиболѣе опасною въ этомъ смыслѣ могла быть академическая молодежь. Съ этою цѣлью, начальникъ городской гвардіи поручилъ профессору Сапальскому сообщить управляемому имъ отдѣлу гвардіи о сношеніяхъ съ властями польскаго королевства и желаніяхъ, выраженныхъ послѣдними. Сапальскій переговорилъ съ академическимъ отдѣломъ гвардіи и донесъ графу Юсифу Водзицкому, что молодежь выразила полную готовность удовлетворить желанію властей польскаго королевства, и обязалась не только не давать малѣйшаго повода къ какому-либо политическимъ демонстраціямъ внутри города, но и оберегать, чтобы никто другой не покушался на такія демонстраціи; но къ этому Сапальскій прибавилъ, что часть молодежи ищетъ дозволенія удалиться изъ Кракова въ королевство; что, по его мнѣнію, такое желаніе надо удовлетворить, въ видахъ обезпеченія внутренняго спокойствія въ Краковѣ, и что имѣющихъ удалиться въ королевство надо снабдить одеждой и оружіемъ. Совѣтъ городской гвардіи призналъ пользу удаленія воинственной молодежи изъ Кракова, но отказался принимать участіе въ ея вооруженіи. Сапальскій позаботился объ этомъ частнымъ образомъ, и около 25-го декабря колонна академическихъ волонте-

ровъ могла уже выступить въ земли польскаго королевства. Такимъ образомъ, совѣтъ городской гвардіи дѣйствовалъ независимо отъ сената не только въ вопросѣ объ охраненіи внутренняго спокойствія въ краковской республикѣ, но даже и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Власть, вызванная сенатомъ къ жизни, мало по-малу понизила его значеніе. Чтò же дѣлалъ въ это время сенатъ?

Представивъ резидентамъ трехъ дворовъ донесеніе объ устройствѣ городской гвардіи, и оправдывая его чрезвычайными обстоятельствами времени, сенатъ, привышій съ 1828 года не начинать ничего безъ согласія резидентовъ, ждалъ отъ нихъ строгаго выговора, надѣясь однакожь, что они не потребуютъ распушенія гвардіи. Но, къ удивленію его, резиденты отвѣчали, что не только признаютъ полезною мѣру, принятую сенатомъ, но въ виду обстоятельствъ времени, требующихъ усиленной дѣятельности отъ правительства республики, полагаютъ, что удовлетворить такому требованію можно только пополненіемъ существующаго числа сенатскихъ членовъ, почему и считаютъ своею обязанностію заявить, что съ своей стороны не будутъ противиться тѣмъ мѣрамъ, какія сенатъ сочтетъ полезными въ этомъ отношеніи. Последнее заявленіе резидентовъ уже не только удивило сенатъ, но и повергло его въ страшное безпокойство: чтò разумѣли резиденты подъ увеличеніемъ состава сенаторовъ? Какимъ образомъ удовлетворить такому требованію? Кого сенатъ долженъ призвать въ свои ряды? Сенатъ не имѣлъ мужества прямо отвѣтить на эти вопросы. Правда, онъ подозрѣвалъ, что резиденты могли намекать на возстановленіе тѣхъ сенаторовъ, которые были удалены въ 1828 году съ ихъ разрѣшенія, но возвратить этихъ людей значило бы обвинить свою прошлую дѣятельность, произнести осужденіе надъ президентомъ сената и его приверженцами, имѣвшими большинство въ правительствѣ, нанести окончательное пораженіе послѣднему въ общественномъ мнѣніи и, кромѣ того, ввести раздвоеніе въ ряды главной власти въ республикѣ, усиленія которой домогались резиденты. Сенатъ, не желая прибѣгать къ возстановленію удаленныхъ имъ же самимъ сенаторовъ, рѣшился пригласить къ участію въ своихъ засѣданіяхъ такихъ людей, которые были сенаторами еще до 1828 года и оставили сенатъ согласно своей очереди. Но приглашенные отвѣчали, что, не будучи вновь выбраны сеймомъ, не могутъ занять сенаторскія кресла. Встрѣтивъ затрудненія и съ этой стороны, сенатъ обратился къ резидентамъ съ новымъ вопросомъ: какъ онъ долженъ понимать ихъ совѣтъ; ибо не можетъ воспользоваться имъ безъ

яснаго указанія со стороны господъ резидентовъ, что мнѣніе ихъ опирается на рѣшительной волѣ высокихъ дворовъ. Сенатъ соображалъ, что при обстоятельствахъ, созданныхъ польскою революціей, резиденты не имѣли времени получить какихъ-либо особыхъ инструкцій отъ своихъ дворовъ, а по собственному только рѣшенію не осмѣяются потребовать возстановленія сенаторовъ, удаленныхъ въ 1828 году. Но стратагема сената не удалась и отвѣтъ резидентовъ доказалъ ему, что они или имѣли общія полномочія отъ своихъ дворовъ дѣйствовать согласно съ обстоятельствами времени, или право поступать по своему усмотрѣнію, безъ предварительнаго сношенія съ дворами. Резиденты отвѣчали, что было бы желательно, «чтобы г. Баргль вступилъ въ отправленіе своего сенаторскаго званія, принадлежащаго ему пожизненно, тѣмъ болѣе, что два изъ трехъ высокихъ покровительствующихъ дворовъ и прежде высказались въ его пользу, и что русскій резидентъ, удерживая за собою обязанность охранять покровительственныя права своего августѣйшаго государя относительно польскихъ гражданъ, которые хотѣли бы занять какія-либо должности въ вольномъ городѣ, тѣмъ не менѣе признаетъ за сенатомъ полную свободу поступать такимъ образомъ, какою онъ сочтетъ наиболѣе согласнымъ съ его интересами». Касательно остальныхъ свободныхъ мѣстъ въ сенатѣ резиденты высказывали такое мнѣніе: сенаторы, занимавшіе свои мѣста до 1828 года на основаніи сеймовыхъ выборовъ, могли бы быть призваны къ занятію ихъ до окончательнаго рѣшенія о томъ, какъ уже имѣющіе опытность въ дѣлахъ и пользующіеся общественнымъ довѣріемъ. Указанія на рѣшительную волю покровительствующихъ дворовъ въ ногѣ резидентовъ не было. Несмотря на то, сенату приходилось подчиниться предложенію резидентовъ. Чтобы отгнать имъ, сенатъ долженъ былъ имѣть полную увѣренность, что встрѣтитъ поддержку въ общественномъ мнѣніи; но онъ зналъ, что послѣднее будетъ рѣшительно противъ него и за желаніе резидентовъ, которое имѣло въ виду отчасти загладить оскорбленіе, нанесенное сеймовымъ постановленіямъ 1827 года. Вотъ почему сенатъ, объявлявшій, что не можетъ воспользоваться совѣтомъ резидентовъ, если онъ не основанъ на рѣшительной волѣ покровительствующихъ дворовъ, призналъ теперь за лучшее воспользоваться имъ и возстановить сенаторовъ, удаленныхъ за два года предъ симъ. Это усилило оппозицію въ самомъ сенатѣ и окончательно убило старую партію въ общественномъ мнѣніи. Подъ бременемъ внутренняго разногласія, сенатъ окончательно потерялъ свою власть и вліяніе въ дѣлахъ республики. Его значеніе,

какъ высшей исполнительной власти, мало-по-малу перешло къ совѣту городской гвардіи.

При полномъ нравственномъ паденіи сената, заботъ и хлопотъ у совѣта городской гвардіи было не мало; но самыя трудныя вызваны были неожиданнымъ прибытіемъ изъ Варшавы членовъ патріотическаго клуба, братьевъ Малиновскихъ. 17-го декабря, къ начальнику штаба гвардіи Мѣцишевскому явились двѣнадцать вооруженныхъ повстанцевъ, предводимые молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 28, одѣтымъ въ богато-вышитый золотомъ, спереди и сзади, темно-зеленый мундиръ камеръ-юнкеровъ старопольскаго двора, имѣвшимъ на головѣ шапку съ плюмажемъ, на шеѣ пунцовую шаль, а за поясомъ два огромные пистолета съ пороховницей, съ боку палашь. Его товарищи вооружены были съ ногъ до головы. У хозяина не задолго предъ тѣмъ, при самомъ началѣ польской революціи, убитъ былъ въ Варшавѣ родной братъ, полковникъ, случайно находившійся подлѣ генерала Гауке. Появленіе неожиданныхъ гостей смутило начальника гвардейскаго штаба. «Панъ Мѣцишевскій?» спросилъ гость въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ.—Точно такъ,—былъ отвѣтъ. «Братъ полковника?»—Къ вашимъ услугамъ, братъ полковника,—отвѣчалъ, нѣсколько подумавши хозяинъ. Гость, поднявъ правой рукой пистолетъ, сказалъ: «Погибъ отъ моей руки, но это случилось по ошибкѣ; я приказалъ устроить ему великолѣпнѣйшее погребеніе». Это хвастовство не имѣло ничего общаго съ истиной: полковникъ Мѣцишевскій убитъ былъ не Малиновскимъ, и погребенъ онъ былъ просто, своею семьей. Братъ покойнаго спросилъ своего гостя, съ кѣмъ имѣеть честь говорить, и узналъ, что то былъ Яковъ Малиновскій; затѣмъ гость объявилъ, что они пріѣхали изъ Варшавы въ качествѣ делегатовъ отъ патріотическаго общества съ порученіемъ къ краковской академической молодежи. Онъ хвастливо рассказывалъ Мѣцишевскому, какъ, живя въ Парижѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, былъ свидѣтелемъ іюньской революціи и потомъ услышалъ о приготовленіяхъ къ польскому возстанію. «Не можешь, панъ, себѣ представить того энтузіазма, какимъ цѣлая Франція одушевлена къ нашему дѣлу. Народъ, войско, правительство и король пылаютъ желаніемъ придти къ намъ на помощь; что это желаніе не праздно только слово, но и дѣло, о томъ мы, какъ очевидцы, можемъ вѣрно свидѣтельствовать. Франція понимаетъ вполне, насколько она обязана Польшѣ, ибо наше теперешнее возстаніе уврѣпило іюньскую революцію, и за помощь, нами данную, она оплатитъ такую же. Помощь эта уже рѣшена и все тамъ въ движеніи,

чтобы поспѣть во-время въ наши земли. Мы выѣхали изъ Парижа на другой день по полученіи извѣстія о варшавскомъ возстаніи, и на пути были свидѣтелями исполинскихъ приготовленій, предпринятыхъ Франціей для нашего дѣла. Генераль Эксельманъ во главѣ 60,000-го войска перешель Рейнь подъ Майнцемъ, генераль Жераръ во главѣ 40,000 перешель Рейнь подъ Базелемъ, не далѣе мѣсяца эти великія силы стануть на границахъ Польши и соединенные съ помощью, которая готовится для насъ въ цѣлой Германіи, не допустить ни малѣйшаго сомнѣнія въ результатѣ войны. И въ краѣ нашемъ также нашли мы все въ желанномъ положеніи: 100,000 боевого войска ожидаетъ только знака къ сраженію; въ банкѣ имѣемъ 200 милліоновъ въ наличности, которыхъ будетъ достаточно на первыя военныя потребности; цѣлый край вооружается такъ, что можно по истинѣ опасаться, не будемъ ли имѣть силъ болѣе, чѣмъ потребно для побѣды надъ непріателемъ. Въ такомъ положеніи дѣло ясное, что намъ не нужно силъ физическихъ, ибо ихъ имѣемъ уже довольно, а силъ нравственныхъ; такую силой должно быть единомысленное сочувствіе всѣхъ уголковъ земли нѣбогда польской къ дѣлу возстанія. Между тѣмъ, съ великимъ смущеніемъ замѣчаемъ какое-то равнодушіе къ тому въ Познани, Галиціи и Краковѣ. Еще что касается Познани и Галиціи, то такое поведеніе можно объяснить и оправдать зависимостью, въ какой находятся эти провинціи! Но Краковъ? Краковъ, вольный и независимый? Краковъ, имѣющій свое собственное правительство? Почему онъ до сихъ поръ не приступилъ къ революціи? По истинѣ, дѣло непонятное, необъяснимое! Варшавское патріотическое общество, главный и единственный органъ вождей возстанія въ день 29-го ноября, должно было заняться этимъ вопросомъ, когда получило извѣстіе изъ Кракова, что край этотъ не только не думаетъ провозгласить, что присоединяется къ возстанію, но еще, подъ предлогомъ помощи нашему дѣлу, помышляетъ объ удаленіи изъ своей территоріи именно такихъ людей, которые одни способны понять, какъ слѣдуетъ, духъ нашей революціи, которые только одни могутъ поддержать и распространить его, которые обязаны всюду управлять движеніемъ, пріязненнымъ нашему возстанію. Я говорю о здѣшной академической молодежи! Эта молодежь имѣетъ намѣреніе оставить массою Краковъ, хочетъ спѣшить въ Варшаву, усилить ряды защитниковъ отечества! Мысль пагубная, ненужная и бесполезная! Молодежь, оставляя Краковъ, ослабитъ дѣло революціи въ немъ, а, прибывъ въ Варшаву, не усилитъ его въ королевствѣ. А потому, съ цѣлію предупрежденія выхода ака-

демической молодежи изъ Кракова, патриотическое общество поручило намъ прибыть сюда и содѣйствовать на мѣстѣ присоединенію Кракова къ возстанію. Академическая молодежь и здѣсь найдетъ обширное поле для своей дѣятельности, и здѣсь будетъ полезно польскому дѣлу. Въ Краковѣ также совершены были политическія оскорбленія; настало время отмстить за нихъ. Патриотическое общество надѣется, что краковская молодежь не обманетъ его надеждъ». Объявивъ Мѣцишевскому, что на него указано было въ Варшавѣ, какъ на человѣка, сочувствующаго польскому дѣлу, Яковъ Малиновскій прибавилъ, что онъ уже пригласилъ въ занимаемую Мѣцишевскимъ квартиру академическую молодежь къ засѣданію, которое назначено въ 9-мъ часу вечера; затѣмъ, просилъ проводить его къ князю Генриху Любомирскому. Мѣцишевскій изъявилъ свое согласіе на засѣданіе, желая самъ присутствовать во время сужденій молодежи о польскомъ возстаніи, и отправился съ Малиновскимъ къ Любомирскому.

Несмотря на то, что Любомирскій обѣдалъ въ то время, когда Малиновскій съ своими товарищами прибылъ къ нему, послѣдній настоялъ на томъ, чтобы князь принялъ ихъ немедленно. Любомирскому повторено было все то, что уже слышалъ Мѣцишевскій, и потомъ онъ получилъ приглашеніе стать во главѣ временнаго правительства, которое должно быть учреждено въ Краковѣ по желанію патриотическаго общества. Любомирскій отказывался отъ таковой чести, какъ австрійскій подданный, и говорилъ, что надо выбрать для такого званія кого-либо изъ краковскихъ обывателей.

Между тѣмъ, Мѣцишевскій бѣгалъ по городу, розыскивая графа Іосифа Водзицкаго, чтобы сообщить ему о прибытіи Малиновскихъ и готовящемся засѣданіи академической молодежи; но, не найдя его нигдѣ, рѣшился обратиться къ сенатору Куценскому, который былъ тогда директоромъ краковской полиціи. Куценскій, выслушавъ рассказъ Мѣцишевскаго, долго думалъ, потомъ, надумавшись, обратился къ нему съ словами: «я имѣю просьбу къ вамъ, панъ Мѣцишевскій!» — Что панъ сенаторъ прикажетъ? — спросилъ тотъ. «Чтобъ вы никому не рассказывали, что были у меня и обо всемъ этомъ меня увѣдомили. Времена теперь трудныя! при наилучшемъ желаніи человѣкъ можетъ споткнуться! Трудно знать, чего слѣдуетъ держаться! ищите же Водзицкаго». Оставивъ Куценскаго, Мѣцишевскій нашелъ наконецъ начальника городской гвардіи, который, велѣвъ ему присутствовать при засѣданіи молодежи, послалъ, кромѣ того, на его квар-

тиру своихъ адъютантовъ: Александра Мѣрошевскаго и Яна Фрелиха.

Когда Мѣцишевскій возвратился въ російскую гостинницу, гдѣ онъ имѣлъ помѣщеніе, то уже нашель залу, наполненную молодежью. Вскорѣ явились туда же нотариусъ Ярошевскій и одинъ изъ числа удаленныхъ въ 1828 году профессоровъ университета. Не заставили себя ждать и Малиновскіе. Яковъ въ томъ же камеръ-юнкерскомъ мундирѣ занялъ главное мѣсто и обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ. Въ ней повторялось слово въ слово все то, что Малиновскій проповѣдывалъ Мѣцишевскому и Любомирскому. Только, касаясь мѣстныхъ причинъ, которыя должны были бы побудить краковскую молодежь къ поднятію революціоннаго знамени, Малиновскій упомянулъ о политическихъ преслѣдованіяхъ 1828 и 1829 годовъ, причѣмъ указывалъ на присутствовавшего профессора, какъ на одну изъ жертвъ этихъ преслѣдованій, говоря: «возможно ли, чтобы примѣръ молодежи польскаго королевства не нашель въ здѣшнихъ студентахъ подражателей? Или же они утратили способность отмщать за оскорбленія, нанесенныя имъ самимъ и профессорамъ ихъ? Согласовалось ли бы это съ ихъ обязанностями и шляхетскимъ образомъ мыслей?» Въмѣсто ожидаемаго взрыва рукоплесканій, рѣчь Малиновскаго встрѣчена была глубокимъ молчаніемъ. Только одинъ изъ студентовъ отъ имени своихъ товарищей отвѣтилъ глашатаю варшавскаго патріотическаго клуба въ такихъ словахъ: «краковская молодежь умѣетъ цѣнить память о ней, доказательство каковой представило патріотическое общество, понимаетъ все значеніе сдѣланныхъ ей предложеній и беретъ ихъ въ разсужденіе; но такъ какъ прежнее ея поведеніе въ самомъ Краковѣ и намѣреніе ея удалиться въ королевство были слѣдствіемъ основательнаго убѣжденія въ своихъ обязанностяхъ, ибо удаленіе изъ Кракова отвѣчало какъ желаніямъ обывателей города, такъ и правительства въ королевствѣ; то, отступая отъ нихъ въ пользу новаго предложенія, цѣль коего совершенно иная, она должна быть увѣрена, что заявляющіе новое предложеніе дѣйствуютъ въ силу яснаго отъ кого-либо полномочія. А потому, прежде чѣмъ дать отвѣтъ на это предложеніе, краковская молодежь желаетъ, чтобы Малиновскіе представили письменныя доказательства, что они дѣйствительно высланы отъ варшавскаго патріотическаго общества, а также, что данныя имъ наставленія уполномочиваютъ ихъ выступить предъ краковскою молодежью именно съ такими, а не съ другими предложеніями». Въ гнѣвъ и изумленіи, Малиновскій схватилъ пистолеть и требовалъ, чтобы

всякій сомнѣвающійся въ его полномочіи выстрѣлили ему въ лобъ. «Требовать отъ меня», говорилъ онъ далѣе въ волненіи, «письменныхъ доказательствъ? документовъ? въ такую минуту? въ такомъ дѣлѣ? требовать легитимаци тогда, когда сердце каждаго изъ васъ должно лучше всего оправдать и понять меня! когда я, при первомъ извѣстии о нашемъ возстаніи, перелетѣлъ съ опасностію для жизни чрезъ цѣлую Европу, чтобы только выполнить свои обязанности и отдаться въ распоряженіе общаго отечества! И мнѣ не нужно было для того ничьихъ воззваній, никакихъ документовъ, ни малѣйшихъ юридическихъ доказательствъ! требовать отъ кого бы то ни было подобнаго письменнаго полномочія, когда самое дѣло и собственное убѣжденіе каждаго изъ васъ учить, каковы суть ваши обязанности и что вы должны дѣлать! Нѣтъ, нѣтъ, это никуда не годится... это шутки, это открытое заигрываніе съ наисвятѣйшимъ, какое только можетъ быть, дѣломъ! это только предлогъ, чтобы уклониться отъ исполненія своихъ обязанностей!» и т. п. Болѣе получаса говорилъ Малиновскій все въ томъ же родѣ и съ необычайнымъ пыломъ, и заключилъ свою рѣчь вторичнымъ воззваніемъ къ молодежи, чтобы не спрашивала его о документахъ, но самоё себя о своихъ обязанностяхъ; ибо голосъ собственной совѣсти есть наилучшій руководитель въ подобныхъ случаяхъ. Но по всему видно было, что отвѣтъ, данный Малиновскому однимъ изъ членовъ краковской молодежи, обусловленъ былъ общимъ согласіемъ остальныхъ товарищей. Молодежь, послѣ новыхъ домогательствъ со стороны Малиновскаго, поручила старѣйшимъ между собою обсудить въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ его предложеніе и дать потомъ окончательный отвѣтъ. Рѣшеніе старѣйшихъ членовъ было то же: «краковская молодежь, сознавая всю важность обсуждаемаго дѣла, не можетъ отступить отъ принятаго прежде рѣшенія; а потому настаиваетъ на представленіи письменныхъ полномочій отъ варшавскаго патріотическаго общества, по разсмотрѣніи которыхъ она объявитъ окончательное свое рѣшеніе». Трудно было предвидѣть, какою оборотъ приняла бы вся эта патетическая сцена, еслибы въ столь щекотливую минуту не выступилъ новый ораторъ съ предложеніемъ болѣе умѣреннымъ, и болѣе отвѣчавшимъ интересамъ мѣстности. Это былъ профессоръ, удаленный изъ университета. Оставляя въ сторонѣ главный вопросъ о присоединеніи Кракова къ польскому возстанію, онъ заявилъ: «съ благодарностію слышу при семъ случаѣ упоминеніе о политическихъ преслѣдованіяхъ, совершившихся въ Краковѣ въ 1828 и 1829 годахъ, особенно о незаслуженномъ низложеніи нѣсколькихъ профессоровъ универси-

тета, къ числу коихъ самъ принадлежу; быть можетъ, исправленіе всего этого вполнѣ согласовалось бы съ постановленіемъ молодежи удалиться въ королевство; по крайней мѣрѣ, я думаю, что возстановленія профессоровъ можно было бы достигнуть посредствомъ петиціи на имя г. ректора университета, не прибѣгая, конечно, къ средствамъ рѣшительнымъ, каковыми суть вообще политическія волненія» и т. д. Это предложеніе понравилось молодежи, которая и постановила единогласно: подать ректору университета просьбу о немедленномъ возвращеніи къ кафедрамъ профессоровъ, удаленныхъ въ 1828 году. Малиновскіе, не надѣясь на успѣхъ собственнаго предложенія, присоединились къ этому постановленію. Тутъ же была составлена и подписана всѣми присутствовавшими просьба и выбрана депутація, которая вмѣстѣ съ Малиновскими должна была отправиться изъ самаго засѣданія къ ректору для представленія ему петиціи. При закрытіи засѣданія согласились сойтись на другой день въ томъ же мѣстѣ, для выслушанія отчета депутаціи о результатахъ порученнаго ей дѣла и для обсужденія вопроса о томъ, какъ поступать далѣе. Депутація отправилась къ ректору, которымъ тогда былъ докторъ Себастьянъ Гиртлеръ. Онъ, получивъ уже почти въ полночь такую просьбу и при такой неожиданной обстановкѣ, обѣщаль исполнить желаніе молодежи.

Между тѣмъ, начальникъ гвардейскаго штаба и адъютанты начальника всей гвардіи поспѣшили къ послѣднему съ докладомъ о происходившемъ въ засѣданіи. Графъ Іосифъ Водзицкій былъ крайне доволенъ оборотомъ, какой приняло дѣло: «нѣсколько часовъ въ такое смутное время», говорилъ онъ, «могутъ многое измѣнить». Но, желая въ точности развѣдать обстоятельства, при какихъ совершился пріѣздъ Малиновскихъ въ Краковъ, онъ просилъ Мѣцишевскаго побывать у профессора, присутствовавшего въ засѣданіи, и развѣдать отъ него, что за люди Малиновскіе и какія имѣютъ на самомъ дѣлѣ дѣла. Мѣцишевскій поспѣшилъ на квартиру профессора, но, войдя въ темную переднюю его жилища, увидалъ сверху плохо притворенныя двери, что въ прилично освѣщенной залѣ на полу разостлана была солома, казъ бы для постели, а на диванѣ и воеругъ стола сидѣли Малиновскіе и ихъ товарищи, попивая шампанское. Хозяинъ, услышавъ шаги въ передней, поспѣшилъ выдти къ Мѣцишевскому, и узнавъ его, сталъ звать въ залу, но тотъ отказался, говоря, что придетъ по своему дѣлу въ другой разъ. Графъ Водзицкій, узнавъ отъ начальника своего штаба, гдѣ находятся Малиновскіе, приказаль полицейскому ревизору Эглиницкому имѣть надзоръ въ теченіи

всей ночи за домомъ, гдѣ расположились нежданые гости, а въ восьмомъ часу утра явиться къ нимъ и пригласить въ канцелярію гвардейскаго штаба.

Малиновскіе явились въ десятомъ часу въ канцелярію, причемъ Яковъ былъ одѣтъ уже не въ раззолоченномъ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а въ сѣренькомъ пальто. Мѣцишевскій проводилъ ихъ въ залу присутствія, гдѣ находился графъ Іосифъ Водзицкій. Послѣдній, съ свойственною ему старо-польскою привѣтливостію, любезно встрѣтилъ Малиновскихъ и просилъ ихъ сѣсть; затѣмъ выразилъ свое сердечное сожалѣніе, что прибывшихъ, какъ слышно, для столь важныхъ дѣлъ въ Краковъ долженъ былъ пригласить къ себѣ, какъ начальника мѣстной гвардіи, отвѣтственный за все, что дѣлается на политическомъ горизонтѣ вольнаго города Кракова. «Я надѣялся», продолжалъ онъ, «что вы сами посѣтите меня перваго и сообщите мнѣ цѣли, съ какими прибыли; но дѣлю не въ томъ: такъ или иначе, я имѣю однакожь счастье видѣть васъ у себя и разговаривать съ вами. Будьте же такъ милостивы, сообщите мнѣ, отъ кого и за чѣмъ присланы въ Краковъ?» Въ отвѣтъ на то Яковъ Малиновскій повторилъ все, что изложилъ уже прежде Мѣцишевскому, Любомирскому и академической молодежи: генералы Эксельманъ и Жераръ, походъ французовъ за Рейнъ, сочувствіе цѣлой Германіи, достаточное число войскъ и полная казна въ Варшавѣ снова выступили на сцену и были причинами, какъ увѣрялъ Малиновскій, по которымъ патріотическое общество рѣшилось остановить выходъ краковской молодежи изъ родного города, что и поручило имъ исполнить. Оставивъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о политическихъ преслѣдованіяхъ, бывшихъ въ Краковѣ, и о наказаніи ихъ виновниковъ, ибо говорилъ съ двоюроднымъ братомъ президента сената, Малиновскій закончилъ свою рѣчь объявленіемъ, что прибылъ съ товарищами, чтобъ приготовить Краковъ къ соединенію съ возставшимъ польскимъ королевствомъ, ибо такова обязанность Кракова и таково желаніе варшавскаго патріотическаго общества, устроившаго всю революцію. Водзицкій отвѣчалъ на это: «я вполне понимаю и цѣню вниманіе патріотическаго общества къ Кракову, и, несмотря на то, долженъ выразить сожалѣніе, что патріотическое общество дало такое порученіе, пребывая очевидно въ ложномъ убѣжденіи, что жители Кракова равнодушны къ дѣлу, совершившемуся въ королевствѣ, и даже не думаютъ о немъ. Но это совершенно несправедливо; я представлю вамъ подлинныя доказательства тому! Тотчасъ же по полученіи извѣстій о возстаніи въ Варшавѣ, какъ только была устроена город-

ская гвардія, которой я имѣю честь быть начальникомъ, возбужденъ былъ вопросъ: какъ долженъ дѣйствовать Краковъ въ виду событій, совершившихся въ королевствѣ? И мы занялись его обсужденіемъ, которое привело насъ къ убѣжденію, что невозможно придти къ какому-либо рѣшенію, не узнавъ предварительно: какова въ этомъ отношеніи воля самого правительства польскаго королевства? На такой вопросъ, предложенный мною отъ имени Краковской республики революціоннымъ властямъ, я получилъ единогласные отвѣты отъ диетатора, отъ маршала сейма, а также отъ князя Чарторыйскаго и вообще отъ лицъ, стоящихъ во главѣ варшавскаго правительства. Содержаніе этихъ отвѣтовъ было таково: чтобы мы держались въ Краковѣ какъ можно спокойнѣе; чтобы мы не нарушали нейтральности, признанной за нами договорами; однимъ словомъ, чтобы мы въ дѣла, происходящія въ королевствѣ, не вмѣшивались никакимъ дѣйствіемъ. Вотъ подлинныя отвѣты, о которыхъ я говорю; не угодно ли вамъ прочесть самимъ и рѣшить: заслужилъ ли Краковъ упрекъ въ равнодушіи, заключающійся въ порученіи, данномъ вамъ патріотическимъ обществомъ и не найдете ли вы вполнѣ справедливымъ его поведеніе при такихъ обстоятельствахъ?» Малиновскіе внимательно прочитали предложенныя имъ письма; оказалось, что они не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія въ ихъ существованіи. «Теперь я спрашиваю васъ», продолжалъ графъ Водзицкій, «какъ честныхъ и прямыхъ поляковъ: согласны ли приглашенія, которыя вы только-что прочли и которыя имѣютъ подлинное значеніе, ибо идутъ отъ революціонныхъ властей королевства, съ порученіемъ, какое вамъ дано отъ патріотическаго общества? Можете ли вы требовать, чтобы мы, исполняя желанія общества, шли наперекоръ желаніямъ вашихъ настоящихъ властей? Наконецъ, можемъ ли мы согласиться на удержаніе молодежи отъ похода въ королевство, какъ вы требуете, когда этотъ походъ при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ есть главное и единственное ручательство, что требованія революціоннаго правительства въ королевствѣ отъ Кракова будутъ исполнены?» Малиновскіе должны были сознаться, что имъ неизвѣстны были истинныя намѣренія революціонныхъ властей относительно Кракова; что воля ихъ вполнѣ ясна и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; что поступать вопреки ей значило бы учинять заговоръ; что, безъ всякаго сомнѣнія, патріотическое общество, ознакомившись вполнѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, откажется отъ своихъ прежнихъ убѣжденій; а потому и они поспѣшатъ представить патріотическому обществу свой отчетъ въ томъ же смыслѣ, миссію же свою относи-

тельно Кракова считаютъ оконченною. Графъ Водзицкій выразилъ полное удовольствіе по поводу такого заявленія со стороны Малиновскихъ, но старался объяснить имъ, что окончаніе ихъ миссіи надо доказать не однимъ словомъ, но и дѣломъ. «Прибытіе въ Краковъ депутатовъ варшавскаго патріотическаго общества, а тѣмъ болѣе цѣль этого прибытія», говорилъ графъ Водзицкій, «ужь навѣрное извѣстны всему Кракову. Кто знаетъ, какія и чьи желанія и надежды могутъ быть возбуждены подъ прикрытіемъ кружка академической молодежи? кто знаетъ, для какихъ цѣлей и кому можетъ послужить этотъ кружокъ фирмой?» Изъ всего этого, по мнѣнію Водзицкаго, вытекала прямая обязанность для Малиновскихъ немедленно оставить Краковъ; такой жертвы для блага общаго дѣла ожидалъ Водзицкій, по его выраженію, отъ ихъ благородства и патріотизма. Малиновскіе, признавъ свою миссію оконченною, должны были допустить и необходимость отъѣзда своего изъ Кракова. На вопросъ Водзицкаго, когда-жъ они думаютъ выѣхать? они отвѣчали, что отправятся завтра. «Завтра?» сказалъ Водзицкій: «а не будетъ ли поздно? Обратите вниманіе на то, что на нынѣшній день назначено новое засѣданіе академической молодежи. Хотя вчера молодежь эта и представила доказательства благоразумія и умѣренности; но кто поручится, что на новой сходкѣ она останется при своемъ прежнемъ рѣшеніи? въ теченіи 24 часовъ многое можетъ измѣниться! Захотите ли вы, убѣдившись въ необходимости сохранить у насъ спокойствіе, взять на себя отвѣтственность за событія, которыя при всемъ своемъ желаніи не можете ни предупредить, ни остановить? Если же въ самомъ дѣлѣ хотите дать доказательство, что признаете планы польскаго правительства въ королевствѣ, и хотите поддержать мои заботы объ исполненіи этихъ плановъ; то я просилъ бы, чтобъ вы не откладывали своего отъѣзда до завтра». Малиновскіе, подумавъ немного, объявили, что готовы оставить Краковъ пополудни. Водзицкій возразилъ: что вамъ мѣшаетъ выѣхать тотчасъ же? Малиновскіе отвѣчали, что должны прежде отыскать извозчика. Водзицкій спросилъ: куда они думаютъ направиться изъ Кракова? Малиновскіе отвѣчали, что въ Калишъ. Водзицкій выразилъ сомнѣніе, чтобъ имъ удалось найти извозчика туда въ скоромъ времени; а потому совѣтовалъ взять экстра-почту, и прибавилъ, что, предвидя ихъ готовность принести жертву для спокойствія Кракова, онъ приказалъ уже приготовить почтовую бричку, которая ожидаетъ ихъ внизу. Малиновскіе задумались, но, видя рѣшимость начальника гвардіи выпроводить ихъ изъ Кракова, если не добровольно, то

насиленно, изъявили готовность выѣхать тотчасъ же, и только просили нѣсколько минутъ времени, чтобъ получить отъ одного изъ своихъ знакомыхъ денегъ, безъ коихъ не могутъ пуститься въ дорогу. Водзицкій, вынужъ изъ конторки 180 польскихъ злотыхъ, подалъ ихъ Малиновскимъ, говоря, что этой суммы достаточно будетъ до Калиша. Малиновскіе приняли подачку, но замѣтили, что они еще не ѣли. Водзицкій позвонилъ, и тотчасъ же внесены были вода и котлеты, словно нарочно приготовленные на сей случай. Хозяинъ попросилъ депутатовъ патріотическаго общества отвѣдать импровизованный, по его словамъ, завтракъ. Видя, что Водзицкій рѣшился не выпускать ихъ изъ дома иначе, какъ только въ почтовой бричкѣ, Малиновскіе принялись завтракать, а сослуживцы Водзицкаго выпили водки, желая имъ счастливаго пути. Уже садясь въ бричку, Малиновскіе просили позволенія заѣхать на ихъ временную квартиру, чтобы захватить тамъ свое платье; Зглиницкій усѣлся на возы брички, имѣя порученіе проводить незваныхъ гостей до границъ краковской республики. Вечеромъ того же дня онъ представилъ донесеніе, что Малиновскіе спокойно доведены были до Вильчковиць, первой станціи по дорогѣ въ королевство, и немедленно отправились оттуда далѣе.

Такъ окончилась поѣздка Малиновскихъ, предпринятая съ цѣлью поднять революцію въ Краковѣ. Единственнымъ слѣдствіемъ ея было возвращеніе въ составъ университетской корпораціи профессоровъ, удаленныхъ въ 1828 году, что исполнено было ректоромъ вскорѣ послѣ подачи ему петиціи отъ академической молодежи. Спокойствіе въ краковской республикѣ было сохранено; только часть молодежи, именно та, о которой Малиновскіе говорили, что единственно она способна возбудить и распространить революціонный кругъ въ окрестномъ населеніи, удалилась въ королевство, гдѣ и принимала участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ демократической партіи. Краковскія власти были въ восторгѣ, что имъ удалось сохранить внутреннее спокойствіе республики; избѣгнувъ большого зла, они какъ-бы не понимали, что участіе въ польской революціи краковскихъ подданныхъ бросаетъ нѣкоторую тѣнь и на вольный городъ, хотя въ дѣйствительности Краковъ и не приступалъ къ конфедераціи съ варшавскимъ революціоннымъ правительствомъ.

X.

Паденіе графа Станислава Водзицкаго и его партіи въ началѣ 1831 года.—Вступленіе русскаго отряда въ Краковъ въ сентябрѣ того же года.—Протестъ Австріи и удаленіе русскаго отряда.—Реорганизационная коммиссія: баронъ фонъ-Пфлюгель, фонъ-Форкенбекъ и Л. Тенгоборскій.—Три мѣстные вспомогательные комитета.—Новая конституція и новыя административныя уставы въ Краковѣ.—Новые сенаторы и президентъ Велѣгловскій.—Усиленіе власти сената; ослабленіе властей: законодательной и судебной.—Новое общинное устройство.—Постоянный бюджетъ.—Преобразование академіи.—Борьба университетскихъ партій и перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ.—Дѣятельность профессора Шиндлера.—Состояніе разныхъ факультетовъ академіи въ это время.—Преобразование управленія остальными учебными заведениями въ Краковѣ и его округѣ.

Устранивъ возможность политическихъ волненій, партія, управлявшая дѣлами Кракова, не могла однакожь предупредить собственнаго паденія. Легкость, съ какою возстановлены были на своихъ каеэдрахъ профессора, удаленные въ 1828 году, соблазняла оппозиціонную партію къ дальнѣйшему шагу, побуждая ее воспользоваться благоприятною для мести минутою. 4 (16) января 1831 года, новое волненіе академической молодежи, руководимой противниками графа Станислава Водзицкаго, который собирался протестовать противъ послѣднихъ перемѣнъ въ университетѣ, принудило его отказаться отъ званія сенатскаго президента, которое онъ носилъ 15 лѣтъ, будучи назначенъ къ тому еще организационной коммиссіей и потомъ поддержанъ резидентами повровительствующихъ дворовъ. Но выборовъ новаго президента въ сенатѣ не было произведено, ибо сеймъ не созывался съ той минуты, какъ объявлены были уничтоженными постановленія, принятыя въ сессіи 1827 года. Обязанности президента исполняли всѣ сенаторы, чередуясь между собой. Такое временное состояніе сената, съ одной стороны, не могло содѣйствовать упроченію его значенія, съ другой—давало по временамъ возможность партіи оппозиціонной держать въ своихъ рукахъ вліяніе на дѣла и давать имъ то или другое направленіе. Въ городской гвардіи было также не мало лицъ, сочувствовавшихъ оппозиціи. Опасаясь прямого вмѣшательства въ революціонное движеніе, охватившее все польское королевство, краковскія власти нисколько однакожь не препятствовали частнымъ лицамъ принимать отдѣльное участіе въ возстаніи. Черезъ краковскую же территорию посылались изъ Галиціи въ польское королевство военныя припасы, что заставило австрійское правительство содержать въ

теченіи возстанія гарнизонъ въ Подгорьѣ, считавшемся по вѣнскимъ договорамъ мѣстомъ нейтральнымъ въ военномъ отношеніи и назначеннымъ исключительно для свободной торговли. Наконецъ, по разбитіи польскихъ революціонныхъ войскъ русскими полководцами, генераль Рожинскій, переходя въ Галицію, перевелъ часть своего отряда на краковскую территорию, что и дало поводъ русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ генераловъ Красовскаго и Ридигера, занять Краковъ 15 (27) сентября 1831 года. Но Австрія, сильно опасавшаяся упроченія русскаго владѣнства въ Краковѣ и предполагавшая, что временное занятіе можетъ обратиться въ постоянное, потребовала довольно рѣшительно, на основаніи договоровъ 1815 года, очищенія краковской территоріи отъ русскихъ войскъ, въ чемъ и была поддержана Пруссіей. Петербургскій кабинетъ исполнилъ это требованіе 12 (24) ноября того же года. Очистивъ земли краковскаго округа, русскія войска оставили свои гарнизоны въ тѣхъ пограничныхъ съ республикой частяхъ польскаго королевства, которыя, по вѣнскимъ договорамъ, должны были оставаться свободными отъ военного постоя, на извѣстномъ разстояніи отъ границы. Этимъ отступленіемъ отъ вѣнскихъ договоровъ Россія уравнивалась, съ своей стороны, подобное же занятіе австрійскими войсками Подгорья, обратившееся съ тѣхъ поръ въ постоянное. Краковское правительство не имѣло возможности требовать удаленія военныхъ отрядовъ двухъ сосѣднихъ державъ изъ означенныхъ мѣстностей; условіе это включено было въ договоръ между Россіей и Австріей и, слѣдовательно, могло быть уничтожено по ихъ обоюдному соглашенію, не только формальному, но и случайному, вызванному необходимостью. Зато краковское правительство сочло себя въ правѣ потребовать денежнаго вознагражденія за содержаніе русскихъ войскъ въ теченіи двухмѣсячнаго пребыванія ихъ въ Краковѣ. Но 16 (28) мая 1832 года, русскій резидентъ Станиславъ Заржецкій далъ такой отвѣтъ сенату: «я уполномоченъ объявить, что его величество, разсмотрѣвъ требованіе краковскаго правительства, нашель, что беспорядки, происходившіе въ этой республикѣ, и покровительственный образъ дѣйствій самого правительства относительно польскихъ революціонеровъ, были причиною занятія краковской территоріи русскими войсками, а потому справедливость требуетъ, чтобы и издержки на это занятіе пали на ея счетъ». Вскорѣ и самое политическое устройство краковской республики подверглось совершенному измѣненію. Поводомъ къ тому послужили какъ прежнія университетскія волненія, такъ и революціонныя смуты

1830 и 1831 годовъ. Мы видѣли, что еще въ 1828 году положеніе краковскаго правительства объявлено было временнымъ; чиновники на важнѣйшія должности назначались сенатомъ по соглашенію съ резидентами; ежегодное созваніе сеймовъ было прекращено и общаея пересмотръ конституціи особю комиссіею.

Когда революціонное движеніе въ польскомъ королевствѣ было потушено, покровительствующіе дворы прислали въ Краковъ своихъ чрезвычайныхъ и полномочныхъ комиссаровъ: австрійскій—барона фонъ-Пфлюгеля, прусскій—фонъ-Форкенбека и русскій—Л. Тенгоборскаго. Комиссары эти должны были, составивъ изъ себя такъ-называемую реорганизаціонную комиссію, учредить себѣ въ помощь три комитета изъ мѣстныхъ специалистовъ: первый комитетъ долженъ былъ заняться пересмотромъ конституціи и органическихъ статутовъ; второй—переустройствомъ судопроизводства; третій—составленіемъ новыхъ уставовъ для университета и всѣхъ краковскихъ школъ. Болѣе года продолжались занятія реорганизаціонной комиссіи и назначенныхъ ею комитетовъ.

Новая конституція вольнаго города Кракова, подписанная чрезвычайными комиссарами 18 (30) мая 1833 года, состояла изъ 29-ти статей, не считая подраздѣленій ихъ. Статьи о религіозныхъ правахъ составлены въ томъ же видѣ, какъ и въ конституціи 1815 года. Составъ сената, составъ избирателей, дѣленіе краковской территоріи на общины, составъ самаго сейма, порядокъ сеймовыхъ совѣщаній, учрежденіе правительственныхъ совѣтниковъ и судоустройство потерпѣли болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Строгий нейтралитетъ краковской территоріи былъ обусловленъ двумя обязанностями для краковскаго правительства: «1) всякое публичное дѣйствіе или происшествіе, всякій замыселъ, имѣющіе цѣлю измѣнить или нарушить общественный порядокъ, установленный въ государствахъ, находящихся подъ владычествомъ одного изъ трехъ покровительствующихъ государей, и всякое участіе въ подобнаго рода предпріятіяхъ или дѣйствіяхъ, должны разсматриваться какъ нарушеніе строгаго нейтралитета и будутъ, слѣдовательно, предупреждаемы, преслѣдуемы и наказываемы властями края, согласно съ существующими законами, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ еслибы участвовавшіе въ нихъ обвинялись въ политическомъ преступленіи противъ вольнаго города Кракова; 2) не могутъ быть даваемы ни въ городѣ Краковѣ, ни въ его территоріи убѣжище и покровительство бѣглецамъ и людямъ, преслѣдуемымъ закономъ, которые, принадлежа странѣ того или другаго покровительствующаго

щаго двора, удалились изъ оной; такіа лица, по требованію о выдѣть ихъ, какое можетъ послѣдовать отъ надлежащихъ властей, должны быть арестуемы и немедленно препровождаемы подъ приличною стражею въ пограничныя мѣста, назначенныя на сей предметъ». Сохраняя за всѣми жителями краковской республики одинаковыя права предъ закономъ, безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія, предоставляя всѣмъ имъ свободное право на выселеніе, новая конституція ограничивала нѣсколько право принятія иностранцевъ въ число краковскихъ гражданъ: только проживъ въ теченіи пяти лѣтъ на краковской территоріи и отличаясь при этомъ безукоризненнымъ поведеніемъ, иностранный подданный могъ перейти въ число гражданъ краковской республики, а приобрѣтя затѣмъ недвижимую собственность, могъ получить и всѣ политическія права, связанныя съ этимъ званіемъ. Но подданные трехъ покровительствующихъ дворовъ, сколько бы лѣтъ они ни прожили въ Краковѣ, должны были представить сперва аеть разрѣшенія отъ ихъ прежняго подданства, выданный соответственными правительствами, и только по прошествіи пяти лѣтъ со времени засвидѣтельствованія сего акта, могли быть приняты въ число краковскихъ подданныхъ; по если ихъ поведеніе было вполне удовлетворительно, то сенатъ могъ сократить имъ этотъ пятилѣтній срокъ. Что касается сословныхъ отношеній, то въ новую конституцію внесена была особая статья, опредѣляющая взаимныя отношенія между земледѣльцами и землевладѣльцами. «Каждый крестьянинъ, — сказано было въ этой статьѣ, — можетъ свободно переносить свою личность и свою собственность, согласно съ формами, опредѣленными закономъ. Отношенія земледѣльцевъ къ собственникамъ земли основаны на договорѣ словесномъ или письменномъ; и тотъ, и другой должны быть строго соблюдаемы. Относительно земель воздѣлываніе которыхъ ему предоставлено, земледѣлецъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ фермеръ, вносящій свою арендную плату или деньгами, или произведеніями, или личными услугами. Какъ собственнику, такъ и фермеру дозволяется отказать отъ словеснаго условія и замѣнить его новымъ договоромъ. За каждымъ земледѣльцемъ признается неотъемлемая способность пользоваться всѣми политическими правами, какъ дѣйствительными, такъ и пассивными, если только онъ обладаетъ качествами, требуемыми конституціей».

Составъ и права сената изложены были гораздо подробнѣе, чѣмъ въ конституціи 1815 года, и притомъ, измѣнены такимъ образомъ: «правительство вольнаго города Кракова и его территоріи заключается въ сенатѣ, состоящемъ изъ восьми членовъ,

называемых сенаторами, и одного президента. Сенатъ пользуется исполнительною властью во всей ея обширности. Всякая исполнительная и административная власть получаетъ свое начало только отъ него. Право помилованія отъ всякаго рода наказаній принадлежитъ отчасти сенату, отчасти его президенту, какъ главѣ правительства. Но изъ этого права навсегда исключены обвиненные по приговору высшаго суда (то-есть, надъ самими сенаторами и остальными чиновниками республики), равно какъ и подвергаемые простымъ полицейскимъ наказаніямъ, если послѣдніе не превышаютъ одного мѣсяца ареста или ста польскихъ злотыхъ пени. Если президентъ не пользуется правомъ помилованія виновнаго,—судебный приговоръ вступаетъ въ силу, если же онъ дѣлаеть употребленіе изъ этого права, то вопросъ, должно ли быть наказаніе совершенно отмѣнено или нѣтъ, или же должно быть уменьшено и въ какой степени, рѣшается въ сенатѣ по большинству голосовъ. Въ случаѣ болѣзни, отсутствія свыше мѣсяца или смерти президента, сенатъ пользуется правомъ помилованія во всемъ его объемѣ. Семь сенаторовъ, равно какъ и президентъ, будутъ избираемы собраніемъ представителей, и одинъ сенаторъ будетъ назначаемъ капитуломъ изъ его членовъ. Президентъ, избранный собраніемъ представителей, не можетъ вступить въ должность прежде, чѣмъ три покровительствующіе двора объявятъ, что не имѣютъ съ своей стороны препятствій къ его избранію. Если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня избранія, тотъ или другой изъ высокихъ дворовъ не представятъ заявленія въ этомъ смыслѣ, то молчаніе ихъ будетъ считаться согласіемъ на избраніе. Если одинъ изъ трехъ дворовъ откажется признать новоизбраннаго президента, то созывается чрезвычайный сеймъ для вторичнаго избранія, но тогда согласіе двухъ покровительствующихъ дворовъ, выраженное молчаніемъ или прямымъ заявленіемъ, вполне достаточно для утвержденія новаго избранія, лишь бы этотъ выборъ не падалъ на отвергнутаго кандидата, и такое согласіе не можетъ быть измѣняемо по прошествіи шести недѣль отъ вторичныхъ выборовъ. То же самое правило соблюдается и относительно послѣдующихъ выборовъ, если таковыя окажутся нужными. Въ ожиданіи подтвержденія выбора президента, сенатъ избираетъ одного изъ своихъ членовъ для временнаго отправленія президентской должности. Достоинство президента сената или сенатора несовмѣстно со всякимъ другимъ оплачиваемымъ званіемъ или должностью. Каждый гражданинъ вольнаго города Кракова и его территоріи, удовлетворяющій всѣмъ условіямъ, требуемымъ конституціей, можетъ выступать кандида-

томъ на званіе сенатора или президента сената передъ особою депутаціею сейма, обязаннаго утверждать избирательные листы. Разсмотрѣвъ гражданскія качества и права всѣхъ кандидатовъ, депутація составляетъ списовъ имъ и вручаетъ его президенту собранія представителей, который, въ свою очередь, передаетъ его сенату для пересмотра правъ предлагаемыхъ кандидатовъ. Сенатъ, имѣющій своею обязанностью поддерживать неизмѣнность конституціи, имѣетъ право исключать кандидатовъ, которыхъ находятъ неудовлетворяющими всѣмъ необходимымъ требованіямъ; но, дѣлая это, онъ долженъ объяснить, въ чемъ исключаемый кандидатъ не удовлетворилъ требованіямъ закона. По окончаніи такого пересмотра, избирательный листъ отсылается президенту собранія народныхъ представителей, который, громко прочитавъ его, приглашаетъ представителей къ подачѣ голосовъ, которые могутъ быть подаваемы лишь въ пользу кандидатовъ, значащихся въ избирательномъ листѣ, утвержденномъ сенатомъ. Каждое избраніе совершается по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ утвердительныхъ и отрицательныхъ, голосъ президента собранія имѣетъ рѣшающее значеніе. Президентъ сената остается при исполненіи своихъ обязанностей въ теченіи шести лѣтъ, но онъ можетъ быть избранъ и вновь, какъ и остальные срочные сенаторы. Въ числѣ сенаторовъ двое должны быть пожизненными и шесть временными. Сенаторъ капитула принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Временные сенаторы, назначаемые собраніемъ представителей, выходятъ поочереды чрезъ каждые три года, по старшинству ихъ назначенія, и такъ, чтобы каждый сенаторъ оставался въ своей должности въ теченіи шести лѣтъ. Обыкновенныя законодательныя собранія избираютъ, по очереди: одинъ разъ двухъ временныхъ сенаторовъ и президента, другой разъ трехъ сенаторовъ, независимо отъ избраній, которыя могутъ оказаться необходимыми, чтобы пополнить мѣста, освободившіяся въ промежутокъ отъ одного собранія до другого. Сенаторъ, назначаемый капитуломъ, выходитъ изъ сената чрезъ шесть лѣтъ, за исключеніемъ того случая, когда онъ будетъ переизбранъ. Въ случаѣ смерти президента или, если число сенаторовъ, избранныхъ представителями, уменьшится за смертію, или по какимъ другимъ причинамъ, до четырехъ—долженъ быть созванъ чрезвычайный сеймъ для избранія новаго президента или недостающихъ сенаторовъ, если только до созванія ближайшаго обыкновеннаго сейма остается болѣе шести мѣсяцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, сенатъ избираетъ одного изъ своихъ членовъ на мѣсто умершаго президента до избранія новаго. Въ случаѣ, если

бы мѣсто сенатора, назначаемого капитуломъ, освободилось ранѣе шести лѣтъ, то капитулъ немедленно приступаетъ къ новому избранію». Какъ президентъ сената, такъ и сенаторы, избранные чрезвычайными сеймами, признавались новою конституціею дѣйствующими въ теченіи лишь того срока, какой оставалось дослужить лицамъ, которыхъ они замѣнили. Такой временной президентъ не нуждался въ подтвержденіи покровительствующихъ дворовъ, если срокъ предстоявшей ему службы не превышалъ двухъ лѣтъ.

Въ составѣ избирателей краковской республики новая конституція произвела значительныя измѣненія: съ одной стороны, подробнѣе очерчены были различные классы избирателей; съ другой—ясно указаны лица, ни въ какомъ случаѣ не могшія быть избирателями. Правомъ избранія могли пользоваться: прелаты, каноники, священники или замѣнявшіе ихъ капелланы; собственники земель, домовъ и всякой другой недвижимости, если они платили 50 польскихъ злотыхъ въ видѣ прямого налога; постоянные фермеры различныхъ усадебъ и угодій, какъ въ государственныхъ имуществвахъ, такъ и въ принадлежавшихъ первоначально городу Кракову, а равно арендаторы оброчныхъ статей въ мѣстечкахъ и селеніяхъ; въ сему классу принадлежали земледѣльцы, имѣвшіе въ арендѣ мельницы или другую недвижимую собственность, за которую они платили не менѣе 400 польскихъ злотыхъ, и деревни, состоявшія болѣе чѣмъ изъ двадцати сельскихъ домовъ, хозяева которыхъ были постоянными фермерами, вносящими ежегодную опредѣленную аренду. Такія деревни имѣли право высылать одного избирателя отъ имени остальныхъ сельчанъ, если только между ними не было какаго-либо другого обывателя, и безъ того уже пользовавшагося избирательнымъ правомъ; фабриканты и заводчики и вообще крупные торговцы, состоявшіе членами купеческой корпораціи и производившіе дѣйствительную торговлю; ректоръ и профессора университета, какъ дѣйствующіе, такъ и получающіе пенсію, равнымъ образомъ служащіе и уволенные съ пенсіею директоры и профессора лицеевъ или гимназій. Не могли пользоваться избирательнымъ правомъ, даже еслибъ удовлетворяли другимъ требованіямъ закона: монахи всѣхъ орденовъ вообще; каждое лицо, находящееся въ частной службѣ на все время, пока въ ней остается; лица, исповѣдующія религію только терпимую, какъ ювы еврей и всѣ не-христіане. Никто не могъ участвовать въ подачѣ голосовъ въ избирательныхъ собраніяхъ, не будучи внесенъ въ списокъ избирателей. Епископская консисторія, универ-

ситеть, начальники городскихъ и сельскихъ общинъ, должны были представлять списки всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ избирательное право: сенатъ разсматривалъ ихъ и утверждалъ, разсматривалъ правильность дѣйствій избирательныхъ коллегій и признавалъ выборы народныхъ представителей или отвергалъ ихъ. Устройство общиннаго управленія конституція 1833 года опредѣляла такъ: какъ городскія, такъ и сельскія общины избираютъ своихъ мэровъ изъ числа тѣхъ кандидатовъ, списокъ которыхъ утвержденъ сенатомъ и который долженъ заключать въ себѣ не менѣе трехъ лицъ на каждую общину. Обязанности мэровъ состояли въ томъ, чтобы исполнять предписанія правительства и быть мѣстною полиціей согласно съ данными имъ инструкціями. Мэры избирались на шесть лѣтъ, но могли быть опять избраны и на слѣдующій срокъ. Въ случаѣ болѣзни, отсутствія, отрѣшенія отъ должности или смерти мэра, сенатъ назначалъ кого-либо временно исправлять его должность до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможность возвратиться къ своимъ обязанностямъ, или пока не состоится новое избраніе. Чтобы быть избраннымъ въ мэры, необходимо было удовлетворить слѣдующимъ условіямъ: принадлежать къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, имѣть 24 года и окончить курсъ въ четырехъ классахъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Краковѣ или въ государствѣ одного изъ покровительствующихъ дворовъ. Уволены были отъ необходимости представлять доказательства объ удовлетвореніи послѣдняго условія всѣ тѣ, кто уже занималъ однажды должность мэра или чиновника высшаго ранга не только въ Краковѣ, но и въ государствахъ одного изъ покровительствующихъ дворовъ. Всѣ остальные чиновники или назначались сенатомъ, или избирались собраніемъ представителей: сенатъ назначалъ чиновниковъ на всѣ административныя мѣста и удалялъ ихъ изъ службы по своему усмотрѣнію. Чиновники, назначавшіеся собраніемъ представителей или избирательными коллегіями, могли быть отставляемы сенатомъ, но не могли быть назначаемы по его волѣ. Удаленіе всякаго чиновника, назначеннаго сенатомъ, или сеймомъ, или общинами, не могло быть рѣшено иначе какъ по большинству голосовъ въ полномъ собраніи сената. Всѣхъ избирательныхъ коллегій предположено было для самого города три, а для его округа шесть, причемъ слѣдовало наблюдать, чтобы число избирателей въ каждой изъ нихъ было приблизительно одинаковое; въ случаѣ надобности, двѣ или многія общины могли быть соединяемы въ одну избирательную коллегію. Всѣ коллегіи созывались въ засѣданія распоряженіемъ сената, кото-

рый опредѣлялъ какъ продолжительность ихъ сессіи, такъ и предметъ ея дѣйствій; сенатъ же назначалъ предсѣдателей въ избирательныхъ коллегіяхъ.

Тогда какъ прежняя конституція разрѣшала созывать собраніе представителей ежегодно, конституція 1833 года ограничивала созывъ сейма трехлѣтнимъ срокомъ. Самое право созванія сейма предоставлено было сенату, временемъ открытія сеймовыхъ засѣданій назначенъ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца; продолжительность каждой сеймовой сессіи опредѣлена шестью недѣлями. Кромѣ избранія членовъ и президента сената, членовъ и президентовъ обоихъ судовъ, сеймъ имѣлъ право обсуждать всѣ проекты законовъ, опредѣлять бюджетъ на три года, разсматривать отчеты администраціи и назначать постоянную ревизионную комиссію, обязанную въ трехлѣтній промежутокъ между двумя сеймами контролировать счета всѣхъ административныхъ учрежденій; право отдачи подъ судъ сенаторовъ и высшихъ чиновниковъ было оставлено за сеймомъ на прежнихъ основаніяхъ. Составъ собранія представителей опредѣлялся такимъ образомъ: каждая избирательная коллегія, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ общинъ, посылаетъ двухъ депутатовъ на сеймъ; двѣ изъ сельскихъ коллегій, имѣющихъ наибольшее число избирателей, посылаютъ трехъ депутатовъ. Такимъ образомъ, всѣхъ общинныхъ депутатовъ предполагалось двадцать. Кромѣ того, въ собраніе представителей посылались: два члена отъ сената, два отъ капитула, два доктора отъ университета, два правительственныхъ совѣтника изъ городскихъ округовъ и два изъ сельскихъ, чередуясь съ остальными чиновниками того же вѣдомства въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ сейма предполагалось 30; президентъ сейма избирался изъ числа сенатскихъ депутатовъ. Ни сенаторъ, ни членъ капитула или университета, ни чиновникъ административнаго или судебного вѣдомства, ни даже адвокатъ, не могъ быть избираемъ депутатомъ отъ общинъ. Закрытая подача голосовъ допускалась только при избраніи государственныхъ чиновниковъ, или при рѣшеніи вопроса объ отдачи ихъ подъ судъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подача голосовъ предполагалась открытая. Всѣ законопроекты должны были разсматриваться въ сенатѣ прежде, чѣмъ поступить на обсужденіе сейма. Эти проекты могли быть представляемы сейму въ теченіи первыхъ двухъ недѣль сессіи; но бюджетъ, годичные отчеты и финансовыя законы слѣдовало представлять не позднѣе четырехъ дней по открытіи сеймовыхъ засѣданій. Сеймъ могъ или принимать, или отвергать законо-

проекты сената; но необходимы, по его мнѣнію, измѣненія въ нихъ онъ долженъ былъ представлять на разсмотрѣніе сенату. Важнѣйшіе законы могли считаться принятыми сеймомъ лишь въ томъ случаѣ, если получали въ свою пользу пять-шестыхъ всѣхъ голосовъ (стало-быть, нужно было получить 25 голосовъ изъ 30); но если, затѣмъ, сенатъ двумя-третьими голосовъ признавалъ необходимость вновь предложить тотъ же законопроектъ будущему сейму, тогда для его принятія достаточно было простого большинства.

Что касается мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, суда первой инстанціи и суда апелляціоннаго, а также суда высшаго, и вообще независимаго положенія членовъ судебного вѣдомства, то въ этомъ отношеніи конституція 1833 года вполне согласовалась съ установившимся въ краковской республикѣ порядкомъ и съ кодексомъ французскаго судопроизводства. Чрезвычайные комиссары трехъ правительствъ вполне предоставили устройство судебного вѣдомства избраннымъ ими специалистами, засѣдавшимъ въ особомъ комитетѣ, и почти безъ измѣненій приняли предложенный этимъ комитетомъ проектъ. Между тѣмъ какъ при опредѣленіи отношеній между законодательною и исполнительною властями, какъ мы уже видѣли, конституція 1833 года значительно расширяла дѣятельность исполнительной власти и сокращала дѣятельность законодательную. Сенатъ получилъ высшій надзоръ за производствомъ и признаніемъ выборовъ. Особенно чувствительно было измѣненіе ежегодныхъ сеймовыхъ собраній на созываемыя однажды въ три года, такъ что и самый бюджетъ долженъ былъ утверждаться гадательно на трехлѣтній срокъ. Кромѣ того, реорганизаціонная комиссія упрочила одно учрежденіе, почти независимое отъ мѣстныхъ властей и поставленное въ непосредственныя сношенія съ покровительствующими дворами чрезъ ихъ резидентовъ. Это была сельско-хозяйственная комиссія, основанная еще первою организаціонною комиссіею для приготовительныхъ работъ по вопросу объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Эта комиссія представила свои работы чрезвычайнымъ комиссарамъ въ 1833 году, предложивъ свою оцѣнку выкупныхъ платежей, которые должны были вносить крестьяне государственныхъ имуществъ взамѣнъ отчужденныхъ личныхъ работъ. Основываясь на этомъ представленіи, реорганизаціонная комиссія декретомъ 16-го (28) сентября 1833 года опредѣлила навсегда имущественные доходы края ежегодною суммою въ 104,000 польскихъ злотыхъ; кромѣ того, обративъ вниманіе на прошедшее, она обременила статью расходовъ суммою, превы-

шавшею милліонъ, которая назначена была на вознагражденіе сельчанъ за то, что ими было выплачено съ 1815 года сверхъ исчисленнаго сельско-хозяйственною комиссіею. Наконецъ, реорганизаціонная комиссія ограничила возможность политическихъ стачекъ, поставивъ преграды родственнымъ вліяніямъ и связямъ на общественныя дѣла. По § 22-му новой конституціи, не могли одновременно засѣдать ни въ сенатѣ, ни въ одномъ изъ судовъ, ни въ сеймѣ, въ качествѣ общинныхъ депутатовъ, отецъ и сынъ, братья, свояки, дядя и племянникъ, какъ съ отцовскою, такъ и съ материнскою стороны, тестъ и зять и двоюродные братья. Но депутаты отъ сената, капитула и университета, а равно правительственные совѣтники могли присутствовать въ сеймѣ, несмотря на родство между собою или съ кѣмъ-либо изъ общинныхъ депутатовъ.

Что касается отношеній Кракова къ сосѣднимъ дворамъ, то покровительственное значеніе послѣднихъ возвышено было до значенія опеки. Они получили важное право не соглашаться съ выборомъ президента сената, считавшагося главою всего правительства, которое имѣло такое вліяніе на законодательство, администрацію и полицію. Кромѣ того, въ § 27-мъ новой конституціи было сказано: «въ случаѣ разногласій между сенатомъ и собраніемъ представителей, или между членами этихъ обоихъ учреждений, о пространствѣ ихъ власти или при толкованіи нынѣшней конституціи, резиденты трехъ покровительствующихъ дворовъ, соединясь въ конференцію, должны разсмотрѣть вопросъ, по представленію одного изъ помянутыхъ учреждений, и представить свое рѣшеніе на утвержденіе высшихъ дворовъ». А въ послѣдней статьѣ конституціи сказано было, что покровительствующіе дворы сохраняютъ за собою право наблюдать за строгимъ примѣненіемъ конституціи.

Главною отличительною чертою новой конституціи, составленной барономъ Пфлюгелемъ, Форвенбекомъ и Тенгоборскимъ, было стремленіе устранить, по возможности, навсегда соперничество между сенатомъ и сеймомъ. Для этой цѣли пришлось пожертвовать нѣкоторыми изъ правъ собранія народныхъ представителей и перенести ихъ на сенатъ. Черезъ это политическое устройство краковской республики получало нѣсколько односторонній характеръ, не соответствующій ея титулу вольнаго и независимаго города; но даже самыя строгіе критики работъ реорганизаціонной комиссіи должны были признать, что Кракову «наконецъ было дано хоть какое-нибудь правительство; нація, обреченная на неподвижность, могла пользоваться по крайней мѣрѣ нѣкотораго

рода порядкомъ и спокойствіемъ». Слѣдить за этимъ внутреннимъ порядкомъ должны были отнынѣ четыре заинтересованныя въ существованіи краковской республики стороны: собственный сенатъ Кракова, Австрія, Пруссія и Россія. Представителями этихъ трехъ державъ, по отъѣздѣ членовъ реорганизаціонной комиссіи, снова явились ихъ постоянные резиденты. Кто же могъ нарушить спокойствіе Краковской жизни? Сеймъ, не собиравшійся съ 1828 года, созываемый только разъ въ три года и ограниченный въ своей дѣятельности, не могъ быть опасенъ. Реорганизаціонная комиссія, видя необходимость создать новый сеймъ въ 1833 году, что могъ сдѣлать только сенатъ, назначила въ мартѣ на мѣсто сенатскаго президента, остававшееся свободнымъ со времени удаленія графа Станислава Водзицкаго, бывшаго сенатора, кастеляна королевства польскаго, Каспера Велѣгловскаго, и удалила сенаторовъ, приглашенныхъ въ 1830 году. Новый сеймъ составился изъ лицъ, большинство которыхъ расположено было въ пользу принятія новой конституціи. Оставался другой источникъ внутреннихъ волненій въ Краковѣ—академическая молодежь, вполне зависѣвшая отъ университетскаго правленія. Признано было необходимымъ написать новые статуты для университета и произвести коренное преобразование въ его устройствѣ. Дѣло это хотя и было окончено прежде созванія новаго сейма, но не было предложено на его утвержденіе. Университетскій вопросъ по прежнему стоялъ особнякомъ въ жизни краковской республики, и былъ разрѣшенъ мѣрами чрезвычайными, по указаніямъ трехъ-четырехъ профессоровъ. Какъ же былъ преобразованъ Ягеллонскій университетъ въ 1833 году?

Реорганизаціонная комиссія приступила къ преобразованію университета и другихъ краковскихъ училищъ тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Краковъ. Она учредила для этой цѣли особый комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: сенатора Феликса Гродзицкаго, предсѣдательствовавшаго въ комитетѣ, главнаго каноника краковскаго Ланцуцкаго и камергера русскаго двора Яна Мѣрошевскаго; изъ членовъ университета въ комитетъ приглашены были изъ богословскаго факультета каноникъ Янъ Шиндлеръ, изъ юридическаго деканъ Адамъ Крыжановскій, изъ медицинскаго Іосифъ Бродовичъ, отъ обоихъ отдѣловъ философскаго факультета директоръ обсерваторіи Максъ Вейсъ; изъ нихъ Шиндлеръ избранъ былъ секретаремъ комитета. Всѣ эти профессора были членами комитета не по избранію университетской корпораціи, а по приглашенію реорганизаціонной комиссіи. Даже

ректоръ университета не былъ включенъ въ составъ комитета. Такимъ образомъ, комитетъ составленъ былъ вопреки всѣмъ прежнимъ правиламъ, предписывавшимъ, что «Ягеллонскій университетъ не долженъ быть ни ревизуемъ, ни преобразуемъ никакою иною властью, какъ свѣтскою, такъ и духовною, кромѣ правительства, или уполномоченной отъ него особы, вмѣстѣ съ ректоромъ и избранными для сего изъ среды членовъ его лицами, или однимъ ректоромъ съ избранными на сей конецъ профессорами». Внутри самого комитета составились двѣ партіи. Гродзицкій, Мѣрошевскій, Ланцуцкій и Крыжановскій стояли за сохраненіе правъ и привилегій краковской академіи, полученныхъ ею въ теченіи вѣковъ, но не считали возможнымъ протестовать противъ заявленій остальныхъ членовъ. Шиндлеръ, Бродовичъ и Вейсъ, принадлежавшіе въ числу пришельцевъ въ Краковъ и державшіеся связями съ господствующею партіей, опирались на новаго президента сената, Каспера Велѣгловскаго, и стремились отмѣнить старинныя привилегіи академіи. Особенно дѣятельнымъ въ партіи, враждебной прежнему устройству университета, былъ Шиндлеръ. Онъ прибылъ въ Краковъ только за годъ передъ тѣмъ изъ Черновицъ, гдѣ былъ гимназическимъ законоучителемъ, и какъ докторъ правъ, при содѣйствіи бывшаго ректора Эстрейхера, безъ конкурса, ради предполагаемыхъ въ немъ глубокихъ познаній въ восточныхъ языкахъ, приглашенъ былъ на кафедрѣ экзегетики священнаго писанія; затѣмъ, чрезъ нѣсколько недѣль, благодаря своей ловкости и услужливости, былъ назначенъ пробошемъ при церкви св. Николая, зависѣвшей отъ университета, противъ чего, однакожъ, протестовали профессора Павелъ Чайковскій, Іосифъ Козловскій, Іосифъ Якубовскій и Феликсъ Радванскій. Вейсъ и Бродовичъ также были недавними профессорами въ краковскомъ университетѣ. При ихъ содѣйствіи, Шиндлеръ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ новый уставъ университета, который былъ утвержденъ реорганизаціонною комиссіею 12 (24) августа 1833 года, а Велѣгловскимъ предложенъ сенату для исполненія.

Не столь рѣзки были перемѣны, введенныя въ самое управленіе университетомъ, сколько измѣненія въ личномъ составѣ профессорской корпораціи. Правда, университетъ былъ лишенъ права имѣть своего представителя въ сенатѣ; дана была новая обязательная программа преподаванія, причемъ кафедры польской литературы и кафедры польской исторіи были закрыты, хотя § 23 новой конституціи и предписывалъ, чтобы всѣ официальные акты краковской республики писались на польскомъ языкѣ; не

было также помину о денежныхъ и имущественныхъ претензіяхъ университета. Все управление университетскими дѣлами отдано въ руки ректора, отвѣтственнаго предъ кураторомъ и президентомъ сената. Но всѣ эти нововведенія не могли раздражить приверженцевъ стариннаго устройства Ягеллонской академіи до такой степени, какъ раздражили личныя нападенія на нѣкоторыхъ профессоровъ, направленные болѣею частію по указанію Шиндлера и его товарищей.

Въ богословскомъ факультетѣ произведены были слѣдующія перемѣны. Докторъ богословія, Матвѣй Козловскій, деканъ факультета съ 1818 года, профессоръ церковной исторіи, избранный профессорами деканомъ еще на годичный срокъ, установленный для сей должности новымъ уставомъ, не былъ утвержденъ въ этомъ званіи реорганизаціонною комиссіей, и на его мѣсто назначенъ Шиндлеръ. Затѣмъ, Козловскій лишенъ былъ самой катедры и оставленъ при университетѣ лишь въ качествѣ сторонняго преподавателя, пока Шиндлеръ не приищеть за границей другого кандидата, болѣе подходящаго къ требованіямъ новаго декана. Такая же участь постигла профессора пастырскаго богословія и церковнаго краснорѣчія, Ниволая Яновскаго. Ему дано было за заслуги университетскою конференціей званіе пробоша при церкви св. Флоріана; но реорганизаціонная комиссія зачла ему это мѣсто въ видѣ пенсіи. Онъ также оставленъ былъ временнымъ преподавателемъ впредь до присканія другого кандидата. На юридическомъ факультетѣ, профессоръ гражданскаго и торговаго права, недавній членъ комитета, занимавшагося составленіемъ университетскаго устава, Адамъ Крыжановскій точно также не признанъ былъ въ званіи декана, которое было предоставлено комиссіей профессору Феликсу Слотвинскому, присоединившемуся къ партіи Шиндлера. Кромѣ того, Крыжановскій замѣнялъ собою въ университетскомъ совѣтѣ князя Антонія Радзивилла, назначеннаго консерваторомъ Ягеллонской академіи со стороны прусскаго двора. По смерти Радзивилла университетъ, руководимый Шиндлеромъ и Вейсомъ, избралъ консерваторомъ I. В. Ансильона, министра иностранныхъ дѣлъ въ прусскомъ кабинетѣ; послѣ чего Шиндлеръ, поддерживаемый прусскимъ комиссаромъ Форкенбекомъ, успѣлъ устранить Крыжановскаго отъ званія намѣстника консерватора и передать это право Вейсу. Въ томъ же факультетѣ, оставляя тѣ же самыя предметы и даже увеличивъ число ихъ, реорганизаціонная комиссія уменьшила число катедръ съ пяти на четыре. Вслѣдствіе такой перемѣны профес-

соръ римскаго права, Петръ Мартыновскій, переведень былъ съ университетской кафедрѣ въ предсѣдателя суда первой инстанціи, а докторъ правъ Фердинандъ Койсевичъ, служившій болѣе десяти лѣтъ при университетѣ и въ теченіи пяти лѣтъ бывшій профессоромъ политической экономіи, занявшій эту кафедру путемъ обычнаго конкурса по рѣшенію совѣта, приглашенъ былъ подчиниться новому конкурсу на томъ основаніи, что его утвержденіе произошло въ эпоху временнаго управленія. Такъ какъ самъ Шиндлеръ, руководитель всѣхъ этихъ нововведеній, занялъ свою кафедру безъ всякаго конкурса, то порицатели новаго университетскаго устава справедливо видѣли пристрастіе въ его неодинаковомъ примѣненіи къ различнымъ профессорамъ. Въ медицинскомъ факультетѣ, исправлявшій должность декана, профессоръ анатоміи, фізіологіи и судебной медицины, Іосифъ Козловскій, долженъ былъ уступить званіе декана профессору Бродовичу, хотя голосъ профессоровъ и назначалъ на это мѣсто доктора медицины и хирургіи, профессора медицинской полиціи, ветеринарныхъ наукъ и исторіи медицины, Юліана Савичевскаго, служившаго въ университетѣ съ 1819 года и утвержденного въ званіи ординарнаго профессора самимъ кураторомъ, графомъ Іосифомъ Залусскимъ. Но реорганизаціонная коммиссія ссылалась на то, что утвержденіе Савичевскаго внесено было въ университетскіе акты въ эпоху временнаго управленія учебными заведеніями Кракова, такъ-называемымъ главнымъ училищнымъ совѣтомъ, и не признавала за нимъ его званія. Такое толкованіе дѣйствій главнаго совѣта было вдвойнѣ несправедливо: съ одной стороны, уничтоженіе кураторства въ краковскомъ университетѣ и восстановленіе университетскаго сената и главнаго совѣта были произведены въ январѣ 1831 года съ согласія трехъ резидентовъ, а стало быть, и ихъ дѣйствія не могли считаться беззаконными; съ другой стороны, если признавать ихъ дѣйствія таковыми, то слѣдовало бы удалить изъ профессорской корпораціи: въ богословскомъ факультетѣ Шиндлера и Яновскаго; въ юридическомъ— Антонія Матакевича и Петра Бартыновскаго; въ медицинскомъ— Іосифа Козловскаго, Іосифа Бродовича, Флоріана Савичевскаго, Карла Сочинскаго, Іосифа Якубовскаго и Людвигъ Берковскаго; въ философскомъ факультетѣ Франца Сапальскаго, Франца Шоповича, Феликса Радванскаго, Филиппа Вальтера, Людвигъ Зейшнера, Каэтана Троянскаго, Германа Шугтъ и Михаила Вишневскаго, которые всѣ, подобно Юліану Савичевскому, приглашены были въ 1830 и 1831 годахъ на основаніи § 85 прежняго

устава, но удалены изъ службы не всѣ. Такимъ образомъ, вводящіе новый университетскій уставъ въ жизнь еще разъ доказали, что руководились духомъ партіи: ибо профессоръ хирургіи и директоръ хирургической клиники Людвигъ Берковскій и профессоръ всеобщей исторіи Михаилъ Вишневскій, назначенные въ эпоху временнаго управленія, безъ конкурса и помимо своихъ факультетовъ, были признаны въ своихъ званіяхъ реорганизаціонною комиссіею. Между тѣмъ, новый деканъ факультета Бродовичъ, опасаясь въ будущемъ конкуренціи со стороны своего предмѣстника, Іосифа Козловскаго, постарался, при содѣйствіи австрійскаго комиссара фонъ-Пфлюгеля и посредничествѣ заслуженнаго профессора Костецкаго, склонить Козловскаго посредствомъ разныхъ угрозъ къ подачѣ просьбы объ отставкѣ, за что и назначена была ему пенсія въ 3500 злотыхъ польскихъ. Но такъ какъ кандидатовъ на кафедру анатоміи, физиологіи и судебной медицины не находилось, то Козловскому поручено было временно преподавать эти предметы. Объявленный конкурсъ не открылъ желающихъ занять эти кафедры, и тогда Бродовичъ вмѣстѣ съ Берковскимъ пригласили конкурировать только-что окончившихъ курсъ медиковъ: Козубовскаго и Экельта, изъ коихъ первый былъ родственникъ Берковскаго и заранѣе подготовленъ имъ къ отвѣтамъ, а Экельтъ приглашенъ лишь для полноты конкурса и въ надеждѣ на будущія блага. На философскомъ факультетѣ, профессоръ физики Романъ Маркевичъ долженъ былъ уступить званіе декана Вейсу, который, будучи поддерживаемъ австрійскимъ комиссаромъ барономъ фонъ-Пфлюгелемъ, сталъ господствовать надъ факультетомъ. Какъ профессоръ, онъ получилъ 6000 злотыхъ польскихъ ежегоднаго содержанія и великолѣпное помѣщеніе въ астрономической обсерваторіи, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, лично получилъ 1000 въ прибавку и 500 злотыхъ на разъѣзды. Но будучи старъ лѣтами, онъ рѣдко бывалъ на лекціяхъ и притомъ читалъ такъ плохо, что имѣлъ только одного слушателя, и то получавшаго отъ него стипендію; это побудило его подѣлиться курсомъ высшей математики съ своимъ адъюнктомъ Стечковскимъ, который управлялъ за него обсерваторіей и читалъ по четыре часа въ недѣлю высшую математику; профессора низшей математики, Франца Шоповича, Вейсъ также принудилъ выдти въ отставку, а на его мѣсто перевелъ проф. Карла Губе. Съ тѣхъ поръ академическая молодежь перестала понимать польское преподаваніе низшей математики и латинское высшей. Первое по незнакомству профессора съ язы-

комъ, второе по собственному незнакомству съ схоластической латынью. Профессоръ зоологии и ботаники, Алоизій Эстрейхеръ, бывшій ректоромъ въ то время, былъ лишенъ этого званія по проискамъ Шиндлера, коему нѣкогда покровительствовалъ, Вейса, бывшего прежде съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и Бродовича, который нарочно съѣздилъ въ Вѣну, чтобы очернить его предъ княземъ Меттернихомъ; а въ ректоры назначенъ Карлъ Губе. Правда, Эстрейхера не жалѣли въ Краковѣ, ибо онъ, получивъ прибѣжище въ польскомъ городѣ, всегда посылалъ воздыханіе къ австрійскому министерству, не предвидя, какую оно ему участь готовить. Для другого австрійца и сторонника Бродовича, доктора Майера, также составлена была особая каеэдра изъ предметовъ, частью медицинскихъ, частью философскихъ. Профессоръ начертательной геометріи, Францъ Сапальскій, доставившій Вейсу каеэдру астрономіи, потерялъ свое мѣсто, ибо его каеэдра была закрыта по предложенію того же Вейса. Сапальскому назначена была пенсія въ 3000 злотыхъ, но онъ обратился съ просьбой къ народнымъ представителямъ, которые, помня его дѣятельность, какъ начальника одного изъ отдѣловъ городской гвардіи, возвысили его пенсію до 4000 злотыхъ. Такъ какъ каеэдра архитектуры была назначена къ перенесенію изъ университета въ имѣющую открыться техническую школу, то профессоръ ея, Феликсъ Радванскій, былъ уволенъ изъ службы, и только собраніе народныхъ представителей, обративъ вниманіе на его многочисленное семейство, назначило ему временное пособіе въ 2000 злотыхъ. Не признанъ былъ также профессоромъ химіи Филиппъ Вальтеръ, сынъ краковскаго обывателя, окончившій курсъ въ берлинскомъ университетѣ, посѣтившій въ теченіи двухъ лѣтъ Англію, Францію и Германію и имѣвшій рекомендаціи отъ Александра Гумбольдта; ибо каеэдра химіи, по новому уставу, соединена была съ каеэдрой фармаціи. Правда, профессоръ этой соединенной каеэдры Флоріанъ Савичевскій представлялъ Вейсу и Бродовичу о необходимости сохранить каеэдру химіи въ пользу Вальтера, но его представленіе не было выслушано. Минералогію и геологію соединили съ зоологіей и ботаникой, единственно для того, чтобы удалить Людвигъ Зейшнера, и притомъ безъ всякаго вознагражденія; но когда послышались общія сѣтованія на то, его назначили адъюнктомъ при профессорѣ естественной исторіи, но Зейшнеръ самъ отказался отъ такой чести. У профессора и бібліотекаря университета, извѣстнаго своими учеными трудами, Самуила Бандтве, хотѣли отнять пенсію въ 2000 злотыхъ; но за него

заступился Форкенбекъ, и хотя весь Краковъ былъ на сторонѣ Бандтке, тѣмъ не менѣ членовъ университетскаго комитета осуждали за то, что они и самую справедливость оеазываютъ лишь по протекціи. Старикъ Бандтке, огорченный всей этой исторіей, отказался отъ управленія библіотекой, и только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ это дѣло поручено было Іосифу Мучковскому, бывшему до тѣхъ поръ профессоромъ въ лицей св. Анны. Профессоръ польской литературы, Павелъ Чайковский, уволенъ былъ отъ службы, ибо его предметъ раздѣлили между кафедами латинской словесности и всеобщей исторіи. Чайковский приносилъ жалобу сейму на такое распоряженіе о польской кафедрѣ; сеймъ принялъ живое участіе въ этомъ вопросѣ, но пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и самое печатаніе ихъ было запрещено. Профессоръ греческой словесности, докторъ философіи Германъ Шуртъ, преподававшій вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскій языкъ, былъ уволенъ безъ всякой пенсіи, потому что греческій языкъ отнесли къ богословскому факультету, а преподаваніе англійскаго совсѣмъ закрыли. Съ профессоромъ философіи, Іосифомъ Янковскимъ, поступали безъ всякой церемоніи: то заставляли его подать въ отставку, ибо онъ, кромѣ того, занималъ мѣсто секретаря университетскаго совѣта, то снова возвращали ему кафедру. По новому уставу, ни одинъ профессоръ не могъ занимать еще другую должность; особенно строго запрещалось соединять званіе профессора съ обязанностями адвоката. Тѣмъ не менѣ Адаму Крыжановскому, Феликсу Слотвинскому, Іосифу Янковскому и Антонію Матакевичу разрѣшено было имѣть двѣ должности, между тѣмъ какъ остальнымъ профессорамъ то же самое запрещалось. Но такъ хотѣлось всемогущимъ правителямъ тогдашняго университета: Шиндлеру, Бродовичу и Вейсу. Столь же различно поступалъ университетскій комитетъ и съ преподавателями языковъ и искусствъ: лекторъ итальянскаго языка, Торе, уволенъ безъ всякаго вознагражденія, ибо самый предметъ его вычеркнуть изъ программы; учитель танцевъ, Куде, получилъ пенсію въ 600 злотыхъ, а учитель верховой ѣзды, Познанскій, переведенъ въ техническую школу съ обязательствомъ подчиниться конкурсу. Наконецъ, по прежнему уставу краковскій университетъ имѣлъ право приглашать особыхъ преподавателей по предметамъ, для которыхъ уже имѣлись профессоры. Такіе преподаватели обыкновенно читали спеціальныя курсы и готовились къ профессорскому званію. Новый уставъ исключилъ изъ университетской корпораціи такихъ преподавателей, и два изъ нихъ: Янъ

Ржевинскій и Антоній Гельцель, изъ коихъ первый преподавалъ право наследственное, а второй исторію древнихъ польскихъ законодательствъ, лишены были преподаванія и надежды занять со временемъ профессорскія мѣста. Вообще, относительно замѣщенія свободныхъ кафедръ, Шиндлеръ, Вейсъ и Бродовичъ, изъ коихъ первые два имѣли связи съ иноземными университетами, а послѣдній вторилъ имъ ради личныхъ интересовъ, внесли въ новый университетскій уставъ (§ 47) такое правило: «какъ письменныя работы, представляемыя конкурентами, такъ и отзывы профессоровъ о каждомъ въ отдѣльности кандидатѣ должны быть пересылаемы въ заграничные университеты для полученія мнѣній о достоинствахъ кандидатовъ, ищущихъ занять свободную кафедру». Само собой разумѣется, что не только ученое сословіе Кракова, но и простые обыватели его были въ негодованіи отъ такого предписанія: они считали эту статью унижительной для Ягеллонскаго университета, ибо въ какой землѣ можно было указать на университетъ, подчиненный контролю и суду чужеземныхъ университетовъ? По прежнему статуту (§ 22) и по статьѣ 38-й временнаго устройства, конкурсы въ краковскомъ университетѣ обыкновенно разрѣшались такимъ образомъ: при равенствѣ способностей и знаній оказывалось предпочтеніе туземцу предъ чужестранцемъ. По новому уставу, никто не могъ занять кафедру безъ конкурса, за исключеніемъ ординарныхъ профессоровъ того же факультета при университетахъ, находящихся въ земляхъ покровительствующихъ дворовъ. Это условіе давало поводъ думать, что главною цѣлью, которую преслѣдовали Шиндлеръ и Вейсъ, было наполненіе краковскаго университета нѣмецкими профессорами, ибо ужъ, конечно, нельзя было ожидать наплыва русскихъ профессоровъ, въ которыхъ былъ недостатокъ въ самой Россіи. Кромѣ того, Шиндлеръ съ товарищами достигли чрезъ преобразование университета полнаго владычества надъ нимъ, ибо въ академическомъ сенатѣ засѣдали или они, или ихъ сторонники: ректоръ Карлъ Губе, деканы: Шиндлеръ, Слотвинскій, Бродовичъ и Вейсъ. Даже въ главномъ школьномъ совѣтѣ, управлявшемъ учебными дѣлами краковской республики, засѣдали тѣ же лица: Шиндлеръ, какъ директоръ гимназій, Вейсъ, какъ намѣстникъ прусскаго консерватора Ансильона, Бродовичъ, намѣстникъ князя Меттерниха, Слотвинскій, намѣстникъ Залускаго; только одинъ комиссаръ краковскаго правительства, Карлъ Губнеръ, не принадлежавшій къ университетской корпораціи, стоялъ въ сторонѣ отъ борьбы партій. И дѣйствительно, съ того

времени, о которомъ мы говоримъ, начинается приливъ нѣмецкихъ профессоровъ въ краковскій университетъ, преимущественно изъ Австрій; польскій элементъ ослабляется и мало по-малу получаетъ второстепенное значеніе. Шиндлеръ, бывшій потомъ послѣднимъ президентомъ краковскаго сената, съ первой же поры своей дѣятельности явился ревностнымъ проповѣдникомъ австрійскаго вліянія въ Краковѣ, а университетскій уставъ 1833 года давалъ ему всѣ средства къ тому.

Преобразование коснулось и другихъ учебныхъ учреждений Кракова, находившихся до тѣхъ поръ въ связи съ Ягеллонскимъ университетомъ. Академія изящныхъ искусствъ, основанная при университетѣ въ 1818 году, была уничтожена реорганизационною комиссіею. Одинъ изъ ея профессоровъ, Войтѣхъ Штадлеръ, назначенъ былъ профессоромъ вновь открытой технической школы. Онъ былъ извѣстенъ не только на родинѣ, но и за границей своими произведеніями, но такъ какъ принять былъ въ профессоры при временномъ управленіи, то на него возложено было обязательство подчиниться конкурсу. Профессоры Янъ Бизанскій, Янъ Главацкій и Юсіфъ Зонтагъ, трудившіеся при академіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ особыхъ бесплатныхъ преподавателей, но съ правомъ занять со временемъ кѣедры, были вовсе уволены отъ службы, и только впоследствии Зонтагъ назначенъ былъ профессоромъ живописи. Съ кѣедрой гравированія и рѣзбы, которую предполагалось перенести въ техническую школу, произошелъ весьма гласный скандалъ. Конкуррентами на занятіе ея явились два художника: польскій—Татаркевичъ и нѣмецкій—Шимсеръ. Послѣднему покровительствовали Шиндлеръ, Вейсъ и Бродовичъ. По работамъ обоихъ, выставленнымъ публично, несомнѣнное первенство принадлежало Татаркевичу. Оставалось подвергнуть ихъ педагогическому конкурсу. Ректоръ Карлъ Губе, бывшій тогда и директоромъ академіи изящныхъ искусствъ, старался всякими мѣрами уронить Татаркевича и даже рѣшился публично утверждать, что иностранные преподаватели должны быть предпочитаемы туземнымъ. Несмотря на присутствіе комиссаровъ покровительствующихъ дворовъ, онъ запретилъ Татаркевичу читать объяснительную лекцію о предметахъ, находившихся на выставкѣ. Публика встрѣтила такое распоряженіе сильнымъ ропотомъ. «Мы здѣсь не поляки», твердилъ Губе, «что намъ въ этой полякири?» Въ отвѣтъ на это изъ публики слышались упреки въ «этранжоманіи». Наконецъ, австрійскій комиссаръ баронъ фонъ-Пфлюгель, опасаясь скандала, остановилъ Губе

и пригласилъ Татаревича прочесть лекцію. Торжество Татаревича надъ его конкурентомъ было несомнѣнно. Тогда Шиндлеръ съ товарищами пустилъ въ ходъ мысль, что каеэдра гравированія не нужна для технической школы. Въ периодическихъ изданіяхъ началась полемика какъ по этому вопросу, такъ и о художественной выставкѣ, и Францъ Сапальскій поддерживалъ на этотъ разъ партію Шиндлера. Какъ бы то ни было, каеэдра гравированія уничтожена.

По старому уставу, при Ягеллонской академіи существовали два лицея, св. Анны и св. Варвары: первый преобразованъ былъ въ пятиклассную гимназію; второй оставленъ въ прежнемъ видѣ на одинъ годъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ его замѣнила техническая школа, устройство которой поручено сенату. Изъ профессоровъ же обоихъ лицеевъ составлена была одна корпорація, разумѣется уменьшенная, вслѣдствіе чего многіе изъ преподавателей были уволены или съ незначительною пенсіей, или безъ всякаго вознагражденія. Первой участи подверглись: профессоръ лицея св. Анны Людвигъ Косицкій, профессора того же лицея: Михаилъ Лушкевичъ, Антоній Гижинскій, Павелъ Флоркевичъ, и профессора лицея св. Варвары: Раймундъ Войцеховскій, Янъ Новинскій, Петръ Фіалковскій, Гавріилъ Левернэ; всѣ они получили пенсію въ 1,200 злотыхъ; но Іосифъ Мучковскій, Янъ Главацкій и Петръ Маркоэнъ не получили и того. Однакожъ сеймъ назначилъ Главацкому пенсію въ 1,000 злотыхъ; Мучковскій въ концѣ года перемѣщенъ былъ въ бібліотекари университета, а Маркоэнъ учителемъ начальной школы при церкви св. Николая. Всѣ эти перемѣны въ составѣ преподавателей обоихъ лицеевъ произведены были съ утвержденія Шиндлера, который тогда носилъ званіе главнаго директора лицеевъ, и по указанію одного изъ его приверженцевъ, профессора въ лицей св. Варвары, Николая Тырховскаго, который уже давно добивался званія проректора. Получивъ теперь это званіе въ лицей св. Анны, онъ подобралъ себѣ лишь тѣхъ профессоровъ, на безмолвное послушаніе которыхъ могъ рассчитывать.

Начальныя, или такъ-называемыя приходскія школы, существовавшія какъ въ самомъ Краковѣ, такъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ округа, равнымъ образомъ пансіоны и монастырскія школы для дѣвицъ, не обратили на себя вниманія реорганизаціонной комиссіи и ея сотрудниковъ; окончательное устройство ихъ поручено было самому сенату, который, однакожъ, не имѣлъ времени заняться этимъ дѣломъ. До тѣхъ поръ онъ за-

висѣли отъ университета, но съ 1833 года ими могъ заниматься главный училищный совѣтъ, гдѣ Шиндлеръ былъ всевластнымъ членомъ. Неудивительно, что и въ начальныхъ школахъ произведены были нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ.

Едвали какое-либо изъ другихъ учрежденій вольнаго города Кракова подверглось въ 1833 году такому разгрому, какъ университетъ и принадлежавшія къ нему школы. Университетъ потерялъ свои старинныя привилегіи; его ректоръ лишенъ былъ прежняго верховнаго значенія въ школьныхъ дѣлахъ; всѣ распоряженія перешли въ руки главнаго училищнаго совѣта, слабо подчиненнаго краковскому сенату. Наиболѣе же замѣтною для современниковъ стороною преобразованія было увольненіе, перемѣщеніе и даже преслѣдованіе нѣкоторыхъ преподавателей, что объясняется борьбою партій, которая привела къ торжеству нѣмецкаго элемента, преимущественно австрійскаго.

Нилъ Поповъ.

ПО БЕРЕГУ МОРЯ

Л е г е н д а .

Задумчивъ и скученъ гуляетъ Кануть
По берегу моря со свитой;
Тяжелыя мысли Канута гнетуть,
Видѣнья прошедшаго грозно встають
Въ душѣ его, скорбью убитой.

Онъ властью другихъ превзошелъ королей,
Далѣко гремитъ его слава;
И много обширныхъ земель и морей
Имѣеть Кануть подъ рукою своей,—
Но многое добылъ неправо.

Онъ грозный властитель и храбрый боець,—
Его не пугаетъ измѣна,
Незыблемъ его королевскій вѣнецъ;
Но многою кровью свой мечъ-кладенець
Омылъ онъ, суровый сынъ Свена.

Тоска его сердце немолчно грызеть.
Могучій, онъ царствовалъ славно;
Но властью своей угнеталъ онъ народъ,
И кровь неповинныхъ къ Тому вопіеть,
Кого онъ позналъ лишь недавно.

Навѣкъ онъ отрекся отъ вѣры отцовъ,
 Язычника грозный наслѣдникъ,
 И нѣтъ въ немъ жестокости прежней слѣдовъ:
 Не тщетно завѣтъ благодатный Христовъ
 Ему возвѣстять проповѣдникъ!

Когда онъ крестился во имя Отца,
 И Сына, и Духа Святого, —
 Свершилося въ тайнѣ прозрѣнье слѣпца:
 Его озарило Судьи и Творца
 Святое, великое слово...

Гладь синяго моря тиха и свѣтла,
 Вечерней зарею алѣеть;
 Но смутенъ властитель, въ душѣ его мгла,
 Ему королевская власть не мила,
 Былое надъ нимъ тяготѣть.

Придворные видятъ, что надо развлечь
 Упорную скуку владыки
 И бремя печали съ Канута совлечь;
 И вотъ начинаютъ хвалебную рѣчь:
 «Что грустенъ, король нашъ великій?

«Что значить твой скучный и сумрачный видъ?
 Ты счастливъ, король величавый!
 Всѣ царства земныя возьмешь ты на щить!
 Весь мѣръ золотыми лучами покрыть
 Тебя озаряющей славы!

«И въ мирное время, и въ грозной борьбѣ
 Величье твое неизмѣнно,
 Ты сталъ повелителемъ самой судьбѣ.
 Весь сѣверъ подъ властью твоею. Тебѣ
 Нѣтъ равного въ цѣлой вселенной!»

Но въ льстивымъ рѣчамъ равнодушенъ Кануть,
 Утѣхи онъ въ нихъ не находитъ.
 Къ ногамъ его синія волны бѣгутъ
 И пѣной морскою его обдають.
 Все ближе къ волнамъ онъ подходитъ.

«Глядите, глядите! — льстецы говорятъ, —
 Какъ волны морскія поворно
 Ложатся къ ногамъ повелителя въ рядъ.
 Глядите! и волны съ Канута хотятъ
 Смыть тѣнь его грусти упорной!

«Дивимся мы власти его и уму.
 Кто въ мірѣ такъ силенъ и славенъ?
 Онъ въ жизни своей покорялся кому? —
 Но даже стихіи покорны ему...
 Онъ богъ, онъ Создателю равенъ!»

Тогда обратился властитель къ льстецамъ,
 И молвилъ онъ грустно и строго:
 «Не Богу-ль я равенъ, по вашимъ словамъ? —
 Возможно-ль утихнуть шумящимъ волнамъ
 По волѣ могущаго Бога?»

Въ смущеніи свита стоитъ передъ нимъ.
 Придворные шепчуть тревожно:
 «Отвѣтить намъ должно; отвѣтомъ своимъ,
 Быть мѡжетъ, мы грусть короля усладимъ». —
 И всѣ восселицаютъ: «возможно!

«И волны воздать тебѣ славу и честь
 Со страхомъ должны непритворнымъ!»
 Противна Кануту безстыдная лесть!
 И царское кресло на берегъ принесть
 Велить онъ смущеннымъ придворнымъ.

На мѣстѣ, куда достигаетъ приливъ,
 Онъ кресло велить имъ поставить.
 Поставлено кресло. Онъ сѣлъ, молчаливъ.
 Льстецамъ онъ докажетъ, ихъ лесть посрамивъ,
 Что съ небомъ опасно лукавить.

И вотъ, обратившись къ шумящимъ волнамъ,
 Кануть говорить имъ: «я знаю,
 Что вы покоряетесь божьимъ словамъ.
 Смиритесь! Я двигаться далѣе вамъ
 На берегъ морской запрещаю!»

Сидитъ неподвижно могучій Кануть;
 Придворные жмутся въ тревогѣ,
 А волны морскія растутъ и растутъ,
 Одна за другою на берегъ ползуть
 И лижутъ Канутовы ноги.

Холодные брызги въ придворныхъ летать,
 Одежда ихъ гнѣной покрыта,
 Шумящія волны имъ смертью грозятъ...
 И прочь отъ Канута со страхомъ назадъ
 Бѣжить посрамленная свита!

Ихъ гонитъ суровый, ревущій прибой,
 Опасность льстецовъ испугала.
 Кануть поднялся, упираясь ногой,—
 И вресло его набѣжавшей волной
 Въ открытое море умчало.

Все громче реветъ и бушуетъ вода,
 И мечутся волны сердито—
 Нельзя уже съ ними бороться!—Тогда
 Король отступилъ—и подходитъ туда,
 Гдѣ въ страхѣ столпилася свита.

«Теперь вы скажите,—Кануть говорить,—
 Мнѣ, вѣрные слуги: великъ ли
 Король вашъ божественный?..» Свита молчитъ;
 Терзаетъ льстецовъ опозоренныхъ стыдъ,
 Они головами понизили.

Страхъ близкой опалы уста заковалъ
 Имъ, гнѣвомъ владыки убитымъ.
 «Языкъ вашъ лукавый меня приравнялъ
 Къ Тому, Кто мнѣ силу и власть даровалъ,—
 Сурово король говорить имъ.—

«Надъ нами святая небесъ благодать,
 Дано мнѣ Создателемъ много;
 Но знайте: движеньемъ стихій управлять
 И море въ границахъ его удержать—
 Во власти единого Бога!»

И. СУРИКОВЪ.

ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-VIII.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

„...Je serai philosophe quand il plaira à Dieu, *probablement jamais*. Quand je serai mort, je prie mes amis de faire mettre sur ma tombe: *Studebat philosophiae*.“

Correspond. t. I, p. 314.

„...Il paraît aussi difficile d'admettre mes idées que de les réfuter.“

Ibid. p. 333.

Появленіе перваго тома полной переписки Прудона отмѣчено было, въ концѣ 1874 года, какъ *событіе*. Такъ встрѣтили это изданіе не только французскіе журналы, но и всѣ почти серьезныя органы нѣмецкой, англійской, итальянской прессы, безъ различія отгѣнковъ. И въ самомъ дѣлѣ, посреди безурядицы политической жизни во Франціи и пошлости обыденныхъ новостей Парижа, переписка Прудона возстала во всей своей силѣ, искренности и знаменательной суровости. Впечатлѣніе перваго тома было тѣмъ несомнѣннѣе, что въ немъ любители скандаловъ и пикантныхъ разоблаченій не нашли никакой пищи своему любо-

пытству. Этотъ первый томъ заключаетъ въ себѣ преддверіе въ ту эпоху, какъ имя Прудона сдѣлалось знаменемъ и авторитетомъ, и состоитъ изъ интимныхъ писемъ, въ высшей степени важныхъ для характеристики Прудона, какъ мыслителя, съ первыхъ шаговъ его авторской дѣятельности, но почти совершенно лишенныхъ интереса личнаго, анекдотическаго, въ смыслѣ портретовъ людей политическаго и литературнаго міра. Отзывъ всѣхъ лучшихъ журналовъ, возвѣстившихъ публикѣ появленіе переписки Прудона, былъ единодушный въ отношеніи достоинствъ самихъ писемъ, какъ произведеній слова, и ихъ поражающей и привлекающей дѣльности, убѣжденности, характерности. Человѣкъ явился въ нихъ не только совсѣмъ живой, но и на такой нравственной высотѣ, о которой забыли критики, публицисты и моралисты, принужденные вопаться въ вучахъ разлагающихся умовъ и характеровъ современнаго человѣчества. Прудонъ - человѣкъ уже не въ первый разъ является въ своихъ письмахъ. Въ 1872 году вышла о немъ посмертная книга Сентъ-Бѣва, которому сообщена была переписка Прудона. Съ документами въ рукахъ, тонкій и скептический критикъ второй имперіи нарисовалъ портретъ Прудона, подерѣпивъ его выдержками изъ самыхъ характерныхъ писемъ. Но въ этомъ опытѣ біографіи собраны далеко не всѣ документы. Хорошо было и то, что такой человѣкъ и писатель, какъ Сентъ-Бѣвъ, прожившій весь свой вѣкъ въ воздухѣ литературнаго скептицизма и политическаго равнодушія— съ яркой симпатіей обработалъ переписку Прудона, а личность его призналъ высоко-нравственной, стоящей выше всякихъ пошлыхъ обвиненій и порицаній. Но въ изображеніи Сентъ-Бѣва Прудонъ вышелъ, въ личномъ своемъ характерѣ, смягченнымъ, сглаженнымъ, съ какимъ-то оттѣнкомъ сладости, какового въ немъ, конечно, не было. Это замѣчено было не только въ лагерѣ людей, до сихъ поръ страстно относящихся въ имени и дѣятельности Прудона, но и людьми, стоящими на почвѣ спокойнаго анализа, или же враждебными его теоріямъ. Для насъ важно однакожь то, что, благодаря книгѣ Сентъ-Бѣва, впервые выяснилась немного умственная натура Прудона и сущность его преобразовательныхъ стремленій; предстала также передъ нами и вся интимная жизнь Прудона, его неустанная борьба съ нуждой и неудачей, его желѣзный характеръ, всѣ признаки его типическаго склада, въ который этнографическія особенности и условія житейской шволы, пройденной Прудономъ, вошли самыми главными элементами и дали этому складу такую своеобразную окраску.

По поводу книги Сентъ-Бѣва, о Прудонѣ говорено было у

насть ¹⁾ два года тому назадъ, и тогда уже была намѣчена его фizioномія, какъ мыслителя. Теперь еще легче будетъ завѣрить массу читателей, что Прудонъ не былъ никогда тѣмъ ужаснымъ «революціонеромъ» и «анархистомъ», какимъ его прославили въ свое время. Въ той же статьѣ было объяснено, что на Прудона опять не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ученаго и на социальнаго философа, т.-е. какъ на научный авторитетъ по «соціологіи». Но Прудонъ попрежнему продолжаетъ играть въ глазахъ массы роль ходячаго недоразумѣнія, олицетвореннаго *qui pro quo*. Имя его сохраняетъ до сихъ поръ извѣстную притягательную силу для тѣхъ, весьма юныхъ натуръ, которыя въ каждомъ «запрещенномъ плодѣ» ищутъ разгадки міровыхъ задачъ. Рѣзвая форма Прудоновыхъ критикъ сдѣлала то, что онъ попалъ, даже во Франціи, въ разрядъ сочинителей «запрещенныхъ», и съ такимъ ярлыкомъ очутился въ рядахъ радикальныхъ авторитетовъ, божь-о-божь съ именами и ученіями, противъ которыхъ онъ самъ всю жизнь свою ратовалъ и словомъ, и дѣломъ. Не только въ средѣ полуграмотныхъ любителей всего разрушительнаго, но и между людьми, имѣвшими не разъ случай познакомиться ближе съ сочиненіями Прудона—немало попадается наивно убѣжденныхъ въ томъ, что Прудонъ—*коммунистъ*, и проповѣдывалъ, первѣе всего, самый *отчаянный коммунизмъ!*.. И такого недоразумѣнія не искоренить общими отзывами о Прудонѣ, какъ бы эти отзывы ни были вѣрны. Для извѣстнаго рода читающихъ «любителей свободомыслія» Прудонъ останется въ томъ винегретѣ именъ, который составляетъ «отцовъ церкви» этихъ читателей. За именемъ Прудона, въ такомъ реестрѣ именъ, пойдетъ Луи-Бланъ, за Луи-Бланомъ—Мильт, за Миллемъ—Пьеръ Леру, за Пьеромъ-Леру—Бокль, за Боклемъ—Фурье, за Фурье, пожалуй, хоть Гербертъ-Спенсеръ или Тиндалль и т. д. Это *сваливаніе въ одну кучу* разнохарактернѣйшихъ авторитетовъ—одна изъ выдающихся чертъ нашего умственнаго развитія. Не даромъ же въ «Дымѣ», Тургенева, Губаревъ приказываетъ начитанному и всезнающему кадету составить ему записку о народныхъ банкахъ «и по Лас-сало, и по Шульце-Деличу». Выведется это только однимъ способомъ—спокойнымъ и обстоятельнымъ обследованіемъ умственнаго пути каждаго авторитета, такъ чтобы каждый моментъ его развитія былъ какъ на ладони; а общее его мировоззрѣніе опредѣлено безъ всякой дальнѣйшей возможности какаго бы то ни было иного толкованія. Такой работы дожидается теперь и Прудонъ.

¹⁾ См. „В. Е.“ 1873, мартъ, стр. 419 и слѣд.

Для насъ особенно важно подобное возстановленіе правды. У насъ слишкомъ много накопилось всякихъ «пугаль» и опасныхъ «звуковъ», положительно тормозящихъ дѣло научно-философскаго и общественнаго развитія. Накопилось не мало и особаго рода сентиментальности, недозволяющей обращаться съ идеями и личностями, безъ всякаго страха скомпрометтировать себя, какъ либерально-мыслящаго человѣка, или писателя. Много въ этомъ виноваты конечно и внѣшнія невыгодныя условія; но далеко не они одни. Давно бы можно было, помимо обстоятельствъ «независящихъ», подвергать положительному анализу цѣлый рядъ ученыхъ и сводить ихъ къ тому или иному *мировоззрѣнію*.

Изъ словъ нашихъ читатель можетъ легко заключить—и не ошибется при этомъ,— что главная задача настоящихъ этюдовъ о Прудонѣ—прослѣдить, съ документами въ рукахъ, зарожденіе и назрѣваніе его идей, и показать, къ какой совокупности, къ какому *синтезу* пришли эти идеи въ тотъ моментъ жизни Прудона, когда онъ уже вполне сложился, какъ мыслитель. Мы стараемся выполнить эту задачу—именно на основаніи явившейся теперь полной переписки Прудона. Трудно не согласиться съ мнѣніемъ Сентъ-Бѣва, что письма Прудона—«его главное произведеніе». Книги же его, если не комментарий писемъ, какъ выразился Сентъ-Бѣвъ, то систематическое изложеніе того, что уже занесено было или предварительно, или въ то же время въ переписку. Всякую черту, всякій поворотъ мышленія, всякій выводъ, проявляющій собою мировоззрѣніе, мы выберемъ изъ писемъ Прудона, и, не навязывая ничего читателю, поможемъ ему дойти собственнымъ опытомъ до того, какъ слѣдуетъ, въ концѣ-концовъ, характеризовать Прудона. Читатель убѣдится въ томъ, что всѣ слова, крупные поступки, формулы, фразы въ чловѣкѣ мыслящемъ, и вдобавокъ тавомъ искренномъ и честномъ, какъ Прудонъ—вытекаютъ изъ того синтеза, къ которому онъ придетъ въ рѣшительный, срединный періодъ своей жизни. У Прудона это и случилось тогда, когда мировоззрѣніе окончательно складывается, т.-е. къ сорока годамъ. Разъ принявши эту точку зрѣнія—а не принять ее нельзя—нечего уже останавливаться на противорѣчійхъ, крайностяхъ, парадоксахъ, открываемыхъ въ томъ, что Прудонъ писалъ въ разное время. Противорѣчія и ложныя идеи всякаго рода объяснятся не тѣмъ однимъ, что Прудону *не хватало* того или иного элемента въ развитіи, а тѣмъ, что *отличало* его мыслительную работу; другими словами—*не отрицательными* только, а главнымъ образомъ *положительными* признаками.

Но вмѣстѣ съ мировоззрѣніемъ, какъ результатомъ, насъ бу-

детъ занимать и *бытовая* личность Прудона; мы не будемъ никогда терять изъ виду того, гдѣ и въ какой средѣ онъ родился, какъ учился, что испыталъ, куда стремился и чѣмъ кончился. Первенствующая наша цѣль: выдѣленіе изъ переписки Прудона его научно-мыслительныхъ принциповъ, должна быть достигнута изученіемъ его «идейной» переписки, но постоянно—на почвѣ бытовой и біографической. Такой только методъ и можетъ быть плодотворенъ. Недостаточно показать, что человекъ таковъ, а не иначе думалъ; надо дознаться и *почему* онъ своей жизнью былъ приведенъ къ этому образу мышленія, почему пошелъ вправо или влѣво, а не двигался по прямому пути, и наоборотъ. Первая наша статья обниметъ собою, какъ разъ, такой періодъ жизни и дѣятельности Прудона, когда міровоззрѣніе его, въ главныхъ своихъ устояхъ, сложилось; почему въ этомъ первомъ этюдѣ и необходимо намъ идти крайне осмотрительно, не пропуская ни одной мысли, ни одного, если возможно, слова, знаменующаго собою путь, который велъ Прудона къ извѣстному синтезу.

Сентъ-Бѣвъ собралъ и комментировалъ переписку Прудона только до 1848 г., съ прибавкой нѣсколькихъ лишь позднѣйшихъ писемъ. Друзья Прудона, при дѣятельномъ участіи его дочери, собрали теперь все, что сохранилось изъ писемъ его, и въ теченіи первой половины текущаго года издадутъ *восемь томовъ*, in 8°. Предисловіе съ большой выпиской изъ характеристики писемъ, сдѣланной Сентъ-Бѣвомъ, и краткимъ очеркомъ жизни Прудона составлено однимъ изъ его пріятелей-душеприкащиковъ — Ланглуа. Первый томъ начинается *вѣрными* числами писемъ съ 1837 г. и захватываетъ періодъ до 1842. Второй идетъ вплоть до 1850 г. Эти два тома, служащіе документальнымъ подтвержденіемъ нашей первой статьи—обнимаютъ собою самый важный для насъ періодъ; послѣ 1850 года пойдутъ уже *подробности*, а все главное созрѣло и высказано именно въ этотъ періодъ.

I.

Мнѣніе Сентъ-Бѣва въ его характеристикѣ писемъ Прудона извѣстно и по русскимъ переводнымъ выпискамъ. Чѣмъ больше читываетесь вы въ эти письма, тѣмъ слова Сентъ-Бѣва дѣлаются все убѣдительнѣе и убѣдительнѣе. Мало того, что въ каждомъ своемъ письмѣ Прудонъ вѣренъ самому себѣ, въ высочайшей степени прямъ и искрененъ, обращается всегда къ своему корреспонденту, а не цѣлится въ потомство, и никогда не рисуется—форма писемъ, ихъ пошибъ, ихъ словесный и бытовой складъ—все это необыкновенно замѣчательно; главнымъ образомъ потому, что такъ писалъ *французъ*.

Чтобы согласиться съ нами, слѣдуетъ только вспомнить, какой умственный и эпистолярный типъ представляютъ собою вообще печатныя письма французовъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ любителей скорыхъ афоризмовъ, которымъ ничего не стоить поголовно обвинять въ чемъ угодно ту или иную націю. Но нельзя же не сказать, что историческія и воспитательныя вліянія дѣлаютъ всѣхъ почти пишущихъ французовъ наклонными къ извѣстнаго рода умственнымъ слабостямъ и диалектическимъ общимъ мѣстамъ. Вотъ этихъ-то двухъ особенностей и не видать въ Прудонѣ-корреспондентѣ. Возьмите любое письмо его, особливо изъ тѣхъ, гдѣ онъ высказывается о чемъ-нибудь, касающемся его внутреннего «я»—точно будто вы читаете прекрасно сдѣланный переводъ съ письма англичанина, или *хорошаго* нѣмца, или русскаго, какихъ создала новая эпоха нашего развитія. Кромѣ нѣкоторыхъ *формулъ* вѣжливости и письменнаго слога, ничего нѣтъ въ этихъ письмахъ *казенно-французскаго*, если намъ позволено такъ выразиться. И, несмотря на то, Прудонъ является въ нихъ истиннымъ французомъ, въ наилучшемъ смыслѣ, т.-е. любящимъ сыномъ своей родины, съ характерными бытовыми чертами своей мѣстности, съ горячими симпатіями не только ко всей странѣ, не только къ огромной семьѣ французскихъ рабочихъ; но и къ своему Безансону, къ землякамъ, товарищамъ, родственникамъ, пріятелямъ. По нашему мнѣнію, въ Прудонѣ-то и проявились *настоящія* черты француза; а то, что сказывается обыкновенно въ письмахъ литературныхъ и другихъ знаменитостей—отрицательныя культурныя привычки, заслоняющія народный складъ характера и ума. Кто живаль, хоть немного, съ французскими крестьянами, особливо въ средней или сѣверной полосѣ Франціи, знаетъ, что въ нихъ преобладающія свойства — здравый смыслъ

(«le gros bon sens gaulois»), положительность, расчет, отсутствие фразы и той традиционной легкомысленности, которая припишена въ французамъ всѣми европейскими народами. Прочтите бальзаковскихъ «Raucans», даже крестьянскіе романы Жоржъ-Зандъ (въ бытовой ихъ половинѣ), и вы согласитесь, что приведенныя нами свойства дѣйствительно преобладаютъ въ народной французской массѣ. Въ новѣйшей литературѣ бытовья изображенія въ романахъ Эремана-Шатриана подтверждаютъ то же самое. Вотъ, это-то ядро народного умственного и нравственного склада и проявляется во всѣхъ письмахъ Прудона. Оно-то и сохранилось въ немъ нетронутымъ; не выѣла его школьная и академическая рутина; не поддавалась она парижскому, централизованному влиянію, всей французской патриотической и литературной «казенщинѣ». Языкъ Прудона, колоритъ и направленіе его мыслей, его, такъ сказать, прирожденные вкусы, симпатіи, стремленія и антипатіи всего лучше показываютъ, какія силы хранятся въ массѣ французскаго народа и къ чему эта масса была бы способна, еслибъ политическое и академическое ея развитіе шло по другому пути. Врядъ ли какой романъ дастъ намъ такой полный типъ француза-простолюдина, какъ переписка Прудона. Нѣтъ въ ней ни одной черты напускной, навязанной условностью внѣшнихъ влияній: все—и хорошее, и дурное, и широкое, и ограниченное, отзывается не только народно-французскимъ, но и *безансонскимъ*, мѣстно-бытовымъ грунтомъ—«sentant le cru et le terroir», слѣдуя французскимъ поговоркамъ.

Въ особенности, патриотизмъ Прудона поражаетъ своимъ здоровымъ оттѣнкомъ. Французы, играющіе роль въ политическомъ мірѣ, да и вообще желающіе разсуждать о дѣлахъ родины—только въ минуты всеобщаго погрома могутъ рѣзко осуждать поведеніе націи и говорить самимъ себѣ горькія истины. Да и то—такія филиппики похожи больше на крики уязвленнаго тщеславія, чѣмъ на доводы яснаго и строгаго самопознанія. Пройдетъ бѣда, или улягутся немного страсти—и опять всплываютъ поверхъ всего—задоръ, самообманъ, фанфаронство, невѣжественная узкость взглядовъ—неизбѣжные спутники «шовинизма». Ничего подобнаго не найдете вы въ письмахъ Прудона. Когда читаешь его мнѣнія о текущихъ французскихъ дѣлахъ, или отзывы о личностяхъ, идеяхъ, нравахъ изъ его парижской или провинціальной жизни, точно будто вы слышите рѣчь иностранца, неподкупленнаго никакимъ пристрастіемъ къ Франціи. Любовь Прудона къ отечеству выражается, всегда и вездѣ, голой правдой, часто слишкомъ ранними пророчествами гибели, и не останавливается ни предъ какой рѣз-

костью, когда онъ чѣмъ-нибудь глубоко возмущенъ. Но ошибутся сильно тѣ, кто его приметъ за космополита. Онъ былъ слишкомъ простолюдинъ, чтобы довольствоваться отвлеченной идеей общечеловѣчности. Несмотря на свои житейскія неудачи, Прудонъ былъ и слишкомъ хорошій дѣлецъ, чтобы расплываться въ стремленіяхъ «Weltsschmerz'a». Онъ не переставалъ желать: — сдѣлать что-нибудь крупное, оживляющее, коренное, прежде всего, для Франціи, для своего народа, для французскаго простолюдина, французскаго мужика. Затѣмъ, когда идея его получила бы осуществленіе у себя дома, онъ радъ былъ бы распространить ее и на весь культурный міръ. Въ немъ, болѣе чѣмъ въ обыкновенныхъ французскихъ пропагаторахъ, видимъ мы желаніе мѣняться идеями и результатами социальной науки съ другими народами. Не зная новѣйшихъ языковъ (по-нѣмецки Прудонъ такъ и не выучился), онъ старался всячески знакомиться съ тѣмъ, что писалось и дѣлалось въ Англіи и въ Германіи. Совершенно такъ, какъ нашъ Бѣлинскій, онъ заставлялъ пріятелей своихъ — излагать ему, устно и письменно, цѣлыя системы и теоріи, недоступныя ему въ оригиналѣ. И какъ провинціалъ, выработалъ онъ изъ себя серьезный и симпатичный типъ француза, не перестававшаго протестовать противъ всепоглощающаго значенія Парижа. Чистыхъ парижанъ немного найдется среди дѣятелей политическаго, научнаго и литературнаго міра. Сколько пріѣзжаетъ и пріѣзжало въ Парижъ провинціаловъ добиваться извѣстности или громкой славы, возможной только въ столицѣ. Каждый изъ нихъ сохраняетъ, болѣе или менѣе, свой бытовой отбнокъ въ говорѣ, нравахъ, привычкахъ; но умственный складъ, обыкновенно, пріобрѣтаетъ парижскій отпечатокъ. Не только иностранцу, но и французу трудно отличить одного писателя отъ другого, въ смыслѣ бытовой самостоятельности идей, стремленій и задачъ. А Прудонъ не переставалъ охранять свое провинціальное «я» отъ всѣхъ соблазновъ и заразы Парижа. Споры нѣтъ, въ его выходкахъ (уже извѣстныхъ и въ русскомъ переводѣ) противъ столицы Франціи есть не мало одностороннихъ выводовъ и сужденій; но основное чувство, диктовавшее ихъ — здоровое нравственное чувство; сильный умственный протестъ, неиспорченный общественный инстинктъ слышатся во всемъ этомъ безцеремонномъ ворчаньи. Такъ можетъ и чувствовать, и мыслить, и выражаться только тотъ, кто и выросъ, и сложился въ человѣка — вдали отъ увлеченій, причудъ, суеги и деморализаціи Парижа. Прудонъ не былъ «федералистомъ», или «сепаратистомъ», какіе водятся теперь во Франціи, онъ не проповѣдывалъ необходимости отложенія отъ центра юга или во-

стока французской территоріи; но онъ постоянно стоялъ за интересы своего края и горячо желалъ, чтобы каждая этнографическая мѣстность имѣла свой центръ, и въ социальномъ, и въ интеллигентномъ отношеніи. Ему хотѣлось, чтобы его Безансонъ имѣлъ и дѣльную академію, и нѣсколько вліятельныхъ журналовъ, и свою книжную литературу. Малѣйшее проявленіе мѣстнаго прогресса было для него дороже всякихъ шумныхъ и эфемерныхъ диковинокъ Парижа, зарождающихся и умирающихъ на бульварѣ. Чувствуй и разсуждай такъ, какъ онъ, хоть одна треть французскихъ дѣятелей—Франція не принуждена была бы такъ часто и больно кусать себѣ локти. Можно безошибочно утверждать, что еслибъ Прудонъ дожилъ до іюля 1870 года, онъ всѣми силами—въ печати или на трибунѣ—воздерживалъ бы своихъ соотечественниковъ отъ войны съ нѣмцами, охлаждая ихъ порывы доводами здраваго ума и точныхъ цифровыхъ данныхъ...

Словомъ, въ Прудонѣ всѣ особенности личности и характера сложились и сохранились подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстнаго быта, не помѣшавъ ему выразить собою и всѣ почти лучшія свойства обще-французскаго народнаго типа...

Но не роковая ли это судьба всѣхъ подобныхъ людей—биться всю свою жизнь «какъ рыба объ ледъ» въ борьбѣ съ неудачей, быть игрушкой нужды и обстоятельствъ, а еще чаще общественной неурядицы и анархіи?.. Извѣстно, какъ прожилъ Прудонъ на свѣтѣ. Его біографія встрѣчалась часто въ русской печати; мы ее не станемъ повторять здѣсь; намѣтимъ только главные моменты этой трудовой и нерадостной «карьеры». Сначала, дѣтство въ бѣднѣйшей семьѣ работника-бочара и леола, бывшая для Прудона-мальчика источникомъ нравственныхъ страданій и тѣлесной тяготы: ни сапогъ, ни шляпы не было у него, ни франка денегъ на покупку книгъ: онъ ихъ переписывалъ самъ. Учиться могъ онъ только до той минуты, когда нужно было идти на заработки. Типографскимъ наборщикомъ въ Безансонѣ — своемъ родномъ городѣ — а потомъ вочующимъ рабочимъ существуетъ онъ на скудный трудовой хлѣбъ. За работою продолжаетъ онъ учиться, и метранпажемъ можетъ уже потягаться съ любымъ гуманистомъ по части не только классическихъ языковъ, но и еврейскаго, который онъ выучиваетъ, набирая біблію. Только было завелъ онъ съ компаньономъ небольшую типографію, какъ послѣдній кончилъ самоубійствомъ, и Прудонъ, вмѣсто барышей, долженъ былъ болѣе десяти лѣтъ убыточно возиться съ этой типографіей, давшей ему подъ конецъ десять слишкомъ тысячъ франковъ чистаго долга. Какъ

и чѣмъ онъ существуетъ въ этотъ періодъ? Трехлѣтней стипендіей, изъ которой двѣ-трети онъ отсылаетъ домой на уплату долговъ и поддержку близкихъ; потомъ частной службой судоприказчика у людей богатыхъ и признательныхъ ему; но изъ этой многолѣтней службы онъ вышелъ такимъ же круглымъ бѣднякомъ, какимъ и вступилъ въ нее. Вотъ мы и дошли уже до эпохи, когда событія 1848 года выдвинули его впередъ. Но развѣ они дали ему солидное положеніе или матеріальную обеспеченность?!.. Какъ издатель журнала и какъ депутатъ, Прудонъ попадалъ изъ одной бѣды въ другую: запрещенія, процессы, тюрьма — вотъ обстановка его дѣятельности. Его разорили какъ журналиста и основателя банка; его выдали товарищи-депутаты, и даже женился онъ на бѣдной работницѣ, сидя взаперти!.. Только-что онъ вышелъ изъ тюрьмы, какъ начались новыя преслѣдованія, кончившіяся бѣгствомъ въ Бельгію, гдѣ онъ существовалъ усиленнымъ трудомъ литературнаго пролетарія. Даже изъ Бельгіи долженъ онъ былъ убѣжать до истеченія срока своего изгнанія, а послѣдніе годы доканчивалъ въ безвѣстности политическаго памфлетиста, въ той же нуждѣ, съ четырьмя дѣтьми, безъ всякой прочной работы, съ совершеннымъ разстройствомъ организма, потрясеннаго, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, страшнымъ холернымъ случаемъ.

Вотъ какая мрачная и злосчастная *карьер*а наполняетъ собою промежутокъ въ пятьдесятъ-шесть лѣтъ, раздѣляющій эти два числа: 15-ое января 1809 г., день его рожденія, и 19-го января 1865 г. — день его мучительной смерти, на рукахъ жены, свояченицы и того друга, который издаетъ теперь, вмѣстѣ съ его дочерью — и переписку, и всѣ неизданныя посмертныя сочиненія.

Но стоить только прочесть хоть одинъ томъ писемъ этого неудачнаго искателя положенія (такимъ считалъ себя и Прудонъ, конечно, *по-своему*), чтобы убѣдиться въ могучемъ самообладаніи, съ какимъ онъ бился въ схваткѣ съ судьбой.

II.

Къ чему же сводилось умственное развитіе Прудона въ ту эпоху, съ которой начинается собраніе его писемъ, помѣченныхъ точными числами, т.-е. въ 1837 году? До этой эпохи, въ первомъ томѣ «Переписки», мы находимъ всего *пять* писемъ къ г. Мюйрону, совсѣмъ безъ означенія настоящаго года, но несомнѣнно изъ 30-хъ годовъ, раньше 1837-го года; и одно письмо

въ Вейссу, помѣченное 1836-мъ годомъ. Этотъ Вейссъ былъ членъ безансонской академіи, въ которой Прудонъ задумалъ обратиться для полученія стипендіи «Сюара». Его довлѣдная записка и открываетъ собою въ «Перепискѣ» рядъ писемъ съ вполне точными числами. Она помѣчена 31-мъ мая 1837 года.

Прудону пошелъ въ 1837 году—*двадцать-восьмой* годъ. При его здоровой, крупной, рано сложившейся натурѣ, такой возрастъ вполне достаточенъ для выработки не только нравственнаго характера въ его видовыхъ чертахъ, но и главныхъ особенностей умственнаго склада.

Мы знаемъ, что онъ учился, какъ у насъ говорятъ: «на мѣдныхъ деньгахъ». Наборщикъ, не могшій даже по бѣдности кончить гимназическаго курса, принужденный ходить по разнымъ городамъ искать работы и изучать свое дѣло, долженъ былъ довольствоваться ролью самоучки. Книги, попадавшіяся ему въ руки, на всемъ протяженіи его юношескихъ и молодыхъ лѣтъ, въ званіи простаго наборщика и мастера-типографа — были, по преимуществу, книги *словесныя*. Этотъ фактъ (какъ читатель увидитъ самъ) направилъ мысль Прудона по такому пути, по которому онъ не пошелъ бы, еслибъ его подготовительное развитіе совершилось — съ другими книгами въ рукахъ. Прудонъ набиралъ и читалъ, почти исключительно, теологическія и филологическія сочиненія. Этотъ почти исключительный — не выборъ — а сортъ чтенія, навязанный ему его ремесломъ, долженъ былъ, въ свою очередь, питать его любовательность и мозговую энергію. Мы и знаемъ, дѣйствительно, что онъ — въ типографіи выучивается хорошо по-латыни и по-гречески; мало того, овладѣваетъ еврейскимъ языкомъ и начинаетъ серьезно интересоваться филологіей и научной лингвистикой. Его голова была такъ хорошо организована, что не могла ограничиться одной *формальной стороной* знанія; этой головѣ нужна была высшая работа: очистка, анализъ, сортировка, факты, отыскиваніе и установленіе законовъ. Будь у Прудона въ этотъ *зрѣдательный* періодъ его интеллигенціи другой матеріалъ, онъ и къ нему сталъ бы прилагать то же стремленіе: обобщить, найти законы, формулировать ихъ ясно и точно. Но мы ни въ чемъ не видимъ, ни въ перепискѣ, ни въ сочиненіяхъ Прудона, ни въ біографическихъ этюдахъ о немъ, чтобы онъ — юношей и молодымъ человекомъ — изучалъ *природу и ея законы*. Кромѣ теологическихъ и филологическихъ сочиненій — онъ поглощалъ все, что могъ найти для себя занимательнаго — по исторіи и *метафизикѣ*. Мы нарочно подчеркнули эту послѣднюю, чтобы сразу же указать на складъ

мышления, выработанный Прудономъ. Слово «метафизика» покажется, быть можетъ, страннымъ въ его примѣненіи въ такому реальному и безпощадному критику. Мы его удержимъ, однакожь, и постараемся показать, въ нашемъ анализѣ писемъ Прудона, что его «критика», при всей ея частичной правдѣ, мѣткости, глубинѣ и соотвѣтствіи съ законами движенія общества—все-таки держалась за такой мыслительный синтезъ, въ которомъ исходная точка была—метафизическая, а не строго-научная.

Что же видимъ мы, въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ порахъ синтетической дѣятельности Прудоновой головы? Онъ, безъ всякаго дѣтства, совершенно серьезно, и притомъ искренно и увѣренно, хочетъ, ни больше, ни меньше, какъ отыскать и установить законы образованія языковъ, съ однимъ своимъ запасомъ лингвистическихъ фактовъ. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, что для выполненія его задачи необходимы обширныя знанія по антропологии. И это—въ немъ—не пустое легкомысліе, а простое незнакомство съ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы ему начать. То же будетъ повторяться и впослѣдствіи. Мы увидимъ, какъ Прудонъ станетъ нагромождать свои системы знанія и мышленія, проявляя въ этой геркулесовой работѣ самыя могучія силы и находясь въ невѣдѣніи того, что уже сдѣлано, что уже добыто, на основаніи болѣе точнаго научно-философскаго метода. Говоря это, мы нисколько не ломаемъ копья за школьную процедуру умственнаго развитія, особливо во Франціи, гдѣ преобладаетъ и до сихъ поръ педантство и односторонность классицизма. Но можно и самому учиться, и не быть жертвой односторонней подготовки. Прудонъ ни мало не виноватъ въ томъ, что типографія вложила ему въ руки, на первыхъ порахъ его развитія, тѣ, а не инныя книги. Его голова способна была извлечь все лучшее изъ всякаго чтенія. Но односторонность этого чтенія взяла свое, а дальнѣйшая жизнь не позволила уже передѣлывать сызнова свой научный фундаментъ:

Такъ какъ настъ, главнымъ образомъ, интересуется общее міровоззрѣніе Прудона, то мы и не будемъ заниматься особенно его чисто-политическимъ развитіемъ. Эта сторона Прудонова «я» будетъ для насъ лишь отголоскомъ его общихъ идей. Въ письмахъ, предшествующихъ 1837 году, мы видимъ, что Прудонъ уже составилъ себѣ убѣжденіе въ своемъ политическомъ лозунгѣ. Онъ считаетъ себя республиканцемъ; но казимъ — на это отвѣчаютъ слѣдующія слова его, взятая изъ пятаго письма къ Мюйрону, съ которымъ онъ переписывался усердно, по поводу из-

данія безансонскаго журнала «L'Impartial», причемъ Прудонъ отказывался дать этому журналу свою подпись.

«Я держусь своихъ принциповъ», пишетъ онъ, «я ими никогда не пожертвую, что бы ни случилось; я доволенъ своимъ положеніемъ ремесленника (artisan). Я откровенный и неизмѣнный республиканецъ, по убѣжденію и чувству; но правда и то, что мой республиканизмъ не совсѣмъ тотъ, который значитсѣ у сеидовъ Робеспьера и поклонниковъ Марата. Ихъ дѣла — самое сильное ихъ осужденіе».

Такому республиканству, какъ мы знаемъ, Прудонъ остался вѣренъ всю свою жизнь, изъ чего мы и можемъ заключить, что политически онъ вполне укрѣпился въ главныхъ своихъ принципахъ еще молодымъ человѣкомъ, до его поѣздки въ Парижъ, по полученіи стипендіи Сюара. Онъ самъ комментируетъ этотъ политическій складъ свой въ первомъ письмѣ къ Мюирону, гдѣ мы читаемъ:

«По моимъ личнымъ вкусамъ, вполне чуждый политическимъ ссорамъ и преніямъ, я мало усвоилъ себѣ стиль и жаргонъ журналовъ, такъ какъ родъ моихъ занятій—совершенно далеко отъ тѣхъ познаній, какія требуются отъ редактора; въ самомъ дѣлѣ, какой толкъ можете вы извлечь изъ человѣка, *который весь свой стѣкъ занимался лишь метафизикой, языками, теологіей?*»

Вотъ и само свидѣтельство, выданное себѣ Прудономъ. Читатель замѣтитъ при этомъ, что онъ употребляетъ слово: «метафизика» не въ ироническомъ, а въ положительномъ, дѣловомъ тонѣ. Она и не возбуждала никогда его критическихъ «перуновъ»; напротивъ, онъ съумѣлъ, въ послѣдствіи, противопоставлять ее, какъ нѣчто твердое, научное, здоровое—«философіи», на которую смотрѣлъ, какъ разъ, взглядомъ современныхъ научныхъ мыслителей на метафизику.

Въ третьемъ письмѣ къ Мюирону, упомянувъ о выходѣ въ свѣтъ своего перваго научнаго труда: «Essai de grammaire générale», который онъ ему приноситъ въ даръ, Прудонъ такъ формулируетъ предполагаемое имъ значеніе этого «Опыта» и вообще своихъ трудовъ по языковеденію:

«Въ настоящую минуту, я предаюсь довольно обширнымъ и очень важнымъ изысканіямъ по языкамъ. Если мой первый опытъ удастся, онъ поведетъ, ни больше, ни меньше, какъ къ грамматическому откровенію (révélation grammaticale), ибо коль скоро будутъ признаны принципы, необходимо будетъ продѣлать и всю серію выводовъ. Я надѣюсь пойти далеко на этомъ по-

пришь, выбранномъ мною, гдѣ, по моему мнѣнію, до сихъ поръ произведены однѣ лишь развѣдки».

Мы видимъ, стало-быть, что Прудонъ, объ эту пору, серьезно готовилъ себя въ научные лингвисты, и болѣе чѣмъ вѣроятно, безъ дальнѣйшихъ толковъ личной судьбы онъ и остался бы на этомъ чисто-кабинетномъ поприщѣ. Изученіе языковѣданія преисполняло его до такой степени, что онъ не задумывается строить на немъ цѣлую научно-философскую гипотезу развитія человѣка. Съ обычной своей опредѣленностью и смѣлостью, онъ пишетъ тому же Мюирону на ту же тѣму:

«Изученіе языковъ докажетъ со временемъ, что всѣ статьи кодекса естественныхъ законовъ сводятся къ семи, какъ-бы представляющимъ собою семь чувствъ или способностей нравственной природы; докажетъ оно и то, что статей этихъ ни больше и ни меньше, и невозможно выдумать большаго ихъ числа; что этотъ законъ природы, состоящій изъ семи статей, расположенныхъ, какъ лютя Пана о семи дудкахъ, никогда не могъ быть открытъ человѣкомъ, а преподанъ ему непосредственнымъ откровеніемъ! Чтѣ бы сказали, еслибъ я сталъ вдругъ утверждать, что настанетъ минута, когда изученіе языка и физиологіи до такой степени приблизитъ насъ къ Богу, что мы будемъ и видѣть и осязать его (въ подлинникѣ «nous croirons le voir et le toucher»)? Материалисты, отрицающіе все, чтѣ не-причинная связь, механизмъ, равновѣсіе токовъ и вѣса; патеры, увѣренные въ томъ, что они одни обладаютъ знаніемъ Бога и человѣка,—весь этотъ народъ и разныя другія личности закричатъ: безуміе и скандалъ!»

Развѣ такой отрывокъ—не драгоценный документъ для исторіи развитія Прудона, какъ мыслительнаго организма! Въ немъ, какъ въ ячейкѣ, заключено ядро всѣхъ дальнѣйшихъ особенностей его мышленія. Случилось такъ, что Прудонъ, почувствовавъ потребность въ обобщеніи, имѣлъ въ рукахъ своихъ одинъ словесный, и притомъ ограниченный матеріалъ. Онъ, долго не думая, считаетъ его достаточнымъ для колоссальной гипотезы. Отчего же это такъ вышло? Оттого, что умъ Прудона съ ранней поры привыкъ доискиваться, во чтѣ бы то ни стало, какого-нибудь *первичнаго факта* и доказывать, что все, въ извѣстномъ мірѣ явленій, сводится къ нему. Въ письмѣ къ Мюирону онъ кажется наивнымъ и даже смѣшнымъ. Позднѣе, когда масса его познаній увеличится, мы уже не найдемъ въ немъ такихъ наивностей; но его блестящая и здоровая критика не избавитъ его отъ чисто-метафизической замашки: открывать общіе законы путемъ апіорическимъ. И каждый разъ его гипотезы,

теоріи и системы, страдающія все тѣмъ же недугомъ, будутъ формулированы съ одинаковой искренностью и силой убѣжденія.

Увѣренные въ этихъ нравственныхъ качествахъ Прудона, мы поставимъ такой вопросъ: когда онъ добивался отъ безансонской академіи трехлѣтней стипендіи Сюара и въ докладной своей запискѣ высказалъ, подъ конецъ, ясно формулированный имъ символъ вѣры — глалъ онъ, или нѣтъ, морочилъ академиковъ, или, дѣйствительно, говорилъ имъ то, что вытекало изъ всего его предыдущаго развитія? Мы отвѣтимъ, безъ обиняковъ: нѣтъ, онъ не глалъ, хотя и придавалъ, быть можетъ, своему «profession de foi» нѣкоторыя формы, болѣе подходившія къ идеямъ и вкусамъ академиковъ. Докладная записка, начинающая собою рядъ документовъ съ точными числами, только и важна для нашего этюда — концомъ своимъ, изложеніемъ тогдашняго Прудонова міросозерпанія. Остальное все въ этой «промеморіи» весьма интересно для біографіи Прудона по своимъ житейскимъ подробностямъ и по множеству проявленій ума и нравственнаго характера соискателя преміи. Эта сторона документа была уже показана русскимъ читателямъ — и мы на ней останавливаться не станемъ. Одну только житейскую фразу Прудона выпишемъ мы здѣсь, такъ какъ она показываетъ, до какой степени онъ и тогда считалъ литературное ремесло поденнаго журнализма жалкимъ и унижительнымъ: «быть можетъ», восклицалъ онъ, «голодь заставилъ бы меня поступить на жалованье къ какому-нибудь журналисту. Вопреки всѣмъ лишеніямъ и видамъ нищеты, чрезъ которые я прошелъ — эта крайность была бы для меня самой ужасной». Но прибавимъ, что и тогдашнее положеніе рабочаго называетъ онъ, нѣсколько дальше, «необезпеченнымъ и мизерабельнымъ».

Мы приведемъ «исповѣданіе вѣры» Прудона цѣликомъ; все, являющееся у насъ въ курсивѣ, подчеркнуто было авторомъ въ оригиналѣ.

«Послѣ всего тревоженія моихъ идей», говоритъ онъ, «и долгаго народженія (partirution) моей души, я долженъ былъ (т.-е. логически и всецѣло приведенъ былъ — дополнимъ мы) кончить; я кончилъ тѣмъ, что создалъ себѣ полную систему, составленную изъ религіозныхъ и философскихъ вѣрованій, систему, которую я могу свести къ этой простой формулѣ:

«Существуетъ первобытная философія или религія, сверхъ человеческого происхожденія, испорченная во время, предшествующее всѣмъ историческимъ эпохамъ; богослуженія различныхъ народовъ всѣ сохранили ея подлинныя и сходственные остатки. Большинство христіанскихъ догматовъ есть не что

нное, какъ суммарное выраженіе столькихъ же доказуемыхъ положеній, и можно, посредствомъ сравнительнаго изученія религиозныхъ системъ, посредствомъ внимательнаго анализа образованія языковъ, помимо всякаго другаго откровенія, доказать реальность истинъ, внушаемыхъ католической вѣрой, истинъ, необъяснимыхъ въ самихъ себѣ, но доступныхъ пониманію. Изъ этого принципа можетъ быть выведена, помощью цѣлой серии строгихъ заключеній, традиціонная философія, совокупность которой составила точную науку».

«Таково краткое изложеніе (compendium) моего, милостивые государи, исповѣданія вѣры».

Быль ли, послѣ того, неумѣстенъ нашъ вопросъ: ггалъ, или искренно говорилъ Прудонъ, обращаясь къ безансонской академіи? Какъ бы кто ни старался объяснять фразеологию Прудона, очевидно, что онъ въ эту эпоху своего развитія былъ убѣжденный метафизикъ, въ самомъ яркомъ смыслѣ слова, наклонный, въ высшей степени, къ апіорическимъ выводамъ—и къ какимъ?—Къ такимъ, въ силу которыхъ онъ долженъ былъ обратиться спиной ко всему зданію точной науки, не той, какую онъ думалъ создать изъ своей фантастической «традиціонной философіи», а настоящей, единственной, неизмѣнной. Но вышло это вовсе не по умышленному обскурантизму, а по простому невѣдѣнію, по отсутствію научнаго образованія.

III.

Подъ 1837-мъ годомъ, кромѣ докладной записки въ безансонскую академію, значится всего одно письмо—къ пріятелю Прудона—Аккерману, отъ 4-го ноября. Этотъ Аккерманъ, вмѣстѣ съ другимъ французомъ, носящимъ также нѣмецкую фамилію—Бергманомъ, его главные корреспонденты по всѣмъ отвлеченнымъ вопросамъ. Онъ былъ ближе съ Бергманомъ, чѣмъ съ Аккерманомъ, и признавалъ за первымъ больше умственныхъ и даже нравственныхъ достоинствъ. Оба пріятеля Прудона были по занятіямъ своимъ—словесники: Аккерманъ болѣе въ легкомъ родѣ, но съ претензіями на разныя теоріи и нововведенія по языкознанію; Бергманъ—филологъ въ серьезномъ родѣ, занимавшій кафедру въ стразбургскомъ университетѣ. У Прудона ни въ этотъ, ни въ дальнѣйшіе періоды и не было никакихъ друзей или интимныхъ пріятелей—не изъ словесно-метафизическаго міра, съ которыми бы онъ, изъ года въ годъ, переписывался.

Единственное письмо къ Аккерману, принадлежащее къ 1837 году, замѣчательно лишь изреченіемъ: «всякій великій писатель былъ силенъ на одномъ своемъ языкѣ», и восклицаніемъ, въ отвѣтъ на приглашеніе Аккермана — приняться за стихотворство: «*чтобъ я писалъ стихи!* (курсивъ въ подлинникѣ). Хотите вы, чтобы я далъ себѣ пустить кровь, слѣгъ въ постель, принялъ рвотнаго или *ипекакуаны*? Лучше—все это, чѣмъ стихи!»

Слѣдующій—1838 годъ—богаче корреспонденціей. Въ немъ — два письма къ г. Переннэсу, члену безансонской академіи, три— къ Аккерману, два къ Югёвэ—фактору Прудовой типографіи, и по одному—къ тремъ другимъ лицамъ, въ томъ числѣ къ доброму знакомому — Морису, съ которымъ Прудонъ долго будетъ переписываться и также долго оставаться его должникомъ. Въ первомъ письмѣ къ Переннэсу изъ Парижа, отъ 21-го февраля 1838 г., мы находимъ новое сообщеніе по поводу того вопроса: какимъ трудамъ предастся Прудонъ въ Парижѣ, если получить трехлѣтнюю стипендію Сюара? Не читая его собственнаго заявленія, мы могли-бы сами предрѣшить, что это будутъ—метафизика (какъ онъ ее разумѣлъ), филологія и, быть можетъ, философія исторіи, опять-таки какъ она ему была тогда доступна. Естествознаніе не должно было входить въ программу его занятій, не потому, чтобы академія запрещала это, а потому, что онъ никогда къ нему не стремился и не воспиталъ своего ума на систематическомъ интересѣ къ изученію точныхъ законовъ, обнимающихъ математику и естествовѣдѣніе.

Онъ прямо и рѣзко объявляетъ академіи, въ лицѣ г. Переннэса, что не намѣренъ ходить на лекціи права, и продолжаетъ:

«*Вся система нашихъ законовъ основана на принципахъ, немѣющихся въ себѣ ровпо ничего философскаго; имъ противорѣчить, какъ естественный законъ, такъ и законъ откровенія, — таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Мнѣ не трудно было бы привести тому не мало примѣровъ и подтвердить это авторитетомъ двадцати писателей. Человѣческія условности (conventions), основанныя на побѣдѣ, рабствѣ, силѣ, привилегіи или варварствѣ — вотъ основа нашего права. Еще нѣсколько вѣковъ, и съ нашей юриспруденціей будетъ то же, что и со старой химіей при появленіи Лавуазьё, Пристлеевъ и Дэви: отъ нея ничего не останется, рѣшительно ничего; развѣ какія-нибудь развалины, которыя найдутъ себѣ настоящее мѣсто въ истинномъ правосудіи Бога и природы.*»

Здѣсь — изумительна смѣсь изъ научныхъ именъ по естествознанію (показывающихъ, что Прудонъ не былъ совершен-

но чуждъ знакомства съ его успѣхами) и какового-то *откровеннаго закона* (*loi révélée*), о которомъ онъ говоритъ вполне серьёзно. Изъ всего письма, представляющаго собою полнѣйшее «*profession de foi*», видно, что Прудонъ могъ заняться въ Парижѣ чѣмъ ему угодно, и считалъ себя одинаково незнающимъ и по юриспруденціи, и по другимъ специальностямъ. Онъ разбираетъ эти специальности: право онъ отвергаетъ, про медицину говоритъ также пренебрежительно, считая ее чистымъ эмпиризмомъ. Но о точной наукѣ Пристлеевъ, Гей-Люсаковъ и Дэви онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ—точно будто ея и не существовало въ Парижѣ, преисполненномъ, и тогда и теперь, средствъ къ даровому образованію по всѣмъ отраслямъ науки о природѣ. Ему хочется пуститься въ философію вообще и въ примѣненіе ея къ языкознанію.

Послушаемъ, какъ онъ разсуждаетъ, не забывая, что эти разсужденія обращены къ непремѣнному секретарю академіи, удостоившей его стипендіи:

«Ж. Ж. Руссо говоритъ гдѣ-то: «философія, не имѣющая ни дна, ни береговъ, лишенная первичныхъ идей и основныхъ принциповъ, есть не что иное, какъ море неувѣренностей и сомнѣній, изъ которыхъ никогда не выпутается метафизикъ». Онъ прибавляетъ, что самъ онъ бросился въ философію чувства, въ лоно религіи, вслѣдствіе безсилія—достичь разумомъ познанія какового-либо утѣшительнаго догмата. Но полно, правда-ли, что человѣческій разумъ долженъ отчаяться въ самомъ себѣ, что онъ не въ состояніи добыть ничего, кромѣ вѣры, что вѣрить, а не понимать—его послѣднее усиліе.

Что до меня, если мнѣ дозволено разсуждать по-человѣчески о томъ, что мы называемъ *откровеніемъ*, я прозрѣваю въ немъ основу всемірной философіи, притомъ совершенно практической, догматы которой, въ ихъ самомъ научномъ выраженіи, въ ихъ самой простой формѣ, пережили всѣ соціальныя перевороты, всѣ порчи и униженія человѣчества; но причина ихъ, доказательства, выводы и связь—намъ не даются, потому что мы потеряли наши метрическіе акты (*titres de notre naissance*), потому что свидѣтельство о нашемъ крещеніи пропало, потому что—какъ говоритъ Соломонъ: *non est priorum memoria*. Я твердо вѣрю въ то, что мы еще при жизни можемъ приобрѣсти ту полноту пониманія, которую св. Павелъ обѣщалъ намъ, какъ одно изъ условій небеснаго блаженства; не потому, что мы можемъ достигь безконечнаго и вполне проникнуть въ него, что недоступно нашей ограниченной и случайной (*contingent*) природѣ; я

разумѣю лишь то, что это познаніе, обѣщанное вѣрой своимъ избранникамъ въ будущей жизни и состоящее въ пониманіи *сущности* (comment) и *причины* (pourquoi) религиозныхъ истинъ — мы можемъ его приобрѣсти и въ этой жизни. Въ число этихъ догматовъ религіи, разумѣемыхъ мною и называемыхъ мною же *положеніями* забытой философіи, я ставлю: существованіе Бога, безсмертіе души, Троицу, первородный грѣхъ, вождельніе, о которомъ говоритъ св. Іаковъ, и всѣ истины евангельской морали, на которыя въ настоящее время такъ нападаютъ потому только, что мы не понимаемъ ихъ и что одинъ нашъ разумъ недостаточенъ для ихъ защиты».

Мы, конечно, не станемъ входить въ разборъ такого отрывка. Но читатель самъ легко согласится съ тѣмъ, что въ метафизическихъ воззрѣніяхъ Прудона, выписанныхъ нами, слѣдуетъ признать развитіе того «исповѣданія вѣры», каковымъ онъ закончилъ свою докладную записку безансонской академіи. Не трудно видѣть въ подобныхъ опытахъ мышленія полное незнанство съ методами, которымъ точное знаніе обязано своимъ развитіемъ. Поэтому-то умъ Прудона и прилѣпился къ области quasi-точныхъ изслѣдованій, гдѣ можно было бы, съ большой легкостью, позволять себѣ всякія обобщенія. Онъ заявляетъ секретарю академіи, что языковѣдѣ, на философской подкладкѣ (какъ онъ ее понималъ), займетъ его въ Парижѣ сильнѣе всего остального.

«Я осмѣлился», пишетъ онъ, «сказать въ концѣ моего маленькаго *Трактата общей грамматики*: «такъ какъ слова — знаки идей, то исторія языка должна быть исторіей философіи, а происхожденіе языка, разъ объясненное, должно дать разумнѣе источникъ человѣческихъ познаній». Развитію этого положенія будутъ посвящены первые лингвистическіе и философскіе труды, которымъ я въ состояніи буду предаться».

Вслѣдъ за тѣмъ идутъ уподобленія, объясняющія процессъ изысканій по языку и взятыхъ изъ области археологіи. Онъ уже предсказываетъ себѣ будущность новатора и творца этой философіи языковѣдѣнія:

«Но вотъ является человѣкъ и говоритъ: «я соберу всѣ развалины, я прилажу всѣ эти куски камня, я возсоздамъ заново храмъ, я расскажу вамъ, какія у него были пропорціи, я обнаружю имя божества, которому тамъ поклонялись, я раскрою сущность его таинствъ, я объясню, въ чемъ состояло ученіе посвященныхъ, я покажу связь между символами и ихъ философскимъ смысломъ». Развѣ человѣкъ этотъ не пошелъ бы дальше дру-

гихъ? Вотъ это-то и остается сдѣлать въ *философіи* языка, и если я не добьюсь жатвы, по крайней мѣрѣ я первый проникну въ загородъ, дотолѣ запертую для всѣхъ интеллигенцій».

Намѣтивъ свою цѣль, Прудонъ сознаетъ, какъ она не легка; но онъ увѣряетъ, что года черезъ два представить безансонской академіи опытъ «Всемірной грамматики». А пока, онъ собирается писать сочиненіе на премію съ такимъ заглавіемъ: «Ислѣдованія объ откровеніи, или философія, служащая введеніемъ во всемірную исторію». Такими темами онъ могъ задаваться и въ Безансонѣ; не стоило совсѣмъ переѣзжать въ Парижъ, который онъ «отдѣлываетъ» въ концѣ того же письма. Его нападки на извращенную столицу, при всей ихъ относительной правдѣ, показываютъ, что Прудонъ слишкомъ горячо отзывался на обыденныя явленія, на эфемерные продукты литературы и прессы, вмѣсто того, чтобы искать въ томъ же Вавилонѣ людей мысли и воли, средствъ къ всестороннему и дѣйствительно-научному развитію. И этихъ людей, и эти средства можно было тамъ найти въ 1838 году, какъ не трудно отыскать ихъ и теперь, когда Парижъ еще печальнѣе политически, чѣмъ при Луи-Филиппѣ, а «Figaro» продаетъ ежедневно *семьдесятъ и больше тысячъ экземпляровъ*. Симпатично у Прудона и въ преувеличенныхъ нападкахъ на Парижъ здоровое чувство провинціала, вѣрующаго въ возрожденіе Франціи путемъ децентрализаціи. Раса, откуда онъ самъ вышелъ, кажется ему всего болѣе способною на возрождающую роль. Онъ указываетъ на то, какъ она сохранилась въ теченіи тысячелѣтій въ своихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ, и съ дѣйствительнымъ одушевленіемъ восклицаетъ: «мнѣ кажется, во всемъ этомъ есть элементы, приготовленные для національнаго возрожденія!» Онъ призываетъ всѣхъ людей съ тою же вѣрою въ сердцѣ — работать надъ мѣстнымъ развитіемъ; академіи указываетъ онъ на ея высокой долгъ, и кончаетъ наивнымъ, но искреннимъ предсказаніемъ: «*la Franche-Comté peut devenir l'arche du genre humain*». Но мы увидимъ, что его Безансонъ, при всей своей провинціальной неиспорченности, не натолкнулъ его на критику общественнаго строя—дѣло всей его жизни, что вызвало, какъ разъ, легкомысленный и измельчавшій Парижъ!..

Въ письмѣ къ Потье, отъ 9-го апрѣля 1838, фраза: «философія должна выдти изъ древности языка и *миѳологии*» — ясно показываетъ, что голова Прудона продолжаетъ быть занятой тѣми же обобщеніями фантастической философіи, или теологической метафизики. Авкерману онъ не развиваетъ своихъ положеній ни въ письмѣ, отъ 13-го іюня, ни въ письмѣ, отъ 20-го ав-

густа; а, отъ 16-го сентября, онъ говорить, что никому не открываетъ въ Парижѣ своихъ мыслей, такъ какъ все вокругъ него поражено или ханжествомъ, или практическимъ матеріализмомъ. Подъ этимъ «все» слѣдуетъ однако разумѣть очень ограниченный кругъ его знакомыхъ. А чтобы убѣдиться, до какой степени онъ былъ чуждъ тогда всякой солидарности съ серьезными представителями *точного знанія*—стоить только заглянуть въ письмо, отъ 9-го декабря 1838 г., къ тому же Переннэсу, гдѣ Прудонъ, упомянувъ объ ученомъ Мовэ, говорить: «весьма сильно сожалѣю о томъ, что его ремесло астронома такъ далеко отъ моихъ метафизическихъ привычекъ». Но что же ему стоило совратить «свои метафизическія привычки» и приблизить себя къ людямъ науки? Онъ бы и приблизился къ нимъ, еслибы не предварительная заваска, заставившая его смотрѣть на свою «метафизику», какъ на нѣчто разрѣшающее всѣ вопросы бытія и мышленія. Онъ говорить о своихъ «привычкахъ» безъ всякаго укора самому себѣ; совсѣмъ напротивъ! Передавая свой разговоръ съ Дрозомъ, старымъ академикомъ, къ которому онъ попалъ подъ надзоръ и опеку, Прудонъ подсмѣивается надъ нимъ, хотя въ словахъ Дроза, что философія, выбранная Прудономъ специально, была, въ то время, во французскомъ университетскомъ мірѣ, не больше, какъ «исторія философіи»,—не было ничего глупаго. Возраженія Прудона своему «тѣтору»—дѣльны: по его мнѣнію, философія далеко еще не сказала послѣдняго слова; но болѣе, чѣмъ наивно, для человека, мѣтившаго въ новаторы мышленія, находить Жуффруа—извѣстнаго эклектика — «единственнымъ философомъ въ Европѣ, достойнымъ этого имени». Электизмъ, да и вся университетская философія Франціи не только иностранными критиками, но и такими французами, какъ, напр., Тэнъ, достаточно разоблачена. Тэнъ, учившійся въ Нормальной школѣ, вопреки своей школьной дрессировкѣ, тотчасъ почти по выходѣ изъ заведенія подвергъ смѣлой и блестящей критикѣ всѣхъ этихъ безсодержательныхъ метафизиковъ, въ своихъ этюдахъ о «французскихъ философахъ XIX-го вѣка»—и этимъ онъ, конечно, обязанъ Парижу и духу, на которомъ воспиталась генерація, вышедшая съ нимъ вмѣстѣ изъ Нормальной школы. А Прудонъ, въ своемъ провинціальномъ недовѣрїи къ окружающему, выдавалъ патенты міровыхъ мыслителей эклектикамъ, въ родѣ Жуффруа, и проглядѣлъ въ Парижѣ, куда прїѣхалъ набираться уму-разуму, какъ разъ то, что ему слѣдовало воспринять всецѣло.

«Убѣждаюсь», говорить онъ въ томъ же письмѣ, «что въ Парижѣ надо отказаться отъ надежды встрѣчать людей, умъ ко-

торыхъ способенъ былъ бы схватить и обнять какой бы то ни было научный синтезъ; французскій умъ вообще слишкомъ геометриченъ, слишкомъ наклоненъ къ дедукціи и не восходитъ также хорошо отъ фактовъ къ общимъ законамъ всего сущаго. Здѣсь нѣтъ недостатка въ ученыхъ, въ людяхъ съ дѣйствительнымъ достоинствомъ, достигшихъ этого развитостью и трудомъ; но способность, граничащая съ предвѣдніемъ, та, что создала Ньютоновъ и Декартовъ, способность, рождающая полную систему, метафизическое цѣлое — эта способность рѣдко встрѣчается въ нашемъ отечествѣ. Французъ изумителенъ въ анализѣ, въ совершенствованіи чего-либо; но у него нѣтъ внезапныхъ вдохновеній, дающихъ общіе взгляды и соображенія *a priori*...

И въ видѣ заключительнаго аккорда, онъ рѣшаетъ:

«Я положилъ — отказаться отъ слушанія лекцій, на которыя я смотрю, какъ на совершенно ненужную національную роскошь. Когда-нибудь, если хотите, я васъ могу потѣшить глупостями, какими тамъ угощаютъ».

Читая выписку о неимѣніи въ Парижѣ ни одного ума, способнаго на научный синтезъ, можно только пожалѣть о томъ, что Прудонъ имѣлъ слишкомъ мало знакомыхъ, что онъ не читалъ того, въ чемъ именно нуждался. Не забудьте, что мы цитировали изъ письма, относящагося къ 1838 году. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, не было тогда во Франціи ни одного снѣтетическаго ума?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, сдѣлаемъ выдержку совсѣмъ изъ другого источника.

«Курсъ этотъ — пишеть въ своемъ предисловіи Огюсть Контъ въ концѣ 1829 г. — общій выводъ всѣхъ моихъ трудовъ, со времени моего выхода изъ политехнической школы, въ 1816 г., былъ открытъ впервые, въ апрѣлѣ 1826 г. Послѣ нѣсколькихъ лекцій, серьезная болѣзнь помѣшала мнѣ тогда продолжать дѣло, вызвавшее поощреніе со стороны многихъ первоклассныхъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ я могу назвать гг. Александра Гумбольдта, Блэнвиля и Пуансо — членовъ академіи наукъ, пожелавшихъ прослѣдить съ особеннымъ интересомъ изложеніе моихъ идей. Я читалъ снѣнова этотъ курсъ прошлой зимой, начиная съ 4-го января 1829 г., передъ аудиторіей, въ которой пожелали присутствовать: г. Фурнье, безсмѣнный секретарь академіи наукъ; гг. Блэнвиль, Пуансо, Навье, члены той же академіи; гг. профессора: Бруссе, Эскироль, Бикѣ и др., которымъ я приношу здѣсь мою благодарность за то, какъ они приняли эту новую философскую попытку.

«Убѣдившись таими заявленіями сочувствія, что курсу моему можетъ быть придана большая гласность, я счелъ нужнымъ из-

ложить его, текущей зимой, въ Королевскомъ Парижскомъ Атеней, гдѣ онъ и открылся 9-го декабря...

«Чтобы покончить эту историческую замѣтку, не мѣшаетъ сообщить, что нѣкоторыя изъ основныхъ идей, вошедшихъ въ курсъ, были уже мной введены въ первую часть сочиненія, озаглавленнаго «*Система положительной политики*», отпечатаннаго въ маѣ 1822 г. въ 100 экземплярахъ, и въ большемъ количествѣ въ 1824 г. Эта первая часть не была еще какъ слѣдуетъ распространена, а только сообщена въ видѣ печатныхъ экземпляровъ очень многимъ европейскимъ ученымъ и философамъ. Она будетъ пущена окончательно во всеобщее обращеніе лишь вмѣстѣ со второй частью, которую я надѣюсь выпустить въ концѣ 1830 года...

«Между моей положительной философіей и тѣмъ, что англійскіе ученые понимаютъ, со временъ Ньютона, подъ именемъ естественной философій, существуетъ большая аналогія. Но я не могъ выбрать ни это послѣднее названіе, ни терминъ — философія наукъ — который былъ бы нѣсколько точнѣе, потому что ни та, ни другая не касаются всѣхъ родовъ явленій, между тѣмъ какъ положительная философія, подъ которой я разумѣю изученіе социальныхъ явленій, наравнѣ съ другими, обозначаетъ однообразный методъ мышленія, примѣнимый ко всѣмъ предметамъ, на каковыхъ умъ человѣческой можетъ упражнять себя...»

Такъ говорилъ еще въ концѣ 20-хъ годовъ ученикъ политехнической школы, а потомъ скромный ея репетиторъ, открывшій полный курсъ *научнаго синтетическаго мышленія*, сперва въ 1826, а потомъ въ 1829 году, и къ нему въ качествѣ простыхъ слушателей являлись такіе ученые, какъ Гумбольдтъ, Блэнвилль, Эсвиросъ. Положимъ, Прудонъ не могъ его слушать, не бывши въ эту эпоху въ Парижѣ; но онъ очень и очень могъ познакомиться съ его ученіемъ. Въ 1838 году въ продажѣ были уже три тома «Системы» Конта, гдѣ жаждавшій *синтеза* Прудонъ нашелъ бы строго-научныя основы положительнаго міровоззрѣнія, обнимавшія уже все неорганическое царство. Узнали же и Конта, и его ученіе такіе заграничные умы, какъ Бокль и Милль, усвоившіе себѣ всѣ существенныя части его *научной* системы. Мы увидимъ, что и Прудонъ познакомится съ «синтезомъ» своего соотечественника; но когда? Уже слишкомъ поздно; когда онъ самъ закончилъ цѣль своего философскаго развитія и формулировалъ его въ книгѣ, которую мы приведемъ въ связи съ его перепиской. Тяжелая работа самоучки, со всѣми ея просмотрами и промахами, конечно, не отнимаетъ ничего ни у нравственнаго

достоинства Прудона, ни даже у его умственного дарованія. Напротивъ, нельзя не изумляться его инициативѣ. Безъ должной опоры въ синтезѣ, подобномъ системѣ Конта, онъ приходитъ поздно, почти во всемъ главномъ, къ выводамъ, вполне отвѣчающимъ на запросы положительнаго мышленія. Но сколько даромъ потраченныхъ силъ, сказавшихся противорѣчіями и односторонностями, уже неисправимыми!

Чѣмъ же довольствовался Прудонъ, имѣя всю возможность усвоить себѣ методъ Конта? Въ концѣ все того же длиннаго письма онъ сообщаетъ:

«Я буду полегоньку готовиться къ степени кандидата филологіи; а пока я занимаюсь немного философіей (мы видѣли *какой*) и грамматикой; я перевожу изъ Исаяи и Андреселя, и примусь скоро за нѣмецкій и санскритскій языки».

По-нѣмецки онъ такъ и не выучился.

Въ письмѣ къ Морису, заключающемъ собою за 1838 годъ всѣ посланія интеллигентнаго характера, Прудонъ, прозрѣвая свою судьбу, какъ человѣкъ убѣжденій, восклицаетъ:

«Успѣвать въ жизни и сохранять нетронутыми мои идеи и мой характеръ — двѣ вещи, одна другой противорѣчающія; вы легко угадаете, какую изъ нихъ я принесу въ жертву».

Изъ-за его тогдашнихъ «идей» еще не стоило ничѣмъ почти жертвовать; но онъ на нихъ и не остановился, вопреки упорству своей природы, о которой онъ говоритъ тутъ же:

«Вы знаете, что въ моихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ участвуетъ немного и упорство. Пусть такъ. Если во мнѣ есть какой толь, то благодаря лишь этому».

Деревенское упрямство, дѣйствительно, сидѣло въ его натурѣ; но голова, искавшая постоянно просвѣта и исхода, мѣшала вдаться въ какое-бы то ни было обскурантное, или черезчуръ личное «самодурство» мышленія. И явись у него *во-время* руководительный синтезъ, отпало-бы отъ него и то личное, что мы увидимъ въ каждомъ моментѣ развитія Прудона.

IV.

Слѣдующій, 1839 годъ, богатый числомъ писемъ — ихъ счѣтомъ *тридцать* — содержитъ всего пять писемъ къ его интеллигентнымъ друзьямъ: четыре къ Аккерману и одно къ Бергману, относящіяся къ самому концу года. На долю Мориса, съ которымъ у Прудона полу-дѣловыя, полу-пріятельскія сношенія, при-

ходится восемь писемъ; всего больше ихъ (числомъ девять) къ фактору Югёна, всего менѣе цѣнныхъ для нашей задачи. Два письма къ Переннэсу и три къ Потье, кромѣ письма къ нѣвскому г. Брюнэ-де-ла-Ренудерь, исчерпываютъ списокъ писемъ къ частнымъ лицамъ. Кромѣ того, значится одно письмо, отъ 13-го іюля, къ безансонской академіи. Съ него-то мы и начнемъ, нарушая хронологическій порядокъ, такъ какъ въ немъ Прудонъ резюмируетъ, по прошествіи слишкомъ одного года, свои занятія въ Парижѣ на счетъ стипендіи Сюара.

«Вотъ уже восемь мѣсяцевъ какъ я, вернувшись изъ Безансона, работаю, смѣю сказать, со всею силою моей воли и свободой ума моего; но успѣхи мои еще слишкомъ незначительны, чтобы говорить о нихъ. Я предавался различнымъ упражненіямъ по филологіи, литературѣ и критикѣ; но не могу еще сказать: сколько было въ нихъ дѣла, такъ какъ въ одномъ я былъ самъ—единственный судья, а въ остальномъ критика была слишкомъ общей, чтобы имѣть дѣйствительную знаменательность. Единственный хорошій результатъ моихъ трудовъ—это то, что я самъ распозналъ собственную слабость. *Я покинулъ множество мнѣній, которыхъ съ любовью держался, признавъ ихъ ложными; а тѣ, которыя я считалъ новыми и до сихъ поръ удерживаю, уже излагаются и развиваются другими;* что же до результатовъ, на какіе я надѣялся отъ нѣкоторыхъ моихъ трудовъ, я научился умѣрять свой энтузіазмъ и не слишкомъ увлекаться надеждами».

Выходить, стало-быть, что прошло какихъ-нибудь восемь или десять мѣсяцевъ, и Прудонъ, несмотря на свое упрямство, уже отказывается отъ идей и воззрѣній, разъ увидавши ихъ ложность или фантастичность, и не затрудняется заявить, что вещи, казавшіяся ему новыми и имъ однимъ выдуманнами, давнымъ-давно сказаны и даже повторяемы были другими.

«Я продолжаю медленно (читаемъ мы дальше въ томъ же письмѣ отчетъ), но безъ перерыва, изученіе греческаго и еврейскаго; я не пойду дальше этого въ лингвистикѣ: примѣръ достойнѣйшихъ людей заставляетъ меня предпочитать немногое, но хорошо сдѣланное. Я слишкомъ заподавалъ, чтобы надѣяться на блестящіе успѣхи въ лингвистикѣ, *въ тѣсномъ смыслѣ*, наукъ, уже значительно подвинутой впередъ и способной, рано или поздно, занять мѣсто впереди, какъ естественная исторія человѣческой мысли. Поэтому-то, объясненіе древнихъ писателей есть для меня одинъ поводъ къ философскимъ и литературнымъ изслѣдованіямъ; но чтобы увѣрить васъ въ полезности такихъ ра-

богъ, позвольте мнѣ заявить вамъ, господа, что эта руда со-всѣмъ еще не истощена и что мы до сихъ поръ заимствовали у произведеній древнихъ одну лишь форму».

Изъ другихъ писемъ мы знаемъ, что Прудонъ, рѣшившись работать неторопливо, безъ всякой формальной цѣли: добиться степени, или отличія, долженъ былъ, вслѣдствіе долговъ, пробавляться всякими непроизводительными работами, изъ-за вуска хлѣба. На эти работы онъ не смотрѣлъ, какъ на свои литературныя произведенія, и въ письмѣ (отъ 13-го же іюля) къ г. Брюнѣ-де-ла-Ренудьеръ онъ говоритъ, что не напечаталъ еще ни единой строки, ни въ одномъ журналѣ, за исключеніемъ журнала «Instruction publique», куда онъ далъ одну статью «de complaisance». Прудонъ сообщаетъ своему корреспонденту, вошедшему въ переговоры съ его типографіей въ Безансонѣ, что факторъ Югёна получилъ отъ него приказаніе взять работу по самой дешевой цѣнѣ. И тутъ же онъ прибавляетъ нѣчто, ясно показывающее, что въ Прудонѣ, *уже объ эту пору*, заговорило чувство соціальной справедливости, нисколько не заглушенное его странной метафизикой.

«Хорошія доктрины, милостивый государь, начинаются принципомъ, въ силу котораго всѣ на свѣтѣ должны жить, а правда должна раздаваться даромъ тѣмъ, кто ее желаетъ распространять: *Quid gratis accepitis, gratis date*. Я повѣрю вашимъ великодушнымъ намѣреніямъ, когда вы перестанете не довѣрять честному рабочему и торговаться изъ-за его ничтожнаго заработка. Я могъ-бы изложить вамъ здѣсь нѣкоторые изъ моихъ *политическихъ мнѣній о правахъ автора и журналиста* и о преимуществахъ (*privilèges*) рабочаго; оставляю ихъ для одного изъ вашихъ первыхъ номеровъ, если вамъ угодно будетъ воспользоваться моими станками и сотрудничествомъ моего пера. Мнѣ кажется, что я *не принадлежу ни къ какому мнѣнію*; поэтому мнѣ все равно, какою журналъ будетъ меня печатать, только чтобы онъ не навязывалъ мнѣ своихъ взглядовъ и манеры говорить».

Съ такой независимостью и шириной практическаго отношенія къ партіямъ Прудонъ прожилъ весь свой вѣкъ, за самыми малыми исключеніями. Но и въ 1839 г. Прудонъ напрасно говорить, что у него нѣтъ «мнѣній». Правда, онъ употребляетъ это слово въ чисто политическомъ смыслѣ; но мы видѣли, что гораздо раньше онъ объявилъ себя (хоть и по-своему) *убѣжденнымъ республиканцемъ*.

Письма къ Аккерману начинаются съ сентября. Въ первомъ

изъ нихъ, отъ 9-го, Прудонъ разсказываетъ о результатахъ конкурса по сочиненію на тѣму *Воскресенье*, предложенному безансонской академіей. Аккерманъ участвовалъ въ этомъ конкурсѣ вмѣстѣ съ Прудономъ, который медали не получилъ. Изъ письма Прудона мы видимъ, что и тѣму о воскресеніи онъ сумѣлъ обработать «съ смѣлыми, не своевременными положеніями, съ теоріями по политикѣ и спекулятивной философіи, системами равенства и т. д.», но *ортодоксальность* его мемуара была найдена академіей безупречною. Онъ формулируетъ такъ приговоръ академіи:

«Это показываетъ, что у моихъ судей совѣсть христіанина не могла не признать того, что благоразуміе чиновниковъ и членовъ корпораціи запрещали санкціонировать».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 15-го октября, онъ такъ себя характеризуетъ:

«Я, какъ и вы, ничего ни отъ кого не жду и вернусь, въ будущемъ году, въ свою лавочку, *вооруженный съ ногъ до головы противъ цивилизаціи; да и теперь уже я начинаю войну, которая кончится лишь съ моей смертію*».

Конечно, въ письмахъ къ академику Переннэсу онъ не считаетъ нужнымъ вдаваться въ такія признанія. Онъ сообщаетъ фактическія вещи изъ своей парижской трудовой жизни, признавая себя нравственно-обязаннымъ отдавать отчетъ той академіи, которая помогла ему субсидіей. Онъ совершенно свободно говоритъ о томъ, что на публичные курсы не ходитъ, такъ какъ прошло время Вильмэновъ, Гизо и Ла-Ромигьеровъ, и еще разъ повторяетъ, что всѣ публичные курсы Парижа — по его мнѣнію — *національная роскошь*. Но кое въ кому онъ все-таки заглядывалъ, и разбираетъ ихъ манеру ѣдко и остроумно. Вотъ образчики:

«Эти господа, по большей части, открываютъ свои курсы какъ только можно позднѣе; лекціи ихъ—до крайности коротки, вдобавокъ они стараются говорить медленно и повторять фразы, такъ что по прошествіи часа всѣ благодарны имъ за то, что они кончили. Признаю охотно всѣ преимущества импровизованной лекціи, прочтенной, какъ-бы безъ приготовленія, *ex abrupto*; но я всегда буду утверждать, что въ томъ случаѣ, когда природа отказала намъ въ этомъ дорогомъ дарѣ, лучше говорить по писаннымъ замѣткамъ, позволяя себѣ изрѣдка экспромты, какіе вызвать въ данную минуту предметъ или сама аудиторія».

Профессора философіи Даримона, читавшаго о Гассенди, Прудонъ описываетъ, какъ самаго бездарнаго лектора. Его сочиненія онъ тоже читалъ: они многословны и напыщены; но все-таки

порядочно написаны; на лекціи же этотъ Даримонъ выдавливаешь изъ себя каждое слово. Слушалъ Прудонъ и Вашерб до сихъ поръ здравствующаго въ качествѣ депутата. Онъ находитъ Вашерб, болѣе талантливымъ, по дару слова, но считаетъ его взгляды по исторіи древней философіи слишкомъ поверхностными; въ особенности взглядъ Вашерб на Сократа, котораго тотъ желаетъ очистить отъ обвиненія въ образованіи системъ, противорѣчившихъ одна другой. По мнѣнію Вашерб, ни Аристиппъ — глава киренейской школы, ни Антисеенъ — глава школы цинической, не были вовсе прямыми учениками Сократа. Прудонъ замѣчаетъ на это: «дѣло просто сводится къ тому: можно ли доктрины Аристиппа и Антисеена вывести строгимъ путемъ изъ началъ, установленныхъ Сократомъ? Я думаю, что можно, и весь свѣтъ былъ того же мнѣнія, до толкованія г. Вашерб». Возраженіе свое Прудонъ подкрѣпляетъ доводами, выраженными съ обычною ясностью, а по поводу философіи Сократа, откуда вышли противорѣчивыя системы, замѣчаетъ: «Такова была, во всѣ времена, злосчастная судьба доктринъ *juste-milieu*, въ которыхъ нѣтъ настоящаго критерія, принципа и точности; онѣ не смѣютъ идти ни вправо, ни влѣво, потому что видятъ вездѣ пропасти». Курсъ литературы Жерюзеза Прудонъ также критикуетъ, хотя и находитъ, что лекторъ ведетъ его лучше другихъ, потому что не надѣется на свои импровизаціи, и разъ въ недѣлю резюмируетъ ихъ по тетрадкѣ. Не согласенъ онъ и съ манерой Жерюзеза: повторяетъ постоянно, что такіе писатели, какъ Ла-Брюйеръ, Мольеръ и Лафонтенъ — неподражаемы, и что они превзошли древнихъ, каждый въ своемъ родѣ. Прудонъ находитъ, что такія сопоставленія неразумны; каждая эпоха цивилизаціи могла дать только своихъ писателей. Поэтому, знаменитостей французской литературы и не слѣдуетъ, по его мнѣнію, ставить выше соответственныхъ римскихъ классиковъ; и тѣ, и другіе — равны по своему достоинству. Онъ это показываетъ на примѣрахъ древнихъ комиковъ: Аристофана, Плавта и Теренція; затѣмъ на Лафонтенѣ, Эзопѣ и Федрѣ. Вообще, все это мѣсто письма написано съ дѣльностью и ловкостью скорѣе профессора, чѣмъ провинціала — студента, не имѣвшаго даже степеня бакалавра. Прудонъ оговаривается: «потому», пишетъ онъ, «я распространился такъ объ этихъ трехъ профессорахъ, чтобы вы знали, почему я не хожу на ихъ лекціи, когда меня станутъ упрекать въ томъ, что я не посѣщаль Сорбонны».

Вслѣдъ затѣмъ идетъ отчетъ и объ его чисто-философскихъ занятіяхъ. Это касается ближе его главнаго умственнаго интереса, почему мы и выпишемъ все мѣсто цѣликомъ:

«Около шести недѣль, какъ я знакомлюсь съ главными произведеніями нашихъ профессоровъ философіи. Я читалъ г. Жуффруа, г. Кузена, г. Даримона, г. Тюрб, г. Кардальяка и проч. Не могу вамъ выразить, до какой степени это чтеніе утомляетъ меня, какъ мнѣ дѣлаются противны и доктрины, и ихъ составители. Мнѣ достаточно было-бы и той уловки, той постоянной стачки, какую я вижу въ нихъ, чтобы всѣхъ ихъ возненавидѣть. Г. Кузенъ восхваляетъ г. Даримона и г. Жуффруа; г. Жуффруа беретъ подъ защиту г. Даримона и г. Кардальяка; г. Даримонъ и г. де-Кардальякъ, въ свою очередь—*cantant et recantant*; это—поучительная взаимность похвалъ и лести, но пожалуйста не ждите, чтобы они сказали, когда-нибудь, хоть одно слово про философа, стоящаго внѣ ихъ воторіи или съ идеями, идущими въ разрѣзъ съ ихъ доктринами; нѣтъ, добросовѣстность не доводитъ ихъ до такой самоотверженности. Все это дѣлаетъ меня еще придиричивѣе и злобнѣе, чѣмъ какимъ я пріѣхалъ сюда. Я видѣлся два раза съ г. Дрозомъ; я былъ разъ съ визитомъ у г. Жуффруа—на томъ я и повончилъ.

«Меня не тревожитъ никакое чувство преувеличенной независимости: тотъ, кто можетъ признаться во всемъ, что онъ думаетъ, что онъ желаетъ исполнить—самый свободный изъ людей. Могу повѣляться, съ другой стороны, и въ томъ, что никто меньше меня не мучимъ жаждой богатства и славы, почему я больше всего и способенъ признать, что если когда-либо я добьюсь извѣстной совокупности литературныхъ и философскихъ знаній, я этимъ вполнѣ буду обязанъ академіи. Меня смущаетъ мое назначеніе изъ-за боязни, что я не отвѣчу на ожиданія, возбужденныя мною, и что стипендія Сюра погибнетъ въ моихъ рукахъ. Г. Дрозъ уже призналъ это: я тяжелого характера, хмураго нрава, недовѣрчивъ, сумраченъ и мизантропиченъ; изъ нашихъ разговоровъ выходитъ, что никакая карьера не доступна мнѣ. Я буду по истеченіи моей субсидіи почти такимъ же, какимъ я получилъ ее, т.-е. нѣсколько болѣе знающимъ, но безъ литературнаго значенія.

«Остается, стало-быть, разработка моего личнаго таланта, если во мнѣ онъ найдется; но гдѣ доказательство того, что во мнѣ настолько толку (*propre fonds*), чтобы хватило у меня силы побороть всѣ препятствія? Немало, въ настоящее время, людей съ истиннымъ дарованіемъ, даже съ большимъ мыслительнымъ достоинствомъ. Но что бы съ ними случилось, еслибъ публичныя должности и огромныя общественныя связи не опредѣляли ихъ индивидуальности? Не подумайте, что одна моя неохота, одна

моя лѣнь создаютъ препятствія, что зло происходитъ отъ глупаго и тщеславнаго упрямства; нѣтъ, я чувствую, каждый день, каждую минуту, что уединеніе, уединенное мышленіе—единственный оживляющій элементъ моихъ способностей (мнѣ также необходимо удаляться отъ людей, какъ и жить въ полномъ забвеніи общественныхъ требованій и собственныхъ потребностей). Охотно сознаю все, что есть дурного въ такомъ расположеніи; но его дала природа. Иному необходимо постоянное возбужденіе большого города, свѣта, салоновъ; другой долженъ искать сосредоточенности и созерцанія въ одиночествѣ. Вольтеръ и Бомаршэ любили первый образъ жизни, Руссо и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ (у Прудона стоитъ просто: «Saint-Pierre») сдѣлались тѣмъ, что они есть—благодаря второму. Съ приѣзда моего въ Парижъ, несмотря на мои старанія—произвести пустоту вокругъ себя, я чувствую, какъ уменьшаются сила и плодovitость моего ума; мой кругозоръ сѣузился; неспособный чувствовать себя хорошо въ моемъ настоящемъ положеніи, я хуже живу, чѣмъ всякій другой на моемъ мѣстѣ, и моя несостоятельность увеличивается еще опасеніями, какія доставляетъ мнѣ мое ремесло (намекъ на типографію). Присоедините ко всему этому неприятности, то-и-дѣло возникающія по убыточному дѣлу, съ которымъ я не могу раздѣлаться, и если вы захотите вывести изъ всего этого заключеніе—вы легко поймете, сколько ложнаго и щекотливаго въ моемъ положеніи».

Все, что тутъ говоритъ Прудонъ—правдиво и въ высокой степени искренно; но мы принуждены повторить еще разъ, что нигдѣ бы, кромѣ этого ненавистнаго ему Парижа, онъ не выбрался на свою настоящую дорогу публициста, критика и обличителя. Ему *казалось* только, что абсолютное уединеніе было ему нужно, а нужно-то ему было, гораздо сильнѣе, строго-научное направленіе мысли, чего онъ съ собой не привезъ и чего не достаточно искалъ въ Парижѣ. Былъ ли бы онъ «философъ», даже и при лучшей подготовкѣ—это еще вопросъ; но несомнѣнно, что въ уединеніи Руссо и Сенъ-Пьера онъ никогда бы не почувствовалъ въ себѣ своей специальной силы. Безъ его «метафизики», не только какъ онъ ее разумѣлъ въ 1839 г., но и такой, какою онъ намѣтилъ ее въ слѣдующій періодъ развитія, научное мышленіе пошло бы по своему пути, ничего не теряя; но безъ его «критики» социальныхъ явленій, назрѣвшей въ Парижѣ, а не въ пустынномъ уединеніи, многое не было бы такъ ярко и освячительно представлено коллективному сознанію развитаго человѣчества.

Во второмъ своемъ письмѣ къ Переннѣсу, отъ 16 декабря, Прудонъ дополняетъ картину своей умственной жизни за весь годъ.

«Дни мои», пишетъ онъ, «проходятъ между Ридомъ и Кантономъ; необходимо мнѣ остановить, на время, мои филологическія занятія, пока я не покончу изслѣдованій моихъ по этимъ двумъ личностямъ (personnages), которыя я, въ упоеніи своей гордыни, хочу разъ навсегда обработать за-ново (mettre pour jamais à la refogme). Такая мысль — невѣроятной дерзости, согласенъ съ этимъ; она способна вызвать презрѣніе и проклятія нашихъ философскихъ дѣлъ мастеровъ, до сихъ поръ только и пробавлявшихся Шотландіей да Германією. Но если я не ошибаюсь, что, конечно, очень возможно, я думаю, что не каждому дано такъ ошибаться какъ я, и что, въ концѣ-концовъ, я ускорю появленіе и доказательство истины.»

Говоря о книгѣ профессора философіи Тиссо, съ которымъ Прудонъ былъ также, хотъ и изрѣдка, въ перепискѣ, онъ хвалитъ его за то, что тотъ строго критикуетъ доктрину сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ. Разобравъ потомъ какую-то академическую рѣчь, Прудонъ возвращается къ своему «я» и замѣчаетъ:

«Мои послѣднія занятія показали мнѣ, какъ я далеко отъ всѣхъ философовъ, моралистовъ и юрисконсультовъ: теперь я сознаю все достоинство, все значеніе моихъ идей; я могу дать имъ ясное и вѣрное опредѣленіе, я могу показать причину всѣхъ неточностей, затемняющихъ политическія и законодательныя науки, и, не проникая въ мельчайшія подробности, я въ состояніи дополнить и замѣтить ложные или невыясненные принципы. Если только я не заблуждаюсь самымъ жалкимъ образомъ, мое первое произведеніе будетъ, быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ событіемъ 1840 года, даже еслибъ случилась и революція, ибо общественные перевороты ничего не значатъ въ умственномъ движеніи.»

Что разумѣлъ онъ подъ этимъ «произведеніемъ»? Конечно, свой мемуаръ о *собственности*, который назрѣвалъ въ немъ, какъ-бы вопреки его метафизическимъ и словеснымъ занятіямъ. Для него, въ этотъ періодъ, выше всего былъ умственный интересъ, но натура соціального критика и чувствующаго простолюдина дѣлала свое. Передъ нимъ уже носились роговые запросы общественной справедливости, но не въ видѣ политическихъ формулъ и лозунговъ, а въ формѣ болѣе радикальной. Въ концѣ того же письма къ Переннѣсу онъ съ особой рѣзкостью говоритъ объ антиправительственномъ движеніи. Тогдашніе либералы и революціонеры вызываютъ въ немъ приговоры строгаго судьи, для котораго ихъ торжество ничегò бы не разрѣшило и ничегò не исправило.

«Несомнѣнно», рѣшаетъ онъ, «что еслибъ они стали господами, ихъ царство не продлится бы двухъ недѣль, они бы сами разсѣялись въ силу собственной неурядицы, но они бы успѣли дать публичнымъ дѣателямъ ужасный урокъ».

Слова эти дышатъ искренностью. Бергману, отъ 22 декабря, онъ пишетъ гораздо раздражительнѣе: «какъ видишь, хотять, чтобы я былъ философъ, не позволяя мнѣ говорить ни о *Боги*, ни объ *общество*, ни о *религии*. Я могу заниматься наукой, не касаясь матеріаловъ». Все это—по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на нѣкоторыхъ академиковъ и клерикаловъ его рѣчью о воскресеніи. Онъ уже началъ предчувствовать, что ему скоро придется съ ними схватиться, несмотря на свое тогдашнее стремленіе: создать какую-то *откровенную философію*.

Всѣ письма къ Югѣнѣ имѣютъ дѣловой и житейскій характеръ, почему мы на нихъ и не станемъ задерживать вниманіе читателя. Большая переписка съ Морисомъ также не важна для нашей задачи. Въ ней есть не мало, на восемь писемъ, бойкихъ и типичныхъ замѣчаній, касающихся Парижа и политики; но мы ничего не находимъ въ этихъ письмахъ такого, что проливало бы новый свѣтъ на мыслительное развитіе Прудона. Письмо отъ 12 апрѣля—особенно велико и чрезвычайно интересно въ смыслѣ политическихъ его сужденій. Мы видимъ въ немъ раннее торжество того смысла, которымъ отличалось поведеніе Прудона, какъ члена общества. Онъ не желаетъ даже тогда повторять обычныхъ прибаутки либераловъ. Всѣ кричатъ: «правительство само сочинило бунтъ»: онъ говоритъ: «нѣтъ, это не правда, возмущеніе подготовлялось, какъ слѣдуетъ». Въ перепискѣ же съ Морисомъ 1839 г. находимъ мы и знаменитую выходку Прудона, запрещающаго адресовать ему письма: «M. Proudhon, homme de lettres». Какъ бы ни провинились передъ его судомъ тогдашніе французскіе писатели, но все-таки странно и забавно видѣть фразу: *Homme de lettres est égal à chevalier d'industrie, sachez le bien*. Изъ всей этой полудѣловой, полуфельетонной переписки съ двумя земляками за 1839 г. всего сильнѣе и знаменательнѣе для биографа слова Прудона въ письмѣ къ Югѣнѣ отъ 1-го іюня:

«Я—въ большой грусти: разумъ указываетъ мнѣ на неопровержимыя истины, а знаніе свѣта, приобретаемое мною каждый день, говоритъ мнѣ, что если я выскажу эти истины, я пожертвую своимъ благосостояніемъ. Нужды нѣтъ, впереди всего—правда; а тамъ—будь что будетъ!»

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ

Путевые очерки.

Окончаніе.

VI *).

Мертвые берега.—Плывущая саранча.—Мурія-Джіармо.—Джіармо.—Хивинская переправа.—Наводненіе и затопленные аулы.—Лоцманъ Араллы.—Прогулка по ауламъ.—Женщины и дѣти.—Поражающая бѣдность.—Святой мулла.

Мертвые, совершенно безлюдные, открытые берега Аму тянулись съ обѣихъ сторонъ.

Рѣка стала шире. Мутно-желтыя воды катились какъ-то беззвучно:—ни всплеска у береговъ, ни пѣнистаго прибоя по окраинамъ отмелей.

И въ воздухѣ было удушливо, тихо. Мы плыли словно по какому-то мертвому царству.

Вдали, на самомъ горизонтѣ, видѣлось что-то похожее на деревья;—тамъ, можетъ быть, и были люди, была жизнь, но это было очень далеко. Лучшіе наши бинокли не показывали намъ ничего опредѣленнаго...

Странное обстоятельство обратило наше вниманіе. Прежде всего мы замѣтили, что пѣна подъ колесами парохода, бѣлесовато-грязная, словно взбитое мыло, стала окрашиваться чѣмъ-то краснымъ, потомъ, вправо отъ судна, показались какія-то, плывущія по теченію, пятна ржаваго, желѣзистаго цвѣта. Пятна эти

*) См. выше: февр., 651 стр.

увеличивались, множились, дробились на одинокія точки... Вся рѣка покрылась ими,—и глуше залокотали лопасти пароходныхъ колесъ, словно онѣ заворочались въ болѣе густой, плотной массѣ... Присмотрѣлись къ одинокимъ, болѣе близкимъ пятнамъ: вотъ ясно видны головки, лапки, цѣлыя насѣкомыя, то врозь, то сплотившіяся въ комки... Это все оказалась саранча,—гѣшная, о которой я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ. Вѣроятно, она переходила рѣку гдѣ-нибудь выше, и это плыли мимо насъ отхваченныя, унесенныя теченіемъ массы.

Ожила рѣка; показались концентрическіе, расходящіеся круги рыбныхъ всплесковъ; громадные сазаны выскакивали чуть не до половины надъ поверхностью воды, сверкали на солнцѣ своею серебристою чешуею и жадно глотали обильную добычу; а добыча эта самая лакомая, ея много, ей нѣтъ ни числа, ни мѣры!

Сорокъ верстъ шли мы вверхъ по теченію,—и все время массы саранчи плыли намъ навстрѣчу непрерывными колоннами.

Вѣво показался протокъ, довольно широкій, поросшій по берегамъ камышами, — это Мурія-Джіармо; широкая полоса водъ этого протока видна была верстъ на десять и скрывалась за поворотомъ. Вонъ еще новый протокъ, больше перваго,—это просто Джіармо; при устьѣ своемъ она образуетъ длинный, выдающійся мысъ, и на этомъ мысѣ, пройдя совершенно безлюдными берегами около пятидесяти верстъ, мы снова увидѣли зимовки и аулы каракалпавовъ. Здѣсь кончается безлюдный промежутокъ Улькунъ-Дарыи и начинается болѣе населенная береговая полоса — «чимбайская волость».

По близости отъ этой косы находилась большая хивинская, караванная переправа. Громадные кайки, не меньше нашего парохода, стояли цѣпью вдоль берега. У того мѣста, гдѣ обрывалась, дойдя до воды, колесная дорога, построены были сторожки изъ плетенаго камыша, на привязяхъ стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей; двѣ фигуры въ черныхъ шапкахъ и яркихъ красныхъ халатахъ бродили по берегу, рисуясь на пескѣ яркими, такъ и бьющими въ глаза пятнами... Большой верблюдь, вѣроятно, брошенный прошедшимъ караваномъ, лежалъ на пескѣ, совершенно распластавшись, вытянувъ свои длинныя, мозолистыя ноги... Нѣсколько конныхъ спѣшно гнали куда-то стадо овецъ, поднявшее цѣлыя облака густой пыли. Вѣтеръ крутилъ и несъ эту пыль столбомъ, наискось переваливаясь черезъ рѣку.

Солнце жгло невыносимо, а самаго солнца почти не было видно: какой-то мутный, свѣтящій шаръ сквозилъ сквозь мглистый туманъ. Знойный, раскаленный воздухъ дрожалъ и коле-

бался, сгущаясь на горизонтѣ и опоясывая его колеблющимися линиями миражныхъ озеръ... Тяжело дышать, работа валится изъ рукъ, всѣмъ организмомъ овладѣваетъ тоселивая апатія...

Часа черезъ четыре безостановочнаго движенія, пейзажъ сталъ нѣсколько измѣняться. Рѣва расширялась все болѣе и болѣе, камышъ гуще покрывалъ берега, впереди показались острова, поросшіе тоже густымъ камышомъ... Мы подходили къ началу громадныхъ озеръ Кара-куль и Сары-куль; Улькунъ-Дарья проходить черезъ оба эти озера.

Настоящее время—было время наибольшаго разлива, и надъ поверхностью воды, мѣстами, виднѣлись затопленные зимовки. Появились аулы, очутившіеся на островахъ; множество маленькихъ лодокъ сновали по всѣмъ направленіямъ, перевоза разобранныя кибитки на болѣе сухія мѣста; изъ-за бортовъ этихъ лодокъ виднѣлись головы козъ и барановъ, болѣе крупный скотъ перегонялся вплавь... Мимо насъ пронесло теченіемъ кибитку, смытую водою, пронесло еще какое-то тряпье и деревянные обломки... Вода поднялась болѣе, чѣмъ того ожидали, и многихъ жителей застала врасплохъ. И это бѣдствіе, какъ я узналъ послѣ, было приписано вредному вліянію русскихъ пришельцевъ—«осквернена земля друзьями шайтана, Аллахъ и лишилъ ее своего покровительства».

Пароходъ остановился и бросилъ якорь. Баржи отдали буксиры, и ихъ подрейфовало вѣтромъ прямо въ камышевыя заросли. Спустили шлюбку и послали ее въ аулъ—отыскать тамъ проводника, высланнаго намъ навстрѣчу начальникомъ Амударьинскаго отдѣла.

Мы видѣли, какъ наша шлюбка подошла къ берегу, какъ ее тотчасъ же окружила толпа каракалпаковъ... Долго шли переговоры, сопровождаемые жестами, довольно энергическими со стороны нашихъ матросовъ и самыми почтительными со стороны туземцевъ. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что шлюбка вернулась безъ лоцмана:—его въ аулѣ не оказалось.

Совсѣмъ съ противоположной стороны, изъ-за камышей, показался кайкъ; онъ шелъ быстро, отталкиваясь на длинныхъ шестахъ; на его носу стоялъ высокій человѣкъ, въ неизбѣжной бараньей шапкѣ, и махалъ намъ платкомъ, повязаннымъ на длинной палкѣ; это и былъ настоящій лоцманъ, ожидавшій насъ въ другомъ мѣстѣ, и теперь выѣхавшій къ намъ предложить свои услуги.

Смуглый, почти черный атлетъ съ клинообразною бородою, довольно ловко взобрался по спущенному трапу, протолкался

связозъ толпу къ капитанскому мостику и бойко вбѣжалъ на лѣстницу.

По его движеніямъ видно было, что ему уже знакомы диковинные «шайтанъ-кайки», и онъ уже не разъ плавалъ на нихъ, указывая имъ дорогу. Теперь онъ уже четвертый разъ провожалъ нашъ пароходъ и поздоровался съ капитаномъ и ближайшими матросами, какъ со старыми знакомыми.

Мы могли продолжать путь дальше. Надо было только подтянуть наши баржи, отнесенныя вѣтромъ довольно далеко. Эта операція могла продолжаться около трехъ часовъ,—и мы воспользовались остановкою, чтобы сойти на берегъ и посмотреть аулы поближе, а если удастся, то проникнуть и во внутренности кибитокъ.

Первое, что поразило насъ, едва только мы ступили на землю, это множество опять той же пѣшей саранчи, ползавшей повсюду. Особенно много скопилось ея на тѣневыхъ сторонахъ канавокъ,—тутъ насѣкомые кишели въ нѣсколько слоевъ, облѣпивъ совершенно кусты колючаго джунгила и камышевые стебли. Такъ какъ по близости не было никакихъ посѣвовъ, то жители аула относились въ этому нашествію совершенно покойно и равнодушно.

Кибитки аула расположены были довольно беспорядочными группами; всѣ онѣ были маленькія, закопченныя до-нельзя, старыя... Мы подошли къ ближайшей изъ нихъ:—женщина, вся въ тряпкахъ, грязная и босоногая, выскочила изъ кибитки, захватила подъ мышки совершенно голаго ребенка, другого, постарше, прихватила за шиворотъ, бросилась отъ насъ бѣгомъ и спряталась въ сосѣдней канавѣ; оттуда она выглядывала на насъ, какъ звѣрь изъ своей норы, готовый, при первомъ приближеніи охотника, выскочить и бѣжать дальше.

Проходя мимо, мы заглянули въ ея жилище: страшная вонь отъ гнилой рыбы такъ и пахнула намъ въ лицо. Полная нищета царствовала въ этой кибиткѣ. Не было ни одного ковра, не было даже ни одного войлока, необходимой принадлежности кочевыхъ жилищъ. На голой землѣ валялось нѣсколько связокъ камыша, и тлѣли уголья подъ желѣзнымъ таганомъ. На волосаной веревкѣ висѣло какое-то тряпье, изъ котораго дымомъ выгоняли кишившихъ тамъ паразитовъ... Зашли въ другую кибитку—то же самое;—въ третью—еще того хуже! И всюду стремительное, ничѣмъ неудержимое бѣгство при нашемъ появленіи... Ни ласки, ни привѣтствія, ни угрозы, ничто не могло остановить бѣгле-

цовъ; наконецъ, уже пригоршни серебряной мелочи удержали нѣсколько это бѣгство,—корысть одержала побѣду надъ страхомъ.

Жалко было смотрѣть на эти испытія, чахлая фізіономіи, съ отвислыми губами, съ цынготными деснами. Я не видалъ ни одного лица, сколько-нибудь дышащаго здоровьемъ, ни одного тѣла, не поражавшаго своею чрезмѣрною худобою.

Въ одну вибитку, относительно чище прочихъ на видъ, насъ не хотѣли-было пустить. Толпа мужчинъ, человекъ десять, загродили входъ, съ видимою рѣшимостью отстоять его во что бы то ни стало отъ вторженія пришельцевъ. Спросили причину этого запрета — оказалось, что здѣсь живетъ мулла святой, видѣть котораго намъ не должно ни подъ какимъ предлогомъ. «Онъ и своимъ рѣдко показывается,—говорили защитники входа,—только развѣ въ святые дни, когда захочетъ почитать ауль особою благодатью... Не ходите! онъ прогнѣвается, а гнѣвъ его на насъ обрушится,—мы отвѣтимъ за то, что не удержали васъ и допустили осквернить его святость...» Дѣлать нечего, хотѣли-было идти дальше, да, въ счастью, самъ мулла оказался гораздо сговорчивѣе своихъ прихожанъ:—услыхавъ споръ у дверей своего жилища, онъ вышелъ. Мы увидѣли старика, сѣдого, сторбленнаго, слѣпного на одинъ глазъ. Поверхъ его бараньей шапки наворочено было что-то въ родѣ чалмы,—признакъ его сана; въ рукахъ у него была длинная палка и бумажный свертокъ съ выписками изъ корана.

На наше приглашеніе показать свое жилище, мулла отвѣчалъ полнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что тамъ сидятъ женщины, а ихъ лицъ нельзя видѣть постороннимъ мужчинамъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ сталъ ему доказывать, что коранъ запрещаетъ показывать женщинамъ лица, но не запрещаетъ появляться имъ въ обществѣ подъ сѣткою, и что въ данномъ случаѣ имъ стоить только закрыться при нашемъ входѣ и предписаніе шаріата будетъ исполнено въ точности.

Офицеръ, знатокъ корана и шаріата, говорилъ недурно на туземномъ нарѣчій—и у нихъ завязался довольно оживленный диспутъ.

Мулла однако былъ непреклоненъ, и мы собрались-было идти дальше, какъ одинъ матросъ нечаянно толкнулъ дверь, та распахнулась настежь, и въ великому нашему удивленію мы не увидѣли тамъ не только что женщинъ, но даже ни одного живого существа, кромѣ козы, лежавшей на-привязи.

— Ну, пріятель, такихъ женъ шаріатъ не запрещаетъ показывать!—расхохотался офицеръ, спорившій съ муллою.

Этимъ эпизодомъ закончилась наша прогулка по аулу. Пароходъ далъ свистокъ, и мы поспѣшили на шлюбку.

Новый лоцманъ занялъ свое мѣсто, около рулевого, и пароходъ, пыхтя и посвистывая, тронулся въ путь, ломая прибрежные камыши своими колесами.

VII.

Озеро Кара-куль, гигантскіе камыши, птицы и рыбы, плавучіе камыши, рыбаки и ихъ жилища. — Пароходъ-разрушитель. — Невозможность продолжать путь далѣе.

Мы вошли въ озеро Кара-куль. По мѣрѣ нашего входа въ озеро, берега все удалялись и удалялись, скрываясь за камышами. Мы плыли по цѣлому лабиринту гигантскихъ, чудовищныхъ камышей. Все озеро заросло ими; между этими ярко-зелеными стѣнами извиваются тысячи водныхъ протоковъ, глубокихъ, прозрачныхъ, переплетающихся между собою и извивающихся въ самыхъ неожиданныхъ изворотахъ...

Глухой гулъ, словно въ дремучемъ лѣсу, стоитъ въ этихъ могучихъ заросляхъ, густая, темная зелень которыхъ пріятно ласкаетъ глазъ, утомленный однообразнымъ, пепельно-желтымъ цвѣтомъ сожженныхъ солнцемъ равнинъ.

Надъ поверхностью воды камышь достигалъ до двѣнадцати аршинъ высоты; бросили лотъ—онъ показалъ глубину отъ семи до восьми аршинъ и даже болѣе мѣстами... А камышь вѣдь этотъ растетъ на днѣ, надъ водою мы видимъ только верхнюю его половину!

Тысячи птицъ снуютъ и щебечутъ въ этихъ тѣнистыхъ чащахъ; тамъ-и-сямъ чернѣются ихъ качающіяся гнѣздышки... Тяжелые пеликаны съ шумомъ вылетаютъ изъ чащи и опускаются на открытыхъ мѣстахъ понурять и поплавать; граціозные лебеди несутся по низу, вытянувъ длинныя шеи, задѣвая крыльями за гибкія метелки... Голубой пчелоѣдъ, словно бирюзовая точка, дрожить и сверкаетъ въ воздухѣ, или же повачивается, усѣвшись на самомъ кончикѣ стебля, толщиной въ палецъ... Шумными тучами переносятся розовые скворцы, прилетавшіе съ берега сюда на охоту за мошками и комарами... Жизнь кипитъ надъ водою, кипитъ и въ водѣ: громадные сомы всплываютъ почти на самую поверхность и словно бревна неподвижно чернѣютъ въ прозрачной споконной водѣ; цѣлыми стадами гуляетъ, рѣзвится мелкая рыба, и только шумъ пароходныхъ колесъ да

звонкое шелканье буксирнаго каната тревожить все это населеніе и гонить его прочь, дальше отъ человѣка, въ самую глубь непроходимой чащи, куда никакіе «шайтанъ-кажки» не доберутся.

Между этими неподвижными зарослями встрѣчаются и другія, плавушія. Корни камыша устарѣютъ и подгниютъ, вѣтеръ раскачаетъ ихъ и сорветъ такимъ образомъ цѣлый островъ, и вотъ плыветъ этотъ островъ, путаясь и цѣпляясь на каждомъ поворотѣ за другіе кусты, срывая ихъ въ свою очередь, загоразивая свободные проходы, затрудняя и безъ того трудное плаваніе по этимъ зеленымъ лабиринтамъ.

Мы замѣтили мѣстами снопы камыша, связанные въ пучки— это путеводныя вѣхи. Онѣ замѣтны издали, ихъ назначеніе указывать дорогу, однако нашъ лоцманъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; да имъ и не слѣдуетъ особенно довѣряться: изъ дружелюбія съ русскими здѣшніе каракалпаки часто срѣзываютъ настоящія, правдивыя вѣхи и вяжутъ новыя тамъ, куда пароходу заходить совсѣмъ не слѣдуетъ. Безъ опытнаго проводника можно забраться съ большимъ судномъ въ такую глушь, откуда ужъ назадъ не выберешься.

До ста верстъ въ ширину разливаются воды этого озера, сохраняя вездѣ почти одинаковую глубину. Профильтрованная камышами вода чиста и прозрачна, но на вкусъ отдаетъ нѣсколько сырѣмъ и гнилью.

Воздухъ здѣсь прохладенъ, имъ легко дышется; и еслибъ только не эти міриады комаровъ, густымъ туманомъ волнующіеся надъ водою, то прогулка по этому оригинальному озеру была бы одна изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній путешествія въ Амударьинскую дельту.

Тутъ и люди гнѣздятся словно птицы, въ своихъ легкіхъ, временныхъ жилищахъ, весьма много общаго имѣющихъ съ птичьими гнѣздами. Рыбаки-каракалпаки забираются сюда на свои лѣтніе промыслы. Мы нѣсколько разъ встрѣчали ихъ ваики и проходили мимо ихъ пріютовъ. Послѣдніе устраиваются очень просто: камышь срѣзаютъ на четверть аршина надъ поверхностью воды, и связавъ въ пучки срѣзанное, настилаютъ его прямо на оставшіеся комли, такимъ образомъ получается свайная постройка; только сваи эти каждая въ палецъ и немного болѣе толщиною, и гнутся какъ волосъ; но за то ихъ много, цѣлая сплошная, густая щетка, и взаимная упругость ихъ сдерживаетъ довольно значительную тяжесть. Мы видѣли такіе помосты, на которыхъ гнѣздились по три, по четыре человѣка. Рыбаки ухи-

трялись даже раскладывать огонь, насыпавъ предварительно слой песку или земли, привезенной изъ далека, съ твердынь береговъ, для этой именно цѣли. Надъ помостами, на легкихъ шестахъ, устраиваются навѣсы, все изъ того же камыша; тамъ-и-сямъ между чащами, въ свободныхъ проходахъ, виднѣются нехитрые рыболовные снаряды, и, увы! опять тѣ же преступныя врючья, замислованныя, впрочемъ, у русскихъ, такъ какъ до сихъ поръ туземцы не знали другихъ способовъ ловли, какъ удочки, сачки и небольшіе бредни.

Къ нашему огорченію, а еще болѣе къ полному отчаянію самихъ рыбаковъ, парходныя колеса однимъ взмахомъ уничтожали всѣ попадающіеся на пути рыболовные снаряды, и надо было видѣть, съ какою торопливостью рыбаки садились въ свои лодки и спѣшили вслѣдъ за парходомъ подбирать плавающіе остатки и отрепья.

Полуголья, бронзовыя фигуры, для выигрыша времени, кидались иногда прямо въ воду, и, ловко плавая, подхватывали веревки, наматывали ихъ на шею, а то и просто брали въ зубы, съ пойманнымъ возвращались на свои плоты, а оттуда уже посылали намъ въ слѣдъ самыя злыя пожеланія.

Да какъ же имъ было и не сердиться... Столько вѣковъ — прадѣды ихъ и дѣды, отцы, и наконецъ они сами рыбачать здѣсь въ этихъ заросляхъ, совершенно покойно, а тутъ вотъ пришли какія-то громадныя огненные лодки, дымать, пыхтять, свистать на все озеро, распугиваютъ рыбу, и, въ концѣ-концовъ, безцеремонно разрушаютъ ихъ снасти!

До мѣста назначенія, т.-е. до русскаго лагеря, расположеннаго на самомъ берегу, у подножія небольшой горной группы — Кушкане-тау, оставалось не болѣе пяти верстъ. Мы ясно уже видѣли лиловый гребень этихъ горъ, поднимающійся надъ моремъ камышей, и рассчитывали добраться туда еще за-свѣтло.

Расчеты наши не сбылись. Проходы между камышей становились все уже и уже, повороты круче и круче, мы забрались, наконецъ, въ такую тѣснину, что дальше идти было уже невозможно. «Самаркандъ» бросить якорь.

Рѣшено было переночевать здѣсь и завтра утромъ поднянуть на завозахъ баржи съ десантомъ къ берегу и начать высадку.

Плаваніе наше окончилось.

VIII.

Бивуакъ у Кушканде-тау. — Лагерь безсрочно-отпускныхъ. — Полковникъ Ивановъ, начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла, левъ хивинскаго похода. — Удушливая ночь, + 31° Реомюра.

Четырехвесельная шлюбка причалила къ плоскому, песчаному берегу, то-есть не къ самому берегу, а остановилась за мелководіемъ, не дотянувшись саженой двухъ до сухого мѣста. Мы были въ высокихъ сапогахъ, а потому маленькое неудобство высадки насъ не слишкомъ стѣсняло.

Вдоль берега, у самой почти воды, тянулся характерный, пестрый, оживленный бивуакъ. Мы высадились въ самомъ центрѣ его кипучей дѣятельности.

Здѣсь собрано было до шестисотъ человекъ солдатъ; несмотря на это, бивуакъ рѣшительно не имѣлъ ничего такого, что напоминало бы чисто-военный характеръ лагеря. Пестрота костюмовъ, отсутствіе правильности и порядка въ размѣщеніи палаточекъ и вибитокъ, крайняя оживленность, чувство воли и свободы, такъ и сіявшее на каждомъ загорѣломъ, бронзовомъ лицѣ, невольно поражали глазъ наблюдателя. Веселыя пѣсни хмѣльного разгула, знакомая, родная гармоника, говоръ и смѣхъ — такъ и били въ уши какъ-то ярмарочнымъ гуломъ.

Это были все безсрочно-отпускные... Дождались они, наконецъ, возможности вырваться на волю, — ну, и радовались же они этой, давно жданной, желанной воли!..

Они стояли здѣсь уже вторую недѣлю, и какъ манны небесной ждали прибытія парохода, который долженъ былъ перевезти ихъ въ Казалинскъ, откуда они отправляются сухопутнымъ трактомъ, черезъ степи, всякъ на свою родину.

Все горе, всѣ заботы, всѣ лишения тяжелой боевой жизни, все забыто было разомъ, словно ничего не было вовсе. Впереди роились только одни надежды, самыя рововыя, свѣтлыя, отрадныя такія...

— Ужъ какъ же, домой пришедши, дуть буду свою Анисью — страсть! — говорить синяя рубаха на выпускъ другой рубахъ, красной, кумачевой, такъ и горящей на солнцѣ.

— За что, за что дуть?.. — освѣдомляется та.

— Ужъ я знаю за что... тоже, чай, слышали про ейныя дѣла...

— Ежели я эвти самыя триста рублей пушу по торговой

части: питейный отерю, аль бо что другое...—сообщаетъ бабенбардистъ съ полосатою ленточкой на груди...

«Во пиру была—во бесѣдушѣ»—

—покрываетъ все лихая, горластая пѣсня...

Каждое утро, на холмѣ, что спускался отлогимъ скатомъ къ рѣбѣ, несмотря на палящій зной, собиралась густая толпа, и не сходила такъ до вечера съ этой обсерватори... Это все они высматривали, не покажется ли пароходный дымъ, вдали за этими зелеными, камышевыми чащами, не покажется ли тоненькая черточка мачты и бѣлые паруса баржъ на буюсирѣ.

Вотъ, увидѣли они и дымъ, и паруса, и мачты, послѣ двухнедѣльнаго, самаго томительнаго ожиданія; какъ же имъ теперъ не ликовать, не радоваться; и найдется ли такая рука, безжалостная, что покусится подняться на это веселье и попробуетъ водворить здѣсь скучный, однообразный, казенный характеръ военнаго лагеря!

А тутъ же, посреди бивуака, стояла большая кошменная кибитка, и около нея торчалъ грозный значокъ начальника Амударьинскаго округа, полковника Иванова, выѣхавшаго тоже на встрѣчу парохода и членовъ нашей экспедици.

«Ничего, что же, онъ, до чего другого грозень, а нашему веселью не мѣшаетъ», думаютъ солдаты, а потому не очень-то стѣсняются его присутствіемъ.

«Они достаточно наработались, лихо отслужили въ свое время, и никакой отдыхъ не искупить вполне того, что они вынесли» — думаетъ въ то же время онъ, и смотреть пока сквозь пальцы.

Первымъ дѣломъ, по высадѣ на берегъ, мы всѣ отправились къ Иванову, онъ насъ встрѣтилъ на порогѣ своей кибитки.

Это былъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста, красивый блондинъ, съ окладистою, свѣтлою бородою. Эта борода дала ему названіе «сары-сакаль-тюра» (желтобородый начальникъ). И на томъ, и на этомъ берегу туземцы не знаютъ другого имени; такъ и величаютъ они его и между собою, и за-глаза, и прямо въ глаза, даже при официальныхъ встрѣчахъ.

Ивановъ давно уже служить въ Средней Азіи,—чуть ли не второй десятокъ лѣтъ; лучшаго знатока азиатскихъ нравовъ трудно и найти было. Необыкновенный тактъ, рѣшительность и энергія его слишкомъ хорошо извѣстны туземцамъ, и, благодаря этой популярности, онъ съ своими двумя батальонами, заброшенный въ самую отдаленную глушь, отрѣзанный отъ ближайшаго подкрѣп-

ленія чуть не полутора-мѣсячнымъ разстояніемъ, чувствуетъ себя совершенно какъ дома, несмотря ни на какое смутное состояніе края.

Я давно уже, еще въ прежнихъ своихъ поѣздахъ въ центральную Азію, зналъ этого человѣка, и зналъ его всегда покойнымъ, не теряющимъ ни на секунду, въ самыхъ критическихъ, неожиданныхъ положеніяхъ. Слѣдующій фактъ вполне характеризуетъ эту способность соображать и не теряться. Въ послѣднюю кампанію, Ивановъ, съ тремя казаками, переводчикомъ и нѣсколькими туземными джигитами, былъ окруженъ партіей тюремень, человѣкъ въ двѣсти... Русскіе тотчасъ же спѣшились, сплотились въ кучку и начали отстрѣливаться. У Иванова былъ револьверъ съ шестью зарядами; разстрѣлявъ пять изъ нихъ, онъ остановился и не выпустилъ шестого, какъ ни нападали на него неприятельскіе всадники. Онъ этотъ зарядъ готовилъ для чего-то особеннаго. Когда пришло подерѣвленіе и горсть русскихъ была спасена, его, израненнаго, привезли въ лагерь и между прочимъ спросили: для чего сберегъ онъ шестой выстрѣлъ?—Для себя,—покойно отвѣчалъ Ивановъ,—я присматривался, нѣтъ ли у тюремень аркановъ, и еслибъ только я почувствовалъ на себѣ прикосновеніе веревки, тюременамъ достался бы мой трупъ, а не живой плѣнникъ.

Тотъ, къ этому-то льву хивинскаго похода мы и отправились представиться, да встать и позавтракать.

Въ тотъ же день, кое-какъ, гдѣ тягою на завозахъ, гдѣ на шестахъ, протащились съвозъ камыши наши баржи и стали не вдалекѣ отъ берега. Началась оживленная разгрузка и нагрузка. На баржахъ пришли молодые солдаты на смѣну старымъ.

Безъ устали, безъ понуканія, раздѣвшись до-нага, бредя по поясъ въ водѣ, работали солдаты... они работали для себя и потому не нуждались въ этомъ понуканіи. Тѣ, что въ другое время тянулось бы нѣсколько сутокъ, окончено было въ одинъ день, и еще засвѣтло баржи могли бы отправиться въ обратное плаваніе.

Намъ приготовлены были кибитки для ночлега и верховыя лошади для насъ и подъема нашего багажа. Рѣшено было завтра, съ разсвѣтомъ, идти къ городу Чимбаю, исходной точкѣ экспедиціи.

Ночь стояла жаркая, удушливая; несмотря на близость такой массы воды, отъ нея не вѣяло свѣжестью; раскаленные за день песчаные холмы Кушване-тау испускали ночью столько лучистой теплоты, что термометръ не понижался ниже + 31° Реомюра.

Все тѣло покрывалось испариной и было какъ разбитое; безъ сна, несмотря на усталость, мы даже не рѣшались лечь въ постель и истребляли невѣроятное количество воды съ лимонною кислотою. Къ разсвѣту стало нѣсколько прохладнѣе, лошади были осѣдланы, и мы тронулись въ путь.

IX.

Отъ Кушкане-тау до Чимбая.—Горы Кушкане-тау.—Бѣлыя сопки.—Низменная обработанная полоса. — Чягири. — Борьба жизни съ смертью.—Мертвые пески.—Змѣи.—Проваль и каракалпаки.—Чимбайскіе старшины.

Солнце еще не взошло, когда нашъ маленькій кортежъ выступилъ изъ лагеря, по чимбайской дорогѣ.

Съ нами ѣхалъ и начальникъ округа «Сары-сакаль-тюра». Онъ ѣхалъ во главѣ кавалькады, на приземистой казачьей лошади; около него рысили и подпрыгивали нѣсколько офицеровъ изъ его штаба и неизбежное лицо—переводчикъ. Сзади насъ ѣхали десятка два конвойныхъ казаковъ и вели вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ ковриками, чемоданчиками, походными чайниками и разными дорожными принадлежностями.

Хребетъ Кушкане-тау вырисовывался съ каждымъ шагомъ нашихъ лошадей. Въ эту сторону горы спускались почти отвѣснымъ обрывомъ, исполосованнымъ горизонтальными линиями. Ясно было видно, что поверхность водъ какого-то доисторическаго моря достигала почти вершины этого края и, понижаясь мало по-малу, промыла эти параллельныя полосы.

Взопедшее солнце освѣтило этотъ обрывъ; рѣзко обозначились на немъ темно-синія тѣни поперечныхъ трещинъ, засверкали серебристыя полосы, покрытыя осадочнымъ солонцеватымъ налетомъ, и особенно ярко выступили на немъ охристыя, темно-желтые пласты съ зеленоватыми металлическими прожилками.

Ближе къ намъ, на песчаныхъ поватостяхъ, точно искусственно устроенныя, разбросаны были, чрезвычайно оригинальныя на видъ, коническія сопки почти бѣлаго цвѣта. Бока этихъ сопкокъ были такъ круты, что по нимъ невозможно было взобраться даже пѣшему. Эти возвышенія чрезвычайно походили на гигантскія сахарныя головы, какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и формами. За ними тянулась уже низменная равнина, виднѣясь, въ промежуткахъ между сопками, темно-синюю, туманною полосою.

Сначала дорога была неровная, съ безпрестанными подъемами и спусками, и мало по-малу всѣ эти неровности остались сзади.

Мы вступали въ культурную полосу, населенную каракалпаками-земледѣльцами «щенчи». Часамъ въ семи утра, мы въѣхали въ густую, мелкорослую чащу джунгила и джиды, перемѣшанныхъ съ колючимъ терновникомъ и другими кустарниками мѣстныхъ видовъ.

Кое-гдѣ, по сторонамъ дороги, дымились кибитки каракалпаковъ и виднѣлись глинобитныя стѣны зимовокъ. Мѣстами кустарникъ былъ расчищенъ; тамъ зеленѣли небольшія четверугольныя поля, обработанныя и засѣянные хлопкомъ и джугарою. Словно серебряныя жилки, змѣнились переплетающіеся между собою арыки и провзительно визжали «чигири», накачивая воду изъ глубины этихъ оросительныхъ канавъ на болѣе возвышенныя мѣста.

Чигири, — это водокачальный приборъ слѣдующаго незатѣйливаго устройства: на простомъ горизонтальномъ приводѣ, въ видѣ шестерни, очень грубо сдѣланной, устанавливается вертикальное колесо, ободъ котораго увязанъ, совершенно одинаковой величины и формы, глиняными кувшинами съ широкимъ отверстиемъ. Эти сосуды укрѣплены всѣ по одному направленію, наискось къ ободу, въ сторону вращенія колеса; лошадь или быкъ ворочаютъ приводъ, и колесо черпаетъ воду внизу, а поднимая наверхъ, вливаетъ ее въ подставленные желоба. Такимъ образомъ, высота подъема воды зависитъ отъ величины діаметра колеса, и нѣсколько чигирей, разстановленныхъ по известной системѣ, могутъ поднять воду на довольно значительную возвышенность.

Орошеніе чигирями есть единственный способъ, принятый каракалпаками; онъ гораздо проще и легче, чѣмъ эти знаменитыя заравшанскія плотины и шлюзы, требующіе ежегодно для своего поддержанія тысячи рабочихъ рукъ и затратъ значительныхъ капиталовъ.

Но зато тамъ побѣда, разъ одержанная человекомъ надъ природою, прочна, — здѣсь же полудикій хлѣбопашецъ ежедневно долженъ бороться съ могучимъ соперникомъ, и каждый часъ, упущенный имъ въ этой борьбѣ, ведетъ къ потерѣ всего приобрѣтеннаго.

Жгучее, палящее солнце, бездождное девяти-мѣсячное лѣто, сосѣдство мертвыхъ, песчаныхъ пустынь, — всѣ эти страшные враги обрушились на голову земледѣльца; противъ нихъ онъ противопоставляетъ только свои чигири съ водою — не хватило рукъ на день работы — значительная потеря; не хватило рукъ на большее время, — и солнце неумолимо выжигаетъ все посѣянное. Гдѣ

вода — тамъ жизнь, гдѣ ея нѣтъ — смерть. И жизнь и смерть граничатъ слишкомъ близко одна къ другой, чтобы хлѣбопашецъ могъ ослабить свое вниманіе въ этой непрерывной борьбѣ.

Въ прошедшемъ году много рабочихъ рукъ было отвлечено политическими событіями изъ этого края, и теперь мы видѣли полувасыпанныя пескомъ, выжженные поля, на которыхъ едва-едва сохранились слѣды прежней обработки. И это за одинъ годъ!

Проѣзжая впоследствии какъ разъ границею мертвыхъ песковъ и обработанной полосы, мы видѣли не разъ, какъ изъ-подъ песчаного слоя, въ нѣсколько аршинъ толщины, торчали сухіе остовы деревьевъ и поднимались полуразрушенные станы жилищъ, быть можетъ прежде окруженныхъ самою цвѣтущею растительностью.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе на путешественника производить видъ этого кладбища затраченныхъ силъ, непосильныхъ трудовъ человѣка...

Поминутно приходилось переѣзжать намъ черезъ мостики, крайне шаткіе и подозрительные. Большинство всадниковъ предпочитало прыгать прямо черезъ арыки, чѣмъ довѣряться этимъ сооруженіямъ...

Солнце начинало припекасть-таки изрядно. Дорога становилась все хуже и хуже, кустарники рѣже и чахлѣе, а впереди желтѣли уже сплошные пески, черезъ полосу которыхъ намъ приходилось переѣзжать въ самый полдень.

Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ полосъ, одолѣвшихъ человѣческія руки. Старики въ Чимбаѣ говорили, что они помнятъ еще то время, когда дорога отъ ихъ города къ горамъ Кушкванетау была обрамлена непрерывными зелеными полями и садами.

— Ханъ и тюркмены отняли у насъ руки, — говорили они, — песковъ отнялъ землю. Навстрѣчу намъ, прямо въ лицо подулъ вѣтеръ, и насъ обдало удушливымъ жаромъ, точно изъ жерла натопленной печи...

— Воды наברי въ бутылки, у кого есть, — слышался чей-то заботливый голосъ сзади.

— Перемахнемъ и такъ! Въ два часа на той сторонѣ будемъ, — отвѣчалъ другой, беззаботный.

Казаки, въ темно-сѣрой рубахѣ, рванулся съ мѣста въ карьеръ, чуть не сбивъ съ ногъ при этомъ мою скромную, туземную лошадеку; въ рукѣ у казака дымился горящій артиллерійскій фитиль. Это значило, что нашъ полковникъ вынулъ изъ портсигара папиросу. Лихіе, наметанные его конвойцы не дожидаются словесныхъ приказаній и смотрятъ въ оба...

Два туземца-джигита и одинъ казакъ тоже въ карьеръ по-неслись впередъ, обогнали насъ, мелькнули раза два въ чащѣ кустарника, показались еще разъ на вершинѣ небольшого курганчика — и скрылись, словно потонули въ этихъ желтыхъ пескахъ, разстилавшихся передъ нашими глазами.

Они были посланы на мѣсто привала, чтобы въ нашему прибытію приготовить чай, единственный, ничѣмъ незамѣнимый напитокъ, съ помощью котораго только и можно бороться съ этими сорока-градусными жарами.

Вотъ и пески!

Растительность исчезла; лошади повѣсили головы и пошли тише... Стало душно и тяжело дышать... Стихнеть на минуту легкой вѣтеръ, и неподвижный, раскаленный воздухъ давить васъ, словно накладываетъ на ваше тѣло свинцовыя латы; пахнётъ этотъ вѣтеръ, — еще того хуже выходитъ: онъ обжигаетъ вамъ лицо, обжигаетъ руки, шею, все, неприкрытое платьемъ... Кожа сохнетъ и трескается съ несносною болью, и обожженные солнцемъ, обвѣтренныя мѣста болятъ какъ отмороженныя... Двѣ, диаметрально противоположныя причины, приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А вотъ и развлеченіе.

Одинъ изъ всадниковъ, ѣхавшій въ сторонѣ, вдругъ осадил лошадь и потянулъ изъ ноженъ свою кривую шашку... Вотъ онъ нагнулся, рубить что-то по землѣ, съ ожесточеніемъ, съ полною беспощадностью... Усталая лошадь косится, прядетъ ушами и храпнуть...

Изъ любопытства, я поспѣшилъ подъѣхать: большая змѣя, около полутора аршина длиною, вся сверкающая, словно металлическая, конвульсивно извергается и бьется на песокъ; отрубленная голова ея еще моргаетъ глазами и шевелитъ раздвоеннымъ языкомъ. Это очень ядовитая, степная порода змѣй, весьма близко подходящая къ извѣстнымъ гадюкамъ или казюлькамъ новороссійскихъ степей, только крупнѣе. Укушеніе этой гадины почти всегда смертельно, особенно если запоздаетъ медицинская помощь.

Какъ бы ни усталъ путешественникъ, какъ бы ни былъ изнуренъ его конь, онъ все-таки, увидавъ этого ненавистнаго врага, не воздержится отъ охоты на этого ядовитаго гада.

Такимъ образомъ, пока мы переходили песчаную полосу, шириною не болѣе двадцати верстъ, было убито до шести змѣй, что позволяетъ считать эту степь не совсѣмъ удобнымъ и приятнымъ уголкомъ для мирной жизни.

Кончаются несносные пески! да и пора! Кони наши совсѣмъ уже выбиваются изъ силъ, глаза путниковъ смотрять безжизненно и вяло, разговоры стихли, всѣ молчатъ и упорно глядятъ впередъ, по одному и тому же направленію.

Тамъ синѣетъ вдали туманное пятнышко; это группа деревьевъ. Тамъ вода, тамъ тѣнь! Тамъ ждуть насъ чайники съ горячимъ, ароматическимъ чаемъ...

Нагайки щелкаютъ усерднѣе, — усталые кони и не думаютъ прибавлять шагу, путешественники начинаютъ волноваться, — ихъ мучитъ жгучее нетерпѣніе... Разстояніе кажется длиннѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ... время тянется безконечно долго...

Одинъ только Ивановъ покойно идетъ на своемъ «мопшачкѣ» не измѣняя позы на сѣдлѣ, не прибавляя, не убавляя шагу, не мѣняя выраженія на своемъ покойномъ лицѣ... Для этого всадника будто не существуетъ ни усталы, ни жары...

Опять казакъ съ фителемъ рванулся впередъ... а тѣмъ временемъ всѣ остальные пользуются минутною остановкою и наскоро передаютъ другъ другу бутылку съ послѣдними, живительными каплями...

Къ часу дня мы остановились на привалѣ, въ тѣни жидоваго кустарника, на арыкѣ Джакъ-казакъ, у небольшого каракалпакскаго аула, и съ наслажденіемъ растянулись на разостланныхъ попонахъ и буркахъ. Шагахъ въ двадцати стояло нѣсколько бѣдныхъ, закопченныхъ кибитокъ съ войлочными только крышами; боковыя стѣны кибитокъ были обнесены просто «чѣми» т. е. вязанными камышевыми загородками. Невдалекѣ находились и зимовки этого аула, четырех-угольный дворъ, обнесенный довольно высокою, глиняною стѣною, съ навѣсомъ вдоль стѣны, по внутренней ихъ сторонѣ... У самыхъ стѣнъ лѣпились нѣсколько абрикосовыхъ деревьевъ, отбрасывая жиденькую тѣнь; дальше виднѣлось десятка два чахлахъ тополей; корни этихъ деревьевъ, обмываемые арыкомъ, пускали многочисленныя отпрыски, а между тѣмъ вершины ихъ уже сохли и виднѣлись оголенными вѣтвями... Два ишака и худая лошаденка со сбитою спиною ворочали неизбѣжный чигирь, визжавшій на всю окрестность. Дюжина куръ бродила между грядами, засажеными хлопкомъ, высокій тонконогій жеребецъ, кровный тюркмень, выглядывавъ изъ-за камышевой загородки и неистово ржалъ, косась на нашихъ смиренныхъ лошадокъ.

Это былъ первый каракалпакскій аулъ, по дорогѣ отъ Кушкане-тау до Чимбая.

А вотъ рискнули подойти къ намъ и обитатели аула. Ихъ было человекъ восемь; только двое изъ нихъ были въ халатахъ, остальные въ однихъ въ длинныхъ рубахахъ изъ грубой бѣлой бумажной ткани; рубахи эти были не подпоясаны и обрисовывали худыя, востыя тѣла... Всѣ они были въ неизбѣжныхъ громадныхъ черныхъ шапкахъ; каждый несъ въ рукахъ какое-нибудь угощеніе для насъ, путешественниковъ...

Отъ этихъ фигуръ такъ и вѣяло библейскою древностью, особенно отъ двухъ изъ нихъ, съ стереотипными, высокими глиняными кувшинами на плечахъ.

Они принесли намъ «айракъ» — смѣсь козьего молока съ водою, нѣсколько провисшая, но довольно пріятная на вкусъ, еслибъ только все это было хотя немного опрятнѣе... Брюзгливому человеку лучше и не заглядывать въ нѣдра этихъ кувшиновъ, иначе онъ, умирая даже отъ жажды, не рѣшится хлѣбнуть айрака, не рѣшится даже поднести къ своимъ запекшимся губамъ края этого кувшина...

Впрочемъ, всѣ присутствующіе оказались народомъ невзыскательнымъ, и, процѣдивъ айракъ черезъ носовые платки, пили его не безъ удовольствія.

Принесли намъ урюку (абрикосовъ), но онъ еще оказался совершенно зеленъ, и пробовать его было бы дѣломъ рискованнымъ; ко всему этому прибавилось еще блюдо лепешекъ изъ смѣси пшеничной муки съ джугарою... Все принесенное предложено было намъ, конечно, даромъ, «силлау»; но тѣмъ не менѣе принесшіе были увѣрены, что въ наладѣ не останутся, а потому, поставивъ все передъ нами, сами отошли неподалеку и сѣли въ рядъ, на корточки, внимательно созерцая насъ и слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Спустя минутъ пять пріѣхали въ нашему оазису нѣсколько конныхъ, одѣтыхъ побогаче. Они слѣзли съ своихъ лошадей и, почтительно согнувшись, начали приближаться къ полковнику... Это, оказалось, пріѣхали съ *арзомъ*, т.-е. просьбою о чемъ-то. Имъ объявлено было, что начальникъ «Сары-саваль-тюра» будетъ ночевать въ Чимбаѣ и тамъ приметъ всѣ просьбы и жалобы, по которымъ выйдетъ и немедленное рѣшеніе. Пріѣхавшіе совершенно удовлетворились этимъ и съ привала ѣхали уже вмѣстѣ съ нами, увеличивъ нашу кавалькаду. Дорогою къ намъ построились еще новыя группы, такъ что передъ воротами Чимбая нашъ вортежъ, по мѣстному жаргону, забиралъ подъ себя очень много дороги.

Отдохнувъ полчаса и напившись чаю, мы снова сѣли на лоша-

дей и пустились въ путь, сравнительно болѣе пріятный, такъ какъ дорога пролегала теперь по мѣстамъ уже культурнымъ, и глазъ не утомлялся болѣе тяжелымъ однообразіемъ пустыни.

Солнце жгло, впрочемъ, также невыносимо и изъ-подъ ногъ лошадей поднималась ѣдкая, солонцеватая пыль.

Впереди показались густыя группы садовъ. Показался городъ, стоявшій пестрою толпою въ тѣни стараго раскидистаго дерева. Между черными шапками видѣлись двѣ-три чалмы—это были муллы, духовныя особы. У городской межи насъ ожидали почетныя лица города, выѣхавшіе навстрѣчу Иванову «съ хлѣбомъ-солью».

Вопреви обыкновенію носить преимущественно темныя одежды, въ этой толпѣ было нѣсколько яркихъ, такъ и бьющихъ въ глаза костюмовъ... Это были жалованные халаты «*сарпачи*». По существующимъ правиламъ этикета, къ начальнику надо всегда являться въ томъ халатѣ, который имъ былъ пожалованъ...

Опять блюда съ варенымъ рисомъ, конфетами, урюкомъ и разною зеленью; опять неизбѣжныя лепешки и кувшины съ кумысомъ и айракомъ...

«Хлѣбъ-соль» была принята, т.-е. ко всему милостиво прикоснулись пальцы начальника, и мы поѣхали дальше.

Х.

Городъ Чимбай и его населеніе. — Базарная улца, городъ, зимовка, 40,000 кибитокъ.—Кичейли.—Наша стоянка.—Ураганъ и тревога.

Пріятнымъ холодомъ повѣяло на насъ изъ-подъ тѣнистыхъ навѣсовъ чимбайскаго базара. Длиныя жерди были перекинуты черезъ улицы, опираясь своими концами на сакельныя крыши, и на эти жерди были настланы хворостъ и цыновки... Эта крытая галлерей тянется черезъ весь базаръ, и отъ нея идутъ боковыя вѣтви, также защищенныя отъ солнца.

Сначала непривычный къ темнотѣ глазъ чуть-чуть различалъ во мракѣ очертанія предметовъ и движущіяся тамъ фигуры, но мало по-малу все яснѣе и яснѣе становилось кругомъ, глазъ привыкалъ скоро... Во всемъ измученномъ продолжительною дорокою организмъ чувствовалось пріятное ощущеніе сырого холода, точно мы очутились сразу въ какомъ-то погребѣ. Даже лошади замѣтно ободрились,—и гулко неслись подъ сводами топотъ многочисленныхъ копытъ и довольное, веселое фырканіе чующихъ ночлегъ коней...

Яркій лучъ свѣта, прорвавшись сквозь щель навѣса, скользилъ по кроваво-красному куску мяса, висѣвшаго передъ дверью мясника, перебѣгалъ на свертки ремней и обрѣзки цвѣтной кожи у лавки шорника, задѣвалъ мимоходомъ заплѣснѣвѣлый бокъ шестиведернаго, колоссальнаго самовара и упирался прямо въ топку, вонючую грязь никогда не просыхающей лужи, какъ разъ по срединѣ улицы... Тамъ освѣщалось веселое лицо мальчика въ островерхой шапочкѣ, непремѣнно красной; тамъ лоснилась почтенная, гладко обритая голова правовѣрнаго, снявшаго для прохлады свою тяжеловѣсную шапку... Наши бѣлые кителя и рубахи, въѣзжая въ подобную полосу свѣта, освѣщались мгновенно, словно вспыхивали, — и также мгновенно исчезали, погружаясь снова въ область мрака и прохлады.

Кое-кто изъ жителей поспѣшно вскакивали на ноги при нашемъ проѣздѣ, и творили самые подобострастные, чуть не земные поклоны, другіе кланялись съ достоинствомъ, чуть-чуть нагибая голову и не вставая. Большинство же, не мѣняя своихъ спокойныхъ, полулежачихъ позъ, равнодушно провожало насъ глазами, не удостоивая своихъ побѣдителей даже обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

Базарныя улицы были кривы и узки. Встрѣчные робко жались къ самымъ стѣнкамъ, а то и просто заходили въ лавки, чтобы дать намъ дорогу... Базарный воздухъ, такъ пріятно поразившій насъ сначала своею прохладю, давалъ-таки себя чувствовать съ другой, менѣе привлекательной стороны; мѣстами мы просто вынуждены были заткнуть пальцами носы и задерживать дыханіе, — такіе тамъ распространялись мѣстные ароматы, особенно въ тѣ минуты, когда ноги нашихъ лошадей тревожили покой вѣковъ, покрытыхъ зеленою плѣсенью и ржавчиной, гніющихъ лужъ.

Выбрались мы, наконецъ, изъ-подъ базарнаго навѣса и поѣхали по открытымъ уже улицамъ, на другой конецъ города, гдѣ на площади бывшаго ханскаго сада стояла бивуакомъ казачья сотня и были поставлены кибитки для нашего помѣщенія.

Домовъ, т.-е. сакель, въ Чимбаѣ очень немного. Весь городъ состоитъ изъ глинобитной ограды, охватывающей пространство окружностью версты полторы; только базарная часть этого пространства застроена.

Каракалпаки, кочуя лѣтомъ близъ своихъ полей, въ кибиткахъ, на зиму перебираются въ Чимбай, и въ этой оградѣ собираются всѣ вмѣстѣ, въ тѣсную вучу, доходя числомъ до сорока тысячъ кибитокъ.

Постоянное тревожное положеніе, боязнь набѣговъ и грабежей со стороны тюркменъ, своихъ черезчуръ воинственныхъ сосѣдей, выработали этотъ характерный образъ полукочевой, полусѣдой, городской жизни. Лѣтомъ каракалпаки считаютъ себя болѣе или менѣе обезпеченными отъ этихъ набѣговъ: широкая Аму съ своимъ безчисленными рукавами, протоками и болотистыми берегами защищаетъ ихъ отъ тюркменъ, но зимою, едва только кора льда покроетъ водныя поверхности и сплотитъ вязкій грунтъ болотъ, на мирныхъ поляхъ начинаютъ появляться разбойничьи партіи, перешедшія съ лѣваго берега, и несчастные земледѣльцы ищутъ себѣ спасенія, скучиваясь на зимовки въ станахъ своихъ тѣсныхъ, общественныхъ загоновъ, громко именуемыхъ городами. Такимъ образомъ основались—Чимбай, Нукусъ, и другіе осѣдлые пункты оазиса праваго берега, перешедшаго по договору съ Хивою въ наше владѣніе.

Протокъ Кичейли, пересѣкая базарную, центральную улицу, обгибаетъ Чимбай и за нимъ уже, ниже по теченію, развѣтвляется на арыки полей, и тамъ расходится весь безъ остатка, такъ что все плодородіе обработанныхъ пространствъ вокругъ этого пункта зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ количества водъ этого протока. Кичейли—это жизненная артерія Чимбая; онъ же и его главный путь сообщенія съ прочими пунктами, лежащими выше, и водами самой Аму-Дарьи.

Все населеніе Чимбая, отъ мала до велика, собралось и окружило нашъ лагерь — шутка ли въ самомъ дѣлѣ! Самъ начальникъ—Сыра-сакаль-тюра пріѣхалъ и съ нимъ самыя диковинныя, невиданныя до сихъ поръ въ такихъ мѣстахъ люди, все муллы, ученые изъ Петербурга, «Акъ-падши-ставка», т. е. города царя блага...

Но скоро судьба прервала этотъ спектакль, разогнала всѣхъ по своимъ саклямъ и надѣлала намъ самимъ, «ученымъ мулламъ», не мало хлопотъ и безпокойства...

Еще подъѣзжая въ Чимбаю, мы замѣтили какую-то особенную, все усиливающуюся и усиливающуюся духоту въ воздухѣ. Весь горизонтъ на юго-западъ былъ задернутъ какъ будто туманомъ, и эта тяжелая, свинцовая полоса все росла и росла, мало-по-малу заволакивая все небо... скоро солнце потеряло свои лучи и сквозило въ этой мглѣ матовымъ, тусклымъ шаромъ. Тамъ же, на горизонтѣ, поднимались громадныя столбы пыли, волновались, кружились въ воздухѣ и снова падали... послышалось нѣсколько отдаленныхъ громовыхъ перекатовъ, молніи не видно было, и въ воздухѣ стало еще душнѣе.

Первый порывъ вѣтра налетѣлъ совершенно неожиданно, словно этотъ порывъ изъ-подъ земли вырвался, словно онъ родился тутъ же на этомъ мѣстѣ, посреди нашего лагеря... и съ остервенѣніемъ потрясъ деревомъ, подъ которымъ стояла одна изъ нашихъ палатокъ.

Вслѣдъ за этимъ разомъ весь воздухъ наполнился мельчайшею пылью; въ сгустившемся мракѣ пронеслись, словно гигантскія птицы, какія-то бѣлыя тѣни—это сорвало нѣсколько казачьихъ палатокъ. Кибитки наши затряслись, наклонились; нѣсколько волосяныхъ аркановъ, натянувшись какъ струны, щелкнули. Мы выскочили всѣ вонъ и, ухватившись за что ни попало, начали удерживать на мѣстѣ свои временныя жилища.

Словно фантастическія тѣни виднѣлись въ облакахъ пыли—то бѣгущіе куда-то человѣческія фигуры, то лошади, сорвавшіеся съ своихъ приколовъ, рыскающія по лагерю, съ развѣвающимися хвостами и гривами. Какая-то двуколесная арба сама собою прокатилась шагахъ въ четырехъ отъ меня, нырнула въ арыкъ своими колесами, уперлась и стала.

Вѣтеръ то немного стихалъ, то усиливался снова. Громовые удары изрѣдка повторялись, глухіе, короткіе. Въ воздухѣ чувствовался запахъ сѣры; дышать было тяжело, сердце билось усиленно, и вообще всѣмъ организмомъ овладѣвало какое-то неприятное, нервное раздраженіе.

Изъ города неся тревожный гулъ, крики, дикое ржаніе лошадей, трескъ сорванныхъ навѣсовъ, потянуло гарью и чадомъ.

Часа полтора продолжался ураганъ; нашъ ученый метеорологъ, присѣвъ въ одной только рубашкѣ на корточкахъ и уцѣпившись за веревку, охватывающую крышу кибитки, называлъ явленіе это только очень сильнымъ вѣтромъ, при насыщенности электричествомъ атмосферѣ. Затѣмъ все мало-по-малу стихло, и мы принялись приводить въ порядокъ наши пострадавшія жилища и смахивать пыль, верхковымъ слоємъ покрывавшую наши чемоданы и постели.

Къ вечеру воздухъ посвѣжѣлъ, наступила чудная, прохладная ночь, и мы сладко заснули послѣ дневной передраги.

XI.

Протокъ Кичейли.—Подъ мостомъ.—Аму-дарьинскіе бурлаки-каньчи.—Берега Кичейли.—Ночлеги и часовые.—Ночные звуки.—Сплавка сѣна.—Тигры.—Куванъ-джарма и ея печальные берега.—Мириады комаровъ.—Аму.

Изъ Чимбая выѣхали мы на другой день, къ вечеру, когда уже спала дневная жара, время, обыкновенно избѣгаемое для путешествій.

Намъ прислали сказать, что разлившіяся воды Кичейли и другихъ протоковъ затопили проѣзжую дорогу, и продолжать путь верхомъ не было никакой возможности. Пришлось нанять небольшой «каикъ» — и тронуться въ путь уже инымъ способомъ, на лямкахъ, вверхъ по теченію Кичейли, до самаго Нукуса.

Обогнувъ Чимбай, какъ я уже говорилъ, Кичейли течетъ развѣтвляясь на безчисленное множество арыковъ; такимъ образомъ, воды этого протока расходуются на орошеніе полей и только самая малая часть ихъ всасывается сыпучими песками, прилегающими съ этой стороны къ самому морскому берегу. Въ Чимбайѣ еще живы кое-кто изъ стариковъ, помнящихъ, что ихъ протокъ доходилъ до самаго моря, являя собою, такимъ образомъ, одинъ изъ рукавовъ Аму. Выше Чимбая Кичейли расширяется до пятнадцати сажений между берегами, имѣетъ ровную, совершенно достаточную для грузовыхъ судовъ глубину, и затѣмъ, соединяясь съ водами «Куванъ-джармы», доходитъ до самой Аму, уже около Нукуса.

Здѣсь мнѣ пришлось въ первый разъ увидеть аму-дарьинскихъ бурлаковъ, «каиьчи», какъ ихъ здѣсь называютъ. Бурлачество—явленіе вымирающее у насъ на Волгѣ, здѣсь, на Аму, живетъ еще полною жизнью.

Полуголая фигуры, въ однѣхъ рубашкахъ, подобранныхъ къ поясу, босоногіе, въ рваныхъ шапкахъ, совсѣмъ черныя отъ загара и грязи, сидѣли неподвижно, сверчившись на берегу и держа въ рукахъ лямочныя петли, терпѣливо ожидали, пока мы нагрузимся и устроимся въ своемъ кайкѣ.

Два карабалпака, съ длинными пестами въ рукахъ, стали одинъ на кормѣ, другой на носу лодки, крикнули что-то по-своему кайкчамъ; тѣ, не спѣша, поднялись, потянулись, запряглись въ лямки, согнулись, словно въ землю кому-то собирались поклониться, и пошли.

Они шагали мѣрно, нога въ ногу, словно машины какія-то, а не живыя существа. Слѣдъ въ слѣдъ ступали они по узкой

дорожекъ, протоптанной ихъ же собственными ногами, по самому краю обрывистаго берега.

Лодка пошла довольно ходко, вскапывая подъ носомъ глинистую воду; каракалпаки на лодкѣ помогали ляточникамъ шестами, когда каякъ подходилъ близко къ берегу. Подошли къ мосту; онъ весь былъ занятъ любопытными чимбайцами. Здѣсь намъ всѣмъ пришлось лечь на самое дно лодки, наклонить палатку и убрать все торчащее, потому что мостъ былъ очень низокъ и лодка едва-едва протискалась сквозь его узкій и мрачный пролетъ.

Начало темнѣть. Мы уже довольно далеко отошли отъ Чимбая. Каякчи запагали лѣннивѣ, и наконецъ попросили у насъ позволенія отдохнуть и покурить кальянъ, что, конечно, имъ и было позволено.

Справа и слѣва обѣ береговыя полосы были тщательно обработаны, чуть не на каждыхъ десяти саженьяхъ виднѣлись входы бововыхъ арыковъ, иные запруженные, иные открытые для притока воды на поля; народъ копался за своею работою; изъ массъ зелени выглядывали верхушки кибитковъ и сторожевыхъ шалашей, и опять слышенъ былъ знакомый звукъ чигирей и лѣнливое понуваніе усталыхъ животныхъ.

Черезъ полчаса мы снова тронулись въ путь и остановились на ночлегъ только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, отойдя отъ Чимбая не болѣе двѣнадцати верстъ по изгибамъ протока и половина того по прямому направленію. Идя съ подобною скоростью, мы рассчитывали попасть въ Нукусъ раньше чѣмъ въ двое сутокъ.

Лодочники наши подтянули каякъ вплотную къ самому берегу, воткнули свои шесты и весла въ землю и раскинули полога изъ бумажной бѣлой ткани—«мата». Отказывая себѣ во всякомъ жизненномъ комфортѣ, самый бѣдный каракалпакъ не можетъ обойтись безъ этой роскоши, иначе, въ этой странѣ комаровъ и мошекъ, онъ не будетъ знать ни минуты отдыха и покоя. Даже днемъ носятся въ воздухѣ міриады этихъ проклятыхъ насѣкомыхъ, а въ ночи весь воздухъ такъ наполняется ими, что и двухъ минутъ нельзя провести покойно, не отмахиваясь всѣми силами отъ этихъ несносныхъ кусакъ, забивающихся вамъ въ носъ, въ ротъ, въ уши, забирающихся въ самыя незначительныя, сокровенныя прорѣхи вашего платья.

Ночлегъ безъ полога положительно немислимъ въ этой странѣ; разложенное курево, дымя и покрывая чадомъ весь bivуакъ, мало защищаетъ его отъ нападенія этихъ крылатыхъ легио-

новъ, и на смѣну гибнущимъ отъ дыма мириадамъ—летять другіе, свѣжіе и отравляютъ вамъ каждую минуту вашего отдыха.

Мы, оставшись на каякѣ, тоже растянули кисейные полога, укрѣпивъ ихъ на палкахъ, воткнутыхъ въ камышевыя обкладки лодочныхъ бортовъ.

Насъ, русскихъ, не считая туземцевъ-лодочниковъ, было не болѣе шести человѣкъ, считая и Иванова съ его переводчикомъ, оставившаго свой конвой въ Чимбаѣ. Спать всѣмъ разомъ, не обезпечивъ себя поставленнымъ на всякій случай часовымъ—было бы слишкомъ рисковано, тѣмъ болѣе, что еще въ Чимбаѣ мы были предупреждены о шайкахъ туркменъ, бродящихъ по близости въ камышевыхъ заросляхъ, у слиянія Кичейли съ Куванъ-джармою. Положимъ, что шестерымъ превосходно вооруженнымъ европейцамъ нечего бояться полудикой шайки въ двадцать или тридцать человѣкъ, плохо вооруженныхъ, но для этого надо было встрѣтить опасность во-время предупрежденными, а не врасплохъ, съ просонокъ.

Мы раздѣлили ночь на смѣны; очередной усѣлся на бортъ лодки, вооружившись, кромѣ карабина, конскимъ хвостомъ на палкѣ—отмахивать комаровъ, а мы, свободные отъ стражи, полѣзли подъ пологи и заснули, убаюканные тихимъ плескомъ воды, скользящей по наружной сторонѣ лодки.

Около полуночи пришла моя очередь. Я вылѣзъ, осмотрѣлся:—ничего, темно, но не слишкомъ, видѣть можно; пожелавъ покойной ночи моему предшественнику, я занялъ его мѣсто, положилъ себѣ на колѣни берданку и неистово заработалъ хвостомъ, потому что разомъ очутился въ цѣломъ облакѣ комаровъ, звенящемъ на всѣ лады и сплошнымъ туманомъ застилавшемъ всю поверхность протока.

На берегу чуть-чуть искрились остатки костра, бѣлыми четырех-угольными массами видѣлись полога каякчей, черными силуэтами торчали шесты... Соловей щелкалъ и заливался трелями въ прибрежной джингиловой чащѣ. Высоко-высоко въ воздухѣ что-то посвистывало, перелетая черезъ рѣку; на ближайшихъ затопленныхъ поляхъ квакали и бурлили лягушки, изрѣдка слышались на водѣ рыбы всплески, другіе звуки, непонятные какіе-то, незнакомые неслись въ ночномъ воздухѣ... холодная сырость пронизывала сквозь полотно рубашки, вызывая легкую дрожь и сонливую зѣвоту... А небо было такое прозрачное, глубокое, все сверкавшее звѣздами; млечный путь широкою свѣтлою полоскою тянулся отъ одного края до другого. Особенно ярко и опредѣленно видѣнъ былъ хвостъ недавно появившейся кометы,

надѣлавшей такихъ тревогъ и сумятицы по всему низовому пространству.

Если у насъ, въ Петербургѣ, появленіе кометы волнуется иные умы и настроиваетъ ихъ на мистическій, пророческій ладъ, то что же должно надѣлать появленіе страшной, хвостатой звѣзды здѣсь, между дикарями, вся духовная сторона которыхъ зиждется на суевѣріи и боготвореніяхъ различныхъ явленій природы—но объ этомъ послѣ, до другого раза, а пока надо наблюдать свой постъ, а то пожалуй... тс!..

Я взвелъ курей и сталъ прислушиваться... голоса... да, точно...

Тихо, какъ тѣнь, скользя по теченію, плыветъ громадный кайкъ; снопы клевера, нагруженные на него цѣльмъ стогомъ, еще болѣе увеличиваютъ размѣры судна. Кажется, что будто цѣлая гора, темная, тяжелая, надвигается на васъ изъ мрака, готовая раздавить васъ однимъ своимъ прикосновеніемъ... Вотъ этотъ кайкъ поровнялся, прошелъ мимо. Тамъ все тихо, спятъ кайкичи, предоставивъ свое судно волѣ теченія; только подъ однимъ изъ пологовъ слышится тихій, монотонный говоръ... Прислушиваюсь, такъ: одинъ изъ лодочниковъ рассказываетъ другому какую-то безконечную сказку.....

«Однако, пора! созвѣздіе Большой Медвѣдицы запрокинулось почти къ самому горизонту; Сиріусъ блестящею, сверкающей точкою уже сквозитъ въ черныхъ заросляхъ, вотъ онъ уже надъ ними поднимается, дрожить на водѣ его серебристое отраженіе... скоро и разсвѣтъ. Моя смѣна прошла, иду будить товарища».

— Развѣ пора? недовольнымъ голосомъ мычить во снѣ нашъ метеорологъ.

— А!.. кто кого, какъ?! испуганно вскакиваетъ и озирается его сосѣдъ.

— Получилъ... Анну на шею получилъ, и годовое невзачетъ... отчетливо бредитъ молодой казачій сотникъ, выдающій вѣроятно самое сладкое сновидѣніе.

Шайка шаваловъ подобралась къ самому берегу: послышались какія-то не то взвизгиванія, не то слезливыя всхлипыванья. Фу, какой отвратительный вой! эти проклятые горланы не дадутъ спать... Они всегда вотъ такъ, передъ разсвѣтомъ...

Громкій выстрѣлъ изъ карабина поднимаетъ на ноги весь бивуакъ; общая тревога... Всѣ внимательно присматриваются къ темной линіи противоположнаго берега; лодочники повысочили изъ-подъ пологовъ и лезутъ въ лодку, подъ прикрытіе нашихъ ружей...

— Это я по шакалямъ... сконфуженно оправдывается часовой...

Поднялись мы съ разсвѣтомъ, еще до солнечнаго восхода, и къ полудни были уже на половинѣ перехода къ соединенію Кичейли съ Куванъ-джармою. Берега здѣсь были густо поросшіе деревьями джиды и все тѣмъ же джингиломъ, пріятная густая зелень котораго такъ гармонировала съ пепельно-сѣрою листовою джиды и розовыми цвѣтовыми метелками...

Множество птицъ оживляло эти берега: фазаны безпрестанно вылетали изъ чащи, къ великой досадѣ яраго охотника, метеоролога, всегда опаздывающаго по нимъ выстрѣлить; красивые пчелоѣды тоже частенько проносились въ воздухъ, оглашая его своимъ характеристическимъ крикомъ... Голубые зимородки, поднявъ вверхъ свои длинные толстые носы, сидѣли по берегу, рисуясь на его желтомъ, глинистомъ фонѣ, словно бирюза въ оправѣ.

Иногда видѣлись вдали пеликаны и вереницы лебедей, поднявшихся съ сосѣднаго озера. Но людей, оживлявшихъ-бы эту мѣстность, не было видно вовсе; все было мертво и носило характеръ полного запущенія; только изрѣдка видѣлись съвозъ чащу остатки полуразобранныхъ, сгорѣвшихъ зимовокъ,—нѣмые свидѣтели тяжелыхъ годинъ, пережитыхъ каракалпакскимъ народомъ.

Протокъ Кичейли, на всемъ своемъ теченіи—съ небольшимъ сто верстъ, представляетъ превосходный водяной путь, благодаря своей глубинѣ, почти одинаковой на всемъ протяженіи протока. Частые промѣры дали намъ: наибольшую глубину 11 футъ, наименьшую 6¹/₂, среднюю 8³/₄ ф. Еслибы протокъ этотъ былъ нѣсколько шире, то по немъ могли бы проходить всѣ суда нашей Аральской флотиліи.

Доказательствомъ судоходной важности протока служило между прочимъ и то, что не проходило и получаса времени, какъ мы то-и-дѣло встрѣчали каяки, нагруженные хлѣбомъ, кормомъ для скота, самимъ светомъ и просто народомъ—пассажирскіе каяки, идущіе къ Чимбаю и къ Нукусу. Вверхъ все это тянется, какъ и мы—на лямкахъ, внизъ же спускается по теченію, на шестахъ и веслахъ, со скоростью восьми верстъ въ часъ,—что составляетъ весьма значительную въ судоходствѣ скорость.

Иногда намъ попадались просто плоты изъ камыша, плывущіе подъ наблюденіемъ одного или двухъ человѣкъ; на подобныхъ плотахъ сплавлялся преимущественно клеверъ и строевой хлѣсъ, кривой, тонкій, который у насъ и на дрова былъ бы за-

бракованъ, а здѣсь онъ—цѣнность, и цѣнность довольно значительная за неимѣніемъ другого, лучшаго.

Въ продолженіе этого дня мы раза четыре останавливались на отдыхъ,—только. Меня, знакомаго уже съ азіатскою выносливостью, положительно удивляла эта неутомимость нашихъ ляточниковъ, тѣмъ болѣе что бичевникъ былъ крайне неудобенъ и трудно проходимъ въ этихъ густыхъ, сплошныхъ чащахъ, по берегу легко подмываемомуся, отваливаемомуся на нашихъ глазахъ цѣлыми пластами.

Каикчамъ вѣрно было быть къ ночи на Куванъ-джармѣ и только тамъ стать на ночлегъ, и они выбивались изъ силъ, чтобы исполнить это приказаніе.

Нѣсколько разъ наши бурлаки принимались запѣвать, и ихъ еадансированный напѣвъ весьма близко подходилъ къ нашей повожской «дубинушѣ».

Сходная работа, сходная жизнь родили и сходные звуки.

Торопливость нашихъ каикчей объяснялась еще однимъ обстоятельствомъ: они хотѣли до полуночи пройти сплошныя, низменные чащи, простирающіяся до самой Куванъ-джармы, и особенно густыя въ треугольнике соединенія ея съ Кичейли. Эти чащи не пользуются доброю славою: въ ихъ нѣдрахъ гнѣздится нѣсколько тигровыхъ семействъ, и бѣднякамъ, безоружнымъ каикчи, было бы весьма плохо, еслибы одна изъ этихъ крупныхъ полосатыхъ кошекъ подошла къ берегу во время ихъ прохода.

Мы и то слышали уже раза два невдалекѣ какой-то весьма подозрительный ревъ, заставлявшій каждый разъ каикчей прыгать въ воду, прямо съ кручи обрывистаго берега.

Было уже темно, и узнавать мѣстность стало трудно... Но, всть, показались признаки близости ночлега: каикъ нашъ раза два толкнулся своимъ плоскимъ дномъ, и разъ даже чуть совсѣмъ не сталъ на мель,—это начались песчаные перевалы, образовавшіеся при сліяніи водъ двухъ протоковъ.

— Джакымъ, джакымъ (близко)! весело забормотали ободрившіеся каикчи.

Этотъ ночлегъ былъ проведенъ также покойно, какъ и первый, и съ тѣми же предосторожностями. Мы опять выступили до солнечнаго восхода, какъ и вчера, съ тою только разницею, что вчера мы плыли по узкому Кичейли, сегодня-же вправо и влѣво разстлалась широкая Куванъ-джарма — хотя такая же мертвая, безлюдная, съ такими же берегами, заросшими непроходимыми

чащами джиды и джингила. Только ближе къ берегу, спускаясь въ самую воду, поднимались теперь стройные стебли тропическаго камыша съ широкими, ярко-зелеными листьями и розоватыми, цѣтвыми султанами... Дикій терновникъ кое-гдѣ выставялъ свои колючія вѣтви... Въ заливчикахъ желтѣли крупныя кувшинки, и словно серебряныя мелькали водяныя лиліи, съ своими широкими, распластавшимися по водѣ листьями... Раздолье дикарю, раздолье и рай для охотника, не дурно для разбойника и вора, которому есть гдѣ спрятаться; тяжело—для мирнаго хлѣбопашца, которому надо затратить много времени, положить много тяжелаго труда, чтобы очистить и завоевать себѣ хотя бы клочокъ земли, годный для обработки.

На берегахъ Куванъ-джармы стали намъ, хотя очень рѣдко, попадаться небольшіе аулы, бѣдные, малочисленные... Чахлыя, измученныя коровы, съ жалобнымъ мычаніемъ бѣгали по берегу и бѣсновались, не находя себѣ спасенія отъ комаровъ; двѣ-три лошади, отъ ушей до ногъ зашитыя въ войлоки, по той же причинѣ уныло стояли, опустивъ головы... Кибитки были разстановлены кое-какъ, будто недождѣнные, кругомъ не прибрано, площадки не вытоптаны... Казалось, что все это только недавно, можетъ быть только вчера, пришло сюда и стало не надолго, вполне готовое уйти опять и спрятаться въ чащѣ, а оттуда въ пустыню, при первомъ тревожномъ крикѣ, при первомъ выстрѣлѣ съ того ненавистнаго берега...

Не скоро еще успокоится мирное каракалпакское населеніе, и много еще нужно совершенно спокойныхъ и мирныхъ годовъ, чтобы забитый, запуганный народъ веселѣе и надежнѣе взглянулъ на все окружающее...

Къ полудню мы стали подходить къ повороту Куванъ-джармы, близъ сліянія ея съ Аму. Вдали виднѣлась уже мутно-желтая, водная полоса, волненіе на которой было замѣтно крупнѣе зыби, разбиваемой килемъ нашего каяка.

— Аму! Аму! указывалъ туда старый каракалпакъ-лодочникъ, и даже шапку снялъ по какому-то вдохновенію.

— Аму! Аму! покрикивали съ берега лямочники.

— Лагерь нашъ видѣнь! — радостно произнесъ одинъ изъ пассажировъ.

Дѣйствительно, вдали, между кустовъ, на томъ берегу, за поворотомъ рѣки виднѣлась чуть замѣтная бѣлая точка. Это была рубаха русскаго часового.

Въ два часа пополудни мы пришли къ Нукусу и причалили

къ берегу, заставленному почти сплошь бѣлыми солдатскими палатками и цвѣтными пологами.

ХІІ.

Лагерь Нукусъ. — Неможко политики по поводу лагеря. — Укрѣпленіе. —
Юмуды съ арзомъ. — Наши марьянтанты. — Въ дорогу.

Разгромивъ Хивинское ханство, повернувъ тамъ все вверхъ дномъ, русскіе ушли по своимъ домамъ, оставивъ на правомъ берегу Аму Иванова съ двумя батальонами пѣхоты.

Эта горсть, отрѣзанная громадными пустынями отъ ближайшаго подкрѣпленія, должна была поддерживать разъ заведенный порядокъ при самыхъ невыгодныхъ для того условіяхъ.

Хивинскій ханъ обязанъ платить контрибуцію. Денегъ у него лично нѣтъ; онъ самъ называетъ себя, въ своихъ письмахъ къ Иванову, байгушемъ—нищимъ, и это совершенная правда! Кто былъ въ Хивѣ, тотъ видѣлъ самъ обыденную жизнь когда-то грознаго владыки, въ его пустомъ дворцѣ, лишенномъ даже самой необходимой азіатской мебели—ковровъ.

Большая часть его мирныхъ подданныхъ, платившихъ безъ ропота и сопротивленія всякія подати, подчасъ непосильныя, отошла вмѣстѣ съ правымъ берегомъ и дельтою къ намъ; хану остались всѣ тюременскіе роды, бывшіе до сихъ поръ только вассальными ханства. Тюремены не знали другихъ податей; какъ натурою: они выставляли, по требованію хана, вооруженныхъ людей (нукеровъ) и платили извѣстную долю добычи своего грабежа.

Въ настоящемъ положеніи нукеровъ хану не нужно, ему воевать не съ кѣмъ; добычи отъ грабежа тоже взять не откуда: грабить запрещаютъ *«проклятые пришельцы въ бѣлыхъ рубахахъ»*, а деньги подай, возьми гдѣ хочешь... Эти деньги надо взять съ тюркменовъ, измѣнивъ форму податей, а тюркмены народъ вольный, знать не хотятъ никакихъ сборовъ и наотрѣзъ отказываютъ хану въ его требованіяхъ, смѣясь надъ его безсиліемъ.

Изъ русскаго лагеря хану предписываютъ озаботиться платежемъ контрибуціонныхъ суммъ. Ханъ отвѣчаетъ: «денегъ нѣтъ», ему пишутъ: — возьми съ тюремень; онъ отвѣчаетъ: «тюремены не даютъ, берите сами...»

«Берите сами» значитъ надо переходить на тотъ берегъ и идти въ кочевья и ставки тюремень, т.е. объявлять имъ войну.

Этого нельзя, не списавшись съ Петербургомъ, а переписка продолжается по полугоду,—время уходитъ.

Между тѣмъ, подобныя непосредственныя отношенія наши къ тюремѣнамъ не могутъ никакимъ образомъ вести къ дружбѣ и миру... Отношенія эти натянуты до-нельзя, почти открыто враждебны. Мы должны, въ свою очередь, ежеминутно ожидать со стороны тюркменъ набѣговъ на каракалпаковъ правой стороны, нашихъ новыхъ подданныхъ, мы должны закрыть ихъ, иначе можемъ ли мы требовать отъ нихъ полнаго подчиненія и довѣрія, когда тюремѣны будутъ грабить ихъ подъ нашимъ носомъ.

А какъ закрыть всю границу,—протяженіе болѣе 600 верстъ,—съ двумя батальонами?!

Не стану вдаваться въ подробности политическаго устройства новаго нашего края и его отношеній къ сосѣдямъ,—это не составляетъ предмета моихъ разсказовъ; ограничусь только общимъ очеркомъ тактики, принятой Ивановымъ.

Оборонительное положеніе, въ строгомъ смыслѣ этого слова, здѣсь немислимо, значить, надо наступательное.

Построены два сильныхъ пункта: Шураханъ—Петрово-Александровское укрѣпленіе, верстъ полтора ста выше развѣтвленія Аму, на параллели съ самою Хивою, и укрѣпленіе Нукусъ, у самаго развѣтвленія, въ вершинѣ дельты.

Оба эти форта имѣютъ очень сильную, недоступную профиль, въ нихъ сложены запасы боевыхъ и продовольственныхъ матеріаловъ, и маленькаго гарнизона въ двѣ роты совершенно достаточно, чтобы всѣ попытки непріятеля атаковать ихъ были бы парализованы; съ остальными, свободными ротами Ивановъ выжидаетъ, въ полной готовности перебросить ихъ на лѣвый берегъ.

Доходятъ слухи, напримѣръ, что тюркмены перешли въ такомъ-то пунктѣ и грабятъ каракалпаковъ; идти туда бесполезно, за вѣтромъ въ полѣ не угоняешься. Ивановъ внезапно появляется тамъ, гдѣ его совершенно не ожидали, въ самомъ центрѣ родовъ, выславшихъ разбойничьи партіи. Наносится страшный ударъ, ударъ, наводящій панику на всю окрестность; подъ влияніемъ этой паники подписываются всевозможные договоры, идутъ на всевозможныя соглашенія, и снова успокаивается страна до новаго повода къ такому же быстрому, рѣшительному удару.

Туземцы говорятъ про Иванова:

«Этотъ «Сары-сагалъ»—здѣшній тигръ. Онъ нападаетъ тамъ, гдѣ его не ждутъ; онъ бьетъ больно, и у него ничего не пройдетъ безнаказанно. Съ миромъ иди въ его гнѣздо, онъ не тро-

нетъ и обласкаетъ, и дастъ подарки; съ войной не ходи, послѣ долго придется плакать.

«У него мало солдатъ, но эти солдаты не люди,—это дѣти шайтана, противъ которыхъ даже заклинанія недѣйствительны.

«Сары-сакаль все знаетъ и все слышитъ, у него сто ушей и сто глазъ, его обмануть трудно».

Суевѣрные дикари добавляють:

«Огъ него пули отскакиваютъ и желѣзо тупится. Смотри на его бунчужъ (знамя) ¹⁾: онъ красный, а по бокамъ у него черныя полосы. Красное—это кровь наша; черное—это печаль и горе. Ты спокоенъ, пока этотъ бунчужъ спокоенъ; твоя погибель, когда этотъ бунчужъ разовьется по вѣтру. Иди къ нему съ миромъ, онъ покроетъ тебя какъ халатомъ, и тебѣ будетъ тепло; иди съ войной—онъ смететъ тебя съ лица земли и превратитъ въ пыль».

Этотъ говоръ и рѣчи, переведенные мною съ буквальною точностью, совершенно ясно характеризуютъ личность Иванова и его тактику... Добавлять къ этому что-либо было бы излишнимъ.

Казалось, что такое положеніе вещей должно было бы совершенно унять хищниковъ, которымъ не одна попытка не проходила безнаказанно, но...

Но, какъ вы въ одинъ годъ переработаете всю натуру тюремъ—этихъ вольныхъ, кочевыхъ разбойниковъ, выработавшуюся въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ полной свободы, воли и безнаказанности?!

А къ этому добавьте подстреканія духовныхъ лицъ, вычитавшихъ въ своихъ книгахъ, что рано или поздно Аллахъ пошлетъ свою благодать вѣрнымъ сынамъ его и сотретъ въ прахъ гордыню «бѣлой рубахи». Последняя комета тоже не мало хлопотъ надѣлала; ее приняли какъ предвозвѣстницу той рѣшительной поры, когда мусульманинъ долженъ взяться за оружіе.

Только страхъ «волшебнаго бунчука» удержалъ ихъ отъ головнаго возстанія, отъ священной войны противъ невѣрныхъ. Хаззаватъ могъ вспыхнуть каждую минуту, но онъ не вспыхнулъ.

Вотъ тутъ и собирай контрибуцію!

Въ Нукусѣ дожидались Иванова тюремены-юмуды, пріѣхавшіе сюда съ просьбою (арзомъ) къ «Сары-сакуль-тюрь».

Это были два атлета съ горбоносими, совершенно кавказски-

¹⁾ Значекъ Иванова состоитъ изъ двухъ орденскихъ лентъ: владимірской и георгіевской.

ми лицами, съ высокими, умными лбами и окладистыми бородами. Одного звали Ата-Мурадъ-ханъ, другого Иртыкъ-Мергенъ. На халатѣ перваго блестяли двѣ русскія медали, полученныя имъ за какую-то услугу сомнительнаго свойства, въ послѣднюю войну; впрочемъ, Ата-Мурадъ надѣвалъ эти украшенія только тогда, когда прѣзжалъ къ намъ; у себя же дома онъ тщательно скрывалъ ихъ отъ постороннихъ глазъ, боясь навлечь на себя косые взгляды.

Тюрмены были вооружены пашками, ножами и длинными ружьями; они держали себя свободно и съ достоинствомъ, дружески протянули руки Иванову и вообще говорили съ нимъ какъ равный съ равнымъ...

Неподалеку стояли и ихъ кони, высокіе, красивые жеребцы, покрытые попонами. Тюрмены прибыли въ лагерь незадолго до насъ, и успѣли уже отдохнуть и переодѣться попараднѣе.

Сущность ихъ просьбы ярко характеризовала отношенія тюремень къ хану. Ата-Мурадъ имѣлъ тяжбу изъ-за земли съ однимъ изъ приближенныхъ хана, а прѣехалъ за рѣшеніемъ къ Иванову.

Понятно, что тотъ отказалъ ему въ просьбѣ, говоря, что оба иста—подданные хана и живутъ на его землѣ, что всякое вмѣшательство русскаго начальника въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно...

— Какой онъ намъ ханъ,—возражалъ тюремень,—знать мы его не хотимъ: наша сила была, мы ни у кого не спрашивали, ханъ по нашему дѣлалъ; а теперь ваша сила, вотъ мы и пришли къ вамъ кланяться.

— А теперь вы подданные хана, — отвѣчалъ Ивановъ, — идите къ нему. Знайте, чтó было, то прошло; привыкайте къ новому порядку, какъ умѣете; привынете, хорошо вамъ будетъ; нѣтъ—сами знаете, что плохо. Ступайте.

— Вотъ какъ нынче!—не то удивленно, не то себѣ на умѣ,—произнесъ Ата-Мурадъ, и тотчасъ же переѣнилъ дѣловой разговоръ на обыденный, совершенно частный, остался завтракать и пить чай вмѣстѣ съ нами и уѣхалъ, повидимому, пріятелемъ; только садясь на лошадь, замѣтилъ:

— Все въ волѣ Аллаха, а мы этой воли напередъ знать не можемъ.

— А своимъ скажи, чтобы смирно сидѣли, а то въ гости приду,—напутствовалъ его Ивановъ.

— Для такого гостя на угощеніе разоримся, а впрочемъ,

приходи: мы гостямъ рады,—улыбнулся Ата-Мурадъ и молодцовато поправился на своемъ покойномъ сѣдлѣ.

Такъ туркмены и уѣхали.

Пока укрѣпленіе Нукусъ строится, войска расположились лагеремъ по берегу Аму, занявъ полосу протяженіемъ болѣе версты. Солдатскіе бараки разбиты правильными рядами, съ улицами и переулками; вдоль этихъ улицъ прорыты канавы, въ которыхъ протекаетъ вода, накачиваемая цѣлой системой чигирей, устроенныхъ по берегу. Въ одномъ концѣ этого лагеря сгруппировался базаръ, гдѣ торгуютъ кое-кто изъ мѣстныхъ жителей, а больше наши маркитанты, слѣдующіе всегда за отрядами съ своимъ постояннымъ товаромъ: плохое вино, карты, табакъ и разныя жестянки по части гастрономіи. Но, увы! эти товары раскупаются мало... Сѣтуютъ маркитанты горько и вспоминаютъ старое доброе время... Теперь не то: солдаты пьютъ чай и почти забыли про водку, офицерство тоже записалось въ общество трезвости... Говорятъ маркитантамъ: «давайте намъ сукно, давайте бѣлье, давайте хорошій табакъ, давайте и вина, только хорошаго, хотя и немного»... «Нѣтъ, вздыхаютъ торгаша—что ужъ это за товаръ, что за торговля... То ли дѣло прежде, когда съ пьяныхъ глазъ всякую дряпь пили и деньги большія платили; прошли красные дни для русскаго торговаго человѣка, хоть совсѣмъ бѣги изъ лагеря».

— Да и ступайте, васъ, молю, никто не держитъ,—говорятъ имъ въ отвѣтъ на ихъ жалобы...

Пришлось этимъ шакаламъ торговли поджечь хвосты и—или подчиниться новымъ условіямъ, или же закрывать свои бесполезныя лавочки.

Здѣсь, въ Нукусѣ, предполагено построить первую метеорологическую станцію и открыть постоянныя наблюденія. Нашъ метеорологъ остается здѣсь по этому случаю... Ивановъ уже принялъ мѣры, чтобы постройка шла быстро и можно было бы приступить къ дѣлу...

Дня три прожили мы всѣ въ Нукусѣ, невыносимо страдая отъ комаровъ. Даже двумъ работать (писать и рисовать) приходилось подъ кисейнымъ пологомъ. Несчастныя лошади нашей кавалеріи томилась безъ сна, задыхались отъ дыму навозныхъ костровъ и видимо приходили въ истощеніе... Каждый солдатъ обзавелся пологомъ; всѣ часовые вооружились, кромѣ берданки, вѣтвями джунгила и холщевыми полотенцами; люди нервныя, раздражительныя, доходили до изступленія...

— Проклятое мѣсто! — вотъ фраза — ежеминутно поражавшая ухо.

Въ дорогу, дальше!

— А въ Шураханахъ благодать! тамъ, вѣрите ли, ни единого комарика! — говорили прибывшіе изъ этой страны благодати...

Скорѣе туда. Тамъ встать предѣлъ и цѣль моей поѣздки.

XIII.

Въ заросляхъ. — Кишлакъ-Нукусъ. — Мостъ. — Обѣздъ по случаю разлива воды. — Отдыхъ на Арыкъ-балыкъ. — Пески и арбы. — Ночлеги. — Гора Чалпыкъ съ развалинами. — Медресе Ходжи-Ніаза и его угрюмые обитатели. — Озеро Ходжейли. — Приваль. — Шейхъ-джейлинскія горы. — Біѣ-базаръ и хапскій дворець. — Дмитрій ходжа и его сынъ. — Нѣчто о русскихъ лѣшыхъ по этому поводу.

Наканунѣ отъѣзда я послалъ своего джигита на тотъ берегъ, въ хивинскій городокъ Ходжейли, купить двухъ лошадей подъ верхъ. Часовъ черезъ шесть слуга мой возвратился съ покупкою. Это были двѣ очень порядочныя лошадки, изъ которыхъ одна даже довольно породистая; обѣ онѣ стѣбили всего семьдесятъ рублей, съ попонами и головными уборами... не дорого!

Мы выѣхали передъ вечеромъ, часовъ въ шесть. Кавалькада состояла человекъ изъ двадцати казаковъ, одного офицера, и меня съ своимъ джигитомъ. Ивановъ обѣщаль догнать насъ на второмъ переходѣ.

Багажъ нашъ шель на двуколесныхъ, тюркменскихъ арбахъ, въ одну лошадь; большею частью нѣкоторыя изъ нихъ были и запряженныя быками, тоже по одному въ арбѣ... Эти приземистые, коренастые быки шли ходко, мало уступая лошадямъ въ скорости, зато значительно превосходя въ силѣ.

Узенькая дорога, вся изрытая колеями, выбитая, покрытая толстымъ слоемъ солонцеватой пыли, извивалась въ густыхъ чащахъ, кишившихъ комарами и мошками. Лошади фыркали и бѣсились, проходя этими чащами; всадники, завернувшись въ кисейные шарфы, связавши рукава, чтобы въ ихъ обшлага не проползали эти несносныя насѣкомья, ѣхали молча, угрюмо... Мы гнали лошадей, чтобы скорѣй пройти заросли и выбраться на болѣе открытое мѣсто, гдѣ комаровъ сравнительно меньше, есть, по крайней мѣрѣ, возможность легко дышать, освободившись отъ этихъ удушливыхъ вуалей.

Влѣво желтѣютъ какіе-то высокіе станы; я свернулъ туда,

пробрался между двумя арыками и попалъ на обработанное поле, засѣянное хлопкомъ и джугарою... Съ большими усилиями, прыгая черезъ канавы и продираясь сквозь колючую чащу естественныхъ заборовъ, я добрался до этого зданія. Это и былъ киплакъ Нукусъ, верстахъ въ десяти отъ нашего укрѣпленія... Это былъ положительно довольно сильный, укрѣпленный фортъ, въ которомъ маленькому гарнизону очень удобно защищаться отъ нападенія въдесятеро сильнѣйшаго непріятеля...

Въ тѣсномъ четырех-угольномъ пространствѣ, окруженномъ стѣнами, было скучено до двадцати кибитокъ, вплотную одна къ другой. Только пѣшій могъ пробраться между этими кибитками. Всѣ онѣ были пусты—въ одной только мелькнула бѣлая рубаха испуганной моимъ появленіемъ старухи. Все населеніе киплака было на работѣ въ полѣ, и когда я выбрался оттуда, то сквозь зелень фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ можно было замѣтить тамъ-и-сямъ копошащіяся полуголыя фигуры... Кто работалъ у чигирей, кто у шлюзовъ; женщины копались въ землѣ, дѣти сновали точно зайцы, прячась въ кусты и выглядывая оттуда любопытными глазенками. Была самая жгучая рабочая пора, и потому все, что только способно было работать, дома не сидѣло.

Вблизи русскаго лагеря каравалпаки не боялись появленія тюремь и работали спокойно, надѣясь, что у нихъ не отнимутъ уже плодовъ ихъ тяжкихъ усилій, не вытопчутъ конями полей, за которыми столько возни, столько колоссальнаго труда, въ продолженіи не одного года, а цѣлыхъ десятилѣтій затраченнаго.

Поля хлопчатника смѣнялись рисовыми, тѣ въ свою очередь смѣнялись табачными плантаціями; тамъ-и-сямъ желтѣли поспѣвающія уже дыни на бакшахъ, и словно тѣсь волновалась индійская конопля и джугари, — это красивое, полезнѣйшее растеніе центральной Азіи.

Ни одного плуга, нѣкакого приспособленія; все одна и та же копотливая ручная работа — киркою и битнемъ, — работа на крохотныхъ квадратныхъ участкахъ, тщательно размѣренныхъ, разобранныхъ чуть ли не по вершкамъ, наблюдаемыхъ такъ, какъ развѣ можетъ огородникъ наблюдать за своими парниками.

Что же дѣлать: борьба съ природою — борьба тяжелая; то, что разъ завоевано, бережется крѣпко, потому что, разъ потерявъ, земледѣлецъ не можетъ увѣренно рассчитывать, останется ли за нимъ второй разъ побѣда.

Я догналъ отрядъ и обозъ въ ту минуту, когда арбы переправлялись черезъ довольно широкій арыкъ по оригинальному

мосту. Этотъ мостъ имѣлъ видъ довольно крутой крыши на два ската: по одному скату поднимаются, по другому спускаются; гребень острый,—отъ спуска къ подъѣму перехода никакого,—разомъ. Все это держится на тонкихъ, но часто вбитыхъ сваяхъ; все сооруженіе дрожить и трещить, и вотъ-вотъ готово обрушиться въ арыкъ, со всѣмъ, что ему довѣрилось.

Казакѣ не рѣшались ѣхать черезъ этотъ мостъ и предпочитали илистый и топкій бродъ,—гдѣ лошади вязли по брюхо, но арбы не могли бы пройти бродомъ и должны были рисковать.

Арбы перетаскивались по одной; всѣ арбакепи хлопотали около очередной арбы, и, переправивъ ее, принимались за слѣдующую.

На наше счастье—переправа обошлась совершенно благополучно, хотя заняла и не мало времени.

— Нѣтъ, вотъ съ орудіями мы недавно побились тутъ,—ну, и было же работы!—сообщилъ мнѣ казачій офицеръ при семъ удобномъ случаѣ.

Перейдя полосу обработанныхъ полей, мы опять очутились въ дикой чащѣ, опять окунулись въ этотъ туманъ жужжащій и жалящій... Дорога пошла подъ гору; мы спускались къ Арыкъ-балыку, протоку, разлившемуся въ сторону песковъ длиннымъ заливомъ. Теперь время разлива воды, и намъ пришлось объѣзжать этотъ заливъ, а въ другое время его переходять въ бродъ, на селеніе Назаръ-ханъ. Опять кончились заросли, пошли сыпучіе песчаные барканы. Арбы подвигались съ трудомъ, медленно; часто приходилось къ нимъ припрягать казачьихъ лошадей... Мы подвигались впередъ не болѣе двухъ верстъ въ часъ, и къ полуночи, совершенно выбившись изъ силъ, стали на отдыхъ, — добравшись-таки до крайней точки объѣзда.

Несмотря на полога, несмотря на разложенные огни,—это былъ тяжелый, печальный ночлеги, о которомъ даже вспоминать нѣтъ охоты.

Съ распухшими лицами, съ руками, покрытыми пузырями, мы съ разсвѣтомъ тронулись далѣе, выбираясь на открытое мѣсто, гдѣ палая зной и раскаленная, каменистая почва показались намъ сравнительно раемъ.

Стали бивакомъ, сварили чай, напились и отправились далѣе.

Громаднымъ голубоватымъ конусомъ рисовалась передъ нами гора Чалпыкъ. По мѣрѣ приближенія, ея очертанія становились рѣзче,—она желтѣла на освѣщенныхъ сторонахъ, и на ея вершинѣ обозначались контуры полу-разрушенныхъ, размытыхъ

дождемъ, обвѣтрившихся стѣнъ старой крѣпости, происхождение которой древнѣе даже народныхъ легендъ здѣшняго края.

— Калмыки строили, — вотъ все, что мы могли узнать отъ ученѣйшихъ туземцевъ.

— А когда и зачѣмъ, добавляли они, — въ нашихъ книгахъ не сказано.

У подножья Чалпыка приютилось медресе Ходжи-Ніаза; это было строеніе изъ жженого кирпича, съ фронтономъ въ буддійскомъ стилѣ и куполами въ видѣ полушарій. Оно было удалено отъ всякаго другого жилья, и здѣсь, на краю мертвой пустыни, разстилавшейся влѣво отъ дороги, оно было удобнымъ приютомъ уединенія и созерцанія. Построенное, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, однимъ муллою Ходжи-Ніазомъ, зданіе это уцѣлѣло въ тяжелые годы набѣговъ и беспорядковъ. Тюркмены ограничивались только тѣмъ, что обирали святыхъ отцовъ и ихъ учениковъ, — не трогая ихъ самихъ лично. Это медресе, по своему уставу и назначенію, соотвѣтствуетъ нашимъ монастырямъ... Удалившіеся отъ свѣта ходжи учатъ здѣсь корану приходящихъ и принимаютъ неофитовъ, желающихъ посвятить себя одинокой жизни...

Впрочемъ, по близости, рядомъ съ могилою самого Ходжи-Ніаза, стояла войлочная вибитка, гдѣ слышались женскіе голоса, стихнувшіе при моемъ приближеніи.

Когда я подѣхалъ къ воротамъ медресе, тамъ, на каменныхъ ступеняхъ, сидѣли два совершенно сѣдые старика, — они даже не взглянули на меня, не оборотили головъ на топотъ моей лошади и на брязгъ оружія.

Я пожелалъ имъ благополучія и попросилъ воды; мнѣ говорили, что во дворѣ медресе есть родникъ съ превосходною холодной водою, а пить хотѣлось страшно...

На мою просьбу послѣдовало гробовое молчаніе — я повторилъ... то же молчаніе, та же неподвижность, словно это были не люди, а изваянія

— Да что вы съ ними толкуете, ужъ это народъ такой — съ ними нешто можно чество, подѣхалъ ко мнѣ казакъ... Походите, я сейчасъ распоряжусь; у насъ живо!

Онъ слѣзъ съ лошади, закинулъ на луку сѣдла поводья и хотѣлъ-было войти во дворъ. Эта рѣшительность вывела стариковъ изъ ихъ оцѣпѣнія...

— Куда... постой! не ходи — я принесу самъ, — поднялся одинъ изъ нихъ...

Я началъ говорить муллѣ, что гостепріимство первая добродѣтель, что навормить голоднаго, а тѣмъ болѣе напоить жажду-

щаго путешественника прямая обязанность всякаго хорошаго человека, что и у нихъ въ коранѣ объ этомъ сказано, а они плохо слѣдуютъ ему, если молчаніемъ отвѣчали на мою просьбу...

— Ты невѣрный,—ты врагъ панъ—иди своею дорогою...—угрюмо отвѣчалъ старикъ.—Нашъ законъ говоритъ: не прикасайся къ гауру...

— Ишь ты вреть какъ,—замѣгилъ казакъ,—а деньги брать можно... Надѣсь господинъ полковникъ двадцать рублей имъ далъ, небось взяли, даромъ что отъ невѣрнаго. Это по вашему можно?..

— На, пей!—подошелъ съ чашкою другой.

Это было сказано съ такою ненавистью, сопровождалось такимъ злымъ взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ рѣсницъ, что я невольно подозрительно посмотрѣлъ на дно сосуда. Нѣтъ, вода чистая какъ стекло, всѣ узоры, всѣ трещины расписной чашки сквозятъ отчетливо... отхлебнулъ:—холодная, свѣжая такая, вкусная... Выпилъ чуть не всю чашку, бросилъ на ея дно немного серебряной мелочи—и поѣхалъ прочь отъ этого угрюмаго, мрачнаго гнѣзда фанатизма и несправедливости.

Вотъ они, враги, съ которыми намъ будетъ много возни, много борьбы, несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ борьба со всѣми туркменскими родами этого берега. Это врагъ внутренній, противъ котораго наши скорострѣльные пушки и берданки недействительны—тутъ нужны иныя силы, иное оружіе.

Вдали синѣетъ скалистый вряжъ Шейхъ-Джейлинскихъ горъ, влѣво—песчаные холмы, за ними пустыня, правѣ зеленая полоса аму-дарьинскихъ береговъ, свѣтлая водная лента и, чуть-чуть замѣтная, волнистая линія противоположнаго берега. Оазисъ Нукуса и Назаръ-хана кончается, — мертвая мѣстность подходит вплотную къ берегамъ Аму; ее надо переѣхать, чтобы попасть въ слѣдующій оазисъ — Бій-базаръ, Шабасъ-вали и Шурахана. Словно зеркало, обрамленное зеленою рамой, виднѣтся впереди озеро Шейхъ-Джейли, послѣдняя вода этого оазиса, мѣсто нашего отдыха.

Въ часъ времени мы добрались до него и расположились веселымъ бивуакомъ. Прекрасная, отстоявшаяся вода,—купанье въ ней,—ароматическій чай, отсутствіе комаровъ, словно боящихся этого близкаго сосѣдства съ пустынею... Даже животныя ободрились и весело ржали. Лошадей разсѣдлали и пустили на траву, стреноживъ предварительно, быковъ тоже выпрагли...

— А въ ночи опять налетятъ *проклятыя!*—замѣтилъ со вздохомъ казачій офицеръ, и отравилъ этимъ замѣчаніемъ все пріятное расположеніе духа.

На этомъ привалѣ насъ догналъ начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла, сдѣлавшій верхомъ въ одинъ переходъ около семидесяти верстъ.

Лошади его конвоя были измучены; рѣшено было здѣсь ночевать, а завтра, къ вечеру, поспѣть въ Бій базаръ. Туда былъ командированъ джигитъ, чтобы намъ выслали на встрѣчу смѣнныя арбы и заготовили въ городѣ помѣщеніе.

Къ полудню слѣдующаго дня нашъ отрядъ переходилъ горное плато:—черная, словно покрытая углемъ, почва была лишена всякой жизни, всякой растительности; только громадныя ящерицы, въ аршинъ длиною, изрѣдка выглядывали изъ-за камней и неуклюже убирались прочь, заползая въ зияющія трещины... кованыя копыта лошадей звенѣли, словно шли по чему-то металлическому, арбы катились легко и мало отставали отъ всадниковъ...

Надъ нами раскинулось небо—сѣрое, мглистое, раскаленный воздухъ мутилъ его голубую безконечность, оно словно спустилось ниже, словно надавило на эти угрюмыя, угловатыя очертанія скалистыхъ выступовъ...

Мы оставили арбы и пошли почти рысью, хотѣлось поскорѣе пройти эту непривѣгливую мѣстность, производившую на насъ впечатлѣніе могилы.

Вонъ, впереди, дорога оборвалась разомъ; ея продолженія не видно вовсе, тамъ начинается спускъ,—и снова передъ нашими глазами зазеленѣлъ безконечный горизонтъ, снова надъ головами раскинулось голубое небо.

У подножья горъ мы нашли арбы, дожидавшія насъ еще съ утра, и старшину бій-базарскаго, выѣхавшаго объявить, что помѣщеніе въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ готово.

Мѣстность стала очень похожа на ту, что была въ окрестностяхъ Чимбая. Опять стали появляться народъ, опять въ нашему кортежу прибавлялись все новыя и новыя конныя группы, и передъ закатомъ солнца мы въѣхали въ Бій-базаръ, въ сопровожденіи самаго многочисленнаго общества.

Кибитки для насъ были расположены въ саду бывшаго ханскаго дворца, подъ тѣнью развѣсистаго карагача, на берегу четырех-угольнаго прудика, «хауза»; передъ кибитками разостланы красивыя хивинскіе ковры, и на нихъ стояло множество блюдъ съ варенымъ рисомъ, пловомъ, лепешками, дынями, недозрѣлымъ виноградомъ и опять съ тѣми же неизбѣжными кувшинами съ кислымъ айраномъ.

Бій-базаръ уже имѣеть совершенно другой характеръ, чѣмъ города-зимовки каракалпаковъ; здѣсь преобладающее населеніе узбеки, и они придали своему городу фizioномію вообще городовъ Средней Азіи, съ полнымъ отсутствіемъ кочевого элемента. Тѣсно скученныя сакли, съ замкнутыми дворами, обнесены стѣною съ зубцами, башнями и рвомъ, наполненымъ падалью и всевозможными нечистотами. Узкія, кривыя улицы, безъ плана и всякаго расчета, прорѣзываютъ городъ; въ центрѣ базаръ, по обыкновенію крытый—вотъ вамъ и все описаніе города. И это описаніе безразлично годится почти для всякаго азіатскаго города, съ самыми незначительными только измѣненіями.

Зато бывшій ханскій дворець невольно останавливалъ на себѣ вниманіе. Его высокій фронтонъ съ угловыми бапешками, вырѣзными гребнями и узкими прорѣзами, выглядывалъ изъ-за деревьевъ окружающаго его сада. Правда, что все это было сбито изъ одноцвѣтной глины, все одинаковаго желтовато-сѣраго цвѣта; но это не мѣшало общему впечатлѣнію... Темная арка вела во внутренніе дворы, гдѣ были помѣщенія для женъ, для прислуги, интимныя сакли для самого владѣльца, но туда бы лучше не заглядывать. Все пусто, вездѣ груды конскаго навоза, вездѣ закопченныя черныя пятна отъ разложенныхъ огней... Бывшій дворець обратился въ караванъ-сарай, куда заѣзжаютъ съ лошадьми и арбами.

Понятное дѣло, что мы очень были довольны помѣщеніемъ своимъ на чистомъ воздухѣ, подъ роскошными, вѣтвистыми деревьями, а не въ этомъ дворцѣ—караванъ-сарай.

Странная личность явилась къ намъ, раскланялась съ Ивановымъ, какъ съ старымъ знакомымъ, поздоровалась по-русски и, не дожидаясь приглашенія, сѣла на коверъ и запустила въ блюдо съ виноградомъ свои руки.

Это былъ старикъ, съ клинообразною сѣдою бородкою, съ слегка горбатымъ носомъ, въ парчевой тюбетейкѣ на гладко обритой головѣ и въ шелковомъ зеленомъ халатѣ. По типу, по манерамъ, это былъ кровный узбекъ, но по-русски онъ говорилъ довольно хорошо, и видимо щеголялъ этимъ знаніемъ...

Это былъ Дмитрій-ходжа, о которомъ я еще прежде слышалъ довольно много интереснаго, теперь мнѣ его пришлось увидать лично.

Лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ онъ былъ пойманъ туркменами въ то время, когда рыбачилъ съ своими товарищами у южнаго берега Каспійскаго моря. Всѣхъ рыбаковъ, связанныхъ вмѣстѣ цѣпью привели въ Хиву и распродали здѣсь поштучно.

Дмитрій тогда еще былъ совсѣмъ молодымъ парнемъ, понравился одному изъ приближенныхъ хана и былъ купленъ имъ за двадцать тиль,—около пятидесяти рублей. Черезъ годъ онъ уже былъ фаворитомъ своего господина, а потомъ перешелъ и къ самому хану, отцу нынѣ царствующаго Сеидъ-Рахима. Ловкій плутъ сумѣлъ поддержать милость ханскую до тѣхъ поръ, пока у него не отросла борода, затѣмъ роль его нѣсколько измѣнилась; его уволили отъ должности, давъ свободу, для чего онъ принялъ мусульманство и сталъ хивинскимъ гражданиномъ. Зная до тонкости всѣ мышиныя норы ханскаго дворца, всѣ придворныя интриги, всѣ слабости хана и сильныхъ міра сего,—онъ сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ и приобрѣлъ себѣ такую практику, что скоро сталъ богатымъ человѣкомъ. При вступленіи на престолъ нынѣшняго хана, Дмитрій-ходжа поспѣшилъ представить ему сына своего, очень красиваго мальчика, лѣтъ четырнадцати, который и занялъ мѣсто, подобное тому, что занималъ когда-то его отецъ. Этимъ онъ еще болѣе закрѣпилъ свои отношенія во дворѣ,—но тутъ разыгрались послѣднія событія, и Дмитрій-ходжа рассчиталъ, что около хана теперь менѣе выгодно жить, чѣмъ около русскихъ. Онъ перебрался на нашу сторону и явился къ генералу Кауфману въ числѣ освобожденныхъ плѣнныхъ.

На предложеніе ѣхать обратно на родину, въ одинъ изъ поволжскихъ городовъ, онъ наотрѣзъ отказался, и понятно—что ему дѣлать въ Россіи, давно имъ забытой, когда тутъ у него и семья, и состояніе, и связи?

Вообще, большинство русскихъ, прожившихъ въ плѣну болѣе пятнадцати лѣтъ, не желали возвращаться на родину... Можетъ быть, здѣсь говорили новыя привязанности, новыя привычки, а можетъ быть и боязнь прежняго русскаго крѣпостного быта.

Сначала Ивановъ очень обласкалъ старика, но потомъ, убѣдившись, какой это плутъ и пройдоха, держалъ его въ сторонѣ, ни въ чемъ ему не вѣрилъ, хотя при встрѣчѣ здоровался по-пріятельски.

Дмитрій-ходжа однако понялъ, что здѣсь ему уже не играть той роли, что прежде, при ханѣ; онъ сильно приунылъ и повѣсилъ голову... Онъ даже и здѣсь пустилъ впередъ своего сына, но, потерпѣвъ фіасво, ограничился только тѣмъ, что всегда возилъ его съ собою и одѣвалъ въ яркіе красные халаты.

Старикъ сидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, читалъ намъ наизусть множество старообрядскихъ молитвъ, сохранившихся еще въ его памяти, рассказывалъ эпизоды изъ священнаго писанія,—все съ

тою цѣлью, чтобъ разуверить насъ въ томъ, что онъ «будто бы, какъ говорятъ злые люди, принялъ мусульманство»; наконецъ, его прогнали и онъ ушелъ, обѣщавъ завтра непременно явиться вновь и привести съ собою своего красавца-сына.

Уже было довольно поздно; свѣчи въ бумажныхъ фонаряхъ оплывали и тухли. Мы разбили, больше по привычкѣ, свои полога и полѣзли въ нихъ спать до слѣдующаго утра,—до подъема снова въ дорогу.

— XIV. —

Шабасъ-вали.—Развалины старой крѣпости Минареть.—Отдыхъ въ ханскихъ садахъ.—Встрѣча на границѣ Шураханскаго района.—Слободка Петрово-Александровская.—Укрѣпленіе.

Оставивъ арбы идти самимъ собою, съ той скоростью, которая для нихъ возможна, мы выѣхали налегкѣ, рассчитывая къ полудню, къ самой жарѣ, дойти до Шабасъ-вали, отдохнуть тамъ, и съ вечернею прохладою тронуться въ путь, а къ ночи прибыть на мѣсто, въ Шураханъ.

Скучная, однообразная дорога тянулась передъ нами. Издали виднѣлись, съ правой стороны больше, длинные ряды тополей и темныя группы карагачей. Обработанныя пространства встрѣчались рѣдко, мѣстами дорогу пересѣкали песчаные наносы; полуразрушенныя сакли и засыпанные, безводные арки свидѣтельствовали о томъ, что было время, когда все это пространство цвѣло и зеленѣло, когда кипучая жизнь царствовала здѣсь, на этихъ пустыряхъ, отъ вида которыхъ въ настоящую минуту даже сердце тоскливо сжимается и пропадаетъ веселое состояніе духа.

Словно тонкая, свѣтлая черточка, виднѣлось на горизонтѣ какое-то строеніе.

— Это Шабасъ-вали, минареть тамошній,—указалъ нагайкою Ивановъ:—до него версты двадцать, а виднѣтъ какъ на ладони...

Часа черезъ три скорой ѣзды—мы подѣзжали уже къ стѣнамъ города. То, что казалось намъ городомъ издали, оказалось громадными горами развалившихся стѣнъ. Эти развалины замѣтно охватывали обширное четырехугольное пространство, въ исходящемъ углѣ котораго возвышалась высокая башня въ видѣ длиннаго, усѣченнаго конуса; снизу эта башня подмыта дождевою водою; одна сторона совсѣмъ обрушилась, до такой степени, что страшно даже глядѣть на нее: такъ и кажется, что вотъ-вотъ рухнетъ этотъ колоссъ и засыплетъ дорогу своими обломками.

Узкія черныя окна, превратившіяся въ настоящее время въ

длинные трещины, зіяли на гладкой поверхности стѣнъ, вершина, должно быть, была нарѣзана зубцами, но теперь осыпалась и торчитъ вверхъ остроконечнымъ обломкомъ...

Не дорожатъ туземцы нисколько этими развалинами, свидѣтелями сѣдой древности. Азіаты вообще безъ вниманія относятся къ памятникамъ старины, хотя бы съ этими памятниками соединены были религіозныя воспоминанія. Яркимъ примѣромъ этого небреженія служатъ Тимуровы постройки въ Самаркандѣ, оставленныя безъ всякаго присмотра и ремонта... Ходятъ смутныя преданія, что крѣпость Шабасъ-вали была построена еще аборигенами страны, до прихода мусульманскихъ завоевателей, значить, до Тамерлана; насколько эти преданія вѣрны, предоставляю судить и провѣрять археологамъ и историкамъ; я же, какъ скромный художникъ, только любовался этими оригинальными, угловатыми линіями желтыхъ развалинъ, такъ отчетливо рисующимися на темной синеви южнаго неба.

Городъ нынѣшній лежитъ влѣво отъ дороги, и совершенно теряется въ массахъ садовъ, его окружающихъ. Этотъ городъ совершенное повтореніе Біи-базара. Дорога не шла черезъ него, и я изъ любопытства, простительнаго туристу, свернулъ съ дороги и вѣхалъ въ темную арку его приземистыхъ воротъ.

Помѣсивъ вонючую грязь ногами моей лошади, заглянувъ въ ту и другую лавочку базара, купивъ кое-что изъ мѣстныхъ произведеній, я выбрался на свѣжій воздухъ и пріѣхалъ въ мѣсту привала, когда уже всѣ лежали въ растязку на коврахъ, а лошадей нашихъ проваживали мѣстные джигиты.

Бивуакъ былъ расположенъ въ саду Мотъ-Ніаза, одного изъ полководцевъ хана въ прошедшую войну. Самъ хозяинъ сохранилъ на него право собственности, и навѣдывается иногда сюда лѣтомъ, хотя большую часть года живетъ на лѣвомъ берегу, въ своемъ хивинскомъ домѣ.

Этотъ садъ былъ превосходно обработанъ и тщательно поддерживался; на всемъ была видна заботливая, хозяйская рука, и эта масса яркой, разнокалиберной зелени, эти дорожки, тщательно укатанныя и посыпанныя пескомъ, эти арки, расчищенные, съ проточною водою,—прудь посрединѣ— все производило на глазъ такое пріятное впечатлѣніе, что отдыхъ здѣсь былъ однимъ изъ комфортабельнѣйшихъ отдыховъ.

Выбрались мы отсюда, какъ и предполагали, вечеромъ— намъ оставалось всего часа четыре пути и мы рассчитывали прибыть въ Шураханъ еще засвѣтло; такъ бы оно и вышло, если бы насъ не задержала на пути оффиціальная встрѣча, под-

готовленная начальникомъ Шураханскаго района, на его границѣ.

Пока тянулась вся эта церемонія, а потомъ питье чая съ европейскою уже обстановкою, времени прошло довольно-таки, — и уже было совершенно темно, когда мы переваливались черезъ послѣднюю песчаную косу, подходящую почти подъ самыя стѣны русскаго укрѣпленія...

— Посмотрите, — сказалъ кто-то рядомъ со мною: — вонъ тамъ, видите, это наше кладбище!...

Влѣво, на вершинѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ, чернѣли знакомые силуэты крестовъ — ихъ было-таки достаточно; за одинъ годъ даже слышкомъ...

— Рыть легко, песокъ мягкій, — глубоко рыть можно, — говорилъ мнѣ сосѣдь. — Оно точно, что носить далеко, пожалуй, съ версту будетъ...

Впереди вспыхивало зарево, мелькали огни... виднѣлась улица, по которой сновалъ народъ... Огня сакель выходили на улицу и свѣтились издали правильными четырехугольниками, а на нихъ чернѣли крестообразныя перекладины рамъ... Русская рѣчь преобладала надъ азіатскимъ гомономъ — слышались даже женскіе голоса, и тоже русскіе — какой-то дѣтскій голосъ оралъ на всю улицу: ма-а-мка!..

Вотъ и первое русское поселеніе на Аму-Дарьѣ, зародышъ, быть можетъ, нашихъ будущихъ городовъ и селъ.

Нѣсколько семействъ женатыхъ солдатъ помѣстились здѣсь, подъ защитой крѣпостныхъ валовъ и русскихъ пушекъ; къ этимъ саклямъ пристроились маркитанты и кое-кто изъ туземцевъ, и основалась, такимъ образомъ, новая слобода, — названная Петрово-Александровскою.

За нею виднѣлись темныя стѣны самого укрѣпленія, изъ-за стѣны выглядывали длинные ряды тополей, коньки барачныхъ крышъ, надъ воротами торчалъ силуэтъ часового.

— Кто ѣдетъ? стой, что отъѣзъ? — неся оттуда обычный овликъ.

Мы сошли съ лошадей и вошли въ ворота уже пѣшкомъ... Въ воротахъ толпились офицеры, командиры отдѣльныхъ частей, съ рапортами...

Наше путешествіе по Аму окончилось; теперь предстоятъ новыя работы, новыя изслѣдованія. А тамъ, обратный путь, напрямикъ, безводными степями Кызыль-бумъ.

Н. Б А Р А З И Н Ъ .

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

1816-ый годъ.

Январь—декабрь *).

Москва, 3-го января 1816 г. — Ты вздумала, милый другъ, наказать меня, и подражать моей молчаливости. Но пусть молчаніе будетъ лучше мщеніемъ съ твоей стороны, съ этимъ я мирюсь, лишь бы не болѣзнь или тревога о комъ-нибудь изъ близкихъ мѣшали тебѣ писать. Ты говорила мнѣ, что, несмотря на сильный насморкъ, ты открывала балконъ, чтобы посмотрѣть на персидскаго посланника. Боюсь, не захворала ли ты?

Шаховскія были у насъ съ визитомъ, и съ тѣхъ поръ я нигдѣ не могу ихъ поймать.

Ихъ домъ очень недурень, только не оштукатурень. Супругъ твой навѣрное сталъ бы надъ нимъ смѣяться, потому что одна часть стѣнъ деревянная, а другая изъ кирпича. Въ будущемъ году все приведутъ въ порядокъ, а пова можно и такъ пожить, комнаты теплы, воздухъ въ нихъ хорошъ, что за бѣда, если обои невзрачны.

*) См. выше: 1874, авг. 572; сент. 115; окт. 542; дек. 637; 1875, янв. 219 стр.

Съ Рождества мы все ѣздимъ по гостямъ. Были на двухъ званныхъ обѣдахъ, на ужинѣ у Рябиной и у Оболенскихъ. Нынче приходится ѣхать на вечеръ, а въ четвергъ на балъ къ кн. Андрею Гагарину. Въ воскресенье будетъ балъ у Оболенскихъ, затѣмъ черезъ два дня опять балъ у князя Щербатова, у котораго «глаза на вывять».

Что же касается до Вяземскаго, онъ сталъ нѣжнѣйшимъ изъ супруговъ и примѣрнымъ отцомъ семейства, какими бывають лишь мужчины лѣтъ сорока.

Прощай, вотъ третье письмо доканчиваю нынче. Остается от-править еще одно.

17-го января.—Княжны Шаховскія и я не знаемъ рѣшительно, чему приписать твое молчаніе. Еслибъ одна я не получала отъ тебя извѣстій, то могла бы подумать, что ты мстишь мнѣ за то, что я недѣли двѣ не писала. Но такъ какъ и кн. Полина лишена твоихъ писемъ, то вѣрно болѣзнь мѣшаетъ тебѣ взяться за перо или нездоровье кого-нибудь изъ семьи. Сестра писала мнѣ, что у васъ вслѣдствіе дурной погоды появилась лихорадка и насморкъ. Уже не захворала ли ты, чего Боже упаси!

Наконецъ-то дождались мы ясныхъ дней. Морозить, солнце такъ и сияетъ, всѣ повеселѣли. Туманы нагоняли на насъ тоску. Слава Богу, что здѣсь отъ дурной погоды не появлялось никакой болѣзни.

Шаховскіе наконецъ объявили о замужствѣ дочери. Всѣмъ разослали увѣдомленія объ этомъ третьяго дня. Теперь начнутся обычныя поздравленія. Мнѣ до сихъ поръ не удалось видѣть жениха, хотя я нѣсколько разъ была у Шаховскихъ. Все попадала въ такіе часы, когда его тамъ не было. Княжна Мари очень весела и кажется вполне довольна своей судьбой, что важнѣе всего. Не зная г-на Голынского, я уже чувствую къ нему расположеніе потому только, что онъ нравится своей невѣстѣ. Меня всегда обѣсѣтъ разсужденія лицъ постороннихъ по поводу чьего-либо замужства. Когда партія подходящая и женятся съ согласія всей семьи и по собственному желанію, о чемъ тутъ толковать, остается пожелать счастья сосватаннымъ—вотъ и все. Молоды они или стары, богаты или бѣдны, красивы или уродливы—всему какое дѣло, а между тѣмъ объ этомъ-то люди и толкуютъ. Вотъ что меня сердить, я начинаю спорить и утверждаю, что такого рода болтовня смѣшна и вовсе не похвальна. Такъ судятъ изъ зависти или отъ бездѣлья.

Ни разу не приходилось мнѣ слышать, чтобъ всѣ одобрили

хоть одну свадьбу. Пока женихъ и невѣста не обвѣнчаются, объ нихъ жалѣють, находятъ, что они другъ другу не пара, между тѣмъ какъ сами сосватанные на седьмомъ небѣ отъ радости. Такого рода сожалѣнія совершенно излишни. Впрочемъ, это продолжается лишь до свадьбы; какъ только кончится церемонія, всѣ по неволѣ соглашаются съ тѣмъ, что молодые рождены одинъ для другого, потому что всякому соперничеству настаетъ конецъ.

Балы идутъ своимъ чередомъ, но ихъ меньше чѣмъ въ прошломъ году—два-три въ недѣлю, и то достаточно. По крайней мѣрѣ, нивого танцы не уморятъ нынѣшней зимой. Въ прошлый зимній сезонъ умерли двѣ молодыя дѣвушки, а третья—княжна Александрина Шаховская утратила свое здорѣе. Здѣсь нѣсколько лицъ въ траурѣ, что отчасти препятствуетъ увеселеніямъ. Князь Щербатовъ, который назначилъ у себя пріемный день разъ въ недѣлю, ужасно страдаетъ отъ подагры, такъ что ему не до баловъ.

Я не говорила съ тобой объ изгнаніи іезуитовъ, потому что нельзя упомянуть мимоходомъ о такомъ событіи, а если пуститься разсуждать объ этомъ предметѣ, пожалуй, напишешь цѣлые томы. Одно можно сказать, что всѣ разумные люди должны быть благодарны государю за то, что онъ удалилъ этихъ господъ. Не менѣе обрадовалъ меня указъ касательно дуэлей; еслибъ вышелъ онъ пораньше, Бибицовой не пришлось бы оплакивать сына. Остается пожелать, чтобъ безъ всякаго снисхожденія при первомъ случаѣ, когда поступать противъ этого закона, виновныхъ, кто бы они ни были, подвергли строгому наказанію.

31-го января.—До сихъ поръ не могу отдохнуть послѣ двухъ утомительныхъ вечеровъ. Мы плясали какъ угорѣлые у гр. Толстаго въ четвергъ, а въ пятницу у Вяземскихъ танцы продолжались до 6 ч. утра. Балъ былъ преудачный; давно я такъ не веселилась и не была такъ въ духѣ, какъ въ этотъ вечеръ. Ты скоро увидишь нашего милаго князя. Онъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ и пробудетъ тамъ до первой недѣли поста. Пожалуйста, не задерживайте его. Это наше сокровище самое драгоценное, мы всѣ его ревнуемъ. Онъ надѣется встрѣтиться съ тобой тотчасъ по пріѣздѣ у Грибоѣдовыхъ. Если увидишь его, передай ему отъ меня тысячу привѣтствій. Я люблю его всей душой.

Въ жизнь свою я много слыхала о магнетизмѣ. Это вещь очень интересная, но, признаюсь, я не желала бы, чтобъ свѣдѣнія эти распространялись въ толпѣ; это можетъ повести въ страш-

нымъ злоупотребленіямъ, которыхъ послѣдствія трудно предвидѣть. Вообще не люблю я, когда стараются проникать въ тайны природы, въ особенности міра духовнаго. Я убѣждена, что есть люди, способные глубоко внѣзнуть въ тайны природы, но мнѣ кажется, что посредствомъ изученія міра физическаго не дойдешь до пониманія вопросовъ, относящихся къ міру духовному, которыхъ большинство людей не въ состояніи постичь. Не довѣряю я, признаюсь, всему, что выступаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Конечно, рѣшительнаго приговора я не позволю себѣ произнести надъ тѣмъ, что выше моего пониманія. Но такъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ нельзя не имѣть своего мнѣнія о всемъ, что видишь и слышишь, я передаю тебѣ мой личный взглядъ, который ты желаешь знать.

Брату дѣйствительно помогло леченіе. Зато изъ послѣдняго письма его мы узнали, что у него появился новый недугъ, которымъ онъ прежде никогда не страдалъ; болѣзнь эта крайне неприятна въ его годы. Подагра мучаетъ его вотъ уже нѣсколько дней. Согласись, что не весело съ ней возиться въ 27 лѣтъ.

7-го февраля.—Вчера не получила отъ тебя письма, милый другъ, но увѣрена, что ты мнѣ писала. Въ почтовомъ объявленіи значится, что есть письма на мое имя. Какой-нибудь несчастный почтальонъ таскаетъ его въ своей сумкѣ по всему городу. Чувствуя приближеніе масляницы, господа почтальоны усердно приносятъ жертвы Бахусу, нѣтъ съ ними ладу да и только; если пожаловаться—загѣнешь длинную исторію. Лучше потерплю, нынче вечеромъ или завтра утромъ навѣрное будетъ у меня письмо.

Мы рыскаемъ усерднѣе прежняго. Скоро постъ, вотъ всѣ и спѣшатъ воспользоваться послѣдними днями масляницы. Каждый день бываетъ балъ, иногда два, три въ одинъ вечеръ. Конечно, я не на всѣ ѣзжу, но въ два дня разъ мнѣ приходится плясать шесть или семь часовъ безъ отдыха. Четвергъ былъ для насъ тяжелый денекъ. По случаю именинъ матушки у насъ были гости съ 11 часовъ утра до 8 вечера; затѣмъ пришлось одѣваться на балъ въ Шаховскимъ, который они давали въ честь молодыхъ.

Въ субботу былъ прелестный балъ у князя съ «глазами на выкатѣ». Мы оставались до 5 часовъ утра. Физически я не страдаю отъ безсонныхъ ночей, зато мои нравственные силы слабѣютъ. У меня голова становится тяжела, днями я бываю совершенно какъ одурѣлая.

Впрочемъ, не далеко до поста. Мысли освѣжатыся и слѣды масляницы исчезнутъ.

Ты и не подозрѣваешь, что въ сердцѣ моемъ загорѣлась новая страсть, предметъ ея—Ипполитъ, не сынъ героя, какъ увѣряетъ Расинъ, а графа Льва. Онъ перенялъ у отца его манеры, выраженія, шутить какъ онъ, словомъ, по-моему, это милѣйшій изъ нашихъ молодыхъ людей. Я выдаю его почти каждый день. Онъ большой пріятель Ниволинъки. Какъ видишь, это можетъ повести къ романическому эпизоду.

Я расположена дурачиться и потому лучше закончу письмо, чтобъ не болтать лишняго вздора. Отсюда вижу, какъ ты начинаешь вооружаться противъ моихъ выходовъ. Не тревожься попусту. Я еще не совсѣмъ обезумѣла по милости баловъ и черезчуръ не заговариваюсь. Повѣрь, что письма мои глубѣ моей головы.

28-го февраля. — Вотъ двѣ недѣли, какъ я тебѣ не писала, дружокъ. Во все это время я получала о тебѣ извѣстія только черезъ сестру. Она мнѣ говорила, что видѣлась съ тобой и нашла тебя совершенно здоровой. Теперь буду ожидать твоего письма. Сама я не писала прошлый четвергъ потому, что у насъ была преотчаянная масляница, а затѣмъ мы винулись въ благочестіе.

Послѣ шума вдругъ настала полнѣйшая тишина, —такой переходъ произвелъ ужасный сумбуръ въ моихъ мысляхъ.

Нынче отправляюсь обѣдать къ Вѣрѣ Виземской, одна нога у меня въ туфлѣ, а другая въ башмакѣ. Съ таковой прелестной обувью я никуда не могу показаться. Если палецъ не заживетъ, мнѣ придется сидѣть дома, когда сюда пріѣдетъ великая герцогиня. Итакъ, маленькое несчастіе избавитъ меня отъ расходовъ. По-моему, это важнѣе, чѣмъ удовольствіе присутствовать на праздникахъ, которые будутъ давать въ честь герцога и герцогини Виртембергскихъ.

Мы присмирѣли постомъ. По вечерамъ собирается у насъ человѣкъ десять, которые почти ежедневно встрѣчаются другъ съ другомъ, и время проходитъ тихо и безмятежно.

6-го марта.—Нынче все утро у насъ была такая суматоха, что я едва не пропустила почты. 3 часа, я еще не одѣта, а уже съѣхались гости къ обѣду. Въмѣсто того, чтобъ заниматься туалетомъ, я предпочитаю побесѣдовать съ тобой. Какъ я рада, дружокъ, что ты совершенно поправилась. Хорошо, что ты не измѣняешь своего намѣренія самой выкормить дѣтей. Если обязанность кормилицы заставитъ тебя отказаться отъ нѣкоторыхъ удо-

вольствій въ настоящее время, зато ты готовишь себѣ много радостей въ будущемъ. Велико ли горе не попасть на какой-нибудь балъ; вечеръ пройдетъ, и ты перестанешь жалѣть, что просидѣла дома, пока другіе плясали.

Я твердо убѣждена, что лишь исполненіе долга доставляетъ намъ истинное счастье, когда же, напротивъ, хоть на шагъ отступимъ мы отъ истиннаго пути—тотчасъ бываемъ наказаны за дурной поступокъ.

На прошлой недѣлѣ была я у Шаховскихъ. Почти два часа просидѣла съ глазу на глазъ съ Полиной. Матери ея и сестеръ дома не было. Княжна была очень весела. Сестра писала имъ съ дороги. Боюсь, что извѣстія, которыя получаютъ они отъ Мари, когда она прійдетъ на мѣсто, будутъ не особенно пріятнаго свойства. Будемъ надѣяться, что дурные слухи не что иное, какъ выдумка.

Я очень весело провожу время. Вѣра вздумала приготовить мужу сюрпризъ къ его возвращенію. Она мнѣ рассказала, что придумала, и просила меня помочь ей исполнить свое намѣреніе. Я посоветовалась съ мамѣ, которая, узнавъ, что въ проектѣ Вѣры примутъ участіе лица намъ близкія, позволила и мнѣ къ нимъ присоединиться. Я объявила Вѣрѣ, что голосъ мой къ ея услугамъ, хотя онъ сильно ослабъ вслѣдствіе постной пицци. Она завербовала и г-жу Бартеневу, которая тоже будетъ пѣть. Фортепианныя пьесы исполнять: сама Вѣра и m-lle Каверина, которая очень мило играетъ. Потомъ разыграютъ маленькую комедію-фарсъ, сочиненіе Пушкина; я пропою только куплетъ въ концѣ пьесы.

Мы три раза въ недѣлю собираемся для репетицій, и намъ бываетъ превесело. Мы исполняемъ прекрасную музыку, на мнѣ лежитъ обязанность—я *maestro di capelle*—и могу тебя увѣрить, что оркестръ мой дѣлаетъ мнѣ честь. Теперь мнѣ часто приходится видѣть г-жу Бартеневу. Знаешь ли, вѣдь она преоригинальная особа, за ней интересно наблюдать. Она не принадлежитъ собственно ни къ какой категоріи, но держитъ себя не такъ, какъ другія.

Однимъ словомъ, скажу тебѣ, что наше препровожденіе времени весьма пріятное. Гораздо лучше посмѣяться, когда кто-нибудь возьметъ фальшивую ноту, нежели усѣсться вокругъ стола въ гостиную и злословить.

Прощай, мой другъ, меня два раза приходили звать къ обѣду. Теперь 4 часа.

13-го марта.—Я рада, что ты находишься въ цвѣтущемъ здоровьи, но недовольна тѣмъ, что ты отбиваешь у насъ друзей. Объявляю тебѣ, что Вяземскаго мы ни за что не уступимъ. Если онъ и обѣщался тебѣ снова прѣхать въ Петербургъ, то увѣряю тебя, что это было сдѣлано изъ любезности и по сердечной добротѣ, чтобъ не огорчить васъ отказомъ. Вы въ самомъ дѣлѣ престранные. Зачѣмъ, напримѣръ, прислали вы къ намъ обратно г-жу К. съ дочерьми; мы ихъ бы охотно уступили вамъ. Къ чему отнимаете вы тѣхъ, кому и здѣсь хорошо. Берите Пушкина, онъ претошный, только Вяземскій да Алексѣй Михайловичъ обладаютъ способностью его подзадоривать; безъ нихъ онъ никуда не годится. Я замѣтила въ васъ манію отбивать чужое добро.

Г-жа Мачіорлетта прѣехала три дня тому назадъ. Послѣ завтра она дастъ первый концертъ. Составляется складчина съ цѣлью пригласить ее пѣть въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ. Если она согласится на предложеніе, то мнѣ придется слышать ее очень часто.

Наши репетиціи у Вѣры Вяземской идутъ очень удачно; теперь намъ мѣшаетъ г-жа К. и потому я объявила, что достаточно репетировать еще разъ и тѣмъ ограничиться.

Говорятъ, что половина петербургскихъ жителей перебирается за-границу? Вѣроятно уѣзжаютъ подъ предлогомъ слабаго здоровья? Обыкновенно всегда сваливаютъ на здоровье въ этихъ случаяхъ.

27-го марта.—Такъ и думала, что нездоровье помѣшало тебѣ писать. Мнѣ приятно держать въ рукахъ твое письмо, какъ доказательство того, что ты поправилась. Одна изъ фразъ твоихъ мнѣ не по вкусу. Неужели ты была бы способна послѣдовать примѣру сумасшедшихъ, которые ѣдутъ въ чужіе края проживать свое состояніе и подавать иностранцамъ дурное мнѣніе о русскихъ? Вслѣдствіе чего являются у тебя подобныя фантазіи? Еслибъ я спросила тебя о достоинствахъ лицъ, которыхъ примѣру ты не прочь послѣдовать, то поставила бы тебя въ затрудненіе; ты не могла бы назвать ни одного лица, которое стоило бы того, чтобъ ты ему подражала во всѣхъ отношеніяхъ. Исключаю тѣхъ, кто дѣйствительно боленъ, такихъ немного. У насъ и здѣсь есть нѣкоторыя особы, намѣревающіяся ѣхать за-границу, какъ-то: обѣ графини Кутайсовы, г-жа Шепелева, рожденная Баташова, которыя совсѣмъ умираютъ, и еще двѣ-три дамы. Изъ здоровыхъ одинъ кн. А. Г. поговариваетъ, и то весьма

нерѣшительно, что недурно бы покинуть родину. Признайся, вѣдь не лестно сойтись во мнѣніяхъ съ такимъ господиномъ.

Помнишь, что сказала тебѣ г. Джонсъ однажды на ужинѣ у гр. Разумовскаго; ты восторгалась путешествіями, причѣмъ онъ замѣтилъ, что изъ пяти тысячъ путешествующихъ женщинъ рѣдко можно встрѣтить одну порядочную. Какъ сейчасъ вижу наши мѣста за огромнымъ столомъ: Джонсъ стоялъ позади насъ, напропаду любезничая съ тобой, что однако не мѣшало ему тебѣ противорѣчить. Я вполне согласна съ его мнѣніемъ. Сдѣлай одолженіе, откажись отъ странствованій по бѣлому свѣту; ты всегда объ нихъ мечтала, этого я не могла тебѣ простить, когда ты была моложе, а теперь давно не извиню, потому что ты мать семейства.

Вяземскій вернулся нынче въ ночь. Какъ ни говори, а вамъ его больше не видать. Если ты меня разсердишь, я возьму у его жены одно или два изъ его писемъ; онѣ тебѣ докажутъ, какого онъ мнѣнія о Петербургѣ. Мы ждали его въ субботу, и потому вчера намѣревались праздновать его возвращеніе. Теперь откладываемъ сюрпризъ до четверга, потому что всѣ эти дни будутъ публичные концерты, и музыканты, которые намъ нужны, всѣ будутъ заняты. Если удастся наша затѣя, я подробно опишу тебѣ весь праздникъ. По случаю репетицій пришлось сблизиться съ г-жой Бартеновой; вчера она у насъ ужинала первый разъ. Держала себя очень скромно, что съ ней рѣдко случается.

3-го апрѣля.— Меня ужасно утомила обѣдня, продолжавшаяся два часа. По возвращеніи домой я еще вдобавокъ написала два огромныхъ письма. Сегодня отъ меня не жди ничего путнаго, я не могу собраться съ мыслями.

Вяземскій передалъ мнѣ твою посылку. Нынче получила я письмо, въ которомъ ты мнѣ обѣщаешь прислать шляпку. Благодарю тебя за память обо мнѣ. На пасхѣ обновлю всѣ твои подарки. Ты желаешь знать, какъ сошелъ праздникъ, который мы готовили для вн. Петра. Съ удовольствіемъ опишу тебѣ этотъ вечеръ, потому что онъ вышелъ весьма удаченъ. Хоть сама я участвовала въ концертѣ, а не могу не похвалить его. Только вотъ куплетъ испортилъ немножко эффектъ комедіи, исполненной Вѣрой, Рейнхартъ, Пушкинымъ и вн. Щербатовымъ. Я знала этотъ злополучный куплетъ, какъ свои пять пальцевъ, на всѣхъ репетиціяхъ пѣла его, не ошибаясь, и никакъ не ожидала, чтобы онъ могъ ускользнуть изъ моей памяти. Когда пришла моя очередь пропѣть его князю, я до того растерялась, выйдя на сцену

и очутившись передъ публикой, состоявшей изъ 50 человекъ, что вся задрожала. Еслибъ не Вѣра, я непременно упала бы къ ногамъ Вяземскаго. Вотъ была бы трогательная картина! Сама не знаю, что я пѣла. Вотъ эта неудача немного подгадила вечеръ, вообще же онъ былъ очень хорошъ. Вяземскій былъ крайне тронутъ тѣмъ, что мы занимались имъ во время его отсутствія. Теперь онъ съ своей стороны хочетъ насъ позабавить. На пасхѣ готовить намъ балъ, а нѣсколько дней спустя любительскій спектакль. Въ настоящее время всѣ здѣшніе кавалеры возстали противъ него и всѣхъ насъ. Закидали насъ камнями. Они понять не могутъ, отчего мы такъ угождаемъ одному лицу, между тѣмъ какъ, по ихъ словамъ, всѣ они расположены, подобно Вяземскому, броситься передъ нами на колѣни.

На нынѣшней недѣлѣ я раза два видѣлась съ Шаховскими. Полина была очень больна. Она послала ко мнѣ лакея, чтобъ увѣдомить меня о своей болѣзни, но онъ, должно быть, счелъ лишнимъ исполнить ея приказаніе, такъ что я узнала объ этомъ отъ нея самой, когда, выздоровѣвъ, она явилась ко мнѣ.

Бѣдная Александрина Шаховская, я полагаю, не доживетъ до пасхи, судя по теперешнему ея положенію. Настало время тяжелое для чахоточныхъ. Скоро ледъ тронется; дня черезъ два три пройдетъ Москва-рѣка. Погода чудесная. Вчера послѣ сильнаго дождя исчезли остатки снѣга.

Въ настоящее время здѣсь находится одна изъ вашихъ дамъ католичекъ, княгиня Куракина. Приѣхавъ сюда недѣлю тому назадъ, она тотчасъ поселилась въ костель и начала приставать къ есендзу, упрашивая его ѣхать къ ней въ деревню. Онъ съ трудомъ отъ нея отдѣлался. Всѣ, кто ее видѣлъ, увѣряютъ, что она вовсе не помѣшана, какъ намъ говорили. Прощай, моя дорогая, обнимаю тебя второпяхъ.

10-го апрѣля. — Пишу нынче, только чтобъ поздравить тебя съ праздникомъ, мой безцѣнный другъ. У меня такъ мало свободнаго времени; я полагала, что не успѣю даже похристосоваться съ тобой и пожелать тебѣ всякаго благополучія. Мнѣ очень не весело, хотя въ такой великій праздникъ слѣдовало бы веселиться и быть спокойной духомъ. Съ недѣлю я все вожусь съ мертвыми да съ умирающими. Гусятниковъ окончилъ свое земное странствованіе. Онъ умеръ въ прошлый понедѣльникъ вечеромъ. Его нельзя было не цѣнить; мы знали всѣ его качества, онъ къ намъ искренно былъ привязанъ. Даже за нѣсколько часовъ до кончины выказалъ намъ свое расположеніе; вспомнивъ,

что я бываю именинница 1-го апрѣля, онъ просилъ меня поздравить. Не могу тебѣ выразить, какъ тронуло меня такое вниманіе со стороны умирающаго человѣка. О немъ жалѣютъ всѣ, кто его зналъ и цѣнилъ. Теперь у меня постоянно на глазахъ кн. Шаховская, которая еще жива по какому-то чуду. Она не можетъ долго жить. Нынче или завтра у меня убудетъ еще одна знакомая. Вотъ почему, несмотря на шумъ и кутерьму, въ которыхъ я врацаюсь, у меня грустно на душѣ. Вся эта недѣля будетъ изобиловать удовольствіями. Прогулки будутъ прекрасныя, потому что стоитъ роскошная погода. Однако, вѣрно дороги очень плохи, потому-что почта двумя днями опаздываетъ. Писемъ еще не приносили. Не получала я и шляпы, о которой ты мнѣ писала. Прощай. Матушка меня торопитъ, сейчасъ сяду въ карету и поѣду поздравлять нѣсколькихъ почтенныхъ родственниковъ, которые предупредили насъ своимъ поздравленіемъ.

24-го апрѣля.—Въ прошлый понедѣльникъ я никому не писала, моя милая, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что долго проспала, утомившись послѣ бала у кн. Андрея Гагарина, и такимъ образомъ у меня пропало все утро; во-вторыхъ, потому, что мнѣ пришли сказать, что кн. Александринѣ ночью было очень дурно, думали, что она отходить. Это извѣстіе до того меня встревожило, что я не въ состояніи была ни за что приняться. Два дня мы находились въ постоянномъ страхѣ за нее. Наконецъ, въ среду ей стало полегче; но нельзя было слишкомъ надѣяться на выздоровленіе; все-таки перемѣна къ лучшему насъ успокоила, такъ что я даже рѣшилась провести вечеръ у другихъ Шаховскихъ, на Пречистенкѣ. Не надолго успокоились мы: у бѣдной больной вдругъ началась агонія и она скончалась въ четвергъ, въ 5 часовъ пополудни. Кончина ея была также спокойна, какъ чиста была ея жизнь.

Всѣ объ ней жалѣютъ. Хотя я тоже оплакиваю ее, и быть можетъ искреннѣе многихъ, но признаюсь, что къ сожалѣнію о ней примѣшивается эгоизмъ. Мнѣ жаль, что я лишилась той, которую любила; я дорожила ея обществомъ; ея правила, умъ, словомъ—все мнѣ въ нею нравилось. Было въ ней что-то невыразимо привлекательное для меня. Много пріятныхъ часовъ провела я съ нею нынѣшнюю зиму; воспоминаніе о ней долго не изгладится изъ моей памяти. Теперь я буду ощущать пустоту. Слѣдовательно, мои сожалѣнія эгоистичны, потому что о покойницѣ нечего жалѣть; жизнь ея была такъ безупречна, страдала

она много и умирала съ такой покорностью, что въ той жизни ее ждетъ награда, которой удостоиваются праведники.

Съ четверга я постоянно бываю съ Шаховскими; очень понятно, что имъ доставляетъ утѣшеніе быть съ людьми, въ которыхъ повойная княжна чувствовала расположеніе. Такимъ образомъ, я часто вижу съ Вѣрой и ея мужемъ. Кн. Петръ плакалъ всѣ эти дни, быть можетъ больше, чѣмъ нѣкоторые изъ насъ. У него золотое сердце; очень похвально, что онъ не старается скрывать своей чувствительности, подобно другимъ мужчинамъ, которые считаютъ стыдомъ, если у нихъ выватится хоть одна слезинка.

Нынче получила письмо твое отъ 17-го числа. Мой милый кузень Г... выдумываетъ разныя неправдоподобныя причины для поѣздки своей. Повѣрь, еслибъ онъ не набѣдоуриль, какъ 20-лѣтній мальчишка и тѣмъ не повредилъ своей служебной карьерѣ, еслибъ супруга его во время его разъѣздовъ не сбилась бы съ прямого пути; словомъ, еслибъ не случилось многое, въ чемъ онъ самъ виноватъ, то онъ не относился бы враждебно ко всему, что видитъ и слышитъ, сидѣлъ бы себѣ спокійно на мѣстѣ; дѣтей воспитывалъ бы въ Россіи, изъ нихъ вышли бы хорошіе патріоты, а теперъ они вернутся похожими на нѣмцевъ, французевъ, итальянцевъ, но вовсе не на русскихъ. По-моему, правительству слѣдовало бы запретить воспитывать дѣтей въ чужихъ краяхъ, это приноситъ вредъ государству; не я одна такъ думаю, такого же мнѣнія люди поумнѣ меня. Тѣ, кто воспитывается въ Петербургѣ, выходятъ не вполне русскими, а за предѣлами Россіи и подавно перестаютъ быть русскими. Дворянский братецъ мой и не думаетъ, что его глупыя бредни служатъ доказательствомъ того, что самъ онъ былъ дурно воспитанъ. Я хорошо помню, какъ онъ выросъ въ Армянскомъ переулкѣ, въ центрѣ Москвы, и воспитанъ былъ своимъ отцомъ и матерью, съ которыми жилъ до 22-хъ лѣтъ. Въ ту пору покойная мать его была очень дружна съ моей матушкой; вотъ почему я такъ хорошо помню это время.

1-го мая.—Съ послѣдней почтой не получила отъ тебя письма, милый другъ. Быть можетъ, ты навазываешь меня за то, что я не писала на прошлой недѣлѣ, и сестра по-твоему поступила со мной. Впрочемъ, ты мать семейства, сама кормишь ребенка, у тебя пропасть хлопотъ, на тебя претендовать нельзя. Я—другое дѣло, у меня почти вовсе нѣтъ заботъ.

Я немного прихворнула, нѣсколько дней сидѣла дома, а

теперь опять выѣзжаю по прежнему. Ужинала у г-жи Апраксиной въ большомъ обществѣ, между прочимъ тутъ было все семейство кн. Голицыной, жены кн. Бориса. Кстати скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ княгиня пріѣхала сюда съ своей дочерью Куравиной, всѣ здѣшніе священники держатся на-сторбѣхъ. Архіерей Августинъ пожелалъ ее видѣть, чтобъ съ ней побесѣдовать. Съ той поры, какъ дамы эти вернулись, отыскиваютъ священника, который бы ихъ вразумилъ. Къ несчастію, княгиня не умѣетъ говорить по-русски, а священники наши плохо говорить по-французски. По этой же причинѣ Августинъ не добился желаемого свиданія. Кн. Куракина хорошо говорить по-латыни, бесѣда могла бы происходить на этомъ языкѣ; но не знаю, почему не состоялась конференція у ея сіятельства съ его преосвященствомъ, который до того вооруженъ противъ католицизма, что онъ ему чудится всюду, и онъ ужасно возстаегъ противъ маніи переходить въ католичество. Проповѣдь его поучительна для всѣхъ вообще; но она имѣла непріятныя послѣдствія для семейства покойной кн. Шаховской. Родные ея вздумали украсить цвѣтами церковь и самый гробъ княжны; цвѣты мѣняли каждыя сутки, пока тѣло стояло въ церкви. У насъ не принято употреблять цвѣты на похоронахъ, впрочемъ, иногда ими украшаютъ гробъ. Архіерей не присутствовалъ на похоронахъ, потому что княжна не желала, чтобъ ее торжественно хоронили.

Нашлись длинные язычки, которые передали преосвященному, что церковь и гробъ убраны были цвѣтами. Онъ былъ ужасно недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, созвалъ всѣхъ священниковъ, участвовавшихъ въ погребальной церемоніи, сдѣлалъ имъ строгій выговоръ и грозилъ, что пожалуется на нихъ синоду. Не знаю, жаловался онъ или нѣтъ, только Шаховскихъ очень встревожила эта исторія, тѣмъ болѣе, что имъ и въ голову не приходитъ обратиться въ католицизмъ, также какъ и всѣмъ намъ. Всѣ вообще не сочувствуютъ этому модному заблужденію; до сихъ поръ оно проявлялось лишь въ Петербургѣ, но внушаетъ такой страхъ, что не смѣешь заговорить даже о французскомъ молитвенникѣ, а то на васъ сейчасъ начнутъ косяться.

Мнѣ очень жаль, что случилась такая непріятность на похоронахъ особы, про которую никто и никогда ничего дурного не говорилъ, пока она жила. Вообще, мнѣ бываетъ тяжело слышать, когда упоминаютъ въ пустой гостинной болтовнѣ имена лицъ усопшихъ, вскорыя предстали уже передъ судомъ Всевыш-

няго. Итакъ, исторія эта меня очень взволновала, волей-неволей мнѣ приходилось выслушивать разные глупыя сужденія.

Хоть я искренно предана покойной княжнѣ, но во всей этой исторіи я не причемъ. Говорю тебѣ про это, чтобъ ты за меня не тревожилась. Я не была на похоронахъ.

8-го мая. — Съ 26-го апрѣля у насъ просто лѣтняя погода; первые дни еще не было такъ душно, а съ 1-го мая до сегодняшняго дня термометръ поднимается до 20° и 22°; вчера вечеромъ была маленькая гроза, освѣжившая воздухъ. Съ недѣлю всюду появилась зелень. Гулянье 1-го мая было очень удачное. Экипажей собралось до 4-хъ тысячъ. Многія лица устроили себѣ палатки и долго оставались на воздухѣ, потому что вечеръ былъ прекрасный.

По обыкновенію, всѣ начинаютъ развѣзжаться. Если сестрѣ придется на лѣто остаться въ Петербургѣ, ей бы не мѣшало нанять дачу; въ лѣтнее время городъ невыносимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ она избавилась отъ необходимости сидѣть въ Петербургѣ; сама она и зять мой не мирятся съ такой перспективой.

Я очень досаую на твое рѣшеніе провести лѣто на болотѣ. Слышали мы, что вы запаслись квартирой. Мы тоже наняли прекрасный домъ на зиму; такъ какъ нечего долѣе скрывать, что братъ женится, объ этомъ давно всѣ узнали, матушка рѣшилась нанять домъ кн. Трубецкой, боясь, чтобъ его не отбили у насъ. Мы нуждаемся въ двухъ квартирахъ: одна для насъ, другая для брата и его будущей жены. Представь, что мы нашли за семь тысячъ руб. въ годъ большой домъ, прекрасно меблированный, съ люстрами, канделябрами, шкапами, шифоньерами; есть даже бронзовые столовые часы. Я съ удовольствіемъ думаю о хорошемъ помѣщеніи, теперь у насъ предрянная квартира.

Какъ и всегда, лѣтомъ Москва пустѣетъ, изъ знакомыхъ дамъ всего двѣ-три еще въ городѣ, да и тѣ скоро уѣдутъ. 28-го числа мы сами простимся съ Москвой. Сперва отправимся къ Апраксиной въ имѣніе. Къ 30-му у нея готовится большое празднество. Будетъ спектакль, навѣрное удачный, потому что хорошъ выборъ актеровъ. Изъ дамъ играть будутъ: Вѣра Вяземская, г-жа Пушкина, г-жа Геденова (рожденная Шишкина), кн. Туркистанова и сама Апраксина. Мужскія роли исполнять: оба Пушкина, Вяземскій, г. Мемонъ и т. д. Всѣ эти лица пріѣдутъ погостить въ Льгово на нѣсколько дней, такъ что мы очутимся посреди довольно большого и весьма пріятнаго общества.

1-го іюня уѣдемъ въ Высокое, гдѣ будемъ ожидать брата съ его семействомъ. Съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда увижу маленькаго «аббата». Люблю безъ ума этого ребенка, заранѣе придумываю, чѣмъ бы его позабавить. Кажется, по свѣтскимъ понятіямъ, я со дня на день становлюсь надутѣе и разочарованнѣе. Пока я рассказываю тебѣ объ увеселеніяхъ, у меня въ головѣ вертится мысль: какъ бы поскорѣе отъ нихъ избавиться и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь полезнымъ. Мнѣ весьма легко отказаться почти отъ всего, что прежде меня занимало. Я постоянно думаю, какая пустота проглядываетъ во всемъ, что дѣлается и говорится вокругъ меня. Ты и не подозрѣваешь, до какой степени я разочарована. Однако это истинная правда; еще нѣсколько времени—и я совершенно измѣнюсь.

Ипполитъ, вернувшись изъ-за-границы два дня тому назадъ, говорилъ мнѣ, что у васъ рассказываютъ разныя басни о похоронахъ нашей милой княжны Александрины. Сдѣлай милость, вѣрь только тому, что я тебѣ передаю. Неправда, что гробъ несли дамы. Мужчины несли его отъ дома до церкви, ни одна женщина до него не дотрогивалась. Боже ты мой, посреди какихъ людей живемъ мы! Никого въ покоѣ не оставляютъ, даже и мертвыхъ!

Августина можно упрекнуть только за послѣдній допросъ; впрочемъ, это его дѣло, а не наше. Трудно не впадать въ крайность; по-моему, чрезмѣрная строгость лучше излишней снисходительности. Главное, чтобъ во всѣмъ безъ исключенія одинаково былъ онъ строгъ.

21-го мая.—Вотъ кошелекъ, который прошу тебя передать супругу. Желаю, чтобъ онъ былъ ему по вкусу. Нынче утромъ получила письмо, въ которомъ ты говоришь мнѣ, какую важную роль исполнялъ мужъ твой на свадьбѣ кузины. Меня это нисколько не удивляетъ; напротивъ, я нахожу, что у него лицо достаточно серьезное и торжественное, какъ нельзя болѣе подходящее въ такой роли. Ты, кажется, съ этимъ не согласна?

Правда, что Николинъка женится на очень богатой особѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ матушка должна была измѣнять свои привычки. Она любитъ, чтобъ съ ней жили вмѣстѣ тѣ изъ дѣтей, которыя находятся въ одномъ съ ней городѣ; такъ и будетъ. Братъ желалъ, чтобъ его назначили адъютантомъ Тормазова для того, чтобъ не двигаться изъ Москвы. Невѣста его прелестное маленькое существо. Мы знаемъ ее съ восьмилѣт-

няго возраста. Ея семья очень рада, что ей не придется держать особеннаго хозяйства, такъ какъ она еще очень молода.

Мы слышали отъ Тормазова, что государь будетъ сюда въ августъ, но не извѣстно, прійдетъ ли весь дворъ; подавно не вѣдаемъ, проведетъ ли его величество здѣсь всю зиму. Если государь точно прійдетъ въ августъ, мы его не увидимъ, потому что въ эту пору будемъ въ деревнѣ. Слѣдовательно, мнѣ не придется исполнять свою должность фрейлины, объ этомъ я не жалѣю. Черезъ недѣлю, какъ я тебѣ говорила, мы поѣдемъ въ Апраксиной. На этихъ дняхъ жду Мари Сумарову. Досадно, что она такъ долго пробыла въ Петербургѣ; мнѣ придется провести съ нею всего три или четыре дня, если не удастся затащить ее въ Высокое.

Прощай, мой другъ. Внизу князь Трубецкой ждетъ моего пакета.

Высокое, 31-го июня.—Вотъ я и снова въ Высокомъ, милый другъ. Прежде чѣмъ попасть сюда, я провела три утомительныхъ дня у Апраксиной. Тамъ было много гостей, много шума, длинный спектакль, большой балъ, словомъ—всего вдоволь. Я въ восторгъ пришла, очутившись въ нашемъ тихомъ убѣжищѣ, послѣ шума и кутерьмы. Мы здѣсь пока втроемъ: матушка, Мишель и я. Въ среду прійдетъ братъ съ семьей, тогда насъ будетъ вдвое больше. Николинъка намѣренъ являться сюда на время; съ одной стороны служба, а съ другой—любовь мѣшаютъ ему поселиться съ нами на все лѣто. У насъ роскошная погода. Только на жару и можно пожаловаться. Впрочемъ, въ деревнѣ всегда найдешь прохладный уголокъ. Я радѣхонька, что выбралась изъ душной Москвы, гдѣ мы постоянно пеклись на солнцѣ въ своей бесѣдкѣ, да и шумъ экипажей ни днемъ, ни ночью не давалъ намъ покоя; та часть города, гдѣ мы жили, очень оживлена.

Домъ, въ который мы переберемся по возвращеніи изъ деревни, нѣкогда принадлежалъ князю Хованскому. Онъ находится въ переулкѣ, напротивъ манежа Апраксина; прежде въ немъ былъ театр, и однажды г-жа Бролио вздумала попробовать свое искусство и явилась на сценѣ. Быть можетъ, ты присутствовала на этомъ спектаклѣ, котораго зрители до сихъ поръ не могутъ забыть. Я всячески стараюсь угадать тебѣ, куда мы переселяемся. Всѣ мы въ восторгѣ отъ новой квартиры. Она дѣлится на двѣ половины, соединенныя тремя залами, которыя будутъ служить общими пріемными. Хозяйка дома, кн. Трубецкая, какъ я слышала, отправилась въ деревню передъ поѣздой въ Петербургъ,

поэтому ты получишь мою посылку позднѣе, чѣмъ я предполагала.

Мари Сумарокова, съ которой я въ городѣ провела три дня, уѣхала въ Кіевъ на все лѣто. Кн. Ѳедоръ Голицынъ пріѣхалъ въ Льгово во время послѣдней репетиціи маленькаго дивертисс-мента, сочиненнаго Вяземскимъ въ честь Апраксиной. Толстый князь присталъ, чтобы ему дали роль. Вяземскій для него нарочно написалъ лишній куплетъ. Я должна была пѣть и танцовать на сценѣ, но по случаю мигрени пропустила всѣ репетиціи и въ день спектакля находилась въ числѣ зрителей. Вѣра Вяземская танцевала русскую. Пушкинъ вмѣсто меня служилъ ей vis-à-vis. У Вяземскихъ въ имѣніи, въ Петровъ день, въ именины князя, будетъ большое празднество. Мы не поѣдемъ, они живутъ отъ насъ слишкомъ далеко.

Хорошенько устроившись, я принялась за занятія. Усердно вышиваю синелью ширмочку Николинкѣ къ свадьбѣ. Прощай.

18-го іюня.—Мари Сумарокова, будучи въ Петербургѣ, читала письмо г-на Христіанъ къ Мятлевымъ, и рассказывала мнѣ объ его содержаніи. Повидимому, у васъ Христіанъ пользуется большимъ довѣріемъ, чѣмъ его петербургскіе корреспонденты—здѣсь. Кн. Туркѣистанова и г-жа Нуазевиль усердно съ нимъ переписываются. Обѣ дамы пишутъ ему не только по почтѣ, но и съ каждой оказіей. Тотчасъ по полученіи писемъ, «король Христинъ» какъ мы его называемъ, кладетъ ихъ въ карманъ, потомъ садится въ карету и ѣздитъ по всему городу, вездѣ рассказывая новости, о которыхъ ему пишутъ.

Однажды, на балѣ, онъ поймалъ меня около камина и цѣлыхъ полчаса заставилъ слушать свою болтовню, пока не рассказалъ мнѣ всего, что узналъ въ этотъ день. Онъ забавно выражается и, какъ любезный французъ, рассказываетъ мастерски. Всѣхъ смѣшить, но никто не вѣритъ тому, что онъ говоритъ. Если кто-нибудь, сообщая новость, прибавляетъ, что узналъ ее отъ Христіана, значитъ—извѣстіе ложное. Ему сообщаютъ выдумки изъ Петербурга, а онъ отсюда пишетъ чепуху. Мосева не уступитъ Петербургу въ разнаго рода сплетняхъ. Здѣсь толковали всю зиму объ исторіи Сергѣя Голицына, потомъ объ іезуитахъ, затѣмъ о смерти г-жи Грушецкой; а ваши щеголихи рассказывали вздоръ о похоронахъ Шаховской. Немало болтали у насъ о сожженномъ пальцѣ кн. Куракиной ¹⁾, о переселеніи за-

¹⁾ Настроенная іезуитами, она, изъ религіознаго фанатизма, сожгла себѣ палецъ въ каминѣ, желая быть мученицей.

границу половины петербургскихъ жителей и, наконецъ, о женитьбѣ В. Васъ, надо признаться, не щадилъ; чтобы отмстить намъ, вы жадно ухватились за единственное значительное происшествіе—за похороны Шаховской. Кто-нибудь могъ сказать въ видѣ глупой насмѣшки, что дѣлали репетицію похоронъ; но какъ можно повторять такую нелѣпость и вѣрить подобному вздору!

20-го июня.—Вожусь съ головной болью, потому что три дня гуляла безъ толку. Николинъка пріѣхалъ сюда изъ Москвы съ Ипполитомъ и Матвѣемъ Віельгорскимъ. Эти господа страстные охотники до прогулокъ; узнавъ, что у насъ есть гдѣ погулять, они цѣлые дни бродили по окрестностямъ. Мнѣ, какъ хозяйкѣ, пришлось знакомить ихъ съ красотами нашей мѣстности. Мы цѣлые дни гуляли, возвращаясь домой только въ чаю, да въ обѣду. Гости наши уѣхали въ восторгѣ отъ Высокого, и общались вернуться сюда черезъ двѣ недѣли, а я въ это время успѣю отдохнуть.

Очень рада, что угодила твоему мужу. Скажи ему, что когда этотъ кошелекъ износится, я сдѣлаю ему другой.

Ты не поняла меня. Совсе не потому не хочу я ѣхать въ Петербургъ, что боюсь тамъ соскучиться. Я скуки не знаю. Если въ Тамбовѣ и Саратовѣ ужилась, такъ могу ли бояться соскучиться у васъ. Въ Петербургѣ у меня много знакомыхъ; но мнѣ хорошо живется въ Москвѣ, развѣ если съ ума сойду, тогда стану искать другого образа жизни. Кромѣ того, признаюсь тебѣ, что, по-моему, у насъ судятъ болѣе здраво; нѣтъ той утонченности въ обычаяхъ, которая встрѣчается у васъ, положимъ, но болѣе простоты въ мысляхъ; мы гораздо скромнѣе, не имѣемъ разнаго рода претензій и легче подчиняемся правиламъ, которыхъ держались наши дѣды и отцы—по-моему, это способъ дѣлать меньше глупостей.

Я замѣчала, что люди уѣзжали отсюда разумными и отъ васъ перенимали много пустого; не считая себя тверже другихъ, боюсь поддаться дурному вліянію и лишиться той доли разума, которую и здѣсь-то сохраняю съ большимъ трудомъ. Я пережила тотъ возрастъ, когда полезное приносятъ въ жертву пріятному. Къ тому же у меня здѣсь есть все, что я желаю. Вотъ почему я не хочу переѣзжать въ Петербургъ; если принудятъ обстоятельства, тогда только поѣду поневолѣ. Я держусь того правила, что лучшее—врагъ хорошаго.

Меня не интересуетъ служба фрейлины, я даже не думаю о томъ, что когда-нибудь придется же мнѣ исполнять эту должность.

8-10 июля.—Ты мнѣ дѣлаешь тѣ же упреки, которые слышу я и отъ Мари Сумароковой, милый другъ. Она тоже воображаетъ, что я ее 'упрекаю за все, что мнѣ не нравится у васъ. Виновата я развѣ, что всѣ, кто имѣетъ несчастіе покинуть очаровательный Петербургъ, какъ будто для того, чтобы утѣшить себя и сохранить важность, которую, по ихъ мнѣнію, имѣютъ всѣ, кто живетъ на берегахъ Невы, къ каждому слову прибавляютъ: «у насъ, въ Петербургѣ». Я ради шутки повторяю эту глупую поговорку. Тебя и Мари я немного поддразниваю, а чужимъ не высказываю своего мнѣнія о Петербургѣ, чтобы не походить на петербургскихъ жителей, ругающихъ Москву. Чтобы вознаградить себя за выслушивание неприятныхъ сужденій о Москвѣ, я откровенно говорю о Петербургѣ съ тѣми, съ кѣмъ не стѣсняюсь. Ты, конечно, шутишь, говоря, что я могу и тебя разлюбить, какъ жительницу чухонскаго города. Не любя мѣстности, я бываю привязана ко многимъ изъ лицъ, въ ней живущихъ. Давно не жалуя я Петербурга, а между тѣмъ въ немъ поселились многія изъ близкихъ мнѣ лицъ. Что касается моей антипатіи, которую ты хочешь искоренить, и находишь преувеличенной—мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо, позволительно питать ее. Во всю мою жизнь городъ этотъ былъ для меня источникомъ горестей, касавшихся меня или близкихъ мнѣ людей. Хотя бы теперь, развѣ я не тревожусь за сестру? Она тоже не долюбливаетъ Петербурга, хотя тебѣ этого не высказываетъ, по той же причинѣ, по которой я скрываю свое мнѣніе отъ постороннихъ. Пожалуйста, не выболтай ей, что я тебѣ сказала. Она мнѣ этого никогда не проститъ. Если удастся ей оттуда выбраться, повѣрь, что она долго къ вамъ не вернется. Сержъ больше всѣхъ насъ восторгался Петербургомъ, тамъ онъ и женился; всѣ привычки его жены стали ему дороги. Меня не мало удивило, когда онъ заплѣлъ иную пѣсню; почему вкусъ его измѣнился—мнѣ неизвѣстно; только теперь онъ мечтаетъ купить домъ въ Москвѣ и выбралъ мѣсто для постройки усадьбы въ Высокомъ.

19-10 июля.—Благодарю за описаніе праздника, даннаго въ честь твоего супруга, дружокъ. Ты не ошиблась: меня, точно, заинтересовало твое письмо; объ одномъ жалѣю, что меня съ вами не было. Я находилась подъ впечатлѣніемъ пріятнаго извѣстія, когда принесли твое посланіе. Новость меня лично не касается, но обрадовала меня, потому что я люблю, когда поступаютъ прямо, честно, безъ заднихъ мыслей. Олсуфьевъ женится на m-lle Кавериной. Это дѣлаетъ честь ему и его семьѣ,

потому что въ нашъ вѣкъ часто приходится слышать, какъ иной богачъ объявляетъ безъ зазрѣнія совѣсти, что такая-то особа нравится ему, но что она для него недостаточно богата. А у нея зачастую состоянія не меньше, чѣмъ у него самого. Со временемъ у Олсуфьева будетъ хорошее состояніе; онъ получитъ наслѣдство отъ разныхъ тѣтушекъ и дядюшекъ, которые въ настоящее время совершенно здоровы; ему придется долго ждать. Все-таки богачемъ онъ никогда не будетъ. Приѣхавъ въ Москву, онъ встрѣтилъ молодую особу, прелестную во всѣхъ отношеніяхъ, но у которой нѣтъ ни гроша. Она ему понравилась. Мать его довольна его выборомъ, и не мѣшаетъ ему жениться. Въ наше время такъ рѣдко приходится встрѣчать людей, которые бы не ставили богатства выше всего, что поступокъ Олсуфьева порадуетъ каждаго безорытнаго человѣка. М-лле Каверина очень хороша, умна, прекрасно себя держитъ, вообще премилая особа. Положеніе ея было незавидное; ей и двумъ младшимъ сестрамъ ея помогалъ богатый зять, мужъ ихъ старшей сестры. Всѣ ею интересовались, но никому въ голову не приходило, чтобы ей удалось сдѣлать такую прекрасную партію. Я увѣрена, что они счастливо заживутъ. Мы навѣрное часто будемъ видаться. Олсуфьевъ находится въ числѣ нашихъ московскихъ знакомыхъ, а съ Машей я познакомилась еще въ Тамбовѣ. Семейство ея въ ту пору было въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ; мы имѣли случай оказать имъ кое-какія услуги, за что они намъ благодарны по-сю пору. Въ Москвѣ они живутъ въ другомъ кругу; теперь, въ удовольствію моему, Маша будетъ къ намъ ѣздить.

26-го іюля. — Начну съ того, что поздравлю тебя со днемъ рожденія, мой милый другъ. Нынче, если не ошибаюсь, тебѣ исполнилось 26 лѣтъ. Приложу все мое стараніе, чтобы удался экранъ, который будетъ украшать твою новую гостинную.

Не въ насмѣшку ли сравниваешь ты меня съ г-жой де-Жанлисъ, которая отличалась легкостью слога. Такая похвала походить на сарказмъ. Къ тому же, г-жу Жанлисъ, Сталь и другихъ я терпѣть не могу и вовсе не желаю на нихъ походить. Большая часть ихъ сочиненій лишены здраваго смысла, да притомъ можно ихъ упрекнуть за то, что онѣ поступали не согласно съ правилами, которыя высказываютъ въ своихъ твореніяхъ. Насъ, какъ ихъ современницъ, не можетъ не поражать такое противорѣчіе въ ихъ словахъ и поступкахъ; отъ этого блекнетъ слава, которой онѣ всю жизнь добивались. Сдѣлай милость, не уподобляй меня ни которой изъ нихъ.

Я и не знала, что м-ле Полиньякъ давно замужемъ. Мнѣ говорили, что сватовство разстроилось; очень рада, что отецъ г-на Собакина опровергъ невыгодные толки. За что́ это ты упрекаешь отца м-ле Грибоѣдовой? Онъ всегда слылъ за самого нѣжнаго изъ отцовъ. Развѣ не нравится тебѣ, что онъ везетъ дочь въ Бѣлоруссію, но, кажется, вѣдь она всегда сопровождала его въ поѣздахъ въ имѣніе. Мнѣ помнится, что она изъ Москвы ѣздила съ нимъ въ деревню; не велика бѣда, что онъ на нѣсколько мѣсяцевъ оторветъ отъ столичныхъ удовольствій свою любимую дочь. Мачиха, кажется, никогда съ ними не ѣздитъ. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, а ты однако на это указываешь, сравнивая г-на Собакина съ г. Грибоѣдовымъ.

7-го августа. — Я дней десять не писала тебѣ по случаю сильной головной боли, милый другъ. Когда у меня начинается болѣть голова, я ложусь въ постель и не двигаюсь по нѣсколькимъ часамъ; если вздумаю встать, боль до того усиливается, что я падаю почти безъ чувствъ. Это послѣдствіе нашей эмиграціи 12-го года; съ тѣхъ поръ вожусь я съ этимъ недугомъ.

Вчера былъ деревенскій праздникъ. Пѣсни и крики пьяныхъ раздавались во дворѣ, въ саду, въ полѣ и въ лѣсу. Шумъ былъ препорядочный.

Нашъ уѣздъ переполошился. Государь проѣдетъ, и великій князь Николай Павловичъ. Всѣ власти суетятся. Только и толковъ: тутъ надо дорогу поправить, тамъ мостъ навести, здѣсь ровъ засыпать. Мы избавились отъ столичной суеты, зато пришлось намъ смотрѣть, какъ мечутся во всѣ стороны исправники, засѣдатели и т. д. Мы хоть выиграемъ въ томъ отношеніи, что всюду дороги будутъ исправлены.

Пока въ Москвѣ будутъ веселиться, мы намѣрены отправиться на богомолье. 15-е и 16-е число мы пробудемъ въ монастырѣ, въ 60-ти верстахъ отсюда. Близъ обители есть церковь, въ которой находится образъ Спасителя, особенно чтимый во всемъ окрестіи. Еслибъ удалось мнѣ уговорить все наше общество съѣздить въ Ростовъ! Мнѣ давно хочется побывать въ ростовскомъ монастырѣ. Врядъ ли согласятся ѣхать такъ далеко: дѣтей съ собой тащить неудобно, дома оставить ихъ тоже нельзя. Прощай, мой добрый другъ.

16-го августа. — Надѣюсь, что у тебя прошла лихорадка, милый другъ. Если обстоятельства не задержатъ въ Москвѣ г-жу Виллеро, мнѣ не удастся съ ней увидѣться. Признаюсь тебѣ, что

я бы очень желала ее встрѣтить. Ни намъ, ни г-жѣ Виллеро не придется ѣхать въ Апраксинымъ въ имѣнье: онѣ будутъ въ Москвѣ во все время пребыванія государя. Какъ видишь, почти нѣтъ надежды, чтобъ встрѣтилась я съ твоей кузиной; мы такъ много слыхали другъ о другѣ, странно, что намъ не удастся познакомиться; кромѣ меня, она знаетъ всѣхъ членовъ нашей семьи.

Я нисколько не жалѣю, что отказалась отъ праздниковъ и удовольствій и просила мамà не двигаться отсюда. Мнѣ грустно, я не въ духѣ, у меня есть горе, о которомъ не могу говорить въ письмѣ. Оно меня лично не касается, но сильно тревожитъ.

Мы до сихъ поръ не знаемъ, что происходитъ въ Москвѣ со времени прибытія государя. Завтра или послѣзавтра пріѣдетъ къ намъ Небольсина и расскажетъ, что дѣлается на берегахъ Москвы-рѣки. Если случится что-нибудь интересное, ты навѣрное узнаешь объ этомъ помимо меня. У насъ здѣсь тихо и мирно. Не знаю, могу ли сказать, какъ говорится въ комедіи о женщинахъ: оставшись дома, связала лишнюю пару чулокъ, да меньше нагрѣшила; одно вѣрно, здѣсь я больше занимаюсь и меньше трачу денегъ.

Объ исторіи г-жи Путятиной я не слыхала; одно могу сказать: въ скандалахъ у васъ недостатка нѣтъ. Зато фруктовъ у васъ мало, а у насъ такое изобиліе, что мы просто объѣдаемся. Матвѣй Вильгорскій расскажетъ тебѣ, сколько мы вишенъ истребили. Прощай, весело мнѣ или грустно, но я всегда одинаково люблю тебя.

26-го августа. — Мы благоденствуемъ въ Высокомъ, милый другъ. Долетаютъ до насъ и московскіе слухи. Тамъ даютъ праздники за праздникомъ. Намъ прислали визитныя карточки гр. Орловой и приглашительные билеты на балъ, который графиня давала для государя 23-го числа. Балъ стѣбилъ ей, говорятъ, 50 тысячъ, и навѣрное былъ великолѣпенъ. Дворянство давало балъ великолѣпенъ. Дворянство давало балъ въ собраніи 18-го числа. Нынче балъ отъ купечества. Послѣзавтра будетъ балъ у кн. Юсупова, а 30-го, въ заключеніе, у Тормазова будетъ роскошный праздникъ. Его Величество посѣщаетъ окрестности Москвы: былъ у Троицы, въ Воскресенскомъ, въ Коломенскомъ, въ Царицынѣ; въ Сухановѣ изволилъ обѣдать у кн. Волконской, въ Островѣ кушалъ чай у гр. Орловой, въ Архангельскомъ обѣдать у Юсупова. Вотъ пока все, что имѣю сообщить тебѣ. Кое-какія подробности передамъ въ другой разъ; если ты и вовсе не узнаешь ихъ, бѣда не велика. У насъ царствуетъ тишина, которая,

должно быть, нарушится 7-го сентября по случаю рожденія матушки. Къ тому времени государь уѣдетъ, всѣ праздники кончатся, и всѣ наши кавалеры явятся сюда. Кстати о кавалерахъ: знаешь ли ты, что Матвѣй Вѣльгорскій вертится въ большомъ свѣтѣ въ Москвѣ. Онъ вездѣ бываетъ, со всѣми знакомъ, сестра просто не узнаетъ его. Мѣсяць тому назадъ ему слѣдовало отправиться въ пензенское имѣніе, а онъ себѣ гуляетъ, пляшетъ, любезничаетъ, щеголяетъ и не сидитъ на мѣстѣ. Я полагаю, что въ Петербургъ онъ не вернется ранѣе октября; такимъ образомъ, онъ проведетъ въ отпуску вмѣсто одного мѣсяца цѣлыхъ четыре. Даша ждетъ его съ нетерпѣніемъ; ей любопытно видѣть его свѣтскимъ человѣкомъ.

Въ началѣ сентября къ намъ будетъ Апраксина, затѣмъ мы вѣроятно отправился въ Льгово, а оттуда въ Москву; 17-го именины m-ле Апраксиной, если г-жа Виллеро будетъ въ Москвѣ въ это время, то навѣрное пріѣдетъ въ Апраксинымъ. Тогда мы познакомимся. Все это воздушные замки. 30-го, говорятъ, будутъ раздаваться награды: купцамъ — медали, а высшимъ властямъ чины и ордена. Прощай, я расположена болтать и мнѣ приходятъ такія нелѣпныя мысли, что ихъ на бумагѣ излагать не слѣдуетъ. Итакъ, до будущаго раза. Обнимаю тебя.

2-го сентября. — Кончены праздники, государь уѣхалъ. По письму твоему вижу, что ты недовольна мной за то, что я отказалась ѣхать веселиться въ Москву. Но какова будетъ твоя досада, когда ты узнаешь, что государь спрашивалъ: гдѣ г-жа Волкова и отчего ея нигдѣ не видно? А я все-таки не жалѣю, что не присутствовала на всѣхъ празднествахъ; знаю я по опыту, что послѣ этихъ удовольствій ничего не остается. Сидя въ Высокомъ, я представляю себѣ, какъ люди суетятся, чтобъ удалось имъ увидать государя, какъ добиваются дамы чести протанцовать съ нимъ полонезъ; я была свидѣтельницей всѣхъ этихъ тревожныхъ шестъ лѣтъ тому назадъ. Вчера пріѣхали Николинъка, Иполитъ и Матвѣй. Они мнѣ подробно рассказали, что происходило въ Москвѣ. Праздники отличались блескомъ. На балѣ въ собраніи было 1500 человѣкъ, на купеческомъ балѣ болѣе 3000, у гр. Орловой 200 человѣкъ; она не желала, чтобъ собралось болѣе гостей, потому что они въ домѣ ея не могли бы помѣститься, и потому пригласила только самое изысканное общество. У Тормазова было 500 человѣкъ. Его праздникъ вышелъ очень удаченъ, но бѣдному старику пришлось истратить 10 тысячъ; я думаю, онъ объ этомъ горюетъ. Какъ видишь, все это повтореніе

тѣхъ праздниковъ, на которыхъ мы съ тобой присутствовали въ 1809 и 1810 годахъ. То же изобиліе брилльянтовъ, то же великолѣпіе, разница лишь во временахъ года; теперь, по случаю лѣта, устроена была прогулка по дворцовому саду, который былъ роскошно иллюминированъ, благодаря искусству г-на Поливанова, получившаго въ награду за хлопоты анненскую ленту. Таковую же ленту получилъ старый вн. Долгорукій, которому лѣтъ за 70; онъ совершенно глухъ. Въ свою жизнь ровно никакихъ услугъ своимъ соотечественникамъ не оказывалъ. Это пріятель твоего дяди, Одоевскаго; вѣроятно ты о немъ слыхала. Еще многія лица получили ленты. Кажется, всѣхъ наградили. Андрей Гагаринъ сдѣланъ камергеромъ. Государь удостоилъ своимъ вниманіемъ его жену; всѣхъ жителей Москвы его величество приглашалъ переселиться въ Петербургъ, а самъ, какъ говорятъ, изъявилъ намѣреніе весь будущій годъ пробыть у насъ. Еслибы всѣ москвичи переехали въ Петербургъ, то государь, возвратясь къ намъ, нашелъ бы городъ опустѣвшимъ, а у васъ рисковали бы умереть съ голоду, потому что отъ чрезмѣрнаго наплыва народонаселенія все бы вздорожало.

Вѣру Вяземскую замѣтилъ государь на двухъ послѣднихъ балахъ и оказалъ ей вниманіе; впрочемъ, со всѣми дамами вообще его величество изволилъ быть любезенъ и, кажется, со всѣми танцовалъ. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Теперь изъ Москвы уѣзжаютъ, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, спѣшать поправить свои финансы, нѣсколько разстроенные лишними тратами; а мы этимъ временемъ воспользуемся, чтобъ хорошенько устроиться на новой квартирѣ.

Государь изволилъ обѣдать у г-жи Апраксиной въ ея загородномъ домѣ, около заставы. Я говорю: у Апраксиной, потому что мужъ ея не въ милости; государь съ нимъ не говоритъ.

Чтобъ тебя посмѣшить, расскажу тебѣ, что на балѣ у гр. Орловой Милорадовичъ танцовалъ мазурку съ гр. Мамоновой; до сихъ поръ никто безъ смѣху вспомнить не можетъ объ этой парочкѣ. Милорадовичъ настоящій шутъ, а дама его похожа на канатную плясунью. Прощай, обнимаю тебя.

9-го сентября. — «Будемъ надѣяться, что правда восторжествуетъ, а клеветниковъ накажутъ», говоришь ты, дружокъ. Видно, что ты о дѣлахъ понятія не имѣешь, иначе ты бы вотъ что сказала: по всей вѣроятности, надѣлаютъ кучу несправедливостей, и клеветники, какъ всѣ негодяи, окажутся правѣе и будутъ благо-

денствовать. Вотъ что мнѣ и другимъ приходилось видѣть въ теченіи года, пока тянется дѣло Рахманова.

Всѣмъ министрамъ извѣстно, что когда зять мой завѣдывалъ провіантской частью, то сберегъ казнѣ болѣе трехъ милліоновъ. Встрѣчая зятя, министры каждый разъ вспоминаютъ объ этомъ; о чемъ же имъ и говорить, вѣдь зять представилъ имъ всѣ бумаги. И что же — мелкій чиновникъ затратилъ эти три милліона сто восемьдесятъ тысячъ, не думая своимъ имуществомъ уплатить долгъ казнѣ и не представляя счетовъ моему зятю, чтобъ оттянуть время, а между тѣмъ подалъ доносъ на Рахманова, исписавъ чуть не цѣлую стопу. Будь зять мой Картушъ, и тогда бы ему не надѣлать всего, о чемъ говорится въ доносѣ, который однако былъ принятъ. Доносчика сперва призвали, а затѣмъ зятя, отъ котораго во всю зиму не потребовали ни одной бумаги. Константиновъ, чтобъ выиграть время, подалъ до тридцати доносовъ, изъ которыхъ одинъ другому противорѣчить; вслѣдствіе двухъ послѣднихъ произошло событіе, о которомъ сейчасъ разскажу тебѣ. Мать Рахманова 23 года тому назадъ отказалась отъ свѣта, лишившись мужа, который пользовался общимъ уваженіемъ и умеръ на службѣ. Она посвятила себя дѣтямъ и дожила до 54 лѣтъ безупречно; словомъ, это достойнѣйшая женщина. Много испытаній выпало на ея долю, но она всегда оставалась непоколебимою. И вотъ, въ этой-то женщинѣ отправили Константинова, во главѣ гусарскаго эскадрона, — сдѣлать обыскъ, на томъ основаніи, что она будто бы принимала контрабанду на нѣсколько милліоновъ, посылаемую ей сыномъ. Она была на богомольѣ въ ста верстахъ, а въ имѣніи оставался племянникъ и старый дядя; они-то и были свидѣтелями разныхъ безчинствъ. Выламывали двери, задвижки, шарили въ ящикахъ, созывали прислугу, начали обѣщать ей награду, если выдастъ хозяйку. Сулили людямъ деньги, свободу; ни одинъ не поддавался на заманчивыя обѣщанія. Тогда ихъ посадили въ тюрьму и въ теченіи нѣсколькихъ дней у г-жи Рахмановой не было иной прислуги, кромѣ женщинъ и двухъ мальчиковъ лѣтъ 13—14. Между тѣмъ хозяйка вернулась, ей сдѣлали письменный запросъ, крайне безтолковый; не найдя ничего, придумали сказать, что она, подъ предлогомъ богомолья, ѣздила, чтобъ скрыть вещи, которыхъ искали. Такъ и сказано было въ донесеніи. Мѣсяць тянулась эта процедура; удивляюсь, какъ жива осталась г-жа Рахманова! Представь, что старыя тряпки, остатки приданого, брошенныя сестрой въ деревнѣ, сочтены были за контрабанду. Словомъ, всего и не перескажешь. Кажется, ты не должна удивляться, что братъ оставляетъ службу. Рахмановъ не

хуже братьевъ исполнялъ долгъ службы, а матушка такъ же безупречна, какъ г-жа Рахманова, однако это не спасло ихъ отъ гоненія.

Николиньку произвели въ капитаны наканунѣ дня Александра Невскаго, все-таки онъ намѣревается выдти въ отставку. Боимся, что просьбы не примутъ; теперь пропасть военныхъ хлопочуть объ отставкѣ. Какъ Богу угодно, такъ и будетъ.

Вслѣдствіе исторіи, случившейся съ г-жой Рахмановой, усилилась во мнѣ ненависть къ Петербургу. Къ тому, что я передала тебѣ, слѣдуетъ прибавить разныя подробности, отъ которыхъ у насъ волосы дыбомъ становятся; мы не постигаемъ такихъ вещей: чтобъ понять ихъ, надо родиться, созрѣть въ Петербургѣ и свыкнуться съ тѣми правилами, которыя господствуютъ въ атмосферѣ, пропитанной эгоизмомъ, лицемеріемъ, вѣроломствомъ и низостью—вотъ идола, которымъ у васъ поклоняются.

Забыла отвѣтить на твой вопросъ о кн. Го—нѣ и м-ле Козловой. Этихъ лицъ въ обществѣ не знаютъ, и потому рассказъ о нихъ я слышала мимоходомъ. Кн. Го—нѣ женатъ былъ на одной изъ своихъ горничныхъ, имѣлъ отъ нея дѣтей, потому она ему надобла, онъ влюбился въ м-ле Козлову и женился на ней тайкомъ. Не знаю, какъ удалось ему уговорить ее молчать про ихъ замужство, дѣло въ томъ, что она умерла въ родахъ. Братъ ея, знавшій вѣроятно про эту свадьбу, всѣмъ объявилъ о ней, между прочимъ и дядѣ, г-ну Хомутову, у котораго въ домѣ жила м-ле Козлова. Вотъ все, что я знаю объ этомъ дѣлѣ; не вѣдаю, какъ оно кончилось для Го—на, который былъ въ отсутствіи, когда жена его умерла.

Надо объявить тебѣ, по обыкновенію, о новой свадьбѣ. Знаешь ты князя Федора Николаевича Голицына, сопупа и порядочнаго гримасника? Старшій сынъ его похожъ на него, какъ двѣ капли воды, да еще вдобавокъ вѣчно возится съ флюсомъ. Вотъ, этотъ-то господинъ женится на м-ле Бахметевой, внучкѣ старухи Нарышкиной, которую мы называемъ Еленой Николаевной. Молодая дѣвушка некрасива, но прекрасно поетъ, отличная музыкантша, хорошо воспитана и имѣетъ порядочное состояніе. Всѣ свадьбы, въ томъ числѣ и Николинькина, будутъ въ ноябрѣ. Тебя удивляетъ, что Николай женится, мнѣ и самой не вѣрится. Ему всего 21 годъ, онъ еще такъ молодъ; впрочемъ, судя по его характеру и вусамъ, изъ него долженъ выдти прекрасный мужъ и отецъ семейства. Онъ настоящее сокровище; жена его навѣрное будетъ счастлива, насколько возможно счастье на землѣ.

Зимой я часто видала г-жу Муханову, разъ мы вдвоемъ чай пили у родственницы ея, вн. Туркистановой, которая часто у насъ бываетъ. Г-жа Муханова желала слышать, какъ я пою, и просила вн. Туркистанову доставить ей случай меня послушать. Княгиня пригласила насъ обѣихъ къ себѣ, и мы очень пріятно провели вечеръ. Мы не разъ встрѣчались и у г-жи Корсаковой, которая вынесла много горя нынѣшней зимой. Муханова отказалась отъ свѣта, живетъ для семьи, водится съ близкими и съ лицами, которымъ ея присутствіе можетъ быть полезно въ какомъ-либо отношеніи. Теперь, когда встрѣчу ее, заговорю о тебѣ. Есть въ Москвѣ еще одна особа въ родѣ Мухановой, и съ которой она очень дружна. Это нѣкто г-жа Боборыкина, рожденная Мячкова, кузина покойной княжны Шаховской и воспитанная ея матерью. Она въ одинъ годъ лишилась мужа, двухъ дочерей и состоянія. У нея остался только сыночекъ шести-лѣтній; ей помогаетъ князь Шаховской, потому что ей нечѣмъ жить. Въ прошломъ году сыну ея досталось наслѣдство; до сихъ поръ онъ еще не получалъ его (завязалась тяжба), но въ будущемъ надо надѣяться, что дѣла ихъ поправятся.

Преинтересная особа г-жа Боборыкина; она очень умна, прекрасно воспитана и обладаетъ столькими качествами, что ее можно назвать рѣдкой женщиной. Прощай, милый другъ. Вотъ такъ посланіе! Въ четвергъ опять напишу съ Серѣжей.

13-го сентября.—Тебѣ не отгадать, которая изъ дамъ имѣла болѣе успѣха на послѣднихъ праздникахъ. Представь, это г-жа Бролио (Broglio). Она некрасива, ведетъ себя прескверно, рѣчи ея похожи на богохульство. Вообрази, что она удостоилась чести танцевать съ его величествомъ! Въ первомъ полонезѣ государь прошелся съ гр. Каменской, во второмъ съ вн. Лопухиной матерью, а потомъ, взявъ лорнетъ, поглядѣлъ на всѣхъ дамъ, отыскалъ г-жу Бролио и съ ней началъ третій полонезъ. Съ Апраксиными и Пушкиными его величество послѣ изволилъ танцевать по разу, а съ г-жой Бролио нѣсколько разъ. Потомъ государь танцевалъ съ вн. Волконской, рожденной Высотской, молодой вертлявой бабенкой, набѣленной и развращенной, которая идетъ по стопамъ г-жи Бролио. Мы ее встрѣчаемъ только на публичныхъ балахъ да на улицѣ. Досадно, что обращаютъ на себя вниманіе особы, имѣвшія съ дюжину скандальныхъ исторій.

Надпись на транспарантѣ у гр. Орловой всѣхъ поразила, на утро подъ ней увидали написанную мѣломъ молитву, изъ которой она была взята; вѣрно какой-нибудь проказникъ ночью на-

чертилъ ее, воспользовавшись темнотою, и присоединилъ собственныя фдѣя разсужденія.

Тормазовъ не очень-то доволенъ пожалованіемъ въ графы. Онъ говорилъ брату моему, что, будучи хорошимъ дворяниномъ, предпочелъ бы денежную награду титулу. Въ фрейлины никого не назначили. Удивляюсь, какъ въ Петербургѣ, гдѣ знаютъ къ кому расположенъ государь, могли предположить, что его величество благоволитъ къ Апраксинымъ. Мужа онъ терпѣть не можетъ, что выказалъ очень ясно въ послѣдній прїѣздъ. Г-жѣ Апраксиной его величество привезъ письмо отъ матери, дней десять держалъ его у себя, потомъ изволилъ спросить у г-жи Апраксиной, когда ему привезти ей письмо. Она отвѣчала, что когда угодно будетъ его величеству; государь сказалъ, что завтра прїѣдетъ къ ней обѣдать въ ея имѣніе. (Она купила имѣніе Барятинскаго, около Петровскаго). Только Тормазовъ и Юсуповъ были приглашены на обѣдъ. На слѣдующій день г-жа Апраксина отправилась благодарить его величество за посѣщеніе; но государь велѣлъ ей сказать, что ему некогда. Апраксина обожаетъ своего мужа и ей очень горько видѣть, что онъ не въ милости у государя. Къ Вяземскому его величество тоже не былъ благосклоненъ, а женѣ его оказалъ вниманіе на двухъ послѣднихъ балахъ. Этимъ его величество изволилъ доказать, что ошибочно предполагаютъ, будто мужъ и жена составляютъ одно существо. Вяземскому повредили стихи, которыя онъ написалъ нѣкогда. Государь его не можетъ простить, а министры ужасно противъ него озлоблены за то, что онъ задѣлъ ихъ за живое. За обѣдомъ у Юсупова его величество говорилъ со всѣми, а кн. Петру не сказалъ ни слова, какъ-будто его тутъ и не было. Мнѣ жалъ Вяземскаго, онъ огорченъ; впрочемъ, вотъ еще причина, по которой онъ насъ не покинетъ для Петербурга.

Теперь ты можешь убѣдиться, что шифръ не заставитъ меня отправиться въ Петербургъ, если я ради его не съѣздила въ Москву изъ Высокаго. Врядъ ли осуществится твоя надежда на замужство, которое можетъ заставитьъ меня переѣхать къ вамъ.

Кто же назначенъ въ Пензу на мѣсто Голицына? Я еще объ этомъ не слыхала; по тону твоему заключаю, что мнѣ не понравится назначеніе. Ты не знаешь, гдѣ г-жа Виллеро, пожалуй, я встрѣчусь съ ней въ Москвѣ. Что будетъ, то будетъ. Не мало крови испортила я себѣ по милости этой семьи; лучше поменьше ея интересоваться.

Послѣднее извѣстіе отъ Рахмановыхъ насъ порадовало. Лица, дѣлавшія обыскъ, наконецъ, уѣхали отъ нихъ. Пришлось-таки

имъ сознаться, что они ничего не отыскали. Знаешь ли, что исторія эта напоминаетъ царствованіе Анны Іоанновны и время Бирона. И съ кѣмъ же поступили такимъ образомъ? Со вдовой генераль-лейтенанта! Право, въ нашъ вѣкъ гораздо лучше быть купцомъ или какимъ-нибудь парфюмеромъ.

Великій князь Николай Павловичъ со всѣми обходился очень ласково. Прощай, милый другъ.

15-го сентября. — Только-что успѣла я дочитать послѣдній томъ «Шотландскихъ вождей», когда принесли твое письмо. Ты спрашиваешь, какого я мнѣнія о величайшемъ изъ героев, о бессмертномъ Валласѣ? Я ожидала этого вопроса. Матвѣй, увидавъ этотъ романъ у меня на столѣ, рассказалъ мнѣ, что ты отъ него въ восторгѣ. Характеръ, которымъ ты восхищаешься, точно идеальный, но отъ этого-то онъ и неестественъ; въ дѣйствительности ты его не встрѣтишь. Вообще романисты, желая расположить читателей въ пользу своего героя, изображаютъ его какимъ-то совершеннымъ существомъ, котораго нельзя назвать человѣкомъ, потому что въ немъ соединяются всевозможныя качества. Таковъ Валласъ, Малекъ-Адель (г-жа Котень) и другіе. Такія сочиненія похожи на волшебныя сказки: въ нихъ все невѣроятно и неправдоподобно; я скорѣе отдамъ предпочтеніе Eugène de Rothelin, лорду Сеймуру и другимъ лицамъ въ ихъ родѣ, нежели этимъ безстрашнымъ и безупречнымъ рыцарямъ, которые для меня слишкомъ совершенны. Знаю, что ты начнешь мнѣ противорѣчить. Но, видишь ли, этимъ можно восхищаться въ пятнадцать лѣтъ, когда всѣ люди кажутся ангелами, а свѣтъ — раемъ; но, поживъ между людьми, приобретаешь опытность, видишь вещи въ надлежащемъ свѣтѣ поневолѣ. Чтѣ десять лѣтъ тому назадъ считала я возможнымъ, на то смотрю теперь не иначе, какъ на восьмое чудо.

Вотъ какъ сузу я о твоёмъ пріятелѣ Валласѣ; будь онъ менѣе фантастиченъ, то сдѣлался бы и моимъ другомъ.

Извини, пожалуйста, что я раскритиковала талію кухни твоей, Мещерской. До сихъ поръ я считала ее горбатой, да и весь городъ того же мнѣнія. Теперь ты меня вполне разубѣдила. Г-на Корсакова очень хвалятъ. Я увѣрена, что кухня твоя будетъ съ нимъ вполне счастлива и даже, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе, подтвержу твое предположеніе, будто бы дѣти у нихъ непременно выйдутъ великаны.

Теперь мы остались одни, все наше общество разѣхалось. Мы сами недѣли черезъ двѣ вернемся въ городъ. Погода стоитъ

прекрасная. Вечера становятся длиннѣе, я провожу ихъ съ «моими дѣтьми», какъ ты называешь племянниковъ. Желала бы я, чтобы они были моими, тогда бы не пришлось намъ разставаться, а теперь намъ грозитъ разлука. Я такъ привыкла видѣть ихъ каждую минуту. Они меня очень любятъ, въ особенности дѣвочка. Прощай, моя дорогая.

Москва, 21-го сентября.—Вчера вечеромъ познакомилась я съ г-жой Виллеро совершенно неожиданно. Я до того растерялась при этой встрѣчѣ, что съ четверть часа не могла собраться съ духомъ. Приѣхавъ въ Москву, я рѣшительно не знала, здѣсь твоя кузина, или нѣтъ. Не будучи съ ней знакома, я не смѣла про нее спрашивать, боясь, чтобы мои вопросы не показались странными. Въ прошлую пятницу въ Воскресенскомъ, въ гостиницѣ, я прочла на стѣнѣ фамилію г-жи Храповицкой, тутъ же было означено 10-е сентября. Я подумала, что, быть можетъ, она и кузина твоя еще въ Москвѣ. Въ первые дни по приѣздѣ сюда я о нихъ не слыхала. Наконецъ, въ понедѣльникъ, г-жа Рябинина съ кузиной своей Боборыкиной приѣхали къ намъ вечеромъ съ обѣда отъ Скюдери, который женатъ на Храповицкой, близкой родственницѣ генерала. Вдругъ г-жа Рябинина спросила меня, знакома ли я съ Храповицкой, причемъ стала ее расхваливать. Я воспользовалась случаемъ и узнала отъ нея, что г-жа Храповицкая приѣхала сюда вмѣстѣ съ г-жой Виллеро, что онѣ тоже обѣдали у Скюдери и нынче уѣзжаютъ изъ Москвы. Рябинина сожалѣла, что онѣ должны ѣхать, говоря, что желала бы пригласить ихъ къ себѣ. Вчера вечеромъ я отправилась къ Вяземской и застала ее разряженной; она куда-то собиралась съ церемоннымъ визитомъ. Я просила ее изъ-за меня не откладывать визита, сказавъ, что пойду пить чай по сосѣдству къ Рябининой. Вѣра сперва поняла, что я приглашена къ Рябининой и вздумала сама къ ней заѣхать, чтобы подольше побыть со мной. Въ каретѣ узнавъ, что я не звана въ гости, она непременно хотѣла везти меня къ себѣ обратно; споря, мы добрались до приѣмной Рябининой. Она объявила намъ, что ждетъ къ себѣ г-жу Скюдери съ г-жой Храповицкой; едва успѣла она сказать это, какъ въ гостиную вошли три дамы. Я догадалась, что третья навѣрное г-жа Виллеро. Сердце у меня забилось, руки похолодѣли и задрожали, кровь кинулась въ голову, я едва не ушла изъ комнаты; наконецъ рѣшилась сѣсть въ сторонѣ, около г-жи Скюдери, и начала съ ней разговаривать. Я такъ старалась скрыть свое смущеніе, что, кажется, пересолила и была чересчуръ развязна.

Вдругъ г-жа Рябинина обращается ко мнѣ и проситъ приблизиться къ столу, около котораго онѣ расположились; мнѣ пришлось бы сѣсть чуть не на колѣни къ г-жѣ Виллеро, которая, услышавъ мою фамилію, обернулась; въ эту минуту я желала бы провалиться сквозь землю. Вѣра, видя мое смущеніе и не понимая въ чемъ дѣло, громко расхохоталась по обыкновенію; я еще больше растерялась. Ни за что въ мірѣ не согласилась бы я снова вынести такую пытку. Я полчашии чаю пролила себѣ на платье, между тѣмъ г-жа Виллеро, обратясь къ Вѣрѣ, спросила, узнаетъ ли она ее, перекинулась съ ней нѣсколькими фразами, и, обернувшись ко мнѣ, сказала, что, будучи кузиной особы, которую я люблю, она сама мнѣ отрекомендуется, и еще что-то прибавила. Я ничего не слыхала и не видала; въ эту минуту въ комнатѣ стихло, мнѣ показалось, что на лицѣ моемъ могутъ прочесть всю мою исторію. Я приподнялась, сказала что-то, вѣроятно глупость, причемъ видъ у меня должно быть былъ презабавный. Навѣрное кузина твоя разскажетъ тебѣ объ этой встрѣчѣ, узнай пожалуйста, не потеряла ли я въ ея мнѣніи; это было бы неудивительно, мнѣ самой пришла эта мысль. Затѣмъ, у меня рѣчи полились цѣлымъ потокомъ, какъ будто бы я была въ бреду. Я хотѣла удалиться, но г-жа Виллеро удержала меня, и я сидѣла какъ прикованная, пока дамы не поднялись, собираясь уѣхать. Я первая простилась и кинулась въ карету, гдѣ нашла мою спящую дуэньку. Изъ всего разговора съ г-жой Виллеро, у меня только одно осталось въ памяти: я горячо отстаивала Москву; если могла я вчера защищать ее противъ г-жи Виллеро, то нѣтъ сомнѣнія, что въ 12-мъ году я бы храбро отстояла ее противъ французъ. Впрочемъ, кузина твоя увѣрила меня, что критикуетъ только наши улицы; въ этомъ я съ ней согласна; надо сознаться, что онѣ точно и узки, и грязны; впрочемъ, вѣдь таковы онѣ во всѣхъ большихъ старинныхъ городахъ, хотъ, напр., въ Парижѣ, который не вчера выстроенъ, какъ ваша столица. Зато Кремль очень понравился г-жѣ Виллеро, и точно онъ чудо какъ хорошъ; хотя мнѣ онъ давно знакомъ, но вчера, гуляя, я пришла въ такой восторгъ, что Матвѣй Вильгорскій думалъ, что я съ ума спятила. По улицамъ съ трудомъ можно пройти, вездѣ строятъ; сначала строили деревянные дома, а теперь все каменные. Въ три съ половиной мѣсяца прибавилось столько новыхъ зданій, что ихъ и не перечесть.

Кузина твоя остается здѣсь еще на двѣ недѣли; желала бы я снова увидать ее и загладить мою вчерашнюю неловкость. Мнѣ г-жа Виллеро очень понравилась, я съ удовольствіемъ слушала

ее: она такъ славно говорить, и безъ всякихъ претензій. Обща-лась прїѣхать сюда вмѣстѣ съ тобой на будущее лѣто. Тогда ты будешь ободрять меня, милый другъ.

Въ городѣ довольно пусто, однако у насъ каждый день собираются гости. Вяземскіе остаются здѣсь на зиму, поѣзду свою отложили до марта. Я убѣждена, что они не двинутся отсюда, если Карамзинъ, или кто-нибудь изъ друзей князя Петра не хлопочетъ ему мѣста. Князь миль по обыкновенію, а Вѣра какъ-то необычайно расходилась, чего съ ней не бывало, все хохочетъ; вчера даже вывела меня изъ терпѣнія.

Давно не имѣла отъ тебя извѣстій. Г-жа Виллеро говорила мнѣ, что ты занята переѣздой на новую квартиру; мы тоже перебираемся, но такъ какъ хлопоты не на мнѣ лежать, я успѣваю писать тебѣ чуть не цѣлыя тетради. Квартира наша великолѣпная. Прощай, моя милая.

Матвѣй Вїельгорскій все еще здѣсь; ему очень нравится Москва.

24-го сентября. — Кто это сообщаетъ вамъ ложныя извѣстія о нашихъ князьяхъ? Вяземскій положительно остается въ Москвѣ, а Гагаринъ такъ не жалуется Петербурга, что поселится тамъ, только ежели получить имянное повелѣніе. Теперь онъ ѣдетъ туда на двѣ недѣли, говорить, что по денежнымъ дѣламъ, а вовсе не потому. Ему хочется посворѣе обновить парадный придворный мундиръ. Здѣсь ему придется ждать этого удовольствія до 12-го декабря, а въ Петербургѣ онъ нарядится въ свой мундиръ 14-го октября (въ этотъ день весь дворъ будетъ въ парадной формѣ), а затѣмъ вернется сюда. Онъ надѣется получить мѣсто за границей, когда г. Капо д'Истріа отправится на свой постъ въ Швейцарію, чего, пожалуй, вовсе не случится. Теперь пока онъ накупилъ книгъ, и въ 30 лѣтъ хочетъ начать учиться, чтобы подготовиться въ занятію должности. Хоть книги и куплены, но за ученье онъ не принимается, да и нивогда не примется и мѣста ему не получить. Онъ собирается давать балы нынѣшней зимой. Продаетъ домъ, чтобы уплатить долги и объявилъ, что намѣревается нанять домъ князя Салтыкова, на Масницкой, гдѣ огромныя залы, въ которыхъ онъ будетъ давать праздники. Я почти каждый день вижу этихъ господъ, слѣдовательно, ты можешь положиться на мои слова.

Еслибы ты знала, какъ меня допрашивала Вѣра, чтобы узнать причину моего смущенія въ тотъ вечеръ. Она полагаетъ, что я растерялась при видѣ двухъ незнакомыхъ лицъ, но это ее и

удивляетъ, потому что прежде она не замѣчала во мнѣ застѣнчивости. Я кое-какъ отвѣтила на ея разспросы, напирая въ особенности на ея смѣхъ, что будто бы онъ-то и смутилъ меня. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи мужа, и онъ пожурилъ ее за то, что она безъ толку смѣется. Послѣ кн. Петръ началъ мнѣ дѣлать вопросы, когда я сидѣла съ нимъ вдвоемъ въ угольѣ, въ гостиной; онъ дружески расположенъ ко мнѣ, знаетъ меня лучше, нежели Вѣра, только въ одномъ ошибается — считаетъ меня ледяной или каменной, и не разъ говорилъ мнѣ, что никогда не встрѣчалъ таковой невозмутимой особы. Такого мнѣнія былъ онъ обо мнѣ до сихъ поръ, равно какъ и другія лица; я никого и не старалась разузнавать. Кн. Петръ часто повторялъ мнѣ, что я нестерпима и что мужчины должны отъ меня бѣжать какъ отъ чумы. Его удивило мое волненіе при встрѣчѣ съ Виллеро, и онъ закидалъ меня вопросами объ ея связяхъ, о *родныхъ*; я съ трудомъ отдѣлалась отъ него, повидимому не усиливъ его подозрѣній. Наконецъ дамы эти уѣхали, по всей вѣроятности, нынче утромъ. Теперь мнѣ не представится случая возбудить чье-либо любопытство.

2-го октября. — Меня тоже нисколько не удивило, что французской графинѣ оказана была высочайшая милость. Шестъ лѣтъ тому назадъ государь удостоилъ ее своимъ вниманіемъ. За нѣсколько дней до послѣдняго торжества графини, у насъ собралось общество; меня спрашивали, почему не стремлюсь я въ Москву; я, смѣясь, отвѣчала, что напередъ знаю, что тамъ будетъ происходить, потому не стоить двигаться съ мѣста. Слѣдовательно, я предсказала триумфъ графини, но не ожидала, чтобы для нея сдѣлали такъ много. Представъ себѣ, что 30-го августа разбудили въ 5 часовъ утра членовъ совѣта, назначеннаго два года тому-назадъ для разсмотрѣнія просьбы милой графини, и имъ велѣно было пересмотрѣть бумаги и назначить ей денежную сумму въ вознагражденіе за понесенныя ею потери. Ассигновали 20 тысячъ, которыя тотчасъ были ей отсчитаны. Однако, графиня вовсе не довольна и кричить, что ей слѣдовало получить гораздо больше.

Вамъ сочинили, будто бы наши дамы выпросили милостей во время полонезовъ. Даже кн. Волконской не удалось ничего выпросить для мужа. Дядя ея мужа, кн. Петръ Волконскій, занятъ только своими выгодами и нисколько не позаботился о племянницѣ, хотя государь и говорилъ ему, чтобы онъ обратилъ вниманіе на его дѣло. Всѣ другія дамы только и разговаривали

о погодѣ, и ни одна ни о чемъ не просила. Не всѣмъ дается счастье, какъ графинѣ, особенно, какъ подумаешь, что особа эта оказывала покровительство шпионамъ иностранныхъ державъ, въ лицѣ Ролли.

Не удивительно, что В. пишетъ, будто скоро отправится въ Петербургъ; когда она говоритъ съ жителями Петербурга, то увѣряетъ ихъ, что ей до смерти хочется тамъ поселиться, а намъ она поестъ совсѣмъ не то. Такимъ образомъ, разъ она попала въ щекотливое положеніе. Любезничая съ дѣвицами Апраксиними, она имъ сказала, что переѣдетъ въ Петербургъ; мать ихъ, узнавъ, что мужъ ея нанялъ здѣсь домъ на всю зиму, спросила ее, почему онъ измѣнилъ свое намѣреніе; В. смутилась и, зная слабость Апраксиной къ Москвѣ, отвѣчала, что это по ея винѣ, что она, какъ москвичка, боится показаться въ Петербургѣ, не имѣя понятія о тамошнихъ обычаяхъ. Апраксину раздосадовала такая изворотливость и она строго замѣтила ей, что находить страннымъ такое объясненіе, которое можетъ дать оригинальное понятіе петербургскимъ жителямъ о московскихъ обычаяхъ. Не зная, что на это сказать, В. пошла къ барышнямъ и передала имъ этотъ разговоръ въ крайне смѣшномъ видѣ. У нея прекрасное сердце, но воспитана она дурно; ею восторгаются нѣкоторые молодые люди, отъ этого она еще больше гордится вздору. Въ первое время замужства она болѣе за собой наблюдала, въ ней не было самоувѣренности; къ тому же, мужъ останавливалъ ее чаще, нежели теперь. Прошлую зиму покойная Шаховская давала ей добрые совѣты, а теперь она представлена самой себѣ и часто болтаетъ чепуху. Мужъ ея чуть не сломалъ себѣ шею, возвращаясь изъ деревни. Спускаясь съ горы, лошади понесли, коляска получила сильный толчокъ, онъ упалъ на дорогу, экипажъ пролетѣлъ такъ близко, что колеса едва не раздробили ему головы.

Мнѣ очень хочется прочесть творенія гр. Діаны, пришли ихъ мнѣ, пожалуйста. Я совершенно здорова; начались приготовления къ свадьбѣ Ниволинъки, возимся съ купцами, только и слышишь разговоры про шали, мебель и т. д. Матвѣй все еще здѣсь, его очень полюбили въ Москвѣ: не удивительно, онъ такъ добръ, привѣтливъ, всегда занятъ другими, о себѣ забываетъ. Мнѣ понятно твое желаніе имѣть его зятемъ. Хорошо было бы, еслибы онъ не женился, пока выростетъ Настя. Еслибы всѣ мужчины на него походили, тогда можно бы было ими интересоваться, а то, право, не стоить обращать на нихъ вниманія. Прощай.

9-го октября. — Тебя удивляет, что я растерялась въ присутвіи г-жи Виллеро; до сихъ поръ ты воображала, что я не способна конфузиться. Странное имѣешь ты понятіе о моей особѣ, да и не ты одна, многіе такъ обо мнѣ думаютъ. Я всегда ненавидѣла жеманство и съ ранней молодости старалась избѣгать натяжки. Когда мнѣ предстояло пѣть въ обществѣ, я за сутки передъ этимъ заболѣвала; у меня дѣлалась лихорадка въ ту минуту, когда мнѣ слѣдовало начинать; но, явившись передъ публикой во главѣ оркестра, я начинала пѣть, и хорошо или дурно, но допѣвала до конца, безъ остановокъ, находя глупымъ утомлять слушателей своими жалобами, когда, по собственной волѣ или по приказанію, рѣшилась пѣть. Я замѣтила, что въ свѣтѣ колебаніе принимаютъ за аффектацію, и въ самомъ дѣлѣ, часто притворно конфузятся. Я всегда боялась прослыть фальшивой и натянутой; пусть лучше говорятъ, что я все дѣлаю не умѣючи, что глупа я, неловка, лишь бы не считали меня ломалкой и притворщицей; вотъ и стала я добиваться, чтобы лицо мое не мѣнялось; только иногда появляются у меня красныя пятна на щекахъ, на шеи и на груди отъ волненія; ихъ скрыть я не могу. Я черезчуръ распространяюсь, но дѣлаю это съ цѣлью убѣдить тебя, что я вовсе не такая храбрая, какъ ты воображаешь.

Въ пятницу брата помолвили. Гости не даютъ намъ духу перевести. Приходится дѣлать разныя приготовленія къ свадьбѣ. Намъ предстоитъ веселая зима. У Апраксиныхъ будутъ танцовать разъ въ недѣлю. Графиня Растопчина вернулась отъ васъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; мы ее просто не узнаемъ. Прежде она вѣчно носила огромный чепецъ, точно прабабушка, а теперь показывается съ непокрытой головой; правда, на ней парикъ, и прическа, ея очень оригинальна; въ былое время она считала грѣхомъ ходить безъ чепчика. Съ полчаса мы съ ней разговаривали; вообрази, она только и толкуетъ о балахъ, да о выѣздахъ. Объявила, что часто будетъ у насъ ужинать и намѣрена посѣщать собраніе; въ заключеніе, пригласила насъ къ себѣ танцовать по понедѣльникамъ. Кузена моего, Волкова, просила представить ей всю здѣшнюю молодежь, а также и пріѣзжихъ молодыхъ людей. Дочери ея недурны. Старшая красива, но вѣроятно не умна, потому что поминутно смѣется безъ всякаго толка. Къ тому же она жеманится по-петербургски, говорить севозъ зубы. Младшая очень мила, удивительно похожа на отца, у нея пріятное выраженіе лица, держать себя съ достоинствомъ, но

безъ всякихъ ужимокъ, словомъ, въ ней есть что-то привлека-тельное.

У меня снова начались головныя боли. Нѣсколько дней сряду погода стояла чудесная, я гуляла въ одномъ платьѣ. Нынче, подъ эгидой Вяземской и Гагариной, отправляюсь въ театръ смотрѣть «Водовоза» (Херубини). Гагарина вела себя съ такимъ тактомъ во время пребыванія государя въ Москвѣ, что заслужила общее одобреніе. Парадный мундиръ ея супруга еще не успѣеть въ 14-му октября, потому онъ отложилъ поѣздку. 12-го декабря и 13-го января онъ здѣсь пощеголяетъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ. Другая чета Гагариныхъ тоже здѣсь поселилась.

Прощай, милый другъ; г-жа Виллеро рассказывала мнѣ, что ты слишкомъ балуешь сына твоего. Это не хорошо, зачѣмъ ты съ нимъ обращаешься не такъ, какъ съ дочерьми. Почти всегда родителямъ приходится сожалѣть, что избаловали ребенка.

23-го октября. — Нисколько не удивительно, что князьямъ Голицынымъ достались шифры. Въ нашъ вѣкъ ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаяваться, ни на что не рассчитывать, ничему не удивляться, и ждать всего, какъ дурного, такъ и хорошаго. Въ одну минуту васъ возвысятъ и оважутъ вамъ всевозможныя почести, потомъ вдругъ совершенно уничтожатъ. Неожиданная милость не должна насъ ослѣплять. Не слѣдуетъ сожалѣть о потерѣ благополучія, которое мы Богъ вѣсть чѣмъ заслужили, а потомъ лишились его, тоже неизвѣстно по какой причинѣ. Вотъ какъ сузу я о всемъ, что мнѣ приходится слышать или видѣть собственными глазами. Для себя лично я ничего не желаю; есть вещи, которыя имѣютъ цѣну лишь при извѣстныхъ иллюзіяхъ; когда исчезаютъ иллюзіи, земныя блага становятся лишними. Я не сожалѣю о потерѣ чего-либо; положеніе мое почти не измѣнялось съ тѣхъ поръ, какъ живу я на свѣтѣ; но желала бы, чтобъ близкіе мнѣ люди, испытавшіе, какъ ненадежно земное счастье, по-моему относились бы въ перемѣннѣ обстоятельствъ; наше время какъ нельзя болѣе оправдываетъ пословицу: *сегодня панъ, а завтра пропагъ*. Никто не виновенъ въ томъ, что намъ приходится быть свидѣтелями фактовъ, одинъ другому противорѣчащихъ.

Скажу тебѣ, дружокъ, что я провела очень невеселую недѣлю. Мама хворала, теперь ей легче. Погода такая гадая, что я удивляюсь, какъ всѣ не простужаются. Я вчера прозябла; мы съ братьями возили Матвѣя Вильгорскаго въ церковь, что при Шереметевской больницѣ. Это одна изъ самыхъ красивыхъ церквей, пѣвчіе въ ней чудесныя, богатая утварь, все въ порядкѣ,

священникъ прекрасно служить. Матвѣй вышелъ оттуда въ восторгѣ. Въ воскресенье мы показывали ему Голицынскую больницу, которую тоже стоить посмотреть.

Благодарю, что предупредила меня о пріѣздѣ живописца. Я полагаю, что ему найдется работы не мало; послѣ 12-го года хорошіе живописцы стали рѣдкостью. Я усердно буду его рекомендовать и не стану вѣрять его рассказамъ; такимъ образомъ исполню твои желанія.

Нынче г-жа Лобкова говорила мнѣ, что замужство Бетси Полинъякъ вышло незавидное. Есть люди, которымъ не везетъ да и только. Подумаешь, три года добивались этой свадьбы, а теперь черезъ три мѣсяца пришлось сожалѣть, что желаніе исполнилось. А—на тоже неудачно пристроила дочь свою, Эмилию; она слабаго здоровья и навѣрно не долго проживетъ; мужъ ея такое чудовище, какихъ мало къ счастью рода человѣческаго. У матушекъ страсть выдавать замужъ дочерей, хорошо ли, худо ли—лишь бы только пристроить, а дочери всячески стараются надѣть поскорѣ чепчикъ, что зачастую дорого имъ обходится. Если у жениха есть чѣмъ жить и не простолюдинъ онъ, то имъ не пренебрегаютъ и считаютъ невозможнымъ отказать ему. Надо пристроиться—толкуютъ, и такъ хорошо пристраиваются, что становятся несчастнѣйшими изъ смертныхъ, только чтобъ не остаться дѣвой до 50 лѣтъ. Это одна изъ нашихъ слабостей, которая не свидѣтельствуетъ о нашемъ разумѣ; однако, прекрасный полъ не можетъ отъ нея избавиться, хотя безпрестанно видитъ несчастныя супружества.

Пора мнѣ проститься съ тобой. Передай мои привѣтствія супругу.

Г-жа Виллеро расхвалила меня сестрѣ, за что я ей очень благодарна, только, вѣжета, я вовсе не заслужила лестныхъ отзывовъ. Она хвалитъ меня по сердечной добротѣ, за это большое ей спасибо.

30-го октября.—Ты полагаешь, что городскіе толки напророчатъ мнѣ замужство, а я, напротивъ, того мнѣнія, что мнѣ суждено доказать несправедливость пословицы: *гласъ Божій, гласъ народный*. Съ тѣхъ поръ, какъ перестала я учиться, меня сватаютъ каждую зиму, однако я до сихъ поръ m-lle Волкова. Теперь я даже понять не могу, о какомъ женихѣ тебѣ говорили, развѣ объ Инполитѣ или Матвѣѣ; не знаю, котораго выбрать. За перваго ты не захочешь, чтобъ я вышла, а еслибъ вздумала я избрать Матвѣя Віельгорскаго, то меня здѣсь разорвали бы на

клячки изъ ревности. Таковой участи я не страшусь, положимъ, но дѣло въ томъ, что я не желаю отбивать жениха у твоей Насти. Эти господа единственные кавалеры, которыхъ я видала; не понимаю, о комъ же еще идетъ рѣчь? Навѣрное тебѣ объявятъ, что я вышла замужъ; заранѣе прошу тебя не вѣрить такому извѣстію. Губернаторъ у насъ вдовецъ, ему лѣтъ 40 или 50, вѣрнѣе что пятьдесятъ. Князь Долгорукій, увѣшанный орденами, съ важной осанкой, какъ говорятъ, очень желаетъ жениться вторично; его недавно представили мамѣ, и онъ съ ней нѣсколько разъ игралъ въ вистъ. Завтра онъ будетъ у насъ ужинать. Недѣли черезъ три навѣрное станутъ говорить, что я его невѣста, и тебѣ объ этомъ дадутъ знать; а я - то буду хохотать надъ этой выдумкой!

Напрасно не вѣрится тебѣ, что я совершенно спокойна духомъ; благодарю Бога, что стала я разумна. Если и выйду замужъ, такъ не иначе какъ за 60-ти-лѣтняго старика, такого же разочарованнаго, какъ и я. Во всей Москвѣ только и есть одинъ подходящий мнѣ женихъ — это Тормазовъ, еслибъ онъ сдѣлалъ предложеніе, дѣло бы уладилось. Мнѣ нуженъ не мужъ, а отецъ, такъ что, выйдя замужъ, я осталась бы въ теперешнемъ положеніи, съ той только разницей, что теперь я во всемъ совѣтуюсь съ мамѣ, а тогда стала бы обращаться за совѣтомъ къ ней да еще къ мужу. Чтобъ быть подъ пару старику, я готова отказаться отъ танцевъ, даже отъ музыки, выбросить ворсетъ за окошко (что сдѣлаю очень охотно, потому что ненавижу его) и нарядиться какъ 50-ти-лѣтняя старуха. Я вовсе не шучу; еслибъ нашелся подходящий старецъ, я бы весьма серьезно отнеслась къ этому дѣлу, а пока пляшу какъ угорѣлая. У Апраксиныхъ будутъ балы по воскресеньямъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, т.-е. до самаго отъѣзда ихъ въ Петербургъ. Сегодня начинаются вечера у гр. Ростопчиной; посмотримъ, каковы будутъ ея праздники. Она пригласила къ себѣ весь городъ. Зима будетъ преоживленная, какъ-то отзовется она на здоровьѣ нашемъ.

13-го ноября. — Мы отпраздновали свадьбу. Къ сожалѣнію, для семьи Оболенскихъ вчерашній день ознаменовался печальнымъ происшествіемъ. Г. Дохтуровъ, женатый на сестрѣ князя (отца), присутствовалъ на свадьбѣ, потомъ на другой день ужиналъ у насъ и наконецъ вчера былъ на званомъ обѣдѣ у Оболенскихъ, съ мамѣ игралъ въ карты, потомъ, вернувшись домой, внезапно умеръ въ 11 часовъ, пока всѣ мы были на балѣ у Апраксиной. Нынче, проснувшись, узнала я печальное извѣстіе;

оно меня такъ поразило, что не могу собраться съ мыслями. Представь, что Дохтуровъ нанялъ домъ, и одинъ, безъ семьи, пріѣхалъ сюда двѣ недѣли тому назадъ, чтобъ устроить квартиру, ожидая пріѣзда жены къ свадьбѣ; плохая дорога задержала ее въ деревнѣ, и она не могла явиться сюда къ назначенному сроку; но отъ нея получили извѣстія и ждуть ее нынче. Вообрази, о какомъ горѣ предстоитъ ей узнать! Даже насъ опеломило грустное происшествіе; каково же уныніе въ семьѣ Оболенскихъ! Николинъка весь день разъѣзжаетъ, былъ у Тормазова, чтобъ подготовить его къ грустному извѣстію; покойный былъ съ нимъ въ дружбѣ. Генераль самъ хворааетъ; на людей его лѣтъ извѣстіе о чьей-либо смерти дѣлаетъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на насъ, которые имѣемъ глупость воображать, что молодость даетъ намъ право рассчитывать на долгую жизнь. Николинъкъ приходится хлопотать о похоронахъ; покойный былъ военнымъ и имѣлъ довольно важный чинъ. Не весело новобрачному заниматься такимъ грустнымъ дѣломъ.

Теперь передамъ тебѣ пріятныя извѣстія. Всю прошлую недѣлю мы дѣлали приготовления къ свадьбѣ, самую свадьбу очень удачно и весело отпраздновали. Благодаря Тормазову, архіерей разрѣшилъ Николинъкъ вѣнчаться въ домово́й генераль-губернаторской церкви; такимъ образомъ мы избавились отъ зѣвакъ; зато на свадьбѣ у Олсуфьева набралось много народа. Онъ вѣнчался въ одинъ день съ братомъ.

Нынче я не поѣду къ гр. Ростопчиной, но я была у нея на двухъ первыхъ вечерахъ. Чтѣ тамъ опять насочиняли тебѣ про эти вечера? Правда, что въ половинѣ 9-го съѣзжаются всѣ гости, что же тутъ удивительнаго? Графиня больная женщина, ей вредно долго сидѣть, не уморить же ей себя для нашего удовольствія. Мы пляшемъ до часу. Танцуемъ вальсъ, мазурку, котильонъ, словомъ, чтѣ вздумаемъ; оркестръ плоховать, всего четыре музыканта, къ концу вечера они до того устаютъ, что едва слышно играютъ. Графиня не хочетъ увеличить оркестра, боясь, чтобъ ея танцевальные вечера, какъ она ихъ называетъ, не стали походять на балы. Младшая дочь ея очаровательна. Еслибъ мнѣ пришлось чаще ее видѣть, я была бы отъ нея безъ ума. Старшая лицомъ красива, но ужасно манерничаетъ.

Москва съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживляется, всѣхъ баловъ не перечесть. Говорятъ, что у васъ очень скромно проводятъ время. Апраксины боятся соскучиться, имъ не хочется отсюда уѣзжать; братъ ихъ, потихоньку отъ матери и въ особенности отъ бабушки, хлопоталъ, чтобъ продлили его отпускъ. Жаль,

что у него страсть къ шарадамъ: каждую среду онъ доучаетъ намъ своими тошными шарадами. Крѣпко обнимаю тебя.

20-го ноября. — Охотно отказываюсь отъ стараго жениха, чтобъ тебѣ угодить, дружокъ; но позволь же мнѣ отвергнуть и твоихъ Адонисовъ во цвѣтѣ лѣтъ. Ихъ отцовъ и дядей я предпочитаю, хотя по-твоему они противны и несносны. Если у нихъ и есть странности, неровность въ характерѣ, что за бѣда; насъ приучаютъ съ дѣтства подчиняться, уважать и оказывать почтеніе людямъ пожилымъ, слѣдовательно, это у насъ обратилось въ привычку.

Если ты общаешь поселиться въ Москвѣ, я попробую ухаживать за губернаторомъ, но напередъ знаю, что это ни въ чему не поведетъ. Безжалостный князь вовсе не обращаетъ на меня вниманія. Разъ онъ замѣтилъ мнѣ, что я похудѣла, тѣмъ и кончился разговоръ; не знаю даже, идетъ ли мнѣ худоба по его мнѣнію. Я давно слышала о замужствѣ кузины твоей, Грибоѣдовой, вотъ одна обуза и свалится у тебя съ плечъ.

Вчера пласала у Аправсиной, въ пятницу она будетъ праздновать свои именины. Ея вечера очень хороши, она умѣетъ vybrать общество.

4-го декабря. — Прими мое искреннее поздравленіе съ именинами, милый другъ. Я нынче совсѣмъ сонная, вчера мы долго плясали, да сегодня опять собираемся на балъ. Давно не было у насъ такой веселой зимы. Противъ обыкновенія, балы и вечера начались съ октября. Матушки наши ужасно ворчатъ, стараясь увѣрить насъ, что глупо и непростительно проводить время въ танцахъ, а мы доказываемъ имъ, что цѣлыя сутки сидѣть за картами нисколько не разумнѣе. Однако насъ зачастую лишаютъ одной или двухъ кадрилей, а мы не можемъ за это отмстить; карточная игра легче устраивается, чѣмъ балъ. Въ четвергъ у Голицыныхъ танцовали до 6 ч. утра, вотъ маменьки-то и расходились, моя увезла меня домой въ 3 часа. Нынче у Голицыныхъ надѣюсь встрѣтить Зотовыхъ. Ипполитъ былъ у нихъ вчера и говоритъ, что графиня собирается на балъ; она до того подуриѣла, рассказываетъ онъ, что меня поразить ея наружность. Она и прежде-то была не изъ красивыхъ. Представь, что женихъ мой чуть не умеръ на прошлой недѣлѣ; созвали всѣхъ здѣшнихъ эскулаповъ, они его спасли. Значитъ, мнѣ есть надежда попасть въ графини.

Кажется, бѣдный старикъ очень утомился во время пребы-

ванія государя; нынче осенью онъ во второй разъ опасно заболѣлъ.

Кузень твой, Нарышкинъ, вертится на всѣхъ балахъ. Онъ столько же похожъ на женатаго человѣка, какъ я на колокольню Ивана Великаго. Онъ смотритъ такимъ молокососомъ. Жена его нигдѣ не показывается.

11-го декабря.— Проспала до половины 3-го послѣ вчерашняго бала, и прозѣвала почту. Вспомнивъ, что кн. Ѳеодоръ ѣдетъ въ Петербургъ нынче въ ночь, я принялась писать, хотя чувствую ужасную лѣнь; но боюсь, чтобъ ты не вообразила, что я мшу за твое молчаніе, и спѣшу разувѣрить тебя. Я ненавижу мщеніе вообще. Сестра перепутала всѣ послылки, потому и не получаешь ты моего подарка. Если будетъ продолжаться такая отчаянная пляска, намъ придется дѣлать духовныя завѣщанія. На этой недѣлѣ намъ предстоитъ нѣсколько баловъ, вѣдь это ужасно! У Апраксиныхъ въ воскресенье прощальный вечеръ, онъ 22-го уѣзжаютъ. Мать и дочери въ отчаяніи, но дѣлать нечего. Бабушка рѣшила, что нужно ѣхать, и ея волѣ не смѣютъ противиться. Дѣвицы просили матушку мою уговорить ихъ мать остаться хоть до 5-го или 6-го января. Апраксина отвѣчала со слезами на глазахъ, что ей вовсе не хочется ѣхать, да надо повиноваться матушкѣ.

Мы очень тревожимся о Матвѣѣ Віельгорскомъ: онъ устраиваетъ свои дѣла въ пензенскомъ имѣніи и не воображаетъ, что братъ его Іосифъ при смерти. Судя по послѣднимъ письмамъ, онъ, должно быть, умеръ. Матвѣѣ, намѣреваясь не долго пробыть въ деревнѣ, просилъ меня пересылать ему письма, которыя получатся въ первыя двѣ недѣли по его отъѣздѣ, потому что они дней 13 будутъ въ дорогѣ. Пока онъ ничего не знаетъ о своей семьѣ. Даша проситъ меня осторожно передать ему извѣстіе о смерти брата. Онъ писалъ, что хочетъ пробыть въ деревнѣ до Рождества; если выѣдетъ раньше, то получить письмо, въ которомъ я говорю ему о братѣ; тяжело намъ будетъ огорчить его грустнымъ извѣстіемъ, когда онъ сюда вернется. Я ужасно люблю Матвѣя, онъ очень близокъ къ совершенству. Я питаю къ нему уваженіе, почтеніе; этихъ чувствъ не внушали мнѣ другія лица, о которыхъ въ свѣтѣ больше толкуютъ, чѣмъ о немъ. Знаешь ли, что я почитаю его какъ матушку, съ той разницей, что ее я уважаю по привычкѣ и въ качествѣ дочери, а Матвѣѣ внушаетъ мнѣ это чувство потому, что я сознаю его превосходство. Совѣтую тебѣ побережь его для m-lle Насти. Онъ будетъ завиднымъ му-

земь. Еслибъ ты знала, какъ мнѣ не хочется ѣхать на вечеръ къ вдовѣ Авраама. Прощай.

25-го декабря.—Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, моя дорогая. Позволь пожелать тебѣ и твоей семьѣ всего хорошаго. Очень рада, что тебѣ доставили мою посылку. Не знаю, въ чемъ обвиняетъ меня сестра, навѣрное ея горничныя, развертывая пакеты, сдернули адресъ.

Тормазовъ выздоровѣлъ, только очень похудѣлъ. 12-го у него бала не было, потому что въ этотъ день все дворянство даетъ праздникъ съ тѣхъ поръ, какъ государь сдѣлался членомъ собранія. Въ прошломъ году, не знаю почему, иначе было, только теперь у Тормазова вечеръ будетъ 19-го. Я заранѣе радуюсь празднику; ни у одного генераль-губернатора такъ не удавались вечера, какъ у Тормазова.

Не понимаю, что сдѣлалось съ Олсуфьевой: теперь сестра ея Малышева гораздо красивѣе ея, а прежде Олсуфьева была лучше сестры. Знаю, что наши Лунины отправились въ Петербургъ съ цѣлю всѣхъ поразить своимъ превосходствомъ. Намъ онѣ оставили своего дядюшку, отца Корины, несноснаго старика, который до смерти надоѣлъ намъ, каждый день является. Онъ сообщилъ намъ, что вдовствующая императрица очень благосклонно приняла его племянницъ и племянника; первымъ дала денегъ, говорить онъ, а послѣднему обѣщала мѣсто. Пожалуй, все это выдумки. Не очень-то вѣрю я этимъ рассказамъ; хорошо было бы, еслибъ дядюшка присоединился къ племянничкамъ и оставилъ бы насъ въ покоѣ. Прежде я, живя въ одномъ городѣ, не встрѣчала этой семьи, у нихъ совсѣмъ иной кругъ знакомства.

У насъ продолжаютъ отчаянно плясать, шесть баловъ было на прошлой недѣлѣ; я была только на четырехъ, потому жива и здорова, а тѣ, которыя посѣтили всѣ балы, захворали. У Вземскаго мы просто задыхались отъ жары. На первыхъ дняхъ праздниковъ мы немного отдохнули, теперь снова начнутся танцы. Получила я письмо отъ Даши: она очень огорчена смертью брата.

М. СВИСТУНОВА.

ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ

РОМАНЪ.

Соч. Эмиля Золя.

КНИГА ТРЕТЬЯ

и послѣдняя *).

I.

Прочитавъ «*Pater*», аббатъ Мурэ склонился на минуту у престола и затѣмъ перешелъ на другую сторону, гдѣ лежали Посланія. Сойдя потомъ со ступеньки, онъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ колоссальнаго Фортюнэ и Розалію; они стояли рядомъ на колѣняхъ у амвона.

— *Ego conjungo vos in matrimonium, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti.*

— *Amen*,— отвѣчалъ Венсанъ, помогавшій служить мессу, съ любопытствомъ косясь на своего старшаго брата.

Фортюнэ и Розалія наклонили головы, слегка взволнованные, хоть и толкнули другъ друга локтемъ, становясь на колѣни, съ цѣлью разсмѣшить другъ друга. Тѣмъ временемъ Венсанъ сходилъ за блюдомъ и кропиломъ. Фортюнэ положилъ на блюдо большое, серебрянное, совсѣмъ гладкое кольцо. Патеръ благословилъ кольцо, окропивъ водою въ формѣ креста, и отдалъ его

*) См. выше: янв. 253; февр. 694 стр.

Фортюна, а тотъ надѣлъ его на палецъ Розалии; никакое мыло не могло отмыть зеленыхъ пятенъ, оставленныхъ травами на ея рукахъ.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti*,— снова возгласилъ аббатъ Мурэ, давая имъ послѣднее благословеніе.

— *Amen*,— отвѣчалъ Венсанъ.

Дѣло происходило рано поутру. Солнце еще не проникло черезъ большія окна церкви. На дворѣ, въ вѣткахъ рябины, листва которой точно выпивала стекла, слышалось шумное пробужденіе воробьевъ. Тѣза, еще не успѣвшая убрать церковь, сметала пыль съ престоловъ, приподнималась на своей здоровой ногѣ, чтобы вытереть Распятіе, выстраивала скамьи, стараясь какъ можно меньше шумѣть, клала поклонны, крестилась, ударяла себя въ грудь, слушая мессу, но не оставалась при этомъ ни минуты безъ дѣла. При бракосочетаніи присутствовала одна лишь тетя Брошэ, стоявшая у каедры, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ супруговъ; она молилась съ напускной набожностью, не вставала съ колѣнъ, и шептала молитвы такъ громко, что церковь казалась полна жужжаніемъ мухъ. А на другомъ концѣ, возлѣ исповѣдальни, Катерина держала на рукахъ спеленованнаго младенца; ребенокъ заплакалъ, и ей пришлось повернуться спиной къ алтарю и покачать ребенка, забавляя веревкой отъ колокола, висѣвшей у него подъ самымъ носомъ.

— *Dominus vobiscum*,— произнесъ патеръ, оборачиваясь и простирая руки.

— *Et cum Spiritu tuo*,— отвѣчалъ Венсанъ.

Въ эту минуту вошли три взрослыя дѣвушки. Онѣ подталкивали другъ друга, стараясь разглядѣть, что происходило въ церкви; однако не смѣли слишкомъ залѣзть впередъ. То были три пріятельницы Розалии; идя работать въ поле, онѣ забѣжали на нѣсколько минутъ въ церковь, любопытствуя услышать, что патеръ скажетъ новобрачнымъ. У пояса у нихъ висѣли большія ножницы. Въ концѣ-концовъ онѣ укрылись за купелью, толкаясь, щиплясь и заграждая смѣхъ ладонью.

— Нечего сказать, проговорила вполголоса рыжая, здоровенная дѣвушка, съ волосами и кожей мѣднаго цвѣта:— при выходѣ давки не будетъ!

— Что-жъ, дядя Бамбусъ правъ,— прошептала Лиза, маленькая чернушка, съ огненными глазами:— когда у человѣка есть виноградники, онъ долженъ за ними ходить... Такъ какъ г. кюрэ непременно захотѣлъ повѣнчать Розалию, то можетъ вѣнчать ее безъ родныхъ.

Третья дѣвушка, Бобэ, широкоплечая, захихивала.

— Ну, за всѣхъ отличается тетка Брошэ, — проговорила она.

— Она богомолка за всю семью... Гмъ! слышите, какъ она храпитъ! Она выгадала себѣ цѣлый рабочий день. Будьте покойны, ужь она знаетъ, что дѣлаетъ!

— Это она играетъ на органѣ, — подтвердила рыжая.

И всѣ три расхохотались. Тѣза издали пригрозила имъ вѣникомъ. Передъ престоломъ аббата Мурэ причащался. Когда онъ перешелъ на ту сторону, гдѣ лежали Посланія, и Венсанъ налилъ ему на большой и указательный палецъ вино и воду очищенія, Лиза прошептала:

— Сейчасъ кончится. Онъ теперь станетъ поучать ихъ.

— А этакимъ манеромъ, — замѣтила рыжая, — Фортювэ послѣдетъ отправиться въ поле, да и Розалія не потеряетъ рабочего дня. Удобно однако вѣнчаться поутру.... Какое у него глупое лицо, у верзилы Фортювэ.

— Еще бы! — пробормотала Бобэ: — ему, небось, надоѣло стоять такъ долго на колѣняхъ. Ужъ навѣрное этого съ нимъ не бывало съ самаго перваго причащенія.

Но тутъ ихъ развлекъ ребенокъ, котораго нянчила Катерина. Онъ тянулся за веревкой колокола и весь посинѣлъ отъ злости; крича такъ, что страшно было за него, чтобъ онъ не задушился.

— Эге! да и малютка тутъ, — замѣтила рыжая.

Ребенокъ кричалъ еще громче и вертѣлся какъ угорѣлый.

— Положи его на животикъ, сунь ему соску, — подсказывала Бобэ Катеринѣ.

Та подняла голову съ нахальствомъ десятилѣтняго пострѣлёнца, и засмѣялась.

— Мнѣ вовсе не весело нянчиться съ нимъ, — отвѣчала она, тряся ребенка. — Замолчишь-ли ты, поросенокъ!... Сестра сдала его мнѣ на руки.

— Еще бы, — ядовито возразила Бобэ: — не могла же она подсунуть его г-ну кюре!

Тутъ рыжая чуть-было не упала навзничъ отъ хохота. Она прислонилась къ стѣнѣ, подперевъ кулаками бока и смѣясь изо всей мочи. Лиза набросилась на нее и щипала ее до синяковъ. Бобэ же смѣялась, какъ всѣ горбуньи, сквозъ зубы, и смѣхъ ея былъ похожъ на визжаніе пилы.

— Не будь ребенка, — продолжала она, — г. кюре остался бы на бобахъ... Дядя Бамбуссъ рѣшилъ выдать Розалію за сына Лорана, изъ прихода Фигьеръ.

— Да,—замѣтила рыжая, сквозь смѣхъ,—знаете ли, что дѣлалъ дядя Бамбуссъ? Онъ бросалъ комья земли въ спину Розаліи.

— А ребенокъ-то вышелъ все-таки здоровенный,—пробормотала Лиза.—Комья пошли ему въ прокъ.

И тутъ онѣ снова расхохотались, какъ дуры. Но вдругъ появилась Тѣза, неистово хромая. Она тащила метлу. Дѣвушки испугались, отступили назадъ и присмирѣли.

— Негодницы!—завчалась Тѣза.—Вы сюда таскаетесь, чтобы болтать всякій вздоръ!... И тебѣ не стыдно, рыжая, твое мѣсто вонъ тамъ, на колѣняхъ передъ алтаремъ, вонъ Розалія... Если вы только шелохнетесь, я вышвырну васъ вонъ изъ церкви.

Мѣдныя щеки рыжей слегка покраснѣли, а Бобѣ, хихикавая, устала на ея талію.

— А ты—продолжала Тѣза, обращаясь къ Катеринѣ,—оставь въ покоѣ ребенка! Ты его щиплешь, чтобы заставить кричать... Не спорь... Давай мнѣ его сюда.

Она взяла ребенка, съ минуту покачала его и положила на стулъ, гдѣ онъ мирно заснулъ. Въ церкви воцарилась печальная тишина, нарушаемая лишь криками воробьевъ на рябинѣ. У престола Венсанъ снесъ трембикъ направо, аббатъ Мурѣ сложилъ антминсъ и положилъ его въ футляръ. Онъ молился съ такимъ сосредоточеннымъ благоговѣніемъ, что его не могли смутить ни плачь ребенка, ни смѣхъ дѣвушекъ. Онъ, казалось, ничего не слышалъ и весь углубился въ молитву, которую возносилъ небу за чегу, союзъ которой только-что благословилъ. Въ это утро небо было сѣрое, одѣтое горячимъ туманомъ, заставлявшимъ солнце. Въ разбитыя стекла проходилъ бурый свѣтъ, предвѣщавшій грозу. Въ глубинѣ церкви ссохшіеся филеники эстрады трещали, а травы, росшія на крыльцѣ и достигшія гигантскихъ размѣровъ, пропускали изъ-подъ входной двери длинные, перезрѣвшіе стебли, населенные маленькими темными кузнечиками. Часы въ деревянномъ футлярѣ кашлянули, точно затѣмъ, чтобы прочистить себѣ голосъ, и медленно пробили половину седьмого.

— *Ite, missa est,*—произнесъ пастеръ, поворачиваясь къ церкви.

— *Deo gratias,*—отвѣчалъ Венсанъ.

Послѣ того, приложившись къ алтарю, аббатъ Мурѣ снова обернулся, произнося подъ наклоненными головами новобрачныхъ послѣднюю молитву:

— *Deus Abraham, Deus Isaac, et Deus Jacob, vobiscum sit....*

Голосъ его терялся въ монотонной вротости.

— Сейчасъ онъ начнетъ ихъ поучать,—шепнула Боба своимъ двумъ пріятельницамъ.

— Какой онъ блѣдный,—замѣтила Лиза.—Онъ не то, что г. Каффенъ: у того его толстая фигура всегда какъ будто смѣялась... Моя маленькая сестра Роза говорила мнѣ, что ничего не смѣетъ пересказывать ему на духу!

— Нужды нѣтъ,—прошептала рыжая,—онъ не душень собой. Болѣзнь его немного состарила, но это къ нему идетъ. Глаза у него стали больше, и возлѣ рта обозначились двѣ черты; онъ теперь больше похожъ на мужчину... До горячки, онъ былъ совсѣмъ дѣвушка...

— Мнѣ кажется, что у него есть какое-то горе,—проговорила Боба.—Его словно грызетъ что-то. Лицо у него совсѣмъ безжизненное, а глаза горятъ, да!—вы не замѣтили, какъ онъ медленно опускаетъ рѣсницы, точно затѣмъ, чтобы спрятать глаза.

Тѣза замахала щеткой.

— Шшш!—зашипѣла она изо всей мочи, такъ что показалось, будто порывъ вѣтра ворвался въ церковь.

Аббатъ Мурэ собрался съ мыслями. Онъ началъ чуть не шепотомъ:

— Любезный братъ и любезная сестра, вы соединены во Христѣ. Бракъ есть эмблема священнаго союза Христа съ церковью. Это союзъ, котораго ничто не можетъ расторгнуть, и Господь желаетъ, чтобы оно было вѣчнымъ для того, чтобы человекъ не разлучалъ того, что Господь соединилъ. Вы теперь одна плоть. Сдѣлавъ васъ костью отъ костей вашихъ, Господь учитъ васъ, что ваша долгъ идти рука объ руку по тѣмъ путямъ, какіе онъ уготовалъ во благодати своей. И вы должны любить другъ друга изъ любви къ Богу. Малѣйшая ссора между вами была бы прегрѣшеніемъ противъ Творца, создавшаго васъ изъ одной плоти. Будьте же навѣки соединены на подобіе церкви, съ которою Христосъ обручился, искупивъ всѣхъ насъ своимъ тѣломъ и кровью...

Верзила Фортюнэ и Розалія, съ любопытствомъ поднявъ носъ, слушали.

— Что онъ говорить?—спросила Лиза, плохо слышавшая.

— Да то же, что и всегда говорятъ въ этихъ случаяхъ, отвѣчала рыжая.—Онъ за словомъ въ карманъ не лазитъ, какъ и всѣ кюрэ.

Между тѣмъ, аббатъ Мурэ продолжалъ говорить, устремивъ неопредѣленный взглядъ поверхъ головъ сунруговъ. Мало по-

малу голосъ его смягчался, онъ началъ съ чувствомъ произносить слова, которыя нѣкогда выучилъ наизусть въ руководствѣ, предназначенномъ для молодыхъ патеровъ. Онъ чуть-чуть повернулся къ Розаліи и поучалъ ее, присоединяя собственныя слова, когда память ему измѣняла:

— Любезная сестра, повинуйся своему мужу, какъ церковь повинуется Христу. Помните, что вы должны все оставить и послѣдовать за нимъ вѣрной слугою. Вы оставите отца своего и мать и прильпните къ мужу своему, вы будете его слушаться изъ послушанія въ Богу. И иго ваше будетъ игомъ любви и мира. Будьте его миромъ, его счастіемъ, благоуханіемъ его добрыхъ дѣлъ, его опорой въ минуты унынія. Пусть онъ находитъ васъ постоянно около себя, точно благодать. Пусть ему стбитъ только протянуть руку, чтобы взять вашу. И такимъ образомъ вы пойдете рука объ руку и не собьетесь съ пути, и найдете счастье въ исполненіи божескихъ законовъ. О! моя милая сестра, моя милая дочь, смиреніе ваше принесетъ сладкіе плоды. Оно насадитъ семейныя добродѣтели, радости очага, благополучіе набожныхъ семей. Имѣйте относительно вашего мужа нѣжность Рахили, мудрость Ревекки, долгую вѣрность Сарры. Скажите себѣ, что непорочная жизнь надѣляетъ всѣми благами. Просите у Бога каждое утро силы жить какъ подобаетъ женщинѣ, уважающей свои обязанности; вѣдь наказаніе будетъ жестокое: вы утратите любовь. О! какъ тяжело жить безъ любви, оторвать плоть отъ плоти своей, не принадлежать болѣе тому, кто составляетъ часть васъ самихъ, изнывать вдали отъ того, что любилъ! Вы протянете руки, а онъ отвернется отъ васъ. Вы станете искать радости, и найдете только стыдъ въ глубинѣ своего сердца. Слышите ли, дочь моя, въ васъ, въ вашей поворотности, въ вашей чистотѣ и любви Господь положилъ силу брака...

Въ эту минуту послышался дѣтскій смѣхъ на другомъ концѣ церкви. Ребенокъ только-что проснулся на стулѣ, куда его положила Тѣза. Но онъ больше не злился; онъ смѣялся самъ съ собой; онъ выбился изъ пеленокъ и просунулъ наружу двѣ маленькія розовыхъ ножки, которыми болтавъ въ воздухѣ. И маленькія ножки смѣшили его.

Розалія, которой надоѣли поученія патера, живо повернула голову и улыбнулась ребенку. Но когда увидѣла, что онъ завозился на стулѣ, то испугалась и бросила угрожающій взглядъ на Катерину.

— Гляди сколько хочешь,—проворчала та.—Я его больше не возьму на руки... чтобы онъ опять разорался? И залѣзла подъ

эстраду наблюдать за кучей муравьевъ, вопопившихся въ трещинѣ плиты.

— М-г Каффенъ такъ не распространялся, — сказала рыжая: — когда онъ обвинчалъ Миетту, то только похлопалъ по щекамъ, наказывая ей хорошо вести себя.

— Любезный братъ, — продолжалъ аббатъ Мура, повернувшись къ верзилѣ Фортюнэ — самъ Богъ надѣляетъ васъ сегодня подругой; потому что Онъ не захотѣлъ, чтобы человекъ жилъ одинокимъ. Но если Онъ повелѣваетъ ей быть вашей слугой, то отъ васъ требуетъ, чтобы вы были господиномъ вроткимъ и любящимъ. Вы будете любить ее, потому что она плоть отъ плоти вашей и кость отъ костей вашихъ. Вы будете оберегать ее, потому что Господь далъ вамъ сильныя руки лишь затѣмъ, чтобы вы охраняли ее ими въ часы опасности. Помните, что она поручена вамъ, что на ея сторонѣ подчиненіе и слабость, злоупотреблять которыми вы не можете безъ грѣха, и что со временемъ вамъ придется отвѣтить за любовь, которую она вамъ приноситъ. О, мой любезный братъ, какую счастливую гордость должны вы ощущать! Отнынѣ вы не будете больше пребывать въ эгоизмѣ одиночества. Всякій часъ будетъ приносить вамъ свою сладеую обязанность. Лучше любви ничего нѣтъ, кромѣ какъ оберегать тѣхъ, кого любишь. Сердце ваше расширится, силы ваши удесятятся. О! какъ сладео быть опорой, охранять любовь, видѣть ребенка, отдающагося вамъ, говоря: «бери меня, дѣлай со мной, что хочешь, я вѣрю въ твою честность!» И вы погубите свою душу, если когда-нибудь оставите ее! Это было бы самой низкой измѣной, и Господь не оставитъ ее безъ наказанія. Какъ только она отдалась вамъ, она ваша навѣки. Носите ее лучше на рукахъ, опускайте на землю лишь тогда, когда она на ней въ безопасности. Оставьте все для ней; она одна должна существовать для васъ, любезный братъ...

Голосъ аббата Мура, сильно дрожавшій, перешелъ тутъ въ какой-то неясный шопотъ. Онъ совсѣмъ опустилъ глаза, лицо его поблѣднѣло какъ полотно, а въ голосѣ слышалось такое грустное волненіе, что Фортюнэ вдругъ расплакался, самъ не понимая отчего.

— Онъ еще не вполне оправился, — замѣтила Лиза. — Напрасно онъ утомляетъ себя... Смотрите-ка! Фортюнэ плачетъ!

— Мужчины чувствительнѣе, чѣмъ женщины, — пробормотала Боба. — Розалія то-и-знай вертится.

— Онъ красно говорилъ, нечего сказать, — рѣшила рыжая. —

Эти кюрэ всегда придумаютъ такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ.

— Ш-ш-ш!—завричала Тёза, готовившаяся тушить свѣчи.

Но аббатъ Мурэ все еще шепталъ, стараясь прискатыть заключительныя слова:

— Вотъ почему, любезный братъ и любезная сестра, вы должны жить въ католической вѣрѣ, которая одна можетъ обезпечить спокойствіе вашего очага. Семьи ваши, конечно, учили васъ любить Бога, молиться Ему утромъ и вечеромъ, и рассчитывать только на дары Его милосердія...

Онъ не кончилъ. И, повернувшись, взявъ чашу съ престола и ушелъ въ ризницу, съ опущенной головой, предшествуемый Венсаномъ...

— Вотъ бездушная тварь!—проговорила Розалія, обращаясь къ сестрѣ и бросивъ своего мужа, чтобы взять ребенка на руки.

Ребенокъ смѣялся. Она поцѣловала его, поправила пеленки и пригрозила кулакомъ Катеринѣ:

— Упади онъ только, я бы тебя отхлопала по щекамъ.

Верзила Фортюнэ подошелъ, раскачиваясь. Три дѣвушки выступили впередъ, закусывая губы.

— Вишь, какъ важничаетъ,—прошептала Бобэ на ухо двумъ остальнымъ.

Онѣ засмѣялись. Верзила Фортюнэ, остановившійся передъ ними, засмѣялся еще громче. Онъ ущипнулъ рыжую и выслушалъ «дурака» отъ Лизы. Онъ былъ солидный малый, подсмѣивавшійся надъ добрыми людьми. Кюрэ надоѣлъ ему.

— Эй! матушка! — повзвалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ.

Но старуха Брошэ побиралась у дверей ризницы. Она стояла тамъ смиренная, худая, согнувшись въ три погибели передъ Тёзой, которая совала яйца въ карманы ея передника. Фортюнэ ни мало не устыдился. Онъ подмигнулъ глазомъ, говоря:

— Матушка-то у меня себѣ на умѣ!.. Ну, что-жъ! Вѣдь г-ну кюрэ желательно, чтобы прихожане ходили въ церковь.

Тѣмъ временемъ Розалія успокоилась. Передъ уходомъ она спросила у Фортюнэ: попросилъ ли онъ г. кюрэ придти вечеромъ благословить ихъ комнату, согласно мѣстному обычаю. Тогда Фортюнэ побѣжалъ въ ризницу, зашагавъ по цѣркви, точно по полю. И вернулся, крича, что г. кюрэ придетъ. Тёза, скандализованная шумомъ, который поднимали эти люди, считавшіе себя какъ-бы на дворѣ, слегка прихлопывала въ ладоши, выпихивая ихъ за дверь.

— Конечно,—говорила она,—убирайтесь, ступайте работать.

И выпроводила ихъ всѣхъ, какъ вдругъ увидѣла Катерину, къ которой присоединился Венсанъ. Оба внимательно наклонились надъ муравьиной кучей. Катерина длинной соломинкой раскапывала кучу, а муравьи въ смятеніи бѣгали по плитамъ. Венсанъ говорилъ, что нужно раскопать до середины, чтобы найти царицу.

— Ахъ! разбойники!—закричала Тѣза.—Что вы это дѣлаете? Оставьте въ покоѣ этихъ животныхъ? Это муравьиная куча ма-де Дезирэ. Вотъ она вамъ задасть, коли васъ увидитъ.

II.

Аббатъ Мурэ, въ сутанѣ, съ непокрытой головой, вернулся въ церковь и опустился на колѣни передъ престоломъ. При свѣтѣ свѣтъ, падавшемъ изъ оконъ, тонзура выдѣлялась на его волосахъ широкимъ пятномъ, а легкая дрожь, пробѣгавшая по его плечамъ, показывала, что ему холодно. Онъ горячо молился, сложивъ руки, и такъ углубился въ свои мольбы, что не слышалъ тяжелыхъ шаговъ Тѣзы, вертѣвшейся вокругъ него, но не смѣвшей его окликнуть. Ей, повидимому, тяжело было видѣть его такимъ убитымъ. Одну минуту ей показалось, что рыданіе потрясло его плечи; она подумала, что онъ плачетъ. Тогда она обошла за престолъ, чтобы наблюдать за нимъ. Со времени его возвращенія, она не рѣшалась больше оставлять его одного въ церкви, потому что однажды вечеромъ нашла его безъ памяти на полу, съ стиснутыми зубами, ледяными щеками, какъ у мертвеца.

— Пожалуйте сюда, барышня, — сказала она Дезирэ, просунувшей голову въ дверь ризницы.—Онъ опять хочетъ, видно, разстроить свое здорье... Вы знаете, что онъ слушается только васъ.

Дезирэ улыбалась.

— Пора завтракать, — проговорила она.—Я очень голодна.

И подошла къ патеру на цыпочкахъ, охватила его шею руками и поцѣловала его.

— Здравствуй, братъ, — сказала она.—Ты, должно быть, хочешь уморить меня съ голода сегодня?

Онъ подыалъ къ ней такое измученное лицо, что она снова поцѣловала его въ обѣ щеки; онъ изнывалъ въ тоскѣ. Но узнавъ ее и попытался тихонько отстранить. Она опять завладѣла его рукой и не выпускала ее, и едва дозволила ему перекреститься.

— Я голодна, пойдѣмъ. Ты тоже голоденъ.

Тёза накрыла завтракъ въ глубинѣ маленькаго сада, подъ двумя большими тутовыми деревьями, и ихъ раскидистыя вѣтви образовали зеленый шатеръ. Солнце, осиливъ наконецъ утренній туманъ, грѣло грядки съ овощами, а тутовое дерево бросало тѣнь на хромой столъ, на которомъ стояли двѣ чашки молока и лежали большіе ломти хлѣба.

— Видишь, какъ мило, — сказала Дезирэ, радуясь, что будутъ завтракать подъ открытымъ небомъ.

И принялась ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Но видя, что Тёза стоитъ передъ ними:

— А ты что-жъ не завтракаешь? — спросила она.

— Сейчасъ, — отвѣчала старая служанка. — Мой супъ разогрѣвается.

И, помолчавъ немного, восхищенная аппетитомъ большого ребенка, обратилась къ патеру:

— Ну, развѣ не весело глядѣть на нее... Неужели она не придаетъ вамъ аппетита, г. кюрэ? — Принудьте себя покушать.

Аббатъ Мурэ улыбался, глядя на сестру.

— О, она очень здорова, — прошептала онъ. — Она съ каждымъ днемъ полнѣетъ.

— А все потому, что ѣмъ! — закричала она. — И ты растолстѣлъ бы, кабы ѣлъ... Ты, значить, опять нездоровъ? Ты какой-то печальный... Я не хочу, чтобы ты опять заболѣвалъ, — слышишь? Я такъ скучала, когда тебя увезли изъ дому поправляться.

— Она права, — вмѣшалась Тёза. — У васъ нѣтъ здраваго смысла, г. кюрэ. Развѣ можно жить двумя-тремя крошками въ день, точно птица. У васъ крови совсѣмъ не прибываетъ, оттого вы такой блѣдный... Неужто вамъ не стыдно, что вы худы какъ щепка, когда мы, простыя женщины, такъ жирны? Люди будутъ думать, что мы однѣ сбѣдаемъ всё кушанья, а вамъ ничего не даемъ.

И обѣ, цвѣтуція здоровьемъ, принялись дружески журить его. У него были очень большіе, очень ясные глаза, которые какъ будто ни на что не глядѣли. Онъ все улыбался.

— Я не боленъ, — отвѣчалъ онъ. — Я выпилъ почти все свое молоко.

Онъ отпилъ два глотка, не притрогиваясь къ хлѣбу.

— Животныя, — проговорила Дезирэ задумчиво, — бываютъ здоровѣе людей.

— Однако, это очень лестно для насъ съ вами, что вы придумали! — вскричала Тёза, смѣясь.

Но милая двадцатилѣтняя простушка и въ мысляхъ не имѣла уколоть кого-нибудь.

— Конечно,—продолжала она.— У курь никогда не болитъ голова, не такъ ли? А кроликовъ можно откармливать сколько душѣ угодно! Ну, а ужъ про моего поросенка ты не скажешь, чтобы онъ когда-нибудь скучалъ.

И, обращаясь къ брату съ довольнымъ видомъ, она заключила:

— Я назвала его Матѣе, потому что онъ похожъ на того толстяка, что приноситъ намъ письма; онъ сталъ такой толстый... Съ твоей стороны не любезно постоянно отказываться поглядѣть на него. Наднихъ ты позволишь мнѣ показать его тебѣ, скажи?

Но, ласкаясь къ нему, она забрала его хлѣбъ и принялась его ѣсть съ аппетитомъ. Она кончила одинъ ломоть и уже принялась за второй, какъ вдругъ Тѣза замѣтила это.

— Этотъ хлѣбъ не для васъ!—закричала она.— Вы у него отнимаете куски изъ рта!

— Оставьте,—кратко произнесъ аббатъ Мурэ,— я все равно не стану бы его ѣсть... Кушай, кушай на здоровье, моя душа.

Дезирэ сконфузилась и чуть не заплакала. Но минуту спустя разсмѣялась и докончила ломоть. Она продолжала:

— Моя корова тоже такъ не груститъ, какъ ты... Тебя не было здѣсь, когда дядя Паскаль подарилъ ее мнѣ и взялъ съ меня слово, что я буду умница. Ахъ, если бы ты видѣлъ какъ она была довольна, когда я въ первый разъ ее поцѣловала.

Она насторожила уши. Со скотнаго двора доносилось пѣніе пѣтуха, слышался шумъ, хлопанье крыльевъ, хрюканье, рѣзкіе крики, точно животными овладѣлъ паническій страхъ.

— Ахъ! ты не знаешь,—возразила она, вдругъ захопавъ въ ладоши,—она, должно быть, тельная...

Тѣза пожимала плечами, глядя на патера, съ недовольнымъ видомъ.

— Шли бы лучше, барышня, угомонить своихъ курь... Онѣ у васъ тамъ дерутся.

Но Дезирэ хотѣла докончить свой разговоръ.

— Скажи? какъ ты думаешь, у ней будетъ теленокъ?

Аббатъ Мурэ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

Онъ опустилъ глаза передъ ясными взорами молодой дѣвушки.

— Да бѣгите же!—закричала Тѣза.— Онѣ поѣдятъ другъ друга.

На скотномъ дворѣ ссора разыгралась не на шутку, и она собиралась бѣжать туда, когда патерь вернулъ ее, говоря:

— А молоко-то, моя душа?—ты не допила молока.

И подаль ей молоко, къ которому онъ едва притронулся.

Она вернулась, выпила молоко безъ зазрѣнія совѣсти; не взирая на сердитые взгляды Тёзы. Потомъ умчалась на скотный дворъ, гдѣ слышно было, какъ возстановляла спокойствіе. Она, должно быть, усѣлась среди своихъ животныхъ и тихонько напѣвала, словно убаюкивала ихъ.

III.

— А теперь мой супъ слишкомъ горячъ,—ворчала Тёза, возвращаясь изъ кухни съ деревянной миской, гдѣ торчала стойми деревянная ложка.

И, ставъ передъ аббатомъ Мурэ, принялась осторожно ѣсть кончикомъ ложки. Она надѣялась развеселить его, вывести изъ тягостнаго молчанія, въ какое онъ былъ погруженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Парадѹ, онъ постоянно увѣрялъ, что здоровъ, никогда не жаловался, сталъ еще кротче. Часто даже онъ улыбался такъ нѣжно, что, по мнѣнію жителей Арто, болѣзнь увеличила его святость. Но по временамъ на него находилъ мучительный столбнякъ: онъ какъ будто терзался невыразимой тоской, и изъ всѣхъ силъ старался срывать ее и не выдать ни однимъ вздохомъ. То была нѣмая агонія, во время которой онъ, должно быть, переживалъ мучительнѣйшую борьбу, и тягость ея можно было угадать лишь по каплямъ пота, струившагося по его измученному лицу. Тёза въ эти минуты не покидала его ни на одинъ моментъ, оглушала потовомъ словъ, пока наконецъ, мало-по-малу, къ нему не возвращалось обычное кроткое выраженіе. Въ это утро служанка предчувствовала, что готовится припадокъ болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ остальные. И принялась болтать безъ умолку, остерегаясь ложки, которая жгла ей губы.

— Право, нужно жить въ медвѣжьемъ углу, чтобы увидѣть такія вещи. Ну, развѣ въ честныхъ деревняхъ женятся ни свѣтъ, ни заря? Ужъ одно это доказываетъ, какая дрянь всѣ эти Арто... Въ Нормандіи я видѣла свадьбы, на которыхъ веселился, бывало, весь околотокъ. Пировали дня три сряду. И кюрэ тутъ же пировалъ, и мэръ, и даже пожарные были на свадьбѣ одной моей кухни. И ужъ какъ веселились-то... Но видано ли, чтобы кюрэ поднимали вѣнчать людей въ такой часъ, когда еще и уры-то не просыпались! На вашемъ мѣстѣ, г. кюрэ, я бы отга-

залась. Вы не выспались, вы, чего добраго, простудились въ церкви. И это васъ разстроило. Прибавьте, что пріятнѣе было бы вѣнчать животныхъ, чѣмъ эту Розалію съ ея негодникомъ... Напрасно вы не скажете мнѣ, гдѣ у васъ болитъ. Я бы заварила вамъ чего-нибудь тёпленькаго... Г. кюрэ, отвѣчайте же!

Онъ слабо проговорилъ, что чувствуетъ себя хорошо, и что ему нужно только немного воздуха. И прислонился къ одному изъ тутовыхъ деревьевъ; дыханіе у него спиралось, онъ почти терялъ сознаніе.

— Хорошо, хорошо!—упрямитесь сколько душѣ вашей угодно, — снова начала Тѣза.—Вѣнчайте людей, когда силы еще не вполне вернулись къ вамъ и ваше здоровье отъ того страдаетъ. Я была въ этомъ увѣрена, я это говорила вчера... И вотъ также, еслибы вы слушались меня, то не оставались бы здѣсь, такъ какъ запахъ сютнаго двора васъ беспокоитъ. Да, и нечего сказать, оттуда несетъ страшной вонью въ эту минуту. Ужъ не знаю, въ чемъ тамъ еще роется m-lle Дезирэ. Она-то распѣваетъ себѣ; ей это ни по чемъ, только толстѣетъ... Ахъ! я хотѣла вамъ сказать... Послушайте, г. кюрэ, будьте благоразумны. Позвольте мнѣ отвести васъ въ вашу комнату. Вы приляжете, отдохнете немножко... Нѣтъ, не хотите! Ну, тѣмъ хуже для васъ, если вы страдаете. Нельзя скрывать боль внутри себя до того, что она душитъ человѣка.

И съ сердцовъ проглотила полную ложку супа, рискуя обварить горло. Она хлопала ложкой по мискѣ, ворчала и разговаривала сама съ собой.

— Ну, видалъ ли кто такого человѣка? Онъ скорѣе лопнетъ, чѣмъ промолвить слово... Ну, да пусть себѣ молчитъ. Я кое-что знаю, а объ остальномъ догадаться не трудно. Да, да, пусть помалчивается. Оно и лучше.

Тѣза ревновала. Доктору Паскалю пришлось съ боя увести отъ нея больного, когда онъ счелъ молодого патера погибшимъ. Ему пришлось объяснять ей, что колокольный звонъ усиливаетъ его лихорадку, что картины святости, которыми была полна его комната, производили въ немъ галлюцинаціи; что, словомъ, ему необходимо было полное забвеніе, новая среда, гдѣ бы онъ возродился къ новой жизни. Она качала головой, тоскуя, что нигдѣ «дорогое дитя» не найдетъ лучшей сидѣлки, чѣмъ она. Однако кончила тѣмъ, что согласилась, даже примирилась съ тѣмъ, что его увезутъ въ Парадѹ, хотя и протестовала противъ такого рѣшенія доктора, окончательно сбивавшаго ее съ толку. Но въ ней жила непримиримая вражда къ Парадѹ. Ей въ осо-

бенности досаждало молчаніе аббата Мурэ о времени, которое онъ тамъ прожилъ. Часто она тщетно ломала голову, какъ бы заставить его говорить. Въ это утро, разозлившись, что видитъ его блѣднымъ и молча страдающимъ, она замахала ложкой, какъ палкой, крича:

— Надо вернуться туда, г. кюрэ, если вамъ было тамъ такъ хорошо... Тамъ есть одна особа, которая, конечно, умѣетъ лучше ухаживать за вами, чѣмъ я.

Она въ первый еще разъ рѣшалась на прямой намѣкъ. Ударъ былъ такъ жестокъ, что у патера вырвался легкій крикъ въ ту минуту, какъ онъ поднялъ свое страдальческое лицо. Добрая душа Тѣзы разжалобилась.

— Во всемъ этомъ виноватъ вашъ дядюшка Паскаль. И вѣдь мало ли я его урезонивала. Но эти ученые ужъ если заберутъ себѣ что въ голову, такъ ихъ не переубѣдишь. Иные нарочно уморять васъ, чтобы поглядѣть, что дѣлается въ вашей утробѣ... Я такъ на это сердилась, что не хотѣла никому объ этомъ говорить. Да-съ, сударь, по моей милости никто не зналъ, гдѣ вы находитесь, до того мнѣ это казалось ужаснымъ. Когда аббатъ Гюйо изъ Сентъ-Этропа, служившій здѣсь обѣдню по воскресеньямъ, во время вашего отсутствія, разспрашивалъ меня, я ему вразъ всякій вздоръ, божилась, что вы въ Швейцаріи... А сама и не знаю, гдѣ она, эта Швейцарія... Конечно, я не хочу огорчать васъ, но нѣтъ сомнѣнія, что вы оттуда привезли свою болѣзнь. Диевинно выздоровѣли вы, честное слово. Лучше было бы оставить васъ со мной; ужъ я-то бы не всерушила вамъ голову.

Аббатъ Мурэ снова поникъ головой и не перебывалъ ее. Она сѣла на землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стараясь поймать его взглядъ. Она снова начала материнскимъ тономъ, радуясь снисходительности, съ какою онъ ее слушалъ.

— Вы никогда не хотѣли выслушать исторіи аббата Каффена. Какъ только я раскрываю ротъ, вы заставляете меня молчать... Ну-съ, такъ вотъ, у аббата Каффена въ нашемъ краѣ вышли неприятности. А онъ былъ очень святой человекъ и съ золотымъ сердцемъ. Но, видите ли, онъ былъ большой нѣженка, любилъ все изящное. И вотъ, за нимъ вздумала ухаживать одна дѣвица, дочь мельника, которую родители отдали въ пансіонъ. Ну-съ, случилось въ одно прекрасное утро то, что должно было случиться, понимаете?.. И вотъ, когда въ олоотѣхъ провѣдали объ этомъ, то разсвирѣпѣли противъ аббата. Его подстерегали, чтобы убить камнями. Онъ спасся въ Руанъ и побѣжалъ каяться въ архіепископу. И вотъ, его прислали сюда. Бѣдняга былъ слиш-

комъ наказанъ, живя въ этой трущобѣ... Позднѣе я разузнавала про дѣвицу. Она вышла замужъ за торговца скотомъ, и очень счастлива.

Тѣза, въ восхищеніи, что ей удалось выложить свою исторію, приняла за поощреніе неподвижность аббата. Она подвинулась ближе и продолжала:

— Какой былъ добрякъ аббатъ Каффенъ! Онъ не важничалъ передо мной и часто говорилъ мнѣ о своемъ грѣхѣ. Онъ не помѣшалъ ему войти въ царствіе небесное, ручаюсь вамъ! Онъ можетъ спокойно почивать вотъ тамъ, подъ травой, потому что никому не дѣлалъ зла... Я не понимаю, почему такъ возстаютъ противъ патера, если онъ согрѣшитъ. Это такъ естественно! Конечно, это не хорошо; эта мерзость должна прогнѣвать Бога. Но все же это лучше, чѣмъ воровство. Покаешься, и дѣло въ шляпѣ!.. Не правда ли, г. кюрэ, кто искренно раскается, тотъ все же спасется, несмотря на грѣхъ?

Аббатъ Мурэ медленно выпрямился. Сверхчеловѣческими усилиями онъ подавилъ тоску. Все еще блѣдный, онъ проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Не надо никогда грѣшить, никогда! никогда!

— Ахъ, знаете, — закричала старая служанка, — вы слишкомъ горды, сударь! Гордость тоже нехорошее дѣло!.. На вашемъ мѣстѣ я бы не боролась такъ съ горемъ. Надо выболтать горе. Къ чему разрывать сердце на части, нужно мало-по-малу привыкать къ разлуцѣ, вотъ! Мало-по-малу оно и пройдетъ... А вы вмѣсто того избѣгаете даже произносить имя людей. Вы запрещаете говорить о нихъ, точно они умерли. Со времени вашего возвращенія я не смѣла сообщать вамъ никакихъ вѣстей. Ну, вотъ теперь я буду говорить, я расскажу, что узнаю, потому что вижу, что молчаніе терзаетъ вамъ душу!

Онъ строго глядѣлъ на нее, поднявъ палецъ, чтобы заставить ее молчать.

— Да, да, — продолжала она, — до меня частенько доходятъ вѣсти, и я вамъ буду сообщать ихъ... Во-первыхъ, та особа не счастливейше, чѣмъ вы.

— Молчите! — произнесъ аббатъ Мурэ, находя силы встать, чтобы удалиться.

Тѣза тоже встала, преградивъ ему дорогу своей тучной особой. Она сердилась и кричала:

— Ну, вотъ вы ужъ и бѣжите!.. Но нѣтъ, вы меня выслушаете. Вы знаете, что я не очень-то долюбливаю нѣкоторыхъ особъ. Если я говорю съ вами о нихъ, то для вашего же блага...

Увѣряють, будто я ревнива. Ну, а я вотъ все мечтаю, какъ бы свести васъ туда. Вы были бы со мной и не боялись бы сдѣлать что-нибудь худое...

Онъ отстранилъ ее рукой, съ спокойнымъ лицомъ, говоря:

— Я ничего не хочу, ничего не знаю... Намъ предстоитъ на завтра большая обѣдня. Надо приготовить престолъ.

Потомъ, уходя, прибавилъ съ улыбкой:

— Не тревожьтесь, моя добрая Тѣза: я сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и вылечусь самъ.

И удалился, съ спокойнымъ видомъ, высоко держа голову и совладавъ съ собой. Сутана его слегка задѣвала бордюры тимуяна; Тѣза, оставшаяся на томъ же мѣстѣ, подняла свою деревянную миску и ложку, ворча и пожимая плечами.

— Храбрится, туда же воображаетъ, что иначе построень, чѣмъ другіе люди, потому что кюрэ... Правду говоря, этого не скоро проймешь. Я знавала такихъ, которыхъ, бывало, не такъ трудно раздражить. И онъ способенъ раздавить свое сердце, какъ другіе давятъ блохъ. Эго Господь надѣляетъ его такой силой...

Она возвращалась въ кухню, когда увидѣла аббата Мурэ передъ калиткой скотнаго двора. Дезирэ остановила его и дала ему взвѣсить каплуна, котораго уже давно откармливала. Онъ смѣялся, увѣрялъ, что каплунъ очень тяжелъ, и это очень радовало большого ребенка.

IV.

Аббатъ Мурэ проводилъ цѣлые дни въ приходскомъ домѣ. Онъ избѣгалъ тѣхъ длинныхъ прогулокъ, какія совершалъ до своей болѣзни. Сожженная почва Арто, томленіе этой долины, гдѣ росла только виноградная лоза, тревожили его. Раза два Тѣза, совѣтовавшая ему подышать свѣжимъ воздухомъ, прогоняла его гулять, и онъ пробовалъ пройтись вдоль дороги, но не пошелъ дальше деревни, и вернулся, смущенный воздухомъ, солнцемъ, вольнымъ горизонтомъ. Только вечеромъ, когда наступала ночная прохлада, онъ рѣшался пройтись нѣсколько разъ взадъ и впередъ передъ церковью, на площадеѣ, доходившей до кладбища. Послѣ обѣда, чтобы занять себя, охваченный дѣятельнымъ духомъ, и не находя ему пищи, онъ наклеивалъ бумагу на мѣсто разбитыхъ стеколъ въ окнахъ церкви. И въ теченіи цѣлой недѣли онъ стоялъ иногда по нѣсколько часовъ сряду на лѣсенѣ, стараясь какъ можно

аккуратнѣе вырѣзать и наложить бумагу. Тѣза держала лѣсенку. Дезирэ кричала, что не нужно заклеивать всѣхъ рамъ, а то воробьямъ нельзя будетъ влетать; чтобы она не плакала, патеръ оставилъ незаклееннымъ два-три отверстія въ каждой оконной рамѣ. Затѣмъ, кончивъ это, онъ задумалъ украсить церковь, не обращая ни къ плотникамъ, ни къ каменщикамъ, ни къ малярамъ. Онъ самъ хотѣлъ все сдѣлать. Этотъ ручной трудъ, — говорилъ онъ, забавляетъ его, поддерживаетъ его силы. Дядя Паскаль всякій разъ, какъ заѣзжалъ въ приходскій домъ, поощрялъ его, говоря, что такое упражненіе полезнѣе всякихъ лекарствъ въ мірѣ. Такимъ образомъ, аббатъ Мурэ залилъ всѣ дыры въ стѣнахъ известкой, молоткомъ сколотилъ престолы, разводилъ краски, чтобы окрасить кафедру и неповѣдальню. То было событіемъ въ цѣломъ околоткѣ. О немъ толковали за два лѣ въ округности. Крестьяне приходили глазѣть на работу г. кюрэ, заложивъ за спину руки. Онъ же, въ фартукѣ, погруженный въ это трудное дѣло, имѣлъ предлогъ не выходить изъ дома. Онъ цѣлые дни проводилъ среди штукатурки, болѣе спокойный, почти улыбаясь, забывая о вольномъ воздухѣ, деревьяхъ, солнцѣ, тепломъ вѣтеркѣ, смущавшими его.

— Г-нъ кюрэ воленъ поступать какъ ему заблагоразсудится, лишь бы это ни копѣйки не стоило общинѣ, — говорилъ дядя Бамбуссъ, смѣясь и заходя каждый вечеръ, чтобы осмотрѣть, насколько подвинулась работа.

Аббатъ Мурэ истраилъ на нее всѣ свои семинарскія сбереженія. Впрочемъ, его работа вызвала бы улыбку у болѣе избалованныхъ людей. Работа каменщика скоро опротивѣла ему. Онъ ограничился тѣмъ, что залово оштукатурилъ стѣны на высотѣ человѣческаго роста. Тѣза растворяла известъ. Когда она намекнула на то, что нужно бы исправить и приходскій домъ, а то, — говорила она, — постоянно боишься, что потолокъ обрушится на голову; онъ объяснилъ ей, что не сумѣетъ этого сдѣлать и нужно призвать работника. Это вызвало настоящую ссору между ними... Она кричала, что неблагоразумно украшать церковь, гдѣ никто не спитъ, тогда какъ рядомъ есть комнаты, гдѣ навѣрное ихъ найдутъ мертвыми въ одно прекрасное утро, задавленными потолкомъ.

— И ужъ я, право, кончу тѣмъ, что переберусь ночевать сюда, позади престола. Миѣ такъ страшно по ночамъ.

Но когда известъ вся вышла, она перестала толковать о приходскомъ домѣ. Къ тому же живопись, которую разводилъ г. кюрэ, приводила ее въ восторгъ. Это было самымъ приятнымъ дѣломъ.

Аббатъ сдѣлалъ новыя панели тамъ, гдѣ онѣ отстали, и мазалъ по нимъ ярео-желтой краской. Когда все стало желтымъ: исповѣдальня, каеэдра, эстрада, и даже футляръ часовъ, онъ рѣшился выкрасить подъ мраморъ главный престолъ, чтобы подновить его. Главный алтарь, выкрашенный въ бѣлый, желтый и синий цвѣта, сталъ великолѣпнень. Люди, не бывавшіе у обѣдни лѣтъ пятьдесятъ, приходили толпами, чтобы поглядѣть на него.

Теперь краска уже высохла. Аббату Мурѣ оставалось только обвести панели темнымъ ободкомъ. Поэтому, тотчасъ послѣ обѣда, онъ принялся за дѣло, желая, чтобы все было кончено къ завтрашнему дню, когда должна была служить большая обѣдня, о чемъ онъ напоминалъ Тѣзѣ. Послѣдняя уже ждала его, чтобы убрать престолъ. Она даже выставила серебряные подсвѣчники и крестъ, фарфоровыя вазы съ искусственными розами, нарядную пелену, обшитую кружевами. Но аббатъ такъ замѣшкался за ободками, что наступили уже сумерки, когда онъ кончилъ самый послѣдній...

— Такъ будетъ ужъ слишкомъ красиво, — проговорилъ внезапно грубый голосъ, изъ сѣраго сумрака, наполнявшаго церковь.

Тѣза, ставшая на колѣни, чтобы лучше слѣдить за вистью, которою аббатъ водилъ вдоль линейки, вздрогнула отъ испуга.

— Ахъ, это братъ Арканжіа, — сказала она, повернувъ голову: — вы, значить, прошли черезъ ризницу?.. Мнѣ показалось, что голосъ выходитъ изъ-подъ плить.

Аббатъ Мурѣ продолжалъ работать, кивнувъ монаху головой. Тотъ постоялъ съ минуту молча, сложивъ свои большія, грубыя руки на животъ и, пожимая плечами при видѣ старанія, какое аббатъ прилагалъ къ тому, чтобы ободки были совсѣмъ ровныя, повторилъ:

— Такъ будетъ ужъ слишкомъ красиво.

Тѣза, глядѣвшая съ восхищеніемъ, вторично вздрогнула.

— Ну, — закричала она: — я совсѣмъ забыла, что вы тутъ! Хоть бы кашлянули прежде, чѣмъ заговорить. У васъ голосъ точно у мертвеца.

Она привстала и переагилась съ одного мѣста на другое, чтобы лучше разглядѣть.

— Почему слишкомъ красиво? Для Бога нѣтъ ничего слишкомъ красиваго, — возразила она. — Еслибы у г. кюрэ было золото, онъ бы разуверсилъ престолъ золотомъ.

Патеръ кончилъ, и она послѣшила перемѣнить пелену, стараясь не размазать ободковъ. Потомъ разставила въ симметріи крестъ, подсвѣчники и вазы. Аббатъ Мурѣ прислонился, рядомъ съ

братомъ Арканжіа, къ деревянной рѣшеткѣ, раздѣлявшей хоры отъ средней части церкви. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Оба глядѣли на серебряный крестъ, который выдѣлялся еще свѣтлымъ пятномъ среди сгущавшихся сумерекъ. Тѣза, кончивъ, подошла къ нимъ торжествующая.

— Ну, развѣ не мило,—проговорила она:—увидите, что завтра сбѣжится народъ къ обѣднѣ. Эти язычники посѣщаютъ домъ Божій, когда считаютъ его богатымъ... Теперь, г. вюрэ, надо также отдѣлать престолъ Мадонны.

— Пронація деньги,—ворчалъ братъ Арканжіа.

Но Тѣза разсердилась, и такъ какъ аббатъ Мурэ продолжалъ молчать, то она увела обоихъ къ престолу Мадонны, толкая ихъ, дергая за сутаны.

— Да поглядите же,—кричала она:—онъ колетъ глаза теперь, когда главный престолъ заново отдѣланъ. Нельзя даже знать, выкрашенъ ли онъ. Сколько я ни тру его по утрамъ, дерево остается закопченнымъ, оно черно, безобразно... Вы не знаете, что будутъ говорить, г. вюрэ? Скажутъ, что вы не любите Мадонны, вотъ и все.

— Ну, такъ что-жь?—спросилъ братъ Арканжіа.

Тѣза совсѣмъ задышалась.

— Какъ что?—пробормотала она,—да вѣдь это грѣхъ... Престолъ сталъ точно одна изъ тѣхъ могилъ на кладбищѣ, которую всѣ забросили. Не будь меня, пауки заткали бы его паутиной, плѣсень покрыла бы его. Время отъ времени, когда на беру букетъ, я подношу его Мадоннѣ... Прежде всѣ цвѣты нашего сада были для нея...

Она поднялась по ступенькамъ къ престолу и взяла два засохшихъ, забытыхъ букета.

— Видите, совсѣмъ какъ на кладбищѣ,—прибавила она, бросая букеты подъ ноги аббату Мурэ.

Тотъ поднялъ ихъ, не отвѣчая ни слова. Ночь совсѣмъ сгустилась. Братъ Арканжіа запутался между скамейками и чуть не упалъ. Онъ ругался, бормоталъ несвязныя рѣчи, среди которыхъ безпрестанно возвращались имена Иисуса и Маріи. Когда Тѣза, ходившая за лампой, вернулась въ церковь, она спросила патера:

— Значить, я могу отнести горшки и кисти на чердакъ?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я кончилъ.—Современемъ увидимъ.

Она пошла впереди ихъ, унося все, и молчала, потому что боялась наговорить много лишняго. И такъ какъ аббатъ Мурэ

продолжалъ держать засохшіе букеты въ рукѣ, братъ Арканжіа провричалъ ему, проходя мимо свѣтнаго двора:

— Бросьте же это.

Аббатъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, съ опущенной головой, затѣмъ бросилъ цвѣты въ яму, черезъ калитку.

V.

Братъ Арканжіа, отобѣдавъ, сидѣлъ верхомъ на стулѣ и глядѣлъ, какъ обѣдалъ патеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній вернулся въ Арто, онъ являлся почти каждый вечеръ засѣдать въ приходскомъ домѣ. Никогда еще онъ такъ назойливо не заявлялъ о себѣ. Толстые башмаки его топали по полу, голосъ гремѣлъ, кулаки хлопали по столу въ то время, какъ онъ рассказывалъ, какъ сѣкъ поутру дѣвчонокъ, и резюмировалъ свою мораль въ формулахъ, жѣсткихъ какъ палочные удары. Потомъ, соскучась, затѣялъ играть въ карты съ Тёзой. Они безъ конца сражались въ «пьяницы», потому что Тёза никакой другой игры не могла выучить. Аббатъ Мурэ, улыбавшійся при первыхъ ходахъ, сдѣланныхъ съ азартомъ, мало-по-малу впадалъ въ глубокую задумчивость; и въ теченіи долгихъ часовъ сидѣлъ, забывшись подъ подозрительными взглядами, бросаемыми на него братомъ Арканжіа.

Въ этотъ вечеръ Тёза была такъ сердита, что поговаривала о томъ, чтобы идти спать, какъ только сняла со стола. Но монахъ хотѣлъ играть. Онъ изо всей мочи принялся хлопать ее по плечамъ и насильно посадилъ, такъ что стулъ затрепалъ. Дезирэ, ненавидѣвшая его, исчезла послѣ десерта, который почти каждый вечеръ уходила доѣдать въ свою комнату.

— Я хочу красную колоду, — объявила Тёза.

И битва завязалась. Тёза сначала отняла нѣсколько крупныхъ картъ у монаха. Затѣмъ два туза упали на столъ.

— Споръ! — закричала она съ страшнымъ волненіемъ, и вытащила девятку, что привело ее въ отчаяніе; но такъ какъ у монаха оказалась всего семерка, то она потащила карты къ себѣ съ торжествомъ. Черезъ полчаса у ней опять остались два туза, такъ что шансы сравнялись. А еще черезъ четверть часа она опять лишилась одного туза. Валеги, дамы, короли носились взадъ и впередъ, точно происходила настоящая рѣзня.

— Какова партія? — сказалъ братъ Арканжіа, поворачиваясь къ аббату Мурэ.

Но, увидѣвъ, что тотъ совсѣмъ углубился въ свои мысли и на губахъ его играетъ бессознательная улыбка, громко заоралъ:

— Эге, г. кюрэ, вы на насъ, значить, не глядѣли? Это совсѣмъ невѣжливо... Мы играемъ только для васъ. Мы стараемся васъ позабавить... Ну, взгляните на нашу игру. Это будетъ лучше, чѣмъ предаваться мечтаніямъ. Гдѣ это вы изволили сейчасъ обрѣтаться.

Патеръ вздрогнулъ. Онъ не отвѣчалъ, и постарался слѣдить за игрой, опустивъ глаза. Партія продолжалась съ ожесточеніемъ. Тѣза выиграла туза, затѣмъ опять проиграла. Въ иные вечера они спорили изъ-за тузовъ въ теченіи часовъ четырехъ въ ряду, и зачастую уходили даже спать, разъяренные, не кончивъ партіи.

— Ахъ, встати!—вдругъ закричала Тѣза, страшно боявшаяся проиграть, — г. кюрэ долженъ идти сегодня вечеромъ изъ дома. Онъ общалъ верзилѣ Фортюнэ и Розалии придти освятить ихъ комнату по обычаю... Скорѣе, г. кюрэ, братъ пойдетъ съ вами.

Аббатъ Мурэ уже всталъ и сталъ искать шляпу. Но братъ Арванжіа сердился, не выпуская картъ.

— Оставьте! стобить ли освящать этотъ свиной хлѣвъ! Вотъ еще обычай, который вамъ слѣдуетъ вывести изъ употребленія. Патеру нечего совать свой носъ въ новобрачнымъ... Оставайтесь. Кончимъ партію. Это будетъ лучше.

Тѣза съ большой тревогой глядѣла на брата Арванжіа.

— Ну, вотъ еще! я остаюсь,—закричалъ этотъ послѣдній.— Идти было бы слишкомъ глупо!

Но аббатъ Мурэ не успѣлъ отворить двери, какъ онъ всталъ, чтобы послѣдовать за нимъ, бросая карты, и тотчасъ же вернулся, связавъ Тѣзѣ:

— Я долженъ былъ выиграть... Оставьте карты, какъ онѣ есть. Мы будемъ продолжать партію завтра.

— Ну, вотъ еще! я уже смѣшала карты,—отвѣчала старая служанка, поторопившаяся смѣшать колоду. — Ужъ не воображаете ли вы, что я положу подъ стекло ваши карты! Да я могла и выиграть; у меня еще оставался одинъ тузъ.

Братъ Арванжіа въ нѣсколько шаговъ нагналъ аббата Мурэ, спускавшагося по узкой тропинкѣ, которая вела въ Арто. Онъ поставилъ себѣ за трудъ слѣдить за нимъ и окружалъ его еже-часнымъ шпионствомъ, всюду сопровождалъ его; отражалъ за нимъ мальчишку изъ своей школы, когда не могъ самъ взять на себя этотъ трудъ. Онъ говорилъ съ своимъ страшнымъ смѣхомъ,

что онъ «божій жандармъ». И въ самомъ дѣлѣ, патеръ казался преступникомъ, засаженымъ въ черпую тѣнь сутаны монаха, преступникомъ, которому не довѣряютъ, котораго считаютъ настолько слабымъ, что онъ непремѣнно вернется въ грѣху, коль скоро отъ него на минуту отведуть глаза. Монахъ отличался безпощадностью ревнивой старой дѣвы; онъ былъ такимъ усерднымъ тюремщикомъ, что считалъ своей обязанностью закрывать уголки неба, видѣвшіеся въ слуховыя окна. Братъ Арканжіа вѣчно торчалъ передъ носомъ у аббата, заслонялъ отъ него солнце, не пропускалъ аромата цвѣтовъ и такъ старательно замуравывалъ темницу, что ничто изъ внѣшняго міра въ нее не проникало. Онъ сторожилъ малѣйшую слабость аббата, узнавалъ по его свѣтлому взгляду нѣжныя мысли и топталъ ихъ суровымъ словомъ, безжалостно, точно сорныя травы. Молчаніе, улыбка, блѣдность лица, дрожь членовъ,—все ему принадлежало въ этомъ грѣшникѣ, котораго онъ поставилъ себѣ задачей спасти. Онъ избѣгалъ говорить яспо объ его проступкѣ. Но уже одно присутствіе его заключало въ себѣ упрекъ. Онъ произносилъ иныя слова такъ рѣзко, точно хлесталъ его бичомъ. Какъ тѣ обманутые мужья, которые мстятъ женамъ кровавыми намеками, отводя душу жестокостью, онъ не говорилъ прямо о Парадѣ; онъ довольствовался тѣмъ, что въ минуты кривиса однимъ словомъ пригибалъ къ землѣ непокорную плоть, которую Господь посылалъ ему для наказанія. Онъ тоже былъ обманутъ этимъ патеромъ, оскверненнымъ грѣхомъ, измѣнившимъ своей клятвѣ.

Было около десяти часовъ. Селеніе спало. Но на другомъ концѣ его, возлѣ мельницы, слышенъ былъ шумъ въ одной лачугѣ, съ ярко освѣщенными окнами. Дядя Бамбуссъ предоставилъ дочери и вятю одинъ уголокъ дома, занявъ самъ лучшія комнаты. Тамъ осушали прощальные стаканы, въ ожиданіи кюрэ.

— Они пьяны,—ворчалъ братъ Арканжіа.—Слышите, какъ они режутъ.

Аббатъ Мурэ не отвѣчалъ. Ночь была великолѣпная; луна проливала голубоватый свѣтъ, измѣнявшій вдали долину въ спящее озеро. Аббатъ замедлялъ шаги, наслаждаясь этимъ кроткимъ свѣтомъ; пороку даже онъ останавливался передъ нѣкоторыми пространствами, залитыми свѣтомъ, съ пріятной дрожью, возбуждаемой близостью свѣжей воды. Монахъ продолжалъ шагать, жура его, торопа.

— Идите же... Въ это время нездорово бѣгать по полямъ. Вамъ лучше было бы лежать въ постелѣ.

Но вдругъ, при входѣ въ селеніе, Арканжіа остановился посреди

дороги. Онъ глядѣлъ на гору, гдѣ бѣлая линія дороги терялась въ черныхъ пятнахъ маленькихъ сосновыхъ рощъ. Онъ зарычалъ какъ собака, чуящая опасность.

— Кто это спускается тамъ, въ такой поздней часъ?—пробормоталъ онъ.

Патеръ, ничего не слыша и не вида, хотѣлъ въ свою очередь заставить его ускорить шагъ.

— Пойдите, вотъ онъ,—живо проговорилъ братъ Арканжіа.

— Онъ сейчасъ обогнулъ перекрестокъ. Видите, луна его освѣщаетъ. Вы хорошо его видите теперь... Высокій такой, съ палкой.

Затѣмъ, помолчавъ съ минуту, зарычалъ свирѣпымъ голосомъ, задыхаясь отъ злобы:

— Это онъ, негодяй!.. Я чувствовалъ, что это онъ!

Вновь прибывшее лицо спустилось съ горы, и аббатъ Мурэ узналъ Жанберната. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, старикъ такъ сильно топалъ ногами, что его толстые башмаки, подбитые гвоздями, извлекали искры изъ кремней, рассыпанныхъ по дорогѣ. Онъ шелъ, прямой какъ дубъ, не опираясь даже на палку, которую несъ на плечѣ, точно ружье.

— Ахъ проклятый! — бормоталъ монахъ, прикованный къ мѣсту въ выжидательной позѣ.—Дьяволъ бросаетъ ему подъ ноги адскіе уголья.

Патеръ, крайне смущенный, потерялъ надежду убѣдить своего спутника слѣдовать за нимъ, повернулся къ нему спиной, чтобы идти дальше, и надѣясь избѣжать Жанберната, укрывся поскорѣй въ домъ Бамбусса. Но не успѣлъ онъ слѣзать и пяти шаговъ, какъ услышалъ насмѣшливый голосъ старика почти у себя за спиной:

— Эй! кюрэ, подождите меня. Бойтесь вы меня, что-ли?

Аббатъ Мурэ остановился; онъ подошелъ и продолжалъ:

— Да-съ! въ вашихъ сутанахъ не очень-то раскачешься по дорогамъ. Къ тому же, какъ ни темно ночью, а васъ издали можно признать... Я еще былъ на горѣ, какъ подумалъ: «эге! да это маленький кюрэ идетъ тамъ». О! глаза у меня еще зоркіе... Что-жъ вы больше не приходите къ намъ въ гости?

— У меня было такъ много дѣла,—прошепталъ патеръ, сильно поблѣднѣвъ.

— Такъ, такъ, всякій воленъ поступать, какъ захочетъ. Если я вамъ говорю объ этомъ, то затѣмъ, чтобы вы знали, что я не сержусь на васъ за то, что вы — кюрэ. Мы даже, пожалуй, и о Богѣ говорить не будемъ... Малютка думаетъ, что

это я мѣшаю вашему приходу. Я ей отвѣчалъ: «твой бюрѣ глупъ!» И я такъ думаю. Развѣ я васъ съѣмъ; когда вы были больны, я даже не ходилъ къ вамъ наверхъ. Свобода—первое дѣло.

Онъ говорилъ все это своимъ равнодушнымъ тономъ, прикидываясь, что даже не замѣчаетъ присутствія брата Арванжіа. Но тотъ зарычалъ еще громче, и Жанбернатъ продолжалъ:

— Эгэ! бюрѣ! вы тащите съ собой своего борова?

— Подожди, разбойникъ!—заревѣлъ монахъ, сжимая кулаки.

Жанбернатъ, замахнувшись палкой, сдѣлалъ видъ, что только теперь узналъ его.

— Долой лапы! — закричалъ онъ. — Ага! Это ты, сумасбродъ! Какъ это я не призналъ тебя по запаху, который ты распространяешь... Намъ надо свести кое-какіе счеты. Я позволяю придти обрѣзать тебѣ уши среди класса. Это позабавитъ мальчишекъ, которыхъ ты отравляешь.

Монахъ отступилъ передъ палкой. Грудь его стѣснялась отъ бѣшенства. Онъ заикался, не находилъ словъ.

— Я напущу на тебя жандармовъ, убійца! Ты плевалъ на церковь, я это видѣлъ! Ты моришь людей уже тѣмъ, что проходишь мимо ихъ дверей. Въ Сентъ-Этропѣ ты произвелъ выкидышъ у одной, заставя ее пожевать облатку, украденную тобой изъ церкви. Въ Беажѣ ты вырывалъ изъ могилъ дѣтей, и уносилъ на спинѣ для своихъ чародѣйствъ... Всѣ это знаютъ, мерзавецъ! — Ты язва края. Тотъ, кто задушилъ бы тебя, заслужилъ бы царствіе небесное.

Старикъ слушалъ, ослабляясь и помахивая палкой. Подъ потокомъ ругательныхъ словъ монаха, онъ повторялъ вполголоса:

— Ну, ну, облегчай душу, змѣя!—Сейчасъ я перебью тебѣ ребра.

Аббатъ Мурѣ хотѣлъ вмѣшаться. Но братъ Арванжіа оттолкнулъ его,—крича:

— Вы съ нимъ за-одно!—Вѣдь онъ заставлялъ васъ пощипать ногами распятіе,—попробуйте отрицать это!

И снова обращаясь къ Жанбернату, онъ закричалъ:

— Ахъ, сатана! — то-то ты потѣшался, когда забралъ въ свои руки патера!—Небо да разразитъ тѣхъ, кто помогалъ тебѣ въ твоёмъ святотатствѣ... Что ты дѣлалъ ночью, когда онъ спалъ? Ты приходилъ смачивать ему слюной тонзуру, чтобы она поскорѣе заростала. Ты дулъ ему на щеки и на подбородокъ, чтобы борода скорѣе выростала. Ты натиралъ ему тѣло твоими вра-

жескими зельями... И вотъ, такимъ-то способомъ ты обратилъ его въ звѣря,—сатана!

— Онъ нелѣпъ, — сказалъ Жанбернатъ, владея палеу на плечо.—Онъ мнѣ надоѣлъ.

Монахъ, ободренный, подставилъ ему оба кулака подъ самый носъ.

— А твоя дрянъ, дѣвчонка!—кричалъ онъ. — Это ты свелъ ее съ патеромъ!

Но тутъ онъ съ визгомъ отскочилъ назадъ. Палеа старика со всего размаху ударилась объ его спину. Онъ отступилъ еще дальше и, поднявъ изъ груды каменьева крупный камень, бросилъ его въ голову Жанбернату. Онъ раскрылъ бы ему голову, еслибъ тотъ не наклонился. Жанбернатъ въ свою очередь подбѣжалъ къ другой грудѣ каменьева, спрятался за нее и захватилъ пригоршню каменьева. И тутъ битва завязалась. Кремни сыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ. Луна свѣтила очень ярко, и тѣни борцовъ рѣзко выдѣлялись.

— Да, ты свелъ ее съ нимъ, — повторялъ монахъ, совсѣмъ обезумѣвшій.—И ты ожидаешь какого-нибудь чудища отъ этого союза. Ты ежедневно колдуешь надъ своей мерзавкой, чтобы она родила антихриста. Ты ждешь антихриста, — бандить!... Вотъ тебѣ, пускай этотъ камень вышибетъ тебѣ глазъ.

— А этотъ пускай зажметъ тебѣ глотку, болванъ!—отвѣчалъ Жанбернатъ, къ которому вернулось его сповойствіе.—Какъ онъ глупъ,—это животное съ его исторіями!... Неужто мнѣ придется разбить тебѣ голову, чтобы идти дальше. Уже не катехизисъ ли свелъ тебя съ ума.

— Катехизисъ! хочешь знать катехизисъ, который преподаютъ такимъ отверженцамъ, какъ ты? Да, я научу тебя креститься... Вотъ это тебѣ во имя Бога-Отца, вотъ это во имя Сына, а вотъ это во имя Св.... Ага!—ты еще на ногахъ!—постой, постой!—Аминь!

И пустилъ пригоршней маленькихъ камешковъ, точно картечью. Жанбернатъ, задѣтый за плечо, выпустилъ камень, который держалъ, и спокойно подошелъ къ нему, въ то время, какъ братъ Арванжіа захватилъ изъ груды двѣ новыхъ пригоршни, бормоча:

— Я сокрушу тебя. Такъ угодно Богу. Господь руководить мною.

— Замолчишь ли ты!—проговорилъ старикъ, хватая его за воротъ.

Тогда борьба завязалась въ пыли дороги, посеребренной лу-

ной. Монахъ, видя, что онъ слабѣйшій, старался укусить Жанберната. Высохшіе члены послѣдняго были точно связка веревокъ, которыя такъ вѣрно сжимали его, что онъ чувствовалъ, какъ ихъ узлы входили ему въ тѣло. Старикъ, сдавивъ его подъ себя, съ насмѣшкой проговорилъ:

— Мнѣ хочется сломать тебѣ руку... Я сокрушу тебя.... Теперь я обрѣжу тебѣ уши. Ты мнѣ слишкомъ надоѣлъ.

И онъ спокойно вынулъ ножъ изъ кармана. Аббатъ Мурэ, неоднократно пытавшійся разнять борцовъ, вмѣшался теперь такъ энергично, что Жанбернатъ согласился отложить операцію до другого раза.

— Вы неправы, кюрэ, — бормоталъ онъ. — Этому молодцу необходимо пустить кровь. Но, впрочемъ, если это вамъ неприятно, то я подожду. Онъ, вѣдь, навѣрное попадетъ мнѣ въ какомъ-нибудь закоулкѣ.

Монахъ зарычалъ, но Жанбернатъ пригрозилъ ему:

— Не смѣй шевелиться, а не то я сейчасъ отрѣжу тебѣ уши.

— Но вы сидите у него на груди. Сойдите, ему нельзя дышать.

— Нѣтъ, нѣтъ; иначе онъ опять приметъ за свои глупости. Я выпущу его послѣ.... Такъ вотъ что, кюрэ, я вамъ собирался сказать, когда этотъ скотина помѣшалъ мнѣ, что вы будете желаннымъ гостемъ. Малютка, знаете, хозяйка. Я также не мѣшаю ей, какъ и моему салату. Все это растеть... Одни только дураки, какъ этотъ болванъ, видятъ тутъ что-то худое... Гдѣ ты увидѣлъ тутъ зло мошенникъ! — это ты самъ выдумалъ зло, — сатана!

И снова принялся трясти монаха.

— Позвольте ему встать, — умолялъ аббатъ Мурэ.

— Сейчасъ... Малютка не совсѣмъ здорова съ нѣкоторыхъ поръ. Я-то ничего не замѣчалъ. Но она сама мнѣ сказала. Такъ вотъ, я иду за вашимъ дядей Паскалемъ, въ Плассанъ. Ночью покойно, никого не встрѣчаешь... Да, да, малютка не совсѣмъ здорова.

Патеръ не нашелъ слова въ отвѣтъ. Онъ шатался, опустивъ голову.

— Она съ такой охотой ухаживала за вами! — продолжалъ старикъ, куря свою трубку, — я слышалъ, какъ она смѣялась. Этого съ меня было достаточно. Дѣвушки, вѣдь это точно боярышникъ: когда онѣ приносятъ цвѣты, онѣ дѣлаютъ все, что могутъ... Словомъ, приходите, если не противно. Быть можетъ, это развлечетъ малютку. Спокойной ночи, кюрэ.

Онъ медленно приподнялся, сжимая кулаки монаха, изъ опасенія какой-нибудь новой попытки съ его стороны. И удалился, не оборачивая головы, своей твердой поступью. Монахъ молча подползъ къ грудѣ камней. Онъ подождалъ, чтобы старикъ ушелъ на нѣкоторое разстояніе. Затѣмъ, обѣими руками снова бѣшено принялся швырять камень. Но камень откатывался въ пыль. Жанбернатъ не удостоивалъ больше сердиться и уходилъ, прямой какъ дерево, въ свѣтлую ночь.

— Провлѣтый! самъ сатана помогаетъ ему,—бормоталъ братъ Арканжіа, швыряя послѣдній камень.—Старикъ, котораго, казалось бы, можно убить щелчкомъ! Онъ закаленъ на адскомъ огнѣ. Я чувствовалъ его когти.

Въ безсильной злобѣ онъ топталъ разбросанные камни. Потомъ вдругъ напустился на аббата Мурэ.

— Это ваша вина!—кричалъ онъ.—Вамъ слѣдовало мнѣ пособить, и вдвоемъ мы бы задушили его.

На другомъ концѣ селенія шумъ все усиливался въ домѣ Бамбуса. Можно было явственно различить стукъ стакановъ о столъ. Патеръ пошелъ впередъ, не говоря ни слова и не поднимая головы, направляясь къ яркому свѣту, выходявшему изъ оконъ. Монахъ слѣдовалъ за нимъ, мрачный; сутана его была вся въ пыли, одна щека расцѣчена камнемъ. Помолчавъ съ минутой, онъ снова заговорилъ своимъ грубымъ голосомъ:

— Вы пойдете?

Аббатъ Мурэ не отвѣтилъ, и онъ продолжалъ:

— Берегитесь! вы опять близки къ грѣху... Достаточно было пройти этому человѣку, чтобы ваша плоть заговорила. Я видѣлъ, что вы поблѣднѣли, какъ дѣвушка... Берегитесь, слышите ли? На этотъ разъ Богъ не проститъ. Вы совсѣмъ пропадете...

Тутъ патеръ приподнял наконецъ лицо. Онъ плакалъ, и крупныя слезы тихо катились по его щекамъ. Онъ сказалъ съ горестной кротостью:

— Зачѣмъ вы говорите со мной такъ?.. Я всегда у васъ на глазахъ, вамъ извѣстна моя ежечасная борьба. Не сомнѣвайтесь во мнѣ, дайте мнѣ справиться съ собой.

Эти простые слова, орошенные молчаливыми слезами и произнесенныя въ ночной тиши, носили характеръ такой возвышенной горести, что самъ братъ Арканжіа, несмотря на свою грубость, почувствовалъ себя смущеннымъ. Онъ не прибавилъ больше ни слова, отряхнулъ сутану и вытеръ окровавленную щеку. Когда они подошли къ дому Бамбуса, онъ отказался войти и сѣлъ въ

нѣсколькихъ шагахъ на опрокинутой телѣжкѣ, дожидаясь съ терпѣніемъ собаки.

— Вотъ г. кюрэ! — закричали всѣ Бамбуссы и всѣ Броше, сидѣвшіе за столомъ.

И стаканы снова наполнились. Аббатъ Мурэ былъ вынужденъ также принять стаканъ. Никакого свадебнаго пира не было. Только вечеромъ, послѣ обѣда, на столъ поставили бочку въ пятьдесятъ литровъ съ виномъ, и собирались опорожнить ее, прежде чѣмъ лечь спать. Ихъ было десять человекъ, и дядя Бамбуссъ одною рукой нагибалъ боченокъ, изъ котораго текла уже тоненькая красная струйка. Розалія, очень веселая, мочила въ рюмкѣ подбородокъ своего ребенка, а верзила Фортюнэ выкидывалъ разные штуки, поднималъ зубами стулья. Всѣ перешли въ столовую. Обычай требовалъ, чтобы кюрэ выпилъ поднесенное ему вино. Это и называлось благословить спальную. Это приносило счастье, предохраняло отъ супружескихъ раздоровъ. Во времена г. Каффена все шло очень весело, потому что старый патеръ любитъ пошутить; онъ даже славился тѣмъ, что залпомъ выпивалъ стаканъ, не оставляя ни единой капельки на днѣ. Женщины въ Арто увѣряли, что каждая капелька, оставленная на днѣ, отнимала годъ супружескаго счастья. Съ аббатомъ Мурэ шутили не такъ громко. Онъ однако выпилъ вино залпомъ, что повидимому очень польстило дядѣ Бамбуссу. Старуха Броше съ недовольнымъ видомъ покосилась на дно рюмки, гдѣ осталась капелька вина. Передъ постелью одинъ изъ дядевъ отпускалъ довольно безцеремонныя шуточки, смѣшившія Розалію, которую верзила Фортюнэ повалилъ на матрацъ въ видѣ ласки. Нашутившись довольно, всѣ вернулись въ залу. Тамъ оставались только Венсанъ и Катерина. Венсанъ взлѣзъ на стулъ и навлонилъ громадную бочку обѣими руками надъ открытымъ ртомъ Катерины.

— Благодаримъ, г. кюрэ, — закричалъ Бамбуссъ, провожая патера. — Ну, вотъ они и повѣнчаны; вы должны быть довольны. Ахъ! плуты! ужъ не думаете ли вы, что они теперь станутъ читать *Pater* и *Ave!*.. Спокойной ночи, г. кюрэ, спокойнаго сна.

Братъ Арванжіа медленно слѣзъ съ телѣжки, на которой сидѣлъ.

— Чтобы дьяволъ посыпалъ ихъ кожу горящимъ угольемъ, и чтобы всѣ они поволокли! — бормоталъ онъ.

И больше не раскрывалъ рта, проводилъ аббата Мурэ до приходскаго дома, дожидаясь, чтобы тотъ заперъ дверь, прежде чѣмъ уйти, и нѣсколько разъ оглядывался, желая удостовѣриться, что онъ не вышелъ снова изъ дома. Патеръ, войдя въ свою

комнату, бросился не раздвываясь на кровать, заткнулъ руками уши, и уткнувъ лицо въ подушки, чтобы ничего не слышать и ничего не видѣть. Онъ заснулъ мертвымъ сномъ.

VI.

На другой день было воскресенье. Воздвиженіе приходилось въ праздничный день, и аббатъ Мурэ захотѣлъ отпраздновать его съ небывалымъ торжествомъ. Онъ проникся особой набожностью къ кресту и замѣнилъ въ своей комнатѣ статуэтку Безгрѣшнаго Зачатія большимъ Распятіемъ изъ чернаго дерева, передъ которымъ простаивалъ долгіе часы на молитвѣ. Прославлять крестъ стало единственной цѣлью его жизни, придававшей ему силу страдать и бороться.

На разсвѣтѣ, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ. И благодать сошла на него, обильная, какъ роса. Ему не приходилось дѣлать никакихъ усилій; стѣбло только преломить колѣни, чтобы принять ее въ сердце, проникнуться ею до мозга костей. Наканунѣ онъ терзался, но она не осѣнила его. Въ это утро на него вдругъ снизошелъ полный миръ, безусловная вѣра. Онъ позабылъ о своихъ мукахъ. Все его существо какъ бы облеклось броней, и такой непроницаемой, что миръ не могъ пробить ее. Онъ могъ вспоминать о своемъ проступкѣ съ спокойнымъ пренебреженіемъ человѣка, сознающаго, что небо его союзникъ. Когда онъ сошелъ внизъ, то у него былъ такой свѣтлый и побѣдоносный видъ, что изумленная Тѣза побѣжала за Девиру, чтобы онъ поздоровался съ нею. Обѣ принялись хлопать въ ладоши, крича, что онѣ не видѣли у него такого здороваго лица уже мѣсяцевъ шесть.

Въ церкви, за мессой, патеръ окончательно примирился съ Богомъ. Давно уже не подходилъ онъ къ алтарю съ такимъ умиленіемъ. Ему приходилось сдерживать себя, чтобы не разрыдаться, припавъ губами къ пеленѣ. Месса была торжественная. Дядя Розалии, полевой сторожъ, пѣлъ басомъ, и раскаты его голоса наполняли своды, точно звуками органа. Венсанъ, облаченный въ слишкомъ для него широкій стихарь, принадлежавшій аббату Каффену, размахивалъ стариннымъ серебрянымъ кадиломъ; его очень забавлялъ стукъ цѣпочекъ; онъ старался закидывать кадило какъ можно выше, чтобы добыть побольше дыма, и оглядывался: не кашляетъ ли кто изъ прихожанъ отъ дыма. Церковь была почти полна. Всѣмъ захотѣлось поглядѣть на живопись гос-

подина кюрэ. Крестьянки смѣялись, потому что въ церкви хорошо пахло, а мужчины, въ глубинѣ церкви, стоя подъ трибуной, качали головами при каждой низкой нотѣ пѣвчаго. Въ окно яркое десятичасовое солнце, умѣряемое бумагой, которой были заклеены рамы, входило, выводя веселые узоры на старыхъ, заново оштукатуренныхъ стѣнахъ, на которыхъ тѣни отъ женскихъ чепцовъ колыхались точно большія бабочки. А букеты искусственныхъ цвѣтовъ, поставленные на ступенькахъ алтаря, походили какъ бы на только-что сорванные живые цвѣты. Когда патеръ обернулся, чтобы благословить присутствующихъ, умиленіе его возрасло при видѣ церкви такой чистой, такой оживленной, наполненной музыкой, ладаномъ и свѣтомъ.

Послѣ проскомидіи шопоть пробѣжалъ между крестьянами.

Венсанъ, съ любопытствомъ поднявшій голову, чуть было не выронилъ весь уголь изъ кадила на ризу патера. И когда тотъ строго поглядѣлъ на него, онъ пробормоталъ въ видѣ извиненія:

— Сейчасъ вошелъ дядя, г. кюрэ.

Въ глубинѣ церкви, возлѣ одной изъ тонкихъ деревянныхъ колононь, поддерживавшихъ трибуны, глаза аббата Мурэ встрѣтились съ глазами доктора Паскаля. На добромъ лицѣ этого послѣдняго не было его обычнаго, насмѣшливаго выраженія. Онъ снялъ шляпу, серьезный, сердитый, слѣдя за мессой съ видимымъ нетерпѣніемъ. Зрѣлище патера у престола, его благоговѣйная сдержанность, медленные жесты, совершенная ясность его лица какъ будто сильнѣе раздражили его. Онъ не дождался конца мессы, вышелъ и подошелъ къ кабриолету и лошади, которую привязалъ къ одной изъ ставень приходскаго дома.

— Ну! этотъ молодецъ, должно быть, никогда не кончитъ окуриваться ладаномъ? — спросилъ онъ у Тѣзы, вышедшей изъ ризницы.

— Месса кончилась, — отвѣчала она. — Войдите въ гостиную... Г. кюрэ раздѣвается. Онъ знаетъ, что вы здѣсь.

— Еще бы! если только онъ не ослѣпъ, — пробормоталъ докторъ, слѣдуя за нею въ холодный покой, съ жесткой мебелью, который она торжественно величала гостинойю.

Онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Комната съ ея сѣрой скувой удвоила его худое расположеніе духа. Гуляя, онъ хлопалъ тростью по истертой соломѣ стульевъ, издававшей рѣзкій звукъ, точно камень. Потомъ, утомясь, остановился передъ каминомъ, гдѣ св. Іосифъ, отвратительно намалеванный, замѣнялъ часы.

— Наконецъ-то! — произнесъ онъ, услыхавъ стукъ двери.

И, идя на встрѣчу аббату,—замѣтилъ:

— Знаешь ли, ты заставилъ меня простоять половину мессы. Этого со мной давно не бывало... Но я хотѣлъ непременно по-видаться съ тобой, прежде чѣмъ вернуться въ Плассанъ. Мнѣ надо съ тобою переговорить...

Онъ не кончилъ, и съ любопытствомъ поглядѣлъ на патера. Воцарилось молчаніе.

— Ты-то кажется здоровъ?—произнесъ онъ наконецъ измѣнившимся голосомъ.

— Да, мнѣ гораздо лучше,—отвѣчалъ аббатъ Мурэ, улыбаясь.—Я не ждалъ васъ раньше четверга. Вы обыкновенно не бываете по воскресеньямъ... Вы имѣете что-нибудь мнѣ сообщить?

Но дядя Паскаль не сразу отвѣчалъ. Онъ продолжалъ глядѣть на аббата. Этотъ послѣдній былъ еще весь пропитанъ воздухомъ церкви; онъ принесъ въ волосахъ запахъ ладана; въ глазахъ его еще свѣтились радость и миръ. Дядя покачалъ головой.

— Я прямо изъ Парадѹ,—рѣзко проговорилъ онъ,—Жапбернатъ приходилъ за мной сегодня ночью... Я видѣлъ Альбину. Она меня безпокоитъ. Съ ней нужно обращаться очень бережно.

Говоря это, онъ продолжалъ изучать лицо патера. Тотъ даже не опустилъ глазъ.

— Какъ бы то ни было,—прибавилъ докторъ Паскаль еще рѣзче,—а вѣдь она ухаживала за тобой. Безъ нея, мой милый, ты былъ бы въ настоящую минуту въ одной изъ келій Тюльетъ, съ смирительной курткой на плечахъ... Ну, вотъ, я общалъ ей, что увижусь съ тобой. Ты поѣдешь со мной. Она хочетъ проститься съ тобой, потому что уѣзжаетъ.

— Я не могу видѣть той, о которой вы говорите,—кратко сказалъ аббатъ Мурэ.

И такъ какъ докторъ разсердился и ударилъ тростью по дивану:

— Я—патерь, отъ меня можно ждать только молитвъ,—добавилъ онъ просто, но очень твердо.

— Ахъ! ты правъ! — закричалъ дядя Паскаль, падая въ кресло. — А я—старый дуракъ, и только. Да! я плакалъ какъ ребенокъ, когда ѣхалъ сюда... Вотъ что значитъ прожить весь вѣкъ съ книгами. Дѣлаешь чудесные опыты, но поступаешь, какъ безчестный человѣкъ... Развѣ я подозрѣвалъ, что все это такъ плохо кончится.

И снова зашагалъ въ отчаяніи.

— Да, да, я долженъ былъ это предвидѣть. Это логично. А съ тобой оно вышло безсовѣстно. Ты не такой человѣкъ, какъ

другіе... Но, слушай, увѣряю тебя, что ты былъ погибшій человекъ. Она одна могла спасти тебя отъ безумія. Ну, словомъ, ты понимаешь, мнѣ нечего объяснять тебѣ, что съ тобой было... Но я не горжусь моимъ леченьемъ, нѣтъ, потому что бѣдная дѣвушка теперь умираетъ!

Аббать Мурэ стоялъ спокойный, съ свѣтлымъ ореоломъ мученика, котораго ничто земное не можетъ настичь.

— Богъ смилуется надъ нею, — проговорилъ онъ.

— Богъ! Богъ! — проговорилъ глухо докторъ.

Потомъ прибавилъ громче:

— Я все такъ умно рассчиталъ. Вотъ что всего досаднѣе! О! дуракъ! дуракъ!.. Ты бы поправлялся въ теченіи мѣсяца. Тѣнь деревьевъ, свѣжее дыханіе дѣвушки, вся эта новизна благотворно вліяли на тебя. Съ другой стороны, съ нея соскочила бы ея дивость, ты ее перевоспитывалъ, мы бы вдвоемъ образовали изъ нея дѣвицу, которую потомъ выдали бы замужъ. Все шло какъ по маслу... Но могъ ли я предвидѣть, что этотъ старый философъ Жанбернатъ не разстанется съ своимъ салатомъ ни на минуту! Правда, что и я не тронулся изъ моей лабораторіи. У меня были начаты работы... И это моя вина! Я безчестный человекъ!

Онъ задыхался и хотѣлъ уйти, повсюду искалъ шляпы, а шляпа была у него на головѣ.

— Прощай, — бормоталъ онъ, — я увѣжаю... Итакъ, ты не поѣдешь со мной? Послушай, сдѣлай это для меня; ты видишь, какъ я страдаю. Клянусь тебѣ, что затѣмъ она уѣдетъ. Пожалуйста... Кабриолетъ меня дожидается. Черезъ часъ ты вернешься. Поѣдемъ, прошу тебя.

Патеръ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ жестовъ, которые докторъ замѣтилъ у него за мессой.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ, — не могу.

И, провожая дядю, прибавилъ:

— Скажите ей, чтобы она обратилась къ Богу... Богъ услышитъ ее, какъ услышалъ меня. Другого спасенія нѣтъ.

Докторъ поглядѣлъ ему въ лицо и сильно пожалъ плечами.

— Прощай, — повторилъ онъ. — Ты здоровъ, и я тебѣ больше не нуженъ.

Но пока онъ отвязывалъ лошадь, Дезирэ, услышавшая его голосъ, примчалась бѣгомъ. Она обожала дядю. Когда она была моложе, онъ слушалъ ея болтовню по цѣлымъ часамъ, не утомляясь. И теперь еще онъ баловалъ ее, интересовался ея скотнымъ дворомъ, охотно проводилъ цѣлыя утра съ нею, посреди

ея курь и утокъ, улыбаясь ей своими пронизательными глазами ученаго. Онъ звалъ ее «дурочка» съ ласковымъ восхищеніемъ. Онъ, повидимому, ставилъ ее гораздо выше другихъ дѣвушекъ, поэтому она бросилась ему на шею съ порывомъ нѣжности. Она кричала:

— Ты остаешься? ты будешь съ нами завтракать?

Онъ поцѣловалъ ее, отказываясь отъ завтрака, освобождаясь отъ ея объятій съ недовольнымъ лицомъ.

Она звонко смѣялась и снова повисла у него на шеѣ.

— Напрасно,—отвѣчала она.—У меня совсѣмъ свѣжія яйца. Я сторожила курь. Онѣ снесли четырнадцать сегодня утромъ... И мы бы зажарили цыпленка, того, что клюетъ остальныхъ. Ты вѣдь былъ тутъ въ четвергъ, когда онъ выклевалъ глазъ большому пестрому пѣтуху.

Дядя не развеселялся. Онъ сердился на узелъ въ поводьяхъ, котораго никакъ не могъ развязать. Тогда она принялась прыгать вокругъ него, хлопая руками, напѣвая тоненькимъ голосомъ:

— Да, да, ты останешься... Мы его съѣдимъ, мы его съѣдимъ!

И досада дяди не могла не разсѣяться. Онъ поднялъ голову, улынулся: она была такъ здорова, такъ оживлена, такъ искренна. Веселость ея была откровенна и безпечна, какъ солнечный лучъ, золотившій ея непокрытый затылокъ.

— Дурочка!—пробормоталъ онъ въ восторгѣ.

Затѣмъ докторъ взялъ ее за руки, а она продолжала прыгать.

— Послушай, только не сегодня. У меня на рукахъ бѣдная больная дѣвушка. Но я приѣду въ другой день.

— Когда? въ четвергъ?—настаивала она.—Ты знаешь, корова-то вѣдь тельная. Ей что-то не по себѣ въ послѣдніе два дня... Ты вѣдь докторъ, ты, можетъ быть, дашь ей какое-нибудь лекарство.

Аббатъ Мурэ, стоявшій возлѣ, спокойный, не могъ не засмѣяться. Докторъ весело сѣлъ въ кабриолетъ, говоря:

— Такъ, такъ, я буду лечить корову... Подойди, дурочка, я тебя поцѣлую. Ты воплощенное здоровье. Ты лучше всѣхъ людей. Еслибы всѣ люди были какъ моя дурочка, на землѣ было бы совсѣмъ хорошо.

Онъ прицѣлнулъ языкомъ, подгоняя лошадь, и продолжалъ говорить самъ съ собою, въ то время какъ кабриолетъ спускался съ горы:

— Да, намъ надо бы животныхъ, пусть бы всѣ были животными!

Всѣ были бы красивы, веселы, сильны. Ахъ! вотъ идеаль!.. Эта дѣвушка счастлива, какъ ея корова; судьба ея устроена. А ея братъ несчастливъ въ своей сутанѣ, и судьба его не завидна. Немножко больше крови, немножко больше нервовъ—и бѣда!.. жизнь испорчена!.. Типичные Ругоны и типичные Маккары, эти дѣти! Финалъ семьи—окончательное разложеніе: мальчикъ нервный и болѣзненный какъ женщина; дѣвушка—идіотка, сильная и здоровая какъ молодой дубокъ... Что-жъ это такое,—вдругъ спохватился онъ—ужъ не почевать ли на улицѣ собирается заставить меня эта бестія!

Онъ подогналъ лошадь, и рысью въѣхалъ на гору, которая вела въ Парадѹ.

VII.

Воскресенье было хлопотливымъ днемъ для патера. Онъ служилъ вечерню обыкновенно передъ пустыми скамейками, такъ какъ даже старуха Брошѣ не доводила набожность до того, чтобы являться въ церковь послѣ обѣда. Затѣмъ, въ пять часовъ братъ Арканжіѹ приводилъ своихъ мальчишекъ въ школу, чтобы г. кюрѣ проэкзаменовалъ ихъ изъ катехизиса. Эготъ экзаменъ продолжался иногда очень долго. Когда дѣти оказывались слишкомъ буйными, призывалась Тѣза, которая страшала ихъ метлой.

Въ это воскресенье, около четырехъ часовъ Дефирѣ осталась одна въ приходскомъ домѣ. Ей стало скучно и она пошла нарвать травы для кроликовъ на кладбищѣ, гдѣ росли великолѣпные маки, и кролики ихъ обожали.

— О, какіе чудные подорожники!—пробормотала она, опускаясь на колѣни передъ плитой аббата Каффена, въ восторгѣ отъ своей находки.

Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, въ трещинахъ плиты разстилались великолѣпные подорожники. Она набрала ихъ полный передникъ, какъ вдругъ слышала странный шумъ. Трескъ вѣтокъ, стукъ скатывающихся камней долетали изъ оврага, прилежавшаго къ одной сторонѣ кладбища, на днѣ котораго текла Масэль, рѣчка, сбѣгавшая съ высотъ Парадѹ. Обрывъ былъ такъ крутъ, такъ недоступенъ, что Дефирѣ подумала, что эта какая-нибудь заблудившаяся собака или коза. Она живо подбѣжала къ краю обрыва. И, наклонившись, оторопѣла, увидѣвъ среди кустовъ ежевики дѣвухку, карабкающуюся съ необыкновеннымъ проворствомъ по малѣйшимъ выступамъ утѣсовъ.

— Возьмите мою руку,—закричала она ей. — Вы рискуете сломать себѣ шею.

Дѣвушка, видя, что ее замѣтили, вздрогнула отъ испуга и какъ будто приготовилась спуститься обратно въ оврагъ, рискуя сломать себѣ шею. Но, поглядѣвъ вверхъ, успокоилась и даже рѣшилась уцѣпиться за протянутую ей руку.

— О! я васъ узнаю,—начала Дезирэ, довольная, выпуская изъ руки передникъ, чтобы охватить ее за талию съ свойственной ей дѣтской лаской.—Вы подарили мнѣ дроздовъ. Они околѣли, бѣдные крошки. Я очень горевала... Постоите, я знаю какъ васъ зовутъ, я слыхала ваше имя. Тѣза часто его повторяетъ, когда Сержа нѣтъ дома. Она мнѣ запретила произносить это имя... Постоите, я сейчасъ припомню.

И ломала голову съ серьезнымъ лицомъ. Потомъ вдругъ припомнила и повеселѣла, какъ будто прислушиваясь къ музыкальному звуку этого имени.

— Альбина! Альбина!.. Какъ это мило. Я сначала думала, что вы синица, потому что у меня была синица, которую звали въ этомъ родѣ, хорошенько не припомню.

Альбина не улыбалась. Она была блѣдна какъ полотно, и лихорадочное пламя горѣло въ ея глазахъ. Нѣсколько капель крови сочилось изъ ея рукъ. Переведя духъ, она торопливо проговорила:

— Нѣтъ, оставьте. Вы запачкаете свой платокъ, вытирая мнѣ руки. Это ничего, нѣсколько царапинъ... Я не хотѣла идти по дорогѣ, потому что меня увидѣли бы. Я предпочла слѣдовать за рѣкой... Сержъ здѣсь?

Это имя, выговоренное такъ фамиллярно и съ подавленной страстью въ голосѣ, нисколько не удивило Дезирэ. Она отвѣчала, что Сержъ тутъ, въ церкви, спрашиваетъ дѣтей катехизисъ.

— Не говорите громко,—произнесла она, прикладывая палецъ къ губамъ.—Сержъ запрещаетъ мнѣ говорить громко, когда спрашиваетъ катехизисъ. А не то насъ придутъ бранить... Пойдемте въ конюшню, хотите? Намъ будетъ тамъ покойно; мы можемъ тамъ разговаривать.

— Я хочу видѣть Сержа,—сказала просто Альбина.

Большое дитя заговорило еще тише. Она исподлобья поглядывала на церковь, бормоча:

— Да, да... Сержъ будетъ очень изумленъ. Пойдемте со мной. Мы спрячемся и притаимся. Ахъ! какъ это весело!

Она подобрала связку травы, выпавшую изъ ея передника. И оставивъ владбище, вернулась въ приходскій домъ, приказывая Альбинѣ прятаться за ея спиной. Въ то время, какъ онѣ бѣжали по скотному двору, онѣ увидѣли Тѣзу. Она проходила по ризницѣ, но ихъ будто не замѣтила.

— Ш-ш-ш!—повторяла Дезирэ въ восторгѣ, когда онѣ забились въ уголь конюшни.—Теперь никто насъ не найдетъ... Здѣсь есть солома... Протанитесь же.

Альбина должна была сѣсть на кучу соломы.

— А Сержъ?—спросила она съ настойчивостью человѣка, котормъ владѣла *idée fixe*.

— Слушайте, отсюда слышенъ его голосъ... Когда онѣ хлопнетъ въ ладоши, классъ кончится, дѣти уйдуть... Слушайте, онѣ имъ рассказываетъ исторію.

Дѣйствительно, голосъ аббата Мурэ доносился въ дверь ризницы, которую Тѣза, должно быть, оставила открытой. Альбина вздрогнула. Она встала, чтобы бѣжать на этотъ любимый голосъ, ласковые звуки котораго были ей такъ знакомы, какъ вдругъ голосъ точно улетѣлъ, заглушенный дверью, которую затворили. Тогда она снова сѣла и стала ждать, сжавъ руки и вся поглощенная мыслью, горѣвшей въ глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ. Дезирэ, лежавшая у ея ногъ, глядѣла на нее съ наивнымъ восхищеніемъ.

— О, вы прекрасны,—шептала она.—Вы похожи на одну статую, стоящую въ комнатѣ Сержа. Она была такая же бѣлая, какъ вы. Длинные буели висли у нея по плечамъ. Она показывала на красное сердце, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я вижу, какъ бьется и ваше... Вы меня не слушаете, вы печальны. Поиграемъ, хотите?

Но вдругъ закричала съвозъ зубовъ, сдерживая голосъ:

— Плутовки! онѣ выдадутъ насъ.

Она не выпустила травы изъ передника, и животныя брали ее приступомъ. Прибѣжала толпа куръ, кудачтая, клюя зеленныя травинки, свѣшивавшіяся изъ ея передника. Коза плутовски просунула голову подъ ея руку и щипала широкіе листья. Сама корова, привязанная къ стѣнѣ, дергала веревку, вытягивала морду, обдавала ее своимъ горячимъ дыханіемъ.

— Ахъ, воровки!—повторяла Дезирэ.—Вѣдь это для кроликовъ!.. Оставьте меня въ покоѣ. Ну, пошла прочь, а не то я тебя отхлопаю, и тебя также... Негодныя! онѣ готовы сѣсть мои руки.

Она била козу по мордѣ, прогоняла куръ ударомъ ногъ, хлопала изо всей мочи кулакомъ корову по мордѣ. Но животныя отряхивались и снова возвращались, прозорливѣе чѣмъ прежде, прыгали на нее, тѣснились къ ней, рвали ея передникъ. И въ сущности она была этому рада, несмотря на свой гнѣвъ.

Она подмигивала глазами, шепча на ухо Альбинѣ, точно животныя могли ее слышать:

— Какія они забавныя, мои душки! Подождите, вы увидите, какъ они ѣдятъ.

Альбина глядѣла съ своимъ серьезнымъ видомъ.

— Ну, будьте пайныки,—начала Дезирѣ.—Вамъ всѣмъ достанется. Но каждой поочереди... И прежде всѣхъ большой Лизѣ. Гмъ! ты очень любишь подорожники!

Большая Лиза, то-есть корова, медленно зажевала пригоршню жирныхъ листьевъ, выросших на могилѣ аббата Каффена. Небольшая струйка слюны висѣла на ея мордѣ. Большіе темные глаза ея свѣтились вротвой жадностью.

— Теперь твоя очередь,—продолжала Дезирѣ, обращаясь къ возѣ.—О! я знаю, что ты хочешь мау, и съ цвѣтами, не правда ли?.. Вотъ, нѣ, какіе красивые. Я ихъ сорвала въ лѣвомъ углу, гдѣ похоронили кого-то въ прошломъ году.

И говоря это, она подавала возѣ букетъ кровавыхъ цвѣтовъ, и та принялась ихъ грызть. Когда у Дезирѣ въ рукахъ остались одни стебли, она сунула ихъ возѣ въ зубы. Сзади разъяренныя куры рвали ея юбки. Она бросила имъ диваго цвѣтія и одуванчиковъ, вторыхъ нарвала вокругъ старыхъ плитъ, вытягивавшихся вдоль церковной стѣны. Куры съ такой жадностью набились на одуванчики, и такъ зашумѣли крыльями, что остальные животныя скотнаго двора сбѣжались. Большой пѣтухъ Александръ появился первый. Онъ клюнулъ одуванчикъ и раскололъ его на двое, не глотая его. Онъ звалъ куръ, оставшихъ отъ другихъ, и отступалъ, приглашая ихъ ѣсть. И вотъ, подошла бѣлая курица, за ней черная, затѣмъ цѣлая вереница куръ, толкавшихъ другъ друга, вскакивавшихъ одна на другую. За курами явились голуби, утки, гуси, наконецъ индѣйки. Дезирѣ хотала надъ этимъ наплывомъ живыхъ волнъ, повторяя:

— Всякій разъ, что я приношу травы съ кладбища, повторяется та же исторія. Они готовы изгрызть другъ друга, чтобы поѣсть ее... Должно быть, она очень вкусна.

И она отбивалась отъ нихъ, приподнимая послѣдніе стебли травы, чтобы спасти ее отъ этихъ прожорливыхъ клювовъ, протягивавшихся къ ней, повторяя, что нужно оставить эту траву для кроликовъ, что она разсердится, посадить ихъ всѣхъ на хлѣбъ и на воду. Но начинала сдаваться. Гуси дергали за уголки ея переднива такъ сильно, что она едва удерживалась на ногахъ. Два голубя сѣли къ ней на голову. Куры подпрыгивали до самыхъ ея плечъ. Въ нихъ разыгралась кровожадность животныхъ,

чующихъ близость мяса, жирныхъ подорожниковъ, кровавыхъ маковъ, одуванчиковъ, полныхъ соковъ, разжирѣвшихъ на счетъ мертвецовъ. Ей было слишкомъ смѣшно, и она боялась, что ее сейчасъ свалить съ ногъ, и она выпустила изъ рукъ послѣднія двѣ охапки, какъ вдругъ сердитое ворчаніе произвело панику вокругъ нея.

— Это ты, мой толстякъ,—проговорила она, обрадованная.— Съѣшь ихъ, освободи меня.

Вбѣжала свинья. То уже не былъ больше маленькій поросенокъ, розовый, какъ только-что выкрашенная игрушка, съ хвостикомъ, похожимъ на веревочку, но толстый боровъ, годный къ убою, круглый, какъ брюхо пѣвчаго, покрытый грубой щетиной, сочившейся жиромъ. Брюхо у него было янтарнаго цвѣта, потому что онъ валялся въ навозѣ. Выпятивъ рыло, онъ катился, точно на колесахъ и бросился въ кучу животныхъ, а это позволило Дезирэ убѣжать и отнести кроликамъ тѣ нѣсколько гравиножъ, которыя она такъ мужественно отстаивала. Когда она вернулась, спокойствіе было восстановлено. Гуси мягко раскачивали своими длинными шеями, одурѣлые, блаженные; утки и индѣйки уходили вдоль стѣнъ, осторожно ковыляя, точно калѣки; куры шопотомъ кудахтали, подбирая незамѣтныя зернышки на плотной землѣ конюшни, между тѣмъ какъ свинья, воза и большая корова мигали рѣсницами, точно ихъ клонилъ сонъ. На дворѣ накрапывалъ крупный дождь.

— Ну, вотъ и дождь пошелъ, — сказала Дезирэ, усаживаясь на солому и пожимаясь.— Вы хорошо сдѣлаете, оставшись здѣсь, мои милашки, если только не хотите быть вымоченными.

Она повернулась къ Альбинѣ, прибавивъ:

— Гм!.. не правда ли, что онѣ большія сони? Онѣ просыпаются только за тѣмъ, чтобы ѣсть!

Альбина молчала. Смѣхъ этой красивой дѣвушки, возившейся съ животными, нагналъ на нее еще пуцую тоску. Столько веселья, здоровья, жизни приводили ее въ отчаяніе. Она прижимала лихорадочныя руки къ наболѣвшей отъ разлуки груди.

— А Сержъ?—переспросила она все тѣмъ же голосомъ, рѣзкимъ и упрямымъ.

— Ш-ш!—отвѣчала Дезирэ:—я сейчасъ слышала его голосъ, онъ еще не кончилъ... Мы страшно шумѣли сію минуту; должно быть, Тѣза оглохла сегодня вечеромъ... Будемъ теперь сидѣть смирно. Такъ пріятно слышать, какъ падаетъ дождь.

Дождь проникалъ севозъ раскрытую дверь и обливалъ по-

рогъ. Встревоженные куры, попытавшись-было выдти изъ конюшни, отступили въ самую глубину ея; всѣ животныя искали тамъ убѣжища вокругъ платья обѣихъ дѣвушекъ, за исключеніемъ трехъ утокъ, которыя спокойно ушли разгуливать подъ дождемъ. Въ соломѣ было очень тепло. Дезирэ притянула двѣ большихъ охапки и развалилась на нихъ, какъ на подушкахъ. Ей было очень ловко и пріятно.

— Какъ это чудесно,—шептала она.—Лягте, какъ я. Мнѣ такъ мягко и ловко, и солома щекочетъ меня, когда объ нее потрешья, точно мыши бѣгаютъ подъ платьемъ.

И она каталась по соломѣ, хохотала, хлопала направо и налево, словно защищаясь отъ мышей.

— Катаетесь ли вы въ соломѣ у себя дома? Я ничего не знаю пріятнѣе... А вотъ тоже иногда я щекочу себѣ пятки. Это тоже очень смѣшно... Скажите, а вы что дѣлаете, чтобы не свучать?

Но большой рыжий пѣтухъ, важно выступавшій, видя, что она лежитъ, вскочилъ къ ней на грудь.

— Убирайся, Александръ!—закричала она.—Вотъ дуракъ! Я не могу лечь, чтобы онъ не вскочилъ на меня... Мнѣ тяжело, ты меня царапаешь своими когтями, слышишь?.. Ну, пожалуй, оставайся, только будь умница, не дери меня за волосы, слышишь?

И больше не обращала на него вниманія. Пѣтухъ смиренно стоялъ у ней на груди и какъ будто глядѣлъ своимъ огненнымъ глазомъ въ ея подбородокъ. Другія животныя подошли къ ней.

— Ахъ! какъ славно, я сейчасъ и устану, какъ поваляюсь на соломѣ. Солома нагоняетъ сонъ, не правда ли?.. Серзь этого не любитъ. Да и вы, можетъ быть, также. Но что же вы любите?.. Скажите-ка, мнѣ хочется знать.

Она тихонько засыпала. Съ минуту лежала съ широко-раскрытыми глазами, точно придумывала, какія могутъ быть еще удовольствія, ей незнакомыя. Потомъ опустила глаза, съ спокойной улыбкой, съ довольнымъ видомъ. Она какъ будто задремала, но вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, снова раскрыла глаза, проговоривъ:

— Корова должна отелиться... Вотъ что весело-то, такъ весело. Это меня позабавитъ больше всего остального...

И крѣпко заснула. Животныя покрывали ее. Она совсѣмъ исчезла подъ волной ихъ живыхъ перьевъ. Куры сидѣли у нея на ногахъ, гуси грѣли своимъ пухомъ ей бока. Слѣва пріютился боровъ, справа коза просунула свою бородатую голову ей подъ

мышку. Голуби забились за плечи, въ открытыя руки. Она спала, вся раскраснѣвшись, ласкаемая дыханіемъ коровы, пригрѣтая большимъ рыжимъ пѣтухомъ.

Дождь на дворѣ полилъ сильнѣе. Лучъ солнца, пробившійся сквозь уголокъ облака, золотилъ водяныя брызги. Альбина сидѣла неподвижно, глядя, какъ спала Дезира на соломѣ. Ей было завидно глядѣть на эти сильныя руки, на эту могучую грудь, на это чисто животное развитіе, дѣлавшее изъ этой жирной дѣвочки сповойную сестру большой бѣло-рыжей коровы. Дождь почти совсѣмъ пересталъ. Три домашнія кошки, одна за другой, пробирались вдоль стѣны, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы не замочиться. Онѣ заглянули въ конюшню, прямо подошли къ спавшей Дезирѣ, и помѣстились подлѣ нея. Муму, большой черный котъ, свернулся влѣбкомъ у одной изъ ея щекъ и тихонько лизалъ ей подбородокъ.

— А Сержъ?—машинально пробормотала Альбина.

Въ чемъ скрывалось препятствіе? Кто мѣшалъ ей быть такой же счастливой на лонѣ природы? Почему она не любила и почему ее не любили открыто, свободно, какъ растутъ деревья? Она не знала, она сознавала себя повинutoй, навѣки убитой. И въ ней жило упорное желаніе, потребность вернуть свое счастье, снова завладѣть имъ и не выпускать болѣе изъ своихъ рукъ. Дверь ризницы отворилась; послышался легкій стукъ въ ладоши, и за нимъ послѣдовалъ шумъ толпы дѣтей, стучавшихъ своими деревянными башмаками о плиты; урокъ катехизиса былъ конченъ. Она тихонько вышла изъ конюшни, гдѣ дожидалась больше часу. Пробираясь вдоль корридора, который велъ въ ризницу, она увидѣла спину Тѣзы, вошедшей въ кухню, не поворачивая головы. Она толкнула дверь, придерживая ее рукой, чтобы она закрылась безъ шума, и очутилась въ церкви.

VIII.

Сначала она никого не увидѣла. На дворѣ опять шелъ дождь, мелкій, неотвязный дождь. Церковь показалась ей совсѣмъ сѣрой; она обошла главный престолъ и подошла къ каедрѣ. Посреди стояли однѣ лавки, сдвинутыя съ мѣста шалунами, учившимися катехизису. Маятникъ часовъ глухо стучалъ въ этой пустотѣ. Тогда она пошла постучаться въ исповѣдальню, но, проходя мимо придѣла *des Morts*, увидѣла аббата Мурѣ, распростертаго передъ Распятіемъ. Онъ не шевелился, думая вѣроятно, что то Тѣза при-

бираетъ скамейки позади него. Альбина положила ему руку на плечо.

— Сержъ, — произнесла она, — я пришла за тобой.

Патеръ поднялъ голову и вздрогнулъ, поблѣднѣвъ какъ смерть. Онъ не всталъ съ колѣнъ и перекрестился; губы его еще бормотали молитву.

— Я ждала тебя, — продолжала она. — Каждое утро, каждый вечеръ я глядѣла, не идешь ли ты. Я считала дни, потомъ бросила считать. Съ тѣхъ поръ прошли цѣлыя недѣли... Потомъ я узнала, что ты не придешь, и сама пришла. Я говорила себѣ: я уведу его... Дай мнѣ твою руку, пойдѣмъ.

И она протянула руки, какъ-бы желая помочь ему встать. Онъ же снова перекрестился, и продолжалъ молиться, сдержавъ первый трепетъ нервовъ. Въ благодати, осѣнявшей его съ утра, онъ черпалъ сверхъ-естественныя силы.

— Здѣсь вамъ не мѣсто, — проговорилъ онъ важно. — Удалитесь. Вы усиливаете свои страданія.

— Я больше не страдаю, — отвѣчала она съ улыбкой. — Я чувствую себя лучше, я здорова, потому что вижу тебя... Я прикидывалась больною, чтобы тебя прислали ко мнѣ. Теперь я могу въ этомъ признаться. Я тоже вотъ общала уѣхать, повидавшись съ тобой; надѣюсь, что ты не повѣрилъ тому, что я сдержу это общаніе. Какъ бы да не такъ! скорѣе я унесла бы тебя на своихъ плечахъ... Другіе не знаютъ этого, но ты вѣдь хорошо знаешь, что я не могу жить безъ тебя.

Она развеселилась, подошла, ласкаясь, какъ свободный ребенокъ, не замѣчая холодной строгости патера. Нетерпѣніе брало ее, она весело захлопала въ ладоши, крича:

— Скорѣе, рѣшайся, Сержъ... Мы только теряемъ время! Чего тутъ долго думать. Я уведу тебя, кажется, проще этого быть ничего не можетъ... Если ты не желаешь, чтобы насъ видѣли, мы пойдѣмъ по теченію Маскля; дорога не очень удобна, но вѣдь я же пришла по ней; мы будемъ помогать другъ другу... Ты вѣдь знаешь дорогу, неправда ли? Мы перейдемъ черезъ владбище, спустимся къ руслу рѣки и спокойно пойдѣмъ вдоль нея до самаго саду. И какъ тамъ хорошо, внизу! никого нѣтъ, только одна ежевика, да хорошенькіе круглые камни. Русло почти высохло. Когда я шла сюда, то думала: «когда онъ сейчасъ пойдетъ со мной, мы будемъ идти тихо, тихо, обнявъ другъ друга»... Идемъ, скорѣе, я жду тебя, Сержъ.

Патеръ какъ будто не слышалъ ее. Онъ снова сталъ на колѣни и молилъ небо ниспослать ему мужество святыхъ. Прежде

чѣмъ возобновить рѣшительную борьбу, онъ вооружался мечомъ вѣры. Одну минуту онъ побоялся оказаться малодушнымъ; ему требовалось геройство мучениковъ, чтобы оставаться на колѣняхъ, когда каждое слово Альбины призывало его; сердце его рвалось къ ней, вся кровь кипѣла въ немъ; ему хотѣлось сжать ее въ объятіяхъ, поцѣловать ея волосы. Своимъ дыханіемъ она пробудила воспоминанія объ ихъ былой нѣжности, о большомъ садѣ, о прогулкахъ подъ деревьями, о блаженствѣ ихъ союза. Но благодать освѣжила его точно росой. Пытка длилась всего минуту, и вырвала у него сердце, опорожнила кровь изъ его жилъ и не оставила въ немъ ничего человѣческаго; онъ былъ вещью Бога.

Альбина снова дотронулась до его плеча. Она тревожилась и мало-по-малу раздражалась.

— Почему ты не отвѣчаешь? Ты не можешь отказать мнѣ, ты пойдешь со мной... Подумай, что я умру, если ты откажешься. Но нѣтъ, это невозможно. Вспомни, мы были вдвоемъ, мы никогда не должны были покидать другъ друга. И ты двадцать разъ повторялъ мнѣ, что ты мой. Ты говорилъ мнѣ: возьми меня всего, возьми мое тѣло, возьми мою душу, возьми мою жизнь... Вѣдь не приснилось же мнѣ все это. Ты весь принадлежишь мнѣ. Руки твои — мои, я ихъ сжимала въ своихъ въ теченіи долгихъ часовъ. И твое лицо, губы, глаза, твой лобъ — все это принадлежитъ мнѣ... Слышишь, Сержъ?

Она выпрямилась передъ нимъ, точно царица, вытянувъ руки, и повторила болѣе громкимъ голосомъ:

— Слышишь, Сержъ? Ты принадлежишь мнѣ!

Тутъ аббатъ Муръ медленно приподнялся съ колѣнъ. Онъ прислонился къ престолу, говоря:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я принадлежу Богу.

Онъ былъ спокоенъ. Лицо его походило на каменное изваяніе святого, несмущаемое ничѣмъ земнымъ. Сутана его падала прямыми складками, точно черный саванъ, и нисколько не обрисовывала его тѣла. Альбина отступила при видѣ мрачнаго привидѣнія своей любви. Она не видѣла больше у него ни бороды, ни кудрей. Теперь, посреди его обстриженныхъ волосъ, она видѣла блѣдное пятно, тонзуру, тревожившую ее точно неизвѣстная болѣзнь, точно какая-то рана, изгладившая въ немъ память о былыхъ счастливыхъ дняхъ. Она не узнавала ни его теплыхъ рукъ, ласкавшихъ ее, ни гибкой шеи, нагибавшейся, чтобы лучше рассмотреть ее, ни рѣзвыхъ ногъ, уносившихъ ее бѣгомъ подъ деревья. Куда дѣвался юноша съ здоровыми мускулами, съ открытымъ воротомъ, сквозь который видѣлся пухъ, покрывавшій

его грудь? Въ настоящую минуту онъ казался безплотнымъ, волосы его были обрѣзаны, вся его мужественность скрадывалась въ этомъ женскомъ платьѣ, лишавшемъ его пола.

— О! прошептала она, ты меня пугаешь... Развѣ ты вообразилъ, что я умерла, что надѣлъ по мнѣ трауръ? Сними это черное одѣяніе, надѣнь блузу. Ты засучишь рукава, и мы станемъ опять ловить раковъ... Твои руки были такъ же бѣлы, какъ и мои.

Она сдѣлала движеніе, точно хотѣла сорвать съ него сутану. Но онъ оттолкнулъ ее жестомъ, не прикасаясь къ ней. Онъ глядѣлъ на нее, укрѣпляясь противъ соблазна, не спуская съ нея глазъ. Ему показалось, что она выросла, пополнила, похорошѣла. То была уже не дѣвочка, украшавшая себя букетами изъ дивныхъ цвѣтовъ, оглашавшая воздухъ цыганскимъ смѣхомъ; не влюбленная дѣвушка, одѣтая въ бѣлыя юбки, съ гибкой таліей и медлительной походкой. Теперь она превратилась въ женщину. И патеръ съ горькой радостью вызывалъ на борьбу ласку ея красныхъ губъ, смѣхъ ея глазъ, призывъ ея груди, страсть, какою дышало каждое ея движеніе. Онъ доводилъ смѣлость до того, что оглядывалъ уголки глазъ, уголки рта, узкіе виски, гладкіе какъ атласъ, янтарный затылокъ, шелковистый какъ бархатъ. Никогда, даже въ объятіяхъ Альбины, не испытывалъ онъ такого блаженства, какъ теперь, когда пыталъ себя тѣмъ, что глядѣлъ въ лицо страсти, отъ которой отказывался. Потомъ, вдругъ убоился поддаться какому-нибудь новому соблазну плоти, опустилъ глаза и проговорилъ съ еротостью:

— Я не могу выслушать васъ здѣсь. Выйдемъ, если вы непременно хотите усилить наши страданія... Наше присутствіе здѣсь срамъ. Мы здѣсь въ домъ Бога.

— Кто такой Богъ?—закричала Альбина, разъяренная, снова превращаясь въ своевольную дикарею.—Я его не знаю, твоего Бога, и не хочу его знать, если онъ отнимаетъ тебя у меня. Мой дядя, Жанбернатъ, говорить, должно быть, правду, что твой Богъ есть вымыселъ злыхъ людей, средство пугать людей и заставлять ихъ плакать... Ты лжешь, ты меня не любишь, твоего Бога не существуетъ.

— Вы въ Его домѣ,—повторилъ аббатъ Мурэ съ силой.—Вы богохульствуете, однимъ дуновеніемъ Онъ можетъ обратить васъ въ прахъ.

Она высокомерно засмѣялась, и подняла руки, вызывая небо на борьбу.

— Значить,—произнесла она,—ты предпочитаешь своего Бога

мнѣ! Ты думаешь, что онъ сильнѣе меня... Ты воображаешь, что онъ больше любитъ тебя, чѣмъ я... Послушай! ты ребенокъ! Оставь эти глупости. Мы вмѣстѣ вернемся въ садъ и будемъ любить другъ друга, будемъ счастливы и свободны. Вотъ жизнь!

На этотъ разъ ей удалось охватить его станъ рукой. Она потащила его. Но онъ вырвался, весь задрожавъ отъ ея привоношенія, и подбѣжалъ къ алтарю, забывшись и говоря ей «ты», какъ въ былое время.

— Уйди,—лепеталъ онъ.—Если ты меня еще любишь, уйди... О, Боже! прости мнѣ, что я освержняю твой домъ! Если бы я вышелъ съ ней за дверь, то, быть можетъ, послѣдовалъ за ней. Но въ моемъ домѣ я силенъ. Дозволь мнѣ остаться здѣсь, чтобы оборонять тебя!

Альбина помолчала съ минуту. Затѣмъ, успокоившимся голосомъ произнесла:

— Хорошо, останемся здѣсь... Я хочу переговорить съ тобой. Ты не можешь быть злымъ. Ты меня поймешь. Ты не отпустишь меня одну... Нѣтъ, не отпѣкивайся. Я не стану больше дотрогиваться до тебя, если это тебѣ неприятно. Ты видишь, я очень спокойна. Мы тихонько побесѣдуемъ, какъ бесѣдовали, когда намъ случалось заблудиться, и мы не очень торопились найти дорогу.

Она улыбнулась и продолжала:

— Я ничего не знаю. Дядя Жанбернатъ запрещалъ мнѣ входить въ церковь. Онъ мнѣ говорилъ: дура, у тебя есть садъ, къ чему тебѣ задыхаться въ лачугѣ, гдѣ душно?.. Я выросла счастливая. Я глядѣла на гвѣзда, никогда не трогая ялицъ. Я даже не срывала цвѣтотъ, изъ боязни причинить имъ боль. Ты знаешь, что я никогда не мучила ни одного насѣкомаго... Такъ за что же Богъ будетъ сердиться на меня?

— Надо познать Его, молиться Ему, ежечасно воздавать Ему хвалу,—отвѣчалъ патерь.

— Это доставило бы тебѣ удовольствіе, неправда-ли?—отвѣчала она. — Ты простилъ бы меня, любилъ бы меня?.. Ну, хорошо! твои желанія для меня законъ. Говори мнѣ о Богѣ, я увѣрю въ него и буду ему повлоняться. Каждое твое слово будетъ истиной и я буду выслушивать ее на колѣняхъ. Развѣ у меня когда-нибудь бывала иная воля, чѣмъ твоя?.. Мы возобновимъ наши длинныя прогулки, ты будешь наставлять меня, сдѣлаешь изъ меня все, что тебѣ угодно. О! согласись, молю тебя!

Аббатъ Мурэ показалъ на свою сутану.

— Не могу,—отвѣчалъ онъ просто.—Я патерь.

— Патерь!—повторила она, переставъ улыбаться.—Да, дядя утверждаетъ, что у патеровъ нѣтъ ни жены, ни сестры, ни матери. Значить, это правда? Зачѣмъ же ты приходилъ ко мнѣ? Вѣдь ты избралъ меня своей сестрой, своей женой. Ты, значить, лгаль?

Онъ поднялъ свое блѣдное лицо, по которому струился то-скливыи потъ.

— Я согрѣшилъ,—пролепеталъ онъ.

— Я,—продолжала она,—когда увидѣла, что ты свободенъ, подумала, что ты больше не патерь... Я подумала, что это кончено, что ты навсегда останешься со мной, будешь жить для меня одной... А теперь, что же ты хочешь, чтобы я дѣлала, когда ты унесъ съ собой всю мою жизнь!

— То же, что дѣлаю я,—отвѣчалъ онъ.—Преклони колѣна, умри на колѣняхъ и не вставай, пока Богъ не проститъ.

— Ты, значить, негодай?—произнесла она съ новымъ приливомъ гнѣва и съ дрожащими отъ презрѣнія губами.

Онъ зашатался, но промолчалъ. Страшная боль сжимала ему горло; но онъ не поддавался ей. Онъ прямо держалъ голову и почти улыбался своими дрожащими губами. Альбина съ минуту пристально глядѣла на него. Потомъ съ новой вспышкой закричала:

— Отвѣчай же, обвиняй меня; скажи, что я соблазнила тебя. Это будетъ верхомъ всего... Да, я позволяю тебѣ обвинять меня. Прибей меня, я предпочла бы удары твоей мертвой неподвижности. Развѣ у тебя нѣтъ сердца? Развѣ ты не слыхалъ, что я назвала тебя негодаемъ? Да! ты негодай, ты не долженъ былъ любить меня, если не можешь быть мужчиной... Не стѣсняется ли тебя твое черное одѣяніе? Сорви его. Когда его не будетъ на твоихъ плечахъ, ты, можетъ быть, вспомнишь все...

Патерь медленно повторилъ тѣ же самыя свои слова:

— Я согрѣшилъ, для меня нѣтъ извиненія. Я раскаиваюсь въ своемъ проступкѣ, не надѣясь на прощеніе. Еслибы я сорвалъ свое одѣяніе, то сорвалъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ и свое тѣло, потому что я весь предался Богу, душой и тѣломъ. Я патерь.

— А я! а я!—закричала въ послѣдній разъ Альбина.

Онъ не опустилъ головы.

— Пусть ваши страданія зачтутся мнѣ въ преступленіе! Пусть я вѣчно буду наказанъ за то, что долженъ покинуть васъ. Это будетъ справедливо... Не взирая на свою недостойность, я каждый вечеръ молюсь за васъ.

Она пожала плечами съ уныніемъ. Гнѣвъ ея растаялъ. Ею овладѣла чуть не жалость.

— Ты сумасшедшій,—пробормотала она.—Оставь свои молитвы при себѣ. Ты мнѣ нуженъ, а не твои молитвы... Никогда ты не поймешь меня. Мнѣ нужно было сказать тебѣ такъ много! А ты все сердишь меня своими дивными исторіями... Послушай, будемъ благоразумны оба. Подождемъ, пока оба успокоимся. Мы еще поговоримъ... Невозможно, чтобы ты такъ отпустилъ меня. Ты такой холодный, точно мертвый, потому что находишься здѣсь... Не будемъ больше говорить. Подождемъ.

Она умоляла и сдѣлала нѣсколько шаговъ, оглядывая маленькую церковь. Дождь продолжалъ барабанить въ стекла. Холодный свѣтъ, пропитанный сыростью, казался, увлажняя стѣны. Со двора не долетало никакого шума, кромѣ однообразнаго шума дождя. Воробьи, должно быть, забились подъ крышу; рябина протягивала свои вѣтки, орошенные дождевой пылью. Пять часовъ пробило, затѣмъ безмолвіе воцарилось еще глуше, еще безнадежнѣе, еще безотвѣтнѣе. Едва высохшая размалева придавала главному алтарю и панелямъ печальную опрятность, напоминавшую монастырскую церковь, куда солнце никогда не проникаетъ. Горестная агонія наполняла средину церкви, забрызганную кровью, текшую съ распятія, а вдоль стѣны четырнадцать изображеній страстей Господнихъ развертывали свою ужасную драму. Тут жизнь агонизировала, на этихъ престолахъ, походившихъ на могилы, среди обнаженности этого могильнаго склепа. Все говорило объ убіеніи, мракѣ, страхѣ, подавленности, ничтожествѣ. Слабый запахъ ладана носился точно послѣднее дыханіе какой-нибудь покойницы, ревниво задушаемое подъ плитами.

— Ахъ!—проговорила наконецъ Альбина,—какъ было хорошо на солнцѣ, помнишь!.. Однажды утромъ, это было по лѣвую сторону цвѣтника, мы шли вдоль стѣны высокихъ розановъ. Я помню цвѣтъ травы, она была почти голубая, съ зеленымъ отливомъ. Когда мы дошли до конца стѣны, то вернулись назадъ, такъ сладко было на солнцѣ! И въ это утро все наше гулянье ограничилось этимъ: двадцать шаговъ впередъ, двадцать шаговъ назадъ; то былъ счастливый уголокъ, откуда не хотѣлось уходить. Пчелы жужжали. Одна синица ни за что не хотѣла разлучиться съ нами и все прыгала съ вѣтки на вѣтку; вереницы животныхъ шли вокругъ насъ по своимъ дѣламъ. Ты шепталъ: жизнь прекрасна! Жизнь—это травы, деревья, воды, небо, солнце, которое золотило наши волосы...

Она задумалась и потомъ продолжала:

— Жизнь была садъ, Парадю! Какъ онъ намъ казался великъ! Мы никакъ не могли исходить его въ конецъ. Зеленъ застилала весь горизонтъ, раскидывалась на просторѣ съ шумомъ волнъ. И какая лазурь разстилалась у насъ надъ головами! Мы могли расти, летать, носиться, какъ облако, не встрѣчая препятствій. Воздухъ принадлежалъ намъ...

Она умоляла и показала жестомъ на сдавленные стѣны церкви.

— А здѣсь ты точно во рву. Ты не могъ бы раскинуть рукъ, не ободравъ ихъ о камень. Сводъ давить тебя, скрываетъ отъ тебя небо, лишаетъ солнца. Церковь такъ мала, что твои члены застываютъ въ ней, точно ты лежишь живой подъ землей.

— Нѣтъ, — отвѣчала патеръ. — Церковь велика какъ міръ. Богъ помѣщается въ ней.

Новымъ жестомъ она указала на Распятіе, на страсти Господни.

— И ты живешь среди смерти. Травы, деревья, воды, солнце, небо—все умираетъ вокругъ тебя.

— Нѣтъ, все оживаетъ, все очищается, все возносится къ источнику свѣта.

Онъ выпрямился съ пламенемъ въ глазахъ, и отошелъ отъ алтаря, огонь неувязимый, охваченный такой вѣрой, что презирала опасности соблазна. Онъ взялъ Альбину за руку, говоря ей «ты», какъ сестрѣ, и подвелъ ее къ горестнымъ изображеніямъ шествія на Голгоу.

— Гляди,—сказалъ онъ,—вотъ что выстрадалъ мой Богъ... Христа били розгами. Ты видишь, плечи его обнажены, тѣло истерзано, кровь течетъ до самаго пояса... Христа увѣнчиваютъ терніями. Капли крови струятся изъ его пробитаго чела. Большой рубецъ исполосовалъ его високъ... Христа оскорбляютъ воины. Палачи набросили ему въ насмѣшку клочокъ пурпура вокругъ шеи и плюютъ ему въ лицо, бьютъ по щекамъ, ударами молотка вбиваютъ терновый вѣнецъ въ голову... О! благословенно страданіе! Я хочу страдать какъ Христосъ. По какому праву стану я жаловаться на свои ребяческія страданія, въ виду этой божественной агоніи? Твое сердце вздыхаетъ, ты сожалѣешь о мимолетныхъ наслажденіяхъ, ты оплакиваешь свои жалкіе дни. Но что все это! Вотъ здѣсь Христосъ умираетъ за тебя!

Альбина отворачивала голову, чтобы не видѣть картинъ, грубо размалеванныхъ, на вторыхъ красные рубцы пересѣкали статую Христа, цвѣта охры. Клочекъ пурпуровой мантии на его шеѣ казался содранной кожей.

— Къ чему страдать, къ чему умирать! — повторяла она. — О, Сержъ! еслибы ты помнилъ о томъ, что было!.. Ты мнѣ говорилъ въ тотъ день, что усталъ. А я знала, что ты лжешь, потому что было не жарко, и мы ходили всего какихъ-нибудь четверть часа. Но тебѣ хотѣлось съѣсть, чтобы обнять меня. На опушкѣ фруктоваго сада росла вишня, у ручья, мимо которой ты не могъ проходить, не испытывая желанія поцѣловать мои руки... Мы плакали надъ увядшими цвѣтами. Однажды, когда ты нашелъ мертваго жаворонка въ травѣ, ты весь поблѣднѣлъ и прижалъ меня къ груди, какъ-бы затѣмъ, чтобы защитить отъ смерти.

Патеръ подвелъ ее къ другимъ картинамъ.

— Молчи!—вричалъ онъ:—гляди, слушай еще! Надо, чтобы ты поверглась во прахъ отъ горести и состраданія... Вотъ Христосъ изнемогаетъ подъ тяжестью креста. Вскодъ на Голгоуе тягостенъ. Онъ упалъ на колѣни и ободралъ ихъ о камни дороги. Крестъ такъ тяжелъ, что давить его. Онъ даже не вытираетъ пота съ лица, и снова приподнимается и продолжаетъ свой путь... Христосъ снова упалъ подъ крестомъ. Онъ шатается на каждомъ шагу. На этотъ разъ онъ упалъ на бокъ, и такъ сильно, что лежитъ нѣсколько минутъ бездыханный. Истерзанныя руки выпустили крестъ. Избитыя ноги оставляютъ позади себя кровавый слѣдъ. Страшная тяжесть давить его плечи, потому что онъ несетъ грѣхи міра... Боже мой! я не хочу иного пути, чтобы придти къ тебѣ, какъ Голгоуе! Я буду нести свой крестъ безъ единого вдоха ропота. То путь къ вѣчному блаженству.

Альбина поглядѣла на статую Христа въ голубой туникѣ, распростертаго подъ крестомъ чудовищной величины. Потомъ, съ разсвѣянными взорами, прошептала:

— О! милыя тропинки луговья!.. Ты, значить, ничего больше не помнишь, Сержъ? Ты позабылъ о тропинкахъ, поросшихъ шелковой травой, которыя тянутся черезъ луга, среди большихъ озеръ зелени... Въ то утро, о которомъ я тебѣ говорю, мы вышли погулять всего на одинъ часокъ. Но вмѣсто того, все шли впередъ; уже звѣзды зажглись надъ нашими головами, а мы все шли. Этотъ безконечный коверъ, тонкій какъ шелкъ, былъ такъ приятенъ. Ноги наши не натывались ни на камни, ни на песокъ. Мы шли точно по зеленому морю, и его зеленоватая вода убаюкивала насъ. И мы хорошо знали, куда насъ вели эти нѣжныя тропинки, никуда не приводившія. Онѣ вели насъ къ любви, къ увѣренности въ своемъ счастіи... Мы вернулись нисколько не утомленные.

Руками, дрожащими отъ волненія, аббатъ Мурэ указывалъ на послѣднія картины. Онъ лепеталъ:

— И Христа привязали къ кресту. Ударами молота вбивали гвозди въ его руки. Однимъ гвоздемъ пробили насквозь его ноги. Онъ же въ то время, какъ плоть его истязуется, улыбается, поднимая глаза къ небу... Христосъ виситъ между двумя разбойниками. Подъ тяжестью его тѣла, раны его расширяются. Съ его лица, съ его тѣла струится кровавый потъ. Разбойники оскорбляютъ его, прохожіе насмѣхаются надъ нимъ, воины дѣлать ризы его. И мракъ сгущается, солнце прячется... Христосъ умираетъ на крестѣ. Онъ испускаетъ громкій вопль, и испускаетъ духъ. Какая страшная смерть! Завѣса храма разодралась на-двое, отъ верху до низу; земля содрогнулась, камни растрескались, гробы раскрылись. Проклятіе на вселенную, распявшую Христа! Пусть я умру вмѣстѣ съ нимъ на крестѣ, пусть я улечу на небо, пусть я буду избавленъ отъ сверны грѣха!

Онъ упалъ на колѣни и рыдалъ, устремивъ глаза на три креста, возвышавшіеся на Голгоѣ. Альбина встала передъ образами, чтобы закрыть ихъ отъ него.

— Разъ вечеромъ,—говорила она,—въ долгіе сумерки, я положила голову на твои колѣни... Мы были въ лѣсу, въ концѣ большой аллеи изъ каштановъ, и заходящее солнце золотило ее прощальнымъ лучомъ. Ахъ! какое нѣжное то было разставанье! Солнце замѣшалось у нашихъ ногъ съ доброй улыбкой друга, говорившаго намъ: до свиданія! Небо медленно блѣднѣло. Я, смѣясь, рассказывала тебѣ, что оно снимаетъ свое голубое платье и сейчасъ надѣнетъ черное, съ золотыми цвѣтами, чтобы ѣхать на вечеръ. Ты же дожидался сумерекъ съ нетерпѣніемъ, чтобы остаться наединѣ со мной, безъ солнца, стѣснявшаго насъ. Тогда я, видя, что день не проходитъ такъ скоро, какъ тебѣ этого хотѣлось, притворилась, что заснула. Теперь я могу признаться тебѣ, я не спала въ то время, какъ ты поцѣловалъ мои глаза. Я наслаждалась твоими поцѣлуями. Да и деревья—такъ же не спали, какъ и я... Ночью, помнишь, цвѣты сильнѣе пахли.

И такъ какъ онъ все еще оставался на колѣняхъ, съ лицомъ, облитымъ слезами, она схватила его за руки, подняла съ полу, крича со страстью:

— О! еслибы ты зналъ, ты бы велѣлъ мнѣ унести себя, ты охватилъ бы руками мою шею, чтобы я не могла уйти безъ тебя... Вчера я захотѣла снова увидѣть садъ. Онъ сталъ еще больше, еще глубже, еще непроницаемѣе. Я нашла въ немъ новые ароматы, такіе сладкіе, что расплакалась. Розы распра-

шивали меня о тебѣ; снигири дивились тому, что я одна. Весь садъ вздыхалъ... О! пойдемъ со мной, никогда трава не разстилась шелковистѣе. Я отмѣтила цвѣткомъ уголокъ, куда хочу отвести тебя. Внутри одного куста есть небольшая зеленая ложбинка. Оттуда слышно, какъ садъ живетъ съ своими деревьями, водами, небомъ... О! пойдемъ, мы будемъ любить другъ друга, любя природу.

Но онъ оттолкнулъ ее. Онъ вернулся къ большому Распятію изъ раскрашеннаго картона, величиною съ десятилѣтняго ребенка, агонія котораго изображена была съ ужасающей правдой. Гвозди были сдѣланы подъ желѣзо, раны зіяли.

— Христось, умершій за насъ! — закричалъ онъ, — вразуми ее, дай ей понять наше ничтожество! Скажи ей, что мы прахъ, грязь, отверженіе! Ахъ! дозвожь мнѣ покрыть тѣло власяницей, прижаться къ Твоимъ ногамъ и остаться неподвижнымъ, пока смерть не приберетъ меня, земля перестанетъ существовать, солнце погаснетъ. Я ничего не буду видѣть, ничего не буду слышать, ничего не буду чувствовать. Ничто изъ этого презрѣннаго міра не помѣшаетъ мнѣ молиться Тебѣ.

Онъ приходилъ все въ бблшій и бблшій экстазъ. И направился къ Альбинѣ съ поднятыми руками:

— Ты права, здѣсь царить смерть, и я хочу только смерти, смерти, освобождающей отъ всякихъ сквернъ... Слышишь! Я отрекаюсь отъ жизни, плюю на нее. Твои цвѣты смердятъ, твое солнце ослѣпляетъ, твоя трава заражаетъ проказой того, кто на ней полегитъ, твой садъ — зловонная яма, гдѣ разлагаются трупы вещества. Земля пропитана скверной. Ты лжешь, когда говоришь о любви, о свѣтѣ, о блаженной жизни въ твоемъ зеленомъ дворцѣ. У тебя царствуетъ мравъ. Твои деревья расточаютъ адъ, превращающій чловѣка въ звѣря; твои чащи полны змѣинаго яда, твои рѣки ватятъ заразу подъ своими голубыми водами. Еслибы я сорвалъ съ твоей природы ея солнечный покровъ, ты бы увидала, что она отвратительна какъ Мегера, съ провалившимися, какъ у скелета, боками, вся изъѣденная пороками... И даже еслибы ты говорила правду, еслибы руки твои были полны наслажденій, еслибы ты могла унести меня на ложе изъ розъ, гдѣ бы навѣяла на меня райскіе сны, то я еще отчаяннѣе сталъ бы вырываться изъ твоихъ объятій. Между нами идетъ борьба, вѣковая, непримиримая. Ты видишь, церковь очень мала; она бѣдна, она некрасива; у ней сосновая исповѣдальня и ваедръ, купель изъ гипса; престолы сколочены изъ четырехъ досокъ, и я самъ ихъ заново раскрасилъ. Но что за дѣло! Она обширнѣе твоего сада, обшир-

нѣе долины, всей земли. Она—могучая крѣпость, которую ничто не сокрушить. Вѣтры, солнце, лѣса, моря, все живущее, можетъ бороться противъ нея, а она останется неприкосновенной и даже не пошатнется. Да! пусть тернія растутъ, пусть они потрясаютъ стѣны своими колючими руками, и пусть тучи насѣкомыхъ выползаютъ изъ трещинъ почвы и грызутъ стѣны; церковь, хотя бы превратилась въ развалину, никогда не будетъ снесена этимъ разливомъ жизни. Она—непреодолимая смерть... И хочешь ли знать, что будетъ со временемъ? Маленькая церковь станетъ таковой колоссальной, будетъ бросать такую громадную тѣнь, что вся твоя природа провалится. Ахъ! когда бы скорѣе наступила всеобщая смерть, и небо разверзлось, чтобы принять наши души подъ гнусными обломками вселенной!..

Онъ кричалъ, съ силой толкалъ Альбину къ двери. Она же, блѣдная какъ смерть, отступала шагъ за шагомъ. Когда онъ умолялъ, потому что голосъ измѣнилъ ему, она серьезно проговорила:

— Итакъ, рѣшено, ты прогоняешь меня?.. И однако, я твоя жена. Ты меня ею сдѣлалъ. Богъ, допустивъ это, не можетъ наказывать насъ такъ жестоко.

Она стояла на порогѣ. И прибавила:

— Слушай, каждый день, на закатѣ солнца, я прихожу на вонецъ сада, на то мѣсто, гдѣ обрушилась стѣна... Я жду тебя.

И ушла. Дверь ризницы глухо захлопнулась съ подавленнымъ вздохомъ.

IX.

Церковь осталась безмолвной и сосредоточенной. Только дождь, усиливаясь, заставлялъ содрогаться ея своды. Среди тишины гнѣвъ патера улегся и уступилъ мѣсто умиленію. И съ лицомъ, омоченнымъ слезами, съ рыданіями, потрясавшими его плечи, онъ бросился на колѣни передъ Распятіемъ. Горячая молитва благодарности вырвалась у него изъ груди.

— О, благодарю Тебя, Создатель, за помощь, ниспосланную мнѣ. Безъ Твоего заступничества я бы снова послѣдовалъ голосу плоти и вернулся бы къ грѣху. Твоя благодать осѣнила меня боевой броней; Твоя благодать была моимъ оружіемъ, внутренней опорой, которая не допустила меня ослабѣть. О! Господи! Ты былъ со мною; Ты говорилъ во мнѣ, потому что я не чувствовалъ въ себѣ чловѣческаго малодушія, а нашелъ силы порвать всѣ узы моего сердца, а бы однимъ дуновеніемъ смелъ Твоихъ враговъ.

И вотъ мое окровавленное сердце: оно больше никому не принадлежитъ, оно Твое. Ради Тебя я вырвалъ его у міра. Но не думай, Господи, что я горжусь этой побѣдой. Я знаю, что я ничто безъ Тебя. Я повергаюсь передъ Тобой во прахъ...

Онъ усѣлся на ступеньѣ алтаря, не находя больше словъ. Благодать наполняла сердце его невыразимымъ восторгомъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ Христа внутри себя, въ святилицѣ любви, куда ежечасно готовился принять его. И Христосъ былъ съ нимъ, онъ сознавалъ Его присутствіе по необыкновенно сладкому чувству, овладѣвшему имъ. И вотъ, онъ началъ съ Христомъ одну изъ тѣхъ внутреннихъ бесѣдъ, во время которыхъ уносился съ земли, бесѣдуя съ Богомъ. Онъ размышлялъ о словахъ «*Подражанія Христу*»: «великое искусство умѣть бесѣдовать съ Христомъ, и великое умѣнье знать, какъ удержать Его при себѣ».

На этотъ разъ патеръ захотѣлъ какъ можно долѣе удержать Его. Шесть часовъ пробило въ безмолвной церкви, а онъ все еще прислушивался къ Его голосу среди безмолвія тварей. Аббатъ Мурэ во всемъ сознавался Христу, какъ Богу, низшедшему къ нему и который все можетъ выслушать. Онъ сознавался, что все еще любить Альбину и дивился, какъ могъ онъ обидѣть ее, прогнать совершенно хладнокровно; это поражало его, и онъ улыбался ясной улыбкой, точно присутствовалъ при геройскомъ поступкѣ, совершенномъ кѣмъ другимъ. И Христосъ отвѣчалъ ему, что это не должно удивлять его, что величайшіе изъ святыхъ были зачастую безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Бога. Тутъ аббатъ выразилъ сомнѣніе: не было ли малодушіемъ съ его стороны искать убѣжища у подножія алтаря, у самыхъ Страстей Господнихъ? Не было ли малодушіемъ съ его стороны не смѣть бороться одному. Но Христосъ оказывался снисходительнымъ, Онъ объяснялъ, что слабость человѣческая составляетъ постоянную заботу Бога, что Онъ предпочитаетъ страдающія души, и садится у изголовья какъ другъ. Было ли грѣхомъ любить Альбину? Нѣтъ! если эта любовь возвысится надъ плотью, если она присокупитъ новую надежду къ упованію на жизнь вѣчную. Затѣмъ, какъ слѣдовало ее любить? Не говоря ни слова, не приближаясь къ ней: пусть эта чистая нѣжность изливается какъ аромать, пріятный небу. Тутъ Христосъ снисходительно улыбнулся, и патеръ мало-по-малу осмѣлился изобразить красоту Альбины. У нея были бѣловурые волосы, какъ у ангеловъ. Она бѣлая, съ большими, вроткими глазами, точно у святыхъ, увѣчаныхъ ореоломъ. Христосъ молчалъ, но продолжалъ улыбаться. Она очень

выросла. Она походила теперь на царицу, съ своей круглой таліей, роскошными плечами. Ахъ! какъ бы ему хотѣлось обнять ее хоть разъ. Улыбка Христа блѣднѣла, какъ лучъ солнца, на краю горизонта. Теперь аббатъ Мурэ говорилъ уже одинъ. Право, онъ поступилъ слишкомъ жестоко. Зачѣмъ онъ прогналъ Альбину, не связавъ ей ни одного нѣжнаго слова, если небо позволяло любить?

— Я люблю ее, я люблю ее!—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ, наполнившимъ церковь.

Она видѣлась ему; она протягивала ему руки, она была такъ очаровательна, что онъ готовъ былъ нарушить всѣ свои клятвы. Онъ обнималъ, цѣловалъ ее, безъ всякаго уваженія къ церкви. Теперь онъ передъ ней бросался на колѣни, вымаливалъ ей прощенія за свои грубости. Онъ объяснялъ, что въ иные часы въ немъ говоритъ голосъ, который ему не принадлежитъ. Развѣ самъ онъ рѣшился бы обидѣть ее! Въ немъ говорилъ посторонній голосъ. То не могъ быть онъ; онъ вѣдь не могъ безъ трепета привоснуть къ единому изъ ея волосъ. И онъ прогналъ ее! какъ пуста была церковь! Куда бѣжать ему, чтобы настичъ ее, вернуть ее, утереть ея слезы своими поцѣлуями. Дождь лилъ сильнѣе. Дороги должны были превратиться въ море грязи. И онъ представлялъ себѣ какъ дождь мочить ее, какъ она спотыкается вдоль овраговъ; какъ промокшія одежды обвисли и прилипли къ ея тѣлу. Нѣтъ, нѣтъ, то былъ не онъ; то былъ другой ревнивый голосъ, пожелавшій смерти его любви.

— О, Иисусъ!—закричалъ онъ отчаянно, сжался, возврати ее мнѣ.

Но Иисусъ не отвѣчалъ. Тогда аббатъ Мурэ какъ бы внезапно пробудился и страшно поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что не сумѣлъ удержать при себѣ Иисуса; что оставался безъ друга, безъ опоры противъ зла. И вмѣсто того внутренняго свѣта, какимъ онъ былъ передъ тѣмъ озаренъ, онъ находилъ внутри себя одинъ мракъ. Христосъ, удаляясь отъ него, унесъ благодать. Аббатъ Мурэ, такой сильный съ утра, благодаря помощи свыше, теперь чувствовалъ себя слабымъ, какъ ребенокъ. И какое жестокое паденіе, какая страшная горечь! Геройски бороться, оставаться неуязвимымъ, побѣдоноснымъ въ то время, какъ соблазнъ воплощался передъ нимъ въ живомъ образѣ съ круглой таліей, роскошными плечами; и постыдно пасть, когда соблазнъ удался, оставя за собой только аромать бѣловурыхъ волосъ. Теперь, вооруженная одними воспоминаніями, Альбина вернулась всемогущей и завладѣла его церковью!

— Иисусъ! Иисусъ!—закричалъ въ послѣдній разъ патеръ:— вернись, поддержи меня!

Иисусъ оставался глухъ. Одну минуту аббатъ Мурэ умолялъ небо, воздѣвъ руки съ отчаяннымъ порывомъ. Но потомъ руки его упали въ безсиліи. Въ небѣ царствовало безмолвіе, хорошо знакомое богомольнымъ людямъ. И вотъ, онъ снова присѣлъ на ступеньку алтаря, раздавленный, съ измученнымъ лицомъ, прижимая локти къ бокамъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы умалить свою плотъ. Онъ съеживался подъ укушеніемъ соблазна.

— Боже мой! ты покидаешь меня,—прошептала онъ.—Да будетъ воля Твоя!

Онъ не произнесъ больше ни слова, тяжело дыша, точно травленный звѣрь. Со времени своего грѣха, онъ бывалъ такимъ образомъ въ рукахъ благодати. Она оставалась глуха къ самымъ страстнымъ мольбамъ; и вдругъ нисходила неожиданно, когда онъ всего меньше надѣялся на нее. Въ первые разы онъ бунтовался, точно обманутый любовникъ, требовалъ немедленнаго возвращенія этой утѣшительницы, чей поцѣлуй дѣлалъ его такимъ сильнымъ. Потомъ, послѣ безплодныхъ воплей гнѣва, понялъ, что уничтоженіе менѣе истерзаетъ его, что одно терпѣніе можетъ помочь ему перенести одиночество. Въ теченіи долгихъ часовъ онъ уничтожался въ ожиданіи облегченія, которое не приходило. Напрасно онъ поручалъ себя Богу, низвергался передъ нимъ, повторялъ до пресыщенія самыя дѣйствительныя молитвы—онъ не чувствовалъ Бога: плотъ не повиновалась ему, молитвы замирали на губахъ. Онъ переживалъ медленную агонію соблазна, когда орудія вѣры одно за другимъ выпадали изъ его ослабѣвшихъ рукъ, когда онъ становился игрушкой страстей, когда онъ съ ужасомъ присутствовалъ при собственномъ позорѣ, не имѣя мужества шевельнуть мизинцомъ, чтобы прогнать грѣхъ. Такова была его настоящая жизнь. Онъ освоился со всеми ступенями грѣха. Ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы онъ не подвергался соблазну. Грѣхъ принималъ тысячу формъ, входилъ черезъ глаза, уши, схватывалъ его лицомъ къ лицу за горло, предательски подкрадывался изъ-за спины, терзалъ его до мозга костей. Грѣхъ непрерывно торчалъ передъ нимъ; Альбина, сіяющая какъ солнце, озаряла бѣлень Парадю. Онъ переставалъ видѣть ее лишь въ тѣ рѣдкія минуты, когда благодать удостоивала закрывать ему глаза своими свѣжими ласками. И онъ скрывалъ свой недугъ, какъ постыдную болѣзнь. Онъ замыкался въ унылое молчаніе, и домашніе не знали, какъ заставить его прервать его;

приходскій домъ созерцалъ его мученичество и покорность, а Теза выходила изъ себя и за его спиной грозила небу кулакомъ.

На этотъ разъ онъ былъ одинъ, и могъ страдать безъ стыда. Недугъ охватилъ его съ такой силой, что онъ не могъ тронуться со ступеньки алтаря, на которой упалъ. Онъ продолжалъ тяжело дышать, сожигаемый тоской, не находя ни одной слезы. И онъ думалъ о своей мирной, былой жизни. Ахъ! какое спокойствіе, какое довѣріе жило въ немъ, когда онъ прибылъ въ Арго! Спасти душу свою ему казалось такъ легко, что онъ точно шествовалъ по прекрасной дорогѣ. Въ то время онъ смѣялся, когда говорили о соблазнѣ. Онъ жилъ среди грѣха, не зная его, не боясь, съ увѣренностью, что не поддастся ему. Онъ былъ безукоризненнымъ патеромъ, такимъ цѣломудреннымъ, такимъ невиннымъ передъ Богомъ, что Богъ велъ его за руку, какъ маленькаго ребенка. Теперь невинность покинула его. Богъ посѣщалъ его цоутру и тотчасъ же покидалъ. Соблазнъ становился его удѣломъ на землѣ. Съ годами, съ грѣхомъ онъ вступалъ въ вѣчную борьбу. Значило ли это то, что Господь больше любилъ его въ настоящее время? Всѣ великіе святые оставляли клочки своего тѣла на иглахъ тернистаго пути. Онъ старался найти утѣшеніе въ этомъ вѣрованіи. При каждомъ воплѣ своей плоти, при каждомъ стохѣ сердца, онъ обѣщалъ себѣ необычныя награды. Никогда онъ не устанетъ принимать удары неба. Онъ доходилъ до того, что начиналъ презирать свое бывшее спокойствіе, свою набожность, ничего ему не стоившую. Онъ ухитрялся отыскивать наслажденіе въ страданіи, зарываться въ него, засыпать въ немъ. Но въ то время, какъ онъ благословлялъ Бога, зубы его стучали отъ ужаса, голосъ возмущенной крови кричалъ ему, что все это ложь, что единственная желанная радость — упасть въ объятія Альбины, позади цвѣтущей изгороди въ Парадѣ.

Между тѣмъ онъ оставилъ Мадонну для Христа, принося въ жертву свое сердце, чтобы побѣдить свою плоть, мечтая вдохнуть мужественность въ свою вѣру. Мадонна слишкомъ смущала его. И онъ припоминалъ грубости брата Арванжіа, его отказъ поклоняться Мадоннѣ, недовѣрчивый взглядъ, которымъ онъ, казалось, слѣдилъ за нимъ. Онъ отчаявался возвыситься до этой грубости и просто покинулъ Мадонну, спряталъ ея изображенія, забывалъ ея престоль. Но она всегда жила въ его сердцѣ, какъ любовь, въ которой не признаются. Грѣхъ святотатственно, что повергало его въ ужасъ, пользовался ею, чтобы смущать его. Когда онъ прикалывалъ ее въ минуты умиленія, всегда являлась Альбина въ бѣломъ вуалѣ, съ голубымъ шарфомъ, повязаннымъ у талии, съ золотыми

розами на голыхъ ножкахъ. Тогда сверхчеловѣческимъ усиленіемъ онъ изгонялъ женщину изъ религіи, онъ искалъ убѣжища въ Христвѣ, но и его кротость по временамъ смущала его. Ему надобенъ былъ ревнивый Богъ, суровый, беспощадный библейскій Богъ, окруженный громами и являющійся лишь за тѣмъ, чтобы покарать трепещущій міръ. Не было больше ни святыхъ, ни ангеловъ, ни Мадонны; былъ только одинъ Богъ, всемогущій властитель, требовавшій, чтобы всѣ молитвы, всѣ помышленія, всякое дыханіе отдавалось ему одному. Страдать, умереть—эти слова безпрестанно раздавались въ его ухахъ, какъ вѣнецъ челоуѣческой мудрости; онъ убаюкивалъ себя горестью, принимая всѣ отреченія, муки, всякую борьбу, въ надеждѣ на блаженную смерть, которая замѣнитъ ему тлѣнныя блага благами вѣчными.

Но, помимо воли вспоминалъ объ Альбинѣ, и помимо его воли сердце билось въ его груди. Глаза его, когда онъ закрывалъ ихъ, отчетливо воспроизводили въ огненныхъ чертахъ вѣжныя чертанія Альбины. Съ каждымъ усиленіемъ прогнать это видѣніе, оно становилось все лучезарнѣе; оно манило его, и отчаянное хрипѣніе вырывалось изъ груди патера. Богъ значитъ совсѣмъ покидалъ его, если для него не было больше убѣжища? И несмотря на все напряженіе воли, грѣхъ все возобновлялся, выяснялся съ беспощадной ясностью. Ему представлялись всѣ травинки, приставшія къ платью Альбины; онъ видѣлъ въ ея волосахъ зацѣпившійся репейникъ, о который однажды укололъ себѣ губы. Ему припоминался даже немного рѣзкій запахъ раздавленныхъ стеблей травы; ему слышались отдаленные звуки, правильный крикъ какой-то птицы, глубокое безмолвіе, затѣмъ вздохъ, проносившійся надъ деревьями. Зачѣмъ небо не убило его громомъ тутъ жѣ на мѣстѣ? Онъ меньше бы страдалъ. Онъ наслаждался своей сѣверной съ сладострастіемъ отверженнаго. Ярость овладѣвала имъ, когда онъ прислушивался къ окаяннымъ словамъ, произнесеннымъ имъ у ногъ Альбины. Они до сихъ поръ звучали въ его ухахъ и обвиняли его передъ Господомъ. И такъ, онъ призналъ женщину своей госпожей. Онъ отдавался ей какъ рабъ, цѣлуя ей ноги, мечтая быть водой, которую она пила, хлѣбомъ, который она ѣла. Теперь онъ понималъ, что не можетъ больше отречься отъ нея. Богъ отдавалъ его женщиנѣ; но онъ станеть бить ее; онъ перебьетъ ей руки и ноги, чтобы она отпустила его. Онъ скажетъ ей, что солгалъ, богохульствовалъ. Она была рабой, нечистой тварью. Церкви слѣдовало бы отвязать ей въ душѣ. Онъ отнынѣ будетъ изгонять ее изъ своего соеѣдства, какъ звѣря погибели; онъ не позволитъ ей быть даже

его служанкой, потому что она отравить ему хлѣбъ и воду. Братъ Арканжіа правъ: слѣдуетъ убить женщину. Тутъ онъ сдѣлалъ усиліе и поднялъ кулаки на Альбину. Но кулаки раскрылись, руки съ нѣжной лаской погладили ея плечи, между тѣмъ какъ уста, изрыгавшія брань, прижимались къ распущеннымъ волосамъ, лепеча слова обожанія.

Аббатъ Мурэ раскрылъ глаза. Жгучій призракъ Альбины исчезъ. Онъ ощутилъ мгновенное, неожиданное облегченіе. Онъ могъ заплакать. Тихія слезы освѣжили его щеки, и онъ продолжительно вздохнулъ, не смѣя еще шевелиться изъ боязни, что соблазнъ снова вѣспится ему въ волоса. Онъ все еще слышалъ за собою дивій ревъ; къ тому же такъ сладко было перестать страдать, что онъ забылся, наслаждаясь этимъ благосостояніемъ. На дворѣ дождь прошелъ. Солнце закатывалось въ большомъ красномъ заревѣ, которое какъ будто навѣсило къ обнамъ занавѣсы изъ розоваго атласа. Церковь теперь была теплая и вся жила этимъ послѣднимъ дыханіемъ солнца. Патеръ смутно благодарилъ Бога за отдыхъ, который Онъ соблаговолилъ ему даровать. Широкій лучъ, золотая пыль пересѣкла церковь, и зажгла въ глубинѣ ея часы, каедрю, главный престолъ. Быть можетъ, то благодать снова возвращалась къ нему этимъ свѣтлымъ путемъ, шедшимъ съ горизонта, съ самаго неба? Онъ заинтересовался атомами, летавшими вдоль луча съ изумительной скоростью, точно толпа озабоченныхъ вѣстниковъ, сообщавшихъ безпрерывно извѣстія съ солнца на землю. Тысячи зажженныхъ свѣчей не могли бы наполнить церковь такимъ блескомъ. Позади главнаго престола разстилались золотыя скатерти; на ступеняхъ текли потоки драгоцѣнностей, подсвѣчники изливали снопы свѣта, въ кадилахъ горѣли драгоцѣнныя каменья, священные сосуды блистали какъ кометы. И вездѣ струился дождь яркихъ цвѣтовъ, среди прозрачныхъ кружевъ, буветы, гирлянды изъ розъ, и изъ ихъ раскрывшихся чашечекъ сыпались звѣзды. Никогда онъ и не мечталъ о такомъ богатствѣ для своей бѣдной церкви. Онъ улыбался, онъ мечталъ удержать всѣ эти великолѣпія, и распорядиться ими по-своему. Онъ бы предпочелъ, чтобы золотыя скатерти прибиты были выше; ему казалось также, что вазы слишкомъ небрежно поставлены, онъ находилъ также, что цвѣты и буветы надо расположить иначе. Но какое восхищеніе, вся эта роскошь! Онъ служилъ въ церкви, залитой золотомъ. Епископы, принцы, женщины въ королевскихъ мантияхъ, набожная толпа, цѣловавшая землю, приходили въ церковь, располагались лагеремъ въ долинѣ, ждали по цѣлымъ недѣлямъ у

дверей, чтобы имѣть возможность побывать въ церкви. У него цѣловали ноги, потому что и онѣ были золотыя и творили чудеса. Въ золотой груди его билось золотое сердце съ такимъ музыкальнымъ звукомъ, что онъ былъ слышенъ толпѣ. Тутъ имъ овладѣло чувство безмѣрной гордости. Онъ былъ идоломъ. Лучъ солнца поднимался все выше, главный алтарь пылалъ, патеръ убѣждался, что благодать вернулась, такъ какъ онъ испытываетъ такое внутреннее довольство. Дикій ревъ за его спиной превратился въ ласковый шопотъ. Онъ чувствовалъ на затылкѣ мягкую, какъ-бы бархатную лапу, точно какая-то гигантская кошка гладила его.

И онъ продолжалъ мечтать. Никогда не представлялись ему вещи въ болѣе блистательномъ свѣтѣ. Все ему казалось теперь легко, потому что онъ чувствовалъ себя такимъ сильнымъ. Альбина ждетъ его, — онъ пойдетъ къ ней; это вполне естественно. Сегодня утромъ онъ обвинялъ же этого Фортюна съ Розаліей. Церковь не воспрещала брака. Онъ видѣлъ еще и теперь, какъ они улыбались, толкая друга друга локтемъ подъ руками, ихъ благословлявшими. Затѣмъ, вечеромъ ему показывали ихъ брачное ложе. Каждое слово, которое онъ говорилъ имъ, раздавалось теперь въ его ушахъ. Онъ говорилъ верзилѣ Фортюну, что Богъ посылаетъ ему подругу, потому что не желаетъ, чтобы человекъ былъ одинокимъ. Онъ говорилъ Розаліи, что она должна прилѣпиться къ мужу, никогда не повидать его, быть его покорной служанкой; но онъ говорилъ то же самое и для себя, и для Альбины. Развѣ она не была его подругой, его покорной служанкой, той, которую Богъ посылаетъ ему, чтобы жизнь его не увяла въ одиночествѣ? Къ тому же, они были связаны. Альбина была права, когда желала, чтобы онъ принадлежалъ ей одной, какъ и она принадлежала ему; ему казалось теперь удивительнымъ, какъ это онъ не понялъ этого сразу и не ушелъ съ ней, какъ долгъ повелѣвалъ ему. Но дѣло рѣшено; онъ пойдетъ къ ней завтра. Въ какихъ-нибудь полчаса онъ дойдетъ до нея. Онъ пройдетъ по деревнѣ и потомъ пойдетъ по горѣ; это гораздо ближе. Онъ все теперь можетъ, онъ господинъ, никто ничего не скажетъ. Если на него будутъ глядѣть, онъ однимъ жестомъ заставитъ всѣхъ опустить глаза. Потомъ онъ заживетъ съ Альбиной. Онъ станетъ звать ее женой и будетъ очень счастливъ. Золото поднималось все выше; ватилось у него между пальцами; онъ купался въ золотѣ и уносилъ священныя вазы для хозяйства, велъ роскошную жизнь, рассчитывался съ прислугой кусочками чаши, которую безъ труда ломалъ въ рукахъ.

Вмѣсто украшеній, онъ дарилъ женѣ золотыя сердца, золотыя кресты, висѣвшіе на шеѣ у Мадонны и святыхъ. Сама церковь, если онъ надстроитъ еще этажъ, можетъ служить имъ дворцомъ. Богъ не прогибается, потому что позволяетъ любить. Впрочемъ, что ему до Бога? Развѣ онъ самъ не былъ богомъ съ золотыми ногами, которыя цѣловала толпа, и творилъ чудеса.

Аббатъ Муръ всталъ; онъ повторилъ жестъ Жанберната, жестъ отрицанія, которымъ тотъ обводилъ весь горизонтъ.

— Нѣтъ ничего, ничего, ничего! — произнесъ онъ. — Богъ не существуетъ.

Сильный трепетъ какъ-бы пробѣжалъ по церкви. Патеръ, испуганный, наблюдалъ какъ смерть, и прислушивался. Кто это говорилъ? Кто богохульствовалъ? Внезапно бархатная лапка, гладившая его по затылку, стала свирѣпой; ногти ея срывали съ него кожу; кровь его снова пролилась. Но онъ все еще держался на ногахъ, борясь съ припадкомъ. Онъ боролся съ торжествующимъ грѣхомъ. Развѣ онъ не зналъ всѣхъ его хитростей? Развѣ онъ не зналъ, что онъ зачастую приближается съ бархатной лапкой, чтобы засунуть ее точно ножъ въ свою жертву? И ярость его усиливалась при мысли, что онъ, какъ ребенокъ, попался въ западню! Вотъ, теперь онъ отрицаетъ Бога; то роковой путь: грѣхъ убивалъ вѣру. Затѣмъ рушился догматъ. Сомнѣнія плоти, требовавшей своей скверны, было достаточно, чтобы сместь все небо. Божескій законъ раздражалъ, таинства вызвали улыбку. Тутъ обступали другіе соблазны: золото, могущество, вольная жизнь, неотразимое желаніе наслажденія. Ну, да! Онъ проклять: ничто не стѣсняетъ его больше; грѣхъ можетъ громко предъявлять ему свои права. Приятно перестать бороться. Чудища, сію минуту бродившія вокругъ него, теперь дрались въ его утробѣ. Онъ отдавался имъ съ ужасающей радостью. Онъ бунтовался и сжималъ кулаки на церковь. Нѣтъ! онъ больше не вѣритъ въ божественность Христа, онъ не вѣритъ болѣе въ святую Троицу. Онъ вѣритъ только въ самого себя, въ свои мускулы, въ потребности своего организма. Онъ хочетъ жить. Онъ хочетъ быть мужчиной. Ахъ! какъ сладко бѣгать на волѣ, быть сильнымъ, не знать надъ собой ревниваго господина, убивать своихъ враговъ камнями, уносить въ объятіяхъ проходящихъ дѣвушекъ! Онъ воскреснетъ изъ могилы, куда его запрятали жестокія руки. Онъ пробудитъ свое мужество, спящее въ немъ. И пусть онъ умретъ отъ стыда, если мужество въ немъ совсѣмъ убито!

Патеръ стоялъ, осаждаемый галлюцинаціями. Ему показалось, что при этомъ новомъ богохульствѣ церковь пошатнулась. Лучъ

солнца, озарявшій главный престоль, покраснѣлъ, и опалилъ панели настоящимъ пожаромъ. Красные языки поднялись выше, лизнули потолокъ и потухли въ кровавомъ заревѣ. Церковь вдругъ потемнѣла. Казалось, что огонь солнечнаго заката пробилъ крышу, разломалъ стѣны, открылъ со всѣхъ сторонъ зияющія бреши для нападеній извнѣ. Темный остовъ ея качался въ ожиданіи какого-то страшнаго нападенія. Ночь быстро наступала.

Тутъ издали до патера донеслись ропотъ, шумъ, поднимавшійся изъ долины Артѣ. Въ былое время онъ не понималъ пылкой рѣчи этой сожженной почвы, гдѣ искривлялись однѣ узловатыя виноградныя лозы, чахлая миндальныя деревья, старыя оливки вытягивали свои искалѣченные члены. Онъ проходилъ среди всей этой страсти съ ясностью человѣка неопытнаго; но теперь, наученный плотью, онъ улавливалъ каждый вздохъ листьевъ, сжимавшихся подъ солнцемъ. И вотъ, сначала на дальнемъ горизонтѣ холмы, еще теплые отъ солнечнаго заката, содрогнулись съ глухимъ топотомъ арміи въ походѣ. Затѣмъ, разбросанныя скалы, всѣ камни долины также встали, катясь, рыча, точно ихъ толкала впередъ какая-то роковая сила. За ними пространства красной почвы, рѣдкія поля, отвоеванныя ударами заступа, потекли и забушевали, точно рѣчки, катя въ своихъ волнахъ сѣмена, зачатки корней, черенки растений. И вскорѣ все пришло въ движеніе: виноградныя лозы расползались какъ большія наѣвкомыя; тощія хлѣба, высохшія травы выстраивались точно батальоны, вооруженныя высокими копьями; деревья забѣгали, расправляя свои члены, точно борцы, приготовляющіеся къ единоборству; упавшіе листья зашевелились, пыль дорожная поднялась столбомъ. Полчище, силы котораго росли съ каждой минутой и второе надвигалось какъ буря жизни, съ огненнымъ пламенемъ, все унося передъ собой въ вихрѣ волосальнаго совокупленія. И вотъ, вдругъ началось нападеніе. Съ края горизонта всѣ поля, холмы, каменья, земли, деревья, набросились на церковь. Церковь подъ этимъ первымъ напоромъ затрещала. Стѣны раскололись, черепицы разлетѣлись. Но большое Распятіе, хотя и раскачиваемое, не упало.

Наступилъ перерывъ. На дворѣ голоса шумѣли еще ожесточеннѣе. Теперь патеръ различалъ голоса людскіе. То самое селеніе Артѣ, эта горсть ублюдковъ, выросшихъ на скалѣ, съ упорствомъ сорныхъ травъ, въ свою очередь насылало вѣтеръ, кипявшій живыми существами.

Артѣ насаждали цѣлый лѣсъ людей, и стволы его загромождали все пространство. Въ настоящую минуту они дошли до самой

церкви, пробили ея дверь, грозили занять всю церковь разрастающимися вѣтвями своей расы. Позади нихъ, въ чащѣ кустарниковъ, мчались звѣри, быки, старавшіеся пробить стѣны своими рогами; стада ослонъ, коней, овецъ, набѣгали на рушившуюся церковь, точно живыя волны; тучи мокрицъ и сверчковъ набрасывались на фундаментъ, точили его своими зубами, какъ пилой. А съ другой стороны тѣснился скотный дворъ Дезира, навозъ котораго издавалъ удушливыя испаренія; большой пѣтухъ Александръ трубилъ въ атаку на своей трубѣ, курицы вырывали камни ударами клюва, кролики рыли норы подъ самыми престолами; борозы, разжирѣвшій до того, что не могъ двинуться съ мѣста, рычалъ, дожидая, чтобы священныя украшенія обратились въ пепель, и онъ могъ бы повалиться въ немъ. Пронесся ужасающій ропотъ, былъ данъ вторичный приступъ. Селеніе, животныя, весь этотъ разливъ жизни поглотилъ на одну минуту церковь. Самки въ свалеѣ производили непрерывно новыхъ борозъ. На этотъ разъ у церкви обрушился уголъ стѣны; потолокъ подался, рамы оконъ были высажены, дымъ сумерекъ, все чернѣе и чернѣе, входилъ черезъ бреша, страшно зіявшія. Распятіе едва держалось на одномъ гвоздѣ.

Обрушившаяся стѣна встрѣчена была общимъ ливованіемъ. Но церковь все еще стояла, несмотря на нанесенные ей удары. Она упрямо держалась, суровая, нѣмая, мрачная, цѣпляясь за малѣйшіе камни своего фундамента. Казалось, что этой развалинѣ, для того, чтобы не упасть, достаточно было самага тонкаго столбика, поддерживавшаго какимъ-то чудомъ равновѣсія пробитую крышу. Тогда аббатъ Мурэ увидѣлъ, что крѣпкія растенія, которыя росли на скалахъ, принялись за дѣло, тѣ страшныя, одеревенѣлыя растенія, узловатыя, точно змѣи. Лишай, цвѣта ржавчины, похожіе на воспаленную проказу, съѣли сначала известку. Затѣмъ тимьянъ запустилъ свои корни между кирпичей, точно желѣзные клинья. Лавенды просовывали свои длинные крючкова-тые пальцы подъ каждую распатанную связку и медленнымъ, но непрерывнымъ движеніемъ распатывали ее еще дальше. Можжевелникъ, розмаринъ, колючій остролистъ разрастались все гуще и гуще. И самыя травы, тѣ травы, высохшія былинки которыхъ просовывались изъ-подъ большой двери, выпрямились какъ стальные пики, пробили входныя двери и, пробравшись въ церковь, приподнимали плиты своими мощными щипцами. То было побѣдоносное возстаніе, взбунтовавшаяся природа строила баррикады изъ опрокинутыхъ престоловъ, разрушала церковь, которая въ теченіи долгихъ вѣковъ бросала слишкомъ большую тѣнь. По-

томъ вдругъ наступилъ конецъ. Рябина, высокія вѣтви которой доходили уже до самаго свода черезъ разбитыя стекла, ворвалась и наводняла своей зеленью всю церковь. Она высилась посреди церкви и росла непомѣрно. Стволъ ея сталъ такимъ колоссальнымъ, что церковь треснула, какъ узкій поясъ. Вѣтви раскидались во всѣ стороны и каждая уносила кусокъ стѣны, обломокъ крыши. И вотъ, дерево-гигантъ доходить уже до самыхъ звѣздъ; лѣсъ его вѣтвей состоитъ изъ человѣческихъ членовъ, ногъ, рукъ, торсовъ; женскіе волосы развѣваются; мужскія головы пробиваютъ кору. Совсѣмъ наверху группы влюбленныхъ наполняли воздухъ музыкой своихъ наслажденій. Послѣдній порывъ урагана, налетѣвшаго на церковь, смылъ каеэдру и исповѣдальню, рассыпавшіяся въ порошокъ... Дерево жизни пробило небо и теперь переросло звѣзды.

X.

Аббатъ Мурэ неистово захопалъ въ ладоши при этомъ зрѣлищѣ, какъ отверженный. Церковь была побѣждена. У Бога не было больше дома. Богъ не будетъ больше стѣснять его. Онъ могъ идти къ Альбинѣ, такъ какъ она восторжествовала. И какъ онъ смѣялся надъ самимъ собою: онъ всего часъ тому назадъ увѣрялъ, что церковь покроетъ своею тѣнью всю землю. Земля отмстила за себя и поглотила церковь. Безумный смѣхъ, которымъ онъ залился, внезапно пробудилъ его отъ галлюцинаціи. Одурѣвшій, онъ глядѣлъ на церковь, медленно утопавшую въ сумракѣ; въ окнахъ виднѣлись уголки неба, усѣянные звѣздами. Онъ протянулъ руки, желая ощупать стѣны, какъ вдругъ изъ коридора, ведшаго въ ризницу, его окликнулъ голосъ Дезирѣ.

— Серзь! здѣсь ты?.. Откликнись же! Я ищю тебя цѣлыхъ полчаса.

Она вошла. Она держала лампу въ рукѣ. И тутъ пaterъ увидѣлъ, что церковь цѣла. Онъ не могъ опомниться и оставался въ ужасномъ сомнѣніи между неодолимой церковью, оставшей изъ собственнаго пепла, и всемогущей Альбиной, порождающей жизнь однимъ своимъ дыханіемъ. Но Дезирѣ подошла съ своей обычной, звонкой веселостью.

— Ты вотъ гдѣ! Ты здѣсь! — кричала она. — Ты, значить, играешь въ прятки. Я звала тебя разъ десять изъ всей мочи... Я думала, ты вышелъ.

Она оглядывала темные уголки съ любопытствомъ. Подошла

даже въ исповѣдальнѣ, на цыпочкахъ, точно собираясь накрыть тамъ кого-то, кто спрятался, но вернулась, разочарованная, говоря:

— Значить, ты здѣсь одинъ? Ты можешь быть спать? Чѣмъ ты можешь забавляться одинъ, и въ такихъ потемкахъ?.. Ну, иди скорѣе, мы садимся за столъ.

Онъ провелъ лихорадочными руками по лицу, чтобы сгладить мысли, которыя, конечно, всякій могъ прочитать. И машинально хотѣлъ застегнуть свою сутану: ему казалось, что она въ постыдномъ безпорядкѣ. Потомъ послѣдовалъ за сестрой, съ строгимъ лицомъ, безъ дрожи, призывая на помощь всю волю духовнаго лица, скрывающаго терзанія своего тѣла подъ важной осанкой, подобающей его сану. Дезире даже не замѣтила его смущенія. Она просто сказала, входя въ столовую:

— Я хорошо поспала. А ты много говорилъ и весь поблѣднѣлъ.

Вечеромъ, послѣ обѣда, братъ Арканжіа пришелъ играть въ карты съ Тёзой. Въ этотъ вечеръ онъ казался необычайно веселъ. Когда монахъ бывалъ веселъ, онъ ударялъ кулаками по бокамъ Тёзы, которая отплачивала ему звонкими пощечинами. Оба смѣялись раскатистымъ смѣхомъ, отъ котораго дрожали стѣны. Кромѣ того, онъ придумывалъ необычныя шутки: разбивалъ носомъ тарелки, держалъ пари, что высадитъ спиной дверь столовой, высыпалъ весь свой табакъ изъ табакерки въ кофе старой служанки, или же приносилъ пригоршню камней и засовывалъ ихъ ей за пазуху. Эти взрывы сангвинической веселости прорывались по поводу какихъ-нибудь пустяковъ, среди его обычнаго раздраженія; зачастую обстоятельство, никого не смѣшившее, возбуждало въ немъ настоящій припадокъ шумной веселости: онъ топалъ ногами, вертѣлся какъ волчокъ, хватаясь за бока.

— Итакъ, вы не хотите мнѣ сказать, почему вы такъ веселы?—спросила Тёза.

Онъ не отвѣчалъ. Сѣлъ верхомъ на стулъ и сваялъ галопомъ вокругъ стола.

— Да, да! привидывайтесь дуракомъ,—продолжала она.— Боже мой, какъ вы глупы! Если Господь Богъ васъ видитъ, то долженъ быть доволенъ вами!

Монахъ повалился на полъ, опрокинулся на спину, заболтавъ ногами въ воздухѣ. Не поднимаясь, онъ важно проговорилъ:

— Онъ меня видитъ, Онъ доволенъ мною. Онъ хочетъ, чтобы я былъ веселъ... Когда Онъ удостоиваетъ послать мнѣ

развѣченіе, то звонить въ моемъ тѣлѣ. Тогда я катаюсь, и это смѣшить весь рай.

Онъ проползъ на спинѣ до самой стѣны, затѣмъ, выпривившись во весь ростъ, задралъ ноги какъ можно выше. Сутана, обвиснувъ, обнаружила его черные панталоны, заштопаннные на колѣняхъ обрывками зеленого сукна.

Онъ говорилъ:

— Господинъ бюрэ, поглядите, какъ я забавляюсь. Бьюсь объ закладъ, что вы не умѣете такъ веселиться... Да ну-же, посмѣйтесь немного. Лучше валяться на спинѣ, чѣмъ мечтать о какой-нибудь негодяйкѣ. Вы меня понимаете, не такъ ли? На минуту покорчишь дурака, почешешься, поразгонишь блохъ. Это успокоиваетъ. Я когда чешусь, то представляю себѣ, что я Божья собака, и потому-то и говорю, что весь рай смотреть въ окошки и смѣется, на меня глядячи... Вы тоже можете посмѣяться, г. бюрэ. Вотъ это въ честь святыхъ, а вотъ это въ вашу честь. Смотрите, вотъ я кувиркаюсь въ честь св. Іосифа, а теперь въ честь св. Іоанна, а теперь въ честь св. Михаила, а вотъ въ честь св. Марка, а вотъ въ честь св. Матвѣя...

И продолжалъ пересчитывать цѣлый рядъ именъ, идя колесомъ, воеругъ комнаты. Аббатъ Мурэ молчалъ, опершись локтями въ столъ; но, наконецъ, улыбнулся. Обыкновенно веселость монаха его тревожила. Тотъ въ это время проходилъ мимо Тѣзы, и она ударила его ногой.

— Ну,—проговорила она:—будемъ ли мы играть, наконецъ?

Братъ Арканжіа отвѣчалъ рычаніемъ. Онъ сталъ на четвереньки и прямо пошелъ на Тѣзу, прикидываясь волкомъ.

— Оставьте меня,—закричала она:—вамъ, кажется, лѣзетъ въ голову мерзость!

— Мнѣ!—пробормоталъ монахъ, совсѣмъ сраженный этимъ замѣчаніемъ, такъ что не въ силахъ былъ подняться съ мѣста.

Когда, наконецъ, ему удалось подняться на ноги, онъ отдувался въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, потирая себѣ бока. Взрывы смѣха продолжали еще раскачивать его тѣло, точно мѣхъ, который опоражниваютъ. Наконецъ, онъ проговорилъ серьезнымъ голосомъ:

— Будемъ играть... Если я смѣюсь, то это мое дѣло. Вамъ незачѣмъ знать, почему я смѣюсь, Тѣза.

И партія началась. Она была ожесточенная. Монахъ побивалъ карты ударами кулака. Когда онъ кричалъ: споръ!—стекла звенѣли. Выигрывала Тѣза. У нея уже давно были на рукахъ три туза, она сторожила четвертый съ свергающими глазами.

Между тѣмъ, братъ Арканжіа предавался другимъ шуткамъ. Онъ поднималъ столъ, рискуя разбить лампу, нахально плутовалъ, для смѣха, какъ объяснялъ потомъ. Наконецъ, запѣлъ громовымъ голосомъ каноны; когда его веселость доходила до своего апогея, онъ всегда затагивалъ какой-нибудь канонъ, и пѣлъ по цѣлымъ часамъ. Тѣза, хорошо знавшая его привычки, наклонилась и закричала ему, среди рева, которымъ онъ наполнялъ столовую:

— Замолчите, это невыносимо!.. Вы слишкомъ веселы сегодня вечеромъ.

Тогда онъ затанулъ новый канонъ. Аббатъ Мурэ усѣлся у окна. Онъ, повидимому, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что творилось вокругъ него. За обѣдомъ онъ ѣлъ какъ обыкновенно, и даже ухитрился отвѣчать на вѣчные разспросы Дезира. Теперь онъ ушелъ въ самого себя, напрягая всѣ силы, изнемогалъ въ борьбѣ, не перестававшей раздирать его. У него не хватало даже духу встать и пойти въ свою комнату. Къ тому же, онъ боялся, что если повернется къ лампѣ, то всѣ увидятъ его блѣдность, слезы, которыхъ онъ не могъ долѣе удерживать. Онъ прислонилъ лобъ къ стеклу и глядѣлъ въ ночной мракъ, мало-по-малу засыпая и цѣпенѣя, точно подъ давленіемъ кошмара.

Братъ Арканжіа, все еще напѣвавшій, подмигнулъ глазомъ, указывая движеніемъ плеча на заснуваго патера.

— Что?—спросила Тѣза.

Монахъ повторилъ свое движеніе.

— Ну что въ томъ, если вы вывихнете себѣ шею!—сказала служанка.—Говорите, и я васъ пойму... Смотрите, вотъ король. Отлично! я беру вашу даму.

Онъ положилъ на минуту карты, перегнулся черезъ столъ и прошепталъ ей въ лицо:

— Негодяйка приходила.

— Знаю,—отвѣчала она.—Я видѣла, какъ она пришла съ барышней на скотный дворъ.

Онъ свирѣпо поглядѣлъ на нее, выставя кулаки.

— Вы ее видѣли, и позволили ей войти! Слѣдовало меня позвать, мы бы повѣсили ее за ноги на гвоздь въ вашей кухнѣ.

Но она разсердилась, хотя и сдержала голосъ, чтобы не разбудить аббата Мурэ:

— Вотъ еще!—пролепетала она:—ужъ вы тоже придумаете, нечего сказать! Попробуйте-ка придти вѣшать кого-нибудь въ мою кухню!.. Конечно, я ее видѣла. И даже повернулась спиной, когда она пошла въ церковь къ г. вюрэ, послѣ урока катехизиса. Развѣ это мое дѣло? Развѣ у меня не варились бобы въ

это время?.. Я терпѣть ее не могу, эту дѣвчонку. Но если от нея зависить здоровье г. бюрѣ... она можетъ приходить во всякій часъ, въ какой вздумаетъ.

— Если вы сдѣлаете это, Тѣза,—проговорилъ монахъ съ холодной яростью,—я васъ задушю.

Она засмѣялась и въ свою очередь заговорила съ нимъ на «ты».

— Не говори пустяковъ, голубчикъ!.. Вѣдь ты знаешь, что женщины для тебя запретный плодъ, какъ «*Pater*» для ословъ. Попробуй-ка задушить меня, увидишь, что я съ тобой сдѣлаю... Будь-ка умницей, кончимъ партію. Вотъ, гляди, еще король.

Но монахъ, держа карту въ рукѣ, продолжалъ ворчать:

— Она, должно быть, пришла по какой-нибудь дорогѣ, извѣстной одному дьяволу, что я ее проглядѣлъ сегодня. Я, вѣдь, всё дни простаиваю на сторожѣ, близъ Парадѣ. Еслибы я засталъ ихъ вдвоемъ, то далъ бы ей отвѣдать суковатой палки, которую нарочно для нея срѣзалъ... Теперь я буду сторожить и церковь.

Онъ сталъ играть; Тѣза отняла у него еще валета; но тутъ монахъ опрокинулся на стулъ, снова разражаясь громкимъ смѣхомъ. Онъ не могъ сердиться по настоящему въ этотъ вечеръ, и бормоталъ:

— Нужды нѣтъ, хоть она и видѣла его, а это не помѣшало ей шлепнуться въ грязь... Я расскажу, Тѣза, какъ было дѣло. Вы знаете, дождь шелъ, я стоялъ у дверей шеолы, когда завидѣлъ, какъ она выходила изъ церкви. Она шла, выпрямившись во весь ростъ, съ спѣсивымъ видомъ, несмотря на ливень. Какъ вдругъ, дойдя до дороги, растянулась во весь ростъ, должно быть потому, что было скользко. Охъ! какъ я хохоталъ. Я захопалъ въ ладоши... Когда она встала, у нея изъ одной руки сочилась кровь. Это мнѣ дало запасъ веселья на цѣлыхъ двѣ недѣли. Не могу представить себѣ ее на землѣ, не почувствовавъ охоты смѣяться.

Тутъ, надувъ щеки и вполне отдавшись игрѣ, онъ затянулъ *de Profundis*. Партія окончилась среди его жалобнаго рева, который минутами онъ усиливалъ какъ бы затѣмъ, чтобы лучше наслаждаться имъ. Онъ проигралъ, но это ни мало не раздосадовало его. Когда Тѣза выпроводила его за дверь, разбудивъ аббата Мурѣ, они слышали, какъ онъ удалялся во мракѣ ночи, повторяя послѣдніе слова псалма: *Et ipse redimet Israël ex omnibus iniquitatibus ejus*,—необыкновенно радостнымъ тономъ.

XI.

Аббатъ Мурэ спалъ какъ убитый. Проснувшись позднѣе обыкновеннаго, онъ увидѣлъ, что лицо его и руки омочены слезами: онъ плакалъ всю ночь, во снѣ. Онъ не служилъ мессы въ это утро. Несмотря на долгій отдыхъ, его вчерашняя усталость возрасла до того, что онъ оставался до полудня въ своей комнатѣ, сидя на стулѣ, у кровати. Столбнякъ, овладѣвшій имъ, отнималъ даже у него ощущение страданія. Онъ ощущалъ только большую пустоту внутри себя; ему стало легче, хотя онъ и чувствовалъ себя разбитымъ и переломаннымъ. Чтеніе требника стѣило ему страшныхъ трудовъ; латынь казалась ему варварскимъ языкомъ, и онъ не умѣлъ даже прочесть по складамъ. И вотъ, отбросивъ книгу, онъ проводилъ цѣлыя часы, глядя на поля въ открытое окно, не имѣя даже силы подойти и опереться на подоконникъ. Вдали виднѣлась бѣлая стѣна Параду, узенькая блѣдная черточка, извивавшаяся по верхушкамъ холмовъ среди темныхъ пятенъ, образуемыхъ маленькими сосновыми рощами. Налѣво, позади одной изъ такихъ рощъ, находилась брешь; онъ не видѣлъ, но зналъ, что она тамъ. Наканунѣ, онъ бы не посмѣлъ поднять глазъ на этотъ страшный горизонтъ, но въ настоящую минуту разсѣянно слѣдилъ за очертаніями стѣны. И это даже не ускоряло бѣшенія его сердца. Соблазнъ, какъ-бы пренебрегая его измученнымъ тѣломъ, не смущалъ больше его изможденную плоть. Но, утративъ способность къ борьбѣ, онъ готовъ былъ сдѣлать то, отъ чего съ такимъ жаромъ отказывался наканунѣ не вслѣдствіе страсти, вполне покинувшей его, но вслѣдствіе какового-то одуренія.

Одну минуту онъ поймалъ себя на томъ, что говорить громко. Такъ какъ брешь не задѣлана, то онъ пойдетъ къ Альбинѣ на закатѣ солнца. Ему было немного скучно отъ этого рѣшенія, но казалось, что иначе поступить нельзя. Она его ждетъ, она его жена. Когда онъ захотѣлъ припомнить ея лицо, то оно представлялось ему какимъ-то блѣднымъ, неяснымъ. Тутъ онъ задумался о томъ, какъ они будутъ жить вмѣстѣ. Имъ нельзя будетъ остаться въ этомъ краю: придется бѣжать тайкомъ. Потомъ, когда они укроются гдѣ-нибудь, имъ необходимо будетъ много денегъ, чтобы быть счастливыми. Разъ двадцать принимался онъ составлять планъ побѣга и устройства ихъ жизни счастливыхъ влюбленныхъ, но ничего не могъ придумать. Теперь, когда желаніе не одуряло его, практическія трудности положенія приво-

дили его въ ужасъ, ставили его, бессильнаго, лицомъ къ лицу съ сложной задачей, первое слово которой было для него неизвѣстно. Гдѣ они возьмутъ лошадей, чтобы бѣжать? Если они пойдутъ пѣшкомъ, то не за арестуютъ ли ихъ, какъ бродягъ? Къ тому же, съумѣетъ ли онъ найти какое-нибудь занятіе, которое бы обезпечило существованіе его жены? Его не учили ничему такому. Онъ не зналъ жизни; перебирая въ своей памяти, онъ находилъ лишь обрывки молитвъ, подробности обрядовъ, страницы изъ «*Instruction théologique*» Бувье, заученныя наизусть въ семинаріи. Его страшно затрудняли даже пустыя вещи. Онъ вдругъ спросилъ себя: осмѣлится ли онъ вести жену подъ руку по улицѣ. Разумѣется, не съумѣетъ идти подъ руку съ женщиной. Онъ будетъ такъ неловокъ, что всѣ станутъ оглядываться; угадаютъ въ немъ патера, начнутъ оскорблять Альбину. Тщетно старался бы онъ отдѣлаться отъ своего сана, онъ всюду носилъ бы съ собою его блѣдный призракъ, запахъ ладана. А вдругъ у него будутъ дѣти? Эта неожиданная мысль заставила его вздрогнуть. Онъ почувствовалъ странное отвращеніе. Ему казалось, что онъ не будетъ ихъ любить. Однако ихъ у него двое: маленький мальчикъ и маленькая дѣвочка. Но онъ отстранялъ ихъ отъ себя: ему неприятно было, когда ихъ руки дотрогивались до него, ему чужды были радости другихъ отцовъ. Онъ не могъ привыкнуть къ этой плоти отъ плоти своей: она ему вѣчно напоминала объ его грѣхѣхъ. Въ особенности маленькая дѣвочка смущала его своими большими глазами, въ глубинѣ которыхъ уже сверкала женственная нѣжность. Но нѣтъ, у него не будетъ дѣтей, онъ избавитъ себя отъ ужаса, внушаемаго ему самою мыслью о томъ, что плоть его будетъ воспроизводиться и жить вѣчно. Тутъ надежда на свое безсиліе показала ему отрадную. Конечно, всѣ его мужественныя силы ушли вмѣстѣ съ его долгимъ отрочествомъ. Эта мысль рѣшила его сомнѣнія. Вечеромъ онъ бѣжитъ съ Альбиной.

Однако, вечеромъ аббатъ Мурэ почувствовалъ себя слишкомъ усталымъ. На другой день онъ нашелъ новый предлогъ: онъ не могъ оставить сестры на попеченіе Тѣзы; надо написать письмо, чтобы ее отвезли къ дядѣ Паскалю. Въ теченіи трехъ дней онъ собирался написать это письмо; листовъ бумаги, перо и чернила лежали готовыми на столѣ, въ его комнатѣ. И вдругъ, на третій день ушелъ, не написавъ письма, такъ, разомъ, схватилъ свою шляпу и ушелъ въ Парадѹ, по глупости, отправляясь словно на барщину, отъ которой не зналъ какъ отдѣлаться. Образъ Альбины сталъ еще блѣднѣе; онъ ее не видѣлъ, онъ повиновался

прежнимъ желаніямъ, умершимъ въ немъ въ настоящую минуту, но рефлексивно руководившимъ имъ среди страшной пустоты, наполнявшей все его существо.

По дорогѣ, онъ не принималъ никакихъ предосторожностей, чтобы его не видѣли. Остановился на краю селенія поговорить съ Розаліей; она объявила ему, что у ея ребенка конвульсіи, причѣмъ обычная улыбка, кривившая ей уголки рта, не покидала ее. Потомъ сталъ подниматься въ гору, по направленію къ брешу. По привычкѣ онъ унесъ свой молитвенникъ. Такъ какъ дорога была длинна, онъ отъ скуки раскрылъ книгу и принялся читать положенныя молитвы. Когда онъ положилъ книгу подъ мышку, то совсѣмъ забылъ про Парадѹ. Онъ все шелъ куда глаза глядятъ, думая о новой ризѣ, которую намѣревался купить въ замѣнъ золотой, рѣшительно отказывавшейся служить. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ откладывать монеты въ двадцать су и рассчитывалъ, что черезъ семь мѣсяцевъ у него накопится достаточно денегъ на ризу. Онъ былъ уже на вершинѣ горы, когда пѣсня крестьянина, долетавшая до него издали, напомнила ему псаломъ, который онъ нѣкогда пѣвалъ въ семинаріи. Онъ сталъ припоминать первые стихи этого псалма, и никакъ не могъ припомнить. Недостатокъ памяти немного сердилъ его. Поэтому, когда онъ наконецъ припомнилъ, то съ удовольствіемъ затянулъ вполголоса слова, мало-по-малу всплывавшія въ памяти. То былъ канонъ Маріи. Онъ улыбнулся. Въ лицо ему точно повѣяло свѣжимъ дыханіемъ его молодости. Какъ онъ былъ счастливъ въ тѣ времена! Конечно, онъ могъ быть счастливъ и въ будущемъ; онъ оставался все тѣмъ же ребенкомъ и не желалъ иныхъ благъ, какъ душевнаго мира, мѣста въ церкви, продавленнаго его колѣнами, уединенной жизни, развлекаемой дѣтскими забавами. Онъ мало-по-малу возвышалъ голосъ и пѣлъ канонъ тоненькимъ, какъ флейта, голосомъ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою брешъ.

Одну минуту онъ казался удивленнымъ. Потомъ пересталъ улыбаться, и проговорилъ просто:

— Альбина вѣрно меня ждетъ. Солнце уже садится.

Но въ то время, какъ онъ раздвигалъ камень, чтобы пройти, его встревожило чье-то шумное дыханіе. Онъ чуть не наступилъ на лицо брата Арванжіа, разметавшагося по землѣ и вѣрнопспавшаго. Сонъ застигъ его, конечно, въ то время, какъ онъ стерегъ входъ въ Парадѹ. Онъ лежалъ поперекъ брени въ безобразной позѣ. Правая рука его, закинута за голову, не выпускала суволатой палки, и онъ все еще какъ-будто размахивалъ ею, точно огненнымъ мечомъ. Онъ храпѣлъ, выставивъ свое во-

ричное лицо на солнцѣ. Туча большихъ мухъ кружилась надъ его раскрытымъ ртомъ.

Аббатъ Мурэ поглядѣлъ на него съ минуту. Онъ завидовалъ этому сну святого, валяющагося въ пыли. Онъ хотѣлъ прогнать мухъ; но онѣ упорно возвращались къ сизымъ губамъ монаха, который ихъ даже не чувствовалъ. Тогда аббатъ перешагнулъ черезъ его длинное тѣло. Онъ вступилъ въ Парадѹ.

ХII.

За стѣной, въ нѣсколькихъ шагахъ, Альбина сидѣла на зеленой лужайкѣ. Она встала, завидя Сержѣ.

— Вотъ и ты!—закричала она, вся задрожавъ.

— Да!—отвѣчалъ онъ, спокойно.—Я пришелъ.

Она бросилась ему на шею, но не поцѣловала его. Она почувствовала на своей голой рукѣ холодъ жемчуга, которыми были унизаны его брызжи, и оглядѣла его съ новой тревогой, повторяя:

— Что съ тобой? Ты не цѣлуешь моихъ щекъ, какъ въ былое время... Будь спокоенъ, если ты опять заболѣлъ, я снова вылечу тебя. Теперь, когда ты пришелъ сюда, наше счастье вернется. Грусти больше не существуетъ... Ты видишь, я улыбаюсь. Смѣйся, Сержѣ.

И видя, что онъ по прежнему серьезенъ, продолжала:

— Конечно, и я тоже горевала. Я еще вся блѣдная, неправда ли? Вотъ уже цѣлую недѣлю я живу здѣсь на травѣ, гдѣ ты нашелъ меня. Я думала только объ одномъ: какъ ты войдешь въ брешь. При всякомъ шумѣ я вскакивала и бѣжала тебѣ на встрѣчу. А ты все не шелъ, и то шумѣли листья, разносимыя вѣтромъ... Но я знала, что ты придешь. Я бы прождала тебя цѣлые годы.

Потомъ спросила:

— Ты меня еще любишь?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я еще люблю тебя.

Они остановились другъ передъ другомъ; немного смущенные. Молчаніе воцарилось. Сержѣ, спокойный, не старался прервать его. Альбина раза два открывала ротъ, но снова закрывала его, дивясь тому, что ей наворачивались на языкъ только горькія слова. Она чувствовала, что слезы омочили ей глаза. Что такое творится въ ней, что она не чувствуетъ себя счастливой, когда любовь ея вернулась?

— Слушай, — проговорила она, наконецъ, — здѣсь не надо оставаться. Тебя леденить эта брешь... Вернемся въ себѣ. Дай мнѣ руку.

И они углубились въ Парадѣ. Наступала осень, деревья были какія-то озабоченныя и съ пожелтѣвшими листьями, осыпавшимися одно за другимъ. На тропинкахъ уже лежалъ слой мертвой зелени, пропитанной сыростью, гдѣ шаги точно заглушали вздохи. Надъ лужайками носился дымокъ, одѣвавшій даль трауромъ. И весь садъ молчалъ, испуская лишь меланхолическіе вздохи, пронесившіеся подобно трепету.

Сержъ дрожалъ въ аллеѣ высокихъ деревьевъ, куда они свернули. Онъ произнесъ вполголоса:

— Какъ здѣсь холодно!

— Тебѣ холодно, — грустно прошептала Альбина. — Моя рука тебя больше не грѣетъ. Хочешь, я прикрою тебя краемъ платья?.. Мы оживимъ всю свою былую нѣжность.

Она свела его въ цвѣтникъ. Роца изъ розановъ еще благоухала, но горькимъ ароматомъ, и листья, выросшіе непожѣрно, покрывали землю какъ-бы стоячимъ болотомъ. Но Сержъ выказалъ такую неохоту идти въ эту чашу, что они остались на опушкѣ, издали посматривая на аллею, гдѣ гуляли весною. Она помнила всѣ закоулки, указывала ему пальцемъ на гротъ, гдѣ спала мраморная женщина, на распущенные волосы жимолости и ломоносовъ, на поля съ фіалками, на фонтанъ, извергавшій красную гвоздику, на большую лѣстницу, залитую потоками желтой гвоздики, на полуобрушенную колоннаду, съ павильономъ изъ бѣлыхъ лилій въ центрѣ. Вонъ, тамъ они оба родились на солнцѣ. И она пересказывала ему малѣйшія подробности этого перваго дня: какъ они шли, какъ хорошо пахнулъ воздухъ въ тѣни. Онъ какъ-будто слушалъ; потомъ, вдругъ какой-нибудь вопросъ его доказывалъ, что онъ не понималъ того, что она ему говорила. Легкая дрожь, отъ которой онъ блѣднѣлъ, не покидала его.

Она отвела его въ плодовый садъ, куда однако имъ не удалось попасть. Рѣка наполнялась, но Сержу и въ голову не приходило посадить Альбину въ себѣ на плечи, чтобы перенести въ три прыжка на другой берегъ. А между тѣмъ, на другомъ берегу яблони и грушевыя деревья были покрыты плодами; виноградная лоза склонялась подъ тяжестью золотыхъ кистей. Какъ они нѣкогда рѣзвились въ прожорливой тѣни этихъ почтенныхъ деревьевъ! Они были тогда дѣтьми. Альбина улыбалась, вспоминая, какъ выставлялись ея ноги, когда вѣтки подламывались подъ ней. Онъ пугался. Помнилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, о сливахъ,

которыя они тутъ ѣли? Сержъ отрицательно качалъ головой. Онъ казался уже усталымъ. Плодовый садъ съ его зеленой чащей, его путаницей мшистыхъ стволовъ, тревожилъ его, казался ему сырýmъ погребомъ, населеннымъ крапивою и змѣями.

Она повела его на луга. Тамъ ему пришлось сдѣлать нѣсколько шаговъ по травѣ. Она доходила ему теперь до плечъ. И онъ умолялъ Альбину не ходить далѣе. Она шла впереди и не останавливалась; потомъ, вида, что онъ страдаетъ, остановилась возлѣ него, мало-по-малу дѣлаясь сумрачной и принимаясь дрожать, какъ и онъ. Однако, попробовала заговорить. Жестомъ указала ему на ручьи, ряды ивъ, пространства, залитыя травой, простирившіяся до горизонта. Все это принадлежало имъ нѣкогда. Они проводили тутъ цѣлые дни. Тогда они желали, чтобы трава была выше, и они могли бы затеряться въ ея выбухчей волнѣ, и быть совсѣмъ наединѣ, точно жаворонки, разгуливающіе въ хлѣбномъ полѣ. Почему же сегодня онъ дрожить, едва нога его потонетъ въ травѣ?

Она отвела его въ лѣсъ. Деревья еще сильнѣе напугали Сержа. Его поражаютъ ихъ строгій видъ. Здѣсь, среди этихъ стволовъ, среди этихъ обнаженныхъ чащъ, куда свѣтъ свободно проникалъ, прошедшее болѣе чѣмъ когда-нибудь казалось скороненнымъ навѣки. Первые дожди смыли слѣды ихъ шаговъ на пескѣ аллей; вѣтры унесли все, что оставалось отъ нихъ на низкихъ вѣтвяхъ кустовъ. Теперь Альбина молчала; горло ея сжимала грусть. Но она протестовала взглядомъ. Она отыскивала на пескѣ слѣды ихъ прогулокъ. У каждаго куста воспоминанія вызывали теплую краску у нея въ лицѣ. И умоляющими взорами она старалась пробудить воспоминанія Сержа. Вдоль этой тропинки они молча шли взволнованные, не смѣя признаться, что любятъ другъ друга. На этой прогалинѣ, они засидѣлись однажды вечеромъ очень поздно, заглядѣвшись на звѣзды, лившіяся на нихъ точно капли тепла. Далѣе, подъ этимъ дубомъ, они впервые поцѣловались. Дубъ сохранялъ еще аромат этого поцѣлуя. Сами мхи какъ будто говорили о немъ. Неправда, будто лѣсъ сталъ нѣмъ и пустъ. Сержъ отворачивалъ голову, избѣгалъ взоровъ Альбины, надѣдавшихъ ему.

Она провела его къ большимъ скаламъ. Быть можетъ, тамъ онъ перестанетъ дрожать, съ убитымъ лицомъ, приводившимъ ее въ отчаяніе. Однѣ только большія скалы были въ этотъ часъ еще совсѣмъ теплыя отъ горячихъ лучей заходящаго солнца. Но какъ только они вступили на утесъ, Сержъ сталъ жестоко спотыкаться. Онъ не въ силахъ былъ идти далѣе, споткнулся и упалъ. Аль-

бина сверхчеловѣческимъ усиліемъ приподняла его и пронесла на рукахъ. Но онъ опять свалился съ ногъ и остался лежать посреди дороги. Передъ нимъ, подъ нимъ разстился громадный Парадѹ.

— Ты солгалъ,—завричала Альбина:—ты меня больше не любишь!

И плакала, стоя подлѣ него, чувствуя, что бессильна унести его выше. Она пока еще не сердилась и только оплакивала умершую любовь. Онъ же былъ подавленъ.

— Садъ умерь, мнѣ все холодно,—бормоталъ онъ.

Но она взяла его за голову и жестомъ указала на Парадѹ.

— Да погляди же!.. Ахъ! умерли твои глаза, уши, руки, ноги, все твое тѣло,—вотъ что умерло. Ты прошелъ мимо всѣхъ нашихъ радостей, не видя ихъ, не слыша. Ты только спотыкался и упалъ здѣсь отъ усталости и скуки... Ты меня больше не любишь.

Онъ тихо протестовалъ. Тогда она впервые выказала раздраженіе.

— Молчи! развѣ садъ когда-нибудь умираетъ! Онъ заснетъ на зиму, но проснется въ маѣ и возвратитъ намъ то, что мы ему довѣрили: нашу любовь, наши ласки; поцѣлуй наши опять расцвѣтутъ въ цвѣтннѣ, клятвы обновятся вмѣстѣ съ травой и деревьями... Еслибы ты видѣлъ, еслибы ты слышалъ; садъ любить еще крѣпче въ осеннюю пору, когда засыпаетъ... Ты меня больше не любишь и ничего не понимаешь.

Онъ же, поднявъ глаза на нее, умолялъ ее не сердиться. Лицо его какъ будто похудѣло и поблѣднѣло отъ дѣтскаго страха. Громкое слово заставляло его вздрагивать. Наконецъ, онъ упротсилъ ее присѣсть на минутку вовлѣ него, посреди дороги. Они спокойно поговорятъ, объяснятся. И оба, глядя на Парадѹ и даже не сжавъ другъ другу кончики пальцевъ, заговорили о своей любви.

— Я люблю тебя, я люблю тебя,—повторялъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ.—Еслибы я не любилъ тебя, я бы не пришелъ... Правда, я усталъ. Не знаю отчего. Я надѣялся, что опять найду здѣсь то тепло, о которомъ и вспоминать-то было пріятно. А мнѣ все холодно; садъ кажется мнѣ чернымъ; я ничего не узнаю въ немъ. Но это не моя вина. Я стараюсь быть какъ ты, я желаю бы угодить тебѣ.

— Ты меня больше не любишь,—повторила Альбина.

— Нѣтъ, я люблю тебя. Я очень страдалъ въ тотъ день, когда прогналъ тебя... О! я любилъ тебя съ такимъ безуміемъ,

видишь ли, что задушилъ бы тебя въ объятіяхъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ты стояла передо мной, терзая меня своими тонкими пальцами. Когда я закрывалъ глаза, ты зажигалась точно солнце, ты окхватывала меня своимъ пламенемъ... И вотъ, тогда я всёмъ пренебрегъ и пришелъ.

Онъ въ раздумьи умолеъ на минуту; потомъ продолжалъ:

— И вотъ, теперь руки мои точно сломаны. Еслибы я захотѣлъ прижать тебя въ груди, я не сумѣлъ бы удержать въ рукахъ, выпустилъ бы тебя изъ нихъ... Подожди, пока дрожь пройдетъ у меня. Ты мнѣ дашь свои руки, и я ихъ поцѣлую. Будь добра, не гляди на меня раздраженными глазами. Помоги мнѣ согрѣть мое сердце.

Въ голосъ его звучала такая искренняя грусть, такое очевидное желаніе возобновить ихъ нѣжную жизнь, что Альбина была тронута. Мгновенно она стала очень вротча, и принялась заботливо разспрашивать его:

— Гдѣ у тебя болитъ? Чтѣ съ тобой?

— Не знаю. Мнѣ кажется, что вся кровь уходитъ изъ моихъ жилъ... Сейчасъ, идя сюда, мнѣ казалось, что мнѣ на плечи накинута ледяной покровъ, прилипшій въ моему тѣлу и съ головы до ногъ обратившій меня въ камень... Я уже чувствовалъ этотъ покровъ на своихъ плечахъ раньше... когда, не помню.

Но она перебила его дружелюбнымъ смѣхомъ.

— Ты ребенокъ, ты простудился, вотъ и все... Послушай, надѣюсь, что это не я пугаю тебя? Зимѣю мы не останемся въ этомъ саду, какъ два дикаря. Мы поѣдемъ, куда ты хочешь, въ какой-нибудь большой городъ. Мы будемъ любить другъ друга среди людей, такъ же спокойно, какъ и среди деревень. И ты увидишь, что я способна не на то только, чтобы лазить по деревьямъ и ходить по цѣлымъ часамъ безъ усталы... Когда я была маленькая, я носила вышитыя юбки, ажурныя чулки, оборочки, манжеты. Тебѣ нѣтъ объ этомъ не разсказывалъ?

Онъ не слушалъ ее, потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ахъ! вспомнилъ!

И когда она стала разспрашивать его, онъ не захотѣлъ отвѣтить. Онъ припомнилъ ощущеніе, испытанное имъ въ семинарской церкви. Вотъ тотъ оледенѣлый покровъ, отъ котораго у него дѣлалось каменное тѣло. И тутъ его духовное прошлое неотразимо завладѣло имъ. Смутныя воспоминанія, пробудившіяся въ немъ во время пути, когда онъ шелъ въ Парадъ, заговорили въ немъ съ властительной силой. Въ то время какъ Альбина продолжала говорить ему о счастливой жизни, которую они пове-

дуть вдвоемъ, онъ слышалъ лишь звуки колокольчика, возвѣщавшаго о совершеніи таинства, видѣлъ взмахи кадилъ надъ колѣнопреклоненной толпой.

— Ну вотъ, говорила она, для тебя я опять надѣну вышитыя юбки... Я хочу, чтобы ты былъ веселъ. Мы придумаемъ, что можетъ тебя развлечь; быть можетъ, ты сильнѣе полюбишь меня, когда увидишь меня нарядной, расчесанной, какъ даму; гребень у меня не будетъ больше торчать криво, волосы не будутъ растрепаны по плечамъ. Я не стану больше засучивать рукавовъ до локтей, буду застегивать платье, чтобы не видно было плечъ. И я еще не разучилась кланяться; я умѣю ходить съ достоинствомъ. Будь спокоенъ, тебѣ не стыдно будетъ пройтись со мной по улицамъ подъ руку.

— Входила ли ты когда-нибудь въ церковь, когда была маленькой?—спросилъ онъ вполголоса, высказывая вслухъ, помимо воли, думы, мѣшавшія ему слушать то, что она говорила.—Я не могъ проходить мимо церкви, чтобы не зайти въ нее. Какъ скоро дверь затворялась за мной, мнѣ казалось, что я въ самомъ раю, что ангельскіе голоса нашептываютъ мнѣ на ухо святныя исторіи, что дыханіе святыхъ ласкаетъ все мое тѣло... И мнѣ хотѣлось всегда жить тамъ, замереть въ этомъ блаженствѣ.

Она пристально поглядѣла на него взглядомъ, гдѣ мелькнулъ огонь раздраженія, но сдержала себя:

— Я буду такой, какой тебѣ будетъ угодно. Я играла на фортепіано въ былое время; я была образованная барышня, въ которой развивали различныя таланты... Я вернусь въ школу, снова займусь музыкой, если ты пожелаешь прослушать какую-нибудь арію. Стоить тебѣ назвать ее, и я по цѣлымъ мѣсяцамъ буду разучивать ее, чтобы сыграть тебѣ ее вечеромъ, у насъ въ домѣ, въ уютной комнатѣ, съ опущенными занавѣсами. И ты наградишь меня поцѣлуемъ... Хочешь поцѣловать меня въ губы, чтобы пробудить свою любовь.

— Да, да!—бормоталъ онъ, отвѣчая на собственныя мысли:— мои главныя удовольствія заключались въ томъ, чтобы зажигать свѣчи, готовить сосуды, носить требникъ со сложенными рукавами. Позднѣе я почувствовалъ медленное приближеніе Бога и думалъ, что умру отъ любви... У меня нѣтъ другихъ воспоминаній. Я ничего не знаю. Когда я поднимаю руку, то затѣмъ, чтобы благословить. Когда протягиваю губы, то чтобы приложиться къ алтарю. Если я стану искать своего сердца, я не найду его; я отдаю его Богу, и Онъ взялъ его.

Она совсѣмъ поблѣднѣла, и глаза ея засверкали, но продолжала дрожащимъ голосомъ:

— И я не хочу, чтобы дочь моя разставалась со мной. Ты можешь, если пожелаешь, помѣстить мальчика въ collegiu. Но дѣвочка останется со мной. Я сама стану учить ее. О! я припомню, я найму учителей, если забыла читать... Мы будемъ жить съ нашими малютками, ты будешь счастливъ, неправда ли? Отвѣчай, скажи мнѣ, что тебѣ будетъ тепло, что ты будешь улыбаться, что ты ни о чемъ не станешь жалѣть?

— Я часто думалъ о каменныхъ святыхъ, которыхъ окуриваютъ ладаномъ въ ихъ нишѣ въ теченіи многихъ столѣтій,—сказалъ онъ шепотомъ.—Съ теченіемъ времени, они должны насъ прокуриться ладаномъ... Вотъ и я—какъ одинъ изъ этихъ святыхъ. Я весь прокурень ладаномъ, и въ этомъ заключается тайна ясности моего духа, спокойной смерти моей плоти, мира, которымъ я наслаждаюсь оттого, что не живу... Ахъ! пусть ничто не выводитъ меня изъ моей неподвижности! Я останусь холоднымъ, застывшимъ, съ неумирающей улыбкой на гранитныхъ губахъ, безсильный сойти къ людямъ. Вотъ мое единственное желаніе!

Она встала, раздраженная, грозная. Она принялась трясти его, крича:

— Что ты говоришь? о чемъ это мечтаешь вслухъ?.. Развѣ я не твоя жена? развѣ ты пришелъ не затѣмъ, чтобы быть моимъ мужемъ?

Онъ задрожалъ еще сильнѣе, и отступилъ назадъ.

— Нѣтъ, оставь меня, мнѣ страшно,—бормоталъ онъ.

— А наша общая жизнь, наше счастье, наши дѣти?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ страшно.

Потомъ испустилъ послѣдній, жалобный крикъ:

— Не могу! не могу!

Тогда съ минуту она стояла молча, глядя на несчастнаго, дрожавшаго у ея ногъ. Пламя горѣло въ ея глазахъ. Она раскрыла руки какъ-бы затѣмъ, чтобы взять его и прижать къ себѣ, но какъ будто одумалась, взяла его только за руку и приподняла съ мѣста.

— Пойдемъ,—сказала она.

И она привела его подъ гигантское дерево, на то самое мѣсто, гдѣ они были такъ счастливы. Тамъ царилъ та же блаженная тѣнь. Дерево было такое же ласковое, могучее. А вдали Парадю, не взирая на первый осенній трепеть, все еще шептала про любовь.

— Слышишь, слышишь?—лепетала Альбина на ухо Сержу, котораго усадила у подошвы дерева.

Сержъ плакалъ.

— Ты видишь, что Парадѣ не умерь. Онъ совѣтуетъ намъ любить другъ друга. Онъ хочетъ, чтобы мы были мужемъ и женой... О! вспомни! Обними меня. Будемъ любить другъ друга.

Сержъ плакалъ.

Она не промолвила больше ни слова. Она сама обняла его. Губы ея привоснулись къ этому трупу, чтобы оживить его; руки старались согрѣть его, вырвать у него признакъ жизни. Но Сержъ продолжалъ плакать.

Помолчавъ съ минуту, Альбина заговорила. Она выпрямилась, презрительная и рѣшительная.

— Ступай вонъ!—проговорила она шопотомъ.

Сержъ съ усиленіемъ приподнялся. Онъ поднялъ свой трезникъ, валявшійся на травѣ, и пошелъ.

— Ступай вонъ!—повторяла Альбина, идя за нимъ слѣдомъ и возвышая голосъ.

Она гнала его такимъ образомъ до самой бреши мимо серьезныхъ деревьевъ, теперь молчаливыхъ. И такъ какъ тамъ Сержъ остановился, опустивъ голову, она рѣзко прокричала ему:

— Ступай вонъ! ступай вонъ!

Потомъ медленно вернулась въ Парадѣ, не оборачивая головы. Ночь наступила, садъ превратился въ большой темный гробъ.

XXIII.

Братъ Арканжіа проснулся и, стоя у бреши, хлопалъ палкой по камнямъ, неистово ругаясь.

Но когда увидѣлъ, что Альбина прогоняетъ патера, то на минуту смолкъ отъ удивленія. Потомъ застучалъ сильнѣе, раздражаясь страшнымъ хохотомъ.

— Прощай, негодяйка! Добраго пути! Вернись къ своимъ волкамъ... Ага! святой пришелся тебѣ не по нраву. Тебѣ надо не такихъ людей. Не хочешь ли мою палку? Вотъ тебѣ достойный мужъ.

И со всего размаха бросилъ палку вслѣдъ Альбинѣ, исчезающей во мракѣ. Потомъ, поглядѣвъ на аббата Мурэ, зарычалъ:

— Я знаю, что вы тамъ. Камни были разбросаны... Слушайте, г. кюрэ, проступокъ вашъ сдѣлалъ меня старшимъ надъ

вами. Богъ возвѣщаетъ вамъ своими устами, что въ аду самыя страшныя муки уготованы для патеровъ, ублажающихъ свою плоть. Если онъ удостоитъ отпустить вамъ вашъ грѣхъ, то будетъ слишкомъ добръ, нарушивъ свою справедливость.

Медленными шагами оба направились къ Артб. Патерь не раскрывалъ рта. Мало-по-малу онъ поднялъ голову и пересталъ дрожать. Когда онъ увидѣлъ вдали, на лиловатомъ небѣ, черную полосу «пустынника» съ краснымъ пятномъ церковныхъ черепицъ, то слабо улыбнулся. Въ его свѣтлыхъ глазахъ появилось выраженіе большого спокойствія.

Между тѣмъ монахъ время отъ времени ударялъ камнемъ о камни, и вдругъ, обращаясь къ спутнику, произнесъ:

— Теперь кончено... Небо меня усыпило. Я почувствовалъ, что вѣки мои отяжелѣли, точно невидимыя руки закрывали ихъ... Слушайте, я понимаю. Небо хотѣло показать вамъ ничтожество вашей скверны. Я, когда былъ въ вашихъ лѣтахъ,—былъ точно бѣсноватый: демонъ грызъ мое тѣло. А потомъ онъ вдругъ соскучился и ушелъ. У меня нѣтъ больше тѣла. Но это мнѣ все равно, и даже такъ лучше, я показываю кулакъ всѣмъ проходящимъ мимо меня канальямъ.

Арванжіа плюнулъ въ дорожную пыль, съ видомъ глубокаго отвращенія. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ продолжалъ:

— Я зналъ, что вы придете. Давно уже я подстерегалъ васъ... Я подглядывалъ въ садъ, черезъ отверстіе въ стѣнѣ; мнѣ бы хотѣлось срубить деревья. Часто я бросалъ камни. Когда мнѣ удавалось сломать вѣтку, я былъ доволенъ... Скажите, развѣ это такъ необычайно—то, что вы тамъ испытывали?

Онъ остановилъ аббата Мурэ посреди дороги, глядя на него глазами, сверкавшими страшной ревностью. Радости, которыя онъ чувалъ въ Парадѣ, терзали его. Цѣлыя недѣли онъ оставался на порогѣ, издали предвкушая запретныя наслажденія. Теперь онъ желалъ по крайней мѣрѣ знать подробности грѣха, не грѣша самъ.

— Разкажите мнѣ,—нѣсколько разъ повторялъ онъ.

Но аббатъ былъ нѣмъ, и онъ снова зашагалъ впередъ, подсмѣиваясь, бормоча двусмысленныя слова. И повышая голосъ:

— Видите ли, когда патерь дѣлаетъ то, что вы сдѣлали, онъ скандализируетъ всѣхъ духовныхъ лицъ... Я самъ не чувствовалъ себя больше цѣломудреннымъ возлѣ васъ. Вы всѣхъ заражали собою... Въ настоящую минуту вы образумились. О! вамъ нечего исповѣдываться. Мнѣ знакомъ этотъ ударъ дубиной.

Небо сломило ваше тѣло, какъ у другихъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

Онъ торжествовалъ, хлопалъ въ ладоши. Аббатъ не слушалъ его, потерянный въ мечтаніяхъ. Улыбка его обозначалась явственнѣе.

Когда они дошли до приходскаго дома, братъ Арканжіа все еще говорилъ. Онъ повторялъ:

— Было бы несправедливо, еслибы Богъ васъ простилъ... Я вѣдь не грѣшилъ, не такъ ли? Какой же прокъ былъ бы въ томъ, что я не грѣшилъ, если васъ награждать наравнѣ со мной? Въ такомъ случаѣ, я бы пожалѣлъ, зачѣмъ не поступилъ такъ, какъ вы. Да, я бы объ этомъ пожалѣлъ...

Онъ подумалъ съ минуту, потомъ прибавилъ съ сердцемъ:

— Нѣтъ, это гадость, это мерзость, я ни о чемъ не сожалѣю... Слышите ли, Богъ не можетъ простить васъ.

И ушелъ. Аббатъ Мурэ не вступилъ въ приходскій домъ. Онъ обошелъ его и проскользнулъ въ церковь. Она была вся сѣрая, какъ и въ тотъ страшный дождливый вечеръ, когда соблазнить такъ жестоко истерзалъ его... Но теперь церковь оставалась бѣдной и благочестивой; золото не сверкало, тревожныя вѣянія съ полей не доносились до нея. Въ ней царствовало торжественное молчаніе. Ее какъ-будто наполняло одно дуновеніе милосердія.

Опустившись на колѣни передъ большимъ распятіемъ изъ раскрашеннаго картона, плача слезами, которыя радостно катились по его щекамъ, патеръ лепеталъ:

— Боже мой, неправда, что ты безжалостенъ. Я уже чувствую, что Ты мнѣ простилъ. Я чувствую это по той благодати, которая вотъ уже нѣсколько часовъ по каплѣ нисходитъ на меня, принося мнѣ медленнымъ и вѣрнымъ путемъ спасеніе... Боже мой! въ ту самую минуту, какъ я повидалъ Тебя, Ты всего заботливѣе охранялъ меня. Ты скрывался отъ меня, чтобы вѣрнѣе спасти меня отъ грѣха. Ты дозволилъ моей плоти заявить себя, чтобы я могъ разбиться объ ея безсиліе... И теперь, я вижу, что я отмѣченъ Твоей печатью, той страшной, но сладостной печатью, которая изъемлетъ человѣка изъ среды людей, которая не изглаживается, и рано или поздно всплываетъ даже на преступныхъ членахъ. Ты меня сломилъ въ грѣхѣ и въ соблазнѣ. Ты меня опалилъ своимъ пламенемъ. Ты пожелалъ, чтобы внутри меня были однѣ развалины, чтобы съ увѣренностью спускаться туда. Я пустой домъ, въ которомъ Ты можешь обитать... Буди имя Твое благословенно, Господи!

Онъ распростерся въ пыли и лепеталъ молитву. Церковь

восторжествовала. Она возвышалась надъ головой патера съ своими престолами, своей исповѣдальней, своей каедрой, своими крестами, своими образами. Миръ больше не существовалъ. Соблазнъ угасъ, точно пожаръ, отнынѣ ненужный для очищенія его плоти. На него нисходилъ сверхчеловѣческій покой. Онъ испустилъ послѣдній крикъ.

— Помимо жизни, помимо творенія, помимо всего живого, я принадлежу Тебѣ, Господи, Тебѣ единому, навѣки!

XIV.

Въ этотъ часъ Альбина въ Парадѣ все еще бродила, влача нѣмую тоску раненаго животнаго. Она больше не плакала. Лицо у нея было блѣдно, безъ единой кровинки, и пересѣчено глубокой морщиной на лбу. За что терпѣла она эту злую муку? Въ чемъ провинилась она, что садъ вдругъ пересталъ выполнять то, что сулилъ ей съ самаго дѣтства. И она вопрошала его, шла впередъ, не видя аллей, гдѣ тѣнь сгущалась мало-по-малу. А между тѣмъ она всегда слушалась деревьевъ. Она не помнила, чтобы когда-нибудь сломала цвѣтокъ. Она оставалась любимой дочерью растений, повинувась имъ съ довѣріемъ къ тому счастью, которое они ей сулили... Итакъ, если она не находитъ въ чемъ упрекнуть себя, то, значить, садъ обманулъ ее, мучилъ ее ни за что, ни про что.

Она остановилась, поглядѣла вокругъ себя. Большія темныя массы зелени хранили благоговѣйное молчаніе. Тропинки, гдѣ высились темныя стѣны, казались черными, непроходимыми чащами; зеленыя скатерти, вдали, усыпляли вѣтры, ихъ задѣвавшіе. И она съ отчаяніемъ протягивала руки, у нея вырывался вопль протеста. Неужели таковъ конецъ! Она хотѣла еще жить; смерть не была такъ близка. Но ея голосъ затерялся среди нѣмыхъ деревьевъ. Парадѣ не отвѣчалъ на ея жалобы. Три раза она обращалась къ нему, но никакого объясненія не дали ей высокія вѣтки, ни одинъ листокъ не пожалѣлъ о ней. Когда она пошла дальше, она сознала, что ее застигла суровая зима. Теперь она больше не вопрошала землю съ негодованіемъ и протестомъ; ей слышался тихій голосъ, раздававшійся у самой земли, прощальный голосъ растений, желавшихъ другъ другу счастливой смерти. Упиваться солнцемъ въ теченіи всего лѣта, прожить въ цвѣту, испуская непрерывный ароматъ, потомъ уйти при первомъ же страданіи, съ надеждой вырости гдѣ-нибудь въ другомъ

мѣстѣ, развѣ это недостаточно долгая жизнь? Не хорошо прожитая жизнь, и упорство жить дольше могло только испортить ее. Ахъ! какъ сладко, должно быть, умереть, видѣть передъ собою ночь безъ конца, и вѣчно думать о краткомъ прожитомъ днѣ и его мимолетныхъ радостяхъ!

Она снова остановилась, но больше не протестовала и прислушивалась къ благоговѣйному молчанію Парадѣ. Ей казалось теперь, что она его понимаетъ. Конечно, садъ готовилъ ей смерть, какъ высшее благо. Онъ къ смерти велъ ее такимъ сладкимъ путемъ. Послѣ любви оставалась только смерть. И никогда садъ не любилъ ее больше; она была неблагодарна, когда обвиняла его; она оставалась его любимой дочерью. Молчаливая листва, тропинки, залитыя мракомъ, лужайки, гдѣ спалъ вѣтерокъ, молчали, какъ-бы приглашая и ее насладиться молчаніемъ. Они желали забрать ее съ собою, мечтали унести ее, завернутую въ ихъ пожелтѣлыя листья, съ замершими глазами, какъ вода источниковъ, съ членами, подобными оголенному вѣтвямъ, съ кровью недвижимой, какъ и растительный сокъ. Она проживетъ ихъ жизнью до самаго конца, до самой ихъ смерти. Быть можетъ, они уже рѣшили, что на будущій годъ она будетъ розовымъ кустомъ въ цвѣтнікѣ или ивой на лугахъ, или молодой березой въ лѣсу. Вотъ великій законъ жизни: она умереть.

Тогда, въ послѣдній разъ, она пустилась бѣжать по саду, въ поискахъ за смертью. Какая пахучая трава нуждалась въ ея волосахъ, чтобы усилить ароматъ своихъ листьевъ? Какой цвѣтокъ просилъ въ даръ ея атласную кожу, непорочную бѣлизну ея рукъ, нѣжную ткань ея шеи? Какому больному кусту могла она предложить свою молодую кровь? Она желала бы быть полезной травамъ, прозябавшимъ на краю аллеи, убитыя тамъ, чтобы изъ нея выросла трава, роскошная, жирная, выпашая птицами въ маѣ, страстно лобзаемая солнцемъ. Но Парадѣ оставался долго еще нѣмымъ и не рѣшался довѣрить ей, въ какомъ прощальномъ поцѣлуѣ онъ унесетъ ее. Она обѣжала весь садъ. Ночь совсѣмъ наступила, и ей вазалось, что она мало по-малу вросла въ землю. Она вскарабкалась на большія скалы, расспрашивая ихъ: не на ихъ ли страшныхъ зубцахъ ей суждено умереть? Она прошла по лѣсу, выжидая, что какой-нибудь дубъ свалится и схоронитъ ее въ величїи своего паденія. Она прошла вдоль рѣчекъ, наклоняясь на каждомъ шагу, заглядывая, не приготовлено ли для нея ложе среди вувшинчиковъ. Нигдѣ смерть не звала ее, не протягивала ей своихъ холодныхъ рукъ. Однако она не ошибалась. Парадѣ долженъ научить ее умереть, какъ

научилъ любить. Она принялась снова бродить по кустамъ. И вдругъ, въ тотъ моментъ, какъ входила въ цвѣтникъ, услышала какъ смерть зоветъ ее. Она побѣжала и засмѣялась радостнымъ смѣхомъ. Она должна умереть съ цвѣтами.

Сначала она побѣжала въ рошу изъ розъ. Тамъ, при последнемъ сіяніи сумерокъ, принялась опустошать кусты. Она сорвала всѣ розы, томившіяся въ ожиданіи зимы; она обрывала ихъ, не заботясь о шипахъ, обѣими руками, и такъ спѣшила, что ломала вѣтки, она, дорожившая прежде малѣйшей былинкой. Но развѣ цвѣты не должны также умереть вмѣстѣ съ ней? Скоро она набрала большую охапку розъ, подъ тяжестью которой гибалась. Она наломала еще вѣтокъ, и выходя изъ роши въ конецъ опустошила ее, даже унесла упавшіе лепестки. Потомъ бросилась въ павильонъ и свалила свое бремя на полъ комнаты съ голубымъ потолкомъ, и снова бѣгомъ пустилась въ цвѣтникъ.

Теперь она набросилась на фіалки. Она связывала ихъ въ громадныя букеты, которые прижимала къ груди; вырывала цѣлыя кустики въ цвѣту. Потомъ стала собирать гвоздику, связывая въ гигантскіе снопы бѣлую гвоздику, напоминавшую кринки съ молокомъ, и гигантскую красную гвоздику, походившую на ведра съ кровью. Потомъ набрала левкоевъ, *belles-de-nuit*, гелиотроповъ, лилій. Она обрывала стебли цвѣтущихъ левкоевъ, безъ пощады къ ихъ атласнымъ рюшамъ. Она опустошала цѣлыя корзины съ *belles-de-nuit*, скашивала цѣлыя поля гелиотроповъ. И когда снова заготовила большую вязанку цвѣтовъ, то отнесла ее въ павильонъ и навалила возлѣ розъ на полу груды фіалокъ, гвоздики, левкоевъ, *belles-de-nuit*, гелиотроповъ, лилій, потомъ, не переводя духъ, снова побѣжала съ новымъ рвеніемъ.

На этотъ разъ она бросилась въ тотъ меланхолическій уголокъ сада, который какъ-бы служилъ кладбищемъ цвѣтника; жаркая осень выросила тамъ вторичную жатву весеннихъ цвѣтовъ, и она особенно набросилась на гряды съ туберозами, гяцинтами. Далѣе, она опустошила поле съ ноготками, а поверхъ всего этого положила маку, и бѣгомъ вернулась въ комнату съ голубымъ потолкомъ, наблюдая, чтобы вѣтеръ не похитилъ у нея ни одного лепестка, и тамъ раскрыла руки: груды цвѣтовъ снова обрушились на полъ. Потомъ сбѣжала въ садъ.

Что ей теперь дѣлать? Она опустошила весь цвѣтникъ. Но не могла же она вернуться съ пустыми руками. И набросилась на травы, на пахучія растенія; набрала полный подолъ мяты, желѣзняка. Сорвала также два громадныхъ куста укропа и перекинула ихъ черезъ плечо. Будь возможно, она унесла бы

съ собой всю зеленую мураву цвѣтника. Потомъ на порогѣ павильона обернулась и бросила послѣдній взглядъ на Парадѣ. Было совсѣмъ темно: ночь наступила и набросила на него свой черный покровъ. Войдя въ комнату, Альбина сунула душистыя растенія въ уголь.

Вскорѣ большая комната была убрана. Она поставила зажженную лампу на столикъ, и разобрала цвѣты, сваленные въ кучу на полъ: она связывала сначала большія вязанки, которыя размѣщала по угламъ. Сначала, позади лампы, на столикѣ, поставила лиліи, потомъ посыпала гвоздикой, левкоемъ старый диванъ; цвѣтная матерія его была уже усѣяна красными букетами, полинявшими въ послѣднія сто лѣтъ; и матерія исчезла подъ живыми цвѣтами. Тутъ она выстроила всѣ четыре кресла передъ альковомъ: наполнила первый ноготками, второй макомъ, третій *belles-de-nuit*, четвертый геліотропомъ; у заваленныхъ цвѣтами кресель чуть видѣлись лишь уголки ручекъ. Наконецъ, подумала и о кровати. Она придвинула къ изголовью маленькій столикъ и навалила на него громадную груду фіалокъ. Потомъ насыпала гіацинтовъ и туберозъ. Постель превратилась въ цвѣточный коверъ. Оставались еще розы. Она набросала ихъ наудачу по всей комнатѣ. И даже не глядѣла, куда они падали: столъ, диванъ, кресла покрылись цвѣтами; одинъ уголокъ постели былъ заваленъ ими. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ розы сыпались дождемъ. И такъ какъ груды цвѣтовъ все еще были велики, она наконецъ стала плести гирлянды и развѣшивать ихъ по стѣнамъ. Гипсовые амуръ, рѣзвившіеся надъ альковомъ, были увѣнчаны розовыми гирляндами вокругъ шеи, рукъ, бедръ. Голубой потолокъ, овалы медальоны, съ бантами тѣлеснаго цвѣта, эротическія картины, съѣденныя временемъ, покрылись покровомъ изъ розъ, драпировались розами. Большая комната была убрана. Теперь она могла умереть въ ней вмѣстѣ съ цвѣтами.

Альбина постояла съ минуту, глядя вокругъ себя. Она размышляла, она искала, тутъ ли смерть; подобравъ пахучія растенія, мяту, желѣзнякъ, укропъ, она связала изъ нихъ жгуты и помощью ихъ законопатила малѣйшія отверстія, малѣйшія дырочки въ окнахъ и двери. Затѣмъ задернула занавѣсы бѣлаго каленкора, спитыя толстыми нитками. И нѣмая, безъ единого вздоха, легла на кровать, на одръ смерти изъ гіацинтовъ и туберозъ.

Тутъ она простилась съ жизнью въ послѣдній разъ. Съ широко раскрытыми глазами она улыбалась комнатѣ. Какъ она любила въ этой комнатѣ! Какой счастливой смертью она умирала

въ ней! Въ этотъ часъ ничѣмъ нескромнымъ не вѣяло отъ гипсовыхъ амуровъ, ничего смущающаго не исходило отъ картинъ. Только съ голубого потолка проливался удушливый запахъ цвѣтовъ. И ей казалось, что то былъ ароматъ былой любви, который нѣкогда обдавалъ ее здѣсь,—ароматъ, усилившійся настолько, что сталъ удушашимъ. Не было ли то дыханіе дамы, умершей здѣсь сто лѣтъ тому назадъ! Она въ свою очередь наслаждалась этимъ дыханіемъ. Не шевелясь, сложивъ руки на груди, она продолжала улыбаться, вдыхая въ себя ароматы, наполнявшіе шумомъ ея отяжелѣвшую голову. Они наигрывали странную мелодію, медленно усыпляющую ее. Сначала то была веселая, дѣтская прелюдія; руки ея, свивавшія въ жгуты пахучія растенія, сильно пахли раздавленной травой и пересказывали о шаловливыхъ прогулкахъ среди одичалыхъ красотъ Парадѣ. Вдругъ зазвучала церковная музыка; маленькія, пахучія нотки вылетали изъ фіалокъ, лежавшихъ на столѣ, возлѣ изголовья, и эти серебряные звуки, подъ мѣрный аккомпаниментъ лилій, воспѣвали первые восторги ея любви, первое признаніе, первый поцѣлуй подъ высокими деревьями. Но она задыхалась сильнѣе; страсть пробивалась съ яркими красками гвоздики, съ ея перцовымъ запахомъ; мѣдный голосъ гвоздики на минуту заглушалъ всѣ остальные. Но вдругъ музыка смолкла; Альбинѣ стало легче дышать, она ощутила чудесное спокойствіе; ее убаюкивала нѣжная гамма левкоевъ, замирающая, исчезающая въ очаровательномъ гимнѣ геіотроповъ, дыханіе которыхъ, отзывавшееся ванилью, говорило о приближеніи свадебнаго поѣзда. *Belles-de-nuit* примѣшивали по временамъ свой скромный триллеръ. Затѣмъ наступило молчаніе. Розы сдѣлали свое вступленіе. Съ потолка понеслись голоса, отдаленный хоръ, все болѣе и болѣе приближавшійся. Все слилось въ общую гармонию, и она прислушивалась къ ней сначала съ легкимъ трепетомъ. Хоръ усилился; вскорѣ ее оглушили могучіе голоса, гремѣвшіе вокругъ нея. Свадебный поѣздъ приближался, фанфары розъ возвѣщали грозный моментъ. Альбина сильнѣе прижала руки къ груди, изнемогающая, умирающая, и задыхалась. Она раскрыла губы, ища поцѣлуя, который долженъ былъ задушить ее, когда гіацинты и туберозы заеурились и обдали ее послѣднимъ вздохомъ, такимъ глубокимъ, что онъ покрылъ хоръ розъ. Все ложе содрогнулось отъ страсти. Цвѣты, увядавшія, всѣ разомъ и необыкновенно сильно запахли торжественнымъ, какъ дыханіе умирающаго, ароматомъ. Альбина умерла съ послѣднимъ вздохомъ цвѣтовъ.

XV.

На другой день, въ три часа пополудни, Тёза и братъ Арканжіа, разговаривавшіе на порогѣ приходскаго дома, увидѣли кабриолетъ доктора Паскаля, мчавшійся какъ вихрь по деревнѣ. Сильные удары бича расточались изъ-подъ спущеннаго верха.

— Куда это онъ такъ несется, — бормотала старая служанка, — онъ сломаётъ себѣ шею.

Кабриолетъ подъѣхалъ къ подошвѣ холма, на которомъ была выстроена церковь. Вдругъ лошадь поднялась на дыбы и остановилась, а голова доктора показалась изъ-подъ верха, вся сбѣдая и всьлокоченная.

— Сержъ дома? — закричалъ онъ яростнымъ голосомъ.

Тёза подошла къ косогору.

— Г. кюрэ въ своей комнатѣ, — отвѣчала она. — Онъ читаетъ требникъ... Вамъ нужно сообщить ему что-нибудь? Угодно, я кликну его?

Дядя Паскаль, съ разстроеннымъ лицомъ, сдѣлалъ свирѣпый жестъ правой рукою, державшею бичъ. Онъ проговорилъ, совсѣмъ высунувшись изъ кабриолета, и рискуя вывалиться изъ него:

— А! онъ читаетъ требникъ!.. Нѣтъ, не зовите его. Я его душу, впрочемъ, это бесполезно... Мнѣ надо сообщить ему, что Альбина умерла, слышите! Передайте ему отъ меня, что она умерла!

И исчезъ, ударивъ лошадь такъ сильно бичомъ, что она закусила удила и понесла. Но не проѣхалъ и двадцати шаговъ, какъ снова остановился, и высунувъ голову, прокричалъ:

— Передайте ему также отъ меня, что она была беременна! Это ему доставитъ удовольствіе.

Кабриолетъ покатылся дальше, а Тёза просто задохнулась. Братъ Арканжіа ослаблялся, устремляя на нее глаза, гдѣ сверкала жестокая радость. Она толкнула его и чуть не свалила съ крыльца.

— Убирайтесь, — заикалась она, разсердясь въ свою очередь и срывая на немъ злобу. — Я кончу тѣмъ, что возненавижу васъ!.. Возможно ли радоваться смерти людей! Я сама не любила эту дѣвушку. Но когда умираетъ человѣкъ въ ея годы, то тутъ ничего нѣтъ веселаго... Убирайтесь! слушайте, перестаньте смѣяться, а не то я швырну вамъ въ лицо ножницами!

Около часу пополудни крестьянинъ прибылъ въ Плассанъ продавать овощи и сообщилъ доктору Паскалю о смерти Альбины и о томъ, что Жанбернатъ его зоветъ. Теперь доктору

стало нѣсколько легче, послѣ того, какъ онъ излилъ свое сердце. Онъ нарочно своротилъ съ дороги, чтобы доставить себѣ удовольствіе. Онъ упрекалъ себя въ смерти Альбины какъ въ преступленіи. Во всю дорогу онъ не переставалъ осыпать себя бранью, безпрестанно утирая глаза, потому что слезы мѣшали ему править лошадыю. Ему приходило желаніе перекувыркнуть кабріолетъ и сломать себѣ руку или ногу. Когда онъ выѣхалъ на дорогу, огибавшую безконечную стѣну Парадѣ, у него явилась надежда, что, быть можетъ, Альбина только въ обморокѣ. Крестьянинъ сообщилъ ему, что она отравилась цвѣтами. Ахъ, еслибы ему удалось поспѣть во-время и спасти ее! И онъ изо всей мочи билъ лошадь.

День былъ прекрасный. Какъ и въ теплые майскіе дни, павильонъ предсталъ передъ нимъ, весь залитый солнцемъ. Но на плющѣ, обвивавшемъ его до самой крыши, виднѣлись желтые листья, и мухи не жужжали вокругъ гвоздикъ, выросшихъ въ трещинахъ. Онъ привязалъ лошадь и толкнулъ калитку, которая вела въ садикъ. Тамъ царило все то же безмолвіе, среди котораго Жанбернатъ, бывало, курилъ свою трубку. Только старика не было на скамейкѣ, передъ солодомъ.

— Жанбернатъ! — позвалъ докторъ.

Никто не отвѣчалъ. Тогда, войдя въ сѣни, онъ увидѣлъ то, чего еще никогда не видалъ. Въ глубинѣ корридора была открыта дверь, выходившая въ Парадѣ; громадный садъ, озаренный блѣдными лучами солнца, стоялъ въ печальной осенней красѣ, увѣнчанный пожелтѣлыми листьями. Онъ переступилъ за порогъ двери и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по мокрой травѣ.

— Ахъ, это вы, докторъ! — произнесъ спокойный голосъ Жанберната.

Старикъ заступомъ рылъ яму подъ тутовымъ деревомъ. Онъ выпрямился во весь свой высокій ростъ, заслышавъ шаги. Потомъ снова принялся за дѣло, однимъ взмахомъ приподнявъ громадную глыбу жирной земли.

— Что это вы дѣлаете? — спросилъ докторъ Паскаль.

Жанбернатъ снова выпрямился и вытеръ рукавомъ куртки потъ со лба.

— Я рою яму, — отвѣчалъ онъ просто. — Она всегда любила садъ. Ей здѣсь будетъ пріятно спать.

Докторъ почувствовалъ, какъ у него сдавило въ горлѣ отъ волненія. Онъ постоялъ съ минуту у могилы, не говоря ни слова и глядя, какъ Жанбернатъ ретиво рылъ землю.

— Гдѣ она? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Наверху, въ своей комнатѣ. Я оставилъ ее на кровати. Я хотѣлъ, чтобы вы послушали сердце, прежде чѣмъ положить ее въ могилу... Я слушалъ, но не замѣтилъ бѣшенія.

Докторъ взоспелъ наверхъ. Комната осталась какъ была, только окно было открыто. Цвѣты, увядшіе, пахли сѣномъ. Альбина, блѣдная какъ полотно, приложивъ руки къ сердцу, съ улыбкой спала на своемъ одрѣ изъ гіацинтовъ и туберозъ. И она была счастлива, и умерла несомнѣнно. Стоя передъ кроватью, онъ долго глядѣлъ на нее пристальнымъ взоромъ ученаго, пытающагося воскресить мертваго. Затѣмъ не хотѣлъ даже пошевелить ея сложенные руки; онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, въ то мѣсто, гдѣ материнство уже провело легкую тѣнь. Внизу, въ саду, заступъ Жанберната продолжалъ издавать глухой и мѣрный стукъ.

Но спустя какихъ-нибудь четверть часа старикъ пришелъ также. Онъ кончилъ свое дѣло, и нашелъ доктора сидящимъ у постели и погруженнымъ въ такую глубокую думу, что онъ не чувствовалъ, какъ крупныя слезы катились у него по щекамъ. Оба обмѣнялись только взглядомъ.

Потомъ, помолчавъ нѣкоторое время, Жанбернатъ медленно проговорилъ, обводя рукою горизонтъ:

— Да, я былъ правъ, на землѣ нѣтъ ничего, ничего, ничего!.. Все это одинъ фарсъ.

Онъ всталъ и началъ подбирать розы, упавшія съ кровати, и бросалъ ихъ на платье Альбины.

— Цвѣты живутъ одинъ день,—сказалъ онъ,—а сорныя растенія, какъ я, наприимѣръ, переживаютъ вѣки... Теперь конецъ, я могу околѣвать. У меня отняли послѣдній лучъ солнца. Все это одинъ фарсъ.

И также присѣлъ. Онъ не плавалъ. У него было неподвижное отчаяніе автомата, въ которомъ сломалась пружина. Машинально онъ протянулъ руку и взялъ открытую книгу на маленькомъ столикѣ, покрытомъ фіалками. То былъ одинъ изъ старыхъ фоліантовъ, валявшихся на чердакѣ, разрозненный томъ Гольбаха, который онъ читалъ съ утра, сторожа тѣло Альбины. Такъ какъ докторъ продолжалъ молчать, подавленный горемъ, онъ перевертывалъ страницы. Но вдругъ ему въ голову пришла мысль.

— Еслибы вы помогли мнѣ,—сказалъ онъ доктору,—мы бы вдвоемъ спустили ее въ могилу, и похоронили ее со всѣми ея цвѣтами.

Но тотъ содрогнулся. Онъ объяснилъ старику, что не позволено хоронить у себя покойниковъ.

— Какъ не позволено!—закричалъ старикъ.—Ну, вотъ! такъ

я самъ себѣ это позволю!.. Развѣ она не моя? Развѣ вы думаете, что я позволю патерамъ отнять ее у меня? Пусть попробуютъ, если желаютъ отвѣдать ружейныхъ пуль.

Онъ всталъ и съ азартомъ размахивалъ книгою. Докторъ Паскаль тоже всталъ, схватилъ его за руки и, сжимая ихъ, умолялъ успокоиться. Долгое время онъ говорилъ все, что ему приходило на умъ; онъ винилъ себя, у него вырывались признанія, онъ смутно намекалъ о тѣхъ, кто убилъ Альбину.

— Слушайте,—сказалъ онъ, наконецъ, она больше не ваша, надобно ее отдать имъ.

Но Жанбернатъ качалъ головою, отказывая жестомъ. Однако, казалось, поколебался.

— Они отняли ее у васъ, отдайте ее имъ, — повторялъ въ послѣдній разъ докторъ Паскаль. — Предоставьте имъ дѣлать съ ея тѣломъ, что имъ вздумается.

Старикъ пересталъ отпѣкиваться. Онъ пробормоталъ:

— Хорошо. Пусть они берутъ ее, и пусть она переломаетъ имъ руки! Я желалъ бы, чтобы она вышла изъ земли, и они умерли отъ страха... Къ тому же, у меня есть тамъ одно дѣльце. Я пойду туда завтра... Прощайте, докторъ. Яма останется для меня.

И когда докторъ ушелъ, Жанбернатъ снова усѣлся у изголовья покойницы, и важно продолжалъ чтеніе своей книги.

XVI.

Въ это утро, на скотномъ дворѣ приходскаго дома царствовала большая суматоха. Мясникъ деревни Артѣ завололъ Матѣ, борова, подъ навѣсомъ. Дезирэ, въ восторгѣ, держала ноги Матѣ въ то время, какъ изъ него выпускали кровь, и цѣловала въ спину, чтобы ему было не такъ больно, увѣряя его, что надо же его убить теперь, когда онъ такъ разжирѣлъ. Никто, какъ она, не умѣлъ отрѣзывать головы у гуся однимъ ударомъ топора, или проколоть горло курицы ножницами. Любовь ея къ животнымъ уживалась съ этими убійствами.

— Это необходимо,—говорила она:—это расчищаетъ мѣсто для подростящихъ дѣтенышей. И была очень весела.

— Сударыня, — ворчала поминутно Тѣза:—вы захвораете. Ну, есть ли смыслъ приходить въ такой азартъ оттого, что колютъ свинью. Вы такъ красны, какъ будто бы танцовали цѣлый вечеръ.

Но Дезирэ хлопала въ ладоши, вертѣлась, прыгала. У Тёзы же ноги подкашивались, какъ она говорила. Съ шести часовъ утра она катала свое громадное тѣло изъ кухни на свотный дворъ. Она должна была дѣлать колбасу, и взбивала кровь въ большихъ двухъ глиняныхъ чашкахъ, адѣвшихъ на солнцѣ; она боялась, что никогда не кончить, потому что барышня безпрестанно отрывала ее изъ-за пустяковъ. Надо сказать, что въ тотъ самый часъ, какъ мясникъ выпускалъ кровь изъ Матѣ, Дезирэ пережила сильное волненіе, войдя въ конюшню: Лиза, корова, готовилась проивести на свѣтъ теленка. Тутъ съ радости Дезирэ окончательно потеряла голову.

— Одинъ уходитъ, другой приходитъ!—кричала она, прыгая на одной нождѣ.—Да иди же, погляди, Тёза.

Было одиннадцать часовъ. Минутами жалобное пѣніе доносилось изъ церкви. Слышенъ былъ смутный шумъ печальныхъ голосовъ, бормотаніе молитвы, прерываемое латинскими фразами, проивнесенными громко.

— Да иди же,—повторяла Дезирэ въ двадцатый разъ.

— Мнѣ надо идти звонить,—бормотала старая служанка:—я никогда не кончу... Что вамъ еще угодно, барышня?

Но Тёза не дождалась отвѣта и бросилась въ толпу куръ, жадно пившихъ кровь въ чашкахъ. Въ бѣшенствѣ она разогнала ихъ ударами ноги. Потомъ прикрыла чашки, говоря:

— Вотъ, вмѣсто того, чтобы безпрестанно отрывать меня отъ дѣла, вы бы лучше сдѣлали, еслибы присмотрѣли за этими негодяйками... Если вы предоставите имъ волю, то останетесь безъ колбасы, слышите!

Дезирэ смѣялась. Велика важность, если куры напьются немного крови! онѣ жирѣютъ отъ этого. Потомъ захотѣла увести Тёзу къ коровѣ. Та отбивалась.

— Я должна идти звонить... Похороны сейчасъ двинутся изъ церкви. Слышите?

Въ эту минуту въ церкви голоса раздались громче и съ мрачнымъ оттѣнкомъ. Послышался совершенно явственно шумъ шаговъ.

— Нѣтъ, погляди,—настаивала Дезирэ, толкая ее къ конюшнѣ.—Скажи, что мнѣ дѣлать?

Корова, растянувшись на соломѣ, поворотила голову и поглядѣла на нихъ своими большими глазами. И Дезирэ увѣряла, что ей навѣрное чего-нибудь хочется. Можетъ быть, можно ей помочь и она будетъ меньше страдать. Тёза пожимала плечами. Развѣ животныя не знаютъ сами какъ имъ быть. Не надо ихъ

мучить, вотъ и все. Она опять направилась къ ризницѣ, когда, проходя мимо навѣса, снова закричала, показывая кулакъ:

— Глядите, глядите! Ахъ! негодайка!

Подъ навѣсомъ Матьё дожидался, чтобы его начали коптить, растянувшись на спинѣ, ногами вверхъ. Рана на его шеѣ была еще совсѣмъ свѣжая, и изъ нея сочились капельки крови, и маленькая бѣленькая курочка, съ очень деликатнымъ видомъ, подбирала одну капельку за другой.

— Экая бѣда! она лакомится!—замѣтила спокойно Дезирэ.

И, нагнувшись, похлопала по брюху свинью, приговаривая:

— Что-жь, мой толстякъ, ты вѣдь часто крадь у нихъ ихъ похлебку, и онѣ, по праву, могутъ темерь поклевать у тебя шею.

Тѣза поспѣшно сняла фартукъ и обернула имъ шею Матьё; затѣмъ, заторопившись, побѣжала въ церковь. Большая дверь заскрипѣла на своихъ ржавыхъ петляхъ, пѣніе раздалось на открытомъ воздухѣ, подъ спокойными лучами солнца. И вдругъ послышались мѣрные удары колокола. Дезирэ, сидѣвшая на корточкахъ передъ свиньей и продолжавшая хлопать ее по брюху, подняла голову и прислушалась, не переставая улыбаться. Потомъ, вида, что она одна, встала и, оглядѣвшись исподтишка вокругъ себя; проскользнула въ конюшню и захлопнула за собою дверь. Она шла помогать коровѣ.

Маленькая калитка, отдѣлявшая кладбище, которую захотѣли раскрыть настѣжь, чтобы пронести гробъ, чуть не сорвалась съ петель. Въ пустырь, солнце спало на сухихъ травахъ. Погребальная процессія тронулась, подъ напѣвъ „*Miserere*“.

Наступило молчаніе.

— *Requiem aeternam dona ei, Domine*,— началъ торжественно голосъ аббата Мурэ.

— *Et lux perpetua luceat ei*,— закончилъ братъ Арванжіа нараспѣвъ.

Впереди шелъ Венсанъ въ орарѣ, неся крестъ,—большой мѣдный крестъ, съ котораго позолота почти совсѣмъ сошла; онъ держалъ его обѣими руками, высоко надъ головой. Затѣмъ шествовалъ аббатъ Мурэ, блѣдный, въ черной ризѣ; онъ держалъ голову прямо; губы его не дрожали, когда онъ пѣлъ, а глаза были устремлены вдаль. Зажженная свѣча въ его рукѣ едва была замѣтна при яркомъ свѣтѣ дня. А въ двухъ шагахъ отъ него, четыре крестьянина несли гробъ Альбины, поставленный на носилкахъ, выращенныхъ въ черный цвѣтъ: гробъ, плохо прикрытый слишкомъ короткимъ покровомъ, былъ сколоченъ изъ

сосновыхъ досокъ; сверхъ покрыва посыпаны были цвѣты, охапки бѣлыхъ розъ, гиацентовъ и туберозъ, снятыхъ съ постели покойницы.

— Осторожнѣе!—завричалъ братъ Арванжіа крестьянамъ, когда эти послѣдніе черезчуръ наклонили носилки, протискивая ихъ въ калитку.—Вы все свалите на землю.

И придержаль гробъ своей огромной рукой. Онъ несъ крошкельницу, за неимѣніемъ второго причетника, и замѣнялъ также пѣвчаго, полевого сторожа, которому нельзя было придти.

— Проходите и вы,—завричалъ онъ, обернувшись.

То была другая погребальная процессія: малютка Розалія умеръ въ конвульсіяхъ. Его провожали мать, отецъ, старуха Брошѣ, Катерина и двѣ взрослые дѣвушки, рыжая и Лиза. Эти послѣдніа несли гробъ малютки.

Вдругъ голоса умолкли. Наступило молчаніе. Колоколь все звонилъ, не торопась, похороннымъ звономъ. Процессія прошла черезъ все кладбище, направляясь въ уголь, образуемый церковью и стѣной скотнаго двора. Она спугнула цѣлую тучу саранчи; ящерицы живо попрятались въ норки. Удушающая теплота неслась изъ этого уголка съ жирной землей. Трескъ смятой процессіей травы походилъ на заглушенныя рыданія.

— Станьте тутъ, — сказалъ монахъ, преграждая путь двумъ взрослымъ дѣвушкамъ, державшимъ малютку.—Ждите своей очереди. Вамъ незачѣмъ соваться намъ подъ ноги.

И дѣвушки поставили гробикъ на землю. Розалія, Катерина и старуха Брошѣ остановились посреди кладбища, между тѣмъ какъ Катерина исподтишка пошла вслѣдъ за братомъ Арванжіа. Могила Альбины была вырыта рядомъ съ могилой аббата Каффена; бѣлая плита надъ этой послѣдней казалась на солнцѣ усѣянной серебряными блествами. Разверстая могила, вырытая сегодня утромъ, зяла среди большихъ кустовъ маргаритокъ; на краю ея, маргаритки, полу-вырванныя, наклоняли свои головки; на дно упалъ макъ, окрасивъ своими красными лепестками землю. Когда аббатъ Мурэ подошелъ, рыхлая земля осыпалась подъ его ногами. Онъ долженъ былъ отступить, чтобы не свалиться въ могилу.

— *Ego sum...*—возгласилъ онъ звучнымъ голосомъ, покрывшимъ звонъ колокола.

Во время пѣнія присутствующіе машинально заглядывали на дно могилы, еще пустой. Венсанъ, вогнувшій крестъ у подошвы могилы, напротивъ патера, толкалъ ногой маленькіе комки земли и глядѣлъ, какъ они сватывались; это смѣшило Катерину,

выглядывавшую изъ-за его спины. Крестьяне поставили гробъ на траву. Они расправляли руки въ то время, какъ братъ Аржанжіа приготавливалъ кропильницу.

— Сюда, Воріо! — позвалъ Фортюнэ.

Большая черная собака, обнюхивавшая гробъ, отошла неохотно.

— Къ чему привели эту собаку? — спросила Розалія.

— Да она сама пришла за нами, — отвѣчала Лиза, слегка улыбаясь.

Весь этотъ людъ разговаривалъ вполголоса, вокругъ гробика малютки. Отецъ съ матерью минутами забывали о немъ, потомъ умолкали, когда онъ бросался имъ въ глаза.

— А дядя Бамбуссъ, неужто не захотѣлъ придти? — спросила рыжая.

Старуха Брошэ подняла глаза къ небу.

— Онъ вчера грозился все переломать, когда малютка умеръ, — пробормотала она. — Нѣтъ, онъ недобрый человекъ, говорю это при васъ, Розалія... Вѣдь онъ чуть-чуть не задушилъ меня, кричѣ, что его обокрали, что онъ отдалъ бы цѣлое хлѣбное поле, чтобы малютка умеръ за три дня до свадьбы.

— Кто могъ это знать, — проговорилъ съ лукавымъ видомъ верзила Фортюнэ.

— Пускай себѣ старый сердится! — прибавила Розалія. — Мы все-таки теперь женаты.

Они улыбались надъ гробомъ малютки съ масляными глазами. Лиза и рыжая толкнули другъ друга локтемъ.

Всѣ вдругъ стали серьезны. Фортюнэ взялъ комъ земли, чтобы прогнать Воріо, бродившаго теперь среди старыхъ плитъ.

— Ахъ! вотъ и конецъ, — прошептала рыжая.

Передъ могилой, аббатъ Мурэ оканчивалъ *De profundis*. Потомъ подошелъ къ гробу медленными шагами, выпрямился и взглянулъ на него, причемъ рѣсницы его не дрогнули. Онъ казался выше; выраженіе спокойствія совсѣмъ измѣнило его лицо. Онъ наклонился, поднялъ горсть земли и рассыпалъ его по гробу въ формѣ креста. Онъ говорилъ такимъ звучнымъ голосомъ, что ни одно слово не пропало:

— *Revertitur in terram suam unde erat, et spiritus redit ad Deum, qui dedit illum.*

Дрожь пробѣжала между присутствующими. Лиза задумалась и промолвила съ скучнымъ лицомъ:

— Однако это не весело, въ особенности когда подумаешь, что всѣ мы тамъ будемъ.

Братъ Арканжіа протянулъ кропильницу патеру. Тотъ нѣсколько разъ махнулъ ею надъ гробомъ, приговаривая:

— *Requiescat in pace.*

— *Amen*, — отвѣчали хоромъ Венсанъ и монахъ, одинъ такимъ тоненькимъ голосомъ, а другой такимъ басомъ, что Катерина зажала себѣ ротъ руками, чтобы не прыснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не весело, — продолжала Лиза. — И на ея похоронахъ никого нѣтъ! Безъ насъ владбище было бы пусто.

— Говорятъ, она самоубійца, — замѣтила старуха Брошэ.

— Да, я знаю, — перебила рыжая. — Монахъ не хотѣлъ, чтобы ее хоронили съ христіанами. Но г. вюрэ сказалъ, что вѣчность существуетъ для всѣхъ. Я была тутъ... А что, нашъ философъ могъ бы сюда придти.

Но Розалія заставила ихъ умолянуть, проговоривъ:

— Ну! гляди, вотъ и философъ.

Жанбернатъ вошелъ на владбище. Онъ прямо подошелъ къ группѣ, стоявшей еще возлѣ могилы. Онъ шелъ своей бодрой поступью безъ шума. Подойдя ближе, съ минуту постоялъ позади брата Арканжіа, впиваясь глазами въ его затылокъ. Потомъ, въ то время какъ аббатъ Мурэ кончалъ молитвы, спокойно вынулъ изъ кармана ножъ, раскрылъ его и однимъ ударомъ отсѣкъ правое ухо монаху.

Никто не успѣлъ вмѣшаться. Монахъ завылъ.

— Лѣвое отсѣку въ другой разъ, — промолвилъ спокойно Жанбернатъ, бросая ухо въ могилу.

И ушелъ. Зрители были такъ поражены, что даже не погнались за нимъ. Братъ Арканжіа упалъ на кучу рыхлой земли, вынутой изъ могилы. Онъ прижалъ платокъ къ ранѣ. Одинъ изъ четырехъ могильщиковъ хотѣлъ его увести, но онъ жестомъ отказался, и остался съ мрачнымъ лицомъ, желая видѣть, какъ опустятъ Альбину въ могилу.

— Теперь пришла наша очередь, — промолвила Розалія съ легкимъ вздохомъ.

Между тѣмъ аббатъ Мурэ замѣшквался у могилы, глядя, какъ носильщики привязывали веревки къ гробу Альбины, чтобы спустить его ровнѣе. Колоколь все звонилъ, но должно быть Теза устала, потому что удары раздавались неровно, точно сердились на продолжительность церемоніи. Солнце пекло сильнѣе, тѣнь отъ «Пустынника» медленно двигалась по травѣ могилъ. Когда аббатъ Мурэ отошелъ, чтобы не мѣшать, глаза его остановились на могилѣ, на могильной плитѣ аббата Каффена, патера, любившаго на своемъ вѣку и мирно спавшаго подъ дикими цвѣтами.

Вдругъ, въ то время, какъ гробъ опускался, поддерживаемый веревками, узлы которыхъ заставляли его скрипѣть, страшный шумъ поднялся на светномъ дворѣ, за стѣною. Коза блеяла, утки, гуси, индѣйки щелкали клювомъ, хлопали крыльями. Куры кудахтали. Рыжій пѣтухъ Александръ звонко трубилъ. Слышно было даже, какъ прыгали кролики, ударяясь о стѣны своихъ вѣтокъ, и всю эту шумную жизнь маленькаго царства животныхъ покрывалъ звучный хохотъ. Послышался шелестъ платья. Дезирэ, растрепанная, съ рукавами, засученными по локоть, съ краснымъ, торжествующимъ лицомъ появилась, опираясь руками на парапетъ стѣны. Она, должно быть, взлѣзла на кучу навоза.

— Сержъ! Сержъ! — позвала она.

Въ эту минуту гробъ Альбины опустился на дно могилы. Веревки вытащили. Одинъ изъ крестьянъ бросилъ первую горсть земли.

— Сержъ! Сержъ! — закричала Дезирэ громче, хлопая въ ладоши: — корова телилась.

А. Э.

РЕФОРМА

КРЕДИТНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

I.

Вопросъ объ упроченіи нашей кредитной денежной системы весьма сложенъ уже потому, что онъ находится въ тѣсной связи съ двумя другими вопросами: о неотверженныхъ долгахъ казначейства по серіямъ и 4⁰/о-нымъ металлическимъ билетамъ, и о неблагоприятномъ вліяніи ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій на положеніе государственнаго банка. Серіи и 4⁰/о, металлические билеты усложняютъ собою задачу денежной реформы, затрудняя практическое успѣшное ея разрѣшеніе. Неблагопріятное вліяніе ликвидаціи на государственный банкъ лишаетъ его способности играть необходимую дѣятельную и полезную роль при проведеніи реформы.

Внимательное изученіе обоихъ указываемыхъ вопросовъ приводитъ, однако, къ тому убѣжденію, что они касаются препятствій и затрудненій, гораздо менѣе сильныхъ, чѣмъ то обыкновенно полагають.

Изъ всѣхъ обязанностей, которыя были возложены кредитною реформою 1860 года на государственный банкъ, наиболѣе простою была та, которая коснулась ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Въ такомъ совершенно естественномъ ея видѣ она разсматривалась и дѣятелями, которые работали надъ реформою 1860 года. Они тогда весьма отчетливо сознавали, что ликвидація можетъ получить ложное направленіе. Поэтому въ уставъ государственнаго банка внесенъ былъ особый параграфъ (15) слѣдующаго содержанія: „государственное казначейство обезпечиваетъ банку всѣми средствами, въ распоряженіи правительства находящимися, выполнение платежей по билетамъ на вклады, внесенные въ бывшія кредитныя установленія, и по госу-

дарственнымъ 5⁰/_т банковымъ билетамъ, такъ, чтобъ платежи сіи ни въ какомъ случаѣ не обращались ни на капиталы, доверенные банку частными лицами, ни на собственные его капиталы¹⁾. А для того, чтобы это предписаніе не оставалось мертвою буквою, въ уставъ внесенъ былъ еще параграфъ (16): „на сей конецъ, для облегченія исполненія возлагаемыхъ на государственный банкъ обязанностей относительно уплаты по востребованію вкладовъ, розданныхъ въ ссуды частнымъ заемщикамъ подъ залогъ недвижимой собственности и государственному казначейству, банкъ получаетъ срочные билеты государственной комиссіи погашенія долговъ или билеты государственнаго казначейства, *впредь до уплаты капиталовъ розданныхъ въ ссуды*“. Въ § 20 снова предусматривалась возможность „недостаточности“ средствъ банка для платежей по ликвидаціи, и поэтому снова повторялось, что казначейство обязано явиться своевременно на помощь банку.

Но то, что ясно сознавали, пока работа шла въ комиссіяхъ, позабыто было, когда отъ словъ перешли къ дѣлу.

Уже въ 1860 году ликвидація имѣла дефицитъ въ 4.191,000 р., въ 1861 году дефицитъ увеличился еще на 58.445,000, въ 1862 году еще на 58.838,000 р., и въ 1863 году—на 26.325,000 р.; всего въ 3½ года дефицитъ выросъ до 147.799,000²⁾ руб. 1). [Средства для покрытія этого дефицита были взяты изъ „капиталовъ, доверенныхъ государственному банку частными лицами“, то-есть изъ таковаго источника, на который „платежи ликвидаціи *никоимъ образомъ* не должны были обращаться“.

Въ слѣдующіе за тѣмъ два года замѣчена была ошибка и сдѣлана попытка уменьшить дефицитъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Главнымъ образомъ на счетъ суммъ отъ 1-го выигрышнаго займа дефицитъ банка по ликвидаціи въ 1864 и 1865 годахъ сокращенъ былъ на 91 милл., и къ 1 январю 1866 года онъ составлялъ уже только около 57 милл. рублей. Но къ 1 январю 1870 года дефицитъ ликвидаціи опять уже возросъ почти до 128 милл. При-

¹⁾ Цифры эти разсчитаны по таблицѣ LXXXV нашей «Статистики русскихъ банковъ», ч. I, Спб. 1872 г. стр. 298—299: при этомъ мы (согласно измѣненіямъ, которыя государственный банкъ въ 1873 году внесъ въ классификацію своихъ средствъ между категоріями «коммерческихъ» и «ликвидационныхъ») перечислили и для 1860—72 годовъ изъ первой категоріи во вторую суммы, показанныя въ означенной таблицѣ подъ статьями 12, 13, 17—20 и 22. Наши цифры не вполнѣ точны, такъ какъ мы считали всѣ проценты вкладчиковъ за ликвидационныя суммы; но зато безпроцентныя текущіе счета (слѣдовательно и выкупные платежи, которыхъ нельзя было выдѣлать по неизмѣннѣ особыхъ цифръ о нихъ за прошлые годы) всецѣло считались коммерческими суммами.

чина увеличенія заключалась: въ новомъ увеличеніи расходовъ ликвидаціи въ 1866 году; сверхъ того *на счетъ средствъ ликвидаціи* уменьшены были совершенно посторонніе и не касающіеся ликвидаціи долги казначейства банку. Казначейство взяло на себя долгъ и ресурсъ ликвидаціи, представлявшійся 4⁰/о-ными металлическими билетами, потребовавъ взамѣнъ, чтобъ на столько же уменьшенъ былъ долгъ казначейства банку за затраты банка, служившія отчасти для покрытія *бюджетныхъ* дефицитовъ, отчасти для другихъ цѣлей. Въ половинѣ прошлаго года дефицитъ ликвидаціи снова опустился до 110 милл. руб., и нынѣ составляетъ около 115 милл. рублей.

Мало того, что государственному банку не было дано достаточно средствъ, чтобъ онъ могъ произвести ликвидацію на основаніяхъ, которыя для нея были единственно рациональныя, и одни лишь обезпечивали ей успѣхъ и нормальный характеръ;—ликвидація отчасти была даже измѣнена въ самомъ существѣ своемъ. Учрежденіе, которое ликвидируетъ, *совершенно прекращаетъ* свои дѣла; а это, только другими словами, значитъ, что оно *не начинаетъ новыхъ* дѣлъ. Но ликвидація старыхъ кредитныхъ установленій получила иной смыслъ. Первоначально разсчитывали, какъ на весьма важный источникъ средствъ ликвидаціи, на платежи помѣщиковъ по ихъ долгамъ заемному банку, сохраннымъ казнамъ и приказамъ. Но долги эти оказались весьма важнымъ элементомъ выкупной операціи. Они должны были отъ помѣщиковъ перейти на крестьянъ. Переходъ долговъ въ свою очередь велъ новую отсрочку ихъ на 49 лѣтъ. Отсрочка же повела за собою уменьшеніе ежегодныхъ доходовъ ликвидаціи, замедливъ скорость погашенія долговъ старымъ кредитнымъ установленіямъ.

Для дефицита ликвидаціи большое значеніе имѣетъ цифра „процентныхъ бумагъ, поступившихъ въ платежи по долгосрочнымъ ссудамъ изъ старыхъ кредитныхъ установленій, *уничтоженныхъ или подлежащихъ уничтоженію*“. Извѣстно, что долги старымъ кредитнымъ установленіямъ могутъ быть погашаемы нѣкоторыми процентными бумагами: 5⁰/о билетами, выкупными свидѣтельствами, 5¹/₂⁰/о рентою, закладными листами городскихъ кредитныхъ обществъ и общества взаимнаго поземельнаго кредита. Эта привилегія оказалась очень вредною для ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Большая часть бумагъ, поступающихъ въ платежъ стоитъ ниже пары; принимаются же онѣ по нарицательной цѣнѣ. Слѣдовательно, привилегія обходится ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій дорого, подвергая ее убытку въ размѣрѣ разности между нарицательною и биржевою цѣнами бумагъ. Хорошо, что въ *настоящее время* биржевыя цѣны 5⁰/о билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ не далеко уклоня-

ются отъ ихъ нарицательной цѣны; но вѣдь это не всегда такъ было. Понятно, что чѣмъ ниже были биржевыя цѣны выкупныхъ свидѣтельствъ, 5% билетовъ и облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ, тѣмъ выгоднѣе было ими погашать долги: легко себѣ представить, какой убытокъ должна была вынести ликвидация.

Еще характеристичнѣе другая особенность того же погашенія ссудъ бумагами. Бумаги эти составляютъ довольно значительную долю доходовъ ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій, вообще небогатой доходами. И вотъ эти-то небогатые доходы рѣшено было еще болѣе урѣзать. Определено было, что бумаги, поступившіе къ платежи, не будутъ реализуемы, а въ весьма значительной своей долѣ (5% билеты, выкупныя свидѣтельства, рента) будутъ уничтожаемы и поставлены въ счетъ долга, погашаемаго крестьянскими выкупными платежами. Такихъ уничтоженныхъ бумагъ къ началу 1875 года считалось около 52 милл. р. Это значитъ, что ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій была принуждена примириться съ фактомъ, что ея доходы возрастуть не на весь размѣръ 52 милл., отъ бумагъ поступившихъ въ платежи по ссудамъ, а только на проценты по бумагамъ, составившимъ около 7 милл. руб. А такъ какъ ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій все таки нуждалась въ средствахъ, то понятно, что, отказываясь отъ собственныхъ ресурсовъ (то-есть отъ 45 милл.), она должна была лечь тяжелымъ бременемъ на посторонніе (коммерческіе) ресурсы государственнаго банка.

Какъ важно значеніе указанныхъ обстоятельствъ для дефицита ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій, показываетъ простой расчетъ. Еслибъ правительство въ 1867 году не погасило своихъ бюджетныхъ долговъ государственному банку на 30 милл. изъ средствъ ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій; еслибы, далѣе, въ 1869 году, 12 милл. 4% билетовъ не были уничтожены опять на счетъ средствъ ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій; еслибъ, наконецъ, ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій имѣла въ свободномъ видѣ 52 милл., поступившихъ къ ней процентными бумагами,—ея дефицитъ былъ бы теперь меньше на 83—87 милл. руб. А когда весь дефицитъ составляетъ около 110 или 115 милл. руб., то сумма въ 83—87 милл. для него имѣетъ довольно крупное значеніе. Еслибъ къ интересамъ ликвидациі отнеслись съ ббльшимъ вниманіемъ, ея дефицитъ теперь составлялъ бы только около 25 милл. рублей.

Весьма значительная доля владовъ, которые были вытребованы обратно изъ ликвидируемыхъ кредитныхъ учреждений, на первыхъ порахъ снова возвращалась въ государственный банкъ. Сверхъ того,

конечно, и другіе свободные капиталы приливали къ государственному банку. Такимъ образомъ, въ 1860—64 годахъ, въ то время, когда влады упраздненныхъ кредитныхъ установлений потеряли свыше 228 милл. руб., въ государственномъ банкѣ сосредоточилось новыхъ владовъ свыше 160½ милл. руб. Вотъ эти-то „новые влады“ служили государственному банку источникомъ, изъ котораго онъ бралъ недостававшія средства для покрытія дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установлений. Съ 1866 года „новые влады“ тоже стали уменьшаться, и въ 1866—74 годахъ потеряли около 60 милл. Въ настоящее время, даже вмѣстѣ съ не востребовавшими процентами владчиковъ, ихъ уже не хватаетъ на покрытіе дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установлений.

Самая большая часть новыхъ владовъ отличается тѣмъ же качествомъ, которое свойственно было владамъ старыхъ кредитныхъ установлений: они, какъ безсрочные, могутъ быть во всякое данное время обратно востребованы у государственнаго банка. Извѣстно, какъ несостоятельность старыхъ кредитныхъ установлений вызвана была тѣмъ, что *безсрочные* влады ими были употреблены на *домосрочная* ссуды. Реформа 1860 года своею главнѣйшею цѣлью имѣла установленіе соответствія между качествомъ ссудъ и качествомъ средствъ, для нихъ употребленныхъ. Для этого безсрочные влады предположено было превратить въ 5% и 4% долгосрочныя облигаціи. Но эту рациональную мысль не довели до конца. И вотъ почему въ настоящее время государственный банкъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ находились старыя кредитныя установленія. Разница, если она и существуетъ, не качественная, а количественная.

Очевидно, что въ указанномъ нами отношеніи реформа государственнаго банка была нужна уже въ первые годы его существованія. Но она откладывалась съ года на годъ, и съ этимъ откладываніемъ почти всѣ свыглись. Поэтому теперь очень часто думаютъ, что если большой бѣды не было до сихъ поръ отъ откладыванія реформы, то бѣды не будетъ и отъ дальнѣйшихъ отсрочекъ ея.

Но подобный взглядъ совершенно невѣренъ. Нельзя утверждать, будто бы большой бѣды до сихъ поръ не было оттого, что преобразование откладывалось. Она была, но къ ней легко относились.

Болѣзненное состояніе государственнаго банка, насколько оно вызвано ненормальнымъ ходомъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установлений, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, развѣ установившись, могутъ потомъ продержаться долгое время, не измѣняясь. Еслибы состояніе ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установлений не ухудшалось, и еслибы болѣзнь оставалась въ одной и той же

стади, не измѣняясь, тогда бездѣйствіе еще могло бы быть оправдано. Но на дѣлѣ условія совсѣмъ не таковы. На дѣлѣ обстановка болѣзни непрерывно ухудшается. И если леченіе болѣзни въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ было просто и могло обойтись недорого, то съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе исчезаетъ почва, на которой простое и наименѣе дорогое леченіе единственно только и возможно.

Мы уже сказали выше, что вклады государственнаго банка уходятъ изъ него. Съ 1-го января 1865 года, ихъ всего (старыхъ и новыхъ) ушло около 110 милл. рублей. И это неудивительно. По операціи вкладовъ съ государственнымъ банкомъ конкурируютъ всѣ остальные наши кредитныя установленія: акціонерныя и городскія общественныя банки и даже общества взаимнаго кредита. Всѣ эти конкуренты государственнаго банка лучше, чѣмъ онъ, оплачиваютъ вклады и выдаютъ за нихъ болѣе удобные документы (на предъявителя). Неудивительно, поэтому, что вклады изъ государственнаго банка перешли и продолжаютъ переходить къ другимъ нашимъ банкамъ. Неудивительно будетъ, если въ послѣдующія десять лѣтъ ихъ уйдетъ изъ банка еще 110 милл., и у банка ихъ совсѣмъ не останется.

Мы этимъ желаемъ сказать, что ресурсъ, изъ котораго до сихъ поръ покрывался дефицитъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій, истощается, и *волею-неволею приходится подумать объ иномъ ресурсѣ.*

Но современное состояніе государственнаго банка дѣлаетъ совершенно возможнымъ повтореніе мѣръ 1859—60 годовъ: удаленію вкладовъ можетъ быть оказано препятствіе *консолидированіемъ ихъ.* Тогда избѣгается необходимость обращаться въ публикѣ за новыми средствами. Конечно, чтобъ консолидировать вклады, нужно ихъ имѣть; а если имъ даютъ уходить, то консолидировать ничего не остается. Но пока у государственнаго банка еще есть около 125 милл. руб. старыхъ и новыхъ вкладовъ (съ процентами на нихъ), путь, представляемый консолидаціею вкладовъ, еще открытъ для государственнаго банка. Одну изъ важнѣйшихъ идей реформы 1860 года пока еще можно довести до конца. Но если этого не сдѣлаютъ скоро, тогда придется волею-неволею подумать о новомъ ресурсѣ при ухудшившихся условіяхъ. Затрудненіе изъ незначительнаго станетъ очень крупнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вклады не удаются окончательно изъ государственнаго банка, они превращаются въ процентныя текущія счеы. Такъ или иначе, вклады конвертируются *во всякомъ случаѣ.* Но, благодаря бездѣйствію, вклады, вмѣсто того, чтобъ превращаться въ долгосрочныя облигаціи и привести ликвидацію старыхъ кредит-

ныхъ установленій въ нормальное состояніе, превращаются въ чековыя книжки, и этимъ подводятъ пороховую мину подъ ликвидацию. Текущіе счета не такъ легко консолидируются, какъ вклады. Имѣя отъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій дефицитъ, покрытый изъ текущихъ счетовъ, государственный банкъ становится въ положеніе, когда онъ, при востребованіяхъ съ текущихъ счетовъ, долженъ покрывать означенный дефицитъ новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, или долженъ себя объявить несостоятельнымъ должникомъ.

Очевидно въ такомъ случаѣ, какое важное значеніе имѣетъ *своевременная консолидація вкладовъ, еще остающихся теперь въ государственномъ банкѣ*. Время для такой консолидаціи теперь у порога, и не сегодня-завтра можетъ сказать свое „последнее прости“. *Поэтому-то реформа уже болѣе не можетъ и не должна быть откладываема.*

Въ четыре года, 1870—1873, проценты, уплаченные банкомъ по вкладамъ (старымъ и новымъ), составляли $5\frac{1}{8}$ милл., $4\frac{9}{10}$ милл., $4\frac{1}{10}$ милл., $3\frac{1}{2}$ милл. рублей. По мѣрѣ уменьшенія вкладовъ, уменьшались и уплачиваемые за нихъ проценты. А эти проценты составляютъ видимый источникъ, весьма важный для того, чтобъ дѣлать каждому очевиднымъ, какъ *расходъ на консолидацію вкладовъ не вѣдетъ за собою новаго расхода и не требуетъ отъ казначейства никакихъ новыхъ жертвъ*. Въ тѣхъ средствахъ, которыя государственный банкъ уплачиваетъ за вклады, и въ прибыляхъ, *ликвидациі*, весьма значительныхъ, онъ имѣетъ источникъ, который съ излишкомъ можетъ покрывать всѣ расходы по консолидированію дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Если первая часть источника недостаточна, то чистыя прибыли банка по операціямъ ликвидационнымъ гораздо болѣе чѣмъ достаточны, чтобъ дополнить недостающія суммы ¹⁾. Изъ этихъ прибылей банкъ могъ по настоящее время образовать запасъ свыше 30 милл. рублей. Сверхъ того, ликвидационные доходы теперь начинаютъ поступать въ увеличенныхъ размѣрахъ и ускореніе (съ приближеніемъ выкупной операціи къ концу). Поэтому убытки не могутъ теперь постигать ликвидацію старыхъ кредитныхъ установленій, и *банкъ изъ ея собственныхъ средствъ вполне можетъ покрыть платежи по консолидированію ея дефицита, то-есть вкладовъ*.

Такимъ образомъ, затрудненіе, представляемое для денежной реформы ликвидаціею старыхъ кредитныхъ установленій, далеко не

1) Прибыли ликвидаціи составляли: въ 1871 году $2\frac{1}{2}$ милл., въ 1872 году $16\frac{1}{2}$ милл., въ 1873 году $10\frac{1}{2}$ милл., а въ 1874 году свыше 8 милл. рублей.

имѣть той важности, какую ему обыкновенно приписываютъ. При всемъ неоспоримомъ значеніи его, оно устраняется простымъ и естественнымъ путемъ продолженія уже начатаго въ 1860 году.

II.

Весьма характерно, что § 1 устава государственнаго банка, опредѣляющій основныя задачи его, не упоминаетъ вовсе о ликвидаціи. Въ § 1 говорится: „государственный банкъ учреждается для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной кредитной системы“. Ликвидация, очевидно, считалась даже не стоющею того, чтобы о ней упомянуто было рядомъ съ другими двумя главными задачами. Но сила взяла свое, и во все время существованія государственнаго банка, почти три-четверти его средствъ шли на ликвидацію старыхъ кредитныхъ установлений...

Для „оживленія торговыхъ оборотовъ“ банкъ получилъ сначала 15, а потомъ еще восемь милл. рублей отъ правительства. Понятно, что особеннаго „оживленія“ банкъ не могъ этими средствами вызвать въ „торговыхъ оборотахъ“. Въ торгово-промышленомъ отношеніи банкъ волею-неволею принужденъ былъ очень долго играть совершенно второстепенную и сравнительно незначительную роль. Благодаря процентнымъ текущимъ счетамъ, онъ могъ быть полезнымъ болѣе чѣмъ на 23 милліона его собственныхъ капиталовъ. Развитие нашей банковской системы впоследствии явилось важнымъ толчкомъ, который банкъ получилъ извнѣ. Государственный банкъ былъ взятъ какъ-бы на буксиръ всѣми остальными нашими банками. Естественный ходъ дѣлъ сообщилъ ему значеніе центрального кредитнаго учрежденія. Подобный банковый центръ (*банкъ банковъ*, какъ говорятъ въ Англіи) у насъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ образоваться. А при новизнѣ остальныхъ банковъ неудивительно, что роль „центра“ выпала на долю имѣвшагося готовымъ государственнымъ банкомъ, уже знакомаго публикѣ и пользовавшагося ея довѣріемъ, какъ всякое государственное установленіе. Сюда еще прибавлялось весьма важное обстоятельство, что отъ государственнаго банка только и можно было ожидать, на случай оскуднѣнія текущихъ счетовъ, воспособленія кредитными билетами. Государственный банкъ сталъ центромъ переучета. И только поэтому онъ теперь имѣетъ неоспоримо серьезное значеніе для „оживленія торговыхъ оборотовъ“.

Существуетъ-ли потребность, чтобы значеніе государственнаго банка для торговли и промышленности возросло? Сколько намъ из-

вѣстно, вопросъ такъ прямо ставится въ нашей финансовой литературѣ очень рѣдко. Но тѣмъ не менѣе очень часто слышатся жалобы, что банкъ не выполняетъ своего *главнаго* назначенія—служить торгово-промышленнымъ нуждамъ. Но говорить о пересозданіи государственнаго банка съ цѣлью сдѣлать его способнымъ выполнять это „главное“ назначеніе, другими словами, значить—признавать, что существующихъ у насъ банковъ недостаточно для всѣхъ потребностей: нуженъ еще одинъ и притомъ крупный банкъ, какой только и можетъ быть сдѣланъ изъ государственнаго банка,—иначе игра не стоила бы свѣчь.

Года три тому назадъ, въ разгаръ періода „учредительствъ“, всякій, не задумываясь, отвѣчалъ бы утвердительно на поставленный нами вопросъ. Но теперь найдутся весьма многіе, которые сильно усомнятся, дѣйствительно-ли сверхъ имѣющихся у насъ многообразныхъ банковъ намъ нуженъ еще одинъ, да притомъ крупный, рассчитанный на большія операціи. Многіе усомнятся даже въ томъ, найдеть-ли себѣ преобразованный банкъ достаточно обширное поле для большихъ операцій?

Мы должны, однако, замѣтить, что менѣе всего у насъ, въ Россіи, установилось сколько-нибудь ясное представленіе о томъ, что можно считать „большими“ операціями для банка? Лѣтъ пять-шесть еще тому назадъ никто не могъ предвидѣть, чтобъ для однихъ только акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита возможенъ былъ такой просторъ, который позволилъ бы имъ по учету и ссудамъ выдать публикѣ 829.972,000 рублей. Въ 1873 году, на процентные текущіе счета и вклады въ государственный банкъ поступило 1.083²/₃ милл. рублей; но это не помѣшало, чтобы и въ одни только названные частные банки по тѣмъ же статьямъ тогда-же поступило 1.670 милл. рублей.

Банковое дѣло у насъ еще слишкомъ ново, и свободные выходы для здоровыхъ потребностей въ кредитъ у насъ еще слишкомъ недавно открылись, чтобы было возможно уже теперь утверждать, будто мы прошли все поле, для насъ имѣвшееся, и что далѣе намъ идти некуда.

Но существуютъ болѣе вѣскіе доводы въ пользу мнѣнія, что идея 1860 года, объ образованіи изъ государственнаго банка крупнаго и сильнаго кредитнаго учрежденія, имѣеть важное значеніе для нашей торгово-промышленной жизни. Подобное учрежденіе можетъ и должно имѣть свою цѣль: *устраненіе тѣхъ затрудненій, безъ которыхъ немислимъ переходъ отъ обезцѣненныхъ кредитныхъ знаковъ къ полноценнымъ*. Оно можетъ и должно *перевести* наше кредитное денежное обращеніе съ его темерешней болѣзненной почвы на здоровую.

Весьма существенный порокъ теперешней системы нашихъ кредитныхъ установлений заключается въ томъ, что для нея совершенно недоступенъ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ сосредоточивать въ банкахъ свободныя экономическія средства. Мы говоримъ о выпускѣ безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ. Государственный банкъ имѣеть, если не право, то возможность этого выпуска. Но возможность эту онъ имѣеть не какъ банкъ, а какъ чисто-административное учрежденіе, какъ „экспедиція кредитныхъ билетовъ“, продолжающая существовать подъ новымъ именемъ. Въ качествѣ такой „экспедиціи“, банкъ теперь выпускаетъ кредитные билеты въ случаяхъ, когда это нужно или для административныхъ мѣропріятій, въ родѣ „усиленія разнѣннаго фонда“, или для „увѣрленія кассъ“. Въ качествѣ кредитнаго установленія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, банкъ производилъ бы свои выпуски лишь тогда, еслибъ онъ ихъ производилъ для *торгово-промышленныхъ цѣлей*. Но для этихъ цѣлей государственный банкъ считаютъ неспособнымъ производить правильную операцію выпуска безпроцентныхъ знаковъ. Кредитныхъ знаковъ *для цѣлей казначейства* выпущено уже такъ много, что не остается простора для торгово-промышленныхъ выпусковъ.

Въ настоящее время государственный банкъ имѣеть въ обращеніи около 800 милл. рублей кредитныхъ билетовъ. Всѣ эти 800 милл. представляютъ займы, сдѣланные казначействомъ для собственныхъ нуждъ. Ихъ можно разсматривать, какъ ссуду, которую казначейство получило изъ банка. Изъ этой 800-милліонной ссуды около 234 милл. казначейство обратно уплатило банку звонкими деньгами, хранящимися въ разнѣнномъ фондѣ. Остальные 566 милл. рублей банку остается еще обратно получить отъ казначейства.

Очевидно, что неуплата 566 милл. рублей главнымъ образомъ препятствуетъ государственному банку пользоваться выпускною операціею для торгово-промышленныхъ нуждъ. *Еслибы всѣ 566 милліоновъ, или ихъ часть, могли возвратиться отъ казначейства къ банку, то банкъ въ свою очередь могъ бы имъ сообщить дальнѣйшее движеніе отъ себя къ тѣмъ пунктамъ торгово-промышленнаго міра, которые въ нихъ сильнѣе нуждаются и которые ихъ могутъ сдѣлать наиболее производительными.* Дѣйствительно ли нужны означенные 566 милл. торговому міру, или они ему [не нужны и представляютъ „излишніе“ кредитные билеты, тогда отчетливо выяснилось бы *спросомъ самой торговли, который она свободно проявляетъ, добиваясь учета и ссуды.* Если означенная сумма торговому міру дѣйствительно нужна, банкъ въ состояніи былъ бы на весь ея размѣръ расширить свои производительныя и доходныя операціи. Понятно, что тогда въ полезности банка не могло-бы существовать никакого сомнѣнія. Она

свидѣтельствовалась бы громадною массою суммъ, которыя онъ роздалъ въ кредитъ торговлѣ и промышленности. Она, сверхъ того, свидѣтельствовалась бы высокими прибылями, которыя банкъ могъ бы получать, производя большія операціи.

Если правы тѣ, которые утверждаютъ, будто-бы у насъ теперь обращается недостаточная сумма кредитныхъ билетовъ, то тогда и это выяснилось-бы отчетливо и ясно, а не гадательно и гипотетически. Спросъ на учетъ и ссуды для производительной предприимчивости имѣлъ бы полную свободу проявиться и на большую сумму, чѣмъ 566 милл. Тогда производительность и доходность банка могли бы возвыситься въ еще большей степени.

Очевидно, такимъ образомъ, что вопросъ о производительности и доходности банка, какъ здороваго кредитнаго учрежденія, по отношенію къ выпуску кредитныхъ знаковъ, непосредственно зависитъ отъ того, можетъ ли онъ пользоваться операціею выпуска, какъ средствомъ и основаніемъ своей производительности и доходности. Но эта возможность, въ свою очередь, зависитъ отъ состоянія долга казначейства по кредитнымъ билетамъ.

Такимъ образомъ, тѣ двѣ задачи, которыя уставъ государственнаго банка на него возлагаетъ, какъ особья и будто-бы другъ отъ друга независящія, на самомъ дѣлѣ находятся въ тѣснѣйшей зависимости другъ отъ друга.

„Упроченіе нашей денежной кредитной системы“ въ переводѣ на простой языкъ означаетъ обратную уплату казначействомъ его безпроцентнаго долга за кредитные билеты. Тогда банку откроется свободный просторъ „для оживленія торговыхъ оборотовъ“ тѣми же кредитными билетами.

III.

Обратная уплата казначействомъ его безпроцентнаго долга за кредитные билеты должна имѣть двоякую цѣль. Во 1-хъ, она должна ввести этотъ долгъ въ его нормальные предѣлы, и, во 2-хъ, она должна удалить ту ненормальную почву, которая теперь находится подъ самою наибольшею долею кредитныхъ билетовъ и которая теперь вредитъ всей ихъ массѣ. Опытъ доказываетъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ безпроцентный долгъ казначейства составляетъ безвредный финансовый ресурсъ для правительства и не мѣшаетъ равноцѣнности кредитныхъ знаковъ со звонкими деньгами. Тотъ же опытъ доказываетъ, что масса кредитныхъ знаковъ, которые могутъ безъ вреда обращаться въ странѣ, совсѣмъ не должна непремѣнно ограничиваться тою ихъ суммою, которая можетъ быть выпущена при умѣ-

ренномъ пользованіи финансовыми ресурсами казначейства. Во всякой странѣ могутъ обращаться двѣ массы безпроцентныхъ знаковъ, безъ вреда для ихъ цѣнности: одна можетъ представлять безпроцентный кредитъ правительства въ предѣлахъ его нормальнаго состоянія; другая же можетъ представлять кредитъ торговли и промышленности, конечно тоже лишь въ предѣлахъ его нормальнаго состоянія.

На этихъ двухъ указаніяхъ опыта основывается кредитная денежная система въ странахъ, въ которыхъ она вполне здорова. Слѣдовательно, если мы до сихъ поръ не въ состояніи были выработать ничего лучшаго, намъ остается лишь обратиться къ тѣмъ же указаніямъ опыта.

Какъ предстатели капиталовъ, занимаемыхъ съ обязательствомъ обратно уплатить ихъ немедленно по востребованію, безпроцентные кредитные знаки могутъ имѣть своею почвою только *краткосрочный изъ возможныхъ* долговъ, т.-е. такой, который можетъ быть уплаченъ съ наибольшою скоростью. Но въ такіе долги въ очень большихъ размѣрахъ можетъ входить лишь та частная производительная предпримчивость, которая скоро заканчивается и возобновляетъ всѣ свои обороты. Поэтому только обязательства свободной торгово-промышленной предпримчивости, которой наискорѣйшая производительность выше сомнѣній, могутъ служить безукоризненною почвою и для самой значительной массы кредитныхъ билетовъ. На этой почвѣ совершенно обезпечена равноцѣнность билетовъ съ золотомъ и серебромъ, и безпроцентные знаки *сами создаютъ себѣ размынность*.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако, и правительство въ состояніи входить въ долги, рассчитывая на возможность ихъ исполненія съ такою же скоростью, съ какою это дѣлаетъ свободная предпримчивость. Во всякое данное время правительство имѣетъ большіе доходы, и эти-то доходы оно имѣетъ полнѣйшую возможность забрать (антиципировать) путемъ кредитныхъ билетовъ. Ибо платежи, которые оно обязывается *произвести* по этимъ билетамъ, покрываются и обезпечиваются платежами, которые оно должно *получить* по датамъ и инымъ доходамъ. Но эти подати и иные доходы правительства не безграничны. *Сумма ихъ не можетъ быть рассчитана на большой срокъ, чѣмъ на какой рассчитываетъ свои доходы частная предпримчивость, когда она обязывается уплатить свои долги съ наибольшою скоростью.* У насъ полагаютъ, что при 4-мѣсячномъ срокѣ скорость погашенія обязательства уже достаточно велика, чтобы дозволить нерискованное пользованіе безсрочными средствами изъ вкладовъ на текущіе счета. Слѣдовательно, и правительство можетъ принять четырехмѣсячные свои доходы нормою, для опре-

дѣленія предѣловъ, въ которыхъ оно можетъ забирать свои доходы путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ. Эти четырехмѣсячные доходы составляютъ для нашего казначейства среднимъ числомъ около 180 милл. рублей. Допустимъ даже уменьшеніе этой суммы на 50 милл. Слѣдовательно, 130 милл. рублей составляютъ предѣлъ той суммы, на которую правительство имѣетъ такое же право пользоваться средствами отъ текущихъ счетовъ и безпроцентныхъ знаковъ или кредитныхъ билетовъ, какое имѣетъ частная предприимчивость, наиболѣе скоропроизводительная. Безпроцентность кредита, которую правительство въ этомъ случаѣ можетъ пользоваться у народнаго хозяйства, не основывается на какой-нибудь привилегіи. Такая безпроцентность фактически непрерывно встрѣчается въ торговомъ быту, когда два торговыхъ дома стоятъ другъ у друга на взаимномъ текущемъ счетѣ равными суммами.

За вычетомъ изъ 566 милл., представляющихъ часть безпроцентнаго долга, которую правительство до сихъ поръ не въ состояніи уплатить ¹⁾, вышепоказанныхъ 130 милл., оставалось бы 436 милл., представляющихъ максимумъ той части бумажно-денежнаго долга, которую главнымъ образомъ можно было бы разсматривать, какъ обуславливающую болѣзненное состояніе нашего кредитнаго обращенія, еслибы... у насъ не существовало серій и 4⁰/₀ металлическихъ билетовъ.

Обоимъ этимъ видамъ нашего государственнаго долга присвоено такое качество, которое дѣлаетъ ихъ важнымъ препятствіемъ для упроченія нашего кредитнаго денежнаго обращенія. Серіямъ присвоено качество служить для платежей казначейству, а 4⁰/₀ металлические билеты могутъ служить для платежей государственному банку.

Другими словами, это значитъ, что серіями правительство отрѣзало себѣ путь къ возможности, въ вышеуказанныхъ предѣлахъ, пользоваться кредитными билетами, какъ нормальнымъ финансовымъ ресурсомъ. За вычетомъ изъ всей суммы серій (216 милл.) той ихъ части, которая находится въ кассахъ казначейства (около 25—30 милл. руб.), остается около 190 милл., т.-е. сумма, недалеко отстоящая отъ предполагаемой нами наибольшей цифры обезпеченія кредитныхъ билетовъ податными поступлениями (180 милл. руб.). Въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ правительство могло бы, безъ вреда для цѣнности кредитныхъ билетовъ (и слѣдовательно для успѣха денежной реформы), пользоваться частью выпуска билетовъ, въ этихъ предѣлахъ оно теперь пользуется серіями. Ясно, въ такомъ случаѣ, что указываемое обстоятельство ставитъ правительству дилемму. Казначейство теперь пользуется *и тѣмъ, и другимъ* ресурсомъ. А между

¹⁾ На уплату остальныхъ 284 милл. средства имѣются въ разнѣнномъ фондѣ.

тѣмъ, безъ вреда для себя и для народнаго хозяйства, оно можетъ и должно пользоваться *только однимъ изъ нихъ*. Слѣдовательно, *отъ одного или другого изъ нихъ оно должно отказаться*.—4% металлические билеты препятствуютъ прочности денежнаго обращенія, потому что предприимчивость ими можетъ покрывать свои долги госуд. банку, а не только кредитными билетами. Итакъ, 4% металлические билеты на сумму имъ равную (50½ милл. руб.) всегда освобождаютъ кредитные билеты изъ зависимости отъ банка, насколько такая зависимость устанавливается учетно-ссудными операціями госуд. банка. Въ трудную пору, когда каждый десятокъ милл. рублей кредитныхъ билетовъ можетъ оказаться имѣющимъ весьма вѣское значеніе для успѣха предпринимаемыхъ мѣръ, этотъ успѣхъ можетъ сильно парализоваться 4% металлическими билетами. Они могутъ быть употреблены тогда на уплату долговъ банку по учету и ссудамъ; а выданные кредитные билеты могутъ служить основаніемъ для увеличенія спроса на драгоцѣнные металлы. При восстановленіи разнѣна 4% металл. билеты въ спокойное время и не будутъ мѣшать; но въ періоды тугости денежнаго рынка они представляютъ весьма значительный спросъ на драгоцѣнный металлъ. Спросъ этотъ окажется тройнѣ тѣтостнымъ: во-первыхъ, потому, что онъ будетъ проявляться въ періоды, когда и безъ того денежный рынокъ будетъ разстроенъ; во-вторыхъ, потому, что онъ будетъ направленъ въ центръ и самое чувствительное мѣсто денежнаго рынка, въ государственный банкъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что банкъ принужденъ будетъ прибѣгать къ мѣрамъ самозащиты въ видѣ назначенія очень высокихъ процентовъ по учету и ссудамъ, которые для торгово-промышленнаго міра будутъ крайне и невыносимо-тяжелы.—Въ виду указываемаго значенія серій и 4% металлическихъ билетовъ, очевидно, что реформа денежнаго обращенія существеннымъ своимъ условіемъ предполагаетъ мѣры, направленные противъ препятствій, представляемыхъ пригодностью серій и 4% металлическихъ билетовъ, служить способами для платежей.

Что касается серій, то если, *или онѣ, или* соответственная имъ сумма кредитныхъ билетовъ только и могутъ оставаться въ обращеніи, то врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ вопросѣ, что чему должно очистить мѣсто. Оставить серіи въ обращеніи, значитъ остаться при бумагѣ, стоящей казначейству ежегодно 4½% и, *сверхъ того*, войти еще въ особый расходъ въ 10—12 милл. рублей ежегодныхъ платежей по консолидаціи равной суммы кредитныхъ билетовъ. Напротивъ, оставить въ обращеніи кредитные билеты значитъ сберечь изъ ежегоднаго расхода, требуемаго консолидаціею кредитныхъ билетовъ, *четыре-пять* частей его, и только одну его пятую долю

употребить на консолидацію серій. Рѣшившись на консолидацію серій въ $5\frac{1}{2}\%$ рентѣ, правительство увеличиваетъ свои ежегодные платежи только на $2\frac{1}{2}$ милл. рублей ¹⁾.

4% металлических билеты стоятъ теперь правительству 3 милл. металлических рублей, или, считая 13% -ный лажъ, 3.390,000 руб. Вся сумма ихъ составляетъ около $50\frac{1}{2}$ милл. Уже теперь эта незначительная сумма обходится правительству дороже, чѣмъ стоила бы $5\frac{1}{2}\%$ бумажная рента; а эта ея, сравнительно болѣе дорогая, стоимость еще болѣе возрастетъ по мѣрѣ того, какъ погашеніе еще болѣе ее сократитъ. Во всякомъ случаѣ, выкупъ ея или замѣна бумагою, лишенною денежныхъ качествъ, дорого не обойдется. Небольшимъ же расходомъ въ этомъ случаѣ народное хозяйство спасается отъ положенія, которое способно очень вредно вліять на колебаніе нашего дисконта.

Отверженіе долга по серіямъ въ 216 милл. и по 4% металлическимъ билетамъ въ $50\frac{1}{2}$ милл., всего же массы неотвержденныхъ долговъ въ $266\frac{1}{2}$ милл. рублей, можетъ потребовать новаго ежегоднаго расхода никакъ не больше 3 милл. рублей. Мы не станемъ утверждать, что лишеніе этой массы долговъ имѣющихся у нихъ денежныхъ свойствъ (или свойствъ замѣнять деньги) совершенно равносильно изъятію изъ обращенія *такой же* массы кредитныхъ билетовъ. Но если мы даже признаемъ, что отверженіе серій и 4% металлическихъ билетовъ на $266\frac{1}{2}$ милл. равносильно отверженію массы кредитныхъ билетовъ *только на одну треть* этой суммы, то и одна треть уже составляетъ около 90 милл. рублей. Консолидація же 90 милл. руб., даже при расчетѣ лишь на $5\frac{1}{2}\%$ -ный расходъ, обойдется почти въ 5 милл. рублей, или на $1\frac{1}{2}$ милл. дороже, чѣмъ конвертированіе серій и 4% металлическихъ билетовъ.

IV.

Дефицитъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, серій и 4% металлическихъ билеты, вмѣстѣ составляютъ около 380 милл. руб., или 40% всѣхъ нашихъ неотвержденныхъ долговъ ²⁾. На самомъ дѣлѣ, однако, регулированіе означенныхъ 380 милл. имѣетъ

¹⁾ Серіи теперь стоятъ ежегодно 9.331,200 р., а превращенія въ $5\frac{1}{2}\%$ ренту будутъ стоять ежегодно 11.880,000 или больше на 2.548,800 р.

²⁾ Всю сумму мы считаемъ въ $947\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, а именно: безпроцентный долгъ за кредитные билеты 566 милл., серіи 216 милл., дефицитъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій 115 милл. и 4% металлические билеты $50\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

гораздо большее значеніе; ибо денежныя свойства этой суммы исчезаютъ и открываютъ возможность обезпечить податными поступлениями казначейства полноцѣнное обращеніе суммы кредитныхъ билетовъ по меньшей мѣрѣ въ 130 милл. руб. ¹⁾ Эту сумму въ 130 милл. рублей мы можемъ, какъ выше объяснено, вычесть изъ 566 милл. остающейся части нашихъ неотверженныхъ долговъ, представляющей открытый вопросъ. Тогда выясненные выше мѣры преобразованія, при всей ихъ необременительности для казначейства, оставляютъ нерѣшенною часть вопроса, выражающуюся лишь въ 436 милл. руб., или 46% всей суммы нашихъ неотверженныхъ долговъ. Напротивъ, по 54% ихъ правительство освобождается отъ неудобствъ, съ которыми они связаны, при увеличеніи ежегодныхъ расходовъ лишь на 3 милл. рублей.

Переходимъ къ остающейся, послѣдней нерѣшенной части вопроса.

Реформа денежной системы, основанной на неразмѣнныхъ бумажныхъ знакахъ, всегда связана съ возникновеніемъ цѣлаго ряда протестовъ, исходящихъ отъ представителей такихъ интересовъ, которые яко-бы необходимо должны *во всякомъ случаѣ* страдать отъ реформы. Эти интересы однако далеко не однородны.

Во всѣхъ отношеніяхъ совершенно законный интересъ, несомнѣнно, представляютъ тѣ, которые боятся, чтобы реформа не произвела недостатка въ орудіяхъ обращенія. Незаконный интересъ, напротивъ, представляютъ тѣ, которые къ многообилію бумажныхъ знаковъ относятся какъ къ мутной водѣ, въ которой и имъ удастся иногда что-либо выудить.

Очевидно, что оба указываемые интереса ничего общаго не имѣютъ. Несомнѣнно, поэтому, что законные интересы вдвойнѣ выиграли бы, еслибъ оказалось, что возможны пути, одновременно и устраняющіе ихъ опасенія, и преграждающіе дорогу незаконнымъ интересамъ. Такіе пути, однако, несомнѣнно существуютъ.

Мы видѣли, что изъ суммы 800 милл. кредитныхъ билетовъ, у насъ нынѣ обращающихся, только часть, въ 436 милл. рублей, въ строгомъ смыслѣ можетъ быть разсматриваема, какъ причина разстроеннаго состоянія нашего денежнаго обращенія.

Для покрытія этихъ 436 милл. кредитныхъ билетовъ правительство должно: или изъ-за-границы получить 436 милл. рублей зван-

¹⁾ Къ 1-му января 1853 года у насъ находилось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 311½ милл. при размѣнномъ фондѣ въ 146¾ милл., изъ которыхъ на драгоцѣнные металлы приходилось 123¾ милл., а на цѣнныя бумаги 23 милл. руб. Слѣдовательно, безпроцентный долгъ составлялъ 164½ милл. руб., а если не считать цѣнныхъ бумагъ размѣннаго фонда—187½ милл. рублей.

кими деньгами, или выпустить на 436 милл. долгосрочных обязательств внутреннего государственного долга.

Представить себѣ, что правительство въ состояніи добыть за-границею 436 милл. рублей звонкихъ денегъ—дѣло, предполагающее довольно сильную фантазію и соотвѣтственно слабое знакомство съ теперешними условіями предложенія драгоцѣнныхъ металловъ. Такой *свободной* суммы драгоцѣнныхъ металловъ въ настоящее время за-границею нигдѣ совсѣмъ и не существуетъ. Банкиры же даютъ и могутъ давать металлъ лишь на короткое время, чтобы послѣ займа его взять обратно, какъ это всегда и бываетъ. При господствующей въ настоящее время „борьбѣ за золото“, общающей затянуться еще на долго, металлъ, заимствованный за-границею для Россіи, оставался бы у насъ только короткое время. Замята металломъ 436 милл. кредитныхъ билетовъ оставила бы насъ въ скоромъ времени безъ звонкихъ и безъ бумажныхъ денегъ. Сверхъ того, должно указать на сравнительно первобытный характеръ, который приняло бы наше денежное обращеніе, даже еслибы металлъ и можно было добыть за границею. При наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ мы имѣли бы такъ-называемое чисто-металлическое обращеніе (a pure metallic currency), какового въ настоящее время ни одна сколько-нибудь образованная страна не имѣетъ. Неудобство „чисто-металлической“ циркуляціи то, что при ней денежное обращеніе превращается въ открытое море, волны котораго, вызываемыя приливомъ и отливомъ драгоцѣнныхъ металловъ подъ вліяніемъ баланса внѣшней торговли, безпрепятственно и болѣзненно вліяютъ на спокойное теченіе дѣлъ въ странѣ. Между тѣмъ, заграничный опытъ знаетъ уже механизмъ, которымъ колебанія денежнаго обращенія, вызываемыя именно приливами и отливами металла подъ вліяніями баланса внѣшней торговли, сильно умѣряются и парализуются. Этотъ механизмъ представляетъ *смѣшанное денежное обращеніе* (a mixed currency), состоящее изъ звонкихъ денегъ и равноцѣнныхъ имъ бумажныхъ знаковъ и руководимое кредитнымъ учрежденіемъ, достаточно сильнымъ, чтобы его мѣры немедленно сказывались на составѣ и объемѣ денежнаго обращенія.

Это возраженіе показываетъ, что гипотеза замѣны 436 милл. кредитныхъ билетовъ такою же суммою звонкихъ денегъ, даже еслибы она была осуществима, связана уже съ чисто экономической точки зрѣнія съ неудобствами, которыя возможно и необходимо избѣгать. Обратимся, поэтому, ко второй гипотезѣ,—замѣнѣ 436 милл. кредитныхъ билетовъ долгосрочными облигаціями внутреннего займа, и посмотримъ, не даетъ ли она возможность избѣгнуть указываемыхъ неудобствъ?

Какъ извѣстно, возрѣніе тѣхъ, которые опасаются, что реформа породитъ недостатокъ въ деньгахъ, не единственное, вызванное и у насъ неразмѣнными знаками. Если одни боятся, что извлечение изъ оборота 436 милл. окажется очень опасною и вредною мѣрою, то очень легко могутъ оказаться другіе, которые будутъ полагать, что у насъ находится въ обращеніи „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ еще болѣе, чѣмъ на 436 милл. рублей. Какое же изъ этихъ двухъ возрѣній вѣрнѣе?

Мы здѣсь противопоставляли другъ другу эти два возрѣнія потому, что вторая гипотеза наша не только даетъ возможность устранить неудобства, связаннаго съ первою гипотезою, но, сверхъ того, даетъ прочную почву для рѣшенія спорнаго вопроса объ „излишнихъ“ кредитныхъ билетахъ.

Представимъ себѣ, что правительство имѣетъ возможность, выпускомъ долгосрочныхъ облигацій, консолидировать часть безпроцентнаго долга и сосредоточить въ своихъ рукахъ сумму кредитныхъ билетовъ въ 436 милліоновъ рублей. Еслибы правительство *уничтожило* эти билеты, вышеупомянутые законные интересы вправѣ были бы самымъ энергическимъ образомъ протестовать противъ уничтоженія. Чтобы не возбуждать протеста мы, поэтому, предполагаемъ, что 436 милл. руб. кредитными билетами, изъятые изъ обращенія, по которымъ безпроцентный долгъ казначейства консолидированъ въ выпущенныхъ для этого новыхъ процентныхъ бумагахъ, *передаются государственному банку въ его кассу*.

То-есть, занявъ, съ помощью выпуска консолидированныхъ облигацій на 436 милл. р., такую же сумму кредитныхъ билетовъ, казначейство погашаетъ свой безпроцентный долгъ за кредитные билеты означенными облигаціями. Затѣмъ, кредитные билеты остаются свободнымъ орудіемъ обращенія, неимѣющимъ никакого отношенія къ нуждамъ казначейства. Находясь въ распоряженіи казначейства, кредитные билеты могутъ быть переданы государственному банку. Государственный же банкъ, въ свою очередь, можетъ опять ихъ выпустить: но не для нуждъ казначейства, а для нуждъ торговли и промышленности, для развитія своихъ коммерческихъ операцій, для увеличенія своего портфеля. Этими-то портфелемъ кредитные билеты будутъ обеспечены, когда они снова появятся въ обращеніи.

Если 436 милл. кредитныхъ билетовъ, изъятыхъ изъ обращенія, дѣйствительно нужны торгово-промышленному міру, ничто не помѣшаетъ ему также точно продолжать свой спросъ на нихъ, какъ онъ его проявлялъ до настоящихъ поръ. Кредитные билеты будутъ разобраны у государственнаго банка по учету и ссудамъ, и никакой перемены въ количественной сторонѣ денежнаго обращенія не произойдетъ.

Но весьма существенная перемена произойдетъ въ качествѣ и обеспеченіи кредитныхъ билетовъ. Это обеспечение будетъ представляться не „достояніемъ имперіи“, а солидностію кліентовъ государственнаго банка. Билеты будутъ представлять капиталъ, не казначейству переданный, имъ уничтоженный и не могущій быть возстановленнымъ; а капиталъ, находящійся въ рукахъ производительныхъ и напряженно-озабоченныхъ необходимою возстановитъ его къ сроку. О прочности почвы подъ кредитными билетами будетъ стараться не единичная личность министра государственныхъ финансовъ, а масса личностей—клиентовъ государственнаго банка, изъ которыхъ каждый—министръ своихъ собственныхъ финансовъ. Всякій же частный человекъ хорошо знаетъ, что для цвѣтушаго состоянія собственныхъ его финансовъ прежде всего его кредитъ долженъ быть безупречнымъ, а для этого нужно аккуратно расплачиваться и производительно обходиться со своими ресурсами.

Такимъ путемъ наше денежное обращеніе, ни на волосъ не измѣняясь въ своемъ количественномъ объемѣ, претерпѣваетъ радикальнѣйшую перемену въ своемъ *качественномъ составѣ*. Кредитныхъ билетовъ столько же, но *не тѣхъ же*, что прежде. У насъ будутъ находиться въ обращеніи такіе же кредитные знаки, какіе обращаются въ Англіи, Германіи, Франціи.

Имѣя въ своихъ рукахъ значительный торгово-промышленный портфель, государственный банкъ не можетъ уже тогда подвергаться упреку, что онъ недостаточно дѣйствуетъ „для оживленія торговыхъ оборотовъ“.

Имѣя съ тѣмъ, благодаря величинѣ своего портфеля, государственный банкъ въ состояніи являться тѣмъ сильнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, которое, слѣдуя примѣру и политикѣ банковъ Англіи, Франціи и Пруссіи, достаточно властно, чтобы бороться съ вредными вліяніями неблагоприятнаго баланса внѣшней торговли на денежное обращеніе. Подобно указаннымъ заграничнымъ банкамъ, и государственный банкъ будетъ въ состояніи противодѣйствовать неблагоприятности баланса и непосредственно вліять на его качества, содѣйствуя его превращенію изъ неблагоприятнаго въ благоприятный.

Но это же самое, другими словами, значитъ, что 234 милл. руб. звонкаго металла, которые теперь спятъ мертвымъ сномъ въ неразмѣнномъ фондѣ, будутъ пробуждены къ жизни и тоже подвергнутся радикальной переменѣ въ своихъ качествахъ.

Каждый разъ, когда отъ государственнаго банка начнутъ требовать по кредитнымъ билетамъ драгоцѣнныхъ металловъ для отправки за-границу, государственный банкъ въ состояніи будетъ противодѣйствовать такимъ требованіямъ, если они внушатъ серъез-

ныя опасенія за размѣнный фондъ. Требованія размѣна по кредитнымъ билетамъ будутъ свидѣтельствовать, или что часть этихъ билетовъ временно стала излишнею и что, слѣдовательно, на извѣстную часть операціи государственнаго банка должны сократиться; или же, что деньги у насъ цѣнятся слишкомъ низко сравнительно съ иностранными странами, и что цѣна ихъ должна возвыситься. Но временное сокращеніе операцій и возвышеніе цѣны денегъ будетъ совершенно во власти государственнаго банка. Сжимая свои обороты или возвышая дисконтъ, государственный банкъ въ силахъ будетъ усиливать спросъ на кредитныя билеты и ослаблять стремленіе металла уходить изъ страны за границу. Такимъ образомъ, государственный банкъ будетъ въ силахъ вести дѣятельную и успѣшную борьбу съ размѣномъ всякій разъ, когда онъ проявитъ стремленіе служить для вывоза изъ страны драгоценныхъ металловъ, то-есть въ томъ единственномъ случаѣ, когда онъ для страны вреденъ.

Само собою очевидно, что если правы тѣ, которые всегда утверждаютъ, что намъ безусловно нужны всѣ кредитныя билеты, нынѣ обращающіеся, то государственный банкъ сдѣлаетъ съ ними выгодныя операціи и въ смыслѣ прибылей. Предполагая, что онъ съ своихъ кліентовъ возьметъ не больше, чѣмъ сколько государство уплачиваетъ по своимъ долгамъ (къ чему нашъ торговый міръ еще не приученъ), *денежная реформа сама покроетъ свои расходы* и отъ казначейства никакихъ жертвъ не потребуетъ.

До сихъ поръ мы исходили изъ предположенія, согласнаго съ сужденіями тѣхъ, которые опасаются, чтобъ денежная реформа не произвела замѣшательства при удовлетвореніи потребности въ орудіяхъ обращенія; мы, поэтому, вмѣстѣ съ ними признавали, что наши условія дѣйствительно порождаютъ потребность во всей той массѣ кредитныхъ знаковъ, которая нынѣ обращается. Наше изложеніе показало, что еслибъ это сужденіе было справедливо, тогда денежная реформа была-бы во всѣхъ отношеніяхъ задачею очень легкою для разрѣшенія. Она даже и отъ казначейства потребовала бы жертвъ лишь для самой незначительной части своей, для консолидаціи серій и 4% металл. билетовъ. И торговому міру, и казначейству тогда не на что было бы жаловаться.

Но какъ бы глубоко ни были убѣждены въ истинности мнѣнія, изъ котораго мы до сихъ поръ исходили, тѣ, которые его придерживаются, всеже это мнѣніе—не единственное, существующее о предметѣ, котораго оно касается. Кромѣ этого мнѣнія, существуетъ еще другое, прямо противоположное, по которому у насъ теперъ извѣстная масса обращающихся кредитныхъ билетовъ дѣйствительнымъ потреб-

ностямъ не соответствуетъ, — по которому у насъ обращаются и *излишніе* кредитные билеты.

Если это вѣрно, то значить извлеченные изъ обращенія 436 милл. кредитныхъ билетовъ, переданные государственному банку для оживленія оборотовъ, окажутся предложениемъ, которому никакой спросъ не соответствуетъ. Конечно, если мы говоримъ: „никакой“ спросъ, то мы этимъ хотимъ сказать: никакой *солидный* спросъ; ибо несолиднаго спроса и вообще рукъ, готовыхъ протянуться туда, гдѣ положены деньги, всегда и повсюду достаточно. Но само собою разумѣется, что никто не станетъ доказывать, будто-бы поползновенія несолидныхъ рукъ должны быть уважаемы. Менѣе же всего, конечно, представители солидной торговли и промышленности пожелаютъ явиться заступниками тѣхъ, которымъ они же сами изъ собственнаго имущества ничего не довѣрили бы.

Но солиднаго спроса можетъ все-таки оказаться меньше, чѣмъ на 436 милл. руб. Насколько именно, докажетъ непосредственный жизненный опытъ въ той цифрѣ кредитныхъ билетовъ, которая не найдетъ себѣ помѣщенія въ портфель госуд. банка. Тогда опытъ, а не гаданія и чей бы то ни было произволь опредѣлять, сколько у насъ обращается „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ.

Предположимъ одинъ изъ наихудшихъ случаевъ, что опытъ укажетъ на цифру 300 миллионновъ, какъ выражающую количество излишнихъ кредитныхъ билетовъ, нынѣ у насъ обращающихся.

Тогда 136 милл., на которые госуд. банкъ въ состояніи будетъ развить свои коммерческія операціи, своими прибылями сами будутъ покрывать всѣ расходы казначейства по уменьшенію безпроцентнаго долга казначейства на ихъ сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится, что изъ 436 милл., на уплату которыхъ казначейству нужны средства, не вся сумма должна быть признана во всѣхъ отношеніяхъ порочною и вызывающею болѣзненность нашего денежнаго обращенія, а только 300 милл.

Мы получимъ тогда всѣ основанія утверждать, что изъ капиталовъ, которые правительство получило для крымской войны путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ, сумма въ 300 милл. до сихъ поръ нашимъ народнымъ хозяйствомъ *еще не возстановлена*. Возстановлена она еще должна быть, *постепенно и медленно*. А между тѣмъ владельцы обращающихся теперь 300 милл. кредитныхъ билетовъ имѣютъ въ нихъ право *сразу* потребовать *весь капиталъ въ его цѣлости*. Очевидно, что правительство въ этомъ случаѣ въ кредитныхъ билетахъ выпустило документы на такое обязательство, котораго не только оно само не можетъ выполнить изъ государственныхъ ресурсовъ, но котораго не можетъ выполнить все народное

хозяйство, изъ всей совокупности имѣющихся у него ресурсовъ. Очевидно также, что нормальныя отношенія будутъ восстановлены тогда, когда правительство обяжется только къ тому, на что способно народное хозяйство, и на что, поэтому, и оно само способно. Если народное хозяйство только медленно и постепенно можетъ восстановить уничтоженные войною и еще не восстановленные 300 милл., то и предъ владѣльцами массы кредитныхъ билетовъ на эту сумму правительство можетъ лишь обязаться—выплатить имъ капиталъ въ 300 милл. *медленно и постепенно*; другими словами, правительство должно замѣнить кредитные билеты, дающіе несущественное право требовать сразу всѣ 300 милл., долгосрочными обязательствами, дающими право требовать части этой суммы по мѣрѣ ихъ дѣйствительнаго возникновенія.

Долгосрочный заемъ въ 300 милл. введетъ казначейство въ новый ежегодный расходъ въ 16½—18 милл. ¹⁾ Эти 16½—18 милл., для народнаго хозяйства во всей ихъ цѣлости не будутъ непроизводительною затратою. Извлекая изъ обращенія 300 милл. излишнихъ кредитныхъ билетовъ, правительство не лишаетъ народное хозяйство капитала, имѣющагося въ наличности и реально существующаго: вѣдь само народное хозяйство, на поглотивъ кредитныхъ билетовъ и сдѣлавъ первый шагъ къ признанію ихъ „излишними“, этимъ само же объявляетъ, что реальнаго капитала, соответствующаго „излишнимъ“ билетамъ, совсѣмъ не существуетъ. Если, поэтому, правительство беретъ займомъ излишніе кредитные билеты, оно беретъ не капиталъ, а долговой документъ, несоответствующій дѣйствительнымъ условіямъ жизни. Оно беретъ только бумагу, *внѣшнимъ образомъ похожую* на деньги, но никакъ не дѣйствительныя деньги. Дѣйствительно же правительство беретъ у народнаго хозяйства только ежегодныя 16½—18 милл., потребныя на платежи по займу. Но эти 16½—18 милл. правительство вѣдь употребляетъ на платежи процентовъ по долгу. Оно, слѣдовательно, *возвращаетъ изъ обратно тому же народному хозяйству, у котораго оно изъ взяло.*

Но, скажутъ, правительство 16½—18 милл. беретъ у *всѣхъ*, а возвращаетъ ихъ только *нѣкоторымъ*; правительство, однако, не у *всѣхъ* вѣдь взяло кредитными билетами тѣ 300 милл., которые оно уничтожило войною. Оттого именно, что правительство не у *всѣхъ*, а только у *нѣкоторыхъ* взяло эти 300 милл., оно должно ихъ вернуть только *нѣкоторымъ*, а не *всѣмъ*. Этого мало. При замѣнѣ „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ облигаціями долгосрочнаго займа правительство у *всѣхъ* должно будетъ брать и *нѣкоторымъ* возвра-

¹⁾ Смотря по тому, потребуетъ-ли консолидація 5½%-наго или 6%-наго расхода.

шать только 16 $\frac{1}{2}$ —18 милл.; если уже эта сумма способна возбудить недовольство, то какое недовольство должно было бы возникнуть, если бы анализ теперешних наших отношений выяснил, что нынѣ изъ-за излишнихъ кредитныхъ билетовъ „всѣмъ“ приходится терять, а „нѣкоторымъ“ выигрывать не 18 милл. ежегодно, а въ четыре раза больше по меньшей мѣрѣ? А внимательный анализъ дѣйствительно выясняетъ этотъ результатъ, да еще указываетъ на него, какъ на *наимизшую* потерю „всѣмъ“ для „нѣкоторыхъ“. Известно, что при обмѣнѣ нынѣшнихъ нашихъ кредитныхъ билетовъ на иностранные переводные векселя первые теряютъ около 15%, своей цѣны. Но обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на иностранные переводные векселя представляетъ потребность, постоянно требующую себѣ удовлетворенія. Все равно, благоприятенъ ли балансъ нашей внѣшней торговли, или неблагоприятенъ, мы должны оплачивать иностранными векселями привозимые къ намъ товары, самый ихъ привозъ на иностранныхъ судахъ и желѣзныхъ дорогахъ, покупаемыя нами за-границею цѣнными бумаги, проценты по нашимъ внѣшнимъ долгамъ и расходы путешествующихъ за-границею. Всего на все можно принять, что намъ ежегодно нужно по меньшей мѣрѣ около 500 миллионъ руб. иностранныхъ векселей. Необходимость ежегодно покупать на 500 миллионъ руб. иностранныхъ векселей сопряжена для владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ съ ежегодною потерей въ 75 милл. рублей. Конечно, то, что теряютъ владѣльцы кредитныхъ билетовъ, выигрываютъ владѣльцы иностранныхъ векселей. Но терять въ этомъ случаѣ должны всѣ: всѣхъ постигаетъ или можетъ постигнуть расходъ на платежи по займамъ, на хлопокъ, желѣзо, чай, цѣнные бумаги, заграничныя путешествія и т. д.; выигрывать же приходится только нѣкоторымъ, торгующимъ иностранными векселями. Слѣдовательно, отношенія—тѣ же, какія будутъ при превращеніи „излишнихъ“ кредитныхъ билетовъ въ долгосрочныя облигаціи; различіе только то, что нынѣ „всѣ“ должны для „нѣкоторыхъ“ терять по наименьшей мѣрѣ 75 милл., а при превращеніи „всѣ“ должны терять для „нѣкоторыхъ“ по наибольшей мѣрѣ только 16 $\frac{1}{2}$ —18 милл. рублей.

Предыдущее изложеніе приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ. Во-первыхъ: *если серій и 4% металлическихъ билеты будутъ лишены своихъ денежныхъ качествъ, то открывается просторъ для полномасштабнаго обращенія такой суммы кредитныхъ билетовъ, которыхъ консолидація торговлю и промышленность стѣснила бы, а казначейство обременила бы излишнимъ ежегоднымъ расходомъ, значительно превышающимъ расходъ на реформу серій и 4% металлическихъ билетовъ.* Во-вторыхъ: *изъ остающихся кредитныхъ билетовъ часть, которая*

дѣйствительно удовлетворяетъ настоящимъ потребностямъ и содѣйствуетъ производительности, сама даетъ средства и не требуетъ отъ казначейства никакихъ жертвъ для ея преобразования и замены полнотѣнными кредитными билетами. Въ третьихъ: извлеченіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ „излишнихъ“ не берутся у страны ни капиталы, ни деньги, а берется только документъ, не соответствующій дѣйствительнымъ отношеніямъ жизни; для его замѣны документомъ, дѣйствительности соответствующимъ.

Мы имѣемъ теперь приблизительное представленіе о томъ, по какимъ признакамъ можно судить, близко-ли или далеко время, когда наша финансовая администрація въ силахъ будетъ озботиться „упроченіемъ“ кредитнаго денежнаго обращенія. Наибольшая его отдаленность опредѣляется цифрою 19 $\frac{1}{2}$ —21 милл. рублей, необходимыхъ казначейству: 3 милл. для серій съ 4% металлических билетовъ и 16 $\frac{1}{2}$ —18 милл. при предположеніи 300 милл. излишнихъ кредитныхъ билетовъ для устраниенія этой суммы. Съ устраниеніемъ этой суммы въ нашемъ обращеніи останутся 500 милл. кредитныхъ билетовъ; изъ нихъ 234 милл. (т.-е. 46 $\frac{4}{5}$ %) будутъ обеспечены драгоценными металлами, 136 милл. (или 27 $\frac{1}{5}$ %) будутъ обеспечены торговымъ портфелемъ государственнаго банка, а 130 милл. (или 26%) будутъ обеспечены значительно превышающею ихъ суммою четырехмѣсячныхъ поступленій казначейства или ихъ потребностью для оборотовъ по доходамъ и расходамъ казначейства¹⁾. Конечно, если наши условія дозволить государственному банку имѣть, при помощи кредитныхъ билетовъ, торговый портфель не только на 136 милл., а болѣе, — то соответственно уменьшится сумма въ 18 $\frac{1}{2}$ —21 милл., потребная для „упроченія денежной кредитной системы“. Каждые 50 милл. рублей, на которые портфель государственнаго банка въ состояніи будетъ возрасти, уменьшать ежегодный расходъ казначейства на 2 $\frac{1}{2}$ —3 милл. рублей; ибо такіе 50 милл. будутъ переходить изъ разряда билетовъ, подлежащихъ консолидаціи и уничтоженію, въ разрядъ билетовъ, подлежащихъ консолидаціи, но не уничтоженію, а обратному выпуску для производительной предпримчивости. Предполагая, слѣдовательно, что портфель государ-

¹⁾ Для совершеннаго устраниенія всѣхъ опасеній, которыя еще могли бы возбуждать остающаеся 130 милл. безпроцентнаго долга казначейства, целесообразно было бы укрѣпить размѣнный фондъ запасомъ процентныхъ бумагъ (напр. 5 $\frac{1}{2}$ % ренты), примѣрно на 30 милл., съ тѣмъ, чтобы эти бумаги подлежали временной реализаціи въ періоды, когда требованія размѣна усиливались бы. Банкъ Англіи не стѣсняется даже закладывать часть своего запаса цѣнныхъ бумагъ, когда у другихъ банковъ или вообще на открытомъ рынкѣ имѣется достаточно свободныхъ средствъ, чтобы дисконтъ въѣ банка стоялъ ниже, чѣмъ въ самомъ банкѣ.

ственного банка могъ бы достигнуть не только 136 милл., но и 236 милл., весь расходъ казначейства по денежной реформѣ съ $18\frac{1}{2}$ —21 милл. понижается до 14 или 15 милліоновъ.

Такимъ образомъ, государственный банкъ можетъ имѣть для задачи „упроченія“ нашего денежнаго обращенія не одно только разъясненное выше значеніе оберегателя интересовъ народнаго хозяйства. Онъ не менѣе важное значеніе можетъ получить для интересовъ государственнаго хозяйства. Онъ можетъ принять на себя весьма значительную часть расходовъ, съ которыми сопряжена будетъ задача „упроченія“. Вся та масса кредитныхъ билетовъ, по которой только безпроцентный долгъ казначейства подлежитъ консолидаціи, но которая сама не подлежитъ уничтоженію, — которая можетъ быть выпущена обратно для доходнаго ея помѣщенія въ рукахъ производительной предпримчивости, — создаетъ источникъ прибылей для государственнаго банка. А этотъ источникъ съ избыткомъ покрываетъ расходы консолидаціи билетовъ, не уничтожаемыхъ, а лишь переводимыхъ съ болѣзненной почвы на здоровую. Казначейство же отъ этого расхода избавляется, а его собственные источники остаются свободными и открытыми для другихъ потребностей. Смотри по массѣ кредитныхъ билетовъ, которые въ состояніи будутъ найти себѣ помѣщеніе въ портфель государственнаго банка, государственный банкъ въ свою очередь въ состояніи будетъ сберечь казначейству ежегодно до 14 милл. рублей. Безъ содѣйствія же государственнаго банка наименѣйшій ежегодный расходъ казначейства, чтобъ возвратиться въ состоянію до крымской войны, состоялъ бы: на консолидацію и уничтоженіе 400 милл. кредитныхъ билетовъ 22—24 милл., на консолидацію 159 милл. серій и 50 милл. 4% металлическихъ билетовъ еще $2\frac{1}{2}$ милл., всего около $24\frac{1}{2}$ — $26\frac{1}{2}$ милл., то-есть на $4\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ милл. болѣе, чѣмъ при *наименшей* экономіи отъ содѣйствія государственнаго банка. При этомъ въ обращеніи оставалось бы на 166 милл. кредитныхъ билетовъ, не обезпеченныхъ металломъ, и на 57 милл. серій. Напротивъ, государственный банкъ даетъ въ наихудшемъ случаѣ экономію въ $4\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ милл., а въ наилучшемъ даже до 14 милл. руб., оставляя въ обращеніи только на 130 милл. непокрытыхъ металломъ кредитныхъ билетовъ, и совсѣмъ не оставляя серій въ обращеніи.

V:

Затрудненія, съ которыми сопряжено упроченіе нашего кредитнаго денежнаго обращенія, представляются очень разнородными съ различныхъ точекъ зрѣнія. Для насъ теперь важна та точка зрѣнія, которая проводитъ строгую грань между затрудненіями по розысканію путей для реформы и затрудненіями, когда пути выяснены и возникаетъ вопросъ о непосредственномъ пользованіи ими.

Почему въ послѣднемъ случаѣ тоже являются затрудненія,—читатель легко усмотритъ изъ слѣдующаго. Допустимъ даже, что реформа, насколько она касается дефицита ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій, серій и 4% металлическихъ билетовъ, требуя отъ казначейства всего 3 милл., и не возбудитъ совсѣмъ затрудненій. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ правительству не приходится требовать отъ страны ни денегъ, ни капиталовъ, а для 3 милл. изысканіе источника не представитъ большихъ затрудненій. Приступая къ реформѣ, непосредственно касающейся кредитныхъ билетовъ, казначейство могло бы дѣйствовать, не опасаясь серьезныхъ препятствій, лишь въ случаѣ, еслибъ первые кредитные билеты,—съ которыхъ должна была бы начаться консолидація безпроцентнаго долга и которые для этого извлекаются изъ обращенія,—были билеты, *которые торговль и промышленности нужны*. Тогда выпускъ новыхъ консолидированныхъ облигацій и погашеніе безпроцентнаго долга могли бы произойти путемъ простого оборота по счетамъ государственнаго банка. Выпускъ вызвалъ бы лишь переходъ обязательствъ со счета казначейства на счетъ частныхъ лицъ—клиентовъ государственнаго банка. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго же начала казначейство было бы избавлено отъ необходимости изъ собственныхъ средствъ расходовать на долгосрочныя облигаціи, которыя замѣнили бы его безсрочное обязательство по кредитнымъ билетамъ: эти средства казначейство имѣло изъ процентовъ, получаемыхъ банкомъ отъ торговаго міра, успѣвшившаго поглотить „нужные“ кредитные билеты.

На дѣлѣ, однако, первые кредитные билеты, которые всего скорѣе оставить обращеніе, будутъ „излишніе“. Выразится это въ томъ, что если правительство рѣшится, напримѣръ, на заемъ 100 милл. рублей кредитными билетами и ихъ передать въ кассу государственнаго банка для развитія его операций, то государственному банку именно этими 100 милліонами удастся сдѣлать, можетъ быть, весьма немного.

Именно реформа денежнаго обращенія выяснитъ дѣйствіе такой причины, вліянія которой теперь нельзя распознавать, хотя о ея

существованіи не разъ уже было говорено въ литературѣ. Въ послѣднее десятилѣтіе у насъ получилъ значительную силу рядъ обстоятельствъ, сильно влияющихъ на возможность экономіи въ употребленіи кредитныхъ билетовъ. Съ помощью чековъ только на государственный банкъ и на остальные банки (считаемъ лишь процентные текущіе счета) въ 1873 году произведено платежей почти на 3 миллиарда рублей (2,970 милліоновъ: въ томъ числѣ чрезъ государственный банкъ 1,041 милліонъ, чрезъ акціонерные банки 1,451 милліонъ, и чрезъ общества взаимнаго кредита и городскіе общественные банки около 450 милл. руб). Конечно, изъ этихъ 3 миллиардовъ самая значительная доля все-таки поведла за собою выплату кредитныхъ билетовъ *предъявителямъ* чековъ. Но тѣ, которые *выдали* чеки, все-таки расплатились на 3 миллиарда, не употребивъ непосредственно для этого кредитные билеты. Безъ чековъ же и такое непосредственное употребленіе билетовъ уже съ перваго же шага 3-миллиарднаго платежа было бы безусловно необходимо. Очевидно, слѣдовательно, что экономія, порождаемая чеками, въ употребленіи кредитныхъ билетовъ весьма значительна. Менѣе значительна, но тѣмъ не менѣе очень важна экономія, которая въ платежныхъ операціяхъ между казначействомъ и публичною вызвана единствомъ правительственныхъ кассъ. Ассигновка для полученія платежа въ казначействѣ не замѣняетъ выдачи кредитнаго билета. Но сосредоточеніе всѣхъ выдачъ ускоряетъ обращеніе денегъ, доставляя возможность производить большую сумму платежей данною или меньшею массою кредитныхъ билетовъ. Развитие желѣзно-дорожной и телеграфной сѣтей и возможность имѣть „переводы“ не только у государственнаго банка, но и у всѣхъ остальныхъ банковъ, тоже важныя условія для экономіи при употребленіи кредитныхъ билетовъ. Всѣ эти условія *возможности* экономіи у насъ, однако, до сихъ поръ оставались скрытыми. Ихъ подавляла неспособность нашего денежнаго обращенія сокращаться. Но какъ только наше денежное обращеніе, благодаря реформѣ, приобрѣтетъ гибкость и упругость, всѣ упомянутыя условія экономіи выступятъ наружу. Они скажутся, можетъ быть, даже съ исключительною силою, какъ всякая причина, которой стремленіямъ долго не было дано свободнаго выхода.

Очень можетъ быть, что если правительство извлечетъ изъ обращенія даже на 200 милл. кредитныхъ билетовъ, это не помѣшаетъ разнаго рода банковымъ вкладамъ (срочнымъ, безсрочнымъ и на текущіе счета) прогрессивно возрастать и давать банкамъ довольно много средствъ на расширеніе операцій. Наростаніе вкладовъ до очень значительныхъ размѣровъ возможно,—какъ это доказываетъ опытъ Англій и нашъ собственный періода до крымской войны,—

хотя бы обращеніе безпроцентныхъ знаковъ и не было значительное. Вклады весьма сильно конкурируютъ съ безпроцентными знаками въ ихъ значеніи для учета и ссудъ.

Мы думаемъ однако, что если государственный банкъ для покрытія дефицита ликвидациі старыхъ кредитныхъ установленій консолидируетъ имѣющіеся у него нѣдѣ вклады, то врядъ-ли онъ будетъ въ состояніи опять накопить ихъ значительную массу. Теперь они прогрессивно уменьшаются и уходятъ къ частнымъ банкамъ, представляющимъ для нихъ болѣе выгодныя условія. Высокіе процентные текущіе счета государственнаго банка тоже отчасти вызываются тѣмъ, что онъ теперь принужденъ платить за нихъ проценты, чтобъ имѣть хоть какія-нибудь средства для коммерческихъ операцій. Извѣстно, что въ Англіи, гдѣ отношенія разбираемаго рода наиболѣе прочно развились и установились, совсѣмъ не главный (центральный) банкъ имѣетъ наибольшую массу вкладовъ отъ публики.

Существуетъ также нѣкоторое основаніе думать, что наростаніе вкладовъ и процентныхъ текущихъ счетовъ, какъ въ государственномъ, такъ и въ частныхъ банкахъ нашихъ, въ послѣдніе годы шло очень скоро подъ вліяніемъ причинъ исключительныхъ. Новизна большей части банковъ была главною между этими причинами. Если банки, которые позже учредились, отчасти отбивали нѣкоторую часть вкладовъ у банковъ, ранѣе открывшихся, то, сверхъ того, они отыскивали и новые вклады. Но отыскиваніе очень скоро достигало своего предѣла. Это видно изъ важнаго значенія, которое для нашихъ банковъ приобрѣлъ переучетъ въ государственномъ банкѣ. Но и выпуски, которые государственный банкъ производилъ „для усиленія размѣнаго фонда“, тоже играли не послѣднюю роль въ наростаніи вкладовъ на процентные текущіе счета. Подобныя выпуски, производимые безъ всякаго соображенія съ потребностью дѣлового міра, способны порождать „вклады на текущіе счета“ даже въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ были выпуски.

Можно поэтому думать, что если государственный банкъ консолидируетъ свои вклады, понизитъ или совсѣмъ устранилъ проценты на свои текущіе счета, совсѣмъ приостановитъ пріемъ срочныхъ и безсрочныхъ вкладовъ, и наконецъ получитъ интересъ и возможность заботиться о томъ, чтобъ его обратная касса дѣйствительно представляла „кассу кассъ“ всѣхъ остальныхъ банковъ, — то врядъ ли изъ текущихъ счетовъ у него будетъ достаточно средствъ на значительное расширеніе своихъ операцій. Отъ государственнаго банка можно требовать, чтобъ онъ основалъ свою дѣятельность на такихъ началахъ, которыя раздѣлили бы между нимъ и всѣми остальными банками источники оборотныхъ средствъ: чтобъ частные банки имѣли

для себя вклады, а государственный банкъ — средства отъ выпуска кредитныхъ билетовъ.

Во всякомъ случаѣ было бы одинаково односторонне питать слишкомъ сангвиническія надежды на то, что государственный банкъ съ самаго уже начала въ состояніи будетъ расширить свои операціи всѣми извлеченными изъ обращенія кредитными билетами, или совершенно отвергать всякую возможность подобнаго расширенія. Чтобы избѣгнуть односторонности, намъ кажется, необходимо исходить изъ того, что государственный банкъ не въ состояніи будетъ расширить свои операціи *всеми* кредитными билетами, съ которыхъ начнется ихъ консолидація, но что онъ въ состояніи будетъ это сдѣлать съ одною какою-либо ихъ частью: болѣе-ли или менѣе значительною — показать можетъ одинъ только опытъ. Финансовое же управленіе должно быть готово встрѣтить всякій случай, слѣдовательно и наихудшій. А такой наихудшій случай и встрѣтится, если опытъ уважаетъ на цифру 300 милл., какъ представляющую „лишніе“ кредитные билеты. Конечно, если опытъ выяснитъ меньшую цифру, то — тѣмъ лучше для финансоваго управленія: заготовленные средства у него останутся свободными. Очевидно въ такомъ случаѣ, что непосредственно къ реформѣ кредитныхъ билетовъ финансовое управленіе будетъ способно приступать лишь въ той мѣрѣ, въ какой у него будутъ образовываться, средства, необходимыя на „наихудшій“ случай.

Будемъ исходить изъ того, что каждая сотня милл. рублей кредитныхъ билетовъ потребуетъ въ наихудшемъ случаѣ отъ казначейства жертвы въ 6 милл. Предположимъ далѣе, что въ данный годъ, когда финансовое управленіе рѣшается приступить къ реформѣ, оно на всякій случай для реформы имѣетъ только 3 милл. Тогда заемъ производится только на 50 милл. и таковыя передаются государственному банку. Удастся банку найти занятіе этимъ 50 милл. или ихъ части — тѣмъ лучше для казначейства; не удастся банку сдѣлать что-нибудь съ кредитными билетами — значитъ они были излишніе и расходъ уменьшенія безпроцентнаго долга на ихъ сумму покрывается заготовленными 3 милл.

Скоро ли или не скоро у казначейства наберется еще 3 милл., вопросъ для насъ совершенно несущественный. Когда казначейству опять удастся найти новые 3 милл., тогда оно повторяетъ первый опытъ.

Подобные выпуски новыхъ облигацій, съ напередъ заготовленными на наихудшій случай средствами, финансовое управленіе будетъ повторять до тѣхъ поръ, пока оно извлечетъ изъ обращенія всѣ серіи и 4%, металлическіе билеты и сократитъ безпроцентный долгъ за

кредитные билеты до суммы 130 милл. Когда оно достигнетъ этихъ результатовъ, его трудъ будетъ оконченъ и „упроченіе кредитнаго денежнаго обращенія“ будетъ достигнуто. Въ наилучшемъ случаѣ, то-есть если казначейство принуждено будетъ примириться съ увеличеніемъ его ежегодныхъ расходовъ на 21 милл. рублей, нашъ неотверженный долгъ сокращается на 817 милл. рублей; а по отношенію къ этой суммѣ 21 милл. составляютъ $2\frac{1}{2}\%$.

Конечно, такой результатъ не достигается въ одинъ годъ. Но результаты, касающіеся реформъ денежнаго обращенія, и не должны достигаться скоро. Всякій *скорый* переходъ отъ обезцѣненной валюты къ полноценной означаетъ разореніе цѣлой массы совершенно законныхъ интересовъ. И еслибъ у финансоваго управленія даже сразу оказался источникъ всѣхъ 21 милл. рублей, оно все-таки не всѣ сразу должно было бы немедленно обратить на реформу. Реформа должна производиться осторожно и постепенно, чтобъ законные интересы, которые внѣшними для нихъ вліяніями *принуждены* были приспособиться къ обезцѣненному денежному обращенію, имѣли достаточно времени для приготовленія себя къ новому порядку.

Всего вѣроятнѣе, что каждый разъ, когда будетъ извлечена какая-нибудь сумма кредитныхъ билетовъ, часть ихъ найдетъ себѣ производительное занятіе и обратно возвратится въ обращеніе, дѣлая незамѣтнымъ исчезновеніе бѣльшей суммы. А такое обратное возвращеніе части извлеченныхъ кредитныхъ билетовъ, увеличивая прибыли государственнаго банка, увеличиваетъ и средства казначейства для дальнѣйшихъ шаговъ реформы. Съ каждымъ шагомъ своимъ реформа будетъ себя поддерживать: и съ точки зрѣнія чисто-финансовой—облегченіемъ казначейства, и съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ, поддерживая ихъ въ ихъ приготовленіяхъ къ новому порядку.

Скажется ли каждый шагъ реформы уже съ самаго начала на цѣнности кредитныхъ билетовъ, или не скажется, это для производящихъ реформу должно быть совершенно безразлично. Реформа должна предприниматься и дѣлаться не для того, чтобъ показывать фокусы. Весьма вѣроятно, что если станетъ извѣстнымъ рѣшительное намѣреніе правительства изыскивать средства для реформы и намѣреніе станетъ очевиднымъ изъ опыта, то это не останется безъ вліянія и на цѣнность кредитныхъ билетовъ уже съ самаго начала. Но подобнымъ скорымъ вліяніемъ особенно дорожить и не нужно. Чѣмъ оно будетъ постепеннѣе возникать и развиваться, тѣмъ лучше и для правительства и для народнаго хозяйства.

VI.

Все вышеизложенное очевидно указывает на то, что государственному банку предстоит значительная роль, а нивакъ не исчезновеніе съ цѣлью замѣны его частнымъ крупнымъ кредитнымъ учрежденіемъ.

Задачи, которыхъ рѣшеніе предстояло нашему финансовому управленію въ 1860 году, до сихъ поръ въ самой значительной мѣрѣ остаются открытыми. Въ 1860 году, для рѣшенія означенныхъ задачъ считали необходимымъ учредить государственный банкъ. Очевидно, что если государственное кредитное установленіе было предпочтено частному, то это было сдѣлано не безъ основаній, которыя безъ труда можно понять. Но эти основанія и по настоящее время остаются въ полной силѣ.

Ликвидация старыхъ кредитныхъ установленій, ликвидация безпроцентнаго долга за кредитные билеты и организація кредитно-денежнаго обращенія на началахъ, которыя всемірнымъ опытомъ и наукою признаются единственно обеспечивающими силу и здоровье денежной системы, — эти три задачи необходимо предполагаютъ банковыя услуги. Система децентрализованныхъ банковъ, имѣющихъ право выпускать безпроцентныя бумаги, какъ извѣстно, на европейской почвѣ оказывается неспособною къ развитію въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Теоретически она, несомнѣнно, единственно правильная. Но практически она выражаетъ неиспробованную идею, идею, съ которою дѣйствительная жизнь боится производить эксперименты въ большихъ размѣрахъ. Если Англія, Франція, Германія боятся децентрализованныхъ банковъ съ правомъ выпуска, и если Шотландія и Швейцарія свидѣтельствуютъ, что при децентрализациі выпуски неспособны достигать большихъ размѣровъ и приносить соотвѣтственную пользу, — то врядъ-ли было бы благоразумно, чтобъ мы, въ Россіи, съ сравнительно слабѣйшими силами и средствами, рѣшились на то, на что не рѣшаются болѣе богатая страна.

А если децентрализованная система банковъ съ правомъ выпуска устраняется изъ разсмотрѣнія, то остается вопросъ, заслуживаетъ-ли монополюный акціонерный банкъ преимущества предъ государственнымъ, или наоборотъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ данныя нашей исторіи существенно отличны отъ данныхъ, которыми обыкновенно располагаютъ наука и практика за-границею. Ни одна страна въ мѣрѣ никогда не обладала такою развитою государственною банковною системою, какю мы обладали и обладаемъ. Никакое правительство не занималось банко-

выми операціями, столь разнородными и столь обширными, какими занималось наше правительство. Вотъ почему рѣшеніе выше поставленнаго вопроса у насъ имѣеть не такой видъ, какъ за-границею. Тамъ вопросъ о монопольномъ банкѣ зависитъ отъ рѣшенія вопроса о пользѣ или вредѣ свободы выпуска безпроцентныхъ знаковъ. Если этотъ вредъ разъ признается, то за-границею волею-неволею приходится мириться съ монопольнымъ банкомъ. У насъ же по рѣшенію вопроса о пользѣ или вредѣ выпуска въ смыслѣ вреда возникаетъ новая дилемма: слѣдовать ли намъ по старому пути государственнаго кредитнаго учрежденія или мы должны ступить на новый путь?

Несомнѣнно, что наши государственныя кредитныя установленія, безсознательно или по финансовой необходимости, до сихъ поръ дѣйствовали въ противность важнѣйшимъ началамъ банковской состоятельности. Но это, конечно, совсѣмъ не доказываетъ, что они всегда и впродолженіе должны будутъ такъ дѣйствовать. Опытъ Австріи убѣждаетъ, что и монопольный акціонерный банкъ, если ему приходится дѣйствовать рядомъ съ правительствомъ, которое не можетъ обойтись безъ банковыхъ ресурсовъ, также точно долженъ дѣйствовать въ противность всѣмъ началамъ банковской состоятельности. И врядъ-ли можетъ быть споръ о томъ, что еслибъ государственный банкъ въ 1860 году былъ снабженъ надлежащими средствами, то (въ особенности въ послѣднія 6—7 лѣтъ) его образъ дѣйствій могъ бы ничѣмъ не отличаться отъ образа дѣйствій наилучшихъ изъ монопольныхъ банковъ.

При нынѣшнихъ средствахъ нашего финансоваго управленія и при нынѣшнемъ характерѣ взаимныхъ отношеній между государственнымъ банкомъ и государственнымъ казначействомъ, банку недостаетъ только мѣръ, которыя привели бы въ свободное состояніе его иммобилизованныя и неудобно-реализуемыя активы, или которыя эти активы совсѣмъ совратили бы и устранили.

До 1860 года мы совсѣмъ не имѣли никакого понятія о нашей частной предприимчивости, о качествѣ и объемѣ ея инициативы,—вообще объ ея способностяхъ, силахъ и средствахъ. Но послѣднія 15 лѣтъ дали намъ объ этомъ предметѣ довольно опредѣленное представленіе. Было бы, конечно, односторонне и ошибочно не ставить высоко плоды, которые частная, единичная и собирательная, предприимчивость дала, получивъ свободу. Но не менѣе было бы односторонне и ошибочно, еслибъ мы, теряя подъ собою ночву весьма убѣдительныхъ указаній реальной жизни, стали утверждать, что наше единственное спасеніе—въ инициативѣ частной предприимчивости. И эта инициатива не всегда бываетъ плодотворною: она нерѣдко зарывается за предѣлы солиднаго дѣла, она нерѣдко совсѣмъ засыпаетъ и,

вообще, совѣсьмъ не свободна отъ недостатковъ, за которые удерживаютъ экономическую инициативу правительствъ. Инициатива свободной предприимчивости сама за себя говоритъ, когда она движется на почвѣ свободного-же соперничества; но, подпираемая привилегією и монополією, она у насъ грозитъ слишкомъ новыми опасностями, чтобъ можно было рассчитывать на отсутствіе къ ней значительнѣйшей доли публики.

Сверхъ того у насъ претивъ монополярнаго банка съ правомъ выпуска безпроцентныхъ бумагъ говорить и чисто-финансовыя доводы. Большой банкъ съ привилегированнымъ правомъ выпуска безпроцентныхъ знаковъ—весьма доходная статья. На доходы такого банка можетъ быть осуществлена значительная доля нашей денежной реформы.

Конечно, и частная компанія не задаромъ будетъ надѣяться получить привилегію выпуска. Но, очевидно, что сколько бы она ни заплатила за привилегію, она во всякомъ случаѣ дастъ только часть того, что привилегія сама можетъ дать. Но такъ какъ эта привилегія уже теперь находится у правительства, то правительство отдавало бы цѣлое за часть того же цѣлага.

Не трудно опредѣлить тѣ наименьшія требованія, которыя правительство должно было бы предъявить частной компаніи, передавая ей монополію выпуска. Эти требованія, однако, оказываются столь великими, что никакая компанія не въ состояніи будетъ ихъ удовлетворить, оставаясь на почвѣ солиднаго веденія будущаго нашего главнаго кредитнаго установленія.

Государственный банкъ можетъ сберечь казначейству ежегодный расходъ отъ 8 до 14 милл. рублей; смотря по тому, придется ли,—при уменьшеніи безпроцентнаго долга за кредитные билеты на 436 милл. руб.,—совершенно изъять изъ обращенія сумму кредитныхъ билетовъ на 300 милл. или только на 200 милл. То-есть, обладаніе государственнымъ банкомъ избавляетъ казначейство отъ тягости изыскивать источники, изъ которыхъ покрыто было бы уменьшеніе безпроцентнаго долга на сумму отъ 136 до 236 милл. рублей. Ясно, что отъ частной компаніи правительство по меньшей мѣрѣ въ правѣ требовать, за передачу ей монополіи выпуска, принятія на себя расходовъ по уменьшенію безпроцентнаго долга за кредитные билеты на ту же сумму 136—236 милл. рублей. Считая среднюю между этими двумя цифрами сумму, казначейство вправѣ требовать отъ частной компаніи капитала по меньшей мѣрѣ въ 136 милл. рублей, и притомъ съ тѣмъ, чтобъ на 130 милл. кредитные билеты для него оставались бы въ обращеніи. Казначейству тогда изъ собственныхъ средствъ предстоило бы позаботиться о покрытіи расходовъ по уменьшенію безпроцентнаго долга еще на 250 милл.,

то-есть объ источникахъ для ежегоднаго расхода въ $13\frac{3}{4}$ — 15 милл. рублей для кредитныхъ билетовъ и еще 3 милл. для оверій и 4% металлическихъ билетовъ, всего для $16\frac{3}{4}$ —18 милл. Эти 18 милл. составляютъ среднюю цифру между наименьшимъ (15 м.) и наибольшимъ (21 м.) размѣрами расхода, требуемаго упроченіемъ нашей кредитной денежной системы. Отъ передачи государственнаго банка акціонерной компаніи, слѣдовательно, или правительству, или компаніи: рискуютъ потерю въ три милліона. Если портфель будущаго нашего эмиссіоннаго банка въ состояніи будетъ дать помѣщеніе бѣльшей массѣ кредитныхъ билетовъ, чѣмъ въ 186 милл., тогда потеряетъ правительство. Въ противномъ случаѣ въ потерѣ окажется компанія. Но этого мало. Не говоря даже о вѣроятности, чтобъ какая-нибудь компанія согласилась передать казначейству за государственный банкъ капиталъ въ 186 милл. рублей, сдѣлка съ точки зрѣнія банковской политики врядъ ли была бы благоразумною. Она опредѣляла бы слишкомъ значительный minimum, ниже котораго не можетъ опуститься масса билетовъ. Но необходимо имѣть въ виду, что при немъ частная компанія еще только сводитъ концы съ концами и едва покрываетъ свои расходы. А ей еще нужна прибыль. Для этой прибыли компаніи необходимо позаботиться о расширеніи своихъ операцій за предѣлы 186 милл. рублей. Чтобъ получить хоть 8% чистой прибыли на свой капиталъ, компанія должна расширить свой портфель до возможности находить въ немъ помѣщеніе для массы кредитныхъ билетовъ, по меньшей мѣрѣ, въ 248 милл. рублей, то-есть сверхъ 186 милл. еще для 62 милл.

Передача государственнаго банка частной компаніи, не представляя для правительства выгоды, въ то же время сильно угрожала бы солидности главнаго нашего кредитнаго установленія, отъ котораго должны зависѣть въ весьма значительной мѣрѣ судьбы нашей торговли. Подобное учрежденіе всего менѣе должно быть рассчитано на то, чтобъ давать высокія прибыли. Цѣлямъ же хозяйственной политики оно всего лучше можетъ служить только въ рукахъ правительства. Частная компанія уже съ самаго начала принуждена будетъ сильнымъ прыжкомъ расширить свои операціи до очень значительныхъ размѣровъ. Портфель 248 милл. ей нуженъ уже для сравнительно незначительной прибыли въ 8% . Понятно, что компанія должна будетъ скорѣе погнаться за еще болѣе значительными операціями, если ей 8% будетъ мало. А между тѣмъ мы видѣли, что, оставаясь въ рукахъ правительства, государственный банкъ для начала можетъ удовольствоваться портфелемъ и въ 136 милл. только. Правда, при этой цифрѣ расходы казначейства возрастаютъ на 3 милліона (вмѣсто 18 милл., они будутъ 21 милл.).

Но, во-первыхъ, этими 3 милл. покупается постепенность и осторожность развитія. Во-вторыхъ, увеличеніе расходовъ на 3 милліона будетъ только временное: съ постепеннымъ развитіемъ операций государственнаго банка, когда его портфель безъ всякихъ прыжковъ и медленно наростетъ до 186 милл., исчезнетъ добавочный расходъ въ 3 милл., и весь ежегодный расходъ установится на уровнѣ 18 милл. Если же потомъ окажется возможность совершенно безопаснаго дальнѣйшаго развитія операций государственнаго банка даже до суммы 248 милл., тогда весь ежегодный расходъ казначейства по упроченію нашей денежной системы (то-есть по консолидаціи суммы неотвержденныхъ долговъ въ 817 милл.) понизится до 14¹/₄ милл. рублей.

Чѣмъ больше существуетъ видовъ на возможность благополучнаго развитія преобразованнаго государственнаго банка (а безъ такихъ видовъ частная компанія, конечно, не пожелаетъ его приобрести), тѣмъ больше теряетъ казначейство, передавая государственный банкъ въ частныя руки. Если существуютъ основанія признавать возможность такого развитія нашей торговли и промышленности, при которомъ онѣ въ состояніи будутъ со временемъ доставить солидное производительное помѣщеніе для массы кредитныхъ билетовъ въ 248 милл.,—если возможно развитіе, которое въ состояніи понизитъ расходы казначейства по уменьшенію суммы нашихъ неотвержденныхъ долговъ въ 817 милл., при помощи ежегоднаго расхода казначейства лишь въ 14¹/₄ милл. (составляющаго 1³/₄% всей консолидированной суммы),—тогда весьма незначительнымъ и постепеннымъ увеличеніемъ этого, сравнительно небольшого, расхода казначейства въ состояніи будетъ консолидировать даже тотъ остатокъ безпроцентнаго долга за кредитные билеты въ 130 милл., который мы до сихъ поръ оставляли. Тогда у насъ неотвержденныхъ долговъ совсѣмъ не будетъ, кредитное обращеніе будетъ опираться на одни только торгово-промышленныя силы страны, а у казначейства совершенно освободится ресурсъ, представляемый краткосрочнымъ государственнымъ кредитомъ.

И. Кауфманъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1875.

Бюджетъ на 1875 годъ.—Финансовое хозяйство и печать.—Балансъ внѣшней росписи.—Отчетъ контроля за 1873 годъ.—Примѣрная роспись на основаніи отчетовъ.—Вопросъ объ ограниченіи сверхсѣтныхъ расходовъ.—Проектъ устава о наймѣ рабочихъ.—Избиеніе адвокатовъ г. Марковымъ, по избиеніи литераторовъ г-мъ Катковымъ и Леонтьевымъ.

Обсужденіе ежегодной государственной росписи и, по поводу ея, общаго положенія финансовъ есть, безспорно, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей не только законодательныхъ собраній, но и печати. И дѣйствительно, наши бюджеты ежегодно подвергаются старательному, добросовѣстному разсмотрѣнію, какъ въ высшемъ учрежденіи, непосредственно къ тому призванномъ, такъ и со стороны журналовъ.

Не будемъ напоминать здѣсь о заслугахъ по составленію и исполненію росписей со стороны тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которымъ принадлежала честь преобразованія бюджета и введенія болѣе правильной въ государственную отчетность. Но весьма важное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало и членамъ государственнаго совѣта, гдѣ предположенія министерства финансовъ и заключенія государственнаго контроля по росписямъ всегда подвергались тщательному разсмотрѣнію, а нерѣдко и существеннымъ измѣненіямъ, и гдѣ обсужденіе бюджета, какъ говорятъ, всегда вызывало оживленныя пренія. Но пренія нашего высшаго государственнаго учрежденія негласны, а потому мы не имѣемъ права назвать тѣхъ изъ его членовъ, которые постоянно относились къ этому дѣлу съ особеннымъ участіемъ. Впрочемъ, заслугамъ одного изъ нихъ, а именно бывшаго предсѣдателя департамента экономіи по улучшенію росписей и установленію болѣе правильной въ государственномъ хозяйствѣ вообще, дано было гласное лестное удостовѣреніе, когда состояніе здоровья принудило его отказаться отъ этого поста, безъ прекращенія однако

дѣятельнаго участія въ предварительномъ обсужденіи и самыхъ преніяхъ о бюджетѣ.

Что касается нашей печати, то она никогда не уклонялась отъ обязанности разъяснять публикѣ измѣненія, происходившія въ росписяхъ, и высказывать свои взгляды какъ на общее положеніе финансовъ, такъ и на подробности финансоваго хозяйства. Она не отказалась отъ пользованія одною изъ немногихъ своихъ привилегій: относительнымъ просторомъ въ обсужденіи русскихъ финансовъ и дѣйствій финансоваго управленія. Несмотря на первостепенную государственную важность ввѣренныхъ ему интересовъ, наше финансовое управленіе не считало необходимымъ сдѣлать ихъ обсужденіе недоступнымъ для печати. Напротивъ, введя само гласность въ это дѣло, обнародованіемъ бюджета, оно, повидимому, признавало, что гласность полезна для кредита государства, а не вредна. Поэтому, какъ ни важны для благосостоянія государства и успѣшной дѣятельности правительства основы финансоваго положенія, финансовой системы и кредита, министерство финансовъ никогда не поднимало вопроса о „колебаніи основъ“ и „возбужденіи недовѣрія“ къ введенной или вводимой системѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что государство въ большей мѣрѣ заинтересовано въ прочности своего кредита, чѣмъ, напримѣръ, въ прочности такой или иной учебной программы въ нѣкоторыхъ школахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что, по убѣжденію министерства финансовъ,—насколько оно удостовѣрено фактически его отношеніемъ къ печати,—основы нисколько не укрѣпляются вынужденнымъ молчаніемъ печати. Изъ финансовой науки и практики оно знало, что обязательный курсъ кредитнаго рубля не только препятствуетъ уясненію дѣйствительной его цѣнности, но и не можетъ поддержать его цѣнности. Быть можетъ, потому оно полагало, что и какому-либо официальному мнѣнію, существующему въ данное время, напрасно придавать обязательный курсъ, который не можетъ ни уяснить, ни поддержать его цѣнности.

И надо замѣтить, что если есть политическій предметъ, къ которому печать наша могла стать въ отношеніе нормальное, здоровое, то это именно—наши финансы. Отношеніе это—искреннее, безпристрастное, спокойное. Тѣмъ, кто не довѣряетъ свободѣ печати, и даже нѣкоторые недостатки, особенно свойственные нашей русской прессѣ, приписываетъ ей „распушенности“, не мѣшало бы остановить свое вниманіе на указанномъ нами фактѣ и взвѣсить его истинное значеніе. Напрасно было бы думать, что финансы—такой предметъ, который самымъ свойствомъ своимъ обуславливаетъ безпристрастное и спокойное обсужденіе. Вопросы финансовые находятся въ тѣсной связи съ другими политическими вопросами, нисколько не имѣютъ особаго

свойства успокаивать умы, а по важности своей, конечно, далеко превосходятъ такіе вопросы, какъ, на примѣръ, о томъ, насколько удачны экзамены въ гимназіяхъ, или о томъ, кто будетъ завѣдывать медико-хирургической академіею. Казалось бы, что скорѣе второстепенные и спеціальныя вопросы, въ родѣ послѣдне-указанныхъ, по свойству своему должны благопріятствовать спокойному обсужденію, чѣмъ вопросъ о томъ, какъ государство употребляетъ деньги, собираемія съ народа, какъ справедливѣе распредѣлять тягости между сословіями и въ какой мѣрѣ дѣйствія финансоваго управленія соотвѣтствуютъ общему благосостоянію, въ которомъ каждый лично и непосредственно заинтересованъ. Стало быть, если отношеніе русской печати къ дѣйствіямъ финансовой администраціи болѣе спокойно, безпристрастно, однимъ словомъ, нормально, то это должно прямо зависѣть отъ факта, что отношеніе самого министерства финансовъ къ печати болѣе спокойно, безпристрастно, нормально. Въ числѣ нашихъ министерствъ нѣтъ положительно ни одного, котораго вся совокупность дѣйствій, всѣ важнѣйшія заявленія и мѣры подвергались бы столь общей и столь искренней критикѣ въ печати, какъ то ежегодно бываетъ по отношенію къ министерству финансовъ. На взглядъ иностранца, совершенно незнакомаго съ нашими обстоятельствами, могло бы показаться, что каждый изъ прочихъ министровъ у насъ популярнѣе министра финансовъ, о дѣйствіяхъ котораго никто не молчитъ, а стало быть, никто съ ними всѣми и не соглашается безусловно. Но русское общество понимаетъ это дѣло иначе, да и иностранцы знаютъ достаточно, чтобы не думать, что у насъ молчаніе есть знакъ согласія. Печать неоднократно и весьма сильно доказывала у насъ необходимость важныхъ реформъ въ финансовомъ управленіи и хозяйствѣ, причемъ нерѣдко высказывала даже опасенія весьма серьезнаго свойства. При этомъ проявлялось иногда рѣдкое единогласіе, усматривалась даже такая рѣдкость, какъ нѣчто похожее въ самомъ дѣлѣ на русское общественное мнѣніе. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ министерства финансовъ случалось сходиться прежнимъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ и „Русскому Міру“, „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и „Голосу“, и „Вѣстнику Европы“. Просторъ сужденій обусловилъ ихъ искренность, а искренность устраняла всякія преувеличенія. Отъ откровенной критики не только не произошло никакого „колебанія основъ“, но, наоборотъ, мы смѣло можемъ сказать, что нѣкоторыя, весьма важныя потребности государственнаго хозяйства, именно при помощи единогласныхъ заявленій печати должны были уясниться самому министерству финансовъ. Такова, на первомъ планѣ, необходимость преобразованія податной системы, не въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ от-

носительно способъ взиманія того или другого изъ существующихъ налоговъ, но въ видѣ одновременнаго пересмотра системы податнаго обложенія. Финансовое управленіе не обижалось рамками критики, не думало, что высказываемыя опасенія осуществятся вслѣдствіе того, что они высказаны, и устранились бы навсегда, еслибы о нихъ говорилось только внѣ печати. Оно не вторгалось само въ область печати съ завоевательными цѣлями, не держало себѣ официальныхъ печатныхъ органовъ насчетъ бюджета, не заводило себѣ неофициальныхъ адвокатовъ въ печати посредствомъ привилегій или посредствомъ официозныхъ корреспонденцій за границею, или посредствомъ запретительныхъ мѣръ, или посредствомъ уничтоженія неприятныхъ органовъ, для замѣны ихъ пріятными. Вся эта стряпня для созданія искусственнаго общественнаго мнѣнія была ему чужда, и вотъ истинное мнѣніе общества отнеслось къ нему въ печати съ лучшимъ свидѣтельствомъ довѣрія—съ искренностью и безпристрастіемъ.

Намъ придется и на этотъ разъ, при разсмотрѣніи государственной росписи на 1875 годъ и отчета контроля за 1873 годъ высказывать нѣсколько замѣчаній, не вполне согласныхъ съ тѣмъ угнѣнительнымъ впечатлѣніемъ, какое производитъ присутствіе въ бюджетѣ 3-хъ-милліоннаго избытка доходовъ предъ расходами. Въ этихъ замѣчаніяхъ не будетъ, конечно, ничего новаго для министерства финансовъ и по всей вѣроятности ничего такого, что не было бы укзывается и въ преніяхъ государственнаго совѣта при разсмотрѣніи росписи. Но цѣль и самое назначеніе политической печати въ томъ и состоитъ, чтобы все образованное русское общество участвовало въ обсужденіи важнѣйшихъ своихъ интересовъ. При этомъ мы сочли справедливымъ хотя однажды оговориться, что въ разсмотрѣніи дѣйствій финансоваго управленія и обсужденіи финансовыхъ интересовъ государства мы пользуемся относительнымъ просторомъ, и потому пусть не заключитъ кто-нибудь изъ того, что мы часто молчимъ о другихъ отрасляхъ государственной жизни, только потому, что не имѣемъ будто бы о нихъ ничего не сказать.

Балансъ росписи на 1875 годъ сводится на цифрѣ 559.361,193 рубль; она представляетъ, съ одной стороны, итогъ всѣхъ доходовъ, съ другой—итогъ всѣхъ расходовъ. Какъ въ доходахъ, такъ и въ расходахъ являются равныя цифры оборотныхъ расходовъ и поступленій—18.864,204 р., и временныхъ расходовъ на желѣзнодорожныя и портовныя сооруженія, расходовъ, которымъ соответствуетъ равное ассигнованіе изъ специальныхъ ресурсовъ. Затѣмъ, въ итогъ расходовъ входятъ двѣ особыя цифры: сумма въ 4 милл. р., назначаемая

на случай недобора въ окладныхъ сборахъ, и цифра 3.255,783 рубля, остающаяся въ итогѣ расходовъ свободно, представляющая разность между предполагаемой совокупностью доходовъ и предвидимой совокупностью потребностей, однимъ словомъ—изображающая собой ожидаемое превышеніе въ доходахъ предъ расходами. Такимъ образомъ, обыкновенныхъ, то-есть дѣйствительныхъ доходовъ государства предположено на 532.306,209 рублей, и обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на 525.050,426 рублей. Этими двумя цифрами въ бюджетѣ прошлагоднемъ соотвѣтствовали: 514.367,915 р. и 507.200,095 р. Итакъ, въ росписи на 1875 г., по сравненію съ росписью 1874 года, обыкновенные доходы возвышены на сумму 17.938,294 р., и на сумму почти равную же, а именно на 17.850,331 р., увеличены обыкновенные расходы. Нельзя, впрочемъ, сказать, что при этомъ просто прибавлено къ доходамъ и расходамъ 1874 г. примѣрно по 18 милл. рублей, и что затѣмъ балансъ остается тотъ же; нельзя,—потому что въ самомъ составѣ росписи 1875 года находятся нѣкоторыя существенныя измѣненія противъ предшествующей росписи. Но предполагаемый конечный результатъ въ обѣихъ росписяхъ дѣйствительно одинаковъ: предвидится превышеніе въ доходахъ предъ расходами; на 1874 г. предвидѣлся избытокъ доходовъ 3.167,820 р., на 1875 годъ предположенъ избытокъ доходовъ 3.255,783 рубля. Дѣйствительный результатъ по исполненію прошлагодной росписи еще неизвѣстенъ; неизвѣстно, оправдалось ли ожиданіе избытка доходовъ. Но окончательный результатъ по исполненіи росписи 1873 года извѣстенъ изъ отчета государственнаго контроля; роспись 1875 г. обнародована была 10-го января, а объяснительная записка къ контрольному отчету за 1873 годъ—22-го января нынѣшняго года. И вотъ, изъ контрольнаго отчета видно, что для оплаты всѣхъ относившихся къ росписи 1873 года обыкновенныхъ расходовъ не достало обыкновенныхъ средствъ государственнаго казначейства на сумму 1.198,014 р. 44 коп.

Хотя въ бюджетѣ на 1875 годъ нѣтъ ссылки на этотъ результатъ отчета за 1873 годъ, и по прежнему высказываются весьма благоприятныя ожиданія на будущее, однако дефицитъ 1873 г., повидимому, не остался безъ вліянія на составленіе новыхъ бюджетныхъ предположеній: они составлены на этотъ разъ съ особенной осторожностью. Намъ приходилось уже не разъ говорить, въ чемъ состоитъ эта „осторожность“ при установленіи бюджетнаго баланса. Хотя при опредѣленіи суммы ожидаемаго по каждой отрасли дохода и говорится, что она исчисляется по дѣйствительному поступленію, но въ общемъ выводѣ оказывается странный фактъ, что въ бюджетѣ каждаго года вся сумма доходовъ растетъ ровно настолько, насколько

возрасла сумма смѣтныхъ расходовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ производительныя силы Россіи состоятъ на службѣ и готовы всегда возрасти ровно настолько, сколько министерство уже обязалось истратить, но не на болѣе. Затѣмъ, въ дѣйствительности оказывается, что доходовъ поступаетъ милліоновъ на 30 болѣе, чѣмъ предвидѣно было бюджетомъ, и фактъ этотъ—переставшій удивлять всѣхъ, какъ слишкомъ часто повторяющійся сюрпризъ—представляется тѣмъ болѣе благопріятнымъ, что въ дѣйствительности и сумма израсходованныхъ денегъ возрасла въ томъ же размѣрѣ, потому что министерство финансовъ было вынуждено отпустить милліоновъ на 30 болѣе, чѣмъ обязалось смѣтами, отпустить ихъ по сверхсмѣтнымъ требованіямъ. Мы потому всегда останавливаемся на этой выдающейся чертѣ нашихъ бюджетовъ, что въ ней отражается главнѣйшая особенность финансоваго хозяйства Россіи. Министерство финансовъ, составляя свои бюджеты на 25—30 милл. ниже, чѣмъ бы слѣдовало, побуждается дѣйствительно осторожностью, но оно остерегается при этомъ не собственной ошибки въ предвидѣніяхъ, а просто—*перетребованій* со стороны другихъ вѣдомствъ. По наружности, оно забывается о полной точности бюджетныхъ предположеній: даже на случай недобора въ податяхъ оно полагаетъ какіе-нибудь 4 милл. р. На самомъ же дѣлѣ, оно очень хорошо знаетъ, что цифра недобора въ податяхъ ничтожна въ сравненіи съ цифрой перебора сверхсмѣтными требованіями на 30 милл. р., и соотвѣтственно этой послѣдней изъ году въ годъ повторяющейся цифры уменьшаетъ сумму ожидаемаго поступленія доходовъ. Такимъ образомъ, бюджетные балансы представляютъ не строгую, опредѣленную по соображеніямъ министерства финансовъ, схему, въ которой должно дѣйствительно держаться годовое хозяйство, но какъ бы расчетъ, сдѣланный съ цѣлью доказать другимъ вѣдомствамъ необходимость всевозможной экономіи въ неизбѣжныхъ сверхсмѣтныхъ требованіяхъ. И дѣйствительно, доклады, прилагаемые къ бюджету, всегда сводятся, въ своемъ заключеніи, къ необходимости всемѣрнаго уменьшенія сверхсмѣтныхъ требованій. Изъ этого видно, что министерство финансовъ безсилно ограничить годовое расходованіе строгими предѣлами смѣтъ.

Задача ограничивать сверхсмѣтныя требованія серьезнымъ обсужденіемъ, въ какой мѣрѣ каждое изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ необходимо и неотложно, падаетъ у насъ на государственный совѣтъ, которымъ сверхсмѣтныя ассигнованія разрѣшаются. Контрольный отчетъ за 1873 г. высказываетъ прямо, что „чрезмѣрность сверхсмѣтныхъ требованій грозила нарушить и часто въ дѣйствительности нарушала равновѣсіе государственной росписи, и лишала первоначальныя смѣтныя исчисленія надлежащаго значенія“. При такомъ

условія, бюджеты наши представляют не болѣе, какъ примѣрную, необязательную программу для расходованія, между тѣмъ какъ они должны были бы представлять нѣчто неизблемое. Для того, чтобы роспись получила серьезное значеніе, слѣдовало бы, чтобы она опредѣляла въ самомъ дѣлѣ обязательные предѣлы расходованія, сообразно съ ожидаемыми доходами государства. Еслибы могло быть ручательство, что въ самомъ дѣлѣ будетъ исполнено „всемѣрное ограниченіе сверхсѣтныхъ ассигнованій“, что всякія требованія сверхъ сѣмты, за исключеніемъ дѣйствительно чрезвычайныхъ случаевъ настоятельной, непредвидимой нужды, будутъ отстраняемы; въ такомъ случаѣ балансъ росписи можно было бы составлять совсѣмъ наоборотъ противъ того, какъ онъ выводится нынѣ. Не сумма доходовъ согласовалась бы съ показываемою цифрою расходовъ, но, напротивъ, сумма расходовъ опредѣлялась бы сообразно дѣйствительно ожидаемой цифрѣ доходовъ, и опредѣлялась бы неизблемо, безусловно, при помощи откровеннаго отведенія въ ней впередъ опредѣленнаго ассигнованія на случай чрезвычайныхъ, сверхсѣтныхъ потребностей. Мы не предположимъ ничего въ самомъ дѣлѣ неисполнимаго, допустивъ, что сумма ежегодныхъ сверхсѣтныхъ ассигнованій могла бы быть, даже и безъ всякаго преобразования учреждений, просто въ силу твердой рѣшимости, сокращена на половину. За насъ примѣръ 1867 года, когда подъ вліяніемъ убѣжденій, которыхъ достойнымъ представителемъ былъ покойный Татариновъ, сумма дѣйствительно произведенныхъ расходовъ сократилась вдругъ на $7\frac{3}{4}$ милл. рублей въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, и когда дефицитъ по контрольнымъ отчетамъ, благодаря не только возрастанію доходовъ, но и экономіи въ сверхсѣтныхъ требованіяхъ, въ одинъ годъ упалъ съ $50\frac{1}{2}$ милл. рублей до $1\frac{3}{4}$ милл. р.! Этотъ краснорѣчивый примѣръ не долженъ быть забываемъ, и онъ даетъ намъ право вѣрить въ возможность повторенія подобнаго усилія. Еслибы на него рѣшились, то первоначальнымъ исчисленіямъ росписи можно было бы тотчасъ придать то значеніе, котораго — по словамъ контрольнаго отчета за 1873 годъ — они нерѣдко бывають лишены. Для этого слѣдовало бы обратиться къ противоположному, сравнительно съ нынѣшнимъ, приему въ составленіи бюджетнаго баланса, придавъ ему не примѣрный, но дѣйствительный, строго-обязательный смыслъ. Допустимъ, что въ виду дефицита 1873 года, нельзя было бы повысить нынѣшнее исчисленіе доходовъ на около 30 милл. рублей, такъ какъ послѣдній контрольный отчетъ предостерегаетъ противъ „выводовъ о чрезмѣрной упругости финансовыхъ средствъ страны“, другими словами, выражаетъ неувѣренность въ томъ, что возрастаніе доходовъ будетъ въ послѣдующіе годы продолжаться въ прежнихъ

размѣрахъ. Но милліоновъ 20, казалось бы, смѣло можно прибавить къ нынѣшнему бюджетному исчисленію доходовъ. Возьмемъ цифру дѣйствительно поступившихъ въ 1873 году обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ—538 милл. р.; присоединимъ къ нимъ 17 милл. р. изъ государственнаго земскаго сбора (за разными убавками), нынѣ впервые вносимые въ роспись; затѣмъ, имѣя въ виду, что въ бюджетахъ послѣдняго пятилѣтія на каждый годъ допускалось увеличеніе суммы доходовъ въ размѣрахъ отъ 13 до 24³/₄ милл. рублей, примемъ это годовое возрастаніе доходовъ хотя въ меньшемъ размѣрѣ—11 милл. р., т.-е. 22 милл. за два года 1873—1875. Правда, въ росписи на 1875 годъ подобнаго возрастанія совсѣмъ не предположено; даже сумма около 23 милл. рублей, представляемая включеніемъ въ роспись государственнаго земскаго сбора, и та присоединена къ суммѣ бюджетныхъ доходовъ 1874 г. не полностью въ росписи 1875 г., а только въ размѣрѣ 17 слишкомъ милл. р., за разными убавками. Но вѣдь это только результатъ той „осторожности“, которую мы отлагаемъ теперь въ сторону, такъ какъ она направлена къ заготовленію средствъ внѣ бюджета для расходовъ сверхъ смѣты. Итакъ, изъ приведенныхъ выше реальныхъ цифръ у насъ составился бы совершенно вѣроятный (скорѣе меньшій, чѣмъ можно ожидать) итогъ обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ на 1875 годъ въ 577 милл. рублей, вмѣсто тѣхъ 551 милл. р., которые предвидеть нынѣшняя роспись. Разсчетъ этотъ можетъ быть подтвержденъ еще тѣмъ соображеніемъ, что оказывающееся въ немъ повышеніе суммы доходовъ на 26 милл., противъ принятаго въ бюджетѣ, близко представляетъ то превышеніе дѣйствительнаго поступленія передъ исчисленіемъ росписи, какое показано въ отчетѣ по дѣйствительному исполненію росписи 1873 года (25.958,580). Приѣмъ при составленіи росписей у министерства финансовъ остался прежній, и мы вправе предполагать, что доходовъ и въ 1875 году поступитъ на 26 милл. болѣе, чѣмъ имъ исчислено, а это и подтверждаетъ предположенную нами выше цифру обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ на 1875 годъ въ 577 милл. рублей. И мы допускаемъ осторожность въ исчисленіяхъ, только уже осторожность не въ виду стремленій прочихъ вѣдомствъ къ перетребованію противъ смѣты, а осторожность для безошибочности нашихъ исчисленій, въ виду сомнѣній контроля въ „чрезмѣрной упругости финансовыхъ средствъ страны“. Мы допускаемъ, что доходы могутъ возрасти уже въ нѣсколько меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ, и принимаемъ возрастаніе доходовъ за годы 1874—1875 не по 13 милл., но уже только по 11 милл. р. въ годъ—и все-таки получаемъ цифру 577 милл. р. обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ 1875 года; принимать, что она окажется ниже,

нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Это значило бы уже намѣренно понижать ее въ виду какихъ-нибудь искусственныхъ бюджетныхъ цѣлей.

Перейдемъ теперь къ предусмотрѣннѣмъ расходамъ. Цифра обыкновенныхъ и оборотныхъ расходовъ на 1875 годъ опредѣлена росписью въ 548 милл.; этой цифры мы измѣнить не можемъ, такъ какъ она опредѣлена по размѣрамъ признанныхъ отдѣльными смѣтами потребностей. Но мы знаемъ также, что могутъ представиться настоятельныя нужды, непредвидѣнныя смѣтами; мало того, мы примемъ во вниманіе, что цифра сверхсмѣтныхъ расходовъ за 1873 годъ представляла уже нѣкоторое уменьшеніе противъ предшествовавшихъ лѣтъ: она была за 1873 годъ въ 26.367,822 р., между тѣмъ какъ въ 1872 году она составляла 34.488,164 р., въ 1871 году—35.698,066 р., въ 1870 г.—35.801,426 р., въ 1869 г.—37.181,880 р. Въ виду такого относительно-благопріятнаго результата 1873 года, мы должны принять, что уже дѣлалось усиліе къ ограниченію сверхсмѣтныхъ требованій, и потому предполагаемое нами уменьшеніе ихъ вдвое, при помощи энергическаго усилія, исчислимъ не по суммѣ сверхсмѣтныхъ ассигнованій 1873 года, но противъ наибольшей суммы ихъ, соотвѣтствовавшей 1869 году. Сочтемъ, что цифра ихъ въ 1869 году требовала сокращенія на-половину, т.-е. примѣрно на 18½ милл., что въ теченіи трехъ послѣдующихъ годовъ осуществлено уменьшеніе на около 11 милл. р. (26 м. 1873 года въ сравненіи съ 37 м. 1869 г); затѣмъ предстоитъ въ 1875 году осуществить уменьшеніе еще на остальные 7½ милл. р., что очень возможно, такъ какъ съ 1872 на 1873 годъ оказалось же возможнымъ уменьшить въ одинъ годъ сверхсмѣтныя ассигнованія почти на 8 милл. р. Такимъ образомъ, мы допустимъ для 1875 года вѣроятность сверхсмѣтныхъ расходовъ на 26 *минусъ* 7 мил. рублей, т.-е. на 19 милл. р, и внесемъ эту цифру въ наше бюджетное исчисленіе. Въ соединеніи съ итогомъ обыкновенныхъ и оборотныхъ расходовъ, предположенныхъ росписью въ 548 милл. р., цифра 19 милл. даетъ 567 милл. рублей. [Временные расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ имъ соотвѣтствуетъ совершенно зависящій отъ усмотрѣнія размѣръ ассигнованія изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ желѣзнодорожнаго фонда. Мы предполагаемъ, стало быть, обыкновенныхъ, оборотныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ на 567 милл. рублей, а обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ предвидимъ на 577 милліоновъ рублей. Оказывается излишка въ доходахъ на 10 милл. рублей, которые могли бы быть употреблены на пониженіе податей. Хотя наши цифры совсѣмъ иныя, чѣмъ цифры росписи, но нашъ балансъ совершенно совпадаетъ

съ ея балансомъ: къ 3 милл. превышенія въ доходахъ, предполагаемаго росписью, прибавьте предполагаемое нами уменьшеніе на 7 милл. сверхсмѣтныхъ расходовъ, и вотъ получится 10 милл. р. превышенія, которое мы предполагаемъ. Это совпаденіе баланса между цифрами, выведенными совершенно инымъ способомъ, заставляетъ насъ предполагать, что само министерство финансовъ составило свой балансъ изъ цифръ гораздо меньшихъ, чѣмъ наши—въ виду такихъ цифръ, которыя похожи на наши; однимъ словомъ, министерство финансовъ само имѣетъ въ виду, для собственнаго своего соображенія, бюджетный расчетъ, котораго цифры недалеки отъ нашихъ. Въ росписи оно показываетъ другія, меньшія цифры, вѣроятно для того, чтобы не поощрять разныя вѣдомства къ расточительности. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что сверхсмѣтныя ассигнованія всегда бываютъ и что для покрытія ихъ найдутся средства, потому что доходовъ должно поступить болѣе, чѣмъ сколько показано по росписи. А такъ какъ подобное ожиданіе основывается на совершенно-неопредѣленныхъ соображеніяхъ, то оно и можетъ скорѣе способствовать увеличенію сверхсмѣтныхъ требованій, чѣмъ его уменьшенію. Гораздо лучше было бы, по нашему мнѣнію, точно согласовать роспись съ дѣйствительностью, и затѣмъ уже сдѣлать роспись безусловно-обязательною при помощи опредѣленнаго въ ней максимума сверхсмѣтныхъ расходовъ. Въ сдѣланномъ нами расчетѣ, несмотря на 10 милл. избытка доходовъ, отчислено на удовлетвореніе сверхсмѣтныхъ потребностей 19 милліоновъ рублей. Неужели же, при правильномъ хозяйствѣ и строгой разборчивости въ разрѣшеніи ассигнованій на непредвидѣнныя нужды, цифра эта не была бы слишкомъ достаточна? Но для того, чтобы изъ нея не выдти, а наоборотъ, еще сколько возможно понизить ее при исполненіи, слѣдовало бы уже, конечно, разрѣшать сверхсмѣтные кредиты только на въ самомъ дѣлѣ настоятельныя нужды, а не на прихоти скорѣйшаго осуществленія какой-нибудь административной мысли, какъ то зачастую бываетъ. Лучшею гарантіею строгости въ разборѣ такихъ требованій и было бы опредѣленіе для нихъ общаго максимума; высшее учрежденіе, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ, знало бы, что за истощеніемъ этого максимума не осталось бы уже ни одного сколько-нибудь вѣроятнаго милліона рублей на могущія внезапно возникнуть непредвидѣнныя нужды, такъ какъ на баснословное возрастаніе доходовъ въ росписи, такъ сказать, поверхъ росписи, нѣчего бы уже было рассчитывать; оно уже было бы все учтено въ самой росписи. Это соображеніе несомнѣнно побуждало бы по возможности „оттягивать“ истощеніе годового фонда на чрезвычайныя нужды, и результатомъ такого полезнаго „оттягиванія“ и

оказалось бы, что и въ заключенію смѣтнаго періода въ этомъ фондѣ уцѣлѣлъ бы какой-нибудь милліонъ, оставленный на всякій случай, про запасъ.

Само собою разумѣется однако, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и 14—20 милліоновъ рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ на 525 милл. расходовъ предвидѣнныхъ (не считая оборотныхъ) все еще слишкомъ много; эта цифра еще не можетъ быть признана нормальною и должна быть сокращаема въ послѣдующіе годы по мѣрѣ возможности. Если возьмемъ счетъ сверхсмѣтныхъ расходовъ въ отчетѣ контроля за 1873 годъ, то найдемъ, что только малая часть ихъ имѣютъ характеръ дѣйствительно вызванныхъ исключительными обстоятельствами, а именно всего 7.051,508 р. изъ всего итога 26.367,083. Допустимъ, что къ приведеннымъ семи милліонамъ могутъ рационально быть причислены еще до 800 т. р. на пособия, выданныя вслѣдствіе неурожая, пожаровъ и т. п., и 720,426 р., получившихъ особая назначенія по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Но вѣдь все это составляетъ не больше 8½ милл. р. На что же потребовались остальные 18 милліоновъ? Главную часть ихъ (10.858,261 р.) составила прибавка къ такимъ расходамъ, которые по смѣтамъ исчисляются въ приблизительномъ размѣрѣ, и затѣмъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и „другихъ обстоятельствъ“, оказались недостаточными. Итакъ, здѣсь проявляется просто недостатокъ предвидѣнія при составленіи смѣты, ошибка, быть можетъ, не всегда невольная, такъ какъ составители смѣты думаютъ, что лучше для сокращенія общаго итога уменьшать смѣты на потребности продовольствія, чѣмъ жертвовать какими-нибудь другими расходами, вовсе исключая ихъ изъ смѣты; вѣдь на прибавку къ продовольствію всегда дадутъ сверхсмѣтныя средства, такъ какъ нельзя же прекратить продовольствія или хотя бы дѣйствіе контрактовъ на его поставку. Далѣе, на новыя постройки и „другія операціи“ потребовалось сверхсмѣтно болѣе 2 милл. рублей; между тѣмъ, никакихъ построекъ, непредвидѣнныхъ смѣтами, производить не слѣдуетъ, кромѣ такихъ случаевъ, которые входятъ въ категорію совершенно исключительныхъ. Остальная часть сверхсмѣтныхъ ассигнованій, около 16 милл. рублей, разрѣшена была въ 1873 году на слѣдующія потребности: на платежи по государственнымъ займамъ, выдачу содержанія чиновникамъ, оставленнымъ за штатомъ, содержаніе вновь открытыхъ правительственныхъ учреждений и увеличеніе штатовъ существовавшихъ учреждений, производство добавочнаго жалованья, награды, пособия и ссуды чиновникамъ, награды войскамъ. Ясно, что почти всѣ такія потребности не могли представлять соединенныхъ условій непредвидимости и неотложности. Самъ контроль

замѣчаетъ, что сверхсѣтныя расходы на содержаніе вновь открываемыхъ учреждений и увеличеніе штатовъ не должны бы были допускаться, такъ какъ ихъ легко или предвидѣть въ свое время, или отсрочивать. Относительно такихъ же ассигнованій на прибавку къ расходамъ, исчисленнымъ приблизительно на постройки, контроль указываетъ въ сравнительномъ пониженіи ихъ цифры за 1873 годъ признакъ болѣе точнаго опредѣленія по сѣтамъ. Вотъ почему, говоря выше о возможности сокращенія суммы сверхсѣтныхъ расходовъ на-половину, мы должны были признать, что такого сокращенія нельзя сдѣлать въ теченіи одного года: въ томъ-то и дѣло, что самыя сѣты составляются не такъ точно, какъ бы слѣдовало и именно потому, что есть основательная надежда на добавочныя ассигнованія, сверхъ сѣтъ, если и не въ неограниченномъ, то во всякомъ случаѣ въ неопредѣленномъ размѣрѣ. Сверхсѣтныя суммы, которыя были вытребованы въ 1873 году специально вслѣдствіе неточности сѣтъ по только-что указаннымъ статьямъ, составляли однѣ до 13 милл. въ сложности. Это и представляетъ ровно половину всей цифры сверхсѣтныхъ ассигнованій 1873 года. Стало быть, для того, чтобы сократить эту сумму до половины, было бы достаточно со всевозможной точностью опредѣлять сѣты, уменьшая общіе итоги исключеніемъ цѣлыхъ потребностей, которыя не особенно настоятельны, а не произвольнымъ пониженіемъ суммъ по такимъ потребностямъ, которыя неизбѣжны и которыя, вслѣдствіе подобнаго приѣма, вызываютъ сверхсѣтныя надбавки, не могущія подлежать отказу. Но такая переработка отдѣльныхъ сѣтъ не можетъ быть произведена въ теченіи одного года, потому что она не можетъ явиться результатомъ одного предписанія: ее могла бы вызвать только практика въ дѣятельности того высшаго учрежденія, которое, разрѣшая сверхсѣтныя отпуска, могло бы съ настойчивостью отклонять всѣ требованія, допускающія отсрочку, а случаи недостатка сѣтныхъ суммъ по такимъ потребностямъ, которыя исчисляются въ приблизительномъ размѣрѣ—ставить каждый разъ на видъ подлежащимъ вѣдомствамъ. Только такая настойчивая практика могла бы внушить отдѣльнымъ вѣдомствамъ убѣжденіе, что сѣты слѣдуетъ составлять со всевозможнымъ приближеніемъ къ дѣйствительнымъ ожиданіямъ, и что рассчитывать на сверхсѣтныя отпуска невыгодно. Мы думаемъ, что для установленія подобной практики много помогло бы включеніе въ бюджетъ суммы на сверхсѣтныя (чрезвычайныя) расходы въ видѣ максимума, не подлежащаго превышенію ни въ какомъ случаѣ. Тогда государственный совѣтъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только опредѣленную сумму для покрытія всѣхъ добавочныхъ ассигнованій въ теченіи года, естественно побуждался бы охра-

нять максимумъ, чтобы изъ него не выдти. Совсѣмъ иначе представляется дѣло теперь, когда никакого максимума не опредѣлено, и хотя и принято за правило уменьшать сверхсмѣтныя ассигнованія, но для покрытія ихъ представляется источникъ совершенно неопредѣленный, какъ бы официально не существующій: ежегодное превышеніе дѣйствительнаго поступленія доходовъ противъ бюджетнаго исчисленія ихъ суммы. Въ самыхъ преніяхъ, происходящихъ въ нашемъ высшемъ учрежденіи при обсужденіи сверхсмѣтныхъ требованій, можно сослаться только на цифры и данныя официально-существующія; нельзя же сослаться на гадательный избытокъ поступленій и требовать охраненія его отъ сверхсмѣтныхъ перетребованій. Да наконецъ, повторяемъ, размѣръ его (до 26 милл. р.) все-таки слишкомъ великъ, чтобы можно было допускать сверхсмѣтныя потребности до этой цифры. Она непремѣнно должна подлежать ежегодному сокращенію и обратиться чрезъ нѣсколько лѣтъ—при соблюденіи правильности и отсутствіи чрезвычайныхъ событій—въ половину нынѣшняго своего размѣра, что—какъ показано—можетъ быть осуществлено уже посредствомъ одного болѣе точнаго составленія смѣты.

Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что въ нашей финансовой практикѣ къ уменьшенію сверхсмѣтныхъ расходовъ употреблены иные приемы, указывающіе на совершенно иной путь. Осуществленіе надежды по уменьшенію сверхсмѣтныхъ ассигнованій ожидается отъ установленныхъ въ 1873 году правилъ о нормальныхъ смѣтахъ военнаго и морского министерствъ, правилъ, по которымъ кредиты этихъ вѣдомствъ безусловно возвышены на пятилѣтіе 1874—1878 годовъ, но съ тѣмъ, чтобы эти министерства не имѣли уже права испрашивать сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Въ силу этихъ правилъ, въ бюджетѣ на 1875 г. военному министерству ассигнуется на чрезвычайные расходы и въ запасной фондъ около 15 милл. р., а морскому министерству около 700 т. рублей. Это есть нѣчто въ родѣ страховой преміи, которую платитъ государственное казначейство военнымъ вѣдомствамъ съ тѣмъ, чтобы охранить себя отъ ихъ сверхсмѣтныхъ требованій. Подъ вліяніемъ такого страхованія, не будетъ ничего удивительнаго, но и ничего особенно утѣшительнаго, если общая сумма сверхсмѣтныхъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства, начиная съ слѣдующаго же контрольнаго отчета, и уменьшится. Такое сокращеніе будетъ совершенно призрачное и къ контрольному итогу сверхсмѣтныхъ требованій за 1875 г. придется прибавить 15 милл. рублей, чтобы получить реальную его цифру. Можно было бы, пожалуй, совершенно устранить всѣ сверхсмѣтныя ассигнованія, предоставивъ подобныя же прибавки, въ видѣ страховых пре-

мій, и всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ. Напримѣръ, министерство финансовъ, которое въ 1873 году потребовало противъ смѣты, на собственныя свои надобности, 2.310,130 р., могло бы застраховать отъ самого себя государственное казначейство, прибавивъ эту сумму къ своимъ смѣтамъ, начиная съ 1876 года. То же самое могли бы сдѣлать и другія вѣдомства. Тогда, въ концѣ-концовъ, получился бы слѣдующій результатъ: сверхсмѣтныхъ ассигнованій по наружности вовсе бы не было, и въ бюджетѣ пришлось бы показывать весь доходъ, ожидаемый въ дѣйствительности, для избѣжанія 26-ти-милліоннаго дефицита въ бюджетномъ балансѣ. Но въ дѣйствительности вся сумма „непредвидѣнныхъ“, штатами неопредѣленныхъ, расходовъ осталась бы прежняя, только разрѣшеніе ихъ въ значительной мѣрѣ ускользнуло бы изъ рукъ государственнаго совѣта, ставъ въ болѣшую, чѣмъ нынѣ, зависимость отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ вѣдомствъ. Правда, государственный совѣтъ все-таки могъ бы сокращать смѣты, доводимыя вѣдомствами до указанной предѣльной цифры, и отъ него зависѣло бы разрѣшать или не разрѣшать передвиженіе кредитовъ между параграфами отдѣльныхъ смѣтъ. Но сокращать смѣты, въ которыхъ являлся бы по каждому вѣдомству запасный фондъ, не такъ легко, какъ устранять требованія сверхсмѣтныхъ расходовъ, когда такія требованія являются въ своемъ натуральномъ видѣ, представляя собою все то, что не могло быть внесено въ смѣты за неимѣніемъ на то штатнаго опредѣленія или вообще законнаго основанія. Вотъ почему этотъ путь къ сокращенію итога сверхсмѣтныхъ ассигнованій представляется намъ въ значительной степени призрачнымъ. Во всякомъ случаѣ, было бы гораздо раціональнѣе и удобнѣе не ослаблять, но усиливать дѣйствительный контроль государственнаго совѣта надъ всѣми расходами, не истекающими изъ законныхъ штатовъ и не обусловленными смѣтными правилами. Такое желательное усиленіе контроля со стороны высшаго законодательнаго учрежденія могло бы быть достигнуто, еслибы сверхсмѣтныя ассигнованія не проникали въ смѣты подъ видомъ запасныхъ фондовъ или непредвидимыхъ расходовъ, были оставлены въ своемъ ясномъ, опредѣленномъ значеніи, и еслибы въ распоряженіе государственнаго совѣта предоставлена была бы нормальная сумма, въ видѣ безусловнаго максимума, на покрытие всѣхъ, дѣйствительно непредвидимыхъ и неотложныхъ расходовъ года. Затѣмъ, какъ уже сказано, этотъ максимумъ можно было бы постепенно и ежегодно понижать по мѣрѣ болѣе точнаго, болѣе откровеннаго составленія смѣтъ, на законномъ основаніи, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ довести этотъ максимумъ примѣрно до половины итога сверхсмѣтныхъ рас-

ходовъ 1873 года, то-есть до 13 милл. рублей, что возможно предполагать уже на основаніи данныхъ контрольнаго отчета за этотъ годъ.

Говоря о бюджетномъ хозяйствѣ, мы оставляемъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросы, относящіеся къ общему положенію финансовой системы: объ обнаружившемся за послѣдніе отчетные годы ослабленіи въ возрастаніи доходовъ, о бумажно-денежномъ обращеніи и о необходимости преобразованія податной системы съ цѣлью облегченія прямыхъ податей. Объ этихъ вопросахъ уже упоминалось въ предшествующемъ „Внутреннемъ обзорѣни“. Не касаясь теперь дѣятельности податной комиссіи, обратимся къ другой правительственной комиссіи, дѣятельно работающей въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, надъ проектомъ положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги. Въ комиссіи этой, какъ извѣстно, участвуютъ, кромѣ правительственныхъ членовъ, и представители земствъ. Комиссія эта уже обсудила общія положенія проекта. По общему обычаю всѣхъ нашихъ проектовъ, проектъ устава о наймѣ страдаетъ излишкомъ полноты. Какъ во всѣ наши уставы, въ него сочли нужнымъ ввести повтореніе всѣхъ положеній общаго законодательства относительно права вступленія въ договоры, какъ будто недостаточно согласовать каждый уставъ съ общимъ законодательствомъ, но еще необходимо включать всѣ общія положенія законовъ въ отдѣльные уставы; сверхъ того, также по обычаю, въ проектъ устава о наймѣ включены постановленія обязательныя или представляющія альтернативу, упоминаніе о которой казалось бы излишне. Такъ, напр., для чего устанавливать, что договоръ по найму можетъ быть заключаемъ письменно или словесно, съ однимъ или съ нѣсколькими лицами, на опредѣленный срокъ или безъ опредѣленія срока, на всѣ работы, относящіяся къ извѣстному виду найма или только на нѣкоторыя? Для чего нужны такія опредѣленія, или еще такія, которыми устанавливается, что заключать договоры могутъ только лица, имѣющія право заключать договоры? Недостааетъ еще, чтобы въ уставѣ о наймѣ „постановлялось“, что наниматься могутъ лица, жительствующія въ той же мѣстности или приходящія, или же пріѣзжающія изъ другихъ мѣстностей, безъ различія, прибываютъ ли они пѣшкомъ или на лошадахъ, или же на желѣзныхъ дорогахъ, лишь бы по закону имъ принадлежало право пребыванія въ мѣстности найма и т. п. Спеціальныи уставъ долженъ быть согласованъ съ общимъ законодательствомъ, но содержать въ себѣ долженъ только такія постановленія, которыхъ въ общихъ законахъ нѣтъ, такъ какъ онъ долженъ служить только дополненіемъ

къ общимъ законамъ. Въ числѣ общихъ положеній о наймѣ только весьма немногія вызываются именно особенностями вступленія въ договоры по найму. Таковы постановленія, соотвѣтствующія вопросамъ: о защитѣ правъ малолѣтнихъ, о рабочихъ книжкахъ и ихъ отношеніи къ паспортамъ. Надо отдать комиссіи справедливость въ томъ, что большинствомъ ея членовъ обнаружено стремленіе къ человѣчности и къ охраненію интересовъ не однихъ нанимателей, но и рабочихъ. Такъ, большинство высказалось за запрещеніе найма на работы дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, за исключеніемъ для нѣкоторыхъ видовъ полевыхъ работъ; установило, что договоръ по найму вообще не можетъ простираться на срокъ свыше 5-ти лѣтъ, а для лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія и нанимающихся безъ согласія родителей или опекуновъ, на срокъ долѣе 1-го года, и высказалось противъ той статьи проекта, которою воспрещался наемъ рабочихъ безъ видовъ, замѣнивъ его однимъ запрещеніемъ жительства у нанимателей лицамъ, видовъ неимѣющимъ,—что, сказать мимоходомъ, представляетъ опять излишнее опредѣленіе, такъ какъ паспортныя правила существуютъ отдѣльно отъ устава о наймѣ. Важнѣйшимъ результатомъ преній комиссіи собственно по этому вопросу было заявленіе министра государственныхъ имуществъ, что онъ доведетъ до свѣдѣнія государственнаго совѣта мнѣніе комиссіи о бесполезности паспорта при рабочей книжкѣ, что можетъ послужить матеріаломъ при преобразованіи паспортной системы. Можно бы пожелать, чтобы ограниченіе срока договоровъ по найму однимъ годомъ было установлено не только для несовершеннолѣтнихъ, вступающихъ въ договоры безъ согласія родителей, но и для несовершеннолѣтнихъ, вступающихъ въ договоры съ согласія родителей, и въ особенности для малолѣтнихъ, за которыхъ сами родители заключаютъ подобные договоры. Тиранія ремесленныхъ мастеровъ надъ дѣтьми есть нѣчто крайне-возмутительное, и необходимо облегчить родителямъ возможность избавлять своихъ дѣтей отъ кабалы, предоставивъ, сверхъ того, мировымъ судьямъ немедленно прекращать силу договоровъ до срока, въ случаѣ желанія родителей принять дѣтей къ себѣ, если доказанъ фактъ дурного обращенія съ ними мастеровъ и подмастерьевъ. Что касается признанной большинствомъ комиссіи обязательности рабочихъ книжекъ, то мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію большинства. Рабочія книжки во всякомъ случаѣ вводятъ въ договоръ о наймѣ неравенство условій между договаривающимися сторонами. Можетъ быть полезно, чтобы хорошій работникъ имѣлъ возможность рекомендовать себя хорошими аттестаціями, но нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы безъ представленія рабочей

книжки работникъ не имѣлъ права наниматься, а также, чтобъ наниматель не имѣлъ права взять человѣка безъ рабочей книжки. Съ какой цѣлью нужно насиловать волю самого нанимателя, не говоря уже о существенныхъ интересахъ нанимающихся.

Отъ работниковъ, занимающихся ручнымъ трудомъ, перейдемъ къ работникамъ иного рода, которые также вступаютъ въ своего рода обязательства по найму, а именно къ ученымъ юристамъ, которые принимаютъ на себя, за вознагражденіе, служить повѣренными частнымъ лицамъ предъ судомъ, вести ихъ судебныя дѣла.

Одну изъ курьзѣйшихъ вещей, какія появлялись въ нашей печати за послѣднее время, представила по этому поводу напечатанная въ „Голосѣ“ въ прошломъ мѣсяцѣ статья г. Евгенія Маркова, подъ заглавіемъ: „Софисты XIX вѣка“. Она появилась какъ разъ вслѣдъ за тою статьею „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ всѣ русскіе литераторы, пишущіе, конечно не въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и не въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ ихъ отпрысками въ Петербургѣ, названы были „мошенниками пера“ и „разбойниками печати“. Не знаемъ, что думалъ г. Марковъ о такомъ отзывѣ, посылая свою статью не къ г. Каткову и его сателлитамъ; но вѣрно одно, что онъ самъ распорядился съ русскими адвокатами по рецепту, составленному г-мъ Катковымъ для русскихъ литераторовъ, и даже можно сказать, пошелъ далѣе своего образца и достигъ нѣкоторой оригинальности. Съ точки зрѣнія фельетонной можно бы поблагодарить г. Маркова за то, что въ наше время, когда все сглаживается, когда замѣчается такъ мало оригинальности во всѣхъ проявленіяхъ жизни, онъ рѣшился выступить оригиналомъ, моралистомъ и философомъ въ родѣ г. Каткова или того „метафизика“, который для того, чтобы выльзть изъ ямы, требовалъ усовершенствованнаго орудія, презирая „вервѣ простое“. Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ весьма оригиналенъ, но оригиналенъ только по своимъ приемамъ, а не по цѣли. Цѣль его, напротивъ, весьма обыденная, даже... vulgar (замѣнимъ русское слово англійскимъ, по примѣру Пушкина). У насъ встрѣчаются еще во множествѣ люди, которые съ сочувственнымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда, при „заглазномъ судѣ и канцелярской тайнѣ“, они „тайкомъ приносили 25 рублей“, и обращались къ ходатаямъ съ просьбою: „возьмите, голубчикъ, пятеричокъ; устройте мнѣ всю эту штуку“. Господствовала взятка, но въ обыкновенныхъ дѣлахъ взятка была небольшая, и судъ обходился дешевле, чѣмъ теперь при нотаріатѣ и адвокатурѣ, когда требуются сотни рублей, хотя въ нихъ и даются

росписки, и все дѣло представляетъ уже не взятку, но „добровольный и совершенно открытый договоръ“. Такихъ воздыхателей неприятно поражаетъ въ новомъ судѣ даже внѣшняя обстановка адвокатовъ: чистое бѣлье, „фракъ модной вырѣзки“, „золотой pinse-nez“, карета, даже „молодая, красивая жена“, которая ѣздитъ на „очень красивыхъ и очень дорогихъ лошадяхъ“. Какъ ни прикидываются добродушными простачками подобные воздыхатели о 25-ти-рублевой и „пятеричковой юстиціи“: „мы-де народъ простой, незнакомый съ хитроумными изворотами права, привыкли всѣ дѣла вести на чистоту и вещи называть ихъ собственными именами“—но добродушіе не исключаетъ въ нихъ злобы. Простачками они прикидываются только для того, чтобы имъ извинили крупную брань, которая и свидѣлствуетъ только о томъ, сколько злобы таилось у нихъ подъ личиной добродушія. Нужно быть, въ самомъ дѣлѣ, задѣтымъ новыми порядками за живое, чтобы въ цѣлое учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ бросить такой бранью, какою разразился авторъ, и какая можетъ возбудить зависть въ самомъ г-нѣ Катковѣ, который не зналъ до сихъ поръ соперниковъ въ „изящной“ литературѣ этого сорта: „Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправдѣ“, „циническое прелюбодѣяніе мысли“, „наемничество мысли“, „адвокатура вноситъ расплѣніе въ міръ нравственный“, это „язва 70-хъ годовъ“; адвокаты, это—„камельи права“, тѣ же наемные bravi. Считая недостаточными столь элегантныя выраженія, взятыя изъ книжекъ, авторъ погулялъ еще около тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно услышать бранныя слова чисто русскія, національныя, и преподнесъ нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ еще букетъ изъ цвѣтовъ народнаго краснорѣчія: „брехачи, брехунцы, проваты, двукаты, трехпроваты“.

Съ какой цѣлью это дѣлается? Г. Евгений Марковъ объявляетъ самъ, что „вовсе не проповѣдуетъ уничтоженія адвокатуры“, онъ признаетъ, что „она можетъ быть даже полезна и нужна въ извѣстныхъ (?) случаяхъ“, и сознаетъ, что „адвокатура не есть сила, исключительно властвующая въ области суда“, что „судъ, прокуроръ, присяжные — всѣ эти силы обуздываютъ адвокатуру и нерѣдко совершенно уничтожаютъ ея вліяніе“. Даже говоря о „вредѣ“ адвокатуры, авторъ, по его увѣренію, „не столько разумѣетъ осуществившійся вредъ, сколько стремленіе къ вреду“. Спрашивается, какую же цѣль имѣетъ вышеприведенный акааистъ? Г. Марковъ оговаривается, что „не только не имѣетъ ничего противъ новаго суда, но даже положительно принадлежитъ къ числу его всегдашнихъ сторонниковъ“. Итакъ, авторъ объявляетъ себя сторонникомъ новаго суда, сознаетъ, что судъ не подвластенъ же исключительно адвокатамъ, не требуетъ

уничтоженія адвокатуры, признаетъ за нею даже нѣкоторую пользу, а между тѣмъ изливаетъ на нее цѣлый потокъ книжной и некнижной брани. При этомъ, по его увѣренію, цѣль его только та, чтобы „размежеваться“ съ адвокатами, этими продажными Фринами, „очистить свой станъ отъ ряженныхъ“, съ тѣмъ, „чтобы имъ было ихъ имя, а намъ—наше“. Но кто же такой это „мы“, и каково это собирательное „наше имя“, котораго авторъ лишаетъ адвокатовъ? Есть ли это имя строгихъ безсребренниковъ, аскетовъ истины и свободы, презирающихъ всякую корысть за то, что она корысть, всякую службу по найму за то, что она служба, требующая жертвъ личной воли, а нерѣдко и убѣждений? Но въ такомъ случаѣ, почему же обличительный вопль новаго Іереми, раздавшійся въ стѣнахъ преданной рабскимъ утѣхамъ и корысти Ниневіи, направленъ именно противъ современныхъ адвокатовъ? Можно ли сказать, что среди всѣхъ окружающихъ насъ условій, среди приниженія и любостязанія, виднѣйшими представителями золь являются адвокаты, хотя бы только тѣ недостойные адвокаты, отъ которыхъ сами собратья ихъ отворачиваются съ презрѣніемъ?

Не говоря о дѣятеляхъ на разныхъ поприщахъ эксплуатаціи и любостязанія, прикрывающихся народной пользою и иногда живой либеральностью, развѣ въ средѣ самихъ нашихъ „книжниковъ и фарисеевъ“ недостойные адвокаты являются, въ самомъ дѣлѣ, крупнѣйшими и вреднѣйшими представителями зла? Пророкамъ общественной нравственности и простора человѣческой личности, очевидно, предстояло бы въ наше время „очищать станъ“ отъ весьма многого, болѣе вреднаго, чѣмъ худшій сортъ адвокатуры, „размежевываться“ со многими категоріями дѣятелей прежде, чѣмъ перейти даже къ тѣмъ адвокатамъ, отъ которыхъ желательно было бы „отмежеваться“. Почему же г. Марковъ началъ именно съ адвокатовъ, сведя ихъ всѣхъ вмѣстѣ подъ свой бичъ, и на нихъ окончивъ свое бичеваніе общественныхъ золь? Ясно, что побуждался онъ къ тому не „строгой моралью“, но чѣмъ-либо инымъ, и что то собирательное „имя“, тотъ „станъ“, которыхъ онъ явился представителемъ, сами представляютъ нѣчто болѣе конкретное, чѣмъ сферу абсолютнаго исканія истины и нравственности. А такъ какъ авторъ лишилъ насъ права приписывать ему какую-либо практическую цѣль, объявивъ, что не желаетъ уничтоженія адвокатуры и даже принадлежитъ къ сторонникамъ новаго суда, то мы не можемъ видѣть въ его статьѣ ничего, кромѣ невольнаго вздоха о временахъ минувшихъ, объ бныхъ временахъ 25-ти и пятеричковой диспенсаціи правосудія. Собирательное „наше имя“ и „нашъ станъ“ г. Маркова, повидимому,—имя и станъ

„невольныхъ въздыхателей“. Они сторонники новаго суда, они не проповѣдуютъ уничтоженія независимаго сословія присяжныхъ повѣренныхъ, но... ахъ!.. какъ скоро и удобно обдѣлывались дѣла въ то время, когда можно было „проносить тайкомъ“ кредитныя бумаги въ храмъ Фемиды! Правда, и въ то время богиня не довольствовалась цвѣтами, но требовала тучныхъ быковъ и тонкорунныхъ овецъ; и въ то время существовали адвокаты-ходатаи, и наживали себѣ большія состоянія такими дѣлами, за которыя имъ, наконецъ, воспрещался иногда въѣздъ въ столицу. Но, во-первыхъ, это не происходило такъ на виду у всѣхъ, стало быть, тутъ не было соблазна; а во-вторыхъ, прежніе адвокаты не пользовались „наукой, религіею, моралью какъ декораціями“, не профанировали „чистыхъ плодовъ, созрѣвшихъ въ великихъ умахъ и глубокихъ сердцахъ“, ни „словъ евангелія, ни насмѣшки Вольтера“, чтобы дѣйствовать ими какъ доводами на судъ, въ видѣ „перемѣнчивыхъ декорацій“. Нѣтъ, тѣ, прежніе адвокаты-ходатаи не совершали всей этой дезекраціи, они въ ней не нуждались: ихъ доводы были болѣе вѣскаго свойства, ихъ приношенія Фемидѣ были болѣе достойны великолѣпія ея храма; они были безмолвны, но ихъ молчаніе было въ самомъ дѣлѣ золотое, и въ сравненіи съ нимъ никакое профанируемое слово науки или морали не только серебра, но ничего не стоить. Это все—одни цвѣты краснорѣчія, и многіе теперь являясь у подножія богини въ роли Калхаса, невольно сожальютъ и издѣваются: *trou de fleurs*, „скоропечатная фабрика доводовъ“, говорятъ они. Да, дѣйствительно скоропечатная: доводы прежнихъ адвокатовъ могли печататься только въ особой экспедиціи заготовленія.

Авторъ весьма любезно допускаетъ, что нынѣшняя адвокатура не есть сила исключительно-властвующая въ области суда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его словамъ, сущность нынѣшней адвокатской дѣятельности состоитъ въ томъ, что „адвокатура помогаетъ богатому притѣснять бѣднаго“. Это послѣднее положеніе г. Марковъ, конечно, понимаетъ въ такомъ смыслѣ, что богатый можетъ поручить свое дѣло адвокату болѣе извѣстному, болѣе талантливому, чѣмъ адвокатъ средней руки, къ какому можетъ обратиться бѣдный, во всякомъ случаѣ болѣе опытному, чѣмъ самъ бѣдный истецъ, еслибы онъ долженъ былъ обойтись совсѣмъ безъ адвоката и вестъ дѣло самъ. Мы оставимъ теперь въ сторонѣ факты, что извѣстнѣйшіе талантливѣйшіе адвокаты являются защитниками неимущихъ подсудимыхъ даромъ, по назначенію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по собственному желанію. Обратимся къ сферѣ судопроизводства гражданскаго, въ которомъ гораздо больше проявляется указанное неравен-

ство, чѣмъ въ области уголовной, хотя г. Марковъ преимущественно останавливается на послѣдней. Но и въ области гражданскихъ иско-выхъ дѣлъ, во-первыхъ, совершенно невѣрно ставить общимъ прави-ломъ, что большинство даровитѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ берутся за дѣла вопіющія, если только за веденіе ихъ обѣщано вы-сокое вознагражденіе. Допустимъ даже, что любой изъ извѣстѣй-шихъ адвокатовъ откажется вести дѣло бѣдняка, какъ бы справед-ливо оно ни было, какъ врачъ, за которымъ бѣгаетъ весь городъ, не станетъ дѣлать визиты за рубль. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что виднѣйшіе представители новой адвокатуры за высокое вознагражденіе пойдутъ помогать богатому ограбить бѣднаго. Это—неправда. Но сущность вопроса и состоитъ не въ этомъ. Сущность вопроса, ко-торого по наружности глубокомысленно, а въ дѣйствительности весьма легко воснулъ авторъ, заключается въ томъ, что у богатаго и у бѣд-наго въ соціальной борьбѣ вообще силы не равны. На это неравен-ство можно взирать съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря потому, ка-кая система общественнаго быта считается нами идеальной: система конкуренціи, или система регламентаціи. Но одно отношеніе къ дѣлу будетъ уже вполне нераціональное, именно то, которое состоитъ въ произвольномъ клейменіи безнравственностью одной категоріи дѣяте-лей въ нынѣшнихъ условіяхъ общественнаго быта, безъ всякаго сообра-женія о томъ, какова ихъ реальная, то-есть относительная цѣнность, по сравненію съ тѣмъ, что было до нихъ и что могло бы быть безъ нихъ. Допустимъ, что признанной адвокатуры не существуетъ, что по за-кону каждый самъ ведетъ свое дѣло. Ясно, что человѣкъ безграмот-ный, не имѣющій понятія о законахъ и срокахъ, можетъ и тогда прои-грать справедливѣйшее дѣло; что бѣдный, который не имѣетъ средствъ ѣхать, можетъ быть за нѣсколько сотъ верстъ, къ суду, гдѣ рѣшается его дѣло, находится въ неравныхъ условіяхъ съ человѣкомъ бога-тымъ, который располагаетъ средствами и временемъ, можетъ позна-комиться съ законами и безъ помощи адвоката. Такого неравенства при нынѣшнемъ общественномъ строѣ устранить нельзя, и было бы странно распространяться о немъ. Въ дѣйствительности, люди, не-знающіе законовъ, и тѣмъ болѣе безграмотные или безтолковые, празднолюбивые, неспособны вести сами своихъ дѣлъ въ судѣ. По-этому всегда были и будутъ повѣренные и ходатаи, официальные или неофициальные, и само собою разумѣется, что, кромѣ исклю-чительныхъ случаевъ, богатые имѣли и будутъ имѣть лучшихъ по-вѣренныхъ, чѣмъ бѣдные, какъ первые имѣютъ лучшую пищу и луч-шихъ врачей. Этотъ элементъ неравенства, повторяемъ, неустранимъ. Стало быть, все, что можетъ быть сдѣлано при нынѣшнихъ условіяхъ,

это—дать сословію повѣренныхъ такую организацію, чтобы въ нихъ была хоть одна изъ гарантій ббльшей добросовѣстности—просвѣщеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить судъ такимъ образомъ, чтобы борьба между повѣренными той и другой стороны происходила гласно, на глазахъ у общества, чтобы общество могло видѣть, за какія дѣла берется такой-то адвокатъ, и какими аргументами онъ одерживаетъ побѣду. При этомъ дѣло суда отерывать, на чьей сторонѣ болѣе правды. Нельзя цѣнить общественныхъ дѣателей исключительно съ точки зрѣнія идеальной; надо принимать въ соображеніе условія времени и пространства. Совсѣмъ иначе происходило дѣло въ то время, когда у насъ былъ старый судъ и присяжныхъ повѣренныхъ не было. Тогда, именно тогда, адвокаты-ходатаи, не подлежашіе никакому образовательному цензу, никакому контролю со стороны товарищей и общества, дѣйствительно властвовали въ судѣ. Именно тогда судьи были въ ихъ рукахъ; не только вѣскостью доводовъ, предъявлявшихся на квартирѣ, но даже страхомъ отставки держали прежніе ходатаи судей и слѣдователей въ своихъ рукахъ; именно тогда-то ходатаи и являлись дѣйствительно орудіемъ богатыхъ для притѣсненія бѣдныхъ, потому что самые суды были орудіемъ этого орудія. Неужели эти ходатаи добраго-старога времени милы г-ну Маркову за то, что они ходили въ грязномъ бѣльѣ?

Но оставимъ возраженія автору „по существу“; сказаннаго слишкомъ достаточно для возстановленія истиннаго отношенія между фактами дѣйствительности; такимъ возстановленіемъ, впрочемъ, пренебрегать у насъ пока нельзя, такъ какъ мы еще не вышли изъ того періода, въ которомъ появляются разные „быстрые разумомъ“ Ньютонъ, отерывающіе новыя законы тяготѣнія, и Колумбы, отерывающіе новыя Америки, спеціально *ad usum* Россіи, какъ будто Россія составляетъ особую планету. Намѣреніе г. Евгенія Маркова мы должны были опредѣлить такъ: „невольное воздыханіе“. Въ этомъ намѣреніи и актѣ ничего оригинальнаго нѣтъ; такихъ воздыхателей у насъ еще достаточное число. Но зато крайне оригинальны приемы, съ которыми авторъ совершилъ это облегчительное дѣйствіе. Для того, чтобы „передернуть“ адвокатовъ всласть, г. Евгеній Марковъ притащилъ и Вольтера, и Декарта, и Конта, и Бентама, и Бэкона, даже ватиканскій соборъ 1870 года. Вся эта эрудиція, съ сдѣланными изъ нея мелкими выводами—*parturiunt montes*—представляетъ весьма оригинальное смѣшеніе глубокомыслія съ наивностью. Но и въ этихъ приемахъ собственныя основныя положенія автора далеко не оригинальны. Они заключаются въ томъ, что адвокатъ не есть защитникъ правды, потому что во всякомъ дѣлѣ есть два адвоката;

стало быть, одинъ изъ нихъ, навѣрное, неправъ, и если одинъ хочетъ спасти невиннаго отъ каторги, то другой старается сослать на каторгу невиннаго. Но эти основныя положенія г. Евгеній Марковъ напрасно прикрываетъ изложеніемъ цѣлой философской системы: онъ, очевидно, вычиталъ ихъ не у Конта или Бэкона, а просто у Альфонса Барра, у котораго они выражены почти буквально такъ, какъ ихъ выражаетъ нашъ авторъ. Согласитесь, что обличать „софистовъ XIX вѣка“ на основаніи положеній, вычитанныхъ у писателя, который всѣми признанъ именно остроумнѣйшимъ софистомъ XIX вѣка, въ извѣстномъ смыслѣ весьма оригинально. Оригиналенъ и пріемъ, хотя оригинальность эта и граничитъ съ позаимствованіемъ литературной собственности.

Какимъ образомъ г. Марковъ, именно г. Марковъ, извѣстный нашимъ читателямъ какъ авторъ „Всесловной вѣлости“, могъ дойти до воздыханій о старыхъ порядкахъ,—этотъ вопросъ онъ разрѣшилъ самъ въ упомянутой статьѣ, говоря о нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ: „до сихъ поръ крестьяне и дворовые обыкновенно вспоминаютъ своихъ бывшихъ господъ съ чувствомъ какой-то родственности, хотя они ничуть не забыли тягостей и неправдъ прошлаго“. Почему же послѣ этого и г-ну Маркову не испытывать чувства какой-то родственности къ прежнимъ подъячимъ, и въ тоже время помнить ихъ неправды и „ничего не имѣть противъ новаго суда“?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1875.

Депеша англійскаго правительства объ опредѣленіи законовъ войны.— Два парламентскихъ избрація.— Слухи объ удаленіи германскаго канцлера.— Статистика политической репрессіи Германіи.— Сессія французскаго собранія.— Конституціонные законы.— Соглашеніе центровъ.— Установленіе республики.

Англійская политика за послѣднее время представила, сверхъ открытія парламентской сессіи, еще три факта, обратившихъ на себя общее вниманіе. Первый изъ нихъ относился къ политикѣ внѣшней: это была депеша, отъ 20-го января, графа Дэрби къ лорду Августу Лофтусу, послу въ Петербургѣ, съ объявленіемъ отказа со стороны Англии принимать участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ или конференціяхъ по вопросу объ опредѣленіи законовъ войны. Этотъ пространнѣйшій документъ служитъ отвѣтомъ на циркулярную ноту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 26 (14) сентября 1874 г. къ представителямъ Россіи за-границею, съ приглашеніемъ правительствъ, участвовавшихъ въ брусельской конференціи, прислать вновь уполномоченныхъ для дальнѣйшаго обсужденія того же дѣла, причемъ указывался удобнымъ мѣстомъ для вторичной конференціи Петербургъ. Британскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ своей депешѣ подвергнулъ подробному разбору протоколъ брусельской конференціи, съ цѣлью доказать, что результаты, ею достигнутые, были почти исключительно отрицательнаго свойства; что они обнаружили трудность точнѣйшаго опредѣленія международныхъ обычаевъ при веденіи войны, вновь уяснили невозможность придать тѣмъ постановленіямъ, какія могли быть приняты большинствомъ членовъ конференціи, сколько-нибудь обязательный характеръ; наконецъ, и въ особенности, выказали невозможность соглашенія по существеннѣйшимъ пунктамъ между интересами завоевателей и подвергающихся вторженію. Заключеніе этой депешы состоитъ въ томъ, что „старательное разсмотрѣніе всего дѣла убѣдило правительство ея величе-

ства въ томъ, что оно обязано отвергнуть, отъ имени Великобританіи и ея союзниковъ, въ будущія войны, всякій проектъ, который бы влонился къ измѣненію тѣхъ принциповъ международнаго права, которыми руководилась Англія, и въ особенности—отказъ въ своемъ участіи всякому соглашенію, которое вело бы къ облегченію наступательныхъ войнъ и затрудненію патріотической обороны народа, подвергнувшагося нападенію“. Депеша эта была сообщена циркулярно также посланникамъ Англіи при всѣхъ другихъ дворахъ, имѣвшихъ представителей на брусельской конференціи.

Когда въ политическомъ мірѣ узнали о такомъ безусловномъ отказѣ Англіи участвовать далѣе въ дѣлѣ, предпринятомъ русскимъ правительствомъ, то первымъ предположеніемъ было, что второстепенныя государства поспѣшатъ воспользоваться заявленіемъ сентъ-джемсака кабинета, чтобы также отказаться отъ участія въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Но до сихъ поръ этого не случилось, и хотя отказъ Англіи, во всякомъ случаѣ, представляетъ обстоятельство неблагоприятное, нѣтъ основанія считать соглашеніе невозможнымъ и хотя бы невѣроятнымъ.

Наше правительство, съ своей стороны, продолжаетъ дѣло съ похвальной настойчивостью. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было помѣщено, по поводу обнародованной англійскимъ правительствомъ переписки, объясненіе о совершенно безкорыстной и безпристрастной мысли, побудившей нашъ кабинетъ выступить съ вопросомъ объ уменьшеніи бѣдствій войны. Объясненіе „Правительственнаго Вѣстника“ указывало еще разъ—согласно съ хладнокровными заявленіями русскаго уполномоченнаго на конференціи и непосредственно нашего министерства иностранныхъ дѣлъ,—что осуществленіе этой мысли ни въ какой мѣрѣ не составляетъ интереса спеціально русскаго. Это до такой степени очевидно, что самая необходимость повторенія подобныхъ разъясненій заставляетъ подозрѣвать, не произошло ли во всемъ этомъ дѣлѣ какого-нибудь недоразумѣнія, не изъ свойства самой инициативы, справедливо принятой на себя въ немъ нашимъ правительствомъ, но изъ какихъ-либо постороннихъ условій, которыми инициатива эта сопровождалась? Хотя ходъ дѣла съ тѣхъ поръ, когда оно вступило на поле обще-европейскихъ переговоровъ, намъ достаточно извѣстенъ, но самое начало его извѣстно гораздо менѣе. Какимъ образомъ сходный проектъ, обусуждавшійся обществомъ улучшенія участи военноплѣнныхъ, подалъ поводъ къ составленію того проекта, который былъ предложенъ, въ видѣ программы, брусельской конференціи со стороны нашего правительства, и кто именно участвовалъ въ составленіи статей этого послѣдняго проекта: были ли онѣ исключительно составлены въ на-

шемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и былъ ли онъ сообщаемъ, предварительно, на соображеніе какого-либо иностраннаго правительства или нѣтъ? Вотъ что нужно было бы знать, для того, чтобы объяснить себѣ возможность недоразумѣнія. Въ свое время въ газетахъ сообщалось, что германское правительство въ самомъ началѣ отнеслось весьма сдержанно къ предложеніямъ нашего кабинета и сдѣлало даже будто бы нѣкоторыя оговорки въ такомъ смыслѣ, что предполагаемое соглашеніе ни въ какомъ случаѣ не должно было бы вклониться къ уменьшенію силы дѣйствія армій и къ ограниченію простора распоряженій главнокомандующихъ. Но, допустивъ, что подобныя возраженія или оговорки были сдѣланы берлинскимъ кабинетомъ, спрашивается, когда они были заявлены—тогда ли, когда готовый уже проектъ былъ разосланъ для свѣдѣнія всѣхъ кабинетовъ, или же тогда, когда о немъ было извѣстно только берлинскому кабинету; иными словами—послужили ли эти оговорки берлинскаго кабинета къ измѣненію первоначальныхъ предположеній или нѣтъ, не были ли онѣ приняты во вниманіе при самомъ составленіи русскаго проекта, въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ окончательно.

Этотъ вопросъ, по наружности не измѣняющій свойства дѣла, въ дѣйствительности весьма важенъ для разъясненія того характера, который могутъ придавать русскому проекту прочія правительства, кромѣ германскаго. Если никакого предварительнаго мнѣнія со стороны Германіи испрошено не было, а стало быть, проектъ и не былъ измѣненъ сообразно съ замѣчаніями со стороны берлинскаго кабинета, въ такомъ случаѣ никакое возникшее впоследствии недоразумѣніе не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Искренность Россіи, отсутствіе съ ея стороны какихъ-либо заднихъ мыслей облегчить посредствомъ подобнаго проекта завоевательную войну или уменьшить способы защиты небольшимъ государствамъ, не могутъ подлежать серьезному сомнѣнію. Въ такомъ случаѣ, основное возраженіе графа Дэрби представляетъ не болѣе, какъ полемическій приѣмъ, и можно ожидать, что въ концѣ-концовъ общее соглашеніе все-таки состоится, хотя бы и безъ участія Англій. Тѣ опредѣленія проекта, которыя касаются народныхъ ополченій для борьбы противъ вторженія, могутъ подлежать пересмотру, при дальнѣйшемъ обсужденіи, наравнѣ съ прочими частями проекта, если только предположимъ со всѣхъ сторонъ искреннее сочувствіе къ высокой дѣли, указанной нашимъ правительствомъ.

Нѣсколько иначе представляется вопросъ о вѣроятномъ результатѣ въ обратномъ случаѣ, то-есть въ томъ предположеніи, что прочіе кабинеты могли усмотрѣть, хотя и несправедливо, въ проектѣ, заявленномъ Россією—плодъ его отдѣльнаго соглашенія съ Герма-

нію; въ такомъ случаѣ въ статьяхъ, которыя направлены къ тому, чтобы регулировать право созыва народныхъ ополченій извѣстными, довольно строгими условіями, прочіе кабинеты и въ особенности правительства небольшихъ государствъ могли усмотрѣть условія, внесенныя въ проектъ Германію, которой интересъ заключался бы въ томъ, чтобы разъяснить на будущее время, что отряды волонтеровъ, подобные французскимъ franc-tireurs, должны быть лишены правъ признанной воюющей силы и подлежать всей строгости военныхъ каръ. Въ такомъ случаѣ, можно было бы объяснить себѣ до нѣкоторой степени возможность такого недоразумѣнія, которое, совершенно несправедливо искажая истинное намѣреніе Россіи, тѣмъ не менѣе было бы достаточно сильно, чтобы повредить окончателъному исходу переговоровъ. Въ этомъ случаѣ, неуспѣхъ дѣла зависѣлъ бы не отъ существованія въ дѣйствительности какихъ-либо эгоистическихъ цѣлей или спеціальныхъ интересовъ со стороны Россіи въ этомъ вопросѣ, но просто отъ того способа, которымъ оно первоначально было поставлено. Подтверженіемъ, что таковъ именно могъ быть смыслъ возникшаго недоразумѣнія — которое нынѣ высказывается въ депешѣ графа Дэрби и вызываетъ необходимость объясненій относительно полного отсутствія особыхъ цѣлей со стороны Россіи — мы находимъ въ самыхъ преніяхъ, происходившихъ на брюссельской конференціи. Главнымъ защитникомъ тѣхъ статей проекта, которыя ограничивали права народныхъ ополченій, явился именно германскій уполномоченный, генераль Фойгтсъ-Рецъ, а главными противниками ихъ были именно представители второстепенныхъ государствъ — Испаніи, Швейцаріи, Нидерландовъ, Швеціи. Что касается французскаго уполномоченнаго, то онъ согласился признать эти статьи только послѣ того, какъ изъ нихъ было исключено положеніе, что ополченія или волонтеры, не удовлетворяющіе указаннымъ условіямъ, будутъ лишены правъ воюющей силы и должны подлежать военному суду.

Если бы проявившееся недоразумѣніе было именно таково, какъ нами предположено, въ такомъ случаѣ, для успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ по вопросу объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны, лучше всего было бы совершенно устранить проектъ, заявленный брюссельской конференціи, ограничиться ея окончательными, весьма неопредѣленными постановленіями, и новой конференціи предоставить назначеніе особой редакціонной комиссіи изъ своей среды, для составленія проекта, котораго никому нельзя уже было бы приписывать въ частности. Затѣмъ, заслуга по возбужденію и направленію этого важнаго дѣла челоуѣколюбія все-таки осталась бы за русскимъ правительствомъ, и можно было бы надѣяться, что великодуш-

ная, общая всѣмъ образованнымъ націямъ цѣль его была бы достигнута. Но во всякомъ случаѣ, и даже при неуспѣхѣ соглашенія, мысль и предложеніе о немъ заняли бы почетное мѣсто въ исторіи русской дипломатіи.

Другіе два предмета, обратившіе на себя въ послѣднее время особенное вниманіе въ Англіи, относились къ области внутреннихъ ея дѣлъ, и именно къ сферѣ избирательной. На недавнихъ выборахъ, въ Типперари, въ Ирландіи, былъ избранъ членомъ палаты общинъ Джонъ Мичель, одинъ изъ предводителей того, что называется ирландскимъ мятежомъ 1848 года. На самомъ дѣлѣ, мятежъ этотъ ограничился революціонными воззваніями, приготовленіемъ оружія и сборами съ цѣлью возстанія, которое однако было предупреждено энергическими мѣрами парламента и правительства. Что касается Джона Мичеля, который, вмѣстѣ съ О'Бриномъ и Мигеромъ, былъ вождемъ этого мятежа, то дѣйствія его заключались въ томъ, что онъ ѣздилъ въ Парижъ, просить помощи для возстанія въ Ирландіи у тогдашняго, республиканскаго правительства Франціи, а потомъ, получивъ отказъ, возвратился въ Ирландію. Въ своей газетѣ „United Irishman“ обнародовалъ призывъ къ оружію и занялся устройствомъ революціонныхъ клубовъ. Газета Мичеля была немедленно приостановлена, а самъ онъ преданъ суду и приговоренъ къ ссылке на 14 лѣтъ, какъ измѣнникъ. Получивъ впослѣдствіи „отпускной билетъ“ (Ticket of leave), выдаваемый исправляющимся преступникамъ для заработковъ, онъ уѣхалъ въ Америку, а годъ тому назадъ возвратился въ Ирландію и проживалъ тамъ, не подвергаясь преслѣдованію судебныхъ властей.

Избраніе его въ Типперари поставило правительство въ затруднительное положеніе: появленіе уголовнаго преступника (felon) въ парламентѣ составляло нарушеніе и оскорбленіе закона, но между тѣмъ появился онъ въ парламентѣ только вслѣдствіе допущеннаго правительствомъ бездѣйствія судебной власти. Первый министръ поставилъ однако предложеніе объ исключеніи Мичеля изъ парламента на томъ основаніи, что онъ — уголовный преступникъ, который не отбылъ срока своего наказанія и не былъ помилованъ короною. Изъ числа членовъ партіи home-rule, находящихся въ палатѣ общинъ, далеко не всѣ безусловно поддерживали Мичеля, такъ какъ home-rule вовсе не требуетъ отдѣленія Ирландіи отъ Великобританіи. Только три члена: О'Клери, Мартинъ и Ронэйнь объявили, что сочли бы за честь наименованіе felon, если бы оно относилось къ немъ при тѣхъ условіяхъ, какъ оно было приложено къ Мичелю; другіе, между прочимъ, Полень объявилъ, что лично не сочувствуютъ образу дѣйствій Мичеля. Но всѣ они противились требованію Дизраэли,

требуя, впрочемъ, съ своей стороны только отсрочки рѣшенія до другого дня. За отсрочку высказались также новый предводитель либеральной партіи маркизъ Гартингтонъ и вліятельные ея члены Форстеръ и Лоу. Но предложеніе Дизраэли было тѣмъ не менѣе принято, большинствомъ 269 голосовъ противъ 102. Впрочемъ, Мичель, по всей вѣроятности, будетъ избранъ вторично, и правительству было бы благоразумнѣе издать своевременно королевскій декретъ о помилованіи его, чтобы выдти изъ этого затрудненія. Что касается опасности присутствія Мичеля въ парламентѣ, то и самая мысль о ней никому не приходитъ въ Англіи.

Другое избраніе, надѣлавшее шума, былъ выборъ въ Стокѣ-на-Трентѣ доктора Кинили, адвоката-самозванца Ортона въ извѣстномъ тичборнскомъ процессѣ, занимавшемъ Англію въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣло Ортона велось спекулянтами, и онъ, уличенный въ фальшивой присягѣ, былъ присужденъ къ заключенію, а главный адвокатъ его, Кинили, за предосудительные происки при веденіи дѣла и крайне-неумѣренныя личныя нападки въ своихъ рѣчахъ, былъ впоследствии исключенъ изъ сословія адвокатовъ. Зато онъ сталъ редактировать газету „Englishman“, въ которой, продолжая защищать дѣло мнимаго Тичборна, какъ дѣло бѣдняка, ограбленнаго богатыми родственниками при помощи юстиціи, преданной богатымъ классамъ, онъ изливалъ потоки демагогическаго краснорѣчія на всю политическую систему господства богатыхъ классовъ, которые, раздѣляясь на двѣ партіи, имѣющія значеніе сторонъ для общей добычи, взимаемой съ народа, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ эксплуатируютъ Великобританію на пользу нѣсколькихъ фамилій, которымъ принадлежатъ и виги, и тори. Приведенная характеристика, разумѣется, принадлежитъ не намъ, но редактору „Englishman'a“. Избиратели Стока-на-Трентѣ въ большинствѣ рабочіе, и избрали его въ парламентъ именно въ такомъ смыслѣ, то-есть съ цѣлью протеста противъ преобладанія богатыхъ классовъ. Онъ обѣщалъ имъ, что поразитъ громомъ всѣхъ тѣхъ humbugs (обманщиковъ), которые засѣдаютъ въ парламентѣ подъ разными наименованіями, но въ дѣйствительности подвергся самъ при появленіи въ палатѣ большому „конфузу“. Дѣло въ томъ, что никто изъ членовъ ея, за исключеніемъ чудака Уэлли, служащаго предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ газетъ и слывущаго въ палатѣ „доукою“ (a bore), никто не захотѣлъ сопровождать Кинили при приближеніи его къ столу спикера для принесенія присяги. Обычай требуетъ, чтобы заявляющій права на званіе члена (the claimant) явился въ сопровожденіи двухъ ея членовъ, удостоверяющихъ тождество его личности. Кинили, явившись одинъ, съ зонтикомъ подъ рукою, дерзнулъ-было возражать спикеру,

который спрашивалъ, почему имъ не соблюденъ обычай, дерзнулъ ссылаться на отсутствіе прямого закона, за что и былъ призванъ къ порядку. Несмотря на великодушное предложеніе знаменитаго Брайта быть вторымъ поручителемъ новаго члена, палата, посреди общаго смѣха, приняла предложеніе Дизраэли, формально освободивъ Кинили отъ исполненія обычая, который строго соблюдается уже въ теченіи двухсотъ лѣтъ. Скандалъ этотъ, имѣющій въ Англии гораздо болѣе значенія, чѣмъ онъ могъ бы имѣть гдѣ-либо въ иной странѣ, повидимому, еще не укротилъ Кинили, такъ какъ онъ уже заявилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать правительству запросъ по одной части тичборнскаго процесса.

У канцлера германской имперіи, князя Бисмарка, почти вошло въ обычай постоянно заболѣвать въ началѣ года. Какъ только подвинется впередъ январь, здоровье канцлера начинаетъ внушать серьезныя опасенія врачамъ. Такъ случилось и нынѣ, и по всей нѣмецкой печати прошелъ скорбный гласъ о возможности удаленія Бисмарка отъ непосредственнаго руководства политикой. На этотъ разъ почти никто внѣ Германіи не хотѣлъ вѣрить въ разстройство здоровья Бисмарка. Нельзя не согласиться, что разстройство это доселѣ нѣсколько разъ совпадало съ гласными и негласными кризисами въ его политическомъ положеніи, а потому неудивительно, что внѣ Германіи привыкли видѣть въ немъ нѣкоторый „стратегемъ“, какъ, впрочемъ, почти во всемъ, что относится къ Бисмарку. Но здѣсь можно вспомнить басню о фальшивой тревогѣ появленіемъ волка. Нѣсколько разъ о немъ кричали даромъ, но наконецъ, когда никто не хотѣлъ въ него вѣрить, онъ пришелъ въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что здоровье Бисмарка въ самомъ дѣлѣ разстраивается усиленіемъ работы во время сессіи. Онъ страдаетъ бессонницей, встаетъ поздно, и потому работа его затягивается по необходимости на часъ ночи. По разсказу нѣмецкихъ газетъ, у него вновь проявились симптомы нервнаго разстройства, и врачи на этотъ разъ объявили, что хотя онъ можетъ прожить еще десятковъ лѣтъ, если удалится на покой, но если будетъ работать и подвергаться неизбѣжнымъ столкновеніямъ по прежнему, то ему нельзя обѣщать болѣе трехъ лѣтъ жизни. Въ виду такого приговора, Бисмаркъ, по слухамъ, просилъ императора уволить его отъ занятій, но императоръ отказалъ ему, взывая къ его чувству долга и указавъ будто бы ему на свой собственный примѣръ: Вильгельмъ I старше Бисмарка 18 годами, и нерѣдко бываетъ боленъ, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ усердно заниматься дѣлами. Насколько вѣрно все это, конечно, мы знать не можемъ. Но подъ влияніемъ такихъ слуховъ, пошли разсужденія о томъ, что будетъ, если Бисмаркъ удалится

отъ занятій. За исключеніемъ католической и радикальной прессы, вся германская печать не хотѣла допустить и мысли, что дѣла имперіи могли бы выдти изъ-подъ вліянія ея основателя. Замѣчательно однако, что важнѣйшіе національно-либеральные органы, которые не чужды связи съ берлинскимъ Pressbureau, наименѣе отрицали возможность удаленія Бисмарка отъ дѣятельныхъ занятій. Они отзываются объ этомъ вопросѣ съ порядочной дозой сантиментальности и вмѣстѣ таинственности. Итальянская газета „Opinione“, разсматривая этотъ вопросъ, замѣтила, что такой великій человѣкъ, какъ Бисмаркъ, долженъ „умереть на бреши“, подобно тому, какъ умеръ Кавуръ, не дождавшись завершенія итальянскаго единства. Но такъ говорятъ чужіе почитатели Бисмарка, свои же, германскіе почитатели его, находятъ это слишкомъ жестокимъ. „Кельнская газета“ входя въ положеніе обожаемаго министра, признавала, что послѣ всего, что онъ сдѣлалъ, онъ имѣетъ право на отдохновеніе, что Германія обязана подумать и объ его здоровьи. Однако же произнести такое мнѣніе, что пусть Бисмаркъ выйдетъ въ отставку и наслаждается сельской жизнью, „Кельнская“ и другія національно-либеральныя газеты не рѣшились. Онѣ облекались таинственностью, придумывая разныя другія комбинаціи. Такъ, названный сейчасъ органъ указывалъ двѣ, довольно невѣроятныя, впрочемъ, комбинаціи такого рода, чтобы Бисмаркъ, освобожденный отъ обязательной работы, все-таки продолжалъ блюсти интересы поставленной имъ политики. Онъ могъ бы удалиться отъ дѣлъ, но сохранить званіе канцлера, а съ нимъ и право высшаго контроля, для котораго личный авторитетъ его давалъ бы ему всё средства. Но трудно представить себѣ, какимъ образомъ самый авторитетный человѣкъ въ странѣ могъ бы направлять ея судьбу, находясь вдали отъ текущихъ дѣлъ, не читая донесеній посланниковъ, не присутствуя при сужденіяхъ министровъ и не пользуясь личными докладами у императора. Другая комбинація такова, что Бисмаркъ, выйдя въ отставку, явился бы депутатомъ въ германскомъ сеймѣ и возвышалъ бы въ немъ свой уже самостоятельный голосъ для борьбы съ католицизмомъ. Берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты“, который высказывалъ такое предположеніе, видѣлъ въ осуществленіи его торжество парламентаризма и усиленіе его въ Германіи, что только „непоколебимонархическій образъ мыслей“ Бисмарка-депутата ручался бы за благонадежность подобнаго порядка. Но это, очевидно, уже только плодъ воображенія оффиціозныхъ почитателей великаго канцлера. Если уже продолжать заниматься дѣлами и направлять судьбу Германіи, то гораздо согласнѣе съ характеромъ Бисмарка дѣлать это

въ качествѣ имперскаго канцлера, дѣйствующаго всеисильными императорскими распоряженіями, чѣмъ дѣйствовать посредствомъ Majoritätsbeschlüsse, за которыми онъ никогда не признавалъ творческой силы.

Легко было бы допустить, повторяемъ, что всѣ разсужденія по этому поводу были вызваны дѣйствительно разстроеннымъ состояніемъ здоровья Бисмарка, еслибы сами національно-либеральные органы не упоминали при этомъ мимоходомъ о нѣкоторыхъ странныхъ слухахъ. Такъ, былъ слухъ, что жизни Бисмарка постоянно угрожаетъ не столько излишекъ работы, сколько покушеніе новыхъ фанатиковъ въ родѣ Кульмана, и „Кельнская газета“ объ этомъ слухѣ упоминала, отрицая впрочемъ, чтобы обстоятельство это могло побудить канцлера удалиться отъ дѣлъ. По ея мнѣнію, мечь клерикаловъ направлена не столько на канцлера, сколько на человѣка, и Бисмаркъ въ отставкѣ подвергся бы еще ббльшей личной опасности, чѣмъ канцлеръ, котораго охраняютъ всѣ орудія администраціи. Такимъ образомъ, по мнѣнію газеты, еслибы личное опасеніе могло имѣть какое-либо значеніе для Бисмарка, то оно должно было бы скорѣе побудить его оставаться на службѣ, чѣмъ возвратиться въ положеніе частнаго человѣка. Но и безъ этого, слишкомъ хитраго разсужденія, трудно допустить, чтобы страхъ имѣлъ какое-либо вліяніе на Бисмарка. Его можно заподозрить въ чемъ угодно, но не въ робости, въ опасеніи за свою жизнь. Гораздо серьезнѣе можетъ быть другое обстоятельство, о которомъ также упоминали при этомъ случаѣ національно-либеральные органы. „Національная газета“ прямо говорила о какихъ-то Reibungen, непріятныхъ Бисмарку, придумавъ для нихъ новое слово Frictionen (политическій словарь Германіи безпрестанно пополняется). Само собою разумѣется, что подъ этимъ названіемъ разумѣются нѣкоторыя придворныя вліянія. Но никакія Frictionen не могутъ быть достаточно сильны, чтобы низложить Бисмарка при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Все, что могутъ сдѣлать противъ него придворныя вліянія, это—удержать императора отъ согласія на какой-нибудь новый проектъ закона, направленный противъ католиковъ. Стало быть, или вѣсть о Frictionen пущена теперь такъ, наобумъ, по старой памяти, или если Бисмаркъ въ самомъ дѣлѣ встрѣтилъ бы какія-либо затрудненія, то это означало бы, что онъ приготовилъ какую-нибудь новую мѣру противъ католическаго духовенства. Во всякомъ случаѣ, надо замѣтить, что телеграфное агентство, пользующееся офиціозными источниками, недавно сообщило извѣстіе о предстоящей перемѣнѣ въ положеніи Бисмарка въ такой формѣ, что хотя слухъ объ отставкѣ Бисмарка не основанъ на фактахъ, которые бы обусловливали непосредственное его

осуществленіе, но имѣть то серьезное основаніе, что разстроенное здоровье князя можетъ потребовать нѣкотораго облегченія его отъ лежащаго на немъ бремени обязанностей. „Національная газета“ сообщила, что Бисмаркъ остается въ должности, но что состоялось императорское повелѣніе въ такомъ смыслѣ, что каждая предполагаемая отдѣльными министрами мѣра будетъ, до составленія проекта закона, обсуждаться въ совѣтѣ министровъ въ своихъ основаніяхъ, которыя затѣмъ, по предварительномъ утвержденіи ихъ императоромъ, и будутъ обязательны для составленія проекта закона. „Такимъ образомъ“, по мнѣнію „Національной газеты“, „были бы устранены тѣ тренія (Frictionen), на которыя жалуется имперскій канцлеръ“. Все это довольно непонятно. Достаточно замѣтить, что если Бисмаркъ жалуется на Frictionen, то, значить, и на этотъ разъ разстройство его здоровья зависитъ преимущественно отъ нихъ, а не отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ, и даже не главнымъ образомъ отъ излишняго бремени труда.

Между тѣмъ, дѣла въ Германіи идутъ по прежнему, и усиленія парламентаризма и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ политическихъ гарантій для общества, повидимому, еще надолго, можно ожидать развѣ только въ такомъ невѣроятномъ случаѣ, еслибы самъ Бисмаркъ обмѣнялъ свое положеніе могущественнѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ министровъ на роль предводителя оппозиціи въ имперскомъ сеймѣ. Мы находимъ въ „Pall Mall Gazette“ интересный обзоръ особаго списка, печатаемаго помѣсячно въ радикальной „Frankfurter Zeitung“ (редакторъ Зоннеманъ), которой мы, къ сожалѣнію, получить не можемъ. Оставляя на отвѣтственности англійской газеты точность этого обзора изъ списка, который печатаетъ „Frankfurter Zeitung“, подъ ироническимъ заглавіемъ Deutscher Kulturkampf Kalender ¹⁾, мы считаемъ нелишнимъ привести эту статью. „Обзоръ упомянутаго календаря за январь мѣсяцъ“, говоритъ англійская газета, „даетъ поучительные результаты о томъ размѣрѣ свободы слова и дѣйствія, какой новая имперія признала полезнымъ предоставить своимъ подданнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе многочисленны случаи преслѣдованія противъ духовныхъ лицъ. Въ спискѣ мы находимъ 60 духовныхъ особъ, которые въ теченіи одного мѣсяца подверглись штрафамъ, заключенію или изгнанію за проступки противъ новыхъ законовъ; въ числѣ ихъ находились 5 епископовъ и нѣсколько протестантскихъ пасторовъ. Проступки, совершенные католическими священниками, какъ оказывается, состояли главнымъ

¹⁾ Извѣстно, что національные либералы называютъ мѣры противъ католическаго духовенства „борьбой за германскую культуру“.

образомъ въ отправленіи ими ихъ духовныхъ обязанностей несогласно съ майскими законами. За ними, по численности, слѣдуютъ преслѣдованія, направленные противъ частныхъ лицъ. Въ этой категоріи 42 лица подверглись успѣшному ¹⁾ преслѣдованію со стороны правительства; между ними было нѣсколько римскихъ католиковъ—за оказаніе слишкомъ большого религіознаго усердія; но гораздо большее число—за слишкомъ откровенное заявленіе своихъ политическихъ мнѣній (многіе изъ нихъ подведены подъ наименованіе социальныхъ демократовъ). На журналистовъ было направлено 27 преслѣдованій, изъ которыхъ каждое повело къ наложенію штрафа или заключенію. Газета, на которую наиболее тяжело, повидимому, легла неблагосклонность правительства, была „Вестфальскій Меркурій“; ея редакторы въ продолженіе послѣднихъ 18-ти мѣсяцевъ были приговариваемы къ наказаніямъ, составившимъ въ сложности заключеніе на срокъ 2 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Сверхъ приведенныхъ мѣръ, въ теченіи января, 12 общественныхъ собраній были закрыты полиціею, причемъ въ нѣсколькихъ случаяхъ ораторы были арестованы; 9 учителей или профессоровъ были уволены отъ должности и 7 домашнихъ обысковъ было произведено у лицъ, заподозрѣнныхъ въ нарушеніи новыхъ законовъ. Достойно примѣчанія, что г. Уленбрайтъ, въ Обергаузенѣ, былъ уволенъ за отказъ допустить въ свою школу портретъ князя Бисмарка, который хотѣли повѣсить подъ портретомъ императора. Судя по календарю, на князя Бисмарка падаетъ отвѣтственность въ 12-ти преслѣдованіяхъ, въ теченіи января, которыя были обращены властями на лица, позволившія себѣ слишкомъ свободную критику его дѣйствій, между тѣмъ, какъ къ лицу императора могутъ быть отнесены всего 8 преслѣдованій, возбужденныхъ по такому же поводу; въ числѣ этихъ послѣднихъ одно было направлено на нѣкоего трипичника въ Дармштадтѣ за неуважительный отзывъ его о главѣ государства. Приведенныя цифры представляютъ только тѣ преслѣдованія, по которымъ дѣйствительно состоялись наказанія; но въ календарѣ франкфуртской газеты приведены еще статистическія свѣдѣнія и тѣхъ преслѣдованій, которыя были устранены оправданіемъ. Наказанія, къ которымъ приговариваютъ суды, вообще говоря, не особенно строги, но списокъ общаго числа преслѣдованій, доходящаго до 150-ти, съ пенями, составившими въ сложности около 400 фунтовъ (около 2,500 р.) и заключеніемъ на разные сроки, представляющіе въ совокупности до 12-ти лѣтъ—не упоминая уже о другихъ карательныхъ мѣрахъ—представляетъ достаточно дѣятельный мѣсяцъ для государственной прокуратуры“

¹⁾ Т.-е. признанному судомъ, конечно.

Мы привели съ точностью обзоръ, какъ онъ помѣщенъ въ „Pall-mall“, и не можемъ не прибавить, что если онъ вѣренъ, то картина, имъ представляемая, неутѣшительна въ высшей степени. Какъ бы политическіе кружки въ Германіи ни были заинтересованы вопросомъ объ удержаніи князя Бисмарка въ должности, едва ли можно сомнѣваться, что германское общество было бы наиболѣе заинтересовано въ отмѣнѣ подобной системы управленія. Изъ всѣхъ странъ Европы, гдѣ нарушенія законовъ, имѣющихъ политическое значеніе, преслѣдуются судомъ, ни одно, конечно, не можетъ представить ничего похожаго на такую статистику политической уголовщины за одинъ мѣсяцъ. Но даже и во Франціи, которой значительная часть еще находится въ осадномъ положеніи, и военной власти предоставлено въ многихъ случаяхъ дѣйствовать безъ суда (противъ общественныхъ собраній и газетъ), едва ли можно насчитать не только 150, то-есть по пяти въ день, но и половиннаго числа преслѣдованій изъ политическихъ поводовъ. И все-таки, случаи подобныхъ карательныхъ мѣръ во Франціи признаются слишкомъ частыми; они объясняются именно приостановленіемъ дѣйствія законовъ осаднымъ положеніемъ. Но что же сказать о тѣхъ законахъ, которыхъ совершенно правильное примѣненіе ведетъ къ положенію, образованному въ приведенной выше картинѣ? Что сказать о тѣхъ національно-либеральныхъ органахъ общественнаго мнѣнія, которые считаютъ такое положеніе совершенно естественнымъ, желательнымъ, постоянно вызываютъ къ еще болѣе строгости, на защиту того, что ими называется „интересами германской культуры?“ Такая „культура“, которая не могла бы быть безопасной безъ подобныхъ средствъ, не заслуживала бы защиты...

Во Франціи провозглашена республика—таково общее впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ принятіемъ національнымъ собраніемъ законовъ о сенатѣ и о правительственной власти, состоявшимся въ истекшемъ мѣсяцѣ. Для того, чтобы придти къ выводу относительно истиннаго значенія перемѣны, происшедшей въ политическомъ внутреннемъ положеніи во Франціи, надо сдѣлать обзоръ сессіи съ новаго года. Она возобновилась 5-го января; 6-го января прочтено было посланіе президента республики, которое вновь высказывало какъ рѣшимость маршала твердо исполнять возложенное на него порученіе, такъ и необходимость дополнить власть, ему ввѣренную, органическими учрежденіями. Итакъ, септеннатъ, учрежденный монархистами собственно вслѣдствіе временныхъ, какъ они полагали, затрудненій къ возстановленію монархіи, въ видѣ переходнаго правленія, всегда готового сойти со сцены, когда законному королю будетъ угодно на нее выступить, сталъ самъ видѣть въ себѣ нѣчто иное, а

именно—порядокъ, во всякомъ случаѣ не подлежащій смѣнѣ въ продолженіи семи лѣтъ, съ 20-го ноября 1873 года. Требуя дополненія себя органическими учрежденіями, септеннатъ, какъ учрежденіе по внѣшности все-таки республиканское, склонялся, стало быть, на дѣлѣ къ упроченію республики. Легитимисты и бонапартисты не могли быть довольны этимъ, но большинство, создавшее септеннатъ, большинство, послушное герцогу Брольи, уже начало разлагаться. Орлеанисты, составляющіе правый центръ, видя успѣхи бонапартизма на выборахъ, стали сознавать, что главная опасность грозитъ именно со стороны имперіи, такъ какъ ея шансы на окончательный успѣхъ продолжали возрастать тѣмъ болѣе, чѣмъ яснѣе высказывалось по *prossimus* прежняго большинства, настоящее безсиліе, которое неизбежно должно было повести къ распаденію нынѣшняго собранія. Поэтому орлеанисты перемѣнили тактику и стали возлагать свои надежды на образованіе сената, посредствомъ котораго они думаютъ удержать важное вліяніе на дѣла въ рукахъ достаточныхъ классовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся сила орлеанизма. Желаніе осуществить сенатъ повело ихъ къ согласію „окружить септеннатъ органическими учрежденіями“, хотя бы и съ республиканской внѣшностью. А республиканцы, какъ они ни ненавидятъ сенатъ, предпочли пожертвовать своими антипатіями къ такому учрежденію, въ известной мѣрѣ даже своими принципами, лишь бы только добиться, при помощи орлеанистовъ, учрежденій независимыхъ отъ „личнаго септенната“, то-есть на дѣлѣ учрежденій, утверждающихъ республику. Ясно, что какъ бы ни былъ первоначально формулированъ септеннатъ, но если учрежденіе его дополнено такими законами, которые опредѣляютъ способъ перехода властей изъ однихъ рукъ въ другія, то уже не можетъ быть рѣчи о септеннатѣ, какъ о „личномъ“ фактѣ; септеннатъ уже утопаетъ въ республикѣ.

Посланіе президента возбудило неудовольствіе правой стороны, и разнеслись слухи о возможности соглашеній между маршаломъ Макъ-Магономъ и членами лѣваго центра. Національное собраніе постановило, что оно приступитъ къ обсужденію учредительныхъ законовъ послѣ закона о кадрахъ арміи, и что сперва будетъ обсуждаться законъ о способѣ перехода правительственной власти, а уже потомъ законъ о сенатѣ. Вслѣдствіе того министерство, которое требовало предпочтенія закону о сенатѣ, подало въ отставку, но осталось до времени образованія новаго кабинета. Между тѣмъ переговоры о составленіи новаго кабинета, разумѣется, не могли привести ни къ чему до окончанія самаго обсужденія учредительныхъ законовъ, такъ какъ только результатъ ихъ обсужденія могъ обнаружить, существуетъ ли еще прежнее большинство, или оно оконча-

тельно уступило мѣсто какой-нибудь новой комбинаціи. Послѣ рѣшенія вопроса о кадрахъ арміи, собраніе приступило, 21-го января, къ первому чтенію закона о факторахъ власти, выработаннаго комиссією тридцати и объясненнаго докладчикомъ ея, Вантавономъ. Первая статья проекта Вантавона опредѣляла, что законодательная власть принадлежитъ во Франціи двумъ палатамъ: одной выборной, другой—сенату, котораго образованіе должно быть опредѣлено особымъ закономъ. Первые дни преній, посвященныхъ учредительнымъ законамъ, были гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ послѣдующія. Пока не установилось соглашенія внѣ палаты, пренія оставались безплодны, но были блестящи. Когда же впослѣдствіи установилось наконецъ соглашеніе между правымъ центромъ и всѣми группами лѣвой стороны, тогда дѣло стало быстро подвигаться въ результату, но пренія были ничтожны: собраніе или новое большинство его просто обратилось въ машину для вотирования. Въ первыхъ засѣданіяхъ 21—25 января замѣчательны были рѣчи легитимистовъ Карайона, Люсьена Брѣна, и республиканцевъ Жюля Фавра и Жюля Симона. Карайонъ хотѣлъ подтвердить пользу возстановленія монархіи той депешей Бисмарка въ Арниму, въ которой высказывалось, что Франція при монархіи нашла бы союзы, которыхъ лишена при республикѣ, и что, поэтому, не дѣло германской дипломатіи содѣйствовать возстановленію во Франціи монархіи. Но страшный шумъ, вызванный негодованіемъ по поводу ссылки на мнѣніе врага, воспрепятствовалъ оратору исполнить его намѣреніе. Люсьенъ Брѣнъ изложилъ съ большою ясностью, какъ понимаютъ септеннать легитимисты: по его мнѣнію, Франція имѣетъ законнаго короля въ особѣ графа Шамбора и наследника престола въ лицѣ графа Парижскаго; стало быть, излишне заниматься учрежденіями, а слѣдуетъ ограничиться обсужденіемъ закона о печати и другихъ подобныхъ законахъ, которые облекли бы маршала достаточной властью для охраненія порядка. Ж. Фавръ произнесъ сильную діатрибу противъ монархіи, напомнивъ, что она была реставрирована во Франціи иностранными штыками. Наконецъ, Ж. Симонъ въ весьма убѣдительной рѣчи доказывалъ, что если собраніе отклонить отъ себя созданіе учреждений, то оно тѣмъ самымъ подпишетъ свой приговоръ, такъ какъ распущеніе его обратится въ необходимость. Большинствомъ 557 голосовъ противъ 146 рѣшено было, 22-го января, допустить второе чтеніе проекта Вантавона, а въ засѣданіи 25-го января, большинствомъ 512 голосовъ противъ 188, постановлено было перейти ко второму чтенію закона о сенатѣ. Въ засѣданіи 29-го числа собраніе однако отвергло, 349 голосами противъ 335, поправку Лабулѣ о внесеніи въ первую статью проекта Вантавона упоминанія о „французской республикѣ“. Этотъ

неуспѣхъ былъ приписанъ отчасти рѣчи Луи Блана, который, несмотря на начавшіеся уже переговоры о соглашеніи нѣкоторыхъ членовъ праваго центра, всего лѣваго центра и всѣхъ фракцій лѣвой стороны, возсталъ 28-го числа противъ системы двухъ палатъ съ точки зрѣнія теоретическихъ принциповъ.

Знаменемъ, вокругъ котораго состоялось соглашеніе лѣваго центра и нѣкоторыхъ членовъ праваго—съ лѣвою стороною, послужила поправка Валлона къ 3-й статьѣ закона о факторахъ власти. Этой поправкой власть президента республики опредѣлялась согласно съ конституціей 1848 года, и ему предоставлялось право распушенія національнаго собранія, съ согласія сената. Республиканское значеніе поправки Валлона особенно уяснилось вслѣдствіе внесенія другой поправки, поправки Бертó, которою власть распушенія собранія предоставлялась маршалу Макъ-Магону даже безъ согласія сената, но именно только маршалу Макъ-Магону, а не какому-либо другому президенту исполнительной власти. Поправка Бертó являлась какъ-бы подтвержденіемъ „личнаго септенната“. Въ виду ея, поправка Валлона означала именно соглашеніе всѣхъ либеральныхъ партій на почвѣ фактической республики; эта поправка, соединяя учрежденіе сената съ упроченіемъ республики, въ видѣ допущенія, что у Макъ-Магона могутъ быть преемники, такіе же президенты республики, представляла настоящій контрактъ части орлеанистовъ съ лѣвою стороною: признайте республику, а мы вамъ дадимъ сенатъ, и притомъ такой сенатъ, какого вы сами желаете. Первымъ результатомъ установившагося соглашенія было принятіе въ засѣданіи 30-го января, 353 голосами противъ 352, предложеннаго тѣмъ же Валлономъ дополненія къ первой статьѣ проекта Ваитавона, такого дополненія, въ которомъ глава государства былъ намѣренно названъ „президентомъ республики“. Это провозглашеніе республики большинствомъ одного „голоса“ послужило тѣмъ для насмѣшекъ монархистскихъ органовъ, но оно было серьезно въ томъ смыслѣ, что удостовѣряло фактъ состоявшагося соглашенія. Затѣмъ, 1-го февраля Валлонъ развилъ свою поправку, относившуюся къ праву президента республики распускать національное собраніе, а 2-го февраля былъ поставленъ вопросъ о первенствѣ обсужденія между поправками Бертó и Валлона. Большинствомъ 354 голосовъ противъ 346, собраніе дало первенство поправкѣ Валлона. Мы упомянули впередъ о поправкѣ или контръ-проектѣ Валлона относительно сената потому, что именно этотъ контръ-проектъ обусловилъ то соглашеніе, которое, въ виду заключенія этого „контракта“, выразилось еще ранѣе его обсужденія въ собраніи, а именно уже при вотированіи дополнительной статьи Валлона къ закону о факто-

рахъ власти. Показавъ, чѣмъ обусловилося соглашеніе, состоявшееся именно по поводу закона о сенатѣ, мы должны теперь дать болѣе точное понятіе о законѣ, о факторахъ власти, какъ онъ состоялся, и уже затѣмъ обратимся вновь къ закону о сенатѣ. Собраніемъ была принята, первая статья проекта Вантавона (т.-е. коммиссіею тридцати) объ организаціи властей, которая постановляла: 1) „маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ республики, продолжаетъ отправлять (exerce) съ этимъ титуломъ исполнительную власть, которая возложена на него закономъ 20-го ноября 1873 г.; 2) онъ подлежитъ отвѣтственности только въ случаѣ государственной измѣны; министры отвѣтственны солидарно передъ палатами за общую политику правительства и отдѣльно за личныя свои дѣйствія; 3) законодательная власть отправляется двумя собраніями: палатою депутатовъ и сенатомъ; палата депутатовъ избирается всенароднымъ голосованіемъ въ условіяхъ, опредѣленныхъ избирательнымъ закономъ; образованіе сената опредѣляется особымъ закономъ“ (это послѣднее постановленіе нѣсколько отступало отъ редакціи проекта Вантавона; оно было принято въ приведенной формѣ, предложенной Марселемъ Барстомъ). Послѣ принятія 3-го параграфа, въ засѣданіи 29-го января, прочтена была дополнительная статья Валлона къ принятой уже 1-й статьѣ закона; предложеніе Валлона состояло въ слѣдующемъ: „президентъ республики избирается по большинству голосовъ сенатомъ и палатою депутатовъ, соединенныхъ въ національное собраніе; онъ назначается на семь лѣтъ, онъ можетъ быть избираемъ вновь (est rééligible). Въ засѣданіи 30-го января, это предложеніе Валлона было принято, какъ уже сказано выше, большинствомъ 353-хъ голосовъ противъ 352-хъ, и такимъ образомъ личный септеннатъ былъ превращенъ въ республику перевѣсомъ одного голоса. Затѣмъ, въ засѣданіи 2-го февраля, была принята большинствомъ 449 голосовъ противъ 249 поправка Валлона къ дальнѣйшему (4-му) параграфу закона объ организаціи властей, предоставляющая президенту республики право распускать палату депутатовъ съ согласія сената. Какъ уже сказано выше, эта поправка Валлона была принята послѣ устраненія поправки Берто, которая предоставляла право распушенія не президенту республики, но лично маршалу Макъ-Магону, хотя и безъ согласія сената. Такимъ образомъ, этотъ рѣшительный шагъ въ смыслъ установленія республики былъ сдѣланъ перевѣсомъ уже не одного голоса, но ровно 200 голосовъ. Таковой неожиданный результатъ объяснялся тѣмъ, что вождь всего праваго центра, герцогъ Брольи, видя, послѣ рѣшенія 30-го января, что лѣвая сторона одерживаетъ верхъ при помощи умѣренныхъ членовъ праваго центра (группы Валлона-Лаверня), склонившихся на сторону республики, подъ вліяніемъ страха,

внушаемаго бонапартизмомъ,—самъ перешелъ на сторону предложеній Валлона со всѣмъ своимъ войскомъ, дабы участвовать въ новомъ большинствѣ и дать маршалу возможность, при составленіи новаго кабинета, обратиться къ нему же или по меньшей мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ его друзей, такъ чтобы новый кабинетъ не былъ составленъ исключительно изъ людей лѣваго центра и группы Валлона-Лаверня. При дальнѣйшемъ обсужденіи закона объ организаціи властей неожиданно одержало верхъ прежнее большинство, принявъ предложеніе Равинеля, постановляющее, что палаты и правительство будутъ имѣть пребываніе въ Версалѣ.

Къ обсужденію о сенатѣ во второмъ чтеніи собраніе обратилось въ засѣданіи 11-го февраля. Докладчикомъ проекта коммиссіи о сенатѣ былъ Лефевръ-Понталисъ. Проектъ предлагалъ образованіе сената изъ: 1) членовъ по праву, 2) членовъ, назначаемыхъ президентомъ республики, и 3) членовъ, избираемыхъ департаментами и колоніями; всего сенаторовъ должно быть не болѣе 300. На это Паскаль Дюпрá предложилъ слѣдующую поправку: „сенатъ образуется избраніемъ; избиратели его тѣ же, которые избираютъ палату депутатовъ“. Поправка Дюпрá была принята большинствомъ 332 противъ 310 голосовъ; но это былъ только сюрпризъ, состоявшійся при помощи бонапартистовъ, которые желали бы избранія сенаторовъ всеобщимъ избирательствомъ. Въ засѣданіи 12-го февраля, въ собраніе явился генераль Сиссэ съ новымъ посланіемъ президента республики; въ этомъ посланіи маршалъ предостерегалъ собраніе, что послѣднимъ рѣшеніемъ „оно уклонилось отъ консервативныхъ принциповъ“. Собраніе въ томъ же засѣданіи, большинствомъ 368 голосовъ противъ 345, отвергло переходъ къ третьему чтенію проекта закона о сенатѣ, то-есть отвергло весь этотъ проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ принятъ по отдѣльнымъ статьямъ и съ поправкою Дюпрá. Тогда Бриссонъ потребовалъ, чтобы собраніе разошлось, и предложилъ немедленное обсужденіе распущенія его; Гамбетта упрекалъ правительство за оказанное давленіе на собраніе и поддерживалъ распущеніе. Собраніе отвергло его неотлагательность большинствомъ 407 голосовъ противъ 266-ти. Базалось, вся поддержка на соглашеніе снова потеряна, и потеряна благодаря ловкой тактикѣ Брольи, который внушилъ маршалу его посланіе. Но умѣренные члены лѣвой стороны рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе къ поддержанію соглашенія: они рѣшились, во что бы то ни стало, жертвуя своими принципами, отвергая всякія поправки, во избѣжаніе новыхъ сюрпризовъ со стороны Брольи,—поддерживать контръ-проектъ о сенатѣ, составленный Валлономъ же, авторомъ успѣшно прошедшихъ прежде поправокъ къ закону объ образованіи властей. По этому контръ-проекту двѣ-третьи членовъ

сената, т.-е. примѣрно по 2 на каждый департаментъ, должны избираться особымъ избирательнымъ сословіемъ, состоящимъ изъ членовъ генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, делегатовъ отъ муниципальных совѣтовъ (по одному отъ каждаго муниципалитета); остальная же треть членовъ сената должна быть назначена нынѣшнимъ собраніемъ—и эта треть сенаторовъ, имъ назначенныхъ — должна быть безсмѣнна. Нѣтъ нужды объяснять, какъ нераціонально и даже прямо недобросовѣстно было такое желаніе большинства заручиться безсмѣннымъ званіемъ, благодаря единственно неограниченности нынѣшнихъ правъ собранія. Но такой именно сенатъ нуженъ орлеанистамъ для ихъ цѣлей, а республиканцы рѣшились поддерживать проектъ Валлона, лишь бы только состоялась окончательно республиканская конституція. Собраніе 22-го февраля признало неотлагательность обсужденія закона о сенатѣ; вслѣдствіе чего окончательное его принятіе могло состояться однимъ чтеніемъ. Благодаря дисциплинѣ, выказанной союзомъ лѣвой стороны съ правымъ центромъ въ пользу проекта Валлона, всѣ поправки къ нему были отвергнуты, и въ засѣданіи 24-го февраля онъ былъ окончательно принятъ большинствомъ 448 голосовъ противъ 241. Республика была вновь утверждена въ тотъ самый день, когда 27 лѣтъ тому назадъ она была провозглашена во Франціи во второй разъ. Тогда она изгнала орлеанскій домъ; теперь она установилась при помощи орлеанистовъ, въ числѣ которыхъ, за проектъ Валлона, подалъ голосъ даже принцъ Жуанвильскій. Затѣмъ, подлежалъ третьему чтенію законъ объ организаціи государственныхъ властей. Онъ былъ принятъ въ засѣданіи 25-го февраля, послѣ чего собраніе отсрочило свои засѣданія до 1-го марта. Такимъ образомъ, республика установлена, но съ тѣмъ, что въ составѣ установившаго ее большинства находится партія, которая будетъ пытаться ниспровергнуть ее въ пользу орлеанистской комбинаціи, при содѣйствіи сената. Для составленія новаго кабинета президентъ республики обратился-было къ президенту собранія, Бюффе, но вслѣдствіе отказа его намъ еще въ настоящую минуту неизвѣстно, кто будетъ главою новаго кабинета.

НОВЫЙ АКАДЕМИКЪ.

Пріемъ А. Дюма-сына во французской академіи.

Письмо изъ Парижа ¹⁾.

Великимъ событіемъ литературнаго міра за послѣдній мѣсяць былъ пріемъ Александра Дюма-сына во французской академіи.

Дюма занимаетъ въ нашей литературѣ видное мѣсто, значеніе котораго, по случайному стеченію обстоятельствъ, оказывается преувеличеннымъ. Въ особенности за предѣлами Франціи на него смотрятъ, какъ на представителя современнаго французскаго генія, и именно того въ этомъ геніѣ, что въ немъ есть смѣлаго и лучшаго. Тутъ вышло весьма понятное, впрочемъ, недоразумѣніе. Дюма не художникъ; я хочу сказать, что онъ не заботится объ изяществѣ слога; съ другой стороны, талантъ его—талантъ чисто буржуазный: онъ держится на одномъ уровнѣ развитія съ толпою читателей и зрителей; наконецъ — и это главнымъ образомъ объясняетъ его чрезвычайный успѣхъ—у него ровно настолько смѣлости, чтобы казаться очень смѣлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень скандализировать публику. Онъ держится золотой середины даже и тогда, когда съ виду кажется, что онъ блещетъ оригинальностью; вотъ его великій секретъ. Казаться оригинальнымъ, не будучи таковымъ—да это настоящее торжество!

Слова мои, разумѣется, требуютъ поясненія. Я сказалъ, что Дюма не художникъ. У него дѣйствительно вы не найдете ни удачнаго выбора словъ, ни мѣткихъ выраженій, ни яркой образности, которая бы вызывала внезапно въ умѣ какое-нибудь лицо или какой-нибудь пейзажъ. Онъ пишетъ тяжелымъ слогомъ и употребляетъ

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣнія, какое постигло „Письма изъ Англіи“, помѣщенныя у насъ въ январской книгѣ, спѣшимъ сдѣлать замѣтку. „Письма изъ Англіи“ кончались дурнымъ отзывомъ о „нашихъ“ романахъ; одинъ изъ рецензентовъ, по этому поводу, принялъ нашихъ русскихъ романистовъ подъ свою защиту, упустивъ изъ виду, что въ письмахъ изъ Англіи могло говориться только объ англійскихъ романахъ. Настоящее письмо изъ Парижа писано также иностранцемъ, французомъ, а потому встрѣчающіяся у него въ текстѣ: „мы“, „нами“ не должны никого вводить въ заблужденіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права сообщить читателямъ имени автора этихъ новыхъ писемъ; но можемъ сказать, что онъ имѣетъ большое право на авторитетъ въ современной французской литературѣ. — *Ред.*

самыя неудачныя обороты рѣчи. Его фразы длинны, валы и многословны, испещрены „*которыми*“, и расплываются въ неудущихъ къ дѣлу вводныхъ предложеніяхъ. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ слышать, что его называютъ „великимъ писателемъ“. Напротивъ того, писатель-то и грѣшитъ въ немъ. Онъ пустилъ пылъ въ глаза критикамъ нашей мелкой прессы рѣзкимъ и докторальнымъ тономъ, господствующимъ во всемъ, что онъ написалъ. Онъ пустилъ въ ходъ „словца“, парадоксальныя фразы, надъ которыми люди ахали. Этого было достаточно; никому не пришло въ голову взять любую страницу изъ его произведеній и изучить ее съ точки зрѣнія характера его слога.

Я прибавилъ также, что у него буржуазный талантъ, и что его мнимая смѣлость простирается ровно настолько, чтобы собирать толпу, не вызывая вмѣшательства полицейскихъ. Во Франціи достаточно возвѣстить, что вотъ-могъ готовится нѣчто чрезвычайное, и люди тотчасъ вообразятъ, что видѣли все то, что имъ наобѣщали, и уходятъ довольные. Я знаю одного романиста, который привлекаетъ покупателей тѣмъ, что распускаетъ слухъ, будто его послѣднее сочиненіе содержитъ весьма рискованныя картины. Послѣднія, конечно, отсутствуютъ, но книга тѣмъ не менѣе расходуется въ двадцати изданіяхъ. Конечно, Дюма не прибѣгаетъ къ такимъ продѣлкамъ. Но составила легенда о смѣлости, съ какою, будто бы, онъ анатомируетъ человѣческой трупъ. Вы понимаете, что это соблазняетъ любопытныхъ, и они предовольны, когда, прочитавъ какое-нибудь изъ его произведеній, находятъ въ немъ однѣ крайне нравственныя сентенціи. Вся смѣлость ограничивается немногими рѣзкими и трескучими выраженіями, поражающими среди тяжеловѣсной рѣчи. Прибавьте къ этому обычай разрѣшать общественные вопросы посредствомъ громкихъ словъ и сценическихъ эффектовъ. Дюма и не подозреваетъ, что истинная смѣлость въ литературѣ заключается въ томъ, чтобы брать природу человѣческую такъ, какъ она есть, терпѣливо изучать ее и не стремиться втиснуть ее въ узкія рамки утопіи. Онъ же, точно первосвященникъ комментируетъ библію, рассуждаетъ о женщинѣ словно о какой-то машинѣ, гдѣ произвольно можно мѣнять механизмъ. И вотъ онъ рубитъ съ плеча, пророчествуетъ, приправляетъ природу самымъ диковиннымъ философскимъ соусомъ, каковой только можно себѣ представить. Его: „Убей ее!“ неподражаемо. Написавъ страницъ тридцать мистической галиматіи о прелюбоудѣйной женѣ, онъ кричитъ обманутому мужу: „Убей ее!“ Онъ весь высказался въ этомъ воплѣ, столь хитро подготовленномъ и столь фальшивомъ, столь несправедливомъ, столь недостойномъ истиннаго доктора соціальныхъ наукъ, какъ бы выразился Бальзакъ.

Романистъ и драматургъ не убиваетъ женщинъ, даже самыхъ преступныхъ. Онъ ихъ изучаетъ.

Вся бѣда наша въ томъ, что у насъ нѣтъ въ настоящую минуту критики. Сентъ-Бѣвъ былъ послѣднимъ авторитетнымъ судьей, создававшимъ и развѣчивавшимъ знаменитостей. Многие суются разсуждать о литературѣ—надо же журналамъ матеріалъ для набора. Но появляющіяся статьи не что иное, какъ разбавленная водою книжныя объявленія. Это объясняетъ громадныя размѣры, какіе приняла слава Дюма. Конечно, многие улыбаются за его спиной, пожимая плечами. Я знаю салоны, гдѣ съ нимъ не церемонятся. Тѣмъ не менѣе, онъ пользуется такою извѣстностью, что его собратья никакъ не осмѣливаются нападать на него, боясь быть обвиненными въ зависти. Дѣло дошло до того, что одинъ издатель, собираясь выпустить новое изданіе „*Manon Lescaut*“, попросилъ предисловія у Дюма и вздумалъ помѣстить его портретъ во главѣ сочиненія аббата Превѣ. Теперь толкуютъ объ его предисловіи въ „*Imitation de Jésus-Christ*“. Не помѣстятъ ли и тутъ его портретъ?

Ужъ, конечно, я погрѣшилъ бы противъ патриотизма, еслибы не попросилъ иностранцевъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ цѣлой группѣ писателей, производящихъ гораздо меньше шума, чѣмъ Дюма. Я говорю о натуральной школѣ, ведущей свое начало съ Бальзака; къ ней принадлежатъ Флоберъ и де-Гонкуръ. Я упомяну только о нихъ, какъ о старѣйшихъ этой группы. Въ сочиненіяхъ этихъ романистовъ слѣдуетъ искать современнаго французскаго гения, съ его страстью къ анализу, его стремленіемъ къ истинѣ, его заботою о стилѣ. Мнѣ говорятъ, что въ Россіи Дюма превознесенъ до небесъ, а между тѣмъ тамъ почти не знаютъ „*Madame de Bovary*“ Флобера и „*Germinie Lacerteux*“ де-Гонкура. По правдѣ сказать, это обидно для француза. Выходитъ, что иностранцы знакомы съ нашей современной литературой лишь съ ея слабой стороны. У насъ есть оригинальные писатели, истинно смѣлые и заслуживающіе тѣхъ похвалъ, которыя такъ щедро расточаются Дюма. Но дѣло въ томъ, что публика ими не восхищается. Они слишкомъ рѣзки; слишкомъ безпощадно разсѣкаютъ человѣческій трупъ. И я понимаю, что иностранцы не знаютъ ихъ, потому что должны очень рѣдко встрѣчать ихъ имена въ бульварныхъ газетахъ, поклоняющихся кумирамъ дня...

И все-таки вступленіе Дюма-сына въ академію было счастливымъ событіемъ. Какое бы мѣсто ни занималъ онъ въ литературѣ, онъ тѣмъ не менѣе современный талантъ, новаторъ въ глазахъ большинства. Натуральная школа, новое направленіе, явившееся послѣ романтизма, проникли вмѣстѣ съ нимъ въ храмъ традиціи. Съ этой точки зрѣ-

нія, публичное торжество его приѣма представляло живѣйшій интересъ.

Много обстоятельствъ еще усиливали этотъ интересъ. Отецъ Дюма, старшій Дюма, не былъ членомъ академіи, куда онъ, однако, не разъ порывался постучаться. Но онъ могъ знать заранѣе, что его забравуютъ, потому что онъ велъ слишкомъ беспорядочную жизнь. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, большимъ искателемъ приключеній, вѣчно въ долгу какъ въ шелку; растрачивалъ на невозможныя предпріятія милліоны, зарабатываемые имъ, работалъ и наслаждался съ широкой улыбкой удовлетвореннаго великана. Вотъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, одаренъ былъ необузданнымъ гениемъ, силой воображенія, подобной которой не выказывалъ ни одинъ писатель, ни въ какой литературѣ. Онъ остался колоссомъ изъ золота и бронзы на глиняныхъ ногахъ. Понятно, что его аллюры вола, сорвавшася съ привязи, приводили въ ужасъ мирныхъ старцевъ, дремлющихъ въ креслахъ, отведенныхъ для „безсмертныхъ“. Напротивъ того, Дюма-сынъ долженъ былъ имъ понравиться. Онъ столько же холоденъ и расчетливъ, сколько отецъ его пылокъ и расточителенъ. Онъ держитъ свой талантъ подъ замкомъ въ кубышкѣ, и года въ два-три вынимаетъ оттуда нѣсколько страницъ и пускаетъ ихъ въ обращеніе, послѣ предварительныхъ и весьма сложныхъ банковыхъ операцій. Съ другой стороны, онъ не кутилъ напроналую въ лучшіе годы своей жизни; женился, нашилъ состояніе, аккуратно ложится спать въ десять часовъ вечера; собираетъ артистическія рѣдкости и картины, на которыхъ, я подозреваю, дѣлаетъ аферы. Поэтому, ему стоило только постучаться въ академію—и его приняли съ распростертыми объятіями. Эта послѣдняя воспользовалась также, быть можетъ, случаемъ, почтить память старшаго Дюма. Принимая сына, она впускала имя отца. Какъ бы то ни было, любопытство было сильно возбуждено, потому что всѣ ждали, что Дюма-сынъ громко заявитъ о правѣ на званіе академика знаменитаго покойника.

Надо сказать, если я уже заговорилъ о диковинности выбора академіи, что она часто бываетъ въ большомъ затрудненіи. Эта корпорація, вмѣщающая въ себѣ свѣтскихъ людей, прелатовъ, профессоровъ, ораторовъ и даже нѣсколькихъ писателей, живетъ традиціями. Она не можетъ, не подписавъ себѣ смертнаго приговора, открыть свои двери всѣмъ гениальнымъ людямъ. Этимъ объясняется то, что она не допустила въ свое лоно Мольера, Бальзака, Мишле. Это объясняетъ также, почему Викторъ Гюго, будучи академикомъ, не показывалъ своего носа въ академію въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ. Элементъ чисто литературный терпитъ въ ней въ самыхъ умѣренныхъ дозахъ, такъ чтобы онъ никакъ не могъ взять перевѣсъ и

оказаться большинствомъ. Выборы въ академію зачастую бываютъ политическіе. Въ послѣднее время тамъ властвовалъ Гизо. Онъ утѣшался такимъ образомъ въ утратѣ власти и могъ ласкать себя мыслью, что все же управляетъ цѣлымъ міромъ. Совсѣмъ тѣмъ, время отъ времени необходимо впустить и писателя. Театръ, романъ, поэзія должны имѣть своихъ представителей. И вотъ, именно тогда, когда одно изъ рѣдкихъ кресель, отведенныхъ литературѣ, пустѣетъ, начинаются затрудненія академіи. Гдѣ найти литератора съ достаточно сильнымъ талантомъ, чтобы оправдать оказываемую ему честь, но не слишкомъ безпокойнаго для своихъ собратьевъ. Много порядочности и нѣкоторая доза дюжинности — вотъ идеалы! Но порою бываютъ имена, устранить которыя нѣтъ возможности. Таково имя Дюма. Разъ приходилось выбирать драматическаго писателя, невозможно было его обойти. Тѣмъ болѣе, что, повторяю, онъ далеко не такъ страшенъ, какъ то кажется. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ ударился въ мистицизмъ и ведетъ себя хорошимъ католикомъ. Академія могла, слѣдовательно, на этотъ разъ угодить публикѣ и выказать яко бы мужество, хорошо зная, между тѣмъ, что впускаетъ вовсе не волка въ овчарню.

Дюма прежде всего знатокъ сцены. Мнѣ не нравится его языкъ, его искусственный характеръ, его эффектныя тирады, за которыми постоянно чувствуешь автора, выглядывающаго изъ-за спины дѣйствующихъ лицъ. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ остается въ настоящую минуту единственнымъ драматургомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Викторіенъ Сарду только забавникъ. Эмиль Ожье и Октавъ Фелье мало пишутъ. Дебюты Дюма на театрѣ общали даже больше, чѣмъ онъ сдержалъ. Въ своихъ первыхъ пьесахъ онъ еще не былъ тѣмъ грознымъ проповѣдникомъ, какимъ сдѣлался впослѣдствіи. Страсть его исправлять родъ людской проявилась въ *Demi-Monde*. Со времени этой комедіи зло усилилось; мысль, что на немъ лежитъ миссія, обратилась у него въ манію. Его, конечно, очень бы обидѣли, еслибы сказали, что женщины настоящаго столѣтія не обязаны до нѣкоторой степени ему своей добродѣтелью. Иллюминать совсѣмъ поглотилъ драматурга. Часто я сожалѣлъ объ этомъ пагубномъ направленіи въ такомъ практическомъ умѣ, потому что, повторяю, у него много искусства и много ловкости; онъ вполне понимаетъ сцену, а это совершенно особая способность, которая не дается однимъ навыкомъ. Иныя изъ его пьесъ удивительны по своей специчности. Онъ пользуется всякимъ эффектомъ, но не съ узкостью пониманія Скриба, а съ простотой и весьма замѣчательной изобрѣтательностью средствъ. Я видалъ его противниковъ, выходившихъ изъ театра въ восторгѣ послѣ перваго представленія. Размысленіе при-

ходило позже. Непосредственнымъ же впечатлѣніемъ было искреннее восхищеніе этимъ даровитымъ человѣкомъ, заставляющимъ вѣрить, благодаря оптическому обману, производимому сценой, въ самыя невѣроятныя положенія и лица, и исторгающимъ крикъ удивленія у цѣлой залы. Такое чудо совершилось, на первомъ представленіи *Monsieur Alphonse*. Пьеса произвела фуроръ; въ корридорахъ публика обнималась отъ волненія. На слѣдующіе дни со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія; ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не оказалось вѣроятнымъ; пьеса разсыпалась прахомъ.

Итакъ, академія приняла въ свое лоно въ лицѣ Дюма драматурга, и приняла по всей справедливости. Событіе, какъ я уже выразился, возбудило большое любопытство во всей образованной публикѣ. Поэтому, въ четвергъ, 11-го февраля, у дверей академіи образовался хвостъ уже съ одиннадцати часовъ утра. Въ послѣднюю недѣлю входные билеты продавались на вѣсь золота. Я знаю, что одно лицо заплатило за свой двѣсти франковъ. Обыкновенно приемы происходятъ семейнымъ образомъ, среди публики особаго сорта, составленной изъ старичковъ и старушекъ, связанныхъ съ академическимъ міромъ болѣе или менѣе отдаленными узами родства. На этотъ разъ весь beau-monde Парижа былъ тутъ: принцесса Матильда, орлеанскіе принцы, генералы, министры. М-ле Круазетъ, актриса *Comédie-Française*, произвела необыкновенную сенсацию, появившись въ прелестной бѣлой шляпкѣ; солиднымъ сводамъ дворца Мазарини не часто достается видѣть такихъ хорошенькихъ особъ. Публика, прибывшая въ полдень, должна была ждать до часу. Въ трибунахъ была такая давка, что одной дамѣ сдѣлалось дурно. Ничего не можетъ быть любопытнѣе этой узкой залы, куда пристава ухитряются напихать вдвое больше народа, чѣмъ сколько она можетъ вмѣстить: они приносятъ скамьи, табуреты, складныя стулья; они размѣщаютъ дамъ повсюду, между скамейками, въ проходахъ, у самаго бюро. Вскорѣ нѣтъ ни одного закоулка свободнаго; видишь компактную массу головъ; нельзя пошевелить рукой, нельзя вытащить платка изъ кармана, и если скучно, то можешь спать съ увѣренностью, что не упадешь.

Наконецъ, ровно въ часъ появляются академики. Сначала выступаетъ бюро: гг. д'Оссонвиль, Патенъ и Руссэ; затѣмъ входитъ новобранецъ, Дюма, въ сопровожденіи своихъ двухъ крестныхъ отцовъ: гг. Камилля Дусэ и Легуве. Эти шесть лицъ одѣты въ академическій мундиръ изъ темно-зеленаго сукна, вышитаго широкой гирляндой дубовыхъ листьевъ изъ свѣтло-зеленаго шелка. Костюмъ неваженъ; всякій субъ-префектъ наряднѣе въ своемъ раззолоченномъ мундирѣ. Затѣмъ, позади этихъ господъ появляется толпа академи-

ковъ въ сюртукахъ, пальто и пр. У однихъ обмотаны фуляры вокругъ шеи; другіе совсѣмъ ушли въ громадные кашне. И вообще никакого парада: самый безцеремонный *sans-façon* ученыхъ, пренебрегающихъ пустыми заботами кокетства. Прибавьте, что большинство этихъ господъ не имѣетъ въ наружности ровно ничего торжественнаго: есть между ними жирные, есть тощіе; видишь лица, сморщенные какъ сухой грибокъ, и круглыя фізіономіи, точно бочки; почти всѣ плѣшивы, за исключеніемъ немногихъ, щеголяющихъ длинными будрами мечтательныхъ поэтовъ. Поэтому, въ залѣ раздается шопотъ удивленія, когда они толпятся у двери, точно стадо барановъ, толкаются и бѣгутъ на свои мѣста среди невыразимой сумятицы. Есть лица оригинальныя: маленькій старикъ весь скрюченный, съ лицомъ чернымъ, какъ у пряничной вуклы; высокій старикъ, точно сколоченный топоромъ, вызываетъ сдержанную улыбку у дамъ. Наконецъ, эти господа усѣлись; самые забкіе вынули изъ кармановъ шелковые колпаки и прикрыли ими свои голые черепа; смѣльчаки ограничились тѣмъ, что подняли воротникъ своего пальто, потому что въ залѣ свѣжо, не взирая на толпу народа. И засѣданіе открылось.

Дюма стоитъ направо отъ бюро, между своими двумя крестными отцами. Листки его рѣчи лежатъ передъ нимъ на традиціонномъ попирѣ. Онъ очень блѣденъ. Нѣтъ ничего мучительнѣе этой торжественной минуты, когда не привыкъ говорить въ публикѣ. Однако онъ рѣшается, и начинаетъ нѣсколько глухимъ голосомъ, упорно уставивъ глаза въ бумагу. Онъ читаетъ безъ единого жеста, безъ единой остановки, безпрестанно передергивая плечами. Мало-по-малу голосъ его становится тверже, но вся поза остается неуклюжей и натянутой. Правда и то, что дамы не спускаютъ съ него глазъ, молоденькія дѣвушки не отводятъ биноклей отъ его лица. Я побожусь, что онъ дорого бы далъ, чтобы его рѣчь была прочитана *in-ile* Круазетъ, нѣжно улыбавшейся, на него глядячи.

Подробный разборъ рѣчи Дюма завлекъ бы меня слишкомъ далеко. Вспомните, что этого рода рѣчи говорятся въ теченіи часа. Поэтому, я буду по возможности кратокъ. Во-первыхъ, всѣ очень удивились тому, что Дюма посвятилъ памяти отца лишь первыя строчки своей рѣчи; всѣ ожидали, какъ праздника, самаго подробнаго разбора. Затѣмъ, всѣ подивились и тому, что новый академикъ рѣшился заговорить на академическомъ языкѣ, не позволяя себѣ ни одной изъ тѣхъ энергическихъ аксіомъ, которыми прославился. Онъ очень разсудительно похвалилъ Лебрѣна, „безсмертнаго“ покойника, которому онъ наслѣдуетъ. Правду сказать, панегирикъ этому поэту, позабытому еще при жизни, былъ довольно неблагодарнымъ дѣломъ. Лебрѣнъ, авторъ „Маріи Стюартъ“, заимствованной имъ у Шиллера,

былъ несомнѣнно честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но литература понесла въ немъ не такую невознаградимую утрату, чтобы надо было ее долго оплакивать. Къ тому же, публикѣ не было ровно никакого дѣла до Лебрѣна. Она пришла не затѣмъ, чтобы ей говорили о такомъ поэтѣ, чьи стихи были незнакомы четыремъ-пятымъ изъ присутствующихъ. Поэтому, пока рѣчь шла о покойникѣ, публика качала головами и дремала. Всѣ сторожили живого. Смѣхъ и аплодисменты приберегались главнымъ образомъ для вводныхъ эпизодовъ въ его рѣчи.

Я упомяну о двухъ изъ этихъ вводныхъ эпизодовъ. Дюма заговорилъ не безъ натяжки о *Cid'*ѣ и ссорѣ, возникшей по поводу этой трагедіи между Ришлье и Корнелемъ. Исторія повѣствуетъ, что великій министръ былъ очень плохимъ поэтомъ, и что блестящій успѣхъ *Cid'a* возбудилъ въ немъ такую жестокую зависть, что онъ поручилъ академіи доказать публикѣ нелѣпость ея аплодисментовъ. То было одно изъ тѣхъ грязныхъ побужденій, которыя природа допускаетъ закрадываться въ самыя возвышенныя души. Но Дюма измѣняетъ все это съ той потребностью исказить природу, которая непрерывно его мучитъ. Люди не кажутся ему достаточно хорошими, такими, каковы они суть; онъ желаетъ передѣлать ихъ на свой ладъ. По его мнѣнію, Ришлье не могъ руководиться низкой завистью. Если онъ преслѣдовалъ трагедію Корнела, то изъ патриотизма; онъ не желалъ, чтобы поэтъ воспѣвалъ на сценѣ испанскаго героя въ то самое время, когда Франція враждовала съ Испаніей. Онъ опасался, кромѣ того, чтобы рыцарскія восклицанія Родрига у ногъ Шимены не послужили худымъ примѣромъ для французскаго дворянства. И, исходя изъ этого, строить цѣлую теорію и успокоивается не раньше, какъ навязавъ Ришлье свои собственные мысли и свой собственный языкъ. Тутъ можно прослѣдить его обычную манеру: завладѣвъ какимъ-либо лицомъ, онъ начинаетъ съ того, что отнимаетъ отъ него все человѣческое: мнимыя слабости, которыя лишь отгѣняютъ высокія качества; затѣмъ, когда создастъ желанную куклу, онъ надѣляетъ ее утопическими мечтами своего собственнаго воображенія.

Другой вводный эпизодъ интереснѣе. Уже впередъ было извѣстно, что Дюма будетъ говорить о современномъ театрѣ, и всѣхъ интересовало то, что онъ скажетъ объ этой области, гдѣ онъ царь. Онъ не скрывалъ отъ своихъ друзей, что рассчитываетъ воспользоваться случаемъ, чтобы защититься отъ упрека въ безнравственности, которымъ долго преслѣдовали его пьесы. Но вся его защита ограничилась требованіемъ для драматическаго писателя полной свободы: общество безпрестанно возобновляется; поле наблюденія для драматурга безконечно. Каждый годъ новыя лица могутъ быть выведены.

на сцену. И онъ справедливо прибавилъ, что публика гораздо строже, чѣмъ самыя чопорныя критики; что никогда публика не потерпитъ непристойности. Она держитъ самую строгую цензуру, которой должны подчиняться величайшіе писатели. Затѣмъ, отвѣчая на обвиненіе, что нельзя возить молодыхъ дѣвушекъ на нѣкоторыя изъ современныхъ пьесъ, онъ сказалъ совершенно основательно: „Я слишкомъ уважаю молодыхъ дѣвушекъ, чтобы приглашать ихъ слушать все, что я могу сказать; но тоже слишкомъ уважаю свое искусство, чтобы ограничивать его тѣми границами, въ которыхъ оно имъ доступно“.

Вся эта часть рѣчи Дюма безспорно лучшая. Чувствуешь, что онъ у себя дома. Конечно, и тутъ слышится эхо знаменитыхъ предисловій, которыя онъ предпосылаетъ своимъ пьесамъ. Мысль о женщинѣ не покидаетъ его. Женщина вмѣстѣ и царица, и раба, необходима и бесполезна, опасна и нужна. Онъ убиваетъ ее ударами каблука, и помѣщаетъ въ рай блаженства. У насъ, во Франціи, существуетъ другой примѣръ писателя, вѣчно преслѣдуемаго мыслью о женщинѣ. Я говорю о Мишлѣ, кончившаго тѣмъ, что онъ сдѣлалъ изъ женщины чувственный рычагъ, на которомъ вертится міръ. Дюма не такъ чувствителенъ; Мишле преклонялъ колѣна съ рыданіями; а Дюма выступаетъ законодателемъ, исповѣдникомъ, наставникомъ душъ. Рассказываютъ, что ежедневно къ нему пріѣзжаютъ тайкомъ женщины совѣщаться, открывать ему свое сердце, какотся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, просятъ утѣшеній и совѣтовъ. Въ гостинныхъ зачастую видишь его растянувшимся въ креслѣ и окруженнымъ тройнымъ рядомъ прелестныхъ духовныхъ дочерей, вмѣстѣ съ нимъ судящихъ и рядящихъ о любви. Какъ надо любить? Какъ надо выпроваживать за дверь надоѣвшаго любовника? Какой самый вѣрный путь обратиться на путь истинный невѣрнаго мужа? Къ тому же, все это дѣлается во имя строжайшей морали. Это—первосвященникъ, врачующій больныя сердца. Такимъ образомъ, Дюма занимаетъ огромное мѣсто въ нашей эпохѣ, онъ—Сень-Венсанъ-де-Поль несчастныхъ любовницъ.

Въ цѣломъ его рѣчь встрѣтила довольно лестный пріемъ. Но дѣло въ томъ, что ожидали лучшаго. Я слышалъ, какъ двѣ дамы рѣшили, что нѣкоторыя мѣста его рѣчи плохо написаны; это сужденіе меня очень удивило. Рассчитывали на какую-то блестящую импровизацію, на нѣчто такое, что составитъ эпоху въ лѣтописяхъ академіи. Когда Дюма усѣлся, радуясь, что свалилъ бремя съ плечъ, мнѣ показалось, что маленькія, обтянутыя перчатками, ручки m-lle Круазетъ тщетно старались возбудить новый взрывъ аплодисментовъ; ничего не воспослѣдовало.

Въ теченіи пяти минутъ, большая сумятица царствовала въ залѣ. Затѣмъ у бюро г. Д'Оссонвиль принялся читать въ свою очередь. То былъ отвѣтъ новобранцу. Г. Д'Оссонвиль—бывшій дипломатъ, и академія приняла его въ качествѣ историка. Онъ дѣйствительно написалъ нѣсколько сочиненій, и изъ нихъ два главнѣйшія: *l'Histoire de la politique extérieure du gouvernement français de 1830 à 1848*, и *l'Histoire de la réunion de la Lorraine à la France*. Очень высокаго роста, очень сильный, атлетомъ выносящій свои шестьдесятъ-шесть лѣтъ, онъ одинъ изъ тѣхъ либеральныхъ дворянъ, которые въ наше время перенесли въ область политики и литературы ту воинственность, какую прежде выказывали на полѣ брани. Это весьма приличный свѣтскій господинъ, сохранившій традицію изящной рѣчи и вѣжливыхъ манеръ нашихъ отцовъ. Поэтому, контрастъ съ Дюмă былъ поразительный. Два міра сошлись лицомъ къ лицу: старая Франція—съ ея тонкой ироніей, изящной и благодушной рѣчью, ея высокоумной фамильярностью, и современная Франція—съ ея рѣзкимъ образомъ дѣйствій, съ ея лихорадочной рѣчью, ея пытливостью, ничего не падающей. Съ первыхъ словъ, произнесенныхъ г-мъ Д'Оссонвиль всѣ почувствовали, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Дюмă. Онъ спокойно сидѣлъ у бюро, разсуждая какъ въ салонѣ и какъ бы бросая публикѣ скромнымъ и любезнымъ движеніемъ руки свои фразы. Онъ улыбался, опрокидывался назадъ, велъ дружескую бесѣду. Когда готовился высказать какую-нибудь колкость, то это угадывалось по его лицу, внезапно принимавшему лукавое выраженіе. Никогда ораторъ не былъ болѣе въ своей тарелкѣ. Замѣтите при этомъ, что Д'Оссонвиль страдаетъ сильной глухотой; по этого не было замѣтно, потому что онъ какъ будто прислушивался къ собственнымъ словамъ и останавливался въ тѣ моменты, когда ему апплодировали.

Вотъ когда зрѣлище стало необыкновенно любопытнымъ. Академики, слушавшіе Дюмă, надувъ губы, точно они не довѣряли этому пришельцу,—вдругъ повеселѣли. Вѣдь теперь заговорилъ одинъ изъ ихъ братія: они признавали это по его тоненькому голосу; они наслаждались каждымъ его словомъ, какъ чопорные люди, снова очутившіеся въ семьѣ. Сама публика, очарованная любезнымъ тономъ г. Д'Оссонвиля, внимала ему съ улыбкой. И дѣйствительно, ораторъ былъ очень занимателенъ. Отвѣтъ г-ну Дюмă, сдержанный по формѣ, заключалъ самую ѣдкую критику. Ну, развѣ это не забавно? Дюмă осыпанъ почестями, Дюмă не можетъ слова сказать, чтобы цѣлый легионъ почитателей не пришелъ въ неистовый восторгъ. Дюмă желаетъ попасть въ академики, и академія принимаетъ его съ распростертыми объятіями. И вотъ, вдругъ, въ торжественный день его приѣма, когда весь интеллигентный Парижъ собрался поглядѣть, какъ его

будутъ увѣнчивать лаврами безсмертія, ему прямо въ лицо высказываютъ самое строгое сужденіе, какое только кто-либо осмѣливался произнести объ его талантѣ. Да, у г-на д'Оссонвиль хватило на это мужества. Онъ высказалъ истины, которыхъ не осмѣлился бы произнести ни одинъ изъ нашихъ журналистовъ. Эта академія, осмѣиваемая и возбуждающая насмѣшку, это собраніе инвалидовъ, вызывающее игривое настроеніе ума во всѣхъ дебютантахъ, выказала смѣлость, достойную всяческой похвалы; конечно, я не чувствую къ ней слѣпой нѣжности: она дряхла, она очень мало оказываетъ услугъ литературѣ; но я долженъ признаться, что испыталъ живѣйшую радость, найдя, что она моложе всѣхъ насъ.

Можно ли представить что-либо тоньше ироніи г. д'Оссонвиля, разсматривающаго, вслѣдъ за Дюма, вопросъ о безнравственности въ литературѣ. Дюма оправдывался слегка отъ упрека, будто онъ безнравственный писатель; онъ даже какъ будто желалъ дать понять, что его гений одинъ отвѣтственъ за смѣлости, пугающія дюжинныхъ людей. На самомъ дѣлѣ онъ не прочь былъ сохранить вокругъ чела слабый ореолъ адскаго сіянія. И вотъ, г. д'Оссонвиль говоритъ ему своимъ ласковымъ голосомъ: „Вы? безнравственны? Полноте! Вы съ полнымъ правомъ отвергаете этотъ упрекъ. На мой взглядъ вы очень нравственны, слишкомъ нравственны“. Академія находитъ Дюма слишкомъ нравственнымъ, развѣ это не прелестно? Но стбитъ привести слова самого д'Оссонвиля. „Ваши приемы такъ ловки, что вы умѣете примирить самыя противоположныя вещи. Ваши произведенія будутъ всегда наслажденіемъ для изящныхъ умовъ. Но только подражатели явятся неизбежно, и вотъ я боюсь, какъ бы кто изъ нихъ не сказалъ мнѣ, какъ въ сатирѣ Буало: „любите ли вы мораль? ее теперь всюду пихаютъ“. Я ничего не имѣю противъ морали, я даже согласенъ принимать ее въ большихъ дозахъ, но желаю, чтобы мнѣ подносили своевременно, и рассчитываю, что вы, милостивый государь, въ случаѣ надобности, за-одно со мной осудите безтолковыхъ людей, которые, подъ предлогомъ новаторства, вздумаютъ перенести проповѣдь въ театръ“. Нельзя откровеннѣе высказать правду человѣку. Всѣ слова тутъ попадаютъ въ цѣль. Замѣтите, что безтолковый новаторъ, переносащій проповѣдь въ театръ, не кто иной, какъ самъ Дюма. Намѣкъ на послѣднія его пьесы, въ особенности на *La Femme de Claude*—ясенъ. Итакъ, Дюма пришлось выслушать себя приговоръ; великій драматургъ, дерзость котораго возбуждаетъ пріятный трепетъ въ буржуазіи, преисполненъ морали! И это святая истина, и какъ нельзя лучше характеризуетъ талантъ этого писателя. Онъ составитель проповѣдей, мнимый наблюдатель, и топить въ невообрази-

мой путаницѣ философскихъ бредней тѣ немногія истины, на которыя ему случается набрести.

Есть два рода наблюдателей: одни наблюдаютъ какъ ученые, другіе—какъ медики. Первые любятъ истину; они изучаютъ человѣка во всѣхъ его даже безобразіяхъ потому, что находятъ человѣческій организмъ крайне интереснымъ; ихъ привлекаетъ опытъ; анализъ для нихъ высшее наслажденіе. Вторые—напротивъ того, охвачены страстью лечить; если они обратятъ вниманіе на какую-нибудь любопытную нравственную бодѣзнь, то лишь затѣмъ, чтобы немедленно придумать противъ ней лекарство. Въ своей торопливости они уцѣпятся за первый попавшійся діагнозъ и запутываются въ тезисахъ всякаго сорта, сыплютъ рецептами, забывая о пациентѣ изъ любви къ медицинѣ. Бальзакъ былъ однимъ изъ первыхъ, Дюма принадлежитъ ко вторымъ.

Конечно, г. д'Оссонвилъ не упрекалъ Дюма въ томъ, что онъ старается морализировать массу въ театрѣ. Но онъ очень мѣтко опредѣлилъ роль драматическаго писателя съ точки зрѣнія его вліянія на нравы. „Я не считаю, сказалъ онъ, что театръ есть школа для народнаго обученія, или наиблаготворнѣйшее мѣсто для развитія нѣкоторыхъ положеній, какъ бы ни были они нравственны, или же для проведенія иныхъ реформъ, какъ бы ни были онѣ полезны. Рискуя показаться вамъ слишкомъ неприхотливымъ, я ограничиваюсь тѣмъ, что требую отъ драматическаго писателя,—предоставляя ему, впрочемъ, совершенную свободу дѣйствія,—чтобы при выходѣ изъ театра зрители и зрительницы были лучше настроены душевно, чѣмъ при входѣ. Вотъ и вся мораль, какой я отъ него требую“. Конечно, это очень широкій взглядъ, и никто не ожидалъ столько литературнаго либерализма отъ академика.

Я приведу еще отвѣтъ на фразу Дюма о молодыхъ дѣвушкахъ, которымъ онъ воспрещаетъ входъ въ театръ, дабы имѣть возможность свободно трактовать тамъ о всякихъ предметахъ. Г. д'Оссонвилъ не настолько чопоренъ. „Что до меня касается, то я не стану отговѣтывать отцамъ семействъ возить своихъ дочерей на представленіе пьесъ Мольера, хотя онѣ и рискуютъ услышать нѣсколько безцеремонныя словечки, нынѣ изгнанныя современной чопорностью нашего языка. Я знавалъ, напротивъ того, матерей, которыя бы охотно увели своихъ дочерей изъ церкви, чтобы предохранить ихъ отъ иныхъ поученій, высказываемыхъ съ каеэдры. Какъ ни невинны и святы дорогія существа, составляющія радость и честь нашего очага, но нѣтъ нужды воспитывать ихъ въ тепличной атмосферѣ“. Это неподражаемо. Итакъ, мы видимъ теперь, что академія посылаетъ молодыхъ дѣвушекъ въ театръ, тогда какъ Дюма, самъ грозный Дюма

не желаетъ допустить ихъ туда. И замѣтите фразу: „поученія, высказываемыя съ каедръ?“ Досталось и католичеству на орѣхи.

Рѣчь г. д'Оссонвиля текла, плавная, остроумная, насмѣшливая, опровергая одно за другимъ положенія Дюма. Это неумолимая критика, которую ничто не обезоруживаетъ. Надо было слышать, какъ солидный историкъ, старинный дипломатъ Луи-Филиппа, подсмѣивается надъ авторомъ *La Dame aux camélias* по случаю его слабости къ женскому полу. Напомнивъ объ его первыхъ пьесахъ, гдѣ женщины обращались на путь истинный, усыпанный цвѣтами, онъ прибавляетъ: „кажется, что вы не долго вѣровали, что снисходительность есть наилучшее средство съ успѣхомъ довести до конца крестовый походъ, предпринятый вами противъ нарушенія супружеской вѣрности. Можно подумать, что въ настоящее время мы слышимъ негодующаго законодателя, оскорбленнаго тѣмъ, что не обращаютъ вниманія на его поученія, и рѣшающагося подкрѣпить ихъ, въ случаѣ нужды, самыми строгими наказаніями... Всѣ средства для васъ хороши, чтобы карать невѣрныхъ женъ. Пусть онѣ отнынѣ опасаются хорошенькихъ ножей съ ручкой изъ нефрита, которые валяются на письменныхъ столахъ, или пистолетовъ, которые ихъ мужья взяли пагубную привычку носить въ карманахъ, а также и ружей, новой конструкціи, забываемыхъ на дворѣ; пусть онѣ дрожать при мысли о тѣхъ усовершенствованныхъ пушкахъ, которыми вы имъ издали грозите и которыя современемъ будутъ служить орудіемъ всеобщей казни. Конечно, смѣлы будутъ тѣ, которыя не отступятъ передъ такимъ грознымъ орудіемъ нравственности“. Зала встрѣчала каждую изъ этихъ фразъ взрывомъ хохота; намѣки на развязку *Affaire Clémenceau* и *La Femme de Claude*, улавливаемые всѣми, увеселяли самихъ академиковъ.

Г. д'Оссонвиль не преминулъ высказать свое мнѣніе о странной легендѣ, рассказанной Дюма по поводу Сида. Дивовинная щепетильность Ришлье, осуждающаго Родрига за то, что онъ испанецъ, вызвала въ немъ улыбку, какъ не совсѣмъ удачная выдержка драматическаго автора. Исторія отнюдь не подтверждаетъ этой новой редакціи ссоры, оставшейся знаменитой. Между прочимъ, онъ забавно воскликнулъ: «что вамъ сдѣлала Шижена Корнеля?» Десятью строками выше онъ обвинялъ Дюма въ томъ, что онъ не въ состояніи оставаться хладнокровнымъ съ женщинами. Онъ какъ будто желалъ ему дать понять, что ему извѣстна его роль дамскаго утѣшителя. Онъ намекаетъ ему, что онъ черезчуръ много занимается ими, что онѣ кружатъ ему голову, что онѣ постоянно держатъ его въ состояніи возбужденія, нѣжнаго или гнѣвнаго, лишающаго его яснаго пониманія вещей. Все это очень справедливо и выражено съ

такимъ тактомъ, что нельзя разсердиться. Онъ кончаетъ слѣдующими словами: «возвышенная любовь порождаетъ возвышенныя чувства. Вотъ почему не будьте слишкомъ строги къ Шименамъ, если, паче чаянія, встрѣтите таковыхъ на своемъ пути. Вы не только доставили бы намъ живѣйшее удовольствіе, но и оказали бы большую услугу, еслибы дали намъ случай рукоплескать на сценѣ личностямъ, которыя бы хотя немного ихъ напоминали. Это усиліе достойно вашего таланта». Такимъ образомъ, урокъ патриотизма, который Дюма хотѣлъ дать Корнелю, обращенъ былъ въ чисто литературный урокъ, данный ему самому.

Успѣхъ г. д'Оссонвиля былъ полный. Его собраты академики не пропускали ни одного замѣчанія, не подчеркнувъ его. Я читалъ на улыбающихся лицахъ „безсмертныхъ“, разбитыхъ старостью, все удовольствіе, какое имъ доставляла эта остроумная бесѣда. Иные раскрывали беззубые рты, смѣявшіеся точно заржавленный шалнеръ. У другихъ изъ-подъ густыхъ бровей сверкали невыразимымъ лукавствомъ маленькіе глазки. Публика, въ особенности дамы, рукоплескала г. д'Оссонвилю, какъ рукоплескала Дюма, но только громче.

И порою всѣ глаза обращались на послѣдняго, чтобы видѣть, какое у него выраженіе. Онъ чувствовалъ на себѣ эти любопытные взоры, слѣдившіе за малѣйшими измѣненіями его фізіономіи, и мужественно переносилъ ѣдкія эпиграммы, дождемъ сыпавшіяся на него. Онъ ухитрялся даже улыбаться, когда вся зала смѣялась. Словомъ, онъ велъ себя очень храбро. Но я полагаю, однако, что онъ долженъ былъ почувствовать большое облегченіе, когда г. д'Оссонвиль положилъ на бюро послѣдніе листки своей рѣчи.

Затѣмъ публика начала расходиться среди невыразимой суматохи. Академики ушли, какъ и пришли, черезъ боковую дверь, толкаясь точно стадо, толпящееся у входа въ хлѣвъ. Рѣшительно, академическій Олимпъ не имѣетъ въ себѣ ровно ничего внушительнаго; что касается толпы, то она расходилась съ добрую четверть часа. На набережной, напротивъ моста *des Arts*, образовались группы любопытныхъ, ожидавшихъ выхода значительныхъ лицъ. Публика раскланивалась съ герцогомъ Омальскимъ. Академики уходили попарно, съ видомъ добрыхъ буржуа, съ радостью возвращающихся во-свояся. Дюма проѣхалъ въ каретѣ, съ своими двумя крестными отцами, Легуве и Камилемъ Дусэ: всѣмъ троимъ, казалось, было очень неловко въ ихъ зеленыхъ мундирахъ; прошелъ часъ, а зѣваки все еще толпились, даромъ что двери академіи были уже давно закрыты.

Я же, съ головой, отуманенной трехчасовымъ чтеніемъ рѣчей, съ разбитыми боками отъ сосѣдства толстой барыни, которая все время полу-лежала на мнѣ, тихо пошелъ вдоль набережной. Я не знаю бо-

лѣе прелестной прогулки. Набережная широка, воздухъ на ней свѣжій, широкіе тротуары почти пусты, и можно быть увѣреннымъ, что въ будни васъ тамъ не затолкаютъ. Надъ головой раскидывается небо съ одного края горизонта до другого. Внизу течетъ Сена, вся зеленая, и живетъ рѣчной жизнью съ плотами для прачекъ, прикрѣпленными у берега, съ барками, которыя поднимаются на буксирѣ, гонками плавучаго лѣса, спускающимися внизъ по теченію: люди, стоя на нихъ, управляютъ ими съ помощью длинныхъ шестовъ. Это самый оживленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый пустынный кварталъ Парижа. Я знавалъ поэтовъ, которые сочиняли на его широкихъ тротуарахъ поэмы въ три тысячи стиховъ!

Я размышлялъ обо всемъ, что слышалъ. Убийственная, право, вещь въ литературѣ—правда. У писателей нѣтъ увѣренности математиковъ. Когда говорятъ: „дважды два—четыре“, то совершенно всѣ увѣрены въ истинности этого, и могутъ спать спокойно. Но въ литературѣ есть всегда мѣсто сомнѣнію. Школы возникаютъ одна возлѣ другой, и бросаютъ другъ другу въ лицо свои системы. Классики, романтики, реалисты кричатъ, что талантъ, правда, слогъ на ихъ сторонѣ; и бывають минуты, когда голова идетъ кругомъ. Въ сущности, единственнымъ вѣрнымъ основаніемъ можетъ служить одна природа; можно, не опасаясь ошибиться, взять ее за общее мѣрило. Сравнивать произведеніе съ жизнью, изслѣдовать, вѣрно ли оно передаетъ дѣйствительность—вотъ первый и легкій приемъ, устанавливающий общую исходную точку для всѣхъ произведеній. Но этого очевидно недостаточно; какъ разъ дойдешь до того, что станешь требовать фотографій, и самымъ прекраснымъ произведеніемъ сочтешь наиболее точное, что не всегда бываетъ справедливо. Надо, слѣдовательно, ввести человѣческій элементъ, который сразу расширяетъ задачу и дѣлаетъ рѣшенія столь же разнообразными, столь же безчисленными, сколь разнообразны умы людей. Я охотно выскажу слѣдующее опредѣленіе литературнаго произведенія: „литературное произведеніе есть уголокъ природы, усмотрѣнный сквозь темпераментъ“ (*une oeuvre est un coin de la nature vu à travers un tempérament*). Конечно, при этомъ все-таки далеко до математической точности, но приобретается орудіе для критики, могущее оказать большія услуги, не давая заблудиться въ предвзятыхъ фантазіяхъ.

Я зачастую прибѣгалъ къ этому орудію. Управлять имъ легко. Имѣя передъ собой какое-нибудь произведеніе, достаточно сначала рѣшить, насколько оно реально; затѣмъ, не произнеся еще своего сужденія, перейти къ изученію темперамента, который могъ вызвать въ произведеніи отклоненія отъ истины, замѣчаемыя въ немъ. Зачастую эти отклоненія придаютъ произведенію удивительную прелесть.

Большая или меньшая точность не важна. Надо лишь, чтобы зрѣлище писателя въ борьбѣ съ природой носило возвышенный характеръ; интенсивность, съ какою она рисуется ему, мощь, съ какою онъ формируетъ ее, чтобы умѣстить въ начертанныя имъ рамки, словомъ, печать,—какую онъ оставляетъ на всемъ, до чего ни притрагивается,—вотъ въ чемъ заключается человѣческое творчество, истинная печать гения. Во Франціи у насъ есть великій поэтъ, Викторъ Гюго, который вмѣстѣ съ тѣмъ самый искаженный и самый широкій умъ, какой только существуетъ. Онъ наноситъ такіе жестокие удары кулакомъ природѣ, что она выходитъ изъ его рукъ колоссальной и горбатой, но одушевленной удивительною, лихорадочной жизнью. Нашъ знаменитый живописецъ Делакруа точно также видѣлъ природу окрашенною главнымъ образомъ тремя цвѣтами: краснымъ, зеленымъ, желтымъ, придававшими его картинамъ льстивый и чрезвычайный блескъ. Я хочу пояснить этими примѣрами, что одинъ реализмъ меня не соблазняетъ, что я въ особенности интересуюсь человѣческимъ творчествомъ, тѣмъ, что человѣкъ прибавляетъ къ природѣ, чтобы заново воспроизвести ее по законамъ личныхъ впечатлѣній. И даже это самое разнообразіе толкованій и придаетъ неувядающую прелесть произведеніямъ воображенія. Литературныя творенія создаются изъ вѣка въ вѣкъ, и вѣчно новы, и цвѣтутъ тѣмъ роскошнѣе, чѣмъ глубже преобразовываются общества.

Если приложить къ произведеніямъ Дюма ту формулу: „литературное произведеніе есть уголокъ природы, усмотрѣнный съвозъ темпераментъ“, то прежде всего замѣтишь, что дѣйствительность занимаетъ въ нихъ далеко не столь обширное мѣсто, какъ это можно было бы подумать на первый взглядъ. Конечно, сюжеты ихъ современны, лица всѣ принадлежатъ къ современной средѣ. Но они дѣйствуютъ въ очень узкой рамкѣ, и авторъ не разстается съ извѣстнымъ міромъ и извѣстными типами. Онъ постоянно воспроизводитъ однѣ и тѣ же картины. Тщетно стали бы вы искать въ его комедіяхъ живыхъ, оригинальныхъ, художественныхъ типовъ. Единственное лицо этого рода, какое онъ пытался вывести, это m-me Гишаръ въ *Monsieur Alphonse*, вызывавшая такой гомерическій хохотъ въ публикѣ на первомъ представленіи. Словомъ, онъ не изслѣдуетъ съ любознательностью человѣческую природу, изучая ее сегодня въ какой-нибудь графинѣ, завтра въ какомъ-нибудь ремесленникѣ, на слѣдующій день въ какомъ-нибудь подозрительномъ кварталѣ въ средѣ публичныхъ женщинъ или воровъ. Все, что имъ написано, могло происходить въ одномъ и томъ же салонѣ, съ одними и тѣми же креслами, вытянутыми вдоль стѣны, и тѣми же часами на каминѣ. Я, впрочемъ, не упрекаю его за эту простоту, за это однообразіе

рамокъ; болѣе великіе, чѣмъ онъ, писатели вмѣщали мастерскія произведенія въ такія же узкія рамки. Достаточно было бы, еслибы онъ надѣлялъ своихъ дѣйствующихъ лицъ формой и красками живыхъ людей. Но, вотъ, тутъ-то и обнаруживается его безсиліе быть реальнымъ. Не только его область ограничена, смутна, неопредѣленна, витаетъ на рубежѣ всѣхъ міровъ, но еще и существа, выводимыя имъ на сцену, живутъ чисто искусственной жизнью. Нѣтъ ничего живого въ этихъ личностяхъ. Женщины его всѣ или безусловно хороши, или безусловно дурны, и отличаются угловатостью силлогизмовъ. Мужья его доводятъ или самопожертвованіе до глупости, или мщеніе до безумія. Дѣти его говорятъ языкомъ взрослыхъ; второстепенныя лица проходятъ по сценѣ точно простыя, необходимыя машины. Никогда не проявится у него увлеченіе, жаръ. Зритель окунается съ головой въ разсужденія. Всѣ эти лица просто на просто аргументы, долженствующіе подкрѣплять общую идею, и не уклоняющіеся ни на шагъ отъ пути, по которому имъ предписано шествовать. Позади нихъ постоянно сознаешь его присутствіе. Дюма не дремлетъ, и держитъ своихъ лицъ за веревочки, какъ маріонетокъ. Онъ двигаетъ ихъ руками, ногами, головой; онъ до такой степени отождествляется съ ними, что всѣ они говорятъ его языкомъ, его тономъ и непрерывно воспроизводятъ направленіе его ума. Дюма изображаетъ намъ не уголокъ обыкновенной природы; онъ изображаетъ намъ философскій карнавалъ, въ которомъ мы видимъ, какъ прыгаютъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ маленькихъ Дюма, переряженныхъ въ мужчинъ, женщинъ, дѣтей въ парикахъ всѣхъ возрастовъ и сословій.

Перехожу ко второму критическому приему. Не бѣда, если писатель измѣняетъ дѣйствительность, отмѣчаетъ ее своей творческой фантазіей, если онъ даетъ ее намъ пропитанной его личнымъ гениемъ. Въ этомъ отношеніи у Дюма насъ ожидаетъ новое разочарованіе. Говоря о произведеніяхъ Мольера, называютъ: Тартюфа, Альсеста, Агнесу. Говоря о герояхъ Бальзака, называютъ: Гюло, Грандѣ, Горіо, m-me Марнефъ. Бомарше далъ Фигаро, а аббатъ Прево—Манону. Всѣ эти писатели создавали людей, жившихъ индивидуальной жизнью, и существованіе ихъ ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія. Они подбирали грязь съ большихъ дорогъ; они творили существа по своему образу и подобию, и вдохнули въ нихъ душу живую. Этого было достаточно, чтобы оживить матерію. Вотъ, объ этой-то печати генія я и говорю, объ этомъ человѣческомъ элементѣ, который мощные таланты придаютъ своимъ произведеніямъ и такимъ образомъ дѣлаютъ ихъ реальными. Но пусть мнѣ назовутъ какое-нибудь дѣйствующее лицо въ произведеніяхъ Дюма, при чемъ имени въ па-

мяти всталъ бы живой образъ. Имена этихъ лицъ даже не приходятъ на память. Одна „дама съ камеліями“ сохранилась, да и то надо поломать голову, чтобы припомнить, что ее звали: Маргарита Готье. Такимъ образомъ, всё созданія этого драматическаго писателя не что иное, какъ сѣрая фреска, съ полинялыми лицами; ни одна физиономія не выдѣляется на общемъ фонѣ. Подумаешь, что это какая-то процессія мертворожденныхъ, однообразныхъ тѣней, едва замѣтныхъ подъ прямыми складками ихъ однообразныхъ одѣяній. Когда говорятъ о *Demi-Monde, chef-d'oeuvre*’ѣ Дюма, то называютъ еще баронессу д’Анжъ, но не потому, чтобы она была очень рельефно изображена авторомъ, а потому, что она олицетворялась автрисами, игра которыхъ каждому памятна. Но никакихъ другихъ лицъ не называютъ; мужчины въ особенности исчезаютъ въ туманѣ. Самые имена ихъ кажутся сбивчивыми и ничего не говорятъ. То же самое можно сказать о всѣхъ другихъ комедіяхъ: ни одна не дала настоящаго типа, живого имени, за которымъ бы скрывалось живое лицо. Это знаменательно и доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что Дюма не художникъ, но резонеръ. Его отецъ, старшій Дюма, — хотя нынѣ и считаютъ, что онъ уступалъ сыну по слогу и литературной концепціи, — владѣлъ, напротивъ, творческой фантазіей, создавшей д’Артаньяновъ, Бюридановъ, Монте-Кристо, этихъ колоссовъ воображенія, поступъ и лица которыхъ признаешь на улицѣ. Онъ же, сынъ его, не что иное, какъ мозгъ, отуманенный философскимъ дымомъ. Въ томъ маленькомъ, истинно реальномъ уголку, гдѣ онъ вращается, онъ не оживляетъ и не одушевляетъ того, до чего касается.

Я боюсь однако, не слишкомъ ли я строгъ, желая быть только справедливымъ; я нѣсколько разъ потому провѣрялъ свое сужденіе, употребилъ даже новый критическій приѣмъ, и все это съ тою цѣлью, чтобы лучше доказать себѣ, что я судилъ о Дюма безпристрастно. Я, именно, упрекаю его въ томъ, что онъ всегда ограничивается разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ социальныхъ вопросовъ, напр., прелюбодѣяніемъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Зачѣмъ онъ отказался отъ изученія великой человѣческой драмы; онъ интересуется лишь половой распрей между мужчиной и женщиной, да и это бы еще не бѣда, еслибы онъ относился къ ней какъ изслѣдователь, но онъ вноситъ и въ нее вѣчную озабоченность моралиста, и она-то чаще всего искажаетъ его наблюденія. Онъ не поступаетъ такъ, какъ Мольеръ, изображавшій и пороки, и смѣшныя стороны людей, не заботясь о нравоученіи, но заботясь лишь о томъ, чтобы изобразить правдиво. Дюма ни въ грошъ не ставитъ правду, или во всякомъ случаѣ выставляетъ намъ въ первомъ дѣйствіи порочныхъ или слабыхъ людей лишь затѣмъ, чтобы прочесть имъ нравоученія и обратить на путь истинный при развязкѣ. Опасность, угрожающая

нашему театру, велика. Дюма царить въ немъ безусловно въ настоящую минуту, и подражатели не замедлятъ явиться, какъ замѣтилъ г. д'Оссонвиль. Тогда у насъ создастся драматическая литература непомѣрно скучная, хотя и преисполненная добрыхъ намѣреній. Современное орудіе, анализъ, превратится въ кропило. Обязательную женитьбу послѣднаго акта замѣнить расправа съ героями комедіи, и добродѣтельные изъ нихъ будутъ награждены, а порочные низвергнуты въ адскіе котлы. Чтобы избѣжать этого нестерпимаго рода необходимо вернуться къ первобытнымъ источникамъ, къ изученію природы такой, какова она есть, къ человѣческой драмѣ, къ оригинальному изображенію обширной вселенной. Мольеры! вотъ великій предокъ, долженствующій насъ спасти отъ проповѣдей Дюма...

И вотъ, медленно шагая по улицамъ, осаждаемый всѣми этими мыслями, я дошелъ до моста Инвалидовъ... Нѣтъ, повторилъ я себѣ еще разъ, я не былъ слишкомъ строгъ! Сомнѣніе, проснувшееся было на минуту въ моемъ умѣ, то литературное сомнѣніе, глухая работа котораго въ иныя минуты совершенно отуманиваетъ голову и лишаетъ способности рассуждать, мало-по-малу разсѣялось, уступивъ мѣсто большей ясности представленія. Предо мною предсталъ Дюма внѣ всякаго академическаго торжества, безъ зеленого мундира, безъ „безсмертія“; онъ не ораторствовалъ предъ улыбающейся толпой. У него не было блѣднаго чела торжествующаго триумфатора, задыхающагося отъ волненія...

И онъ всегда былъ именно такимъ, какъ я его теперь себѣ представляю: весьма большой талантъ,—это несомнѣнно, но значеніе его все-таки преувеличенно: оно занимаетъ втрое больше мѣста, нежели сколько можетъ покрыть собою. Говоря о немъ такъ, я былъ только справедливъ. Я повернулъ домой по набережной, и успокоился совсѣмъ. Въ воздухѣ было очень тепло; сумерки сгущались надъ землею, а въ небѣ еще было ясно; внизу, по самой серединѣ Сены, огромная барка, чрезъ мѣру нагруженная каменнымъ углемъ, тяжело дремала, покоясь на чернѣющей зыби рѣки...

Парижъ.—10/22 февраля, 1875.

Э.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 20-го января 1875 г.

- 1) Выдано 300 руб. семейству писателя, находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи, и 50 руб.—престарѣлой дочери покойнаго писателя.
- 2) За силою § 5 устава, отклонено ходатайство одного лица.
- 3) Выслано 150 руб. стипендіату Е. П. Ковалевскаго.
- 4) Изъявлена благодарность Общества А. Б., доставившему, чрезъ редакцію „Вѣстника Европы“, гонорара 50 рублей, и бывшей редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за ея пожертвованія.

Отчетъ казначея за январь.

Къ 1-му января въ кассѣ было: 58,426 руб. 47 коп.; поступило: 1,195 р., а именно: взносы 48 членовъ 935 р.; едиповременно 50 р.; пожаловано государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и государынею великою княгинею Александрою Іосифовною 100 руб.; процентныя деньги отъ бывшей редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 100 руб.; изъ библіотеки чиновниковъ туркестанской контрольной палаты 10 р. Израсходовано 1,070 р., въ томъ числѣ: на пенсіи пяти лицамъ 470 р.; на единовременныя пособія 350 руб., на стипендіи 250 руб.—Къ 1-му февраля въ кассѣ 5,855 р. 47 коп.

Въ бывшемъ 2-го февраля 1875 г. годовомъ собраніи избраны: предсѣдателемъ Общества Викторъ Павловичъ Гаевскій (Литейная, д. Пеля), помощникомъ предсѣдателя Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (Литейная, д. Краевскаго), секретаремъ Петръ Александровичъ Ефремовъ (Лиговка, 25), казначеемъ Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ (Ивановская, д. Матушевича) и членами комитета: Андрей Александровичъ Краевскій, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и Николай Степановичъ Таганцевъ.

Въ то же собраніе выбраны въ члены Общества: Л. И. Буймистровъ, Эм. А. Капнисть, А. Н. Якоби, Г. В. Бардовскій, Н. А. Трахимовскій, В. А. Бильбасовъ, Т. Д. Андреевъ, К. Ѳ. Островидовъ, Н. В. Альбертини, Н. С. Кутейниковъ и П. А. Капнисть.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Василій Андреевичъ Жуковский. Русская Библиотечка, томъ IV. Спб. 1875. Стр. 46 + 365. Цѣна 75 к.

Новый выпускъ „Русской Библиотечки“, издаваемой въ прошедшемъ году избранными сочиненіями Пушкина, Лермонтова и Гоголя (по общедоступной цѣнѣ, 75 коп. за томъ), посвященъ Жуковскому. Подобно предыдущимъ выпускамъ, послѣдній снабженъ портретомъ поэта, по оригиналу Киреевскаго, биографіею, составленною по Зейланду, и извлеченіемъ изъ Вѣдлинскаго о поэзіи Жуковскаго. Почти все, что составляетъ истинную поэтическую славу Жуковскаго, вошло въ настоящій томъ, по большей части цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ значительными отрывками, представляющими по себѣ нѣчто цѣлое. Такъ, изъ „Удлинъ“ изято 9 главъ; изъ „Одиссея“—9-я пѣсня; изъ „Рустема“—цѣлая глава. Всѣ сказки помѣщены цѣликомъ. Въ заключеніе первой серіи „Р. Б.“ остается Грибоедовъ, сочиненія котораго займутъ пять томъ, находящійся въ печати.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, пр. Спб. Унив. Томъ I: О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 436. Ц. 2 р. 50 к.

Полное отсутствіе какого-нибудь законченнаго пособия по столь важному предмету, какъ наука государственнаго права, обращаетъ особенное вниманіе на обширный, предпринимаемый трудъ пр. Градовскаго. Отложивъ теорію государства и государственное право европейскихъ державъ въ заключеніе своего изданія, авторъ началъ съ отечественнаго права, и подраздѣливъ изложеніе его на два отдѣла: ученіе о государственномъ устройствѣ и объ органахъ управленія. Въ настоящую минуту предъ нами весьма обстоятельное и подробное выполненіе перваго отдѣла, въ которомъ дано обширное развитіе и главное мѣсто ученію о законѣ, такъ какъ, по идеѣ автора, „ученіемъ о законѣ опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства“. Затѣмъ слѣдуетъ особо разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ верховной власти и подданству. Разъясненіемъ положенія инородцевъ и иностранцевъ заключается первый томъ. Текстъ весьма богатъ снабженъ указами на источники и пособия.

Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ 2-хъ частяхъ. Состав. Н. Санденцовъ, преподав. сценич. искусства въ имп. театр. училищѣ. Спб. 1874.

Указываемъ на эту книгу, какъ на первую попытку изложить въ системѣ тѣ правила и условія, которымъ подчиняють въ школѣ сценическое искусство. Это, такъ сказать, театральная риторика и пѣтушка; польза ея преподаванія можетъ быть потому весьма спорною, и едвали кто-нибудь, прочтя въ этомъ руководствѣ теорію жестикаціи и мимики въ связи съ характеристикою страстей и душевныхъ болѣзней, а равно теорію декламации, сдѣлается хорошимъ актеромъ. Вторая часть книги—хрестоматія—представляетъ единственный у насъ и дѣйствительно весьма полезный сборникъ сценическихъ упражненій.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. I. Введеніе: города Россіи въ XVIII столѣтія. И. Дитяткина. Спб. 1875. Стр. 507. 2 р. 80 к.

историческую судьбу западно-европейскихъ городовъ, и затѣмъ, посвятивъ небольшую главу исторіи русскаго города до Петра Великаго, приступаетъ къ разработкѣ главнѣйшей темѣ, а именно, двумъ капитальнымъ городскимъ реформамъ прошедшаго столѣтія, при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II. Первый томъ останавливается на жалованной грамотѣ городамъ 1785 года. Въ результатѣ изслѣдованія автора оказывается въ томъ, что сначала государство употребило всѣ усилія на уничтоженіе городской общины, а съ половины прошедшаго вѣка оно же устремляется къ тому, чтобы возвратитъ ее къ жизни. Слѣдующая часть труда будетъ посвящена исторіи города въ текущемъ столѣтіи.

Астрономическій атласъ Веггиса, профессора унив. и директ. Лейциг. Обсерваторіи. Второе изданіе. Перев. Е. А. Сисоевой, подъ ред. Р. Н. Гришанина. Съ 12 таблицами. Спб. 1875. Ц. 3 руб.

Карты атласа превосходно выполнены гравицею, у извѣстнаго Брокгауза, и обнимаютъ собою задачи сферической, теоретической и практической астрономіи. Имя автора ругается воплѣтъ за достоинство текста къ атласу и пригодность многочисленныхъ таблицъ и каталоговъ, приложенныхъ къ тексту. Въ каталогѣ туманностей и звѣздныхъ кучъ помѣщены ярмыя восхожденія (AR) и склоненія (δ) въ текущемъ 1875 году.

Русскія рабачія у сѣверо-американскаго плантатора. Воспоминанія, очерки и замѣтки. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 448. Ц. 2 р.

Нашимъ читателямъ знакомы эти воспоминанія по отдѣльнымъ статьямъ, печатавшимся въ журналѣ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ, появившихся въ послѣднее время книгъ въ этомъ родѣ, именно тѣмъ, что авторъ провѣлъ свое время въ Америкѣ не въ путешествіяхъ, а въ постоянной работѣ, то на фабрикахъ, то на фермахъ, и если посѣщалъ нѣсколько разъ Индианскія Территоріи, то опять съ торговою цѣлью, какъ служащій, иногда компаньонъ различныхъ предпринимателей. Появившееся теперь отдѣльное изданіе дополнено новою главою, содержащею въ себѣ рассказы объ одномъ изъ такихъ коммерческихъ странствованій по дальнему западу съ торговцами скотомъ.

Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С.—вой. Спб. 1875. Стр. 349. Ц. 1 р. 50 к.

Мы затруднились бы сказать, кого авторъ могъ расчитывать имѣть своимъ читателемъ: это—исторія дѣвочки-сироты, до 9-ти-лѣтняго ея возраста; но книга вовсе не для дѣтскаго чтенія, уже по одному тому, что обширность ея не искупается интересомъ; взрослому читателю также трудно рекомендовать эти наивные рассказы, заключающіеся весьма ходячею моралью: „Богъ бережетъ лучше людей“, и рядомъ съ которою существуютъ и другая мораль, не менѣе справедливая: „береженого и Богъ бережетъ“. Авторъ, повидимому, имѣлъ почтенную задачу—поставить на сцену одинъ дѣтскій міръ, съ его маленькими радостями и печальми; но не вполнѣ справился съ своею задачею, такъ какъ онъ ограничился фотографіей, не осмысливъ этого міра маленькихъ людей, будущихъ дѣйствующихъ въ будущей своей сценѣ.

Съ 1-го марта 1875 г.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе въ С.-Петербургѣ:	{ 15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные въ Москвѣ и губерніи:	{ 17 р. съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.
Иностранные:	{ Германия и Австрія—19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—20 р.; Франція и Давія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италія—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 рублей.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ общою уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{ Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Чересовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 27.	Москва	{ Соловьевъ, Страстн. Бульв. Центр. Книжн. магаз., Слав. Базаръ. Одесса . : Чересовъ, Преображ. ул. Харьковъ: Чересовъ, Москов. ул., 6.
---------------	---	--------	--

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ адреса* просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

ГОДЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ второй: 1873-74 гг. Стр. 746. Въ трехъ частяхъ, съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1874 г. Стр. 746+89.

Цѣна: ДВА рубля съ пересылкою.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Спб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

Ы

КННУ

С.И.

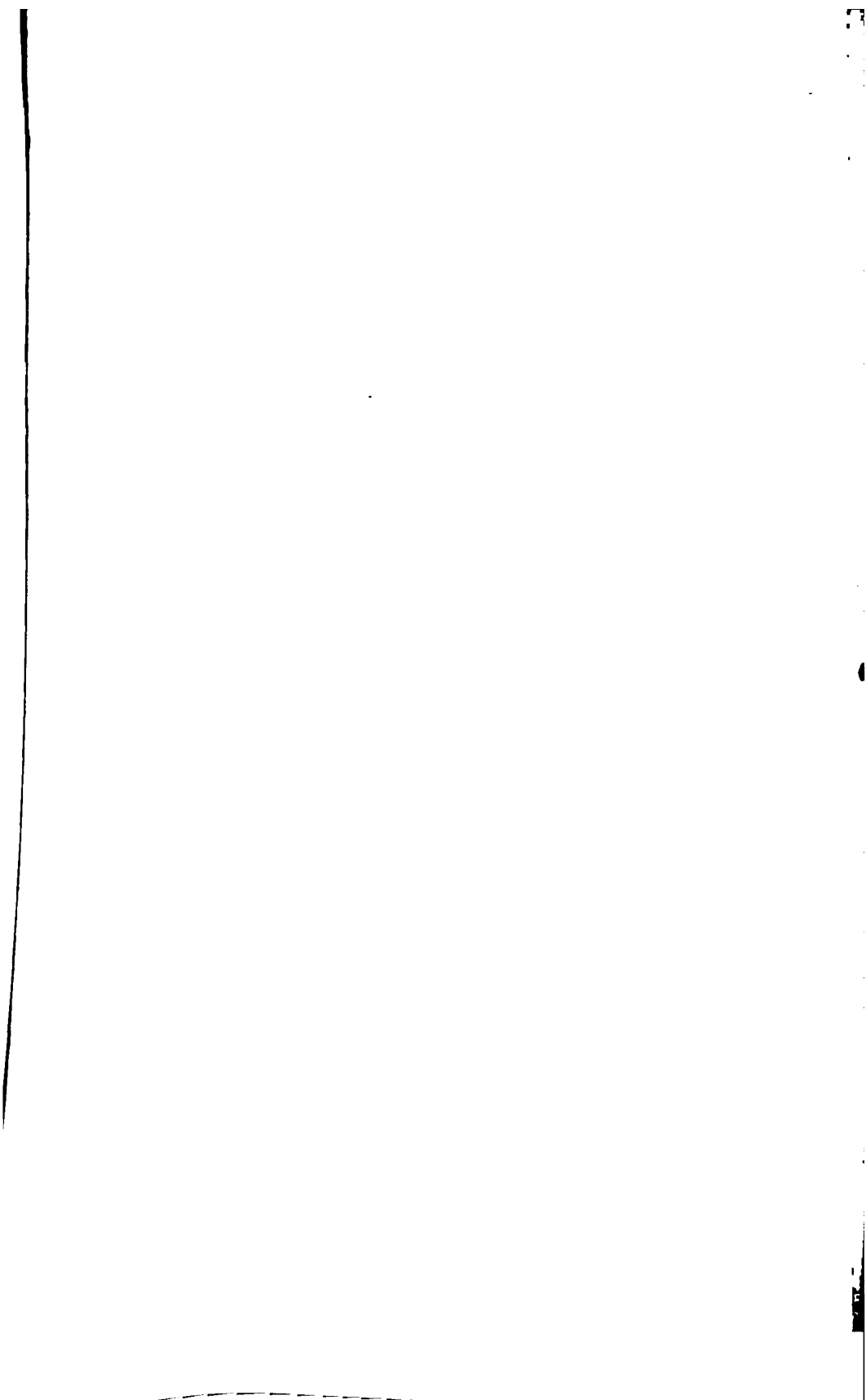
Пр-
21 р-
мн-
Ане

70

Л.В.
Л.В.

Л.
. 6

му
но-
ро-
ро-
к
к
ю-
и
к
в
е

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

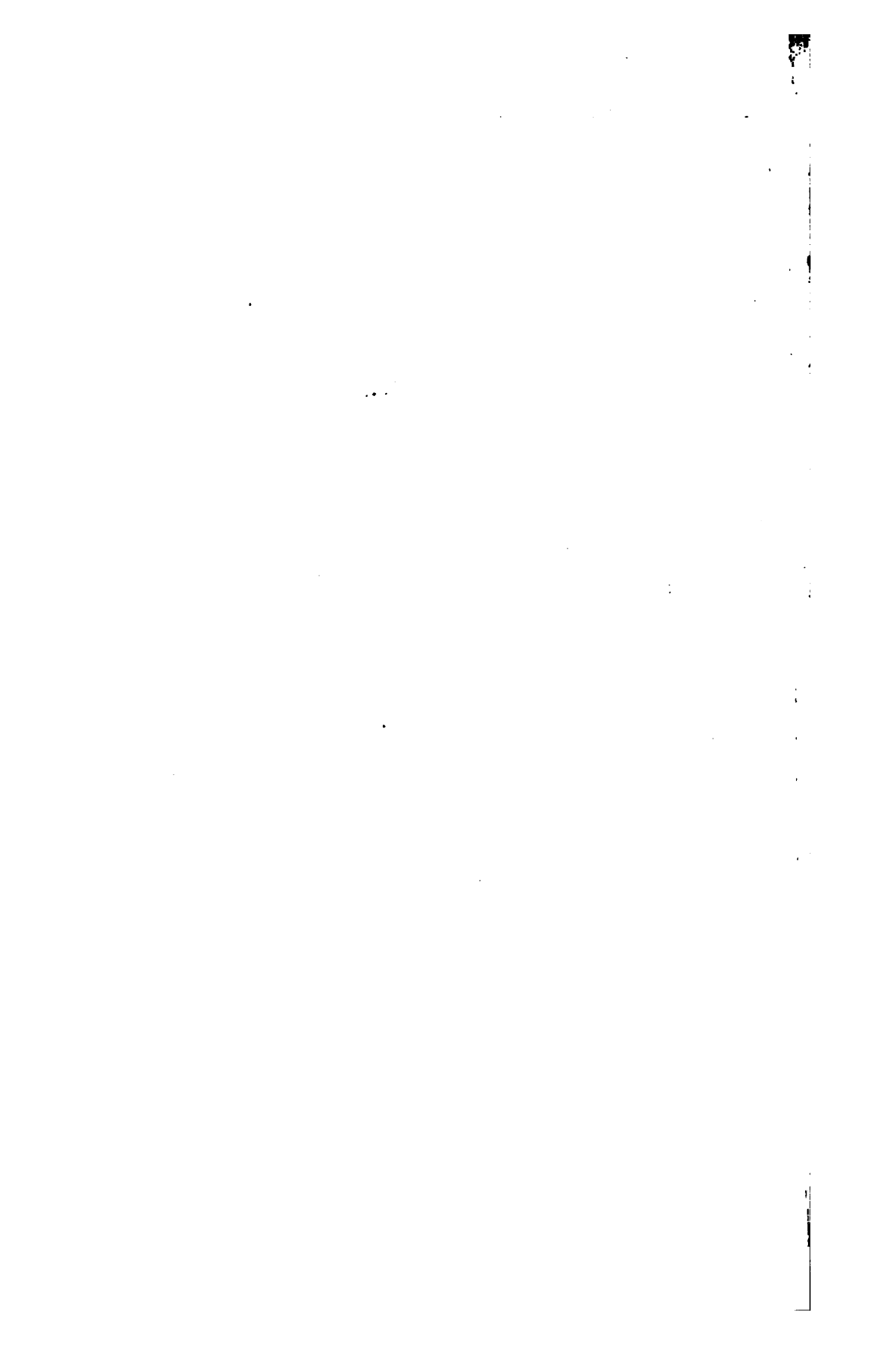
A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 16 '62 H

STALL-STUDY

CHAS. H. ...

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 16 62H

STALL-STUDY

C. 11. 11. 11. 11. 11.